

ТАИНЫ

Вып. XX

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?

ИСТОРИИ

в реальных, известных и забытых

И

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?

Сборник статей,
материалов
и документов

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999

УДК 947
ББК 63.3 (2)
Б95

Редактор-составитель
доктор исторических наук
Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

**Были ли Сталин агентом Охранки? / Вступ. ст.
Б95 Ю. Фельштинского. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб,
1999. — 480 с. — (Тайны истории в романах, повестях
и документах).**

ISBN 5-300-02417-1

Личность Иосифа Виссарионовича Сталина до сих пор оценивается историками неоднозначно, и вопрос, был ли Иосиф Сталин агентом Охранки, так и остался открытым. В сборник вошли важнейшие материалы — письма, статьи, документы и др., — посвященные теме провокаторства Сталина.

**УДК 947
ББК 63.3(2)**

ISBN 5-300-02417-1

© Ю. Фельштинский, составление, 1999
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

Будем откровенны. Ничто не предвещало, что Джугашвили войдет в историю. Иосиф Виссарионович родился в 1879 году в Гори, в семье сапожника, видимо, сильно пьющего, и прачки. Особые медицинские приметы Сталина: с рождения — два сросшихся пальца ноги, с детства — «сухая» левая рука. До 11 лет не говорил по-русски. В 1894 году окончил Горийскую церковно-приходскую школу. Поступил в Тифлисскую православную семинарию. С 1898 года — участник первой грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси» («Третья группа»). В 1899-м исключен из семинарии по одним сведениям — за революционную деятельность, по другим — за неявку на экзамен.

В 1901—1902 годах — член Тифлисского и Батумского комитетов РСДРП. После состоявшегося в РСДРП в 1903 году раскола первое время стоял на меньшевистских позициях, затем на большевистских. Участник Первой (Таммерфорсской) конференции РСДРП, проходившей 12—17 (25—30) декабря 1905 года в Таммерфорсе (шведское название города Тампере). В 1906—1907 годах руководит проведением экспроприаций (добычей для партии денег нелегальными и незаконными способами) в Закавказье, в том числе знаменитой экспроприации в Тифлисе в июне 1907 года. В те же годы — делегат IV съезда РСДРП. В 1907—1908 годах — член Бакинского комитета РСДРП. Несколько раз арестовывался, ссылался, но вскоре выходил на свободу или легко бежал, давая основания подозревать себя в сотрудничестве с полицией.

Сегодня вопрос о «провокаторстве» Сталина можно считать академическим. Но вскоре после XX съезда партии, подвергнувшего критике культ личности, многочисленные коммунисты, антикоммунисты, социалисты и либералы пытались объяснить необъяснимое: партийные чистки 1930-х годов и всенародный террор. В те годы академический вопрос: а был ли Сталин агентом Охранки? — вызывал самый живой интерес, так как «многое объяснял». Про архивы Охранного отделения было известно, пожалуй, только то, что они частично сгорели. Еще 17 марта 1917 года газета «Вечернее время» в статье «Дела Охранного отделения» писала:

«Как известно, приказом № 1 министра юстиции А. Ф. Керенского, академику П. А. Котляревскому было предписано вывезти все дела департамента полиции в помещение Академии наук.

П. А. Котляревским вывезена большая часть дел. К сожалению, дела Охранного отделения, помещавшиеся на Мытнинской набережной, почти все сгорели или уничтожены толпой. Точно так же в значительной степени уничтожены так называемые новые дела Охранного отделения, помещавшегося на Пантелеймоновской улице. Зато почти вовсе не пострадали дела так называемого бывшего третьего отделения, сохранившиеся в папках и не тронутые толпой. Дела эти, представляющие огромный интерес, перевозятся в Академию наук. Ввиду недостаточности помещения Академии наук П. А. Котляревский распорядился о том, чтобы часть дел, преимущественно новые дела, собранные в помещении Охранного отделения на Пантелеймоновской, были вывезены в Петропавловскую крепость. По распоряжению местного комиссариата, у здания департамента полиции и Охранного отделения на Пантелеймоновской выставлен особый караул.

Для разборки дел, вывезенных из департамента полиции и Охранного отделения, по желанию А. Ф. Керенского, будет назначена особая комиссия».

Если свидетельство генерала Спиридовича¹ о том, что из десяти революционеров с Охраной сотрудничало девять, не преувеличение, понятно, что в работе Комиссии было не заинтересовано достаточно большое число людей. Большевистский переворот был не единственной причиной отсутствия интереса к публикации списков «агентов-provокаторов» (секретных сотрудников Охраны). Семитомник «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», опубликованный в двадцатые годы, стал буквально единственным серьезным изданием на эту тему, хотя, по свидетельству директора ЦГАОР СССР Б. И. Каптелова и заведующей отделом документов ГАФ СССР З. И. Перегудовой, активная работа по выявлению бывших сотрудников Охраны велась вплоть до 1941 года².

Слухи о сотрудничестве Сталина с Охраной ходили давно, но относились главным образом к делу об аресте К. Цинцадзе и С. Шаумяна, на которых донес, как предполагали, Сталин³. По воспоминаниям Доментия Вадачкории, из кутаисской ссылки Сталин бежал с удостоверением агента Охранного отделения. Разумеется, Вадачкория считал, что удостоверение «агента» бы-

¹ См. его письмо, публикуемое в этом сборнике.

² Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 90—92.

³ См. *Авторханов А.* Происхождение партократии // Октябрь. 1991. № 2. С. 148—149

ло фальшивым. Речь шла об аресте Сталина после организации батумской демонстрации 1902 года. Сама демонстрация и последовавшие после нее события нельзя расценивать иначе, как провокацию. Вот что пишет Вадачкория:

«На заводе Ротшильда были произведены аресты рабочих. По этому поводу товарищ Сосо созвал нас [...] и предложил нам организовать забастовку рабочих на всех батумских заводах и выставить требование об освобождении арестованных [...]. На другой день рабочие завода Ротшильда под руководством товарища Сосо подошли к управлению полицмейстера и потребовали освобождения арестованных. Но в управлении не оказалось арестованных товарищей, и рабочие направились к тюрьме. Узнав об этом, губернатор тотчас прибыл в тюрьму с отрядом войск. Мы потребовали от губернатора либо освободить наших арестованных товарищей, либо арестовать и нас всех. После долгих переговоров губернатор заявил, что арестованные сегодня будут переведены в пересыльные казармы с тем, что завтра в 12 часов они будут освобождены. Действительно, вскоре открылись ворота тюрьмы и оттуда вывели наших арестованных товарищей. Мы их проводили до пересыльных казарм. Вместе с этими товарищами в казармы была заключена и часть демонстрантов (300 человек). Это было 8 марта, приблизительно в три часа дня. В тот же вечер товарищ Сосо созвал совещание батумской социал-демократической группы с передовыми рабочими. На этом совещании товарищ Сосо сказал: «Нас обманывают, арестованных завтра не освободят, если мы не вмешаемся в это дело; поэтому необходимо, чтобы рабочие пришли к казармам и силой освободили арестованных товарищей».

В ту же ночь под руководством товарища Сосо началась подготовка к утреннему выступлению. На следующий день утром рабочие батумских заводов вышли на демонстрацию и подошли к пересыльным казармам, требуя освобождения арестованных. На это царские палачи ответили пулями. Было убито 14 и ранено 54 рабочих. По предложению товарища Сосо похороны убитых рабочих были устроены за счет батумской организации. [...] Спустя несколько дней товарищ Сосо был арестован. Затем его отправили в кутаисскую тюрьму, откуда выслали в Сибирь. После побега из ссылки товарищ Сосо вновь приехал в Батуми. Помню рассказ товарища Сосо после побега из ссылки. Перед побегом товарищ Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников. В поезде к нему пристал какой-то подозрительный субъект-шпион. Чтобы избавиться от этого субъекта, товарищ Сосо сошел на одной из станций, предъявил жандарму свое удостоверение и потребовал от него арестовать эту «подозрительную» личность. Жандарм задержал этого субъекта, а

тем временем поезд отошел, увозя товарища Сосо...»¹. Таким образом, Сталин сначала спровоцировал «царских палачей» на убийство 14 человек рабочих, ради освобождения арестованных, которых все равно чуть ли не в тот же день должны были освободить, затем был арестован и сослан, но из ссылки бежал с «фальшивым» удостоверением агента Охранного отделения. Проще, однако, предположить, что удостоверение не было фальшивым и что Сталин мог сотрудничать с Охранным отделением на Кавказе уже с 1902 года.

Видимо, тот же эпизод — бегство из ссылки с удостоверением сотрудника Охранного отделения — лег в основу еще одного интересного слуха: о том, что 20 апреля 1940 года грузинская газета «Коммунисти», выходящая на грузинском языке, опубликовала статью Агниашвили о беседе Сталина в 1920 году с грузинской молодежью (молодыми коммунистами и комсомольцами). Кажется, во время этой беседы Сталин подтвердил, что предложил Охране свои услуги и получил удостоверение сотрудника Охранного отделения, с которым успешно бежал из ссылки. Говорили, что выпуск от 20 апреля 1940 года был немедленно конфискован и изъят из всех учреждений. По крайней мере, предпринятые нами попытки найти этот номер газеты не увенчались успехом: в существующем выпуске газеты «Коммунисти» («Коммунист») от 20 апреля 1940 года указанной статьи о Сталине нет.

Видел ли кто-нибудь эту статью своими глазами? Один из авторов утверждает, что да. В декабрьском 1955 года номере эмигрантского издания «Освобождение», выходящего без особой периодичности, на второй странице была опубликована обширная статья Д. Сагирашвили «К третьей годовщине смерти Сталина», где, в частности, говорилось:

«Для характеристики личности Сталина [...] достаточно привести беседу его с одной группой грузинских комсомольцев в Тбилиси, приведенной в фельетоне Агниашвили в грузинской газете «Коммунист» от 20 апреля 1940 г. Сталин вел беседу со своими слушателями на тему «Каким должен быть истинный революционер?», и, рассказав о своей жизни, между прочим, сообщил в назидание им следующее: «В 1907 году царское самодержавие арестовало меня и, продержав шесть месяцев в тюрьме, выслало в Сибирь. Вот приехал я в назначенное место, обосновался, ознакомился с местностью, хожу туда-сюда, переписываюсь с Лениным, но потом надоело сидеть без живой работы и я решил нелегально выехать отсюда. Что же мне делать? — спрашиваю себя. Немного подумав, захожу я в местное Охранное отделение и предлагаю себя их агентом-сотрудником. Предлагаю

¹ Батумская демонстрация 1902 года. С предисловием Л. Берия. Под наблюдением М. Москалева. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 111—112.

свои услуги по розыску и аресту революционных организаций. Конечно, Охранное отделение принимает меня охотно. Я прошу у них удостоверение о том, что я состою их сотрудником. Они выполняют мою просьбу. Получив удостоверение, я на другой же день сажусь в поезд и направляюсь в Москву. Вдруг в вагоне поезда я заметил какого-то подозрительного субъекта, который исподлобья осматривает меня. Я не смущаюсь. Ах ты, «Виришвило» (грузинское ругательное слово — в дословном переводе — «сын осла», которым любил выражаться диктатор). Думаю, ты хочешь провести меня. Я тебе покажу. Не долго думая, схожу на ближайшей станции, захожу в жандармское отделение, предъявляю свое удостоверение, выданное охранным отделением, и указываю на того субъекта, чтобы его задержали и установили его личность, как так, говорю, я подозреваю в нем бежавшего из ссылки революционера. Они, конечно, верят. У меня ведь документ в руках. Жандармы немедленно посылают за этим человеком и арестовывают его. Но пока выясняют его личность, я оставляю их всех, сажусь в тот же поезд и улечучиваюсь. Вот каким должен быть истинный революционер». Так закончил Сталин свое нравоученье молодым слушателям.

Многие, может быть, и поверили и удивились «сообразительности» своего учителя, но необходимо в этот рассказ внести существенную поправку и дополнение. Дело в том, что Сталин сознательно пропустил из своего рассказа одно очень важное обстоятельство, а именно в том месте, где сказано, как и почему выдали ему удостоверение в жандармском отделении. Кто хоть мало-мальски был знаком с практикой охранного или жандармского управлений в царской России, тому доподлинно известно, что органы Охраны и политического сыска, умудренные долголетней работой, так легко Сталину такого рода удостоверение ни в коем случае не могли выдать. Они требовали сначала определенной «работы», доказательств «честного» намерения быть агентом Охраны. Сначала новый агент должен был предать в руки этим органам революционеров, раскрыть их связи, провалить какое-нибудь революционное предприятие. Вот как обстояло дело. И действительно, по известным сведениям в Грузии, Сталин для своего «побега» из Сибири выдал организацию социал-революционеров и после этого получил «документ», о котором сам говорит. Иначе и не могло быть, и это «дело» не требует дальнейших комментариев¹.

¹ Разумеется, следует рассматривать и вероятность того, что Сагирашвили ошибся и указал неправильную дату публикации «фельетона Агниашвили», что статья напечатана действительно была, и действительно в грузинском «Коммунисте», но не 20 апреля 1940 года, а какого-то другого числа (не обязательно 1940 года). Возможности просмотреть всю газету за все годы издания у нас не было.

Пересказы и описания этой статьи сохранились в еще двух независимых источниках: в письме известной в эмиграции политической и общественной деятельницы, жены меньшевика Ф. Дана, сестры меньшевика Ю. Мартова, члена партии меньшевиков Л. О. Дан и в переписке американских историков Дж. Кеннана и Эд. Смита¹. Дан к слухам о публикации от 20 апреля 1940 года отнеслась резко отрицательно. В письме Н. В. Валентинову-Вольскому от 11 мая 1956 года она писала:

«Дорогой Николай Владиславович,

[...] Дело дошло до того, что сегодня Фрумкин сообщил мне, что из очень серьезного источника ему сообщили, что в грузинской газете «Коммунист» в номере от 20 апреля 1940 г. (шестнадцать лет тому назад!!) была напечатана речь Сталина, произнесенная им в Тифлисе (враль не сообщает, где именно и по какому поводу), в которой он заявил, что истый большевик должен делать все для блага партии, даже служить в Охранке, «что я и делал» (понимается — для блага партии). Я спрашиваю, почему же 16 лет такой материал держался в секрете; этого Фрумкин не знает. Если Вы знаете какого-нибудь грузина (не враля — бывают и такие!), спросите, что об этом было известно».

Понятно, что информация о публикации от 20 апреля 1940 года была заимствована из статьи Сагирашвили. В письме без даты отправления, полученном 9 декабря 1966, года о том же эпизоде писал Смит Кеннан:

«Я слышал историю, что он признался на каком-то студенческом собрании в 1920-е годы, что использовал связи с полицией как средство для побегов из Сибири, но я забыл, где я слышал или читал об этом. У меня такое впечатление, что эта тема становится все более и более горячей и что какие-то научные разработки в этом направлении появятся в этой стране в ближайшие год-два. Я надеюсь поэтому, что мы сможем собраться вместе и обсудить этот вопрос в недалеком будущем»².

Специализируясь на архивах Охраны в Гуверовском институте при Стенфордском университете, Смит опубликовал две

¹ Американский дипломат, журналист, историк, общественный и политический деятель Дж. Кеннан хорошо знаком читателям. Эдвард Эллис Смит родился в 1921 году. С 1948 по 1956 год был заместителем военного атташе в Москве, офицером американской разведки. Начальник охраны посольства в Москве при после Болене. В 1956 году — атташе американского посольства в Москве. Был женат на русской, что в те годы для американского дипломата и разведчика было явлением редким. (В одном из писем в архиве, от 7 августа 1964 года, упоминается его жена Ольга Смит). В 1982 году сбит машиной, умер на месте.

² Архив Гуверовского института при Стенфордском университете (США) [далее: ГА], фонд Е. Смита, ящик 8. Письмо Е. Смигу. Без даты, получено 9 декабря 1966 г. 1 лист.

крайне важные книги: справочное издание «The Okhrana. The Russian Department of Police. A Bibliography» (Hoover Institution, Stanford University, 1967) и биографию Сталина на английском языке под названием «Молодой Сталин. Ранние годы призрачного революционера».

В аннотации к изданию этой книги сказано следующее: «Автор — специалист по делам Охранки — полагает, что двойная жизнь Сталина как полицейского агента и революционера может быть распознана с самой ранней его деятельности. Его свобода передвижений, несмотря на многие аресты, его удивительные «побеги» и исчезновения в критические моменты, его садизм и недавно обнаруженная переписка с Малиновским¹ — известным царским агентом в рядах партии — все это может служить убедительным доказательством того, что Сталин, виновный в смерти столь многих людей после захвата им власти, оставался тем же самым циничным бунтарем-приспособленцем, каким он обрисован в данной книге»².

Вот что писал Смит о возможном сотрудничестве Сталина с Охраной и дружбе его с Малиновским:

«В декабре 1912 года Коба появился в Кракове, затем он переместился в Вену. Еще до этого он вызвал негодование Ленина своим вмешательством в дела «Правды» в Санкт-Петербурге. 26 декабря 1912 года открылась так называемая «февральская» конференция большевиков в Кракове, на которой присутствовали Ленин, Зиновьев, Крупская, Малиновский, Петровский, Бадаев, Лобова³, Медведев, Трояновский и Коба (Джугашвили). Где-то в январе Джугашвили выберет новую партийную кличку «Сталин». Во второй половине января он будет находиться в Вене и писать по поручению Ленина работу «Марксизм и национальный вопрос». Не прошло и недели, как Сталин был в Вене. Там он написал письмо Малиновскому в Санкт-Петербург, которое, по всей вероятности, публикуется

¹ Роман Вацлавович Малиновский (1876—1918), в 1912—1914 годах — член ЦК РСДРП, депутат Четвертой государственной думы. Близкий соратник Ленина. С 1910 года — агент Охранного отделения. В 1914 году впервые заподозрен в провокаторстве. Партийным судом оправдан, но исключен из партии за нарушение партийной дисциплины. В 1917 году, во время расследования, проведенного Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, разоблачен как полицейский агент. 20 октября 1918 года вернулся из германского плена для партийного суда в Петроград, был арестован, доставлен в Москву, спешно судим и расстрелян в ночь с 5 на 6 ноября по приговору Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР. Было очевидно, что расследование деятельности Малиновского в годы его работы в Охранном отделении не в интересах нынешних руководителей Советского государства.

² Цит. по ст. Е. Плимак, В. Антонов. Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3.

³ Вера Лобова — жена «провокатора» Лобова, видимо, сама была осведомителем. Кстати, в Хельсинки и Краков она ездила вместе со Сталиным.

здесь впервые. Подтекст письма очарователен и в то же время многозначителен. Он адресовал письмо от 20 января 1913 года (в действительности на нем поставлена западная календарная дата — 2 февраля) Роману Вацлавовичу Малиновскому, Пески, Мытнинская, 25, кв. 10, Санкт-Петербург. В письме легко распознается сталинский стиль с ошибками в русской грамматике.

Смит ссылается на «Совершенно секретный доклад № 94182, датированный 28 января 1913 года, начальнику Охранного иностранного агентства в Париже от Особого отдела Санкт-Петербургского Департамента полиции. Из коллекции Гуверовского института». (Датировка на документе дана по западноевропейскому календарю, с 13-дневным расхождением.) К сожалению, оригинал письма Сталина нам не удалось найти в Гуверовском институте ни в фонде Охраны, ни в фонде самого Смита, где, безусловно, должна была находиться копия найденного Смитом письма. Письмо было обнаружено ассистентом Смита в начале октября 1966 года. 11 октября в письме Дж. Кеннану Смит писал по этому поводу следующее:

«Я думаю, Вам было бы интересно узнать, что всего лишь несколько дней назад мой ассистент и я нашли в фондах Охраны Гуверовского института (где порядок оставляет желать много лучшего) потрясающий документ. Это перехваченное Охраной письмо Сталина Малиновскому, датированное 2 февраля 1913 года, из Вены».

Не исключено, что после публикации книги Смита в США оригинал письма Сталина Малиновскому мог быть попросту кем-то украден. Трагическая смерть самого Смита, последовавшая в 1982 году, наводит на новые размышления, выходящие за пределы исторической науки. Мы вынуждены поэтому привести письмо Сталина в обратном переводе с английского:

«Друг, привет. Я все еще сижу в Вене и... пишу всякую чепуху. Мы увидимся с тобой. Ответь, пожалуйста, на следующие вопросы: 1. Как дела с «Правдой». 2. Как у тебя дела во фракции. 3. Как группа. 4. Как А, Ш и Би... 5. Как Алексей».

Ильич ничего не знает обо всем и тревожится. Если у тебя нет времени, пусть Б. напишет без промедления. Скажи Ветрову, чтобы не публиковал «Национ. вопрос», а послал его сюда. Адрес: Вена, Шенбруннер Шлосштрассе, № 30, Г. Трояновскому. Если возможно, отправь статью в тот же день. Письмо от Б-ой получено в Вене. Галина шлет поклоны ей и тебе. Галина говорит, что отдала Ильичу письмо, которое ты оставил для передачи, но Ильич, вероятно, забыл вернуть его. Я вскоре буду у Ильича и постараюсь взять его у него и отослать тебе. Приветы Стефании и детишкам.

Твой Вас...»¹

Комментируя письмо Сталина, Смит пишет:

Как и можно было ожидать, специальный отдел Департамента полиции в Санкт-Петербурге спустя три дня перехватил сталинское письмо. А двумя неделями позже машинописная копия достигла Иностранного Агентства Департамента Полиции в русском посольстве в Париже с сопроводительной под грифом «Совершенно секретно». Как часто бывало с официальными бумагами старого режима, документ заканчивался неразборчивой подписью офицера специального отдела. Она начинается с «К» и переходит в затейливую завитушку. Тем не менее это официальный документ за № 94182 от 28 января 1913 года. В примечаниях специальный отдел идентифицирует «Ильича» как Ленина (Ульянова) и «Ветрова» как кличку Свердлова, сотрудника «Правды». К удивлению, ничего не сказано о других лицах, упомянутых в письме, не указывает Охранка и на то, что «Вас» означало «Василий» — хорошо известный партийный псевдоним Сталина в то время, ничего не сообщало о его авторстве. Не было никакой необходимости идентифицировать Малиновского, который в то время был главным агентом Охранного отделения, а также представителем большевиков в Четвертой Думе.

Сталин обращался к Малиновскому посредством фамильярного «ты», которое русские прибегают либо для хорошо известных лиц, либо для друзей. Фамильярность этих обращений вновь поднимает вопрос о возможности того, что агент Охранки Малиновский предложил Ленину на Пражской конференции 1912 года, чтобы благодаря их дружбе Сталин был кооптирован в первый большевистский Центральный Комитет. Ибо это письмо убедительно доказывает, что Сталин считал Малиновского, по-видимому, добрым знакомым, если не настоящим другом, хотя, по всей вероятности, Малиновскому, как и другим, не понравилась навязчивость Сталина.

То, что Сталин отправил письмо Малиновскому по почте, вызывает изумление. По крайней мере, в двух предыдущих случаях его письма создавали огромную опасность для соратников-большевиков. К этому времени, как мы знаем, сталинское чувство конспирации было чрезвычайно обостренным и он хорошо знал, что письмо, особенно представителю в Думе и полученное из-за границы, будет перехвачено, распечатано и с величайшим вниманием прочитано в Охранном отделении. Очевидно, это его несколько не беспокоило. Замена инициалами или первыми и последними буквами фамилий тех лиц, которых он упоминал в данном письме, была прозрачным ука-

¹ Цит. по ст. Е. Плимак, В. Антонов. Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3.

занием на их идентичность и не обманывала Охранку. Когда он спрашивал: «Как дела у А, Ш. и Би...», Охранка знала, что «А» было партийной кличкой Андрея, или Якова Свердлова, «Ш» означало большевистского депутата в Думе Шагова, «Б», «Би...» и «Б-на» относилось к Вере Лобовой, сопровождавшей Сталина из Санкт-Петербурга в Хельсинки и Краков. Когда Сталин спрашивал в том же письме: «Как Алексей», он осведомлялся о ее муже, другом агенте Охранки. «Стефания и ребятишки», которым Сталин слал поклоны, были г-жой Малиновской и ее двумя детьми. Охранное отделение знало, что Галина, которая посылала поклоны Вере Лобовой (Б-ной) и Малиновскому, — партийная кличка Елены Розмирович, жены Трояновского...

Во всяком случае, в 1913 году такой революционер, как Сталин, не пошел бы на риск посылки письма, подобного письму Малиновскому, без серьезной цели и многих раздумий. Сталин не был человеком, который действовал глупо или под влиянием момента. Он всегда был и всегда оставался непревзойденным интриганом. За очень немногими исключениями его жизнь была свободна от опрометчивых или легкомысленных действий. Таким образом, его одно-единственное письмо из-за границы в Россию является чрезвычайно важным, тем более что он исключил его из своего официального автобиографического Собрания сочинений и даже забыл упомянуть его. Ни одна из советских работ ничего не сообщает о нем, только невнятные намеки. Например, один советский источник замечает, что, «находясь в Вене, товарищ Сталин продолжал руководить работой в России, и в письме в Петербург от 23 января 1913 года он затребовал подробную информацию о положении дел с «Правдой» и думской фракцией»¹.

(М. Москалев. Русское бюро большевистской партии, 1912 — март 1917. М., Госполитиздат, 1947, с. 129).

Сталин не только писал агенту Охранки, но также показал интерес в отношении еще одного, а может быть, и двух других. Публикация полного текста письма вскрыла бы прозрачную критику Ленина и привела к убийственному заключению, что его главная работа в области партийной теории, а именно «Марксизм и национальный вопрос», была, как он выражался, «чепухой». Два этих дела были связаны между собой. И к тому же Сталин был в Вене, потому что Ленин хотел, чтобы он писал «чепуху».

В письме содержалось также предположение, что Ленин не знал, что происходит в «Правде», был обеспокоен. Напротив, Ленин почувствовал облегчение, поскольку Сталин был вне

¹ Москалев М. Русское бюро большевистской партии, 1912 — март 1917. М.: Госполитиздат, 1947. С. 129.

Санкт-Петербурга, где он, по мнению Ильича, вредил газете. Доклады о положении с «Правдой» поступали более регулярно Ленину в Краков, в то время как Сталин был в Вене. Проматривается то обстоятельство, что в сталинском указании, чтобы Вера Лобова «написала без промедления» и «ответила на следующие вопросы», содержалась попытка произвести впечатление на кого-то, какую-то инстанцию, своей значительностью. Легко заключить, что он пытался в 1913 году, за несколько дней до последнего ареста, продемонстрировать свой авторитет в штабе большевиков Департаменту полиции. Может быть, он был убежден, что царское правительство восторжествует над большевиками, и, желая вернуться к своему статусу полицейского агента, выслуживался перед Охранкой. Тайно вредить Ленину и большевикам — это было в его интересах...

Письмо, которое Сталин попытался бы взять у Ленина, могло иметь отношение к «Правде» или организации партийной школы в Киеве. Настойчивость же, с какой Сталин заявлял о том, что он возьмет письмо у Ленина и пошлет Малиновскому в Санкт-Петербург, указывает на желание Сталина угодить Малиновскому. В любом случае нечто важное для Охранки, для ее агента Малиновского или для Сталина оказалось у Ленина и надо было его вернуть назад. Возможно, что загадочная фраза «письмо получено от Б-ной...» была уведомлением Сталина, определенным намеком, чтобы его быстро вызвали в Петербург. Также не можем исключить по тону сталинского письма к Малиновскому, что он решил: Малиновский был, как и считал Ленин, больше хорошим большевиком, чем шпионом для Охранки.

Для Сталина характерно, что он убаюкивал своих жертв сладкими речами, перед тем как их убить. Если он даже только подозревал о службе Малиновского в Охранке, то хорошо рассчитал, что может вернуться в Санкт-Петербург и доложить Охранке, что Малиновский не был хорошим агентом и попал под влияние Ленина. Если дела обстояли так, то Малиновского уже нельзя было рассматривать как агента Охранки среди большевиков и как большевистского агента в Охранке, что представляло непреходящий интерес для департамента полиции. Устранив таким путем Малиновского со сцены, Сталин мог претендовать на место главы большевиков в России. Возможно, он увидел быстрый, легкий метод возвыситься и в перспективе завоевать большой авторитет и у большевиков, и у Охранки.

В короткой истории большевизма было и будет еще много случаев, когда царили двусмысленность и таинственность. Будущие диктаторы — лидеры России как бы собирались заставить историю полностью заколоться. Часто они добивались успеха. Венское письмо Сталина Малиновскому 1913 года является парадигмой конспираторского мрака. Сталин тепло писал Мали-

новскому, большевистскому вождю в России, законодателю в Четвертой Думе, первому агенту Охранки, позднее, как мы знаем, расстрелянному большевистским взводом, но в тот момент важной политической фигуре в Санкт-Петербурге. Слухи, касающиеся связи Малиновского с департаментом полиции, начали в то время распространяться достаточно широко. И тем не менее сталинское письмо, игнорируя элементарные правила безопасности и конспирации, выставляло напоказ по крайней мере одного из двух агентов Охранки. Его наглая откровенность заставляет задуматься над тем, не были ли лобовы, трояновские и малиновские, как это ни покажется странным, в какой-то мере причастны к сети Охранного отделения.

Не было ли у Сталина и Малиновского какой-то договоренности подставить ножку Ленину? Это выглядит неправдоподобно. Но, во всяком случае, несомненно, что фамильярные и деловые отношения существовали между Сталиным и Малиновским и некоторыми из их общих друзей, к тому же агентов Охранки. По-видимому, наиболее значительным является тот факт, что сталинское письмо всплывает только сегодня. Если бы оно было в руках у Мартова в 1918 году, когда он требовал изгнания Сталина из партии, или о нем знал бы Ленин, или Троцкий мог бы использовать переписку Сталина и Малиновского, история нашего времени имела бы совершенно другой исход¹.

В черновых комментариях к этому документу Смит записал следующее: «Почему он пишет Малиновскому такое дружественное письмо? Почему вообще он пишет? Почему он осуждает Ленина? Кто такая Галина? Госпожа Трояновская? Если так, то она заподозрила неладное и подстроила Малиновскому эту поездку! В соответствии с письмом Ленина он увидит скоро. Тогда зачем задавать Малиновскому все эти вопросы? Он что, не мог узнать все это у Ленина? Между прочим, вскоре он вернулся в С.-Петербург. Был ли Малиновский женат? Были ли у него дети? Если нет, что означают приветы? Стиль и грамматика письма ужасны. Сталин обязан был знать, что письмо будет перехвачено. Он написал его 2 февраля 1913 года (20 января по старому стилю). Оно было перехвачено, распечатано и тремя днями позже, 23 января, прочитано Особым отделом С.-Петербургского департамента полиции. Важно отметить, что это его единственное письмо, написанное из-за границы в Россию (Малиновский был в Петербурге). Почему он написал Малиновскому? Интересно, что госпожа Трояновская была, кажется, первой, кто вычислил, что Малиновский — агент Охраны (Было ли это в 1912 году или раньше?).

¹ Цит. по ст. Е. Плимак, В. Антонов. Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3.

Он описывает свою работу как чепуху, хотя позже именно это сделало его «теоретиком» по национальным проблемам. Он явно очерняет Ленина, и прежде всего людей, которые послали его в Вену, и очевидно, он не с большим уважением относится к работе, которую делает».

Нужно ли удивляться, что результатом работы Смита над биографией молодого Сталина стала его уверенность в том, что Сталин, как и Малиновский, был агентом Охраны. «Я не ставил себе целью доказывать, что Сталин был агентом Охраны»¹, — писал Смит Кеннану и Суварину, обвинившему Смита в предвзятости²: «Я не намеревался доказывать, что он был агентом Охраны. Первоначально мысль эта не приходила мне в голову. [...] Но мои научные изыскания наткнулись на такое количество косвенных улик о его связях с Охраной, что я не мог их игнорировать. Я хочу сказать, что я не начинал с имеющейся гипотезы. Я просто писал биографию Сталина о периоде до 1917 года»³.

Похоже однако, что до конца жизни Смит вместе с Кеннаном и Дон Левиным остались в этом вопросе в одиночестве: «Мы с Вами единственные люди в этой стране, если не во всем западном мире, — писал Смицу Кеннан, — серьезно заинтересованные в этом вопросе — кроме господина Дон Левина, конечно — и я думаю, что нам следует договориться, если это возможно, о координации наших усилий, так как если что-нибудь в этом роде увидит свет, это должно быть преподнесено в таком виде, чтобы произвести максимальный эффект»⁴.

* * *

Самым серьезным обвинением против Сталина, видимо, следует считать свидетельство Александра Орлова, ответственного сотрудника ОГПУ—НКВД, резидента советской разведки в Испании, в 1938 году перешедшего на положение невозвращенца, эмигрировавшего впоследствии в США и умершего в Кливленде в 1973 году. 23 апреля⁵ 1956 года Орлов опубли-

¹ ГА, фонд Е. Е. Смита, ящик 8, письмо Дж. Кеннану от 16 ноября 1968 г. 1 лист.

² «С самого начала (гл. 3) Вы уверены, что Сталин — агент Охраны. [...] Но прежде всего, Вы должны это доказать. Ваше утверждение — не факт, а гипотеза. [...] Разумеется, я согласен с Вами в том, что Сталин доносил на своих товарищей, чтобы избавиться от них. Но дурной поступок — это одно, а принадлежность к Охране — совсем другое» (Там же, письмо Б. Суварина от 18 марта 1969 года. На англ. языке., 2 л., с. 1—2).

³ Там же, письмо Б. Суварину от 25 марта 1969 г., 2 л., с. 1.

⁴ Там же, письмо Е. Смицу. Без даты. Получено 9 декабря 1966 г. 1 лист.

⁵ Журнал датировался по «концу» своего недельного цикла. Фактически номер вышел раньше. В Нью-Йорке он поступил в продажу 18 апреля.

ковал в американском журнале «Life» («Лайф») пространное письмо, в котором рассказывал о провокаторстве Сталина. Намеки на то, что Орлов посвящен в «самую страшную тайну Сталина», содержались и в его книге, вышедшей тремя годами раньше. Тогда все считали, что этой тайной было «сумасшествие» Сталина, которым многие были склонны объяснять бессмысленные, как казалось, партийные чистки. Теории о том, что Сталин был сумасшедший, придерживались в те годы такие видные публицисты и историки, как Н. В. Валентинов-Вольский и Б. К. Суварин. Противником этой теории был среди прочих Б. И. Николаевский, писавший Суварину в одном из своих писем:

«Относительно сумасшествия Сталина я с Вами не согласен. В 36—39 гг. он был совершенно здоровый человек, прошедший систематическое уничтожение противников по заранее обдуманному плану. Врачи-отравители были и, думаю, есть еще и теперь: если нужно, они любого отравят, и никто не узнает. В 52—53 гг. Сталин хотел повторить эту операцию, но не рассчитал, что теперь он хотел ударить по лицам, которые знали его технику, а потому предпочли расправиться с ним сами. Он потерял чутье действительности, которое делало его мастером своего дела, в 36—39 гг. стал самодуром, в то время как тогда у него во всем был точный расчет... Знаете ли Вы, что в годы войны Политбюро не функционировало? Что верховная власть и по линии партии, и по линии правительства, и по линии армии была в руках Государственного Комитета Обороны? Перемен было много и в позднейшие годы. Роль Политбюро, как она сложилась в период борьбы Сталина за власть, после его полной победы (18 съезда) стала меняться. И меняется»¹.

Но Орлов имел в виду совсем другую тайну. Учитывая, что он был буквально единственным разведчиком-невозвращенцем, сумевшим не только сохранить жизнь себе и своей семье, но и оставшимся в СССР родителям, нельзя недооценивать как молчания Орлова до смерти Сталина в 1953 году, так и выступления его с обвинениями Сталина в 1956-м, когда появилась надежда на то, что новое поколение советских руководителей отказывается от продолжения сталинской политики тотального террора. С точки зрения интересов своей семьи, Орлов делал все исключительно вовремя. Не следует считать, что его публикация в «Лайфе» могла состояться до 1956 года. Более того, нет никакой уверенности в том, что «Лайф» согласился бы до 1956 года опубликовать подобную

¹ Международный институт социальной истории (Амстердам) [далее: МИ-СИ], фонд Б. К. Суварина, папка 1. Письмо Николаевского Суварину от 10 августа 1955 г.

статью. Профессиональному чекисту Орлову должна была быть хорошо известна судьба аналогичной сенсационной статьи Троцкого об отравлении Сталиным Ленина: журнал «Лайф», продержав статью несколько месяцев, так и не посмел ее напечатать. Тогда отчаявшийся Троцкий передал статью в журнал «Либерти». К великой радости Троцкого, «Либерти» напечатал сенсационную статью. А через десять дней после публикации Троцкого убили.

Орлову было важно не столько рассказать правду, сколько остаться в живых. Остановимся на том, что этот далеко не гражданский и не мужественный шаг был не самым аморальным поступком в жизни одного из руководителей советской внешней разведки. Понятно, однако, что ровно настолько, насколько позволяли наложенные на самого себя Орловым ограничения, он был откровенен, что лучше всего продемонстрировано показаниями, данными Орловым в Сенате Соединенных Штатов. Именно потому, что эти показания лучшее свидетельство хорошей осведомленности Орлова, они включены в этот сборник несмотря на то, что не имеют прямого отношения к вопросу о провокаторстве Сталина. По тем же причинам в сборник включены отрывки из воспоминаний С. Э. Эстрина, касающиеся Троцкого и выданного Орловым сталинского шпиона Марка Зборовского, вошедшим в доверие к Троцкому и его сыну Л. Седову.

Ожидая услышать в свой адрес критику со стороны лиц, не доверяющих свидетельству советского перебежчика, популярный журнал «Лайф» подстраховал публикацию А. Орлова еще и публикацией известного и уважаемого советолога, автора одной из первых биографий Сталина, вышедшей в 1930 году, Исаака Дон Левина, опубликовав комментарии Дон Левина к адресованному жандармскому офицеру капитану А. Ф. Железнякову письму полковника А. М. Еремина (а затем и генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, в 1910—1913 годах — заведующий Особым отделом Департамента полиции). Из письма следовало, что Сталин являлся агентом Охранного отделения с 1908 по 1912 году. Приведем это письмо полностью:

М.В.Д.

Заведывающий особым отделом Департамента полиции
12 июля 1913 года

2898

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову

[Штамп: «Енисейское Охранное отделение»]

[Входящий штамп Енисейского Охранного отделения:] Вх.
№ 65 23 июля 1913 года».

Милостивый Государь
Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского г[убернского] ж[андармского] управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н[ачальни]к Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] *Еремин*

Фотокопия письма Еремина была в 1956 году опубликована сразу в нескольких источниках, в том числе в журнале «Лайф» и в вышедшей вскоре книге И. Дон Левина «Stalin's Great Secret». Вскоре после выхода журнала «Лайф» издававшаяся в Нью-Йорке газета «Новое русское слово» опубликовала базирующуюся на материалах «Лайф» статью Марка Вейнбаума «Был ли Сталин агентом-provokатором?», сделав достоянием всей русской эмиграции выдвинутые против Сталина обвинения и дав повод для публикации целой серии статей, откликов и свидетельств русских эмигрантов «за» и «против» концепции о provokаторстве Сталина.

Реакция на публикации Левина и Орлова была незамедлительной не только в русскоязычной эмигрантской прессе. Уже 1 мая еще один биограф Сталина — Борис Константинович Суварин (1895—1984), французский социалист, журналист, в годы первой мировой войны — сторонник Троцкого, в 1921 году один из основателей и руководителей французской компартии, исключенный в 1924 году за левую оппозицию, выступил в парижском издании «Восток и Запад» с заявлением, что письмо Еремина — фальшивка, впервые показанная Суварину четыре года назад (т. е. в 1952 году, еще при жизни Сталина). Одновременно Суварин осудил статью Орлова как «набор нелепостей».

14 мая «Лайф» опубликовал адресованное в журнал письмо еще одного биографа Сталина, Бертрама Вольфа — бывшего

американского коммуниста, исключенного из партии в 1929 году за фракционную деятельность, секретаря Троцкого в 1937 году, порвавшего затем с коммунизмом, ставшего уважаемым профессором и автором многих книг, осторожно высказавшегося в поддержку публикации.

20 августа «Нью Лидер» опубликовал пространную статью известного меньшевика-эмигранта Г. Аронсона «Был ли Сталин царским агентом?», оспаривавшего, как и Суварин, утверждения Дон Левина. Отвечая на эту критику, Дон Левин ссылаясь на свою новую книгу — «Величайший секрет Сталина», вышедшую в свет 25 мая 1956 года¹.

Интересно посмотреть, что думали на эту тему менее эмоциональные и более объективные, чем Суварин и Аронсон, современники тех событий. Вот что писал о «провокаторстве Сталина» Николаевский:

«Авеля Енукидзе я хорошо и давно знал, он еще в 1911 г. предупреждал меня против Сталина и рассказывал о конфликте между Сталиным и Шаумяном. Но это длинная бакинская история, в которую вплетаются элементы полицейской провокации (Сталина и тогда подозревали)»².

«Самый темный пункт против Сталина теперь для меня следующий. Из большевистской литературы я знаю, что в Департаменте полиции имеется доклад о Таммерфорсской конференции (декабрь 1905 г.), написанный ее участником. Имя — не раскрыто. Делегатов было 41 человек, причем известны имена 36. Как Вы знаете, Сталин был делегатом. Далее известно (из тех же источников), что тот же агент дал отчет о совещании, которое состоялось в Петербурге перед конференцией с участием Ленина, [Ю. О.] Мартова и десятка делегатов. Имена известны, кроме одного (делегат Перми). Сталин тоже был на этом совещании»³.

«Относительно Сталина: мое мнение приблизительно совпадает с мнением Ю. О., — писал Николаевский в другом своем письме. — Я считаю, что Сталин прибежал к анонимным доносам в борьбе против противников, не только меньшевиков,

¹ В этой связи не более как погоней за дешевой сенсацией следует назвать выступление в прессе и на телевидении в сентябре 1997 года профессора Московского государственного строительного университета Юрия Хечинова, заявившего, что во время недавней работы над архивом младшей дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны Толстой в толстовском фонде в Нью-Йорке им был «случайно обнаружен» и впервые опубликован документ, подтверждающий агентурное прошлое Сталина (см. «Сталин был агентом царской Охранки» — Известия, 19 сентября 1997 г.). Хечинов, таким образом, написал себе лавры первопубликатора документа, известного с 1956 года.

² ГА, фонд Б. И. Николаевского, ящик 472, папка 32. Письмо Николаевского И. М. Бергеру от 2 октября 1961 г., 1 л.

³ МИСИ, фонд Б. К. Суварина. Письмо Николаевского Суварину от 6 декабря 1957 г., 1 л.

но и большевиков (в Баку определенно говорили, что провал Шаумяна в 1907 или 1908 г. был делом его рук). Допускаю даже большее, — что он имел какие-то косвенные сношения. Но документ, который напечатан теперь, явная фальшивка. Он был у меня приблизительно с 1945 года, но печатать я его отказался, считая, что он грубая подделка. Таково мое мнение и теперь»¹.

При всем уважении к Николаевскому, следует отметить, что в 1945 году, в период безусловного триумфа сталинской тоталитарной системы, в месяцы, когда популярность Сталина, как руководителя державы, достигла высшей своей точки, вылезать к мировой общественности с сенсационным письмом о Сталине — агенте Охранки было не просто бесполезно, но и опасно. Тем не менее в заключительной статье настоящего сборника З. И. Перегудова сообщает, что по ее просьбе была проведена графологическая экспертиза, которая показала, что «письмо Еремина» сфабриковано Руссияновым. Если так, то вопрос о подлинности письма Еремина можно считать закрытым.

Было бы несправедливо не рассказать о реакции на публикацию в «Лайф» еще одного человека — Н. И. Седовой (1882—1962), второй жены Троцкого, писавшей старому другу семьи и бывшей секретарше Троцкого Саре Якобс-Вебер:

«Сегодня в «Новом русском слове» прочла: «Сталин был агентом царской Охранки». У меня закружилась голова. Нет конца ударам! Все перевернулось. Не о чем говорить, объяснять. Все ясно. Но какая убийственная ясность [...] Какое отчаяние за все прошлое, нет, это неправда! Подлая мысль все, — но не это. Потом перечла все «по порядку». Нет, и это правда, правда! Как пережить этот удар? Как довести его до сведения Л. Т[роцкого] и других погибших? Как все это могло произойти? Непостижимо. Это сильнее атомной бомбы. Его надо было судить! [...] И Орлов подлец. Молчал из боязни за свою драгоценную жизнь. Какой позор. В чистую революцию вошел элемент грязи и все запачкано. [...] Как произошло, что в архивах были найдены документы о [Р. В.] Малиновском, а о его коллеге они всплыли только теперь?»².

Наивно считать, что «провокааторством» Сталина можно объяснить феномен сталинщины. И все-таки вопрос о том, бы-

¹ ГА, фонд Николаевского, ящик 207, папка 6. Письмо Николаевского Т. И. Вулих от 15 мая 1956 г., 1 л.

² МИСИ, Архив Якобс-Вебер. Ящик 1, папка 1. Письмо Н. И. Седовой без даты Саре Якобс-Вебер (1900—1976), в 1933—1934 гг. — секретарь Троцкого в Турции и Франции, в 1938 г. — в Мексике.

ла ли взаимосвязь между политикой Сталина и его сотрудничеством с царской полицией, остался историками недорасследованным. Публикуемые материалы позволяют расширить круг источников, посвященных теме провокаторства Сталина. Ряд документов заимствован из архива Гуверовского института при Стенфордском университете (США), фонд Б. И. Николаевского, ящик 800, папка 1, и публикуется впервые с любезного разрешения администрации Гуверовского института. Отметим, что в различные исторические периоды авторы писали слова «Охрана», «Охранка» и «Охранное отделение» то со строчной, то с прописной буквы. В целях единообразия в настоящем издании использовано написание с прописной буквы. Примечания в документах и статьях, принадлежащие редактору этого сборника, обозначены как «Примеч. Ю. Ф.». С сожалением мы вынуждены констатировать, что и нынешняя публикация не дает исчерпывающего ответа на вопрос о провокаторстве Сталина.

Ю. Г. Фельштинский,
доктор исторических наук,
Бостон, США

ДОКУМЕНТ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СТАЛИНА
К ЦАРСКОЙ ОХРАНКЕ¹

В этой статье Исаак Дон Левин, эксперт по советской политике и автор первой подробной биографии Сталина (1931 г.), повествует о том, как он обнаружил документ, свидетельствующий о принадлежности Сталина к царской Охранке. Статья была подготовлена независимо от статьи Александра Орлова. Находки Левина составят целую книгу, которая вскоре будет опубликована издательством «Кавард-Мак-Кэнн».

Однажды в 1947 году мне принесли документ, написанный на русском языке. Я сразу понял, что это не фотостат, а подлинное письмо, отправленное из штаб-квартиры Охранки, тайной полиции царского режима, в 1913 году. Справа воспроизводится изображение этого документа².

Письмо адресовано начальнику Охранки Енисейской губернии в Сибири, в которую входил и Туруханский край, куда в 1913 году был выслан Сталин.

Вот текст этого письма:³

В верхнем левом углу письма напечатано: «МВД (Министерство внутренних дел). Заведующий особым отделом Департамента полиции». Ниже стоит дата: «12 июля 1913 года» и регистрационный номер: «щ 2898». В верхнем правом углу напечатаны две строки: «Совершенно секретно. Лично». Над обращением красным карандашом еще раз написано и подчеркнуто слово «Личное», «по С.-Д.». В четыре строки на полях в нижнем левом углу значится: «Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову». Штамп в середине полей свиде-

¹ Пер. с англ. Опубл. в журнале «Life», 23 апреля 1956 г. — *Примеч. Ю. Ф.*

² Фотография документа из журнала «Лайф» не публикуется. — *Примеч. Ю. Ф.*

³ Опущен текст письма Еремина, опубликованный в предисловии к настоящему изданию. — *Примеч. Ю. Ф.*

тельствует о получении письма в Енисейском Охранном отделении 23 июля 1913 года.

Давно ожидаемое доказательство

Этот документ, если он подлинный, наконец-то проливает свет на самую неуловимую часть сталинской карьеры. В течение многих лет существовали слухи, предположения и даже догадки о том, что Сталин, несмотря на приобретение веса в рядах большевиков, пытающихся свергнуть царское правительство, работал на царскую Охранку. Но наиболее критически настроенные по отношению к нему его биографы и даже его злейший враг Лев Троцкий отвергали это обвинение либо как абсурдное, либо как абсолютно бездоказательное.

В написанной мною биографии Сталина я не использовал рассказ о двуличии Сталина по отношению к своим товарищам-революционерам. И даже после того, как у меня появилось доказательство в виде письма Охранки, я ни разу не пытался опубликовать его, боясь, что никто не воспримет его всерьез. Но теперь, когда весь мир задается вопросом, почему Москва вдруг вознамерилась разрушить образ Сталина, мне представляется, что моя история дает ответ, который я более не должен скрывать.

Когда после русской революции 1917 г. был открыт доступ в центральные архивы Охранки, обнаружилось, что в самые близкие к Ленину круги большевиков Охранка разместила, по крайней мере, с дюжину тайных агентов. Тщательное расследование позволило опознать личность одиннадцати из них. Кто же был неразгаданный двенадцатый? Если письмо Еремина не подделка, то сам Сталин. Однако антикоммунистические подделки встречаются не менее часто, чем коммунистические.

Было ли это письмо подлинным?

Начнем с того, что некоторые утверждения, приведенные в письме, соответствуют бесспорным фактам. Сталин действительно был отправлен в ссылку в Туруханск из Санкт-Петербурга в июне 1913 года. Выборы Сталина в Центральный комитет последовали немедленно вслед за его возвращением в Санкт-Петербург¹.

Характеристика Сталина как человека, деятельность которого отличается аккуратностью, соответствовала ему больше,

¹ Упомянутое в письме заявление о том, что Сталин порвал с Охранкой после того, как его выбрали в Центральный комитет, расходится с мнением А. Орлова, будто Охранка выслала Сталина из-за его чрезмерно возросшей амбициозности в качестве царского агента. Левин, который чувствует убедительность доводов Орлова, предполагает, что когда Сталин стал членом Центрального комитета, он не мог смириться с тем, что им руководит офицер такого низкого ранга, каким был Еремин. Еремину могли сказать, что деятельность Сталина в качестве агента завершена и что отныне Сталин будет работать непосредственно с одним из высших чинов Охранки Виссарионовым. — *Примеч. ред. журнала «Life».*

чем подавляющей части революционеров. В качестве редактора «Правды» он стал широко известен в кругах революционеров-подпольщиков и в полиции как под своей русской революционной кличкой «Сталин», так и под кавказскими именами «Джугашвили» и «Коба». Упоминание о столице «Петербург» вместо официального «Санкт-Петербург» также не вызывает сомнений, ибо столицу часто именовали таким образом.

Далее само повторение фамилии «Сталин», которое встречается шесть раз в таком сравнительно коротком письме, представляется мне убедительным в наспех составленном послании одного правительственного чиновника другому. Фальсификатор постарался бы сочинить более «литературный» документ, избегая повторов. Пятна, которые при рассмотрении оказались нанесенными теми же чернилами, что и подпись, также служили доказательством того, что письмо не подделка. Фальсификатор воздержался бы от такой неприглядной пачкотни на столь «важной» бумаге.

Итак, я принялся за расследование того пути, который письмо прошло, прежде чем попасть в мои руки.

Оно было передано мне тремя людьми с безупречной репутацией: Вадимом Макаровым, сыном русского адмирала, а сейчас инженером-исследователем, Борисом Бахметьевым, бывшим американским послом правительства Керенского, и Борисом Сергиевским, пионером русской авиации, ныне летчиком-испытателем¹.

Эти трое раздобыли письмо у профессора М. П. Головачева, эмигрировавшего из России в Китай. Ему это письмо дал полковник Руссиянов, офицер царской полиции в Сибири, который, до того как бежал в Китай, порядком порылся в сибирском архиве Охранки. Головачев, человек высокоинтеллигентный, с превосходной репутацией, привез письмо из Шанхая в один из своих визитов в Соединенные Штаты.

Путь, проделанный письмом, предрасполагал к доверию: оно побывало в руках людей авторитетных и пользующихся хорошей репутацией и пришло из Сибири. Почти все поддельные документы, касающиеся периода русской революции, пришли из Европы. Теперь мне предстояло убедиться, что письмо подлинное.

Одним из самых спорных моментов письма было упоминание об аресте Сталина в Тифлисе в 1906 году. Проверить это оказалось делом нелегким. Берия и все прочие официальные биографы не упоминали о том, что Сталин находился под на-

¹ Письмо Охранки хранится в банковском ящичке в зеркальном подвале Кемикал Корн Иксчейндж банка в Нью-Йорке. На прошлой неделе владельцы письма Вадим Макаров и Борис Сергиевский передали документ в дар графине Александре Толстой из Толстовского фонда. — *Примеч. ред. журнала «Life».*

блюдением полиции в течение четырех лет между его побегом из Сибири в начале 1904 года и новым арестом весной 1908 года.

Перед приходом Сталина к высшей власти существовало значительное число воспоминаний, написанных старыми большевиками о тех событиях, в которых Сталин принимал участие. Возможно, в каком-нибудь из этих воспоминаний можно было отыскать ключ к разгадке, но в Советском Союзе эти работы были изъяты из обращения, и даже в крупных библиотеках Запада большинство из них были изувечены или уничтожены неизвестно чьими руками.

Тем не менее кое-что сохранилось. В хронологическом указателе к своей превосходной книге о Сталине Троцкий под 1906 годом сообщает: «15 апреля во время полицейской облавы на авлабарскую типографию Сталин был арестован, а затем отпущен».

Существование авлабарской типографии — один из наиболее романтических эпизодов в истории партии большевиков. Местоположение, где печаталась подпольная литература, было восстановлено и превратилось в приманку для экскурсий, ибо считалось, что типография — детище Сталина. Большая советская энциклопедия называет Авлабар «выдающимся образцом подпольной техники большевиков» и утверждает, что она «превосходила все другие подпольные типографии». Тайна существования авлабарской типографии, печатавшей пропагандистскую литературу большевиков, была раскрыта царским правительством 15 апреля 1906 года. На следующий день главная тифлисская газета напечатала следующую заметку:

Тайная типография

В субботу 15 апреля во дворе пустующего и стоящего особняком дома, принадлежащего Д. Ростоманишвили в Авлабаре, в каких-то 150 или 200 шагах от городской инфекционной больницы был обнаружен колодец около 70 футов глубиной, в который можно было спуститься с помощью веревки и шкива. На глубине примерно 50 футов находилась штольня, где была лестница около 35 футов высотой, ведущая в подвал, расположенный под домашним погребом. В этом подвале была обнаружена полностью оборудованная типография с 20 ящиками шрифта на русском, грузинском и армянском языках, ручной наборный пресс стоимостью 1500—2000 рублей, различные красители, взрывчатый желатин и другие вещи, необходимые для производства бомб, большое количество нелегальной литературы, штемпели различных полков и правительственных учреждений, а также адская машина, содержащая 15 фунтов динамита... В редакционных помещениях газеты «Эльва» были арестованы двадцать четыре человека, которым было предъявлено обвинение в соучастии в этом деле...

Кто были эти задержанные? Е. Ярославский, автор официальной биографии «Вехи в жизни Сталина», неоднократно упоминает о знаменитой авлабарской типографии, старательно обходит упоминания имен тех, кто был арестован во время облавы.

В книге «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», самой официальной версии ранней деятельности Сталина, Лаврентий Берия упоминает об авлабарской типографии только один раз да и то в сноске. Ни слова о полицейской облаве, арестах или материалах, конфискованных Охранкой. Почему Берия, позже ставший главой сталинской госбезопасности, обошел вниманием один из самых романтических эпизодов в анналах большевистского подполья? Единственный разумный ответ заключается в том, что Сталин не хотел привлекать внимания к авлабарской истории.

Этот вывод влечет за собой ответ на еще одну загадку в жизни Сталина. Хорошо известно, что первая поездка Сталина за границу имела место в апреле 1906 года, когда он был делегатом от Тифлиса на «объединительном» съезде социал-демократической партии в Стокгольме. Если скрывающийся от полиции Сталин с его документально установленной подпольной деятельностью был в руках полиции 15 апреля 1906 года, как утверждает Троцкий, то каким образом ему удалось появиться на съезде в Стокгольме восемь дней спустя?

Сталин, должно быть, договорился с полицией о немедленном освобождении. Он пребывал в бегах из Восточной Сибири с начала 1904 года. Теперь перед ним предстала перспектива быть высланным на более длительный срок и в более отдаленное место.

Через несколько часов после ареста в Авлабаре Сталин был отпущен на свободу. Чем это можно объяснить, кроме как сделкой с Охранкой? Он получил свободу в обмен на поездку в Стокгольм в качестве делегата с последующим докладом в Охранку о том, что происходило в самом центре революционеров-заговорщиков.

Хотя это объяснение казалось вполне правдоподобным, я тем не менее продолжал поиски аутентичности документа из Охранки.

Необходимо было убедиться, что именно на такой бумаге писали в полиции; установить, кем и когда была сделана машинка, на которой письмо было напечатано. Взяв его, я отправился к Альберту Д. Осборну, ведущему эксперту Америки по сомнительным документам.

С помощью лабораторной экспертизы Осборн установил, что бумага, на которой письмо было напечатано, не американского или западноевропейского производства и изготовлена давно. Значит, она вполне могла быть произведена в России

еще до первой мировой войны. В России до революции не было заводов, выпускающих пишущие машинки, но «Ремингтон» экспортировал четыре модели с русской клавиатурой, которые широко использовались еще до первой мировой войны. Осборн проверил «ремингтоновскую» шестую модель и не сомневался, что письмо напечатано на такой машинке.

Теперь нам предстояло разыскать официальное письмо из Санкт-Петербурга, которое было бы напечатано на такой машинке. Архивы царских посольств за границей были либо уничтожены, как, например, в Париже, либо увезены советским правительством. Самым плодотворным результатом наших энергичных поисков оказался документ, сохранившийся в Гуверовской библиотеке Стенфордского университета. Он был подписан исполнявшим обязанности начальника Управления полиции в Санкт-Петербурге и датирован 5 ноября 1912 года, то есть на восемь месяцев раньше, чем мое письмо из Охранки.

Осборн, проверив и сравнив процесс печатания на обоих документах, доложил: «Я сопоставил доставленный вами документ с письмом, о котором идет речь, и убедился, что по манере печатания они очень близки. Но машинки разные». Осборн предположил, что машинка может быть той же модели.

Оставалось сделать лишь несколько шагов, однако они были наиболее важными. Работал ли в Охранке человек по фамилии Железняков, кому было адресовано мое письмо? Существовал ли подписавший письмо Еремин? И найдется ли человек, который знал его и может подтвердить подлинность его подписи? И, наконец, жив ли кто-нибудь работавший в Особом отделе и непосредственно осведомленный о связях Сталина с Охранкой?

В начале 1950 года я предпринял поиски во Франции и в Германии. Самое большее, что мне удалось сделать по поводу Железняка, это разыскать нескольких русских беженцев, которые знали его лично в Сибири и могли подтвердить, что такой человек существовал и занимал именно эту должность. Зато по поводу Еремина мне повезло по-настоящему.

На окраине Парижа жил старик с солдатской выправкой, бывший генерал Охранки Александр Спиридович. Генерал Спиридович был известен как оставшийся в живых сотрудник высшего эшелона царской секретной службы. Он получил ранение во время совершенного покушения в 1905 году в Киеве, где он был начальником местной Охранки. Когда свершилась революция, он бежал во Францию.

Спиридович вступил в переписку о письме из Охранки со своим другом Макаровым, живущим в Нью-Йорке. 14 июля 1949 года он написал следующее¹:

¹ Не путать с письмом А. Спиридовича В. Макарову от 13 января 1950 года, публикуемым в настоящем издании. — *Примеч. Ю. Ф.*

«Я хорошо знал Еремина. После того как я был ранен в Киеве в 1905 году, Еремин по моему представлению был назначен начальником Киевского Охранного отделения».

Когда я приехал повидаться со Спиридовичем в Париже, я объяснил ему, что решающий момент заключается в подтверждении достоверности подписи Еремина. Тогда любезный генерал принес серебряный графин на подносе. Он взял семидюймовой высоты графин и протянул его мне.

— Это был подарок моих подчиненных по выздоровлении после совершенного на меня покушения на убийство, — сказал генерал Спиридович, указывая на выгравированные подписи офицеров его подразделения.

Взглянув на подписи, я сразу увидел нечто знакомое.

— Это подпись Еремина! — воскликнул я.

Я вынул фотостат письма, который привез с собой. Генерал Спиридович увидел его впервые¹. Он тоже тотчас узнал почерк Еремина. Сравнение обеих подписей не оставило у нас никаких сомнений в том, что подпись на письме подлинная.

На мои настойчивые расспросы, проживает ли за границей кто-либо из уцелевших офицеров Охранки, генерал Спиридович ответил, что ему известно только об одном таком человеке, который, кстати, мог иметь отношение к делам Сталина с Охранкой. Этого офицера называли Николай «Золотые очки». Как коммунисты, так и антикоммунисты считали, что он погиб во время революции.

В действительности Николай «Золотые очки» бежал из России в Германию и под фамилией «Добролюбов» служил сторожем при греческой православной церкви в Берлине. В течение нескольких десятилетий он тихо жил под боком у советского посольства. Генерал Спиридович дал мне рекомендательное письмо к «Добролюбову».

Стоило отправиться в Берлин ради того, чтобы разыскать человека, который мог оказаться непосредственным начальником Сталина в Охранке. Но в Берлине я узнал, что мой источник информации во время войны перебрался в церковь в Висбадене. Я поехал в Висбаден, и там мое расследование завершилось. На кладбище. Николай «Золотые очки» не долго до этого умер, и вместе с ним оказались похороненными многочисленные тайны Охранки. Не стало и надежды отыскать кого-нибудь, кто действительно работал со Сталиным в период его деятельности в качестве агента царской Охранки.

¹ Из этой фразы следует, что И. Дон Левин прибыл к А. Спиридовичу вместе с В. Макаровым незадолго до 13 января 1950 года. Понятно, что этой встрече предшествовала переписка между В. Макаровым и А. Спиридовичем (в 1949 году), в курсе которой был и на которую ссылается И. Дон Левин. — *Примеч. Ю. Ф.*

Генерал Спиридович поведал мне, что хотел эмигрировать в Соединенные Штаты, но у него возникли неприятности с получением визы. Я был в состоянии помочь ему, поэтому еще до отъезда домой я нанес ему повторный визит, сообщив, что все недоразумения с визой улажены. Я также рассказал ему о моих неудачных поисках, завершившихся на висбаденском кладбище.

Генерал подошел к застекленному шкафчику, в котором стоял серебряный графин с выгравированной на нем подписью Еремина, вынул его и преподнес мне в подарок. В свои 75 лет он смотрел с надеждой на новую жизнь в Соединенных Штатах и чувствовал, что может расстаться с этим памятным сувениром, который пронес через все превратности судьбы. (Он умер в Нью-Йорке в 1952 году.)

Я был глубоко тронут этим жестом. У меня в руках было окончательное доказательство того, что Сталин действительно принадлежал к царской Охранке.

СЕНСАЦИОННАЯ ПОДОПЛЕКА ОСУЖДЕНИЯ СТАЛИНА¹

Экс-генерал НКВД наконец-то может раскрыть потрясающие факты, заставившие красных отречься от своего прежнего идола

[От редакции журнала «Лайф»]

В 30-е годы Александр Орлов был одним из высших чинов НКВД и вместе с покойным Вышинским выступил обвинителем на заседаниях советского Верховного суда. Непосредственно перед своим переходом на сторону Запада в 1938 году Орлов служил в должности начальника разведки в правительственных силах, участвовавших в войне в Испании.

В 1953 году в серии статей в журнале «Life», позднее составивших книгу «Тайная история сталинских преступлений», Орлов впервые обнажил подоплеку знаменитых чисток и ложных обвинений, с помощью которых диктатор террором утвердил в стране свою личную власть. Во многих случаях подлинность сообщений Орлова была подтверждена не кем иным, как Никитой Хрущевым, выразившим мнение нынешнего руководства Советского Союза. Но в то время Орлов не отважился — и это он объясняет в письме — раскрыть тягчайшую из тайн Сталина.

В данной статье Орлов раскрывает эту тайну и тем самым предлагает убедительную версию поворота вождей России к обвинению и ниспровержению Сталина.

Осенью 1937 года, отлучившись со своего поста в Испании, я случайно встретил в Париже в Советском павильоне международной выставки Павла Аллилуева, шурина Сталина и

¹ Life, vol. 40, № 17, 23 апреля 1956 г. Русский перевод публикуется по тексту, опубл. в статье: Е. Плимак, В. Антонов. Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3. С. 168—178. — Примеч. Ю. Ф.

моего друга. Заметив его глубокую подавленность и желание поделиться с кем-нибудь своими тревогами, я договорился с Аллилуевым о встрече в тот же вечер.

Долгое время мы шли вдоль Сены и наконец очутились в слабоосвещенном маленьком кафе. Наш разговор вращался вокруг ужасной картины кровавых чисток, происходивших тогда в Советском Союзе. В какой-то момент я, естественно, спросил его о подоплеке наиболее поразительного эпизода в ряду страшных событий: казни маршала Михаила Тухачевского и других маршалов и генералов Красной Армии.

Павел прищурился и говорил медленно, по-видимому, стараясь, чтобы я хорошо запомнил его слова. «Александр, — сказал он, — никогда не спрашивай о деле Тухачевского. Узнав об этом, ты словно вдохнешь отравляющий газ».

Я спрашивал себя тогда и два года спустя в Нью-Йорке, когда прочел сообщение о внезапной и необъяснимой смерти Павла, какое количество отравляющего яда он вдохнул. Он и не подозревал тогда, сидя со мной в этом захолустном кафе, что я сам был переполнен опасными сведениями. Ибо я был, может быть, единственным из находившихся за границей в то время, кто знал жуткую историю, стоявшую за чисткой Красной Армии в 1937 году, ту историю, которую я здесь в первый раз излагаю.

Это сообщение является самым сенсационным и конечно же тщательнейше охраняемым секретом в чудовищной карьере Иосифа Джугашвили, вошедшего в историю под именем Сталина. Эта тайна терзала душу Сталина и обрекала на смерть любого, кого подозревали в проникновении в нее.

В своей книге «Тайная история сталинских преступлений», опубликованной в 1953 году, я заявлял: когда все факты о деле Тухачевского будут раскрыты, мир убедится, что Сталин знал, что делал... Я говорю об этом с уверенностью, ибо знаю из абсолютно несомненного и достоверного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении.

Сегодня подобное разоблачение бросит также яркий свет на панические действия Хрущева и Ко, которые торопятся отречься от преступлений Сталина и разрушить миф о его величии.

На XX съезде советской Коммунистической партии в феврале этого года Никита Хрущев изумил Россию и мир следующим заявлением:

Сталин сфабриковал обвинение в измене против маршала Тухачевского и семерых других руководителей Красной Армии в 1937 году, казнив их без судебного разбирательства, после чего за этим убийством последовало убийство 5000 ни в чем не повинных офицеров.

Сталин уничтожил сотни старых большевиков, включая 70 из 133 членов ЦК.

Сталин ликвидировал сотни тысяч руководителей промышленности и специалистов, что фактически почти парализовало советскую экономику.

Сталин был трусом, который покинул Москву при приближении войск нацистской Германии¹.

Сталин был садистом, который подвергал людей пыткам, пока они не начинали давать ложные показания.

«Мы никогда не знали, отправляясь к Сталину, — сказал Хрущев о себе и других членах нынешнего правительства, — вернемся ли мы живыми». Никита Хрущев со слезами на глазах развенчивал своего умершего хозяина, вскрыв злодеяния, прикрытые мифом о его благонамеренности и непогрешимости.

Но Никита Хрущев не сказал худшего из того, что знал о Сталине, — главном злодеянии, ставшем известным ему и заставившем его начать кампанию десталинизации, которую проводит ныне Россия у себя дома и за границей.

Все последующее является рассказом о том, что я узнал еще в давние времена, о том, что Хрущев должен был бы так же знать ныне, но о чем он пока не говорит.

Нарастающий шторм

В 1936 году нарастал шторм сталинских чисток. В качестве генерала НКВД я присутствовал на первом московском процессе этого года, с самого его начала и вплоть до объявления приговора о смертной казни. Тогда я полагал, что это самая трагическая из человеческих драм, свидетелем которой мне довелось быть. Но наихудшее было припасено Сталиным для меня, моих друзей, для России.

В сентябре 1936 года Политбюро направило меня в Испанию как советника при республиканском правительстве страны по контрразведывательной деятельности и для организации партизанской войны за линией войск Франко.

Во время одной из поездок мой автомобиль сбил заграждение, причем я получил перелом двух позвонков. Некоторое время я пребывал в испанском госпитале, затем в середине января 1937 года был переведен в Париж и помещен в клинику. Там мне пришлось свыше месяца пролежать пластом на спине.

Однажды — в послеобеденное время 15 или 16 февраля — зазвонил стоявший у моей постели телефон. Это был прези-

¹ А. Орлов здесь ошибается: Сталин Москву не покидал. — *Примеч. Е. Плимака и В. Антонова.*

дент НКВД во Франции Смирнов, голос его звучал весело. «Послушай, — сказал он, — у меня есть для тебя сюрприз, какого у тебя в жизни еще не было». Вслед за тем я услышал в трубке другой голос, который действительно осчастливил меня.

Это был мой двоюродный брат, Зиновий Борисович Кацнельсон. Он только что прибыл в Париж и хотел навестить меня.

Зиновий был не просто моим родственником. Он был другом моего детства, и наша взаимная привязанность росла из года в год.

Когда я был зачислен в Московский университет, я жил с ним в одной комнате в маленькой квартире его матери. Во время гражданской войны мы вместе служили в 12-й Красной Армии и вместе делили фронтовые опасности. Потом мы оба быстро продвинулись на службе у нового режима.

Друзья среди могущественнейших лиц

К 1937 году Зиновий был членом Центрального Комитета компартии Советского Союза, а по службе — заместителем главы НКВД на Украине. Он имел звание командарма второго ранга и близких друзей среди могущественнейших лиц страны. Одним из них был Станислав Косиор, член Политбюро. Как один из руководителей тайной полиции Зиновий еженедельно встречался со Сталиным.

Когда Зиновий со Смирновым вошли в мою палату, мы были счастливы побыть вместе. Зиновий сказал мне, что он в Париже по случаю встречи с двумя важными советскими агентами. Мы болтали о всякой всячине, пока не ушел Смирнов.

Зиновий сразу же сделался серьезным. Он не знал, что я в Париже, и намеревался повидать меня в Испании. «Какое несчастье, что Смирнов знает о нашей встрече», — сказал Зиновий.

Я был изумлен. Почему встреча двоюродных братьев должна оставаться тайной? Зиновий быстро объяснил мне — почему. На своей госпитальной койке в Париже я содрогнулся, услышав историю, которую Зиновий решил мне рассказать.

Я излагаю здесь рассказ Зиновия, добавляя только немногие пояснения в необходимых случаях.

Когда Сталин вместе с шефом НКВД Генрихом Ягодой разрабатывал режиссуру первого из московских процессов, он сделал предложение, которое Ягода воспринял как приказ. Было бы полезно, пояснил Сталин, если бы НКВД смог показать, что некоторые из намеченных жертв чисток были агентами Охранки, царской тайной полиции перед революцией.

Соответственно Сталин предложил подделать «документальные доказательства». Это не было трудным поручением. Подделка документов была обычным делом для советской полиции. Однако Ягода счел рискованным изготавливать документы для открытого процесса: обман мог обнаружиться.

Он решил избрать более безопасный метод — найти бывшего офицера Охранки, уцелевшего во время революции, и заставить его засвидетельствовать, что некоторые из отобранных Сталиным обвиняемых были царскими агентами. Признания, подтверждающие эти свидетельства, получают от обвиняемых, и затем свидетель и заключенные расскажут свои версии на открытом процессе. «Доказательство» того, что предполагаемые вожди революции были на деле агентами царской Охранки — а это наиболее постыдное преступление по советским меркам, — должно было потрясти страну.

Находка злополучной папки

Однако найти живого бывшего офицера Охранки оказалось делом более трудным, чем представлял себе Ягода. Многие из царских агентов были арестованы и расстреляны в первые годы революции, некоторые бежали за границу, остальные обзавелись фальшивыми документами, особенно в провинции. Лучшим способом обнаружить такого офицера, пришло в голову Ягоде, был бы розыск в архивах царской полиции. Эти старые документы должны были навести на родственников сотрудников Охранки, а возможно, и на них самих.

Полицейские архивы старого режима были разбросаны по многим городам. Значительная часть их сохранилась в Ленинграде. Большое количество документов находилось с первых лет советской власти в одном из помещений, которым пользовался предшественник Ягоды, Менжинский. Теперь они были переданы надежному сотруднику НКВД по фамилии Штейн, который был помощником начальника отдела, готовившего московские процессы.

Однажды Штейн наткнулся на изящную папку, в которой Виссарионов, заместитель директора Департамента полиции, хранил документы, видимо, предназначенные только для его глаз. Листая их, Штейн увидел анкету с прикрепленной к ней фотографией Сталина — тогда еще молодого человека. Он подумал, что ему удалось обнаружить некие реликвии, касающиеся деятельности великого вождя в большевистском подполье.

Штейн уже собрался было бежать к Ягоде с радостным сообщением о ценной исторической находке. Но при повторном осмотре папки у него возникло подозрение. Приподнятое на-

строение сменилось страхом и ужасом, когда он приступил к чтению. Обширные рукописные докладные и письма были адресованы Виссарионову, почерк же принадлежал диктатору и был хорошо знаком Штейну. Папка действительно прекрасно характеризовала Сталина, однако не Сталина-революционера, а Сталина — агента-provokatora, который неумоимо работал на царскую тайную полицию.

Несколько мучительных дней Штейн прятал папку Виссарионова в своем кабинете. Наконец решение было принято. Он забрал папку и полетел в Киев, чтобы показать ее своему бывшему начальнику по НКВД, который был к тому же его лучшим другом. Это был В. Балицкий, очень влиятельный член ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Балицкий также руководил НКВД Украины. Мой двоюродный брат Кацнельсон был близким другом Балицкого с первых дней революции, а теперь и его заместителем.

Когда Балицкий изучил обжигающую руки папку, то был потрясен не менее Штейна. Он позвал к себе Зиновия. Они детальнейшим образом исследовали каждый документ в подшивке. Хотя и простым глазом было видно, что документы подлинные, все провели необходимую экспертизу и анализы, чтобы установить возраст бумаги и конечно же идентичность почерка.

Не оставалось и тени сомнения: Иосиф Сталин долгое время был агентом царской тайной полиции и действовал в этом качестве до середины 1913 года. Папка содержала не только агентурные донесения Сталина. Оказалось, что Сталин отчаянно пытался сделать карьеру в царской тайной полиции.

Некоторые из сталинских сообщений от 1912 года относились к Четвертой Думе. Большевицкая фракция в этой Думе состояла из шести депутатов во главе с Романом Малиновским. Когда архивы Охранки были открыты после первой так называемой Февральской революции, выяснилось, что Малиновский все это время был царским агентом и ловко обманывал своих коммунистических коллег. После прихода большевиков к власти он был судим, признан виновным и расстрелян.

Доверительное отношение к Сталину

В то время как Ленин руководил деятельностью партии из-за границы, Малиновский был главным депутатом в России и имел право принимать новых членов в Центральный Комитет партии, когда считал это необходимым. Именно Малиновский в 1912 году включил Сталина в состав Центрального Комитета. Сталин жил тогда в Санкт-Петербурге и в ряде случаев служил посредником между Малиновским и Лениным.

Занимая столь доверительное место в рядах большевиков, Сталин несколько раз был арестован, но всегда ухитрялся бежать.

Из сталинских сообщений Виссарионову совершенно ясно следовало, что Коба знал все о Малиновском. Было также очевидно, что Сталин чрезвычайно ревниво относился к власти Малиновского как в аппарате царской полиции, так и в коммунистической партии. Он стремился сам стать основным агентом полиции в большевистском движении.

В январе 1913 года оба, Сталин и Малиновский, присутствовали на конференции, которая состоялась на квартире Ленина в Кракове (тогда австрийская часть Польши), обеспечивая подробное ее освещение для Охранки. Среди других на конференции были Зиновьев, Каменев и Трояновский, будущий посол в Соединенных Штатах. Сталинское донесение шефам полиции оказалось в папке Виссарионова. Оно характеризовало названных участников, описывало столкновения их мнений и подытоживало принятые решения.

Вскоре после Краковской конференции Сталин решил устранить Малиновского со своего пути на секретной работе в Охранке. Для достижения этой цели он стал действовать через головы своих непосредственных начальников в полиции. Написал письмо товарищу министра внутренних дел Золотареву, руководившему работой Департамента полиции, частью которого была Охранка. Сталин вежливо напоминал товарищу министра, что он имел честь быть представленным ему в приватной комнате некоего ресторана.

То же письмо содержало нападки на Малиновского. Пристально наблюдая за Малиновским на Краковской конференции, писал Сталин, он пришел к убеждению, что тот в глубине души был на стороне Ленина и работал усерднее для большевиков, чем для полиции.

Конец агентурной карьеры Сталина

Но сталинская попытка свалить Малиновского не удалась. На полях письма была начертана резолюция товарища министра внутренних дел, которая гласила примерно следующее: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это». По-видимому, Золотарев передал сталинское сообщение Виссарионову и выразил свое неудовольствие, что агент обратился к нему, минуя непосредственное начальство.

Несколько недель спустя Сталин был арестован вместе с другими большевиками в Санкт-Петербурге, по иронии судьбы попав в западню, которая была уготована ему Малиновским.

После прежних арестов Сталина обычно ссылали в относительно сносное место, и он совершал побег оттуда с удивительной легкостью. Как ему удавалось устроить побег, Сталин никогда не говорил. Одно только это давало основания предполагать, что он был царским агентом, которого арестовывали для сохранения внешней видимости и вскоре после этого отпускали.

Но в середине 1913 года, поскольку его хозяева в Охранке были сыты им по горло, Сталин был осужден на четыре года и выслан в Туруханский край, севернее Полярного круга. Легкие побеги его прекратились. Он оставался в далекой северной ссылке вплоть до Февральской революции.

Таково было поразительное содержание документов, открытых Штейном, доставленных Балицкому и моему двоюродному брату Зиновию, которые признали их аутентичными.

Что теперь делать со взрывоопасной информацией?

Хрущевское руководство знало об этом

Зиновий рассказал мне далее, что он и Балицкий тотчас сообщили об этих фактах двум своим друзьям, которые также считались самыми влиятельными на Украине. Это были генерал Якир, командующий украинскими вооруженными силами, и Станислав Косиор, член Политбюро, секретарь Коммунистической партии Советского Союза, в действительности диктатор на Украине. (Косиор был также шефом быстро восходящего человека в коммунистической иерархии по имени Никита Хрущев. Косиор, которого «ликвидировали» в 1938 году, был «реабилитирован» на XX съезде партии.)

Круг посвященных в ужасную тайну расширялся. Генерал Якир полетел в Москву и обсуждал дело со своим другом Тухачевским, человеком из высшего состава Красной Армии, чья личная неприязнь к Сталину была известна. Тухачевский доверился заместителю наркома обороны Гамарнику, которого уважали за моральную чистоту. Уведомлен был о присходящем и Корк. Эти лица были названы мне Зиновием. Других военачальников, видимо, уведомили позже.

Из этого вырос заговор, возглавленный Тухачевским, с целью положить конец правлению Сталина. Кошмар кровавых чисток, которые тогда происходили, создавал атмосферу бедствия, морального отвращения и душевных мук, что и требовалось для заговора. Внезапное осознание того, что тиран и убийца, ответственный за нагнетение ужасов, был даже не подлинным революционером, а самозванцем, креатурой ненавистной Охранки, побудило заговорщиков к проведению своей акции. Они решились поставить на карту свою жизнь ради

спасения страны и избавления ее от вознесенного на трон агента-provokatora.

В феврале 1937 года генералы Красной Армии находились в состоянии «сбора сил», как назвал это Зиновий. Они еще не достигли согласия в отношении твердого плана переворота. Впрочем, Тухачевский склонялся к следующей схеме действий.

Под каким-либо благовидным предлогом он убедил бы наркома обороны Ворошилова (ныне Председателя Президиума Верховного Совета) просить Сталина собрать высшую конференцию по военным проблемам, касающуюся Украины, Московского военного округа и некоторых других регионов, командующие которых были посвящены в планы заговора. Тухачевский и другие заговорщики должны были явиться со своими доверенными помощниками. В определенный час или по сигналу два отборных полка Красной Армии перекрывают главные улицы, ведущие к Кремлю, чтобы заблокировать продвижение войск НКВД. В тот же самый момент заговорщики объявляют Сталину, что он арестован. Тухачевский был убежден, что переворот мог быть проведен в Кремле без беспорядков.

Существовало два мнения, как объяснил мне Зиновий, что делать после этого со Сталиным. Тухачевский и другие генералы полагали, что Сталина надо просто застрелить, после чего созвать пленарное заседание ЦК, которому будет предъявлена полицейская папка. Косиор, Балицкий, Зиновий и другие (по-видимому, группа лиц, не принадлежавших к армии) думали арестовать Сталина и доставить его на пленум ЦК, где ему предъявили бы обвинение в его полицейском прошлом.

Перед тем как покинуть меня, Зиновий сказал с тревогой: «В случае провала, если нас с Еленой пристрелят, я хотел бы, чтобы ты и Мария позаботились о моей маленькой дочке». Елена была его женой, Мария — моей. Его дочери было тогда три года, и он был к ней страстно привязан. На какой-то момент у него появились слезы. Я понял, что ради спасения дочери он был готов проделать путь от Украины до Испании, если бы это потребовалось, чтобы подготовить меня к доброму или плохому исходу.

«Но как может все кончиться провалом? — приободрил я Зиновия. — Тухачевский — уважаемый руководитель армии. В его руках Московский гарнизон. Он и его генералы имеют пропуски в Кремль. Тухачевский регулярно докладывает Сталину, он вне подозрений. Он устроит конференцию, поднимет по тревоге оба полка — и баста».

Я продолжал говорить, что обычный риск, связанный с любым заговором, — возможность того, что один из его участников провалит всю конспирацию, — здесь исключен. Никто

в здравом рассудке не пошел бы к Сталину, чтобы сказать ему о полицейском досье, ибо немедленная ликвидация была бы наградой за такое откровение.

Мы обнялись, расцеловались в обе щеки, и Зиновий ушел. Я никогда больше его не видел.

Спустя несколько дней я возвратился в Испанию. Неделя за неделей, месяц за месяцем следил я за газетами и использовал каждую свободную минуту, чтобы включить на коротких волнах радиоприемник. Стоило только кому-нибудь спросить меня: «Вы слышали новости?», и я подпрыгивал как ужаленный. Я ждал своих новостей.

11 июня 1937 года я ехал в своем автомобиле от франко-испанской границы к Барселоне. Погода была чудесной. Я смотрел на волнистые холмы и слушал нежную музыку французской радиостанции. Внезапно музыка оборвалась и последовало сообщение: «Радио Тулуза! Специальный выпуск! Советский маршал Тухачевский и ряд других генералов Красной Армии арестованы по обвинению в измене. Они представлены перед военным судом».

Уже на следующее утро официальное советское сообщение поведало пораженному миру, что военный суд состоялся и восемь высших чинов — Тухачевский, Якир, Кокорк, Уборевич, Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков — казнены. Позже стало известно, что Штейн, сотрудник НКВД, нашедший сталинское досье в Охранке, застрелился. Косиор был казнен, несмотря на свой высокий пост в Политбюро. Гамарник окончил жизнь самоубийством еще до ликвидации генералов. Балицкий был расстрелян.

Где-то в середине июля 1937 года до меня дошли сведения, что мой двоюродный брат Зиновий Кацнельсон расстрелян. И поныне я ничего не знаю о судьбе его жены и маленькой дочери.

После коллективной казни узкого круга заговорщиков, которые знали о службе Сталина в Охранке, последовали массовые аресты и казни других, кто мог знать что-то о папке или кто был близок к казненным. Каждый военный, который прямо или косвенно был обязан своим постом одному из уничтоженных генералов, становился кандидатом на тот свет. Сотни, а вскоре и тысячи командиров уволокли со службы и из своих домов в подвалы смерти.

Первый московский процесс, которому я был свидетелем, скоро стал казаться мягким по сравнению с развязанным бешеным разгулом террора. Были скошены и свидетели и режиссеры армейской чистки — люди, которые могли знать тайну досье Сталина. Маршалы и генералы, которые подписали фальсифицированный протокол Военного суда над Тухачевским, исчезли. Исчезли и легионы сотрудников НКВД.

В октябре 1937 года один из высших чинов НКВД, Шпигельглас, прибыл навестить меня в Испанию. Аресты командиров Красной Армии уже коснулись моего ближайшего окружения. Говоря о часах, которые предшествовали аресту и казни Тухачевского, Шпигельглас поведал мне: «На самой верхушке царила паника. Все пропуска в Кремль были внезапно объявлены недействительными. Наши войска НКВД находились в состоянии боевой готовности. Это должен был быть целый заговор!

Дело Тухачевского имело удивительные последствия. Стараясь скрыть истинные причины чистки, Сталин заклеил генералов как предполагаемых шпионов нацистской Германии. Обвинение было явно смехотворным хотя бы потому, что трое из восьми убитых генералов — Якир, Эйдеман и Фельдман — были евреями. Но сталинский обман был настолько успешным, что в течение ряда лет все больше и больше журналистов и историков писали о сотрудничестве маршала Тухачевского с нацистами как об установленном факте. Почти все писавшие ссылались на президента Чехословакии Эдуарда Бенеша как источник своей информации.

Такой искушенный мемуарист, как Уинстон Черчилль, писал (хотя и некоторыми оговорками): «...Он (Бенеш) был информирован, что через Советское посольство в Праге шел обмен сообщениями между важными лицами в России и германским правительством. Это была часть так называемого заговора армии и членов старой гвардии коммунистов, собиравшихся свергнуть Сталина и ввести новый режим, который вел бы прогерманскую политику. Президент Бенеш, не теряя времени, сообщил обо всем, что мог выяснить, Сталину. После этого последовала безжалостная, но, по-видимому, бесполезная чистка среди военных и политиков в Советской России и серия процессов в январе 1937 года, в которых Вышинский, официальный обвинитель, сыграл такую блестящую роль».

«Все обстоит как раз наоборот»

Теперь, когда наследники Сталина признали, что он фабриковал в огромных масштабах ложные юридические процессы и что генералы Красной Армии не были шпионами Гитлера, Черчилль должен бы и удивиться, как это Бенеш подтверждал то, что сам Кремль заклеил как ложь. Случилось так, что я знаю в деталях, в чем дело, и я убежден, что ныне в свободном мире живут официальные чешские чиновники, которые подтвердят фактическую достоверность следующего объяснения.

В 1936 году в советском посольстве в Берлине был резидент НКВД по фамилии Израилевич, которого я хорошо знал. Среди прочих шпионских поручений он поддерживал контакты с двумя информаторами, они занимали важные офицерские посты в германском генеральном штабе. Но, поскольку встречи с этими ценными людьми в нацистской Германии в зоне досягаемости всеведущего гестапо были слишком рискованными, он условился с ними о регулярных встречах в Чехословакии.

Однажды в 1936-м Израилевич встретился с ними в одном из кафе в Праге. Покончив со своим делом, немцы первыми покинули кафе. Задержавшись из осторожности, их советский работодатель заплатил официанту и небрежно вышел на улицу. Несколько минут спустя он был арестован чехословацкой полицией и препровожден в штаб-квартиру. Полиция нашла у него пленку, только что полученную от двух офицеров.

«Мои люди выследили вас, — сообщил ему высший чин полиции. — Они видели вас с немцами. Итак, вы шпионите в пользу нацистов!».

Израилевич, которого я знал как патологического труса, совершенно растерялся. Вместо того чтобы потребовать известить о его аресте советское посольство, он начал оправдываться. «Я их агент? — воскликнул он с профессиональной гордостью. — Все обстоит как раз наоборот. Это они мои агенты! А это пленка, которую я получил от них, фотографии секретных документов германского генерального штаба». Чешский чиновник, не будь дураком, быстро заставил советского гостя похвастать своими успехами в разведывательных делах. Полиция составила протокол. Израилевич его подписал и был отпущен.

О происшедшем было немедленно поставлено в известность министерство иностранных дел Чехословакии, узнал об этом и Бенеш. Изо всех сил стараясь поддерживать дружественные отношения с коммунистической Россией ввиду растущей угрозы Чехословакии со стороны Германии, Бенеш послал полицейский рапорт и показания Израилевича чешскому послу в Москве с указанием сообщить обо всем этом, если возможно, лично Сталину, а потом уже наркому иностранных дел Литвинову. Советское ведомство иностранных дел тепло поблагодарило Бенеша от имени Сталина за дружеские действия. Несчастный Израилевич был отозван в Москву, арестован, и поскольку было ясно, что речь идет о нервном срыве и трусости, то он отделался всего лишь пятью годами заключения в концлагере Кемь вблизи Белого моря.

Год спустя, когда были ликвидированы генералы Красной Армии, Сталин использовал этот инцидент для того, чтобы поставить чехов в известность, что Израилевич в действительности поддерживал контакты с германской разведкой в качестве по-

средника Тухачевского. Чехи знали лучше, что случилось на деле, но они нуждались в помощи Сталина против Гитлера еще более, чем год назад. Они послушно распространяли сталинскую лживую версию об Израилевиче, выдавая ее за правду¹.

После этого Сталин имел полное основание полагать, что истинные факты о чистке в Красной Армии никогда не увидят света.

Девятнадцать лет спустя Никита Хрущев яростно напал на своего прежнего хозяина Иосифа Сталина. Почему?

Говорят, что Хрущев и связанные с ним люди жаждали личной мести Сталину, который столь долго их унижал. Кто верит этому, тот не знает людей, которые в течение двадцати лет были подручными диктатора: он всегда учил их ставить политическую целесообразность выше личных чувств. Сталин ненавидел Ленина, который отрекся от него в своем предсмертном завещании; он травил вдову Ленина; уничтожил всех личных друзей Ленина. Но политик Сталин знал, что ему было выгодно. Год за годом он возводил Ленина в божество и представил самого себя подлинным его пророком.

Почему же Хрущев и его коллеги не действовали подобно Сталину? Ведь они были его ближайшими помощниками много лет. Они унаследовали сталинскую власть. Почему же они не увековечили культ Сталина и не воспользовались им?

Переписывая и фальсифицируя историю, Сталин утвердил себя полководцем Октябрьской революции и единственным непогрешимым вождем мирового коммунизма. Он превратил отсталую крестьянскую страну Россию в могучую индустриальную империю. Он одержал военные победы, равных которым не было в истории России. Он перехитрил своих западных сотрудников в Тегеране, Ялте и Китае. Он распространил власть Советского Союза более чем над 900 миллионами человек. И с таким послужным списком Сталин не был достаточно хорош для Хрущева, Булганина и других в качестве их предшественника?

Более того, очевидно, что Хрущев и другие, предъявляя обвинения Сталину, должны были понимать, что они серьезно рискуют. Их внезапное нападение на Сталина должно было вызвать у русских людей злобное воспоминание о том, как Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян и Маленков прославляли Сталина и его политику перед громадными аудиториями активистов коммунистической партии, как они оправдывали и приветствовали расстрел генералов Красной Армии как «справедливую кару изменникам».

¹ Об этом появились в последние годы новые данные. См.: Шелленберг Вальтер. Мемуары. М., 1991. Карпов Владимир. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1992. — Примеч. Е. Плимака и В. Антонова.

Вожди Кремля должны были, безусловно, сознавать, что в умах людей могут возникнуть законные вопросы об их соучастии в сталинских преступлениях и их способности продолжать руководить Советским Союзом и мировым коммунизмом. И, несмотря на это, Хрущев и остальные сочли необходимым обнародовать историю сталинских преступлений. Почему они пошли на такой риск? Почему они сделали это теперь, в такое время?

Было, несомненно, нечто такое, что оставляло им только один выход: полностью отречься от Сталина и сделать это быстро. Этим «что-то», я убежден, явилось открытие неопровержимых доказательств того, что Сталин — агент-прокуратор царской тайной полиции.

Мой двоюродный брат Зиновий сообщил мне тогда, в 1937 году, в Париже, что было изготовлено несколько фотокопий сталинского досье из Охранки. Тысячу раз после провала планировавшегося Тухачевским переворота я спрашивал себя, что случилось с этими документами. Возможно, что пытками заставили жертв 1937 года указать места хранения одной или более фотокопий. Но некоторые из них, а возможно, сам оригинал документов, должны были быть сохранены.

Я полагаю, что проклятая папка была предъявлена нынешним кремлевским хозяевам, или кому-то, или через кого-то, кто сохранял ее или копию ее все эти годы. Наиболее вероятно, что документы бережно хранились каким-то военным, родственником или другом военного человека.

Но, может быть, документ был передан генералу Жукову и он довел его до сведения своих коллег по «коллективному руководству» как раз в тот момент, когда Хрущев занимался созывом XX съезда советской Коммунистической партии?

Я знал генерала Жукова, когда он прибыл в Испанию в качестве наблюдателя во время гражданской войны.(?) Несколько раз я разговаривал с ним, и у меня сложилось впечатление, что он не был ни придворным, ни игрушкой Сталина. Пятно 1937 года, позорящее честь Красной Армии, с тех пор должно было мучить его солдатскую совесть. Поражения, которые списали во время второй мировой войны на генералов, и победы, незаслуженно приписанные Сталину, должны были скрести душу. Жуков, по всей видимости, и мог быть человеком, который стал обладателем досье из Охранки и дустил его в ход.

Как бы ни было на самом деле, мне кажется несомненным, что документальное подтверждение того, что Сталин — полицейский агент, было предъявлено нынешнему «коллективному руководству». У кремлевской компании не было иного выхода, как попытаться перерезать пуповину, которая связывала ее с узурпатором и самозванцем... Риск был громадным, но без

быстрого и полного разрыва с царским агентом на них самих могло лечь проклятье. У них не было другой возможности навсегда положить конец просачиванию страшной тайны, после того как не стало Сталина, скрывавшего ее. Маршал Жуков и другие могли предупредить их о том, что факты нельзя будет замолчать иначе, как только полностью покончив с мифом о Сталине.

Потрясение для России, потрясение для свободного мира

Нельзя исключить, что сам Кремль однажды раскроет чернейшую из тайн Сталина, дабы избежать, чтобы она каким-либо иным путем стала известна русскому народу. Публикация этой статьи может ускорить появление официального признания. Тем временем, развязав антисталинскую кампанию, нынешние кремлевские владыки готовят своих русских подданных к предстоящему потрясению.

Да и свободный мир лучше бы сделал, также подготовившись к новым потрясениям. Наследники Сталина не порвали на деле с его наследием. Они не отказались от сталинской политики безжалостного подавления политического инакомыслия. Они еще не сломали ворот концентрационных лагерей, которые заполнил Сталин. Хрущев и его «коллективное руководство» отреклись на словах, а не на деле от порабощения иных наций, которого добивался Сталин. В действительности своими нынешними действиями они отчаянно пытаются освободиться от налипшей сталинской порчи, чтобы тем успешнее следовать его безумно великим амбициям.

Почему Орлов так долго молчал

Нижеследующим Орлов объясняет, почему, раскрыв многие злодеяния Сталина в 1953 году, он все же ждал до 1956 года, не разоблачив преступления, которое считал наихудшим:

После того как я порвал со сталинским правительством в 1938 году и бежал со своей семьей из Испании в Канаду и наконец в Соединенные Штаты, я написал Сталину пространное письмо и приложил к нему список преступлений диктатора, которые мне были известны из первых рук. Таким путем я намеревался спасти жизнь моей тещи и матери, которые оставались в России. Я предупредил Сталина, что, если они пострадают, я сразу же опубликую то, что знаю о нем. Я также уведомил Сталина, что, если я буду убит его палачами, все факты обнародуют после моей смерти. Я чувствовал, что такие предупреждения могут сдержать диктатора.

Но я не известил тирана, что посвящен в самую страшную из его тайн. Иначе, думал я, Сталин придет в ярость и любой ценой доберется до меня, подвергнет пыткам, чтобы узнать, где скрыты мои бумаги, убьет меня.

К 1953 году моя жена и я целых пятнадцать лет ничего не слышали о наших матерях; мы считали, что их нет в живых. Так я приступил к напечатанию своих статей в журнале «Лайф» и своей книги «Тайная история сталинских преступлений».

Однако даже после смерти Сталина я все еще не осмеливался опубликовать то, о чем узнал от двоюродного брата Зиновия. Группа, которая захватила власть в Кремле, казалось мне, чтит память Сталина и могла преследовать меня столь же яростно, как это делал бы сам Сталин.

Но вероятность того, что я могу быть ликвидирован или умереть собственной смертью еще до того, как разоблачу Сталина — наемника царской полиции — мучила мое сознание. Летом 1953 года я положил историю, рассказанную двоюродным братом, в сейф одного из банков с поручением вскрыть пакет после моей смерти.

К счастью, нынешний поворот событий в Советском Союзе сделал возможным для меня самому обнародовать факты. Хрущев, несомненно, знает о них, и уже нет причин хранить молчание.

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА¹

ВВЕДЕНИЕ

Генерал Александр Орлов был самым высокопоставленным сотрудником советской государственной безопасности (нынешнего КГБ) из числа тех, кто когда-либо перешел на сторону свободного мира, а также одним из наиболее важных свидетелей, представших для дачи показаний перед Подкомиссией Сената по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности. Умерев в Кливленде, штат Огайо, 7 апреля 1973 года в возрасте 77 лет, он оставил нам бесценное наследие в виде свидетельских показаний о деятельности и целях коммунистической партии, а также о функционировании советских сотрудников в области шпионажа и подрывной деятельности,

¹ Подготовлено Подкомиссией по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности и прочих актов, касающихся внутренней безопасности, Юридической комиссии Сената Соединенных Штатов Америки. 93-й Конгресс. 1-я сессия. Август 1973 г. Напечатано для Юридической комиссии. Типография правительства США, Вашингтон, 1973 (пер. с англ.). — *Примеч. Ю. Ф.*

направленной против Соединенных Штатов Америки. Еще ни один человек не давал таких убедительных показаний, ибо в течение своей жизни Орлову довелось быть причастным к наиболее драматичным и значительным событиям нашей эпохи и во многих из них он принимал самое непосредственное участие в качестве проводника советской политики.

Причиной опубликования данных документов послужила смерть Орлова, случившаяся за несколько месяцев до визита в Америку Леонида Брежнева. Визит Брежнева явился результатом нового взаимопонимания между нашим правительством и правительством Советского Союза, и следует надеяться, что это взаимопонимание будет шириться и углубляться в процессе дальнейших переговоров, которые мы обязаны вести. Я верю, что в данной ситуации мы должны быть готовы пойти на риск в интересах мира и использовать любую возможность, дабы сделать мирные отношения более устойчивыми.

С другой стороны мы не можем забывать об опасностях, по-прежнему сопряженных с риском, и о той угрозе, присущей политике, которой мы готовы следовать. Например, одновременно с настойчивым процессом достижения новых соглашений о контроле над вооружением, нам не следует игнорировать тот факт, что советское правительство под руководством Брежнева всего за несколько лет стало обладателем самой мощной в истории военной силы. Нельзя также забывать о тех уроках, которые были нам преподнесены — причем такой дорогой ценой — из-за того, что мы имели дело с Советами после второй мировой войны.

Мы должны быть оптимистами, постоянно стремящимися к улучшению наших отношений с Кремлем, и в то же время не упускать из вида, что ослабление международного напряжения может рухнуть и что коммунисты способны увеличить или нарастить свое влияние в различных точках мира. При первом взгляде эти два положения могут показаться противоречивыми. В действительности же они дополняют друг друга. Внимательное чтение «Наследия Александра Орлова» поможет нам всем обрести устойчивое равновесие.

Мне повезло быть председателем первого слушания, состоявшегося 28 сентября 1955 года, на котором генерал Орлов давал свои свидетельские показания. Он произвел на меня незабываемое впечатление. Мне пришло в голову, что слово «дезертир» звучит как насмешка, когда речь идет об Орлове. Генерал Орлов никуда не дезертировал, ибо был человеком глубоко нравственным, но обманувшимся в той абсолютно аморальной системе, которую впоследствии категорически отвергал. Ко дню своей смерти Орлов уже прожил в Соединенных Штатах тридцать пять лет. Ему нравились наша страна и наш народ, и он был благодарен Америке за все,

что она для него сделала. Здесь он мог наслаждаться жизнью. Но если Соединенные Штаты оказали ему какую-то помощь, то он сделал для нас нечто большее. Он научил нас быть бдительными.

Он был первым очевидцем, вышедшим из верхов советской системы. Говоря о сталинизме, он не рассуждал; он докладывал. В процессе неопровержимых разоблачений системы и деятельности советской службы госбезопасности он сообщил нам новые подробности. Ни одно из его обвинений в преступлениях и злодеяниях, совершенных Сталиным и его подручными против народов Советского Союза, никогда не было опровергнуто. Орлов неуклонно подчеркивал тот неоспоримый факт, что одна четверть или даже треть всех тех, кто сейчас удерживает ключевые посты в коммунистической партии и советском правительстве, начали свою карьеру при Сталине. Что не изменилось и по сей день.

Когда 5 февраля 1957 года генерал Орлов предстал перед Подкомиссией по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности, ему был задан вопрос о том, действительно ли новые правители Советского Союза вступили на другой совершенно отличный от старого курс. Вот что он ответил:

«Нет, я не думаю, что они перестроились... Они остались сталинистами... Они ничего не изменили в своих действиях по отношению к собственной стране... Что же касается внешней политики, то они продолжают сталинскую политику порабощения других стран и других народов».

Мы обязаны помнить Александра Орлова. Обязаны не забывать его предостережений. Свидетельские показания Орлова, правильно понятые, должны научить наших дипломатов по достоинству встретить те трудности, с которыми им предстоит столкнуться во время переговоров, и в этом смысле помогут на деле способствовать достижению разумных соглашений в других сферах деятельности. Имея именно это в виду и зная, что сегодня есть много молодых американцев, которые никогда не слышали об Александре Орлове, я обратился с просьбой напечатать в качестве сенатского документа свидетельские показания генерала Орлова, данные им в 1955 и 1957 годах Подкомиссии по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности, а также написанные им для журнала «Лайф» пять статей о преступлениях, совершенных Сталиным.

Сенатор Джеймс О. Истленд, *председатель Подкомиссии Сената по наблюдению за исполнением закона о внутренней безопасности*

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Генерал Орлов родился 21 августа 1895 года в городе Бобруйске неподалеку от Минска, в Белоруссии. Он из еврейской семьи, и его настоящее имя — Лев Лазаревич Фельдбин. Его дед был потомком выходца из Австрии, который появился в Бобруйске как раз накануне нашествия Наполеона. В 1885 году, когда в России не запрещалось путешествовать, этот дед в качестве члена делегации от еврейской общины отправился в Палестину для покупки там земли. Это был период «Алия Ришона» — первой эмиграции, когда любимыми словами были «Beth Ga'avov Lehu Wenelha» («Едем в дом Иакова!»). Делегация купила топь, которую намеревалась осушить и регенерировать. Участок был назван «Вратами надежды», и Орлов однажды с тихой радостью заметил, что в Израиле на этом самом месте стоит город Петах Тиква.

Его отец, Лазарь Фельдбин, рожденный в семье, где было около двадцати детей, мать, Ханна Зарецкая, продолжали жить в окрестностях Бобруйска вплоть до Первой мировой войны, которая разрушила семейный деревообрабатывающий бизнес. Другие родственники генерала Орлова, как с отцовской, так и с материнской стороны, и некоторые из его друзей детства, проведенного в Бобруйске, перебрались в Соединенные Штаты. Один его двоюродный брат, Исаак Рабинович, оставался до самой смерти попечителем Брандайского университета. Среди других близких родственников в Америке были покойная Флоренс Келлерман из Нью-Йорка, покойный Натан Курник из Лос-Анджелеса в Калифорнии и большое число двоюродных братьев и сестер в районах Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии и Сан-Франциско.

Семейство Фельдбинов переехало в Москву где-то в 1913 году, когда будущему генералу было восемнадцать лет, и он завел тесную дружбу со своим одаренным кузеном Зиновием Борисовичем Кацнельсоном сначала в Лазаревском институте, а затем в Московской школе правоведения. Осенью 1916 года его призвали в российскую армию и направили служить рядовым в полк, расквартированный на Урале. Как еврей он не мог рассчитывать на офицерское звание и только после Февральской революции 1917 года, закончив Третье Московское военное училище, получил чин подпоручика. В мае того же года он вступил в партию большевиков. Его поручитель и друг, В. А. Тер-Ваганян, оказался в бесконечном списке тех старых большевиков, которым Сталин отплатил смертью. Орлов был известен в партии под именем Льва Лазаревича Никольского.

К сентябрю 1920 года Орлов оказался на польском фронте в 12-й Красной Армии, где командовал партизанской деятельностью и контрразведкой. Он заметно преуспел на этом по-

прише, и его удостоил вниманием сам глава ЧК Феликс Дзержинский. Шофер и друг Орлова во время службы в 12-й армии Макс Бесонов потом стал водителем самого Сталина. Позже в том же году просьба Орлова о переводе в Москву была удовлетворена, и в апреле 1921 года, очутившись по долгу службы в Архангельске, он женился на уроженке Киева Марии Рознецкой, удивительно красивой и изящной женщине, к тому же обладавшей исключительной интеллигентностью и пониманием. Близость их отношений завершилась только после ее смерти за полтора года до его собственной.

Осенью 1921 года супруги возвратились в Москву. Генерал Орлов вскоре стал заместителем прокурора по рассмотрению обращений в советский Верховный суд. В течение этого периода он под непосредственным руководством Николая В. Крыленко работал над составлением первого советского уголовного кодекса. Статьи Орлова и по сей день можно отыскать в выпусках «Еженедельника советской юриспруденции» за 1922 и 1923 годы. В то время, часто вспоминал он, бывший меньшевик Андрей Вышинский был осторожным, но честолюбивым прокурором в том же суде.

Первого сентября 1923 года в Москве у Орловых родился их единственный ребенок, дочь по имени Вероника (Вера). С раннего детства она страдала ревматическим заболеванием и умерла в Лос-Анджелесе 15 июля 1940 года. Ее хроническое недомогание только теснее сплотило эту маленькую семью.

В 1924 году Феликс Дзержинский, глава государственной безопасности (ВЧК—ГПУ—ОГПУ), вызвал молодого прокурора к себе и предложил ему провести расследование по делу о группе людей, обвиняемых в экономических преступлениях. Орлов старательно подготовился к личному допросу всех тех, кто считался главными преступниками, и доложил о том, что обнаружил, на заседании Политбюро, где также присутствовали Сталин и Дзержинский. По изучении дела, утверждал он, ему пришлось прийти к выводу, что подсудимые не были виновны в преднамеренном нанесении урона, спекуляции или использовании вверенного им государственного имущества в своих интересах. Сталин же, по размышлению, заявил, что, дабы другим правительственным чиновникам было неповадно, обвиняемых следует расстрелять. Как всегда, воля Сталина восторжествовала.

Однако происшедшее произвело впечатление на Дзержинского. Вскоре после этого случая он настоял на переводе Орлова в ОГПУ в качестве одного из двух заместителей Благонравова, начальника Экономического управления (ЭКУ). Под надзором Орлова и второго заместителя начальника управления, Андрея Иванчикова, которому впоследствии суждено будет стать заметной в Ленинграде фигурой до и после убийства

Кирова, находились девять отделов. Орлов нес ответственность за работу с V—IX отделов. В обязанности V отдела, возглавляемого Львом Мироновым, в дальнейшем ставшим начальником ЭКУ и сделавшимся ключевой фигурой в манипулировании приехавшими в СССР иностранными бизнесменами, входил тайный присмотр за эксплуатацией всех иностранных концессий и концессионеров. IX отдел под руководством некоего Брянцева ведал деятельностью сосредоточенных на внутренней политике тайных информаторов ЭКУ.

Здесь Орлов встретил своего родственника Зиновия Кацнельсона, который стал у Дзержинского одним из главных специалистов по улаживанию конфликтов, поскольку советский режим во время установления новой экономической политики предпринял перефинансирование своей промышленности с помощью Запада. Немногим раньше, в том же 1924 году, Орлов закончил юридический факультет Московского университета. Он прослужил в Москве еще год прежде, чем стал командующим бригады пограничных войск, состоявшей из шести полков общей численностью в 11 000 человек. Штаб бригады размещался в Закавказье, в городе Тифлисе. Там Орлов встретил Лаврентия Берию, который в 1925 году был заместителем начальника ОГПУ Грузии. В 1926 году Орлов вернулся в Москву, чтобы занять должность только что созданного в ОГПУ Иностранного отдела (ИНО) для наблюдения и контроля за советской внешней торговлей и операциями по закупке оборудования.

Вскоре после этого он покинул СССР под именем Льва Николаева. Местом его пребывания во время этой первой заграничной командировки был Париж. В посольстве Орлов встретил старого приятеля по Кавказу Димитрия Лордкипанидзе, который был заслан туда под фамилией «Цагарели» с представляющей личный интерес для Сталина миссией войти в контакт и заставить пребывавшего в эмиграции грузинского революционера Н. В. Рамишвили умерить пыл и прекратить написание истории о социалистическом движении в Грузии. Лордкипанидзе не удалось выполнить эту задачу.

Орлов работал в Париже в качестве руководителя резидентуры (штаб советской разведки за рубежом) до 1928 года, когда он был переведен в Берлин главой экономической разведки и государственного контроля в Торговом представительстве. Во время берлинского периода он познакомился с Павлом Аллилуевым, братом Надежды, второй жены Сталина. Клемент Ефремович Ворошилов прислал Аллилуева в Берлин возглавить инспекцию самолетов, которые советское правительство закупало в Германии в те годы, когда обе страны договорились нарушить запрет на перевооружение, наложенный на Германию Версальским договором. По приказу Москвы Аллилуев

был введен в возглавляемое Орловым подразделение государственного контроля, и они работали бок о бок в течение двух лет.

26 января 1930 года ОГПУ выкрало белогвардейского генерала и стойкого антикоммуниста Александра Кутепова. Спустя месяц после исчезновения и убийства Кутепова Орлов на несколько дней уехал из Берлина в Москву. До этого ему ничего не было известно о деле генерала. Он завершил свою работу в Берлине в 1931 году, вернулся снова в Москву, где его попросили немедленно возвратиться в Европу и заняться продажей царских драгоценностей. Ему удалось отказать.

Однажды Орлов был у Артура Христиановича Артузова, главы Иностранного отдела ОГПУ, когда Артузову из телефонного разговора стало известно, что тот, кто выкрал Кутепова, некий Яша (Яков) Серебрянский арестован в Румынии во время совершения там подобного же преступления. Артузов испугался, что Серебрянский расскажет, как в действительности было покончено с генералом Кутеповым, и укажет место его захоронения. Таким образом Орлову впервые стало известно о существовании в ОГПУ особой группы, которой было поручено проведение незаконных акций по уничтожению (похищения и убийства), ныне известных как «мокрые дела», и что генерал Кутепов, погибший затем от остановки сердца во время операции, был похищен по приказу Сталина Генрихом Григорьевичем Ягодой, позже ставшим главой НКВД¹.

В сентябре 1932 года при посредничестве одного из своих берлинских связников Орлов приехал в Соединенные Штаты, где пробыл до декабря в качестве гостя «Дженерал Моторс Корпорейшн». В тот раз ему удалось навестить некоторых из своих родственников, которые обитали в районе Нью-Йорка.

Орлов оставался начальником подотдела экономического контроля ИНО с 1933 года до начала 1936 года и часто путешествовал. В конце 1935 и начале 1936 годов он написал 130 страниц, так и оставшихся незавершенным пособием по советской разведывательной технике и действиям для использования в засекреченной школе, где готовили тайных агентов. Именно эта рукопись и стала его «Руководством для разведывательных и партизанских действий», впервые опубликованная в Америке в 1963 году, а теперь выходящая третьим изданием в «Мичиган Университи пресс». За тот же период Орлов побывал в Чехословакии, Австрии, Германии, Швейцарии и Па-

¹ Из английского текста не ясно, к кому относится утверждение «погибший затем от остановки сердца во время операции» — к Ягоде или к Кутепову. Возможно также, что во вступительном слове к показаниям Орлова что-то было напутано и имелась в виду смерть во время операции М. Фрунзе, а не Ягоды. — *Примеч. Ю. Ф.*

риже. Основным объектом его деятельности была Германия, против которой он и осуществлял тайные операции с помощью «нелегалов» — агентов, пребывавших под глубоким неофициальным прикрытием.

К сентябрю 1935 года Орлов вернулся в Москву. Разногласия, возникшие между его родственником Кацнельсоном, который к этому времени был тесно связан с украинским коммунистическим лидером В. А. Балицким, и Ягодой, возглавившим НКВД, возросли, и Орлов понял, что следствием этого будет нерасположение к нему Ягоды. Чрезвычайно расстроенный, он перешел из Иностранного отдела на должность заместителя начальника Управления НКВД по железным дорогам и морскому транспорту, заместителем, на деле исполнявшим обязанности Александра Шанина.

Однако срок его пребывания на этом посту был не долгов. В сентябре 1936 года решением Политбюро Орлов был отправлен в Испанию, где уже два месяца шла гражданская война. Там он служил советником республиканского правительства по делам разведки, контрразведки и партизанских действий. Он руководил тайными операциями, требовавшими высочайшего мастерства, и встречался со многими советскими оперативниками и связниками. Среди них была некая госпожа Меркадор, чей сын Хайм в 1940 году убил в Мексике Троцкого. Другим оказался генерал Болонин, присланный в Испанию в качестве командира одного из ежовских эскадронов-убийц. Орлов следил за ним с опаской. Он часто ездил в Париж, где его родственник Кацнельсон, в ту пору заместитель, но в действительности исполняющий обязанности главы НКВД в Киеве, в феврале 1937 года поведал ему о зреющем среди военных в СССР антисталинистском движении, а затем — после мимолетной встречи с агентом НКВД по имени Антон Туркул — вернулся в Москву и был расстрелян. Абрам Слуцкий, начальник Иностранного отдела НКВД, предупредил его о проходивших тогда чистках в правительстве и органах. Большое количество жертв были евреи.

Одна история требует особого пересказа. 15 октября 1936 года генерал Орлов получил телеграмму с требованием организовать отправку в СССР морем золотого запаса республиканского правительства. Ему было приказано не давать испанцам никакой расписки. Телеграмма с приказом была подписана «Иван Васильевич», кодовым именем Сталина. Она заканчивалась словами: «Буду считать вас лично ответственным за проведение этой операции!» Золото было отправлено из Картегены на четырех пароходах. Весь груз доставили на верфь в 168 грузовиках, по 50 ящиков, весом 145 фунтов каждый, итого почти 1 500 000 фунтов золота. Хуан Негрин, лидер народного фронта и министр финансов, передал Орлову

поддельные документы на человека по фамилии «Блэкстоун», который, предположительно, был связан с правительственными банками Англии и Америки. Альварес дель Валльо, министр иностранных дел в правительстве Негрина, — большинство других членов правительства народного фронта считало его советским шпионом — позже утверждал, что отправка золота была законной сделкой между двумя странами. Это утверждение не соответствует истине. Очень немногим из даже руководящих испанцев было позволено знать истинные факты. И в самом деле комментарий Сталина, переданный Орлову его начальником Слуцким, был весьма характерен: «Больше им не видать этого золота как своих ушей». И действительно золото не вернули.

И не только золото исчезало в Советском Союзе. Пока Орлов был в Испании, росли слухи о тайных судилищах, многочисленных казнях, ширившемся по всему СССР страхе. Внезапно, 9 июля 1938 года, Ежов прислал Орлову телеграмму с приказом выехать в Париж, оттуда на посольской машине в Антверпен, там 13 или 14 июля встретить советское судно «Свирь» и подняться на борт для важного разговора с человеком из Москвы. Генерал ответил согласием, а сам отправился во Францию, где недалеко от границы с Испанией жили его жена и дочь. Он обсудил с женой растущие у него подозрения и перемену в собственных политических убеждениях, и они решили порвать со Сталиным. 11 июля Орлов и его переводчица Соледад Санча выехали из Барселоны на виллу во Франции, откуда забрали госпожу Орлову и их дочь, добрались до Парижа и остановились в отеле, в котором прежде не бывали. Затем генерал и госпожа Орлова пошли в посольство Соединенных Штатов, но сумели только узнать, что американского посла Вильяма Буллита в канун Дня Бастилии в городе нет. Тогда они направились в посольство Канады, где Орлов, несмотря на отсутствие в то время дипломатических отношений между Канадой и СССР, предъявил свой дипломатический паспорт. Он едет в Соединенные Штаты по официальному делу, сказал он, и хотел бы въехать через Канаду. Из Парижа они отбыли в Шербург, где сели на канадский пароход. 21 июля они высадились в Квебеке и поездом добрались до Монреаля.

Там Орлов сел и написал от руки 37-страничное письмо Сталину с копией Ежову, в то время главе советской государственной безопасности. Орлов заявил диктатору, что если тот осмелится отомстить его матери или теще, то он, Орлов, опубликует все, что ему известно. Если же что-нибудь случится с самим Орловым, то его адвокат займется опубликованием его книги. К этому письму он приложил список главных преступлений Сталина. Затем он позвонил в Нью-Йорк своему дво-

юродному брату Натану Курнику, который не только приехал за письмами в Монреаль, но и доставил их советскому послу в Париже. Эти письма окончательно определили судьбу Ежова, ибо Орлов объяснил Сталину, что организатор похищения генерала Миллера в Париже 21 сентября 1937 года давнишний агент НКВД Николай Владимирович Скоблин получил убежище в советском посольстве в Париже, когда заговор частично сорвался. Ежову было известно, что подобное нарушение дипломатических правил противоречит приказу Сталина, поэтому, докладывая Сталину об операции, он солгал о том, каким образом Скоблин был вывезен из Франции.

13 августа 1938 года генерал Орлов и его семья въехали в Соединенные Штаты. Они прибыли в Нью-Йорк и наняли в качестве адвоката Джона Ф. Файнерти, который привлек внимание Орлова, потому что служил юридическим консультантом в возглавляемой Джоном Дьюи комиссии, расследующей происходившие в Москве судебные процессы. Благодаря господину Файнерти Орлов встретился со специальным уполномоченным правительства по делам иммиграции и натурализации господином Джеймсом Л. Хоктелингом и еще одним сотрудником этой службы господином Шумейкером.

Сначала семья Орловых поселилась в Филадельфии. Затем их дочери Вере, здоровье которой всегда внушало опасения, стало хуже, и по этой причине в январе 1937 года они переехали в Лос-Анджелес. Спустя три с половиной года она там и умерла. Орловы вновь пересекли страну, которая все еще оставалась им чужой, и осели в штате Массачусетс под вымышленной фамилией, что обеспечивало им прикрытие. 19 декабря 1940 года они поехали вместе с господином Файнерти в Вашингтон, чтобы зарегистрироваться согласно закону о регистрации иностранцев. С помощью Генерального прокурора Фрэнсиса Биддла Файнерти представил Орловых Эрлу Дж. Гаррисону, который, нарушив правила, разрешил им зарегистрироваться под опекой господина Файнерти вместо указания собственного адреса. После кратковременного проживания в Бостоне они переехали в Кливленд, где обитали никем не замеченные и занимались изучением языка приютившей их страны.

В апреле 1953 года журнал «Лайф» последовательно напечатал четыре, написанных генералом Орловым, статьи под общим заголовком «Страшные тайны власти Сталина». Вскоре после опубликования этих статей появилась и его первая книга «Тайная история сталинских преступлений». Она была издана «Рэндом Хаузом» в Нью-Йорке в 1953 году.

Со дня его бегства на Запад генерал постоянно готовился к выполнению многотрудной задачи написания этого правдивого повествования. Он заставил себя закончить кливлендский

«Дайк энд Спенсеризэн колледж» в основном для того, чтобы овладеть английским языком. В 1945 году он начал кропотливую работу по проверке фактов, оставшихся в его памяти, и исследования, необходимые для сбора доказательств. Ежедневно его можно было встретить в Белом мемориальном зале публичной библиотеки Кливленда, где он терпеливо устанавливал подлинность того, что знал из первых рук. В 1951 году в процессе подготовки английского издания он попросил помощи у Макса Истмена, потому что чувствовал, что ему не хватает знания английского языка, столь необходимого для точного выражения того, чего ему хотелось сказать. Позже он решился делать перевод самостоятельно и завершил английский вариант книги в течение года.

В результате получилось жесткое и откровенное разоблачение не только преступлений, совершенных Сталиным, но и преступности сталинизма вообще как политической и социально-экономической системы. Впервые перед глазами мировой общественности предстала подлинная история Советского Союза в период 1934—1938 годов. Книга предвосхитила знаменитую речь Хрущева на ту же тему на целых три года.

Это — не отчет журналиста или человека, побывавшего в стране, не рассказ о том, как страна выглядит, а рассказ о том, что в стране происходило и, как считает Орлов, происходит поныне. Книга повествует о том, что сталинские приспешники были с ним заодно в том, что Запад ошибочно считал узурпацией власти лично Сталиным. Цинизм, презрение к человеку, как к личности, хладнокровное использование террора как политического инструмента были характерны не только для одного Сталина. Тем, кто ему служил, не терпелось сделать карьеру. «Тайная история сталинских преступлений» показала, что навязанный России режим был способен держать народ мертвой хваткой только посредством превращения государственной безопасности в инструмент олицетворенного террора. Ни правительство, ни службы советской разведки не могли и не могут быть реформированы сегодня, полагает Орлов, потому что большая часть советской власти по-прежнему пребывает в руках сподвижников Сталина.

Книга произвела огромное впечатление. Она была переведена на немецкий, испанский, японский и китайский языки. Оригинал же, тщательно перепечатанный госпожой Орловой, так и не увидел света на своем родном языке.

Орлов знал то, о чем рассказывал, и понимал, что в Америке у него есть возможность говорить правду. С мая по декабрь 1953 года радиостанция «Голос Америки» в течение десяти передач излагала текст его книги.

В рождественские праздники того же года Орлову стало известно, что Марку Зборовскому, подсадной утке НКВД, ко-

того сына Троцкого, Седов, с распростертыми объятиями ввел в круг своих парижских друзей и о ком Орлов строго предупредил Троцкого и его жену, удалось въехать в Соединенные Штаты. Орлов незамедлительно отправился в Нью-Йорк к генеральному прокурору США Будиноту Аттербери и разоблачил Зборовского. 21 января 1954 года член Палаты представителей от штата Миннесота Фрэнсис И. Уолтер внес на рассмотрение законопроект о предоставлении генералу Орлову и его жене права на постоянное жительство в Соединенных Штатах и возможность стать гражданами страны. Однако законопроект не вошел в список дел, назначенных к слушанию. Второй такой же законопроект был внесен 10 марта 1955 года сенатором Джорджем Г. Бендером, представителем штата Огайо, при поддержке группы кливлендских друзей Орлова. На следующий год закон был принят, и Орловы испытали чувство облегчения, наконец-то получив убежище в Соединенных Штатах Америки.

28 сентября 1955 года Александр Орлов в сопровождении Марии предстал перед Подкомиссией Сената по внутренней безопасности. Орлову предложили опознать ряд сотрудников и агентов НКВД, которые ему были известны по службе в Европе, и рассказать, что он про них знает. Он часто не имел представления об их настоящих фамилиях — например, об «Алексееве». Однако о Марке Зборовском Орлову было известно куда больше. И то, что ему казалось очевидным, он не считал нужным скрывать и говорил откровенно. Про Зборовского он заявил: «Мне стало известно, что во Франции существует очень ценный и весьма охраняемый агент, который был заброшен к троцкистам и стал ближайшим другом Льва Седова, сына Троцкого. Он был настолько ценным, что о его существовании знал лично Сталин. Его ценность, как я понимал, заключалась в том, что он в любое время мог стать организатором убийства самого Троцкого или сына Троцкого, потому что из-за того доверия, которым он пользовался у Троцкого и его сына, Марк мог рекомендовать Троцкому секретарей и охранников, а потому был в состоянии помочь убийце проникнуть в дом Троцкого в Мексике».

И это мы услышали от человека, который имел все основания бояться проникновения убийцы в собственный дом и который знал, что в это время Зборовский находится в Соединенных Штатах. Стенограмма его показаний о Зборовском — она была опубликована в 1962 году после принятия решения о возбуждении судебного дела против Зборовского — занимает 17 печатных страниц. В процессе дачи этих показаний Орлов называл и другие имена и тем самым позволил по-настоящему оценить существо и действия службы государственной безопасности Советского Союза.

Разоблачения продолжались. В апреле 1956 года «Лайф» опубликовал написанную Орловым статью, в которой рассматривался так и не решенный вопрос о том, был ли Сталин осведомителем Охранки, то есть царской тайной полиции. Орлову сообщил об этом его родственник Зиновий Кацнельсон, который в феврале 1937 года в Париже поведал ему, что те, кто участвует в антисталинском заговоре, в том числе и он сам, располагают неопровержимыми документами, свидетельствующими о контактах Сталина с Охранкой, и готовятся распространить их среди членов партии.

14 и 15 февраля 1957 года Орлов снова давал показания перед Подкомиссией по внутренней безопасности, на заседании которой председательствовал сенатор МакКлеллан, разоблачая многочисленных советских тайных агентов и их действия и особо подчеркивая активность НКВД в Соединенных Штатах. И снова он говорил честно и ничего не утаивал. На архиважный вопрос сенатора МакКлеллана, «каким образом мы можем побудить сотрудников советских служб перейти на нашу сторону», Орлов дал совет, который остается не менее важным сегодня, чем в тот день, когда он его произнес:

«Я бы посоветовал, чтобы ответственный государственный чиновник... на пресс-конференции или где-нибудь еще сделал заявление о том, что тем, кто выйдет из преступных сговоров, тем, кто хочет порвать со своим прошлым и перейти на сторону свободного мира, помогут получить иммиграционную визу для въезда в эту страну, помогут устроиться и обеспечат неприкосновенность, несмотря на ответственность за проступки, которые они могли совершить в этой стране... Предлагать какие-либо деньги такому человеку было бы нехорошо, потому что людей, которые пришли к решению порвать со своей страной, со своими семьями... не следует соблазнять деньгами. Они будут чувствовать себя оскорбленными. А они не хотят, чтобы на них смотрели как на предателей, они не хотят выглядеть предателями в собственных глазах».

С 1962 по 1965 год Орлов работал над своей второй опубликованной книгой: «Руководство для разведывательных и партизанских действий». Она была напечатана издательством «Мичиган Университи пресс» в 1963 году. Почти за тридцать лет до того он написал первый вариант этого пособия по использованию разведывательной техники при различных обстоятельствах для предполагаемого в Москве обучения нелегалов. Теперь у него была совершенно иная цель: вооружить Запад знаниями, показать, как работают службы советской государственной безопасности не ради защиты Кремля, а ради проникновения в тыл защитников демократии. Одна глава, например, называлась «Щели в броне агента». Концепции советской оперативной деятельности — политической, диплома-

тической, экономической, промышленной и военно-разведывательной, поиск агентов влияния, дезинформация и проникновение в чужие правительства и разведывательные службы, проанализированные в этом руководстве, и поныне лежат в основе практической деятельности КГБ в Соединенных Штатах и в свободном мире.

Орлов был также занят изучением советского законодательства и написанием собственных мемуаров. Ему было по душе спокойствие, присущее научной деятельности. Раз-другой у него возникали основания считать, что он вычислен советской властью и на время помещен под наблюдение. Он и его жена продолжали жить настороже. Их двери всегда были на замке. Незнакомые визитеры допускались с большой осторожностью. Мария очень нервничала от этих досадных ограничений. Она мечтала о той свободе, которую их друзья воспринимали как нечто само собой разумеющееся.

До 14 ноября 1969 года все шло довольно мирно. В тот день раздался осторожный стук в дверь, хотя из домофона при входе в дом не донеслось ни звука. Генерал Орлов чуть приоткрыл дверь. Неизвестный посетитель быстро сказал по-английски, что принес письмо, как он предполагает, от одного из бывших подчиненных Орлова в Испании. Орлов взял письмо и, продолжая придерживать дверь, спросил у посетителя, кто он такой. Человек сказал: «Я Феоктистов. Мне хотелось бы поговорить с Александром Михайловичем». Поняв, что Феоктистов его не знает, Орлов ответил, что передаст Александру письмо, и захлопнул дверь. Мария, которая находилась в спальне, собираясь выйти, услышала кое-что из их разговора. Она метнулась мимо удивленного мужа, который собирался открыть письмо, и, захлопнув за собой дверь, очутилась на площадке, где встретила с посетителем лицом к лицу. Феоктистов снова назвал себя и сказал, что он член советской делегации, прибывшей в Организацию Объединенных Наций в Нью-Йорке. Он даже вынул из кармана служебный пропуск и дал его ей. На пропуске было написано имя: Михаил Александрович Феоктистов. Она спросила, есть ли у него при себе оружие. Он ответил, что нет, и продолжал говорить о принесенном им письме и о том, что в нем содержатся известия о сестрах госпожи Орловой. «Я ничего не хочу слышать от вас о моих сестрах. Забудем про них». Настойчиво выполняя задание, Феоктистов обвинил госпожу Орлову в том, что она не любит своих сестер. Она объяснила ему, что предпочитает услышать о них из другого источника. Она также отвергла его предложение позаботиться о том, чтобы ее сестрам было передано любое письмо, которое она захочет написать. «Мне известны советские методы, — сказала она. — Я знаю, что советские

граждане сначала получают письма из заграницы, а потом их обвиняют в связях с иностранцами». Единоборство длилось почти два часа: Феоктистов настаивал, что должен повидаться с Александром Михайловичем, а Мария решила, что ничего подобного она не допустит. Наконец, нежеланный визитер весьма неохотно удалился. Позже он позвонил Орлову и упрекнул за отказ принять его. «Прочитал ли генерал письмо?» — спросил он. Орлов в свою очередь спросил, кто писал это письмо. Феоктистов ответил, что некто «Прокопук». На что Орлов заявил, что такого в Испании не знал. Феоктистов продолжал гнуть свою линию. Он заверил автора «Тайной истории сталинских преступлений», что в СССР все относится к нему с уважением и даже восхищением и что никто не считает его врагом народа. Он также попросил автора дать ему экземпляр книги. Орлов, пожелав ему здоровья, повесил трубку. Как хорошо, что их подготовка к переезду в другой город была уже в полном разгаре. Однако Орлова беспокоил предстоящий переезд. У его Марии было большое сердце, и им хотелось быть поближе к одному знаменитому кардиологу, который лечил ее прежде. Двухчасовой словесный поединок с Феоктистовым мог отозваться серьезными осложнениями.

Вскоре после нежеланного визита Орловы перебрались в Кливленд. Но КГБ не оставило их в покое. Утром 10 августа 1971 года кто-то тихо к ним постучался. Госпожа Орлова чуть приоткрыла дверь. Она не сразу узнала в пришедшем Михаила Александровича Феоктистова, офицера КГБ, засланного в Америку под маской переводчика в секретариате Организации Объединенных Наций. Последнее время у нее часто туманилось зрение. Феоктистов представился, напомнил ей о своем визите в Мичиган в 1969 году и снова в ответ на ее просьбу предъявил дипломатический паспорт. Она вернула ему паспорт и закрыла дверь.

Вдруг ей пришла в голову мысль, что этот настойчивый человек, быть может, чего-то боится или его мучает совесть, возможно, он тоже хочет выбраться из затянувшей его в трясины советской разведки. А вдруг он ищет помощи? Орловы открыли дверь. Когда Феоктистов вошел, Мария спросила его: «Когда вы порвали с вашим правительством?» Он ответил: «Нет, я с ними, я работаю на них». Он покорно ждал, пока она его обыскивала. Он не был вооружен. Затем он снова разразился восторженной тирадой, которую был вынужден прервать в Энн Арбор почти два года назад. В СССР Александром восхищались и, да, любили. В Советском Союзе его считали героем. Искал он их только с целью получить разрешение «дорогого Александра» использовать его имя и фотографию в советских изданиях, превозносящих его великие деяния.

Он говорил о друзьях, которые, как хорошо знал Орлов, были казнены десятки лет назад, но, по словам Феоктистова, благополучно здравствовали и поныне.

— Может быть, Александр и Мария вернутся на родину, где их ждут с почестями?

— Нет.

— Что ж, может, Александр даст Феоктистову список всех своих друзей в Советском Союзе, чтобы Феоктистов смог рассказать ему новости о каждом из них?

— Нет.

— Быть может, Марии хотелось бы через Феоктистова вступить в переписку со своими сестрами?

— Нет.

— Жена Феоктистова и их маленькая дочь внизу в машине. Быть может, Александру и Марии хотелось бы познакомиться с ними?

— Нет.

— Но почему они так плохо думают о нем?

— Потому что, — ответили они, — он сделает все, что велело ему начальство. А сейчас он может идти и не возвращаться. Они не желают его больше видеть.

Спустя три месяца, 16 ноября 1971 года, Мария Орлова скончалась от сердечного приступа в городе Кливленде. Потеряв жену, которая была ему самым близким другом целых пятьдесят лет (они отпраздновали свою золотую свадьбу в апреле того же года), и единственную дочь, чьи останки покоились в фамильном склепе на кладбище Маунт Оборн в Кембридже, штат Массачусетс, старый генерал продолжал жить. Его разум оставался совершенно ясным. Он помнил всех: Дзержинского, Ягоду, Ежова, Берию, своего погибшего родственника Кацнельсона, Пальмиро Тольятти, Густаво Дюрана, Михаила Кольцова — целые легионы. Он хмуро улыбался, вспоминая, как его письмо Сталину прояснило, что Ежов солгал, докладывая о деле генерала Николая Скоблина, и тем не дало Ежову уйти от расплаты. Он был отважным человеком, и это позволило ему пережить революцию и ее последствия, времена нелегальной деятельности в Советском Союзе и в Европе, гражданскую войну в Испании, страх, распространявшийся из Москвы, который он испытывал у себя на загривке в Барселоне и даже в Энн-Арборе. Ему трудно было оставаться в одиночестве, но он сохранил детскую веру в то, что ему предназначено жить еще много-много лет. Он снова вернулся к работе, начал настраиваться на издание «Тайной истории» на русском языке и на подготовку в набор своих неопубликованных мемуаров.

Первый сердечный приступ случился у него в воскресенье 25 марта 1973 года. Второй — 1 апреля, причем с полной

остановкой сердечной деятельности. Но его вывели и вернули в этот мир в благотворительной больнице святого Винсента с помощью старого друга доктора Генри Циммермана, который также облегчил последние дни его жены. 7 апреля его сердце остановилось в последний раз. Похороны состоялись в Кливленде 10 апреля 1973 года. Богослужение совершили преподобный З. Чабо и раввин Дональд Хескинс.

Публикация «Наследия Александра Орлова» — частично дань памяти этого необыкновенного человека. Гораздо более важным является надежда на то, что она привлечет внимание к его свидетельским показаниям и послужит предупреждением тем многим людям, которые когда-то смутно о чем-то слышали, но с тех пор все забыли, а также тем, которых гораздо больше и которые до сих пор не имели возможности услышать сказанное Александром Орловым.

**СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА,
подтвержденные госпожой Марией Орловой,
28 сентября 1955 года**

Заседание Подкомиссии началось, согласно правилам, под председательством сенатора Джеймса О. Истленда, в 14.40 в помещении № 411 здания Сената. Также присутствовали: главный юрисконсульт Дж. Дж. Сауэрвайн, заместитель главного юрисконсульта Алва Дж. Карпентер, директор исследовательской службы Бенджамин Мандель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Готовы ли вы торжественно поклясться, что свидетельские показания, которые вы намерены привести, есть правда, только правда и ничего, кроме правды, да поможет вам Бог?

ОРЛОВ. Готов.

САУЭРВАЙН. Назовите ваше имя.

ОРЛОВ. Александр Орлов.

САУЭРВАЙН. Где вы живете, господин Орлов?

ОРЛОВ. В Нью-Йорке.

САУЭРВАЙН. И ваш адрес в Нью-Йорке?

ОРЛОВ. Под опекой моего адвоката господина Хьюго Поллока по адресу: 44-я улица, Запад, квартира 19.

САУЭРВАЙН. Чем вы занимаетесь и кто вы по профессии?

ОРЛОВ. Сейчас я писатель. Ранее был советским дипломатом и главой контрразведки.

САУЭРВАЙН. Служили ли вы когда-либо в НКВД?

ОРЛОВ. Да.

САУЭРВАЙН. В качестве кого?

ОРЛОВ. Я занимал несколько высших постов в НКВД, в том числе был заместителем начальника экономического управления НКВД, командующим пограничных войск Закавказского фронта, начальником экономического управления, в должности которого осуществлял контроль над внешней торговлей Советского Союза с другими странами. Последним моим назначением был пост советника Республиканского правительства Испании во время гражданской войны.

САУЭРВАЙН. В данное время вы остаетесь коммунистом?
ОРЛОВ. Нет. Я порвал с коммунизмом еще до въезда в Соединенные Штаты, что состоялось в августе 1938 года.

САУЭРВАЙН. Были ли вы когда-либо знакомы с сотрудником НКВД по фамилии Алексеев?

ОРЛОВ. Да, я хорошо знал Алексеева.

САУЭРВАЙН. Где это было и что он собой представлял?

ОРЛОВ. Впервые я встретил Алексеева в 1933 году в Вене, где он работал под началом одного из своих близких друзей. Затем, в начале 1937 года, приезжая по делам из Испании в Париж, я несколько раз встречал его в советском посольстве во Франции.

САУЭРВАЙН. И какую должность он тогда занимал?

ОРЛОВ. Он был сотрудником отдела НКВД, или, как там это называлось, резидентуры, под руководством Николая Смирнова.

САУЭРВАЙН. И каковы были его обязанности, если вам это известно?

ОРЛОВ. Да, известно. В его обязанности входило встречаться с теми, с кем установлен контакт, и получать от них нужную его службе информацию.

САУЭРВАЙН. Не приходилось ли вам встречаться, видеть или знать человека по имени Этьен?

ОРЛОВ. Приходилось. Будучи во Франции, я узнал, что человек по имени Марк — фамилия его в то время мне была неизвестна, но теперь знаю, что он Зборовский — который был тайным агентом НКВД во Франции, получил распоряжение проникнуть к сыну Троцкого Льву Седову и завязать с ним тесную дружбу.

САУЭРВАЙН. Это было в Париже?

ОРЛОВ. Это было в Париже.

САУЭРВАЙН. В Париже.

ОРЛОВ. Мне хотелось бы добавить... Если позволите, я изложу все обстоятельства в хронологическом порядке, и тогда картина станет более ясной.

САУЭРВАЙН. Прошу вас.

ОРЛОВ. Политбюро направило меня в Испанию в сентябре 1936 года. А перед этим, приблизительно в августе, во время знаменитого московского процесса над Зиновьевым и Каменевым, мне стало известно, что во Франции существует очень ценный и весьма охраняемый агент, который был заброшен к троцкистам и стал ближайшим другом Льва Седова, сына Троцкого. Он был настолько ценным, что о его существовании знал лично Сталин. Его ценность, как я понимал, заключалась в том, что он в любое время мог стать организатором убийства самого Троцкого или сына Троцкого, потому что из-за того доверия, которым он пользовался у Троцкого и его сына, Марк

мог рекомендовать Троцкому секретарей и охранников, а потому был в состоянии помочь убийце проникнуть в дом Троцкого в Мексике.

Когда я услышал об этом в Москве, я не стал узнавать, как зовут этого человека или как его фамилия, потому что в голове у меня немедленно созрело решение о том, что как только я снова окажусь за границей, то сам предупрежу Троцкого об этом шпионе; его имени я не стал допытываться по тем соображениям, что в случае его разоблачения начнется тщательное расследование. А поскольку о его существовании знала лишь горстка людей, будет нетрудно вычислить, кто именно знал и был способен разоблачить Марка. Однако я решил, что в Испании или во Франции, где я бывал очень часто, приложу все усилия, чтобы узнать, кто этот человек. Я считал, что мне это будет нетрудно сделать, ибо глава резидентуры во Франции был моим приятелем.

САУЭРВАЙН. Алексеев?

ОРЛОВ. Нет. Смирнов, о котором я уже упоминал.

САУЭРВАЙН. Понятно.

ОРЛОВ. Работая в Испании, я по делам очень часто посещал Францию. Я встречался со всеми сотрудниками, там же я познакомился и с Алексеевым. Когда я впервые встретил его, этот Алексеев был младшим командиром и служил под началом моего приятеля, с которым мы вместе воевали на Западном фронте во время гражданской войны. Будучи младшим по званию, Алексеев, как это принято в армии, попытался вкратце ко мне в доверие, потому что я был тем, кто мог продвинуть его по службе, перевести к себе в штаб и так далее. Однажды, когда я вышел из посольства вместе с Алексеевым, он сказал мне: «Я знаю человека, который был внедрен к сыну Троцкого и сделался его тенью. Если этот человек поскользнется по моей вине, мне не сносить головы».

Естественно, я очень заинтересовался. Задал Алексееву пару вопросов, выяснил, что этого человека зовут Марком, но не стал спрашивать его фамилии. Он работал в Институте Бориса Николаевского.

Во время очередного посещения посольства Алексеев сказал мне, что должен встретиться с этим человеком. «Хотите на него посмотреть?» Он им гордился и тем самым старался снизить мое уважение. Мы сели в машину и отправились на железнодорожную станцию под названием «Аустерлицкий вокзал». Там мы вылезли из машины и разделились. Алексеев направился в большой парк. Не помню, как называется этот парк, находившийся в непосредственной близости от железнодорожной станции. Я на некотором расстоянии следовал за ним. Вскоре я увидел, что он встретился с невысоким мужчиной, скажем, — мне очень трудно судить — лет тридцати

пяти, ростом около ста шестидесяти пяти сантиметров, в темных очках, то есть темной была оправа, а не стекла. Они уселись на скамейке.

Я прошелся и устроился на другой скамейке, чуть подальше. Я видел, как они обменялись какими-то бумагами, что заняло не более трех, четырех или пяти минут, а затем расстались. Этот Марк направился в один конец парка, а Алексеев — в противоположный. Я пошел вслед за Алексеевым и догнал его. На этот раз, прошу прощения, мне почти ничего не удалось узнать.

Я хочу подчеркнуть, что изо всех сил старался запомнить его лицо, суметь описать его, но я не знал его фамилии и не спросил ее.

САУЭРВАЙН. Это произошло летом 1937 года?

ОРЛОВ. Это было в 1937 году, где-то летом. Он сказал мне, Алексеев сказал мне, что Марк женат на молодой женщине и что они ждут ребенка. Еще он сказал, и теперь я понял, почему они встретились в том парке, что Марк живет рядом с парком, в одной из улочек на его окраине. Значит, вы сумеете выяснить, когда будете его допрашивать, где он жил, ибо знаете точно, что он жил рядом с парком, который расположен около железнодорожной станции. Я также обнаружил, что этот человек, Марк, писал статьи в «Бюллетене оппозиции» Троцкого. Так назывался журнал Троцкого, который выходил во Франции на русском языке. Этот Марк печатался там под псевдонимом «Этьен». Итак, если бы я решил предостеречь Троцкого, у меня уже были кое-какие сведения.

Хотелось бы уточнить время, когда все это происходило. По-моему, это произошло где-то, наверное, в августе 1937 года, кажется, в августе. Не в начале, а в конце лета 1937 года. Позже я узнал, что приблизительно в ноябре не то 1936-го, не то 1937 года Марк выкрал из Института Бориса Николаевского архив Троцкого. Марк следил за Троцким, разыскивал все его сочинения и старался похитить все, что мог (Троцкий разделил свой архив на три части и одну часть разместил в Институте Бориса Николаевского).

Я знаю точно, как это было сделано. Весь мир знал, что однажды ночью кто-то проник в помещение, выжег в двери дыру и похитил этот архив. В действительности это было задумано Марком, тем самым Марком, но для того, чтобы подозрение не пало на него, во время кражи он сам там не присутствовал. Наоборот, для него было придумано хитроумное алиби. Именно в эту ночь он был в квартире сына Троцкого и вместе с другими товарищами пил в честь Октябрьской революции. Это происходило 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции. Он снабдил проникших в Институт агентов

НКВД планом и точным указанием, где спрятаны бумаги Троцкого.

Я порвал с советским правительством 12 июля 1938 года. Через месяц я очутился в Соединенных Штатах. 27 декабря 1938 года я послал из Филадельфии заказное письмо Троцкому в Мексику, в Койокан, где он жил. Я отправил также копию письма жене Троцкого, потому что у нее была фамилия Седова, и я подумал, что если советские агенты или шпионы перехватят мое письмо на мексиканской почте, ибо адрес Троцкого и его имя были известны, возможно, они не обратят внимания на письмо, адресованное его жене. К счастью, у меня до сих пор сохранилась копия письма, которое я послал восемнадцать лет назад. Отлично сознавая, что Троцкий мог быть окружен шпионами и Сталину станет известно о моем местонахождении, если я напишу подобное письмо от собственного имени, я решил придумать такой способ, чтобы содержание письма, известия, которые я хотел передать Троцкому, были бы в письме, но чтобы те, кто перехватят это письмо, либо шпионы, окружавшие Троцкого и способные узнать содержание письма даже от него самого, не смогли бы понять, что это письмо написал я.

Как это письмо было сочинено, можно увидеть на фотокопии сохраненного мною второго экземпляра. Если у вас есть время, я могу рассказать вам, каким способом я придумал известить Троцкого и в то же время скрыть, кто я такой.

Летом, по-моему, 1938 года крупный чин русского НКВД по фамилии Лушков, который был начальником дальневосточных морских рубежей России, видя, как Сталин уничтожает всех его товарищей, решил удрать (может, вы помните эту историю из газет?) и сбежал в Японию. Ему удалось это сделать только потому, что пограничные войска пребывали под его командованием, и путь для него был открыт. Его портрет и фотография, сделанная японскими корреспондентами, обошли газеты. Случилось так, что этот человек был одним из двух руководителей, организовавших первый московский судебный процесс над большевиками в августе 1936 года, поэтому я написал Троцкому следующее.

Я представился русским, бывшим социалистом, давно эмигрировавшим в Америку и случайно оказавшимся дядей бежавшего в Японию генерала Лушкова. Далее, я будто бы получил отчаянное письмо моего племянника, генерала Лушкова, с просьбой приехать в Японию и помочь ему. В том же письме я сообщил Троцкому, что генерал Лушков боится выдачи его японскими властями Сталину и искренне готов предать огласке многое из того, что касается процессов, в которых он, к большому его сожалению, принимал активное участие, и что мне

стало от него известно, что в Париже рядом с сыном Троцкого Седовым находится опасный шпион, которого зовут Марк¹.

Я подписался под этим письмом фамилией «Стейн» и попросил Троцкого поместить в выходявшей в Нью-Йорке троцкистской газете «Социалист аппил» несколько строчек, подтверждающих получение письма. И действительно, вскорости появилось прямое обращение ко мне, то есть к «Стейну»: «Я предлагаю вам прийти в редакцию «Социалист аппил» и поговорить с товарищем Мартином».

Разумеется, я не пошел туда, потому что этот Мартин мог тоже оказаться советским провокатором или кем-то вроде того. Не знаю. Я туда не пошел. Вот и все². Позже я попытался связаться с Троцким по телефону. Я позвонил ему — на это есть свидетель, человек, который был у него в доме в Мексике. Троцкий не подошел к телефону, потому что ему предстояло для этого перейти улицу или сделать что-то подобное. Был уже вечер, и, по-видимому, он опасался выйти.

Сейчас мне ничего не известно о судьбе этого Марка. Почти пятнадцать лет с разрешения американских властей я жил в Соединенных Штатах, скрываясь. Я жил под чужим именем, скрываясь от советских убийц. В апреле 1953 года я опубликовал в журнале «Лайф» мои статьи, разоблачавшие кремлевскую диктатуру. Таким образом я вышел из своего укрытия. После этого я встретился с рядом журналистов, а однажды встретил живущего в Париже лидера русских социалистов, честного человека. Я спросил его, знает ли он человека по имени Марк, который работал в Институте Николаевского. Он ответил, что знает. Тогда я сказал ему, что этот человек — шпион, что он агент-провокатор. Позже, 6 июля 1954 года, я получил письмо от писателя Давида Далина. Вот письмо, в котором он пишет, что хотел бы встретиться со мной, потому что собирается написать отзыв на мою книгу и потому что сам пишет новую книгу о России и ищет моего совета. Я встретился с ним 6 июля 1954 года, тщательно подготовившись к этой встрече, потому что знал, что жена Далина сама была троцкисткой и поддерживала в то время в Париже тесные отношения с Львом Седовым, сыном Троцкого, а также с Марком. Поскольку они были близкими друзьями, я боялся, что если Марк узнает от них... Извините, я должен сказать кое-что еще.

Когда я поведал паре здешних журналистов о Марке, о том, что этот агент-провокатор, вполне возможно, до сих пор

¹ Опущены избранные цитаты из письма Орлова Троцкому. Письмо приводится полностью ниже как «Вещественное доказательство № 426». — *Примеч. Ю. Ф.*

² Позже Орлов указал, что был в редакции, но не открыл себя. — *Примеч. Ю. Ф.*

процветает в Европе и все такое прочее, они заговорили об этом человеке в своей среде, и Марку стало известно, что бывший высокопоставленный чиновник НКВД, генерал Орлов, занимается его разоблачением. Вот почему я организовал встречу с Далиным в полной тайне, ибо если бы Марк узнал от жены Далина, что Орлов намерен встретиться с ними, никому не известно, что могло бы произойти.

Я встретился только с Далиным без его жены, потому что знал, что она очень близкий друг Марка. Поэтому я был осторожен. Между мной и Далиным состоялась довольно интересная и странная беседа. Я спросил у Далина об этом агенте-provокаторе, спросил, знает ли он его. Он ответил, что да, разумеется, он знает Марка. Он спросил: «Известна ли вам его фамилия?» Я ответил: «Нет». Говорит ли вам о чем-нибудь фамилия «Зборовский»? Я ответил: «Нет». Видели ли вы когда-либо этого человека? И на этот вопрос я тоже ответил «нет», ибо боялся, что пойдут сплетни и тому подобное, и Марк может узнать, что я способен его разоблачить. Я спросил у Далина, где может быть этот человек сейчас. Он ответил: «Не знаю». Тогда я рискнул: «Быть может, он сейчас в Польше большой чиновник в НКВД, ведь он именно там вырос».

Далин пожал плечами и сказал: «Может быть». Затем моя жена спросила — она присутствовала при нашем разговоре — что, «быть может, Марк застрял во Франции во время войны?». Тогда Далин ответил: «Нет, он покинул Францию». Из того, о чем я скажу позже, вы поймете, почему мне это показалось странным.

25 декабря 1954 года у меня состоялась вторая встреча с Давидом Далиным. Он попросил меня о ней, потому что ему хотелось увидеться и получить дополнительные советы, касающиеся книги, которую он писал. Я спросил его, где нам предстоит встретиться. «Может, вы придете ко мне?» — сказал он. Я ответил, что приду. «Но, может быть, вы не хотите, чтобы присутствовала моя жена?» Странно услышать подобную фразу от мужа. Наоборот, сказал я, я приведу мою жену и буду рад познакомиться с госпожой Далиной. Мы отправились к ним. И тогда во время нашей беседы о Марке госпожа Далина заметила: «Знаете, мы с Далиным способствовали переброске Марка в Соединенные Штаты». — «Что? — удивился я. — Разве он в Соединенных Штатах?» — «Конечно. Он приехал сюда в 1941 году. Он уже американский гражданин». Еще она сказала, что встречала его на пирсе. Это было для меня большой неожиданностью, потому что, если бы господин Далин сказал мне, что Марк тут, в этой стране, я бы немедленно его разоблачил. Здесь я намерен подчеркнуть, что как только вышел из укрытия, то, беседуя с чиновниками из ФБР, называя им фамилии отдельных шпионов и рассказывая о ра-

боте НКВД, я упомянул о Марке, но не знал, что его фамилия Зборовский, и они, по всей видимости, зачислили его в свой список просто под именем «Марк».

Они спросили меня, где он может быть. Я ответил, что, если он жив, то пребывает, скорее всего, в Польше. Но когда мне стало известно об этом от жены Далина, я немедленно предпринял соответствующие шаги — это было 25 декабря, как раз в Рождество. Спустя два дня я отправился в офис генерального прокурора Соединенных Штатов на Фоли-сквэр, к одному из его помощников, с которым был знаком, и тотчас поведал ему о том, что Марк Зборовский, агент-provokator, сейчас натурализованный гражданин и проживает здесь, в Соединенных Штатах.

А сейчас, возвращаясь к тому визиту в квартиру Далина, я помню, как госпожа Далина сказала мне: «Знаете, ваше письмо, которое вы написали Троцкому, прибыло туда как раз тогда, когда я находилась у Троцкого в Мексике. Когда позже мне стало известно, что вы автор этого письма и что вы имеете в виду Марка Зборовского, я сказала им, что это неправда».

Разумеется, я разозлился. Как так? Зачем же я, немедленно по получении известий о Марке от одного из сталинских помощников и по приезде в Америку, писал Троцкому в Мексику и предупреждал его о заговоре против него? Я привел факты о том, где живет этот provokator, написал, что у него есть младенец, что он недавно женился, что работает в Институте Николаевского и пишет под псевдонимом «Этьен» в «Бюллетене» Троцкого.

Она ответила, что тоже показалось мне странным, что существовали два пишущих «Этьена». Я пришел в бешенство. Это — маленький журнал, и там был только один «Этьен». И я сказал, что существовал только один Этьен. Она принялась возражать, но Давид Далин сделал ей знак успокоиться и подтвердил, что был один «Этьен».

Я задумался над тем, почему она старается его прикрыть. Должна ли дружба зайти так далеко, чтобы защищать преступника? Я не мог этого понять. Но она продолжала настаивать, что это неправда. Тогда я вспомнил и хотел добавить, что с тех пор, как видел Марка с Алексеевым, мне довелось прочесть несколько его донесений, вот я и сказал: «Пусть вы были близким другом Марка. Но что, если я сообщу вам сейчас кое-какие факты, которые приведут вас в полное замешательство?» — «Например?» — откликнулась она. «Имел ли место следующий случай?» — спросил я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Что именно?

ОРЛОВ. Имел ли место такой случай или нет?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Я не понимаю.

ОРЛОВ. Я сказал ей: «Вот что я имею в виду. В один из дней августа 1938 года во время первого московского судебного процесса сын Троцкого Лев Седов шел по парижским улицам в сопровождении Марка, как вдруг увидел на прилавке газету: «Все 16 лидеров революции расстреляны». И он заплакал, шел по улице, не скрывая слез, и рыдал. А люди смотрели на него, о чем Марк и написал в своем донесении. «Вы слышали об этом?» — спросил я, и она ответила: «Да, конечно. Я помню, потому что он сам мне об этом рассказал».

Марк рассказал ей об этом.

Эффект был потрясающий. «А теперь, — сказал я, — верно ли или нет, что Седов написал своему отцу Льву Троцкому в Мексику, что встретил одного русского, человека, приехавшего из России, по всей видимости, большевика, который поведал ему, что в Москве, в Кремле считают Седова не менее важным и способным, чем сам Троцкий?»

И это было написано в одном из донесений Марка. «Да, это правда, Марк мне сам сказал», — подтвердила она.

«Теперь вы верите?» — спросил я. «Да, — ответила она. — Теперь я верю».

Итак, то, что я узнал от госпожи Далиной... Извините меня. После этого визита в квартиру Далина, как я уже сказал, я отправился к генеральному прокурору Соединенных Штатов и поведал всю историю. Прокурор вызвал двух людей из ФБР. Они уже занимались этим делом на основании тех показаний о Марке, которые я давал давным-давно, называя его только «Марк». А госпожа Далина рассказала мне, что агент ФБР приходил расспрашивать о Марке одного из его близких друзей, даму, имя которой теперь мне известно: госпожа Берно. Но это — не настоящее ее имя.

Она вдова известного сотрудника НКВД, который был убит сталинскими агентами в Швейцарии. Его звали Игнатий Рейсс. Госпожа Далина также поведала мне, что госпожа Берно рассказала агенту ФБР кое-что о себе, но это было ложью, и когда она узнала об этом, она — я имею в виду госпожу Далину — настояла на том, чтобы госпожа Берно пошла в ФБР и изменила свои показания.

Далее госпожа Далина сказала мне, что госпожа Берно — а может, и сама госпожа Далина — несколько раз предупредила Марка, что генерал Орлов доносит на него властям. Поэтому Марк уже знал, что я был тем, кто занимается его разоблачением. Теперь, насколько нам известно, Марк Зборовский въехал в эту страну в 1941 году. В его услугах во Франции больше не нуждались. На сына же Троцкого было не то покушение, не то он умер при невыясненных обстоятельствах. Троцкого тоже убили. Поэтому, принимая во внимание мое положение, поскольку НКВД направило в Америку

одного из своих наиболее ценных агентов, мне пришло в голову, что он был заслан с целью загнать меня в угол.

Я твердо убежден, что этот Зборовский все последние годы жил здесь, в Соединенных Штатах, занимаясь шпионажем в широком масштабе. Человек, вроде Чеймберса, и женщина, вроде Элизабет Бентли, вместе с их разоблаченным окружением были просто винтиками в сложном механизме НКВД. Они даже не состояли в Коммунистической партии Советского Союза. Они никогда не были в Москве и никогда не работали на НКВД.

Заметили ли вы, какое доверие им было оказано и скольких людей они знали? Наверняка НКВД доверяло такому человеку, как Марк, в тысячу раз больше, ибо у него был куда больший опыт, нежели у Элизабет Бентли или Чеймберса. Можно, конечно, предположить, что Марк Зборовский тоже порвал с советским правительством и переехал в Америку. Вряд ли, ибо в распоряжении НКВД были докладные записки, написанные им собственноручно, и они никогда бы не позволили ему очутиться на свободе. Они бы заставили его работать. И еще одно: он был профессиональным шпионом в этом ведомстве. Почему он так внезапно порвал с ними? Он работал за деньги. Для него никогда не существовало никаких идеалов. Он представлялся то троцкистом, то социалистом. Но никогда не был ни тем, ни другим. Он просто считал это хорошим бизнесом. От госпожи Далиной мне стало известно, что во Франции Зборовский жил по фальшивым документам, которые, как он сам ей сказал, просто купил.

Мне известно, откуда эти документы. Их сфабриковали в Москве. Как вам теперь понятно, этот Марк Зборовский еще до прихода к нему для разговора агентов ФБР был предупрежден о том, что генерал Орлов занялся его разоблачением. Я думаю, что он немедленно обратился к руководителям советской разведки за советом. Не знаю, что именно они ему посоветуют, но, скорей всего, если вернуться к тем временам, когда я работал в НКВД, они ему скажут, что лучше сознаться в том, в чем его обвиняет генерал Орлов, но молчать обо всем прочем; сказать, что он «конченный человек», что был шпионом, был заслан к сыну Троцкого и так далее, но с тех пор, как появился в Америке, ничего не делал. У него за спиной будут лучшие адвокаты, которые сумеют дать ему совет.

Он появится перед вами завтра или в любой другой день, и это будет нелегкая работа. Вероятно, он признается в том, о чем я здесь рассказал, предположим, заявит, что больше не работал и не работает. Но если с ним побеседуют и поторгуются самые опытные в ФБР люди, им, быть может, удастся отвоевать его у русских.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Вы не знаете, беседовал ли он уже с Бюро?

ОРЛОВ. У меня такое впечатление, что да.

Я говорил человеку из ФБР, который часто приходил ко мне за информацией, что боюсь, что меня убьют как свидетеля против Марка, ибо если бы меня или Чеймберса уничтожили вовремя, Хисс бы все еще существовал. Если бы Элизабет Бентли была уничтожена, то многие другие не были бы разоблачены. Я свидетель, а русским известно, как важно заставить свидетеля замолчать. Человек из ФБР сказал мне: «Не бойтесь Марка Зборовского». Я понял, что Марк либо заговорил, либо сотрудничает, но, по-моему, эти слова звучали не слишком убедительно.

Вам не имеет смысла от него ничего ждать. Может быть, этот человек из ФБР просто хотел успокоить мою жену, потому что она пребывает в постоянном страхе того, что нас убьют.

Из ФБР мне принесли фотографии разных людей и спросили, могу ли я опознать Марка. Я видел Марка еще раз, когда он должен был прийти в одно кафе; я зашел туда и как следует к нему присмотрелся. Из примерно двадцати фотографий я сумел опознать этого Марка.

САУЭРВАЙН. Вы его видели в Соединенных Штатах?

ОРЛОВ. По-моему, всего лишь раз. Когда я вышел из офиса моего адвоката, я увидел человека, читающего газету, и, хотя мне была видна лишь половина его лица, я заметил, что смотрит он на меня внимательно, и у меня создалось впечатление, что это был он.

САУЭРВАЙН. У вас был какой-либо контакт с Марком в нашей стране?

ОРЛОВ. Нет. У меня никогда не было с ним никаких контактов.

САУЭРВАЙН. Если я правильно понимаю, вы утверждаете, что Марку стало известно о том, что вы занимались его разоблачением еще до вашего разговора с господином Далиным. Верно?

ОРЛОВ. Да.

САУЭРВАЙН. Откуда вам стало об этом известно?

ОРЛОВ. Что?

САУЭРВАЙН. Как вам стало известно, что он об этом узнал?

ОРЛОВ. Мне рассказала об этом госпожа Далина. Вот как это произошло. Однажды я встретил почтенного старого социалиста по имени... — ему сейчас лет семьдесят восемь — Рафаила Абрамовича. Раньше он был лидером социалистической партии, жил в эмиграции во Франции и был знаком с Николаевским и многими другими. Я спросил у него, знает ли он

человека по имени Марк, который работал у Николаевского, сказал, что он опасный человек и, вполне возможно, предает людей. Потом на квартире у Далина госпожа Далина заявила: «Господин Абрамович сказал мне, что вы занимаетесь разоблачением Марка. Я ответила ему, что все это неправда и что вы автор письма, в котором одна ложь». Вот как это получилось. По ее же словам, она рассказала об этом и Берно, жене убитого НКВД человека, которая была близким другом Марка. Та и предупредила его.

Не знаю, но вполне возможно, что госпожа Далина сама проболталась. Вот каким образом я узнал от самой госпожи Далиной, что Марку известно о том, что ФБР охотится за ним на основании обвинений, предъявленных Александром Орловым.

САУЭРВАЙН. Вы сказали, что в 1937 году, когда вам впервые стало известно о Марке, вы приняли решение предупредить Троцкого?

ОРЛОВ. Да.

САУЭРВАЙН. Были ли вы в то время...

ОРЛОВ. Когда я был в Москве, я принял решение, что если мне удастся узнать его имя и так далее, я это сделаю.

САУЭРВАЙН. Это было в 1937 году.

ОРЛОВ. Это было осенью 1936 года в Москве. Затем я приехал в Испанию и в течение 1937 года выяснил подробности о Марке.

САУЭРВАЙН. В 1936 и 1937 годах вы были сотрудником НКВД? Советским чиновником?

ОРЛОВ. Да.

САУЭРВАЙН. Это ваше решение предупредить Троцкого было равносильно предательству по отношению к советской России?

ОРЛОВ. Безусловно.

САУЭРВАЙН. В то время вы уже приняли решение порвать с коммунизмом?

ОРЛОВ. Видите ли, я готовился порвать с коммунизмом несколько лет.

САУЭРВАЙН. Именно это я и хотел выяснить. Вы не были троцкистом?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Пусть он ответит на вопрос.

ОРЛОВ. Моя мать и мать моей жены были в Москве, и, если бы я пошел на разрыв, их бы ликвидировали. По правде говоря, когда я окончательно разорвал с ними, потому что мне была устроена западня, я получил телеграмму из Москвы, в июле 1938 года, когда был в Испании. Мне приказывалось поехать в Антверпен и подняться на борт советского судна под названием «Свирь», где со мной будет говорить ответственный партийный сотрудник по линии Политбюро или НКВД. Я по-

нял, что это западня (на территории Испании мне делали западни и раньше).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Зачем?

ОРЛОВ. Чтобы меня ликвидировать. В то время, если вы помните, все крупные чиновники, все шишки были один за другим ликвидированы, и прежде всего все начальники в НКВД, потому что они слишком много знали. Из-за того, что я знал, как делаются сценарии судебных процессов, из-за того, что я был лично знаком с теми, кто допрашивал, и с ликвидаторами, которые пытали. Сталин хотел вклеить в историю миф о том, что все были предателями, гитлеровскими шпионами и только он один был спасителем революции и коммунизма.

В марте 1937 года, еще в марте, мой двоюродный брат, который был членом ЦК партии и главой НКВД на Украине, был ликвидирован, и они старались ликвидировать в Испании и меня. Однажды я получил телеграмму, это было в 1937 году. Я получил телеграмму после того, как большинство моих коллег были убиты и ликвидированы в Москве. Я получил телеграмму, предупреждавшую меня о том, что объединенный штаб генерала Франко и Германии в соответствии с перехваченными документами разработал план поймать меня в западню на территории Испанской республики и заставить дать информацию о военной помощи, которую Россия оказывала республиканскому правительству, какое количество самолетов и тому подобного у них есть. В связи с этим русская разведывательная служба сообщила мне, что посылает двенадцать человек охраны для всех моих передвижений. Я понял, что эти люди будут теми, которым предстоит меня ликвидировать. Поэтому я немедленно ответил, что не нуждаюсь в охране, ибо мой офис день и ночь охраняется испанскими солдатами, и что в моих передвижениях меня сопровождают агенты испанской тайной полиции.

Охранников мне не прислали. Но сразу же после этого я отправил моего помощника, человека, которого Хохлов упомянул здесь, на ваших слушаниях как генерала Котова (он был моим помощником в Испании). Под этой фамилией он был известен в Испании, а его настоящая фамилия была Эйтингон (этот человек был ликвидирован; как он прожил столько лет, не знаю). Я отправил этого человека на фронт, в немецкую интернациональную бригаду, с приказом отобрать десять человек, которые будут моими личными охранниками. Он выбрал десять немецких коммунистов. Некоторые из них были в прошлом ранены, были на хорошем счету, и они жили в моем офисе вместе со мною и сопровождали меня с автоматами в руках и ручными гранатами на поясе, когда я ездил на фронт. Если бы из Москвы появился эмиссар от Сталина

и сказал бы им, что должен ликвидировать Орлова, они бы решили, что он либо предатель, либо шпион. Они бы разделились с ним, а не со мной. Разве что такой приказ был бы отдан Сталиным лично, иначе бы они не поверили. Затем мне пришло в голову, что русские могли бы прислать мобильную бригаду и выкрасть мою четырнадцатилетнюю дочь, которая жила вместе с моей женой примерно в четырнадцати милях от Барселоны, и затем заставили бы меня вернуться в Россию. Когда в двенадцать часов ночи мне пришла в голову эта мысль, я поехал на виллу и разбудил их. Я повез их во Францию, где снял для них другую виллу и оставил при них агента испанской тайной полиции, который знал Францию, потому что в прежние времена работал там таксистом, и который стал их шофером. Но все эти фокусы оказались излишними, потому что именно в это время я получил телеграмму с приказом отправиться в Антверпен, подняться на борт советского судна «Свирь», которое ушло 9 июля и должно было прибыть в Антверпен 14-го, и явиться для разговора с важным человеком, которого, как указывалось, я знал лично.

Они сказали, «которого вы лично знаете». Они не назвали ни клички, ни имени. Я немедленно понял, и мой ближайший сотрудник, Котов, которому я показал телеграмму, тоже понял, что это — западня. Однако все они не сомневались, что в эту западню я попадусь.

Когда я покидал мой офис в Барселоне, мои офицеры вышли из дома, в котором мы вместе жили, попрощаться. Они были настроены мрачно, так как понимали, что я еду в ловушку. Вместо этого я позвонил моей жене, договорился встретиться с ними в одной гостинице в Перпиньяне и бежал. Я прибыл в Париж 13 июля; это было накануне Дня Бастилии, в 1938 году. Я направился к американскому послу Вильяму Буллиту, но он, конечно, накануне Дня Бастилии отправился либо на южное побережье Франции, либо куда-то еще. На месте его не было. Тогда по совету жены я пошел в канадское посольство. К счастью, их офис не был закрыт, и я получил от посла рекомендательное письмо. Я не сказал ему, что нахожусь в бегах. Я поехал в Канаду и, когда прибыл туда, пошел к американскому послу и, не говоря ему о моем разрыве с Советским Союзом, попросил разрешения короткое время побывать в Америке. Мне дали визу на год. Когда я прибыл в США, я нашел адвоката и сразу же отправился в Вашингтон, где немедленно сделал заявление о разрыве с советским правительством. Тогда это был секрет, потому что я не хотел, чтобы Сталину стало известно, где я. Я прибыл в Соединенные Штаты 13 августа 1938 года.

Вот письмо, о котором я вам рассказывал. Это — копия письма, время написания которого можно проверить. Необхо-

димости нет, так как ответ Троцкого опубликован в газете. Оно написано по-русски на машинке с латинским шрифтом, потому что для сообщений мы пользовались иностранными буквами. У меня не было русской машинки. Госпожа Далина сказала, что была в Мексике в момент, когда письмо прибыло. (Обсуждение не протоколируется.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Марк не имел отношения к убийству Троцкого?

ОРЛОВ. Не думаю, что имел. Я не располагаю сведениями об этом. Но мог иметь. Возможно. Это — только мое предположение. С таинственной смертью сына Троцкого, которого оперировали из-за аппендицита, — все шло хорошо, и вдруг человек умер — можно многое подозревать.

САУЭРВАЙН. Это случилось до отъезда Марка из Парижа?

ОРЛОВ. Да, это случилось до отъезда Марка из Парижа.

САУЭРВАЙН. У нас есть заявление господина Далина, которое, мы решили, может быть, вы захотите прочитать, так как у вас могут возникнуть замечания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Прочтите.

МАНДЕЛЬ. Не стесняйтесь перебить меня в любом месте, если захотите что-то добавить. Вот заявление Давида Далина.

(Обсуждение не протоколируется.)

МАНДЕЛЬ. Я прочту ту часть, которая представляется важной.

«Госпожа Далина была знакома со Зборовским с 1935 года. Я встретился с ним несколькими годами позже в Париже. Наше знакомство продолжалось вплоть до 1953 года во время пребывания Зборовского в Америке. Позже Зборовский сам перестал отрицать, что работал на НКВД. Сейчас он признается в выполнении определенных заданий. Одновременно он старается скрыть то, что, по его мнению, не может быть выявлено и доказано. Насколько нам известно от самого Зборовского, он родился в 1907 году в России в городе Умань, который потом находился на территории советской Украины. Бежав из советской России во время революции, родители увезли его в город Лодзь в Польше. В Лодзи Зборовский стал коммунистом, был арестован в 1930 году и после кратковременного пребывания в тюрьме отпущен на поруки. Он бежал и очутился во Франции. Его служба в ГПУ—НКВД начинается, по-видимому, с этого времени. Советская полиция снабдила его превосходными поддельными документами (ни разу не вызвавшими никаких подозрений у французской полиции), и Зборовский, яростный сталинист, согласился, по словам Орлова, выполнять их особые поручения. По словам Зборовского, его первым местом пребывания во Франции был Гренобль, где он работал официантом и учился в университете. Учеба не подкреплена доказательствами. Орлов утверждает, что первым

поручением Зборовскому было устроиться секретарем так называемого «Союза возвращения» в Париже. Союз был основан и финансировался Советским Союзом, и цель его состояла в слежении за антисоветскими эмигрантскими группировками и в пропаганде за возвращение эмигрантов в Россию. Союз служил также прибежищем агентов ГПУ, выполнявших всевозможные задания, включая известные случаи похищения людей и их убийства».

Хотите здесь сделать какие-либо замечания, поскольку упомянуто ваше имя?

ОРЛОВ. Да, хотелось бы. Хотя я сказал, что Марк Зборовский был членом этой группы «Союза возвращения» и действовал там как агент-provokator, я вовсе не говорил, что это было его первым поручением. Не знаю, может, ему и раньше что-то поручалось. Еще мне хотелось бы заметить, что высказанное Далиным утверждение, будто бы он подвергся в Польше аресту и был вынужден бежать, должно быть подтверждено фактами, поэтому я в это не верю. Насколько мне известно, Зборовский никогда и нигде не участвовал в революционной деятельности. Он просто был шпионом, которому платили деньги.

МАНДЕЛЬ. Это все?

ОРЛОВ. Кроме того, я надеюсь, что господин Далин прояснит факт прибытия Зборовского в Соединенные Штаты. Если господину Далину было известно, что господин Зборовский жил во Франции по фальшивым документам, почему в таком случае он помогал организовывать его приезд в Соединенные Штаты?

МАНДЕЛЬ (читает).

«Очередное поручение свело Зборовского с троцкистскими группами во Франции, и это оставалось его заданием с 1933—34 года по крайней мере до войны. Проникновение Зборовского в среду троцкистов и его возвышение в этой группе происходило постепенно; каждый его шаг явно инструктировался опытными людьми из НКВД. В Париже существовали две троцкистские группы: французская и небольшая русская. Вторая, возглавляемая сыном Троцкого, Львом Седовым, имела куда большее значение в глазах НКВД. Путь к Седову лежал через французскую группу, которая, более многочисленная, держала двери широко открытыми и радостно приветствовала каждого пришельца. Зборовский сделался очень популярным среди французских последователей Троцкого, и через короткое время его познакомили с Седовым. Он покинул французскую организацию и посвятил все свое время и внимание Седову и Четвертому Интернационалу».

Есть замечания?

ОРЛОВ. Нет.

МАНДЕЛЬ (читает).

«Притворяясь убежденным троцкистом, Зборовский был посвящен во многие немаловажные секреты организации Троцкого. Он читал большую часть писем, поступавших от Троцкого и к нему, принимал участие в международных конференциях, встречался с большинством троцкистских лидеров из разных стран. В то же время, по словам Орлова, он регулярно и добросовестно доносил в устной и письменной формах на Троцкого и Седова, об их деятельности и планах. Он отчаянно ненавидел Троцкого, говорит Орлов. Зборовский искренно верил обвинениям Москвы о связях Троцкого с Гитлером и тому подобному».

Есть замечания?

ОРЛОВ. Откуда Далин знает о том, что Марк Зборовский верил этим обвинениям, когда тот сам был среди фальсификаторов и знал, как фабрикуются подобные обвинения? Как он мог верить?

МАНДЕЛЬ (читает).

«Жена Зборовского, Регина, хотя и не была активной, но разделяла его коммунистические убеждения и знала о работе Зборовского на советскую секретную полицию. Мне известна только часть подвигов Зборовского за этот период. То, что неизвестно, возможно, имеет гораздо большее значение, чем факты, о которых я собираюсь поведать:

1. Зборовский сыграл определенную роль в деле Игнатия Рейсса. Высокопоставленный сотрудник НКВД Рейсс в июне 1937 года бежал в Голландию и 4 сентября 1937 года был убит бандой НКВД в Швейцарии. В течение этих трех месяцев НКВД следовало за Рейссом по пятам и готовило группу убийц. Представляется несомненным, что Зборовский участвовал в предварительном планировании и обнаружении местонахождения Рейсса. У меня нет доказательства его прямого участия в совершении убийства».

ОРЛОВ. Предпоследнее предложение. Повторите его.

МАНДЕЛЬ (читает).

«Представляется несомненным, что Зборовский участвовал в предварительном планировании и обнаружении местонахождения Рейсса».

ОРЛОВ. Первое: господин Далин упоминает, что Зборовский признался в своей службе в НКВД. Откуда это известно господину Далину? Ему сказала об этом жена Зборовского? Или сам Зборовский сказал ему? Что же касается роли, которую Зборовский сыграл в убийстве Игнатия Рейсса, то это кажется мне лишь предположением. Далин не может располагать какой-либо информацией о таких важных и секретных делах, как это. После того как Игнатия Рейсса убили, обнаружили сложные детали того, как это планировалось и осу-

ществлялось, но я никогда не слышал в связи с этим убийством имени Марка Зборовского.

МАНДЕЛЬ (читает).

«7 ноября 1936 года произошло ограбление в Международном институте социальной истории в Париже, улица Мишле, дом 7, где были похищены архивы Троцкого. Проведенное полицией длительное расследование не дало никаких результатов. По словам Орлова, кража была организована Зборовским».

ОРЛОВ. Совершенно верно.

МАНДЕЛЬ (читает).

«НКВД планировало похитить Седова и вывезти его в Россию, и в этих планах, как предполагается, Зборовскому отводилась важная роль».

ОРЛОВ. Откуда это ему известно? Я, например, об этом не знаю.

МАНДЕЛЬ (читает).

«Когда Седов в феврале 1938 года заболел, Зборовский известил НКВД, в какую больницу его отвезла «скорая помощь». Через несколько дней Седов умер. Однако доказательств того, что Седову «помогли» умереть, не существует».

ОРЛОВ. Это может быть правдой, не знаю.

МАНДЕЛЬ (читает).

«Когда осенью 1937 года в Париже бежал еще один высокопоставленный сотрудник НКВД Вальтер Кривицкий, Седов познакомил с ним Зборовского. Зборовский доносил обо всех шагах Кривицкого. НКВД предприняло попытку устранить Кривицкого на железнодорожной станции в Марселе, но эта акция провалилась».

ОРЛОВ. Похоже на правду.

МАНДЕЛЬ (читает).

«12 июля 1938 года исчез из Парижа и пропал один из троцкистов во Франции, секретарь Четвертого Интернационала, бывший немецкий коммунист Рудольф Клемент (Фредерик). Троцкий лично, а также французская пресса обвинили НКВД в похищении и убийстве Клемента. Зборовский, похоже, сыграл определенную роль в этом деле, хотя никаких доказательств тому не имеется».

ОРЛОВ. Я в это верю. Извините меня, только, по-моему, случилось это 16-го, а не 12-го, я читал об этом в газетах. Но это можно проверить.

МАНДЕЛЬ (читает).

«В 1938 году сбежал и приехал в нашу страну Александр Орлов. Он предпринял попытку предупредить Льва Троцкого о Зборовском и с этой целью направил ему неподписанное письмо с разоблачением деятельности данного шпиона. Троцкий решил, что это — очередной трюк НКВД, нацеленный на разрушение его организации. Позднее Орлов пытался позво-

нить Троцкому (который в то время жил в Мексике) из Калифорнии, но разговор не состоялся».

ОРЛОВА. Когда я была в кухне, где готовила чай, Далина рассказала мне о Зборовском. Я попросила ее не беспокоиться. «Вы не виноваты, — сказала я. — Вы могли о нем не знать. Зато вам известно, что мой муж звонил Троцкому по телефону, чтобы предупредить его, что его могут убить». Она ответила: «Да, я присутствовала, когда в Мексике раздался телефонный звонок из Сан-Франциско».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Что она делала у Троцкого в Мексике?

ОРЛОВА. Она жила там как один из секретарей Троцкого. Она была троцкисткой и поэтому была там.

ОРЛОВ. Я хочу сделать одно замечание. Она утверждает, что Троцкий решил, будто мое письмо — трюк. Это — неправда, потому что настойчивое обращение Троцкого ко мне через газету: «Я предлагаю вам прийти в редакцию «Социалист аппил» и поговорить с товарищем Мартином» свидетельствует о том, что он был заинтересован. Однако вполне возможно, что из политических соображений Троцкий вынужден был сделать вид, будто он не поверил. Ибо если бы он сказал, что верит написанному, все охранники, которые охраняли Троцкого ценой собственной жизни, могли бы покинуть его, потому что, если Троцкий так легко поверил в анонимное письмо о Марке, значит, завтра он может разувериться и в них. Для того чтобы поддержать боевой дух тех троцкистов, которые его окружали, Троцкий, наверное, сказал им, что не верит этому, но на самом деле поверил.

МАНДЕЛЬ (читает).

«Зборовский и его семья...»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Подождите минутку. Госпожа Орлова?

ОРЛОВА. Могу я попросить разрешения задать вопрос? Если в газете было написано, что ты должен пойти и поговорить с господином Мартином, то, по-моему, если господин Мартин жив, у него должны были быть определенные инструкции от Троцкого, что если какой-нибудь человек придет и расскажет об опасности его жизни, то, мол, пожалуйста, поговорите с ним. Я полагаю, что Мартин не умер. Вы можете его спросить, были ли у него инструкции от Троцкого поговорить на основании этого письма с неким человеком, который об этом сообщил, что и послужит доказательством.

ОРЛОВ. В связи с этим я хотел бы добавить еще одну вещь. На самом деле я побывал в редакции газеты Троцкого «Социалист аппил», чтобы посмотреть, кто такой этот Мартин. Я ходил туда (обращаясь к госпоже Орловой), но не сказал тебе, чтобы ты не боялась за мою жизнь.

ОРЛОВА. Это было опасно.

ОРЛОВ. Я спросил, где товарищ Мартин. Кто-то указал мне на него. Я увидел смуглого человека, который был похож на венгра. Я только взглянул на него, и после того, как увидел его, не вошел к нему в комнату. Я не стал говорить с ним. Я ушел.

ОРЛОВА. А ты можешь его опознать, если он жив и ты его увидишь?

ОРЛОВ. Думаю, что смог бы. Может, вы сумели бы вызвать этого Мартина, если сочтете необходимым, с тем, чтобы он рассказал свою версию этой истории?

ОРЛОВА. По-твоему, он не может быть русским шпионом в этой организации...

ОРЛОВ. А что, если может, госпожа Орлова?

ОРЛОВА. Извините меня. Позвольте мне задать один вопрос только, если можно, вне протокола?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Вне протокола.

(Обсуждение не протоколируется.)

МАНДЕЛЬ (читает).

«Зборовский и его семья продолжали жить во Франции и тогда, когда немецкая армия оккупировала половину страны. Мы с госпожой Далиной решили помочь семейству Зборовских бежать из Франции, обеспечили их необходимыми документами, и в декабре 1941 года Зборовский, его жена и сын очутились в Филадельфии, штат Пенсильвания. О том, что Зборовский числится советским шпионом в Соединенных Штатах, мне стало известно только от Александра Орлова. Помимо моих общих представлений об отношении НКВД к своим бывшим агентам, весьма немногое указывает на то, что, по крайней мере, в течение определенного времени Зборовский был связан с представителем НКВД в этой стране, а именно...»

ОРЛОВ. Я не расслышал.

МАНДЕЛЬ (читает).

«О том, что Зборовский числится советским шпионом в Соединенных Штатах, мне стало известно только от Александра Орлова. Помимо моих общих представлений об отношении НКВД к своим бывшим агентам, весьма немногое указывает на то, что, по крайней мере, в течение определенного времени Зборовский был связан с представителем НКВД в этой стране, а именно то, что недавно он сам признался, как через некоторое время после его прибытия в США к нему обратились агенты НКВД в Америке. Однако я сомневаюсь, что он говорит всю правду».

ОРЛОВ. Откуда он об этом знает?

МАНДЕЛЬ (читает).

«В 1943 или 1944 годах ему было поручено доносить на русские эмигрантские группировки в Нью-Йорке, и для этого

он сблизился с различными эмигрантскими лидерами. Например, он дал русскому писателю-меньшевику Аарону Югову 100 долларов, предположительно, на осуществление публикации определенного просоветского статистического материала. Сомневаюсь, что он заплатил из собственного кармана, который в это время был довольно пуст. Он также пытался сблизиться с другими меньшевиками». Есть замечания?

ОРЛОВ. У меня нет никаких замечаний, сэр.

ОРЛОВА. У меня есть замечание. Если господин и госпожа Далины помогли этому человеку приехать в Америку, зная все те дела, которые они описывают тут, то как это возможно, что господин Далин в присутствии меня и моего мужа... В каком ресторане это происходило?

ОРЛОВ. В «Лонгчемпс-ресторане».

ОРЛОВА. Когда? Я прошу вас записать эту дату... Утверждал, что не знает, где этот человек, а мой муж сказал: «Быть может, он сейчас в Польше большой чиновник в НКВД, ведь он именно там вырос». Он сказал: «Может быть». «Может быть, он был во Франции во время войны, — сказала я, — и там погиб». «Нет, мне известно, что он покинул Францию», — сказал он. Не было бы ему проще сказать Орлову: «Вы ищете человека? Этот человек здесь. Может быть, вы в состоянии сделать что-то по этому поводу». Но он задал один очень интересный вопрос: «Способны ли вы узнать Зборовского?»

ОРЛОВ. Вопрос мне?

ОРЛОВА. «Вы когда-нибудь видели этого Зборовского?» — «Мой муж ответил: «Нет». — Способны вы его узнать?» — «Нет». «Вам была известна его фамилия?» Мой муж сказал: «Нет».

МАНДЕЛЬ (читает).

«Кроме квартиры в Бронксе в Нью-Йорке, Зборовский в настоящее время владеет летним домом в Коннектикуте, где его семья проводит лето. Зборовский поведал впечатляющую историю о том, как ему удалось приобрести этот дом: приятельница Зборовских покончила жизнь самоубийством и завещала этот дом его сыну, который ей очень нравился.

В Соединенных Штатах Зборовский побывал на многих работах, но поскольку он сам из этого секрета не делает, я полагаю, мне незачем их перечислять. В завершении мне хотелось бы упомянуть, что, по словам Орлова, Зборовский был не мелким шпионом, а крупным агентом, и, похоже, что НКВД не позволяет агентам такого калибра дезертировать и сбиться с пути».

ОРЛОВ. Это — истинная правда. Поскольку НКВД имеет в своем распоряжении написанные от руки докладные, докладные, написанные самим Зборовским, они его не отпустят. Я знаю, как действует НКВД. Они бы заставили его работать.

Но не думаю, что им бы потребовались серьезные меры воздействия, чтобы принудить его к работе. Зборовский неплохо жил на это в течение многих лет. Почему бы ему не продолжать? Он работал ради денег, и я твердо убежден, что до тех пор, пока он не узнал о том, что я занимаюсь его разоблачением, он непрерывно работал со здешними шпионскими шайками и, быть может, даже руководил ими. Из того, что я слышу от Далина, я делаю вывод, что Зборовский в данное время следует совету своих русских хозяев и признает то, чего не может отрицать, потому что я разоблачил его и потому что мое письмо говорит само за себя. Но русские хозяева посоветовали ему скрыть все остальное.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСТЛЕНД. Есть еще вопросы?
САУЭРВАЙН. Больше нет.

РАЗМАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Четверг, 14 февраля 1957 года

Сенат Соединенных Штатов Подкомиссия по расследованию выполнения закона о внутренней безопасности и других актов, касающихся внутренней безопасности. Юридическая комиссия. Вашингтон, округ Колумбия

Подкомиссия начала свое заседание, следуя регламенту, в 11.05 утра в помещении № 424 здания Сената под председательством сенатора Джона Л. МакКлеллана.

Присутствует: сенатор МакКлеллан.

Также присутствуют: главный юрисконсульт Роберт Моррис, заместитель юрисконсульта Дж. Дж. Сауэрвайн, заместитель юрисконсульта Уильям А. Рашер, директор исследовательской службы Бенджамин Мандель и Роберт МакМанус, аналитик.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Комиссия приступает к работе.

Господин юрисконсульт, прошу вас коротко обозначить тему слушаний.

МОРРИС. Господин председатель, свидетель сегодняшнего утреннего заседания — бывший сотрудник советской тайной полиции, экономический советник НКВД, который готов дать свидетельские показания о шпионаже Советов в отношении Соединенных Штатов, а также, по-моему, о советском манипулировании денежными средствами.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Его показания уже рассматривались на закрытом заседании?

МОРРИС. Да.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Сэр, прошу вас встать и быть приведенным к присяге. Клянётесь ли вы торжественно,

что свидетельские показания, которые вы готовы дать перед этой расследующей дело Подкомиссией, будут правдой, только правдой и ничем, кроме правды, да поможет вам Бог?

ОРЛОВ. Клянусь.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Господин юрисконсульт, приступайте.

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА

МОРРИС. Где вы родились, господин Орлов?

ОРЛОВ. В России.

МОРРИС. В каком году?

ОРЛОВ. В 1895 году.

МОРРИС. Не сумеете ли вы обозначить для нас некоторые наиболее важные из занимаемых вами должностей в советском правительстве?

ОРЛОВ. Во время гражданской войны в России я был командиром партизанских отрядов на Юго-Западном фронте, а точнее, Двенадцатой Красной армии.

МОРРИС. Вы командовали операциями на испанском фронте?

ОРЛОВ. Нет. В России во время гражданской войны.

МОРРИС. Извините.

ОРЛОВ. Затем я был начальником контрразведки этой армии. В 1921 году я командовал пограничными войсками в северном регионе России, а также местными частями, базировавшимися в Архангельске. В 1921 году меня назначили в Верховный суд Советского Союза, который в то время еще не назывался Советским Союзом, а просто Федеративной республикой. С 1922 по 1924 год я был заместителем прокурора в Верховном суде всей страны. В 1924 году меня послали в ОГПУ, что то же самое, что НКВД, в качестве заместителя начальника Экономического управления, которому надлежало курировать промышленность и торговлю.

МОРРИС. Вы были заместителем начальника?

ОРЛОВ. Заместителем начальника Экономического управления ОГПУ, или НКВД.

МОРРИС. То есть советской тайной полиции?

ОРЛОВ. Можете называть это так. Это было министерство внутренних дел.

МОРРИС. В отличие от военной разведки?

ОРЛОВ. Да. Затем в 1925 году меня послали на Кавказ командующим пограничными войсками, которые охраняли границу Советского Союза с Персией и Турцией. В 1926 году я был назначен начальником Экономического управления НКВД, которое надзидало за внешней торговлей. В начале

1936 или конце 1935 года я стал исполняющим обязанности начальника Управления НКВД по железным дорогам и морскому транспорту. В 1936 году, когда в Испании началась гражданская война, меня послали в Мадрид в качестве советского дипломата и советника Республиканского правительства Испании по делам, относящимся к разведке, контрразведке и ведению партизанских действий в тылу врага. Я командовал там партизанскими действиями; и в газетах было отмечено, что мы преуспели в организации двух повстанческих групп, одной в районе Ла Рош, а другой, в Рио Тинто, среди шахтеров, которые вели очень успешные бои и заставили генерала Франко отдать приказ отозвать с фронта две дивизии и отправить их на борьбу с партизанами. Я прибыл в Испанию в 1936 году, в начале сентября, а покинул ее 12 июля 1938 года, когда я порвал с советским правительством и перебрался через Канаду в Соединенные Штаты.

МОРРИС. И с тех пор вы живете в Соединенных Штатах?

ОРЛОВ. Да. Все это время я провел в Соединенных Штатах, скрываясь почти пятнадцать лет вплоть до 1953 года, когда я опубликовал свою книгу «Тайная история сталинских преступлений» и ряд статей в журнале «Лайф».

МОРРИС. Вы никогда не давали показаний перед комиссией Конгресса или судом правительства Соединенных Штатов?

ОРЛОВ. Я давал свидетельские показания перед Подкомиссией по внутренней безопасности на закрытом заседании в сентябре.

МОРРИС. 28 сентября 1955 года?

ОРЛОВ. Да.

МОРРИС. И кроме этого, вы нигде не давали показаний?

ОРЛОВ. Нет, не давал.

МОРРИС. И вы неизвестны в Соединенных Штатах как Александр Орлов?

ОРЛОВ. Практически нет. Я жил, скрываясь, потому что вынужден был прятаться от убийц, которых должен был послать или послал, не сомневаюсь, советский НКВД по приказу Сталина. Когда я порвал с советским правительством, мне пришлось задуматься о своей матери и о матери моей жены, которые оставались в России, и я не сомневался, что меня ждут покушения на мою жизнь. Поэтому я написал письмо Сталину с копией Ежову, который был тогда правой рукой Сталина, предупреждая их, что если что-нибудь случится с нашими матерями или я буду убит, мои мемуары будут опубликованы вместе с известными мне секретами о сталинских преступлениях. Чтобы убедить Сталина, что я не шучу, я, невзирая на протесты моей жены, приложил к письму целый список ста-

линских преступлений, сопроводив их выражениями, которые он сам употреблял на тайных встречах с главами НКВД, когда придумывал и фальсифицировал доказательства против вождей революции во время московских судилищ. Это, по-видимому, произвело определенный эффект, и я понял, что меня не убьют прямо на улице, а попытаются похитить, спрятать в каком-нибудь укромном месте и заставить отдать все мои записи, воспоминания и прочие подобные вещи. В 1953 году я пришел к заключению, что наших матерей уже не может быть в живых, ибо прошло слишком много лет, и решил попробовать предложить мою рукопись, пока Сталин еще жив, редакторам журнала «Лайф».

МОРРИС. Подождите, господин Орлов... Я должен сказать, сенатор МакКлеллан, что когда в 1955 году нам стало известно, что этот свидетель знает человека, который в то время получал субсидии от Фонда Рассела Сейджа и работал в Администрации ветеранов в Бронксе в Нью-Йорке, мы поняли, что господин Орлов, имея опыт работы в советских организациях, не сомневается, что этот человек — советский агент, и попросили господина Орлова дать свидетельские показания именно по этому вопросу. Ранее вы выступали по этому поводу на закрытой сессии, поэтому ваши показания не стали достоянием общественности. Знали ли вы Марка Зборовского или слышали ли вы о нем?

ОРЛОВ. Да, могу. Если хотите, могу кратко о нем вам рассказать.

МОРРИС. Он антрополог, получает субсидии от Фонда Рассела Сейджа, работает в Администрации ветеранов и живет в Бронксе.

ОРЛОВ. Перед тем как я покинул Россию в 1936 году, мне стало известно, что НКВД удалось забросить шпиона в окружение Троцкого и его сына Льва Седова и что Сталин лично знал об этом агенте и читал его донесения о Троцком и сыне Троцкого. Я хорошо понимал, что это значит. Я понял, что Сталин делает все возможное, лишь бы загнать Троцкого в угол и убить его, а также то, что через этого человека Сталин может заслат в дом Троцкого убийцу под личиной охранника или секретаря. Когда я услышал об этом, я понял, что всего лишь кучка избранных людей знает об этом агенте. И я боялся спросить, как его зовут, потому что, если его разоблачат, если я его разоблачу, то неминуемо начнется расследование по поводу того, кто его разоблачил. Таким образом, не спросив его фамилии, я отправился в Испанию. Я знал, что этот агент работал в Париже, где жил сын Троцкого, и издавал «Бюллетень оппозиции».

МОРРИС. Какая была фамилия у сына Троцкого? Под каким именем он был известен?

ОРЛОВ. Он был известен как Лев Седов.

В период моей работы в Испании во время гражданской войны я то и дело приезжал по делам во Францию и всячески старался там узнать у шефа резидентуры НКВД в Париже, во Франции, кто этот агент. Я выяснил, что этот агент стал ближайшим другом сына Троцкого Льва Седова и что он переписывается с самим Троцким. Я опять-таки не спросил его фамилии, но выяснил, что зовут его Марк.

МОРРИС. Имя агента было Марк?

ОРЛОВ. Имя агента было Марк.

В то время я не знал, что его фамилия была Зборовский. Затем я выяснил, что он подписывает статьи в «Бюллетене оппозиции» Троцкого именем «Этьен». Я узнал также, сколько ему лет, что он женат и у него есть ребенок, совсем маленький — около года, и я выяснил, что этот агент работает в научно-исследовательском институте, который возглавлял старый хорошо известный социалист Борис Николаевский. Таким образом, у меня появилось достаточно сведений, чтобы разоблачить этого человека. Вскоре после этого я порвал с советским правительством и переехал в Соединенные Штаты.

МОРРИС. Вы говорите, что решили разоблачить этого человека?

ОРЛОВ. Да, я решил разоблачить этого человека и предупредить Троцкого, что этот человек может подослать к нему убийцу.

МОРРИС. Иными словами, вы уже расстались с идеалами Советов?

ОРЛОВ. Да. И как только я приехал в Соединенные Штаты и устроил свои личные дела, я написал два письма — одно Троцкому в Мексику и другое, копию, — его жене, тоже в Мексику, предупреждая их об этом агенте-провокаторе, которого заслали в их среду, и предостерегая Троцкого против этого человека. У меня есть копия этого письма, которую я передал Подкомиссии по внутренней безопасности на ее заседании. Это фотокопия, снятая с машинописной копии, а также перевод письма.

МОРРИС. Это то самое письмо, которое вы много лет тому назад послали самому Троцкому?

ОРЛОВ. Да. Я послал его 27 декабря 1938 года.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хотите ли вы, чтобы это письмо было зачитано для протокола?

МОРРИС. По-моему, это было бы полезно, сенатор.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Будьте любезны, прочтите это письмо для протокола.

ОРЛОВ. Поскольку письмо длинное, я просил бы разрешения привести здесь лишь некоторые цитаты из него.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Что ж, все письмо...

МОРРИС. Я предлагаю занести все письмо в протокол, а свидетеля попросить прочесть лишь соответствующие куски.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Письмо в этом месте будет занесено в протокол.

(Указанное письмо было помечено как «Вещественное доказательство № 426»)

Вещественное доказательство № 426

(застенографированный текст)

27 декабря 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович, я — еврей, приехавший из России. В юности я был близок к революционному движению (партия Бунд). Затем я эмигрировал в Америку, где и живу уже много лет.

У меня остались в России близкие родственники. Среди них есть человек по имени Лушков, Генрих Самойлович, видный большевик, руководитель ЧК. Это тот самый Лушков, который, испугавшись за свою жизнь, 8 месяцев тому назад бежал из Хабаровска (Россия) в Японию. Об этом было напечатано во всех газетах. Оттуда (из Японии) он написал мне в Америку, прося меня приехать и помочь ему. Я поехал туда и помог ему, чем мог. Я отыскал адвоката, который позаботился бы о том, чтобы его не выслали обратно к Советам, и дал ему немного денег.

Почему я пишу обо всем этом Вам? Потому что я узнал от Лушкова, что в Вашей организации есть опасный агент-провокатор. Я больше не революционер, но я честный человек. А честные люди относятся определенным образом к агентам-провокаторам. Вот что я узнал от Лушкова:

Всей деятельностью против старых большевиков в России ведал Молчанов, начальник тайного ведомства. Он готовил в Москве суд над Зиновьевым. А Лушков работал у Молчанова помощником. После ареста Ягоды Лушкова перевели в Хабаровск и назначили начальником политической полиции и помощником генерала Блюхера. А тем временем Молчанов и все прочие высшие офицеры тайной полиции, служившие под Ягодой, были расстреляны по приказу Сталина. Лушков понял, что близок и его час, и бежал в Японию.

Из разговора с Лушковым мне стало ясно, что он сам тоже принимал участие в преследовании революционеров и подготовке суда над Зиновьевым. Сейчас Лушков — враг Сталина, но он отклонил мое предложение отомстить за революционеров, сидящих в тюрьмах в России, так как боится, что если займется этим, русское правительство будет настаивать на его высылке из Японии и может на этот счет договориться с японцами.

Но я-то думаю, что не в том дело и что подлинной причиной отказа Лушкова является то, что он сам, побуждаемый

стремлением к повышению и жаждой власти, принимал активное участие в преступлениях, совершавшихся против революционеров.

Когда я вернулся в Соединенные Штаты, я ближе познакомился с трагедией русских революционеров и прочел такие книги, как «Невиновен» и «Дело Льва Троцкого».

Дорогой Л. Д., эти книги порождают возмущение жестокостью, с какою в России относятся к людям, которые отдали всю свою жизнь революции. Под влиянием этих книг я решил (к сожалению, немного поздно) написать Вам о самом важном факте, который я узнал от Лушкова: *о важном и опасном агенте-провокаторе*, который долгое время был помощником Вашего сына в Париже.

Лушков категорически против того, чтобы опубликовать известные ему вещи, и не намерен выступать сам с публичными разоблачениями, но он не возражает против того, чтобы сообщить Вам, кто является главным агентом-провокатором или сталинским чекистом в Вашей партии.

Лушков дал мне детальную информацию об этом агенте при условии, что никто — даже Вы сами — не должен знать, что эта информация исходит от него. Несмотря на то, что Лушков забыл фамилию провокатора, он сообщил достаточно деталей, чтобы Вы могли безошибочно установить, кто этот человек. Этот агент-провокатор долгое время помогал Вашему сыну Л. Седову в издании Вашего русского «Бюллетеня оппозиции» в Париже и сотрудничал с ним до самой его смерти.

Лушков почти уверен, что имя провокатора — Марк. Он был буквально тенью Л. Седова, информировал ЧК о каждом шаге Седова, обо всей его деятельности и личной переписке с Вами, которую провокатор читал с ведома Л. Седова. Этот провокатор втерся в полнейшее доверие Вашего сына и знал о деятельности Вашей организации столько же, сколько сам Седов. За работу этого провокатора несколько офицеров ЧК получили ордена и медали.

Этот провокатор до 1938 года работал в архиве или институте хорошо известного меньшевика Николаевского в Париже и, возможно, по-прежнему там работает. Этот самый Марк украл часть Вашего архива (документы) из заведения Николаевского (если не ошибаюсь, он делал это дважды). Эти документы были переправлены Лушкову в Москву, и он их читал.

Этому агенту-провокатору приблизительно 32—35 лет. Он — еврей, родом из русской части Польши, хорошо пишет по-русски. Лушков видел его фотографию. Провокатор носит очки, он женат и имеет ребенка.

Больше всего меня поражает доверчивость Ваших товарищей. У этого человека нет никакого революционного прошлого.

Несмотря на то что он еврей, четыре года тому назад он был членом Общества по репатриации в Россию (это общество бывших царских офицеров в Париже). По словам Лушкова, этот факт был хорошо известен в Париже даже членам Вашей организации. Уже в этом обществе Марк выступал как большевистский агент-provokator, затем ЧК направило его в Вашу организацию, где ему почему-то стали доверять. Provokator выдает себя за бывшего польского коммуниста, но это очень маловероятно.

Лушков сказал мне, что после того как из института Николаевского был украден Ваш архив, в Москве были уверены, что Вы обнаружите provokatora, потому что в институте работало всего несколько человек, и все они, за исключением provokatora Марка, были в прошлом революционерами. Я спросил Лушкова, имеет ли provokator какое-либо отношение к смерти Вашего сына Л. Седова, и он ответил, что ему это неизвестно, а вот то, что архив был украден Марком, — это несомненно.

Лушков высказал предположение, что теперь, когда *убийство Троцкого стоит на повестке дня, Москва попытается заслать убийц с помощью этого агента-provokatora или же через агентов-provokatorov из Испании под видом испанских троцкистов.*

Лушков сказал, что Вы хорошо знаете этого provokatora из писем Л. Седова, но с ним лично никогда не встречались. Лушков сообщил, что provokator регулярно встречался с сотрудниками советского посольства в Париже, и Лушков выражал удивление, как Ваши товарищи не обнаружили этого, — *особенно после того, как Ваши документы были выкрадены из института Николаевского.*

Дорогой Л. Д., это все, что я на данный момент могу Вам сказать. Надеюсь в будущем узнать от Лушкова многое, что поможет высветить деятельность московской политической полиции и доказать, что казненные революционеры были невиновны.

Прошу Вас никому не говорить о моем письме, в особенности о том, что это письмо пришло к Вам из Соединенных Штатов. Русское ЧК, несомненно, знает, что я ездил к Лушкову, и если они каким-то образом узнают об этом письме, то поймут, что Лушков дал Вам информацию через меня. А у меня в России близкие родственники, которым я посылаю продовольственные посылки, и их могут арестовать из-за этого письма.

Не рассказывайте также, что Вы получили эту информацию от Лушкова. Лучше всего вообще никому не говорить об этом письме. Просто попросите Ваших доверенных товарищей в Париже выяснить, принадлежал ли Марк к Союзу по ре-

патриации на родину, проверить его прошлое и посмотреть, с кем он встречается. Нет сомнения, что Ваши товарищи довольно скоро выяснят, что он встречается с сотрудниками советского посольства.

Вы имеете право проверять членов Вашей организации, даже если у Вас нет данных о том, что это — предатели. А кроме того, Вы не обязаны верить мне.

Главное: будьте бдительны. Не доверяйте никому — ни мужчине, ни женщине, которые могут явиться к Вам с рекомендациями от этого провокатора.

Я не подписываю письма и не даю своего адреса, так как боюсь, что сталинисты могут перехватить это письмо на почте в Мексике и прочесть его. Они могут даже конфисковать письмо, а чтобы я знал, что Вы получили мое письмо, я хотел бы, чтобы Вы напечатали в нью-йоркской газете «Социалист аппил» сообщение о том, что редакция получила письмо Стейна — пожалуйста, поместите это сообщение в газете в январе или феврале.

Для большей надежности я посылаю два одинаковых письма: одно — адресованное Вам и второе — Вашей жене Н. Седовой. Ваш адрес я узнал из книги «Дело Л. Т.»

С уважением Ваш друг¹.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Теперь можете прокомментировать определенные цитаты из письма.

ОРЛОВ. Хорошо. Итак, цитаты, но прежде, чем привести их, мне хотелось бы сказать, что, отправляя это письмо, я знал, что корреспонденцию Троцкого перехватывают агенты русской полиции на мексиканской почте, и я понимал, что они прочтут мое письмо и таким образом узнают, где я скрываюсь — в Соединенных Штатах, — что облегчит им задачу убить меня. Таким образом мне надо было найти способ передать Троцкому мое сообщение и в то же время не раскрыться. Мне удалось это сделать благодаря одному обстоятельству, которое произошло за несколько месяцев до того.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Продолжайте.

ОРЛОВ. За границей был еще один человек, который знал личность этого советского агента среди троцкистов. Этим человеком был генерал Лушков, который был раньше заместителем маршала Блюхера. Блюхер находился в Дальневосточном приморском крае России. Случилось так, что генерал Лушков, который был правой рукой Сталина в подготовке процессов против старых большевиков, испугался за свою жизнь и в июне 1938 года бежал в Японию. Вот я и решил послать

¹ Дается в обратном переводе с английского. В архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета обнаружить оригинал письма Орлова не удалось. — *Примеч. Ю. Ф.*

письмо Троцкому таким путем, чтобы он пришел к выводу, что эта информация исходит от генерала Лушкова. Я отлично знал, что русские прочтут письмо и решат, что Лушков выступил в Японии перед журналистами и засветил Марка Зборовского. Я разработал легенду и написал Троцкому, что я — старый эмигрант, русский эмигрант, живущий в Америке, что мой «племянник» генерал Лушков бежал в Японию, что я получил от него письмо с просьбой о помощи, в котором выражались опасения, что он может быть выслан в Россию. Я поехал к нему и помог ему, чем мог — нашел для него адвоката. И вот что я узнал от Лушкова. Я написал Троцкому, что Лушков по указанию Сталина был одним из организаторов знаменитых процессов, одним из тех, кто фальсифицировал показания на этих процессах, и теперь он боится за свою жизнь, потому что у Сталина вошло в привычку убивать всех, кому известны его тайны и преступления. Итак, я написал, что узнал от Лушкова про опасного агента-provokatora, близкого к сыну Троцкого, и что этот агент-provokator может сыграть главную роль в убийстве Троцкого. Вот некоторые цитаты из этого письма. Я написал письмо так, как написал бы его русский эмигрант. Я постарался, чтобы язык письма был не очень хорошим, не совсем гладким русским языком¹.

Месяц спустя я увидел отчаянный по тону вызов: «Господин Стейн, я предлагаю вам прийти в редакцию «Социалист аппил» и поговорить с товарищем Мартином». Я пошел туда, но не назвался. Просто посмотрел на этого Мартина, и он не внушил мне большого доверия — на этом все и кончилось.

МОРРИС. Вы говорите, он не внушил вам доверия?

ОРЛОВ. Да. После этого я пытался позвонить Троцкому по телефону. Со мной говорила его секретарша. Троцкий не захотел подойти к аппарату. Он боялся, что я — журналист и хочу использовать его в своих целях. На этом все и кончилось. А теперь вот уже пятнадцать лет, как я скрываюсь, живу в полной изоляции. В 1953 году, когда я опубликовал статьи о моей жизни и вышел из укрытия, если не совсем, то хотя бы наполовину, я встретил несколько старых русских социалистов, которые многие годы жили в эмиграции во Франции, а теперь находятся в Соединенных Штатах. Я спросил их, знают ли они такого человека, потому что я хотел помешать его предательским действиям, а он ведь может и дальше где-то предавать социалистов, уклонистов и прочих. Через полгода я узнал — и это было для меня большой не-

¹ Опущены избранные цитаты из письма Орлова Троцкому. Письмо приведено полностью выше как «Вещественное доказательство № 426». — Примеч. Ю. Ф.

ожиданностью, — что этот человек с 1941 года живет здесь, в Соединенных Штатах, что он стал американским гражданином, что он получает правительственные и социальные субсидии, причем немалые. Я сразу заподозрил, что русские послали его в Америку заниматься шпионажем и выдавать людей. Я узнал об этом в рождественскую ночь 1954 года и, как только праздники кончились, отправился в Нью-Йорк к помощнику прокурора США Б. Эттэрбери и рассказал ему всю эту историю. Он вызвал двух сотрудников ФБР, и я все повторил при них. В итоге — а я только тогда узнал его настоящую фамилию — Зборовский, потому что, как вы могли заметить, я никогда не спрашивал, как его фамилия, — так вот этого Зборовского вызвали в Подкомиссию по внутренней безопасности, где он подтвердил все до малейших подробностей, о чем я про него рассказывал. Моя информация касалась его деятельности до 1938 года, так как у меня не было никакой возможности узнать, что он делал потом. Но он признал, что до 1945 года поддерживал связь с советской разведкой, через советское посольство в США. Я подозреваю, что он решил прекратить свою деятельность в 1945 году, так как иначе на него распространились бы положения закона, ограничивающего определенные виды деятельности. Не знаю, но вполне возможно, что соответствующие правительственные органы беседуют или беседовали с ним, и думаю, он вполне мог рассказать им гораздо больше, чем мы слышали здесь, когда он давал показания в Подкомиссии по внутренней безопасности.

МОРРИС. Сенатор МакКлеллан, давая здесь показания 29 февраля 1956 года, господин Зборовский признал, что когда сотрудники ФБР впервые пришли к нему после того, как его раскрыл господин Орлов, он сначала отрицал, что работал на тайную полицию, а затем, на последующих заседаниях Подкомиссии, признался, что действительно занимался этим. Сейчас же...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Где он сейчас?

МОРРИС. Сенатор, когда он давал свои показания, мы слышали, что он работал на предоставленную ему стипендию в больницах ветеранов в Нью-Йорке. В этих больницах ветеранов он работал с пациентами, изучая болевые ощущения раненых солдат, раненого персонала и их реакцию на боль. Я не могу сказать вам, по-прежнему ли он там или нет. Мы уже некоторое время не занимались Зборовским, не занимались этим предметом. Хотите ли вы еще что-нибудь услышать об этом человеке, сенатор, об этом Зборовском?

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. По-моему, мы все хотели бы знать, где он и что сейчас делает.

МОРРИС. Мы выясним, находится ли он по-прежнему там. Господин Орлов, не расскажете ли вы нам о той роли, которую

вы играли в Испании. Вам пришлось иметь дело... вы были ответственны за пересылку довольно крупного количества золота, которое Испанское правительство отправило в Москву, так?

ОРЛОВ. Ну, это была особая операция...

МОРРИС. Значит — особая операция?

ОРЛОВ. Ведь моя основная работа в Испании заключалась в организации для Испанского республиканского правительства контрразведывательной и разведывательной деятельности против гитлеровской Германии и сил генерала Франко. Моей второй задачей была организация партизанской войны в тылу врага. Операция с золотом была единовременной акцией, которая была поручена мне лично Сталиным.

МОРРИС. Иными словами, вы несли личную ответственность за эту пересылку золота и были назначены лично Сталиным осуществить ее, так?

ОРЛОВ. Так. Мне хотелось бы сказать, что об отправке испанского золотого запаса в Россию знало лишь несколько избранных лиц. После того как умер премьер-министр Испании Ларго Кабальеро, после того как умер президент Испании Асано, в Западном мире осталось всего трое, кто знает об этой операции с золотом, — после смерти премьер-министра Негрина осталось всего трое. Одним из них является Индалесио Прието, один из величайших государственных деятелей Республиканской Испании, бывший министр обороны. Вторым, кто знает об этой операции, был глава испанского казначейства сеньор Мендес Аспе, который потом стал министром финансов Испании, и третий человек — я. Господин Прието — очень пожилой человек. Мы не знаем, как долго он протянет. Так что в действительности только двое могли бы выступить в качестве свидетелей: во-первых, Аспе, который находится где-то в Мексике, и я, Александр Орлов, который сейчас в Соединенных Штатах.

Приблизительно до ноября прошлого года никаких доказательств того, что это золото было отправлено в Россию, не было, потому что расписка, выданная в Москве после того, как золото было пересчитано, находилась в сейфе бывшего премьер-министра Негрина, который не хотел, чтобы золото попало в руки Франко. Я прочел в газетах, что людям Франко удалось выкрасть или как-то иначе получить — возможно, с согласия самого Негрина — эту расписку и что расписка находится сейчас в руках правительства Франко. Есть подозрения, что сам Негрин, чувствуя приближение конца, решил, что в конце концов эта масса золота принадлежит испанскому народу. Правители приходят и уходят, режимы сменяются. А испанский народ остается, и испанская нация имеет право на это золото, так что было высказано подозрение или предпо-

ложение, что он, Негрин, велел своему сыну передать расписку нынешнему испанскому правительству. Ситуация с испанским золотом развивалась следующим образом...

МОРРИС. Не расскажете ли вы нам о своей роли в этой операции?

ОРЛОВ. Да. 20 октября, когда я был в Мадриде, положение на фронте было отчаянным. Противник находился в двадцати милях от Мадрида. Население покидало город, и правительство считало, что Мадрид не удержать, и готовилось сдать Мадрид. В это время мой шифровальщик вошел ко мне в кабинет с книгой шифров под мышкой и с телеграммой, которую он начал расшифровывать. Он расшифровал всего несколько слов, после которых стояло указание, что остальной текст я должен расшифровать сам. Телеграмма гласила: «Передаю личный приказ шефа»... Ежова... И дальше следовала телеграмма от Сталина: «Вместе с послом Розенбергом договоритесь с главой Испанского правительства Кабальеро об отправке золотого запаса Испании в Советский Союз. Используйте для этой цели советский пароход. Операция должна быть проведена в условиях строжайшей секретности. Если испанцы потребуют у вас расписки, откажитесь. Повторяю: откажитесь подписать что бы то ни было и скажите, что официальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком. Считаю вас лично ответственным за эту операцию. Розенбергу даны соответствующие указания».

МОРРИС. Значит, такова была секретная инструкция, посланная вам Ежовым. Каков был его титул в то время?

ОРЛОВ. В то время он был министром внутренних дел, главой всей советской разведки, секретарем ЦК партии и главное — правой рукой Сталина.

МОРРИС. И вы получили инструкции от Сталина относительно действий, касающихся испанского золота?

ОРЛОВ. Да.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Кем был Розенберг?

ОРЛОВ. Это был советский посол.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. В Испании?

ОРЛОВ. В Испании, в Мадриде.

Я немедленно отправился с этой телеграммой к советскому послу Розенбергу и застал его за расшифровкой такой же телеграммы, а в дальнем углу сидел его шифровальщик и ждал, ждал, так как могла понадобиться его помощь. Скорей всего посол тоже получил инструкцию лично расшифровать эту телеграмму. На другой день, или через день, у меня была встреча с нашим послом Розенбергом и испанским министром финансов Негрином, который потом стал премьер-министром. Негрин спросил меня, сколько потребуется людей для проведения этой операции. Я сказал, что проведу операцию силами

своих людей — я имел в виду наших танкистов, которые незадолго до того прибыли в Испанию.

МОРРИС. Советских солдат?

ОРЛОВ. Да, советских солдат.

Оттуда мы отправились в испанское... из нашего посольства мы отправились в испанское министерство финансов, где Негрин, министр финансов, представил меня шефу испанского казначейства сеньору Мендесу Аспе.

МОРРИС. А Негрин понимал, что происходит?

ОРЛОВ. Да, Негрин понимал, и всего три члена правительства знали об операции. Больше никто из кабинета министров не знал. Это были: премьер-министр Кабальеро, министр финансов Негрин и президент республики Асана.

МОРРИС. Могу я тут прервать вас, господин Орлов? С советской точки зрения золото брали у Испанского правительства на хранение или просто увозили?

ОРЛОВ. Оно отправлялось на хранение.

МОРРИС. Таково было намерение Советов в то время?

ОРЛОВ. Да, таково было намерение Советов в то время, и должен сказать, что и посол Розенберг, и я, мы были потрясены, когда нам сказали, что испанское правительство готово доверить Сталину все сбережения испанского народа — Сталину, которого мир уже успел раскусить, человеку, который в действительности не заслуживал никакого доверия.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. В какую сумму оценивалось золото?

ОРЛОВ. Трудно сказать. По-моему, около... оно оценивалось между 600—700 миллионов долларов. По-моему, там было около 600 тонн. Хочу подчеркнуть, что испанское правительство в то время было коалиционным правительством, состоявшим из лидеров различных партий, и полностью все не контролировало, потому что было много неподконтрольных партий, много армий. У анархистов была своя армия. Я откровенно сказал министру финансов Негрину, что если кто-то узнает об этой акции, если анархисты захватят моих людей, русских, с грузом испанского золота, они перебьют моих людей, произойдет грандиозный политический скандал на весь мир, и это может даже вызвать внутреннюю революцию. Вот я и предложил, я попросил Негрина, выдать мне от имени испанского правительства доверенность на фиктивное имя, назвав меня представителем Банка Англии или Америки, потому что тогда, как представитель Банка Англии или Банка Америки, я смогу сказать, что золото отправляется на хранение в Америку, а сказать, что оно отправляется в Россию, было бы опасно, так как это могло вызвать восстание. Негрин не стал возражать. Он решил, что это хорошая идея. Я более или менее прилично говорил по-английски и мог сойти за ино-

странца. Так что он выдал мне доверенность на имя Блэкстоуна, и я стал представителем Банка Америки.

МОРРИС. Вам была выдана доверенность на фамилию Блэкстоун из Банка Америки?

ОРЛОВ. Да. Блэкстоуна. Согласно приказу я должен был погрузить золото на русский пароход, но я решил разделить риск и погрузить его на столько судов, сколько смогу зафрахтовать. Я зафрахтовал для этой цели четыре советских парохода, которые находились тогда в испанских портах.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Находились для какой цели?

ОРЛОВ. Четыре советских парохода находились тогда там, в испанских портах, после того как выгрузили вооружение и продовольствие. И я отправился в Картахену, испанский порт, где золото было сложено в большой пещере, вытесанной в горе. Я попросил правительство дать мне 60 испанских матросов для погрузки золота. Испанские матросы 3 ночи и 3 дня находились в этой пещере. Они отлично понимали, что было в ящиках, потому что там были еще большие мешки, обычные мешки, наполненные серебряными монетами, и матросы понимали, что это их казна. Но они не знали, куда отправляют золото — возможно, в другой испанский город. Три ночи происходила погрузка золота и транспортировка его в ночное время, в полной темноте, к пирсу, где его грузили на советские пароходы. А днем испанские матросы спали на мешках с серебром. На второй или третий день произошла массированная бомбардировка, и кто-то заметил, что если бомба угодит в соседнюю пещеру, где хранятся тысячи фунтов динамита, нас всех разнесет на куски. Серьезной проблемой было здоровье Мендеса Аспе. Он был человек очень нервный. Он сказал нам, чтобы мы прекратили погрузку, так как можем все погибнуть. Я сказал ему, что этого нельзя делать, потому что немцы будут все равно бомбить гавань и потопят корабли, так что надо продолжать. Тогда Аспе сбежал, оставив вместо себя своего помощника, очень славного испанца, который и вел счет золоту. В первый день наши подсчеты совпадали, но после того как Мендес Аспе уехал и счет продолжал вести этот чиновник, наши цифры стали разъезжаться. Когда погрузка была закончена, шеф казначейства Мендес Аспе пожелал сравнить свои цифры с моими. По моим подсчетам мы погрузили 7900 контейнеров. По его подсчетам — 7800. Разницу составляла поклажа двух грузовиков, так как каждый грузовик, согласно данной мне инструкции, вез 50 ящиков. А каждый ящик весил около 125 фунтов. Я побоялся сказать Негрину мою цифру, потому что, скажи я ему, что у нас на 100 ящиков золота больше, чем он думает, а потом окажись, что его подсчет правилен, мне пришлось бы отвечать за 100 ящиков золота. Так что я ему ничего не сказал, но телеграфировал в Москву

и позже сообщил им о разнице в подсчетах. Еще до погрузки золота я решил попросить испанское правительство дать указание испанским военным кораблям, чтобы они находились через определенные интервалы в Средиземном море по пути следования наших судов, а капитанам этих кораблей приказать в случае получения особого сигнала SOS, который будет означать, что на советский пароход совершено нападение или что он остановлен, испанские корабли должны немедленно двинуться на помощь советскому пароходу. Этот приказ был отдан капитанам испанских военных кораблей в запечатанных конвертах — до этого они ничего не знали. А инструкции были такие: как только будет получен особый сигнал SOS, капитаны должны вскрыть конверт и прочесть инструкцию (в инструкции было сказано, что на советский пароход с очень ценным грузом совершено нападение — спешите на помощь и вступайте в бой). Я знал, что такой приказ не мог быть отдан без согласия Прието, министра обороны, — в ту пору он был министром морского флота, — а он ничего не знал об операции с золотом. Так что я позвонил советскому послу в Мадриде Розенбергу и попросил его переговорить с премьер-министром Кабальеро, чтобы министр морского флота Прието отдал соответствующий приказ испанским военным кораблям и их капитанам. Через два-три дня испанский министр финансов Негрин и министр обороны Прието приехали в Картахену. Соответствующие приказы были отданы. Потом я семь или восемь дней трясся, ждал и думал, пройдут ли наши пароходы благополучно по опасным местам в Средиземном море, недалеко от Италии. А через 8 дней, когда я узнал, что пароходы благополучно прошли, я отправил телеграмму Ежову, в которой сообщал, что по моим подсчетам там 7900 контейнеров, а по подсчетам испанцев 7800 контейнеров, и я прошу это проверить. Ну, вот тут уже тайна. Когда я увидел сейчас в газетах, что расписка выдана Советским государственным банком на 7800 контейнеров, а не на 7900, я подумал, что, наверное, Сталин решил воспользоваться ста ящиками золота и пустить их, возможно, на деятельность Коминтерна или на что-то еще. Через несколько месяцев после истории с золотом, когда я лежал в хирургической клинике профессора Бержера в Париже, меня пришел навестить сам начальник советского НКВД Слуцкий и рассказал мне про золото, какое это было большое событие, когда оно прибыло в Москву, и он сказал мне вполне достоверно, что это золото, по словам Сталина, никогда не будет возвращено Испании. Несколько месяцев спустя ко мне пришел близкий мой друг, который был в Испании одновременно со мной и которого я считал ликвидированным. Теперь из советской прессы я знаю, что около месяца тому назад он был реабилитирован и его книги снова печата-

ются в России, так что я не стану называть его имени, чтобы не поставить его в сложное положение. Он был очень близким другом Ежова, человеком, который лично докладывал Сталину. Он тогда вернулся из Москвы, где провел месяц, в Испанию и рассказал мне, каким великим событием было прибытие золота в Россию, и спросил, почему я ему об этом золоте ничего не говорил. Но самое интересное: он рассказал мне о том, что сказал Сталин на банкете, в присутствии членов Политбюро, на котором отмечалось прибытие золота, сказал: больше им не видать этого золота как своих ушей. Это такая русская поговорка. С тех пор прошло много лет, золото по-прежнему лежит в подземельях Кремля и, если ничего не будет предпринято, наверное, никогда не будет возвращено. А это золото принадлежит испанскому народу. Режимы меняются, но золото принадлежит народу, и испанский народ имеет на него право, и я думаю, лидерам испанских политических партий, независимо от их политических пристрастий и взглядов, следовало бы объединиться и потребовать, чтобы золото было возвращено или переправлено в ООН или во Всемирный банк на хранение для испанского народа.

МОРРИС. Сенатор МакКлеллан, я предлагаю — поскольку мы имеем дело сегодня с прямым свидетельством и следовательно доказательством того, что это золото стоимостью 600 миллионов долларов действительно принадлежит испанскому народу, передать копию этого свидетельства через нашего посла в ООН, в Организацию Объединенных Наций, с тем чтобы они рассмотрели возможные меры для восстановления справедливости в этом вопросе.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Это заседание открытое. Конечно, информация попадет в прессу. Они получают эту информацию. Я полагаю, для того чтобы Комиссия провела в жизнь ваше предложение, требуется официальная акция со стороны председателя. А нынешний председатель не захочет ее принимать. Думаю, такой вопрос должна решать Комиссия в целом, и я полагаю, это можно устроить, разослав оповещение об этом или просьбу, и пусть большинство членов подпишет ее.

МОРРИС. Будет сделано, сенатор.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо.

(На заседании 29 февраля 1957 года некоторые статьи из газет об испанском золоте были по приказу сенатора Артура В. Уоткинса, председателя Комиссии, включены в протокол).

Тема золота снова будоражит Испанию

(Нью-Йорк таймс, 6 января 1957 г.)

МАДРИД СООБЩАЕТ О НАЛИЧИИ РАСПИСКИ В ПОЛУЧЕНИИ МОСКВОЙ ЧАСТИ ИСПАНСКОГО ЗОЛО-

ТОГО ЗАПАСА, ОТПРАВЛЕННОГО В МОСКВУ, ЧТОБЫ ОНО НЕ ПОПАЛО К ФРАНКО

Бенджамин Уэллис — специально для «Нью-Йорк таймс» Мадрид, 5 января. История о нескольких сотнях тонн испанского золота, переданных Советскому Союзу в 1936 году, вновь оказалась на первых полосах газет.

Краткое, выдержанное в осторожных формулировках заявление министерства иностранных дел от 29 декабря вызвало обширные комментарии в контролируемой режимом печати, а также в официальных и дипломатических кругах.

Министерство заявило, что тщательные поиски, предпринятые за границей в течение последнего года, привели к тому, что в распоряжении властей оказалась официальная советская расписка в получении (части) золотого запаса страны. Это золото было тайно отправлено в Москву в сентябре 1936 года, в самом начале гражданской войны в Испании.

Министерство выразило признательность семье и друзьям покойного д-ра Хуана Негрина, премьера республиканского правительства на протяжении почти всей гражданской войны, за то, что они нашли этот важный документ. Он дает Испании юридические основания потребовать возвращения сокровищ, говорится в заявлении. Это заявление — последний и, вероятно, наиболее значительный шаг правительства Франко в двадцатилетней истории его попыток вернуть увезенное золото.

7800 ЯЩИКОВ ЗОЛОТА

Официальные лица в Мадриде избегают оценок количества золота. Один высокопоставленный источник в частном порядке назвал цифру «между 600 и 700 тонн». Другие, ссылаясь на испанских эмигрантов, говорят, что 6 ноября 1936 года 510 тонн золотых слитков и золотых монет на сумму 1 734 000 золотых песет были доставлены в Москву в 7800 ящиках.

По неофициальным оценкам, стоимость такого количества золота сегодня значительно превышает 500 миллионов долларов.

(Нынешний золотой запас Банка Испании, согласно авторитетным сообщениям, составляет 200 миллионов долларов.)

Как стало известно, советская расписка в получении золота сохранилась в личном архиве д-ра Негрина, который жил в изгнании в Париже и Лондоне до самой смерти, последовавшей во французской столице 14 ноября минувшего года. В течение последнего года его жизни представители правительства Франко вели с ним тайные переговоры по поводу расписки. После

его кончины она была передана испанским властям одним из его сыновей.

Золото было переправлено в СССР в обстановке исключительной секретности, поскольку республиканское правительство серьезно опасалось, что оно может быть захвачено повстанцами во главе с генералом Франсиско Франко.

ДВОЯКАЯ ЦЕЛЬ ОПЕРАЦИИ

Собранные воедино сведения из различных испанских и коммунистических источников указывают на то, что приказ об отправке золота был отдан 13 сентября 1936 года д-ром Негрином, в тот период занимавшим пост министра финансов. Задача была двойкой: спасение золота от захвата силами Франко, а также предоставление залоговых гарантий Москве в обмен на поставки советского вооружения республиканскому правительству.

Под личным присмотром Франсиско Мендеса Аспе, генерального директора казначейства, слитки и монеты были погружены в автофургоны. Пятнадцатого сентября специальный железнодорожный состав отправился в Картахену, на средиземноморское побережье. В Картахене сокровища были перегружены на борт трех советских судов, которые охранялись кораблями испанского ВМФ. Затем суда взяли курс на Одессу, а прибыв на место, были переданы под контроль советских сил безопасности. Прибывшие из Москвы официальные лица руководили погрузкой золота в специальный поезд.

Дальнейший путь испанского золота покрыт завесой тайны.

Какие именно шаги намерено предпринять теперь испанское правительство, чтобы вернуть себе золото, Мадрид официально не сообщает. Отмечается лишь, что 7 января 1955 года испанское правительство предупредило многие страны, что Москва может попытаться расплачиваться золотом из испанского национального запаса.

Широко распространено мнение, что Испания обратится по данному вопросу в Международный суд в Гааге и Организацию Объединенных Наций.

Один из сыновей выступает с опровержением

Париж, 5 января. Ромуло Негрин, один из трех сыновей покойного д-ра Хуана Негрина, опроверг сегодня сообщения о том, что он якобы передал расписку режиму Франко по указанию своего отца.

Ромуло Негрин, живущий в Мехико и находящийся с частным визитом в Париже, заявил, что ему ничего не известно о подобной расписке.

ЕЩЕ ОДНО ОПРОВЕРЖЕНИЕ

С аналогичным опровержением выступил Мигель Негрин, заявивший, что единственным из трех братьев, находившимся в Париже в момент кончины отца, был Ромуло. Сеньор Мигель Негрин, с которым удалось связаться по телефону в его доме в Сэндс-пойнт, Лонг-Айленд, заявил, что единственный, кто может что-либо сказать по данному поводу, это Ромуло Негрин. Мигель Негрин, однако, не исключил, что покойный д-р Хуан Негрин мог передать эту бумагу не со своего смертного одра, а в какой-то иной момент, хотя Мигель Негрин предупредил, что это лишь домыслы.

Третий брат — д-р Хуан Негрин — находится в отъезде и связаться с ним не удалось.

Два представителя Испании в Москве
(Нью-Йорк таймс, 10 января 1957 г.)

ВИЗИТ СВЯЗЫВАЮТ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ЭМИГРАНТОВ И С ОГРОМНЫМ ЗОЛОТЫМ ЗАПАСОМ, ПРАВА НА КОТОРЫЙ ОСПАРИВАЕТ МАДРИД

Бенджамин Уэллис — специально для «Нью-Йорк таймс» Мадрид, 9 января. Сообщается, что два испанских представителя прибыли сегодня в Москву.

Это д-р Луис де ла Серна, высокопоставленный чиновник испанского Красного Креста, и Сальвадор Вальина, корреспондент органа испанской фаланги газеты «Ариба».

По официальному сообщению, д-р де ла Серна посещает советскую столицу в связи с репатриацией испанских эмигрантов. До сих пор около 1500 из них возвратились на родину; еще примерно 3000 по-прежнему находятся в Советском Союзе. Около 300 человек готовятся к отправке из Одессы в Испанию в ближайшие дни.

Наблюдатели отмечают, что визит совпадает с новым всплеском внимания испанской печати к вопросу об утраченной части золотого запаса. Это золото было отправлено республиканским правительством в Советский Союз в начале гражданской войны в Испании в 1936 году.

СОВЕТСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По сообщениям из информированных источников, советское правительство в конце 1955 года предложило провести советско-испанские консультации по вопросам репатриации испанцев, возобновления дипломатических отношений и, предположительно, возвращения золота.

Соответствующие беседы между советскими и испанскими дипломатами состоялись сначала в Париже, затем в Гамбурге, однако никакой окончательной договоренности достигнуто не было.

Сокровища, которые, как предполагается, находятся в Москве, оцениваются в 510 метрических тонн золота (16 миллионов тройских унций). По официальным расценкам правительства США — 35 долларов за тройскую унцию — это 500 миллионов долларов.

Детали отправки испанских валютных резервов в СССР отражены в документах, недавно оказавшихся в распоряжении испанского правительства.

Документы налицо

Это следующие документы:

Указ республиканского правительства Испании от 13 сентября 1936 года, уполномочивавший покойного д-ра Хуана Негрина, тогдашнего министра финансов, вывезти валютные ценности «туда, где, по его мнению, они будут в наибольшей безопасности». Указ подписан президентом республики Мануэлем Асаньей и премьером Ларго Кабальеро.

Восьмистраничный документ на французском языке в четырех частях, содержащий классификационные таблицы золотых монет, слитков и самородков, полученных в Москве Госхраном — государственным хранилищем драгметаллов комиссариата финансов. Этот документ скреплен 5 февраля 1937 года подписями Марселино Паскуа, посла Испанской республики в Москве, Г. Ф. Гринько, народного комиссара финансов, и Н. Н. Крестинского, заместителя наркома иностранных дел. Пункт 2 раздела 4 гласит, что республиканское правительство Испании может реэкспортировать свои депозиты или свободно распоряжаться ими иным образом.

Эти документы были получены после года конфиденциальных переговоров в Париже с господином Негрином, который скончался там 14 ноября 1956 года. Перед смертью он согласился возвратить их испанскому государству, сообщили в Мадриде официальные лица.

На протяжении многих лет эти документы находились на хранении в Соединенных Штатах, а не в Париже или Лондоне, как ранее сообщалось. Кончина сенатора Негрина до их передачи вызвала в испанских правительственных кругах серьезную озабоченность.

Эти круги опасались, что важные бумаги, являющиеся юридическим основанием для возобновления усилий Испании с тем, чтобы вернуть эти сокровища из Москвы, могут быть уничтожены или же окажутся в руках Москвы и таким образом исчезнут навсегда.

Благодаря сотрудничеству одного из сыновей Негрина, имя которого официальные лица предпочли не раскрывать, а также других членов его окружения, включая экономку, бумаги были переправлены из США и в настоящий момент находятся в руках мадридского правительства.

Эти документы дают испанским властям, по их мнению, неопровержимые юридические доказательства того, что советское правительство получило часть национального золотого запаса Испании. До сих пор эти претензии основывались лишь на устных утверждениях испанского правительства. Получив в свое распоряжение документальные доказательства, Мадрид, как ожидается, потребует возвращения этих сокровищ через Международный суд в Гааге, Объединенные Нации, а также по дипломатическим каналам.

Документы были тщательно исследованы. Кроме всего прочего они свидетельствуют о том, что золотой груз, доставленный в Одессу на трех советских судах, весил точно 510.079.523,3 грамма, или чуть более 510 метрических тонн.

За рубежом

(Нью-Йорк таймс, международный выпуск, 21 января 1957 г.)

ИДАЛЬГО И КОМИССАР СМЯГЧАЮТ АТМОСФЕРУ МЕЖДУ МОСКВОЙ И МАДРИДОМ

К. Л. Сульцбергер

Париж, 20 января. — Крайне любопытные дипломатические переговоры в Париже происходят сейчас между испанским грандом и профессором-историком из коммунистов. Конечная цель их продолжительных бесед — определить, будут ли установлены официальные отношения между питающими взаимную антипатию режимами — франкистской Испанией и большевистской Россией.

Оба собеседника служат своим правительствам в качестве послов во Франции, которая избрана ареной для этого любопытного randevu. Хосу Рохас-и-Морено, граф Каса-Рохас, представляющий Мадрид, это превосходно одетый джентльмен из Валенсии, бледнолицый, седовласый, с утонченными манерами любителя старины. Сергей Александрович Виноградов, представляющий Москву, — крепко сбитый, мускулистый русский с металлической улыбкой и изрядной обходительностью в общении. Когда-то он преподавал в Ленинградском университете.

Каса-Рохас и Виноградов были превосходно осведомлены о существовании друг друга в годы второй мировой войны,

когда они одновременно служили в Анкаре. Они не разговаривали друг с другом, чтобы избежать неловкой ситуации, на дипломатических приемах, которые устраивала нейтральная Турция. Но с расстояния они, разумеется, наблюдали за маневрами и деятельностью вверенных им взаимно враждебных посольств.

Когда Каса-Рохас и Виноградов снова оказались вместе, на этот раз в Париже, они по-прежнему придерживались отчужденности. Так продолжалось до осени 1954 года.

В ноябре этого года президент Коти по своему обыкновению пригласил всех иностранных послов на ежегодную охоту в Рамбуэе, где тысячи откормленных и не слишком поворотливых фазанов становятся легкой добычей дипломатических ружей. Каса-Рохас и Виноградов были там в числе прочих. И, к удивлению идалго, большевистский профессор был необычайно приветлив. Он шутил. А если советский посол шутит, значит, на то есть инструкции.

ПРИЗНАКИ ОТТЕПЕЛИ

Вскоре чрезвычайно натянутая атмосфера между Мадридом и Москвой начала оттаивать. Российские представители побывали на нескольких неправительственных международных конференциях в Испании. В нейтральных городах начались неформальные переговоры в связи с желанием Мадрида репатриировать испанских эмигрантов из СССР.

Примерно 2000 из них обратились к властям в Москве с просьбой разрешить им уехать на родину. В их числе — военнопленные из состава Голубой дивизии, воевавшей на стороне Гитлера на Восточном фронте, а также ставшие уже взрослыми дети республиканцев, которые были вывезены в Россию во время гражданской войны.

Советские власти отпустили 286 ветеранов Голубой дивизии. К осени они также выдали более 1300 выездных виз бывшим эмигрантам. Первый советский корабль, зашедший в испанский порт после 1938 года, прибыл в Валенсию в сентябре прошлого года. Еще один находится в эти дни в пути.

К октябрю испанцы уже начали подумывать о приближении момента дипломатического признания. Советский Союз не стал прибегать к вето, чтобы помешать принятию Испании в ООН. Мадрид предположил, что это равносильно признанию правления Франко де-факто.

В тот момент, когда Виноградов приступил к прямым переговорам с Каса-Рохасом, последний получил указание поднять вопрос об испанском золоте. Двадцать лет назад Хуан

Негрин — в ту пору министр финансов республиканского правительства — распорядился отправить золотой запас страны в Москву, чтобы помешать захвату его франкистами.

В ПОИСКАХ ИСПАНСКОГО ЗОЛОТА

Сокровище общим весом в 510 метрических тонн оценивается сейчас в более чем полмиллиарда долларов. Но как только Франко решил предъявить претензии, Москва заявила, что юридических прав собственности у Испании нет.

Четырнадцатого ноября прошлого года Негрин, крайне страдавший в изгнании, скончался в Париже. На смертном одре престарелый вожак республиканцев попросил одного из своих сыновей извлечь из потайного места официальные расписки Москвы в получении испанского золота и вручить их Франко. Были сделаны фотокопии. Семнадцать дней назад Каса-Рохас встретился с Виноградовым и передал ему копии этих документов. Он официально потребовал возврата золота Испании. Если Москва не удовлетворит это требование, Мадрид намерен обратиться в Международный суд в Гааге.

Негрин уже был обречен, когда к ситуации добавился новый элемент. Восстание венгерского народа преимущественно католического вероисповедания и его жестокое подавление сделали еще более проблематичным, с политической точки зрения, признание коммунистической России глубоко религиозным режимом Мадрида.

Москва стремится к обмену посольствами с Мадридом по чисто прагматическим соображениям. Дипломатическая миссия в Испании помогла бы ей координировать нелегальную пропаганду и вести шпионаж против американских военных баз. Она также способствовала бы расширению торговых отношений, которые до сих пор велись только через третьи страны. Советы хотели бы получить доступ к богатствам испанских недр.

А Мадрид, разумеется, жаждет вернуть свои сокровища. Испанская казна — в плачевнейшем состоянии. Полмиллиарда долларов были бы чрезвычайно кстати, чтобы поставить Испанию на ноги. Так что вопросы формулируются предельно просто. Достаточно ли сильно Испания хочет вернуть себе золото, чтобы пойти на признание Москвы? Так ли необходимо России признание, чтобы возвращать золото?

Перспектив на какое-то быстрое решение этой проблемы не видно. Но обе страны, ведущие этот диалог, известны своим терпением и настойчивостью. Слова «завтра» и «это произойдет скоро» означают по-испански и по-русски одно и то же.

Золото испанской войны истрачено, заявляют Советы
(Вашингтон пост, 6 апреля 1957 г.)

Лондон, 5 апреля (ЮП). Московское радио передало сегодня, что 420 миллионов долларов — стоимость испанского золота, тайно вывезенного в Россию 20 лет назад, — были направлены на «финансовую помощь (испанскому) республиканскому делу». В сообщении, кроме того, говорится, что испанские республиканцы так и не вернули 50 и 85 миллионов долларов, одолженных им Россией в период их краткого пребывания у власти. (Информированные источники в Мадриде утверждают, что Испания будет продолжать настаивать на возвращении золота.)

Золото, взятое из испанской казны, было тайно вывезено из страны поддерживаемым коммунистами республиканским правительством. С тех пор Испания пытается его вернуть. Сегодняшнее сообщение со ссылкой на редакционный материал коммунистического органа газеты «Правда» утверждает, что золота не осталось.

«Некоторые зарубежные газеты публикуют статьи о том, что испанское золото было отдано в СССР на хранение 20 лет тому назад, при этом полностью игнорируются расходы республиканского правительства Испании», — говорится в сообщении. «После того как испанское Республиканское правительство депонировало свои средства в Москве, оно неоднократно обращалось в Центральный Государственный банк СССР с просьбой произвести выплаты из этих средств за рубежом. Эти операции были настолько многочисленны, что вскоре все деньги были истрачены».

* * *

МОРРИС. Угодно ли вам, сенатор, узнать что-либо еще по данному конкретному вопросу?

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Нет, не думаю. А есть что-нибудь еще, что вы, полагаете, можно было бы добавить?

ОРЛОВ. Нет. У меня все.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. ...в связи с этим? Хорошо. Продолжайте.

МОРРИС. Знали ли вы, господин Орлов, о личной причастности Сталина к подделке американской валюты?

ОРЛОВ. Да, конечно. Это было хорошо известно в руководящих кругах НКВД. Нелепо было огромной стране печатать поддельные американские доллары с тем, чтобы наводнить ими Запад. Верно, что к моменту, когда это было подготовлено и осуществлено, это было в 1929 году, Сталин нуждался в деньгах для финансирования индустриализации страны. Однако

все — да и он сам, — наверное, понимали, что даже при самой удачной подделке просто невозможно распространить более одного миллиона долларов, поскольку это станет известно банкам. Банки будут предупреждены о появлении неучтенных серий, и на этом все кончится. Тем не менее Сталин решил действовать. Чем же это можно объяснить? По-моему, — и я вполне уверен, что прав, — тут все дело в самом характере Сталина, который был на 90% преступником и на остальные 10 — политиком.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. От кого это известно?

ОРЛОВ. От Сталина, от самого Сталина. В этой связи прошу позволения процитировать известного русского социалиста-революционера, который провел полгода в заключении вместе со Сталиным в 1908 году, при царе. Имя этого человека — Симон Верещак. Кстати, сам Сталин подтвердил, что он действительно был знаком с Верещаком, а в 1927 году «Правда» опубликовала статью по материалам воспоминаний этого человека. Сталину понравилось кое-что из того, как Верещак вспоминает о нем, описывая их совместное пребывание в тюрьме, и именно поэтому в «Правде» появилась такая статья. Эсер Верещак написал в своих мемуарах, что в то время как политические заключенные пытались не якшаться с обычными уголовниками и всячески убеждали свою молодежь этого не делать, Кобу (подпольная кличка Сталина) постоянно видели в компании убийц, вымогателей и грабителей. Он всегда восхищался людьми, провернувшими нечто прибыльное. Соседями Сталина по камере были два фальшивомонетчика, изготовившие 500-рублевые банкноты: Сакварелидзе и его брат Нико. Так писал Верещак о том периоде, когда они со Сталиным находились в 1908 году в тюрьме.

МОРРИС. Господин председатель, я полагаю, что сейчас будет целесообразно прервать на несколько минут показания свидетеля. У нас есть представитель казначейства с образцами фальшивых банкнот, о которых только что упоминал господин Орлов, и я считаю, сенатор, что его показания для протокола явятся конкретной иллюстрацией предшествующего свидетельства.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Прошу свидетеля занять свое место. Можете ли вы торжественно поклясться, что показания, которые вы дадите данной сенатской Подкомиссии, являются правдой, одной только правдой и ничем кроме правды, и да поможет вам Бог?

ГРУБЕ. Клянусь.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Советник, можете задавать вопросы.

**ПОКАЗАНИЯ РОБЕРТА Ф. ГРУБЕ,
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ,
МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ**

МОРРИС. Назовите для протокола ваше имя и адрес.

ГРУБЕ. Роберт Ф. Грубе.

МОРРИС. Ваша служебная принадлежность?

ГРУБЕ. Секретная служба Соединенных Штатов.

МОРРИС. Хочу отметить, господин Грубе, что в зале нет фотографов, и таким образом у вас нет оснований беспокоиться по поводу того, что вас могут сфотографировать, нарушив тем самым существующие правительственные правила. Имеются ли у вас на руках образцы фальшивых ассигнаций, о которых идет речь?

ГРУБЕ. Да, сэр.

МОРРИС. Можете ли вы продемонстрировать их председателю?

ГРУБЕ. Господин председатель, перед вами поддельные стодолларовые казначейские билеты старого выпуска, которые впервые появились в США, в Техасе, в 1928 году; затем 100 тысяч долларов в этих банкнотах были обнаружены при одной из сделок в Чикаго и, кроме того, у нас имелись сведения относительно более широкого распространения этих подделок в зарубежных странах.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Сколько миллионов таких долларов было запущено в обращение?

ГРУБЕ. Трудно сказать, поскольку у нас не было полной информации по всем зарубежным странам. Что касается Соединенных Штатов, у нас был лишь один эпизод со 100 тысячами долларов в Чикаго, однако в дополнение к этому регистрировались многочисленные, как мы это называем, «пятна», то есть небольшие количества, ввозимые из-за границы туристами или людьми, прибывавшими со специальными целями.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. А какова общая сумма, которую удалось конфисковать?

ГРУБЕ. По всей стране удалось выловить 100 тысяч долларов плюс те, что в Чикаго.

Теперь о чикагской партии: из этих 100 тысяч долларов им удалось запустить в обращение лишь 25 тысяч. Мы обнаружили остальные 75 до того, как они были запущены.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. До того?

ГРУБЕ. Да, сэр.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Господин юрисконсульт, следует ли приложить это в качестве вещественного доказательства?

МОРРИС. Полагаю, нет. Тем не менее в протоколе должно быть отмечено, что мы не в состоянии скопировать деньги.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Занесите в протокол номера банкнот.

САУЕРВАЙН. Позволю себе привлечь ваше внимание к самому важному здесь моменту — различию серийных номеров, наименований банков и прочих обозначений на банкнотах. Ведь это не просто единичный экземпляр, изготовленный заурядным фальшивомонетчиком. Это массовая, фабричная операция с многочисленными изменениями клише.

ГРУБЕ. Совершенно верно. Каждая из этих банкнот имеет различные характеристики, разные идентификационные элементы. Тут указаны разные Федеральные резервные банки, разные буквенные обозначения серий, разные номера на лицевой стороне и на оборотной, а обычно, когда речь идет о такого рода операциях, мы имеем то или иное количество совершенно идентичных фальшивок, изготовленных одним автором. Иными словами, все они помечены одним и тем же Федеральным резервным банком, имеют одинаковые буквенные обозначения, одни и те же номера на лицевой и тыльной стороне, а в данном случае наличествуют два, как мы считаем, варианта, изготовленные на одной фабрике.

МОРРИС. С технической точки зрения, перед нами — свидетельство весьма умелого дублирования, не так ли?

ГРУБЕ. Крайне хитроумные подделки. Это, вероятно, самые изощренные подделки столлларовых банкнот старого образца, когда-либо обнаруженные нами.

МОРРИС. Удалось ли вам установить советское происхождение этих купюр?

ГРУБЕ. Нет, сэр, не удалось.

МОРРИС. Один человек был арестован, не так ли?

ГРУБЕ. Верно.

МОРРИС. Как его имя?

ГРУБЕ. Д-р Валентин Буртан.

МОРРИС. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Благодарю вас.

Продолжим с вами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА

МОРРИС. Господин Орлов, расскажите нам, что вам известно об этой конкретной операции?

ОРЛОВ. Я узнал об операции по подделке столлларовых купюр в 1930 году, и мне стало известно, что этой операцией руководил лично Сталин, а непосредственный надзор за ней осуществляли два человека. Имя одного из них — Бокий.

МОРРИС. Кто этот господин Бокий?

ОРЛОВ. Бокий был старым большевиком, начальником особого отдела НКВД, человеком, прославившимся в партии тем, что именно он запротоколировал так называемые «Апрельские тезисы», разработанные Лениным и его сторонниками в апреле 1917 года, то есть решение о начале, о подготовке революции, которая произошла позже, в октябре. Вторым человеком был Берзин, глава советской военной разведки. Я также узнал, что в рамках подготовки к заброске этих денег по приказу Сталина был приобретен, куплен банк, немецкий банк, чтобы облегчить размещение купюр.

МОРРИС. Вы хотите сказать, что Советы даже купили немецкий банк?

ОРЛОВ. Да. Советы купили немецкий банк, вернее, финансовую контору в Берлине, которая называлась «Мартини», и второе имя — Сакс или Сасс. Может быть, господин Мандель поправит меня.

МОРРИС. Скажите по буквам.

МАНДЕЛЬ. С-а-а-с — М-а-р-т-и-н-и.

ОРЛОВ. Банк был куплен какими-то канадцами, тоже под началом коммунистов, а потом перепродан германскому коммунисту по имени Пауль Рот.

МОРРИС. Пауль Рот?

ОРЛОВ. Да.

МОРРИС. Тоже коммунист?

ОРЛОВ. Тоже коммунист и главный распределитель этих денег. Человека, который стал основным клиентом этого банка, звали Франц Фишер.

МОРРИС. Вам предъявляется несколько фотографий. Можете опознать на них человека, которого только что назвали?

ОРЛОВ. Я никогда не видел Фишера, поэтому узнать его не могу.

МОРРИС. Если вы не можете опознать Франца Фишера, тогда, возможно, это делает господин Макманус?

МАКМАНУС. Я не уверен, что можно опознавать Франца Фишера по фотографиям, которые я только что передал господину Орлову.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Это свидетель или штатный сотрудник?

МОРРИС. Господин Макманус — штатный сотрудник.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Он может сделать заявление.

ОРЛОВ. Прошу разрешения добавить, что эти банкноты были изготовлены превосходно, поскольку выпущены они были российским Гознаком, государственным учреждением, печатающим российские денежные знаки, где трудятся лучшие в мире специалисты, создававшие в свое время так называемые царские ассигнации, которые считались самыми сложными в мире для подделки. Таким образом, нет ничего удивительного

в том, что эти купюры невозможно отличить от подлинных стодолларовых банкнот. Но все же это была нелепая, безумная операция, поскольку в конечном итоге никто не в состоянии распространить более одного миллиона долларов.

МОРРИС. А вам известно, сколько предполагалось выпустить в данном случае?

ОРЛОВ. Планировали сначала 10 миллионов. Это все, что я знаю.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Сколько же они на самом деле... сколько же они в действительности смогли выпустить в обращение?

ОРЛОВ. Я не знаю. Но одно мне известно: в 1931 году я встретил в Берлине одного человека. Мне было любопытно увидеть его, а вам, возможно, будет интересно узнать, что эта операция была связана с преступным миром, с уголовниками. Когда я был в Берлине в 1931 году, мне сообщили, что известный преступник, уголовный преступник, прибыл из Китая, из Шанхая. Он был там арестован, но каким-то образом выпутался, несмотря на то, что у него нашли стодолларовые банкноты. Вероятней всего, он подкупил полицию. Короче, я хотел с ним встретиться, чтобы узнать об этом побольше. Я встретился с ним. Не помню, как звали этого человека. Но он рассказал мне, как были арестованы его люди и как сам он выпутался и сумел получить половину всей суммы дохода от операции. Мне было очень любопытно впервые в жизни беседовать с настоящим уголовником такого масштаба.

МОРРИС. Господин Макманус, расскажите нам, как к вам попали эти фотографии?

МАКМАНУС. Эти фотографии были переданы мне Секретной службой, они из досье Валентина Буртана. Там было несколько фотографий.

МОРРИС. Иными словами, эти фотографии взяты из материалов дела, содержащего показания относительно тех самых стодолларовых банкнот, о которых здесь говорилось, и в этом деле имеется фотография Франца Фишера?

МАКМАНУС. Они — из материалов дела, из папки с фотографиями, на которых на лицевой стороне стоит имя Франца Фишера.

МОРРИС. Этот свидетель показал, что, насколько ему известно, Франц Фишер был коммунистическим агентом, который принимал участие в данной операции. Я констатирую это с целью установления связи между двумя фактами. Господин Мандель подготовил несколько вырезок из газет того времени, которые содержат дополнительную информацию о данной операции по изготовлению и распространению фальшивых денег.

МАНДЕЛЬ. В «Нью-Йорк таймс» от 24 февраля 1933 года, на странице 1, была напечатана статья, которую я хотел бы приобщить к протоколу и которая озаглавлена: «Шквал поддельных банкнот родом из России; расследуются данные о том, что д-р Буртан, задержанный как соучастник преступного замысла, был советским агентом».

И, во-вторых...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Эта статья может быть приобщена к протоколу.

(Вышеозначенная статья была помечена грифом «Вещественное доказательство № 427» и содержит буквально следующее:)

Вещественное доказательство № 427

(Нью-Йорк таймс, 24 февраля 1933 г.)

ШКВАЛ ПОДДЕЛЬНЫХ БАНКНОТ РОДОМ ИЗ РОССИИ

Расследуют данные о том, что д-р Буртан, задержанный как соучастник преступного замысла, был советским агентом. Буртан проигрывает в борьбе за снятие обвинений. Специальный уполномоченный рекомендует направить его в Чикаго, чтобы он предстал перед судом по обвинению в заговоре

Источником ста тысяч долларов в фальшивых стодолларовых банкнотах, значительная часть которых была успешно распространена в прошлом месяце в Чикаго, как установили федеральные агенты, является Советская Россия, сообщили вчера представители Федерального правительства.

Банкноты, которые появились и в других местах, в частности, в далеком Китае, названы экспертами министерства финансов самыми достоверно выглядящими подделками в истории. По имеющимся сведениям, они были изготовлены шесть лет тому назад.

Как сообщается, власти расследуют данные о том, что д-р Валентин Григорьевич Буртан, врач из Нью-Йорка, арестованный 4 января в качестве главного американского участника международного заговора фальшивомонетчиков, является, или являлся, агентом советского правительства.

Иностранные государства, по всей вероятности, были поставлены в известность о деталях заговора по мере обнаружения банкнот в Нью-Йорке и Чикаго, и, по-видимому, предпринимаются международные усилия по установлению лиц, игравших более важную роль в этой операции, нежели та, в которой подозревается Буртан.

ТРЕБУЮТ ПЕРЕВОДА В ЧИКАГО

Пока шло расследование, проводившееся по приказу из Вашингтона в обстановке секретности, Фрэнсис А. О'Нил, специальный прокурор США, подписал консультативное заключение, рекомендуя перевести д-ра Буртана в Чикаго, где ему, а также графу Энрике Дешо фон Бюлову, немецкому авиатору, предъявлено обвинение в хранении и распространении банкнот.

Элвин Макк. Силвестер, помощник прокурора США, немедленно довел это мнение до сведения федерального судьи Альфреда С. Кокса, который, как ожидается, подпишет сегодня постановление о переводе, предписывающее д-ру Буртану, бывшему врачу Поликлинической больницы в Нью-Йорке, предстать перед судом. Д-р Буртан был ранее отпущен под залог в 15 000 долларов.

Фон Бюлов, который, как сообщается, полностью признал свою причастность к попытке распространения подделок, находится в Чикаго в ожидании суда.

С момента своего ареста д-р Буртан упорно утверждал, что никоим образом не причастен ни к какому заговору. В процессе перевода в Чикаго Фрэнк Х. Смайли, частный детектив из Чикаго, показал, что фон Бюлов познакомил его с Буртаном. Смайли и двое его приятелей организовали сброс 100 тысяч долларов в фальшивых банкнотах, безмятежно полагая, как он утверждал, что речь идет о подлинных купюрах, от которых пытаются отделаться контрабандисты спиртных напитков, опасющиеся налоговой инспекции.

БАНКОВСКИЕ КАССИРЫ ОБМАНУЛИСЬ

Луис Мид Тредуэлл, помощник прокурора США, заявил, что Смайли предъявил несколько купюр в чикагских банках, подозревая, что они могут быть поддельными, однако кассиры в пяти банках удостоверили их подлинность, поэтому детектив в конце концов поверил фон Бюлову.

Смайли признался прокурору О'Нилу, что непосредственным распространителям было обещано 30 процентов от всех доходов аферы. Двадцать процентов должны были быть распределены между ним, Буртаном, фон Бюловым и двумя компаньонами Смайли, а остальные 50 должны были достаться контрабандистам.

В своем заключении прокурор О'Нил писал:

«Единственное, что вызывает сомнение в данном деле — знал ли ответчик, что банкноты фальшивые. Установлено, что они фальшивые и что ответчик предлагал их к продаже».

Интересы д-ра Буртана, кардиолога, представляет Бенджамин Хартстейн. Когда Буртану было впервые предъявлено обвинение в фальшивомонетничестве, он заявил, что докажет свою невиновность, поскольку был вовлечен в это дело пациентом, попросившим оказать ему услугу.

МАНДЕЛЬ. Из газеты «Нью-Йорк таймс» от 6 мая 1934 г., стр. 15:

Житель Нью-Йорка, признанный виновным в фальшивомонетничестве, осужден за участие в афере с двумя миллионами долларов

Здесь снова речь идет о д-ре Валентине Буртане.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Это тоже можно приобщить к протоколу.

(Вышеозначенная газетная статья помечена как «Вещественное доказательство № 428» и содержит буквально следующее):

Вещественное доказательство № 428

(Нью-Йорк таймс, 6 мая 1934 г.)

ЖИТЕЛЬ НЬЮ-ЙОРКА ОСУЖДЕН ЗА УЧАСТИЕ В АФЕРЕ С ДВУМЯ МИЛЛИОНАМИ ДОЛЛАРОВ

Чикаго, 5 мая (АП). — Власти заявили о частичной ликвидации международной сети фальшивомонетчиков в связи с обвинительным приговором, вынесенным вчера д-ру Валентину Буртану из Нью-Йорка.

Ответчик, обвиненный вместе с подельниками в сбыте примерно 100 тысяч фальшивых долларов, признан виновным судом присяжных, которые совещались всего два часа.

Прокуроры Холл и Салливан заявили после окончания процесса, что в течение нескольких последних лет расследование этого дела находилось в личном ведении У. Х. Морана, директора Секретной службы. Они сообщили, что Моран считает эти банкноты лучшими подделками, когда-либо появлявшимися на территории Соединенных Штатов.

Д-р Буртан, заявили они, был видным нью-йоркским коммунистом, однако после своего ареста по данному делу был исключен из коммунистической партии.

Они также сообщили, что упомянутая международная сеть была создана в основном с целью наводнить Соединенные Штаты и ряд южноамериканских стран фальшивыми банкнотами в попытке дискредитировать правительство США.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Продолжайте.

МОРРИС. Сенатор, этот конкретный эпизод, наряду с подробностями об испанском золоте, должен быть соотнесен в нашем протоколе с расследованием, проводимым ныне нашей

Подкомиссией по внутренней безопасности в отношении кражи советскими оккупационными силами в Берлине немецких облигаций на сумму 350 миллионов долларов.

В 1945 году советские оккупационные войска изъяли из немецких банковских хранилищ облигации приблизительно на сумму в 350 миллионов долларов. Имеются сведения, что эти облигации теперь начинают появляться здесь, в Соединенных Штатах, где их пытаются легализовать. Германо-Американский Совет по реабилитации недавно отверг запрос некоего владельца, претендовавшего на легализацию пакета облигаций стоимостью в 245 миллионов долларов, придя к заключению, что именно эти облигации стоимостью в 245 миллионов долларов находились в немецких банковских сейфах в тот момент, когда советские оккупационные войска вошли в Берлин, и я бы считал целесообразным соотнести данный факт в нашем протоколе с вышеупомянутой советской операцией.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо.

МОРРИС. Итак, господин Орлов, во время вашего пребывания в Испании... Сенатор, разрешите приобщить эти фотографии Франца Фишера к протоколу?

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Они могут быть приобщены к протоколу.

МОРРИС. Когда вы были в Испании, Луиджи Лонго, итальянский коммунист, действовал в основном под вашим началом, не так ли?

ОРЛОВ. Нет. Луиджи Лонго — итальянец, бывший одним из командиров Гарибальдийской бригады, которая сражалась в Испании во время гражданской войны, с 1936 по 1939 год. Ныне Луиджи Лонго является заместителем главы итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Он — тайный руководитель вооруженных сил партии, состоящих из бывших бойцов Гарибальдийской бригады, воевавшей в Испании, и я убежден, что у них имеются тайники с оружием, разбросанные по всей Италии. Это оружие осталось после второй мировой войны и хранится на случай, если Москва прикажет устроить в Италии революцию. Пальмиро Тольятти тоже был в Испании одновременно со мной и в то время был моим близким другом. Он руководил компартией Испании и вооруженными силами испанских коммунистов от имени Москвы.

МОРРИС. Что вы можете рассказать нам о сегодняшней итальянской коммунистической партии? Вы упомянули Пальмиро Тольятти. Это итальянский коммунист, не так ли?

ОРЛОВ. Он итальянский коммунист. Как хорошо известно, итальянская партия — крупнейшая и самая мощная на Западе после советской коммунистической партии. В коммунистической партии Италии два миллиона членов, а это колоссальный процент, если принять во внимание, что все население Италии

составляет 48 миллионов. Сила компартии Италии недооценивается. Они полностью подчинили себе крупнейший тамошний профсоюз, который контролирует больше половины итальянских трудящихся. Если ко всему этому прибавить тот факт, что возглавляет итальянскую компартию наиболее способный человек в коммунистическом движении — Пальмиро Тольятти, который обладает колоссальным опытом военных авантур, накопленным за период гражданской войны в Испании, вы можете себе представить, насколько велика опасность того, что, прикажи Москва поднять в Италии восстание, оно может легко увенчаться успехом. Стоит также добавить, что в Триесте, в порту Триест, расположенном на севере Италии, совсем рядом с Югославией, есть человек по имени Видале, возглавляющий коммунистическую партию Триеста.

МОРРИС. Вы знаете Видале лично?

ОРЛОВ. Да. Я познакомился с ним в Испании. Он был одним из руководителей генштаба Интернациональных бригад. Еще он пользовался псевдонимом Контрерас. Видале не случайно был посажен в стратегически важной точке — Триесте, поскольку, как я понимаю, если Москва прикажет поднять восстание в Италии, ей остро понадобится помощь маршала Тито в Югославии, в чьих руках находится выход в Северную Италию, и в этом случае, если маршал Тито будет приветствовать советские заговорщические планы против Италии, он сможет пропустить через свою территорию добровольцев, а также тайно снабдить итальянских повстанцев оружием. На мой взгляд, именно по этой причине Россия так рьяно обхаживала Тито в минувшем году. Если вы позволите, сенатор, я хотел бы минут пять остановиться на этом более подробно и привести некоторые данные.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. С удовольствием. В процессе изложения я попросил бы вас прокомментировать, какую, на ваш взгляд, пользу извлекаем мы, когда в этих условиях оказываем военную помощь Тито.

ОРЛОВ. Я хочу привести ряд относящихся к делу фактов. В 1948 году произошел разрыв между Югославией и Советским Союзом. Причиной разрыва стало то, что Тито, ставший в Югославии героем, единственным главой страны-сателлита, освободившим свою родину без помощи Красной Армии, только силами собственных партизан, потребовал у Сталина хотя бы ограниченной независимости для Югославии. Сталину это не понравилось, и он направил Тито послание, подписанное также Молотовым и содержавшее предостережение против неповиновения, а также недвусмысленную, даже открытую угрозу. В послании говорилось: *«Дорогой товарищ, предупреждаем тебя: (цитирую дословно) сделай выводы из случая с Троцким»*. К тому времени Троцкий был уже 8 лет как мертв,

уничтожен, ликвидирован Сталиным в Мексике. Несмотря на это, Тито не согласился на требование Сталина и был исключен из Коминтерна как предатель. Ему ничего не оставалось делать, как обратиться за помощью к Западу. Он обратился к Соединенным Штатам, которые и предоставили ему помощь в размере одного миллиарда долларов: 500 миллионов на экономику, промышленность, продовольствие и тому подобное, а более полумиллиарда на военную помощь — танки, боевые самолеты и так далее. Это сделало Тито в глазах России предателем вдвойне. Затем, в 1950 году, Тито подписал так называемый Балканский пакт, вместе с Турцией и Грецией, предусматривавший совместную оборону от Советского Союза. Следует подчеркнуть, что Турция была на протяжении столетий традиционным врагом России. Это сделало Тито трижды предателем в глазах не только советского правительства, но и русского народа. После смерти Сталина Россия и Югославия вновь обменялись посольствами, и этим отношения между двумя странами до определенного момента ограничились. Однако начиная с 1955 года мир стал свидетелем весьма необычного явления — усиленного обхаживания Тито Кремлем. В 1955 году не кто-нибудь, а сами Хрущев и Булганин отправились в Белград с официальными извинениями по поводу разрыва, происшедшего в 1948 году. В 1956 году, в июне, в начале июня, Тито был приглашен в Россию. Его принимали почти как национального героя. До него там не чествовали так ни одного иностранного гостя.

Еще до его приезда в Москву был расформирован Коминформ, и это сделали в угоду Тито, поскольку Коминформ в 1948 году исключил Тито из своих рядов. За день до прибытия Тито в Москву с поста министра иностранных дел был снят Молотов, и это тоже было своеобразным подарком Тито, ибо подпись Молотова стояла под угрожающим посланием, направленным ему Сталиным в 1948 году. И, словно этого унижения было Молотову мало, его заставили поехать на вокзал и приветствовать Тито. Не буду перечислять все почести, возданные Тито в Москве. В то время я задавался вопросом, в чем же причина? Предатель России в глазах русских, трижды изменник — так почему же его обхаживали с таким рвением? Должен сказать, это обхаживание заходило столь далеко, что граничило с нескрываемым раболепием. Послушайте, что говорил Хрущев в своем докладе на XX съезде партии о Тито и о Сталине. Во-первых, он обвинил Сталина в разрыве с Тито, а затем рассказал, как Сталин похвалялся, что стоит-де ему пошевелить мизинцем, и Тито не станет, он будет низвергнут. Но с Тито этого не случилось. Тряс или не тряс Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог трясти, Тито не был низвергнут. Это было унижительно не только для Сталина —

это было унижительно для российского государства и для всего русского народа. Тогда, ища ответа, отыскивая причину, почему Тито обхаживали с таким размахом, я пришел к следующему выводу: объяснение этому странному ухаживанию можно найти, во-первых, в стратегическом положении, занимаемом Югославией на карте Европы, и, во-вторых, это было продиктовано изменениями в советской стратегии, вызванными возникновением, вернее появлением, водородной бомбы. До изобретения водородной бомбы и до того, как появление ядерного оружия трансформировало военное мышление обоих противостоящих лагерей, Россия бешено наращивала свой военный потенциал в надежде когда-нибудь поработить Западный мир путем прямого вооруженного нападения. Однако угроза ядерной войны сделала этот план слишком опасным. Хрущев и другие руководители Советского Союза осознали, что ответный удар Соединенных Штатов будет слишком мощным. Вынашивать планы открытой военной конфронтации с Западом нельзя. Пришло время в корне изменить военную доктрину, предпочтя прежнюю стратегию широкомасштабной открытой конфронтации тайным методам распространения господства Кремля на весь мир с помощью подрывной деятельности и организации революций изнутри.

Именно тогда, как хорошо известно, и, как я полагаю, уже отмечалось другими аналитиками, объектами для осуществления русскими своих планов и идей по инсценированию революции изнутри были избраны две страны — Италия и Франция, поскольку в них коммунисты были наиболее сильны. Но для успешной организации революции в Италии, где, как я уже упоминал ранее, все, можно сказать, было готово, Кремлю требовалась поддержка Тито, поскольку Тито граничит с Италией на севере. Югославия — ворота в Италию.

Как же относился сам Тито к планам и заговорщическим замыслам России в отношении Италии — разделял, сочувствовал? Изучая выступления, прозвучавшие в Москве на стадионе в присутствии около 70 тысяч представителей советской элиты, речи Тито и Хрущева, а также их заявления органам печати; отмечая такую, казалось бы, мелкую деталь, как лозунг «Навеки вместе!», который скандировали спортсмены, участники красочного парада на стадионе, и, наконец, выступление маршала Жукова, который заявил, что отныне мы и наши югославские товарищи, наши армии, будут шагать вместе плечом к плечу, я убедился в том, что Тито относится к подобным планам весьма сочувственно. В чем же могла состоять истинная заинтересованность Тито в такого рода замысле? Общеизвестно, что любой диктатор, прочно утвердившийся у власти, начинает грезить о территориальной экспансии. Кроме того, мы знаем, что Тито давно жаждал прибрать к рукам

порт Триест и прекрасно понимал, что его хороший приятель Пальмиро Тольятти, которому в его 63 года просто не терпится стать в Италии диктатором, вряд ли пожадничает и наверняка уступит ему город, порт или толику итальянской территории. Были и другие признаки, убедившие меня в том, что сделка между Москвой и Тито в этом отношении состоялась, например, то, что Тито, считавшийся не один год изгоем в коммунистическом мире, получил разрешение Москвы на вмешательство в дела стран-сателлитов. Он, в частности, потребовал смещения Ракоши, партийного вождя Венгрии. Хрущев и Булганин защищали Ракоши, считая его наиболее приемлемой фигурой, однако Кремлю пришлось все же уступить требованию Тито. Затем Тито выступил против Червенкова, главы Болгарии, и снова Кремль был вынужден согласиться с требованием Тито о смещении Червенкова, и главой Болгарии был назначен Югов.

Из сообщений печати нам известен еще один случай, когда после удаления Ракоши с поста главы Венгрии Кремль предложил поставить на его место другого человека — Эрно Геро. Я отлично знаю его по Испании. Он был там помощником Пальмиро Тольятти. Во время встречи с Хрущевым в Крыму Тито стал возражать против кандидатуры Геро, однако Хрущеву после многочасовых или даже многодневных уговоров все же удалось переубедить Тито и добиться его согласия на назначение Геро. Наконец, еще одним свидетельством того, что Тито пошел на сделку с Кремлем, а Кремль, пытаясь завербовать его и склонить к участию в реализации своих планов, был вынужден идти на уступки, является тот факт, что, если вы помните, прошлым летом по приказу Кремля все руководители, партийные руководители всех стран-сателлитов совершили своего рода паломничество в Белград, где им пришлось выказать уважение Тито. Иными словами, амбиции Тито были не только территориального свойства — он претендовал на роль первой скрипки среди компартий всех стран-сателлитов.

Эти претензии не новы. Проявления подобных амбиций известны нам из печати. В 1948 году в «Правде» было напечатано сообщение о предстоящем создании так называемой Федерации балканских государств. В ту пору крупный коммунистический лидер Георгий Димитров вынашивал планы сколачивания подобной федерации на основе всех стран-сателлитов и, естественно, намеревался ее возглавить. Все это обсуждалось в прессе, в органах Коминформа и в «Правде», но потом Сталин решил, что Димитров может стать слишком мощной фигурой, и лично зарубил эту идею. И вот теперь Тито, вспомнив былые амбиции Димитрова и при этом видя, что может ставить Кремлю условия, поскольку он столь не-

обходим Москве в связи с ее замыслами в Италии, то есть ее планами организации революции в этой стране, выдвинул самое большое требование из всех возможных. Но тут, как известно, вспыхнула революция в Венгрии, и эта революция, повлекшая за собой множество интереснейших последствий, оттеснила все эти замыслы на второй план — по крайней мере, на время оттеснила замыслы русских в Италии.

МОРРИС. Позвольте уточнить, господин Орлов. Иначе говоря, вы утверждаете, что, основываясь на своем личном знакомстве с главными действующими лицами, то есть Луиджи Лонго, Тольятти, венгром Геро, Видале, коммунистическим лидером...

ОРЛОВ. ...лидером в Триесте.

МОРРИС. На основании всего того, что вам известно об этих людях, а также о коммунистической стратегии, вы предполагаете, что Советы планируют своего рода переворот с применением вооруженных сил, вооруженных подразделений, находящихся в распоряжении коммунистической партии Италии, и именно поэтому пытаются обхаживать Тито? Среди прочего вы считаете, что они предлагают Тито, пытаясь вовлечь его в это предприятие, город Триест, ныне открытый город-порт Триест?

ОРЛОВ. Да.

МОРРИС. К этому все и сводится, верно?

ОРЛОВ. Таково мое предположение, и тут я хотел бы отметить следующее: дело не только в том, что венгерская революция нарушила планы Советов — если вы помните, приблизительно в сентябре прошлого года Тито, которому Кремль всячески давал понять, что хочет видеть его чрезвычайно влиятельным человеком на Балканах, вдруг обнаружил, что Москва обманывает его, так как Кремль разослал во все свои страны-сателлиты секретный циркуляр с призывом не относиться к Тито слишком серьезно, ибо, как там было сказано, «югославская партия не является истинно марксистской в полном смысле слова, а итальянская партия отличается социал-демократическими тенденциями». Узнав об этом, Тито возмутился, и вы помните, как советский партийный вождь Хрущев стремительно рванул на самолете в Белград, а оттуда на остров Бриони, любимую резиденцию Тито, где они спорили и торговались недели две, а затем вместе полетели в Ялту, где состоялись встречи с остальными советскими руководителями, которые попытались развеять подозрения Тито, однако, как мне кажется, не смогли этого сделать, ибо сегодня вы можете наблюдать новый разлад между Тито и Кремлем. Моя мысль состоит в том, что, оправившись после венгерской катастрофы, русские могут реанимировать свой итальянский замысел, так как в случае победы в Италии они выйдут к

Франции с ее гигантской, очень сильной коммунистической партией, собирающей, если я не ошибаюсь, около 20 процентов голосов в стране, а это — всем понятно — будет означать конец Европы. Коммунистические лидеры очень часто цитируют Ленина, не веря при этом ни в Ленина, ни в кого бы то ни было, а веря исключительно в собственный метод распространения любыми средствами господства на планете. Но они помнят одну заповедь Ленина, который учил партию, что революционная, так называемая «революционная», ситуация созревает очень редко и проморгать революционную ситуацию смерти подобно, или, по меньшей мере, равносильно полному поражению. Таким образом, видя, что коммунистическая партия Италии теряет сторонников в результате венгерских событий и брожения во всех компартиях, Кремль может решить, что дальнейшее промедление может означать утрату этой фантастической возможности навсегда, и именно поэтому я не удивлюсь, если Москва может — не знаю, когда — в этом году или в следующем — вернуться к своему замыслу, и если это случится, мы станем свидетелями новой решительной попытки заарканить Тито в лоно комдвижения, посулив ему долю при дележке добычи.

МОРРИС. Сенатор, нам предстоит заслушать новые показания господина Орлова, в частности, по вопросу о финансировании шпионажа за границей, то есть за границами Советского Союза. Мы уже подошли вплотную к этой теме. Учитывая, что время у нас ограничено, а это целая отдельная тема, я предлагаю, если вы не имеете ничего против, объявить сейчас перерыв.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Каковы ваши планы на вторую половину дня? Это — вне протокола.

(Обсуждение вне протокола.)

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Объявляется перерыв до 10.30 утра завтрашнего дня. Большое спасибо.

(В 12.35 Подкомиссия разошлась, чтобы снова собраться в 10.30 утра в пятницу, 15 февраля 1957 г.).

Пятница, 15 февраля 1957 г.

Слушания возобновлены после перерыва в 10.35 в помещении № 424 здания Сената. Председательствует сенатор Джон Л. МакКлеллан.

Присутствуют: сенатор МакКлеллан.

А также: Роберт Моррис, главный юрисконсульт; Дж. Дж. Саурвайн, юрисконсульт; Уильям А. Рашер, юрисконсульт; Бенджамин Мандель, главный эксперт.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Прошу внимания.

Господин юрисконсульт, мы можем продолжить слушания, которые были прерваны вчера.

МОРРИС. Господин Орлов, не можете ли вы точно обозначить круг ваших обязанностей в НКВД?

ОРЛОВ. Я занимал целый ряд важных должностей в системе НКВД. Вряд ли стоит перечислять здесь все должности, однако можно упомянуть, что я был командующим пограничных войск НКВД; заместителем начальника Экономического управления НКВД; начальником Экономического управления по надзору за советской внешней торговлей, а мой последний пост — я был советским дипломатом, советником правительства СССР при правительстве испанской республики по вопросам разведки, контрразведки и партизанской борьбы в тылу противника в период гражданской войны в Испании с 1936 по 1938 год. Кроме того, я входил в состав малой коллегии НКВД, состоявшей из шести человек, которым было поручено оценивать секретные документы, добытые агентами НКВД за границей, информировать советский наркомат иностранных дел о зарубежных операциях и намерениях иностранных государств, а также оценивать документы, направляемые в Политбюро партии.

МОРРИС. Вы говорите, что были одним из шести человек, которые оценивали поступившие из-за границы документы?

ОРЛОВ. Прежде всего иностранные документы, чтобы давать заключение о намерениях иностранных правительств в отношении Советского Союза. После этого они шли наверх, к Сталину. Я был также автором учебника по разведке и контрразведке, одобренного НКВД. Он назывался «Тактика и стратегия разведки и контрразведки». Эта работа была написана мною в начале 1936 года, одобрена НКВД и стала основным учебным пособием в школах НКВД, готовивших офицеров разведки для работы за границей.

МОРРИС. Она называлась «Тактика и стратегия...» — чего?

ОРЛОВ. Разведки и контрразведки. Я также на протяжении ряда лет возглавлял — можно сказать, по совместительству — отделение разведки и контрразведки в центральном военном училище НКВД в Москве, которое готовило не только командный состав для Красной Армии, но и офицеров разведывательной службы. Я читал там лекции, но это по совместительству.

МОРРИС. Понятно. Не могли бы вы рассказать нам, господин Орлов, какова структура советской разведки и контрразведки, начиная с самого верхнего звена? Кстати, не знаете ли вы, используется ли ваш учебник в Советском Союзе и поныне?

ОРЛОВ. Не знаю, но почти уверен, что да, поскольку в свое время он вызвал сенсацию. Создать его было поручено нескольким авторам, но моя работа была признана лучшей по той причине, что в ней были собраны все примеры, все наиболее яркие примеры контрразведывательной и разведыватель-

ной деятельности НКВД с тем, чтобы заранее оградить оперативников от ошибок, которые были допущены их предшественниками и грозили им провалом за границей или привели к их аресту в процессе добывания документов, вербовки агентуры и ее использования, а также были приведены случаи успешного ухода при провале операции, — словом, весь профессиональный набор, абсолютно необходимый любому разведчику. А поскольку в этой книге обобщался весь оперативный опыт НКВД, я не думаю, что тут можно что-либо изменить.

МОРРИС. Не могли бы вы рассказать нам, как действует советская разведка в иностранных государствах?

ОРЛОВ. Прежде всего я хотел бы остановиться на направлениях или целях работы советской разведки за рубежом. Советская разведка — многоцелевой механизм. Хочу подчеркнуть, что разведка и контрразведка в России поставлены на научную основу, возведены в ранг чуть ли не искусства. С течением лет в советской разведывательной работе выкристаллизовался ряд направлений. Первое направление, ведущая линия советской разведывательной службы — это так называемая дипломатическая разведка. Она подразумевает получение для Политбюро сведений о намерениях капиталистических государств в отношении друг друга, но главное здесь все же — разгадать намерения капиталистических держав в отношении Советского Союза. В течение ряда лет это делалось весьма успешно. По меньшей мере, раз в неделю на стол Сталина ложится исчерпывающая сводка-отчет о деятельности НКВД в этом направлении, составленная на основе добытой информации. И очень часто Сталин получает тексты дипломатических нот, которые готовят для него министерства иностранных дел капиталистических стран, задолго до того, как они поступают в советский наркомат иностранных дел по официальным каналам. Второе направление советской разведки и контрразведки — это военная разведка. Само название свидетельствует о ее сути: сбор максимально полных данных о военном потенциале стран Запада и Востока, а также об изобретениях в военной сфере, в частности, о новом вооружении, новых подводных лодках, новых видах бомб и тому подобном. Третье направление советской разведки — так называемый «промышленный шпионаж». Хотя разведывательная деятельность как таковая насчитывает сотни лет, этот вид разведки есть нечто новое, разработанное и внедренное советскими разведывательными службами. Задача промышленной разведки — добыть секретные технологии, применяемые на Западе, в первую очередь, в американской индустрии, а также данные о новых изобретениях. С этой целью советские разведслужбы завербовали ряд инженеров и изобретателей по всему миру и, прежде всего, в Америке. Вероятно, вы помните в этой связи инженера

Голда, который сыграл столь важную роль в атомном проекте: он снабжал советскую разведку данными об изобретениях в этой закрытой области. Когда началась война, все эти специалисты, подобные Голду, наиболее талантливые из них, были мобилизованы, как мы знаем, для работы на оборону и таким образом оказались на самых секретных участках американской или британской оборонной промышленности, получив тем самым возможность снабжать Советскую Россию всеми изобретениями в этой области, появившимися за годы войны. Четвертое направление советской разведки — это так называемая «экономическая разведка». Экономическая разведка не имеет ничего общего с так называемым промышленным шпионажем — это по сути защитная акция со стороны Советов. Она направлена на защиту советской внешней торговли. Как вы знаете, вся торговля, которую Советская Россия ведет с внешним миром, монополизирована государством, и советское правительство хочет знать, насколько честно эта торговля ведется американскими или любыми иными западными компаниями. Например, в 1931 году выяснилось, что промышленные тресты ряда западных стран, торговавшие с Россией, завышали расценки на поставляемую в Россию продукцию до 75 процентов. Должен признать, что именно я обнаружил в 1930 году наличие так называемого «джентльменского соглашения», или блока электротехнических компаний мира, когда на мой стол легли документы, похищенные, к примеру, в Америке, у «Дженерал электрик». Помню один документ, подписанный вице-президентом компании Майнором — его письмо, адресованное германской фирме АЕГ, аналогичной «Дженерал электрик», ее директору Блейману, а также директору другой электротехнической компании — «Браун Бовери» в Швейцарии, где приводился прейскурант цен для Советского Союза, а в качестве обоснования выдвигался довод о ненадежности СССР как партнера. Все цены были на 60—75 процентов выше тех, по которым любые другие страны могли приобретать те же самые электродвигатели и тому подобное. Этот картель, или «джентльменский пакт», был разоблачен советским правительством.

МОРРИС. А теперь, господин Орлов, не могли бы вы рассказать нам о том, как действует советская разведка в Соединенных Штатах?

ОРЛОВ. Если вы позволите, я хотел бы завершить классификацию направлений...

МОРРИС. Виноват, да, прошу прощения.

ОРЛОВ. Пятое направление разведывательной работы — так называемая «дезинформация». Советское правительство заинтересовано не только в получении максимально достоверной информации из-за рубежа, секретных сведений о деятельности

иностранных государств, но и в осуществлении дезинформации с целью ввода в заблуждение относительно собственных намерений. Для этого, в частности, был создан специальный отдел, занимавшийся изготовлением поддельных дипломатических документов, которыми торговали направо и налево по всему миру, чтобы, например, возбудить подозрения у итальянцев против немцев, у итальянцев против французов и т. д. и т. п. Иногда это делалось весьма успешно. Шестое направление советской разведки весьма своеобразно, и я определил бы его как прокладывание пути для осуществления советскими дипломатами деликатных международных акций. Прежде всего, например, советская разведка помогла своей дипслужбе и ЦК партии проложить путь к признанию Советского Союза целым рядом стран.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. К чему?

ОРЛОВ. К признанию Советского Союза, к дипломатическому признанию рядом стран. Мне известны случаи, когда в Соединенные Штаты регулярно направлялись люди, которым надлежало выяснить, можно ли ускорить признание Советского Союза. Я имею в виду оперативных работников НКВД. Это означает, что советский наркомат иностранных дел пытался оказывать влияние на политику иностранных держав путем натравливания одного правительственного крыла во Франции, например, на другое. С этой целью отдельным членам правительства предлагались взятки, в дело шел подкуп. Применялись и иные методы воздействия, направленные на разжигание интриг внутри правительства иностранных держав. Например, однажды, во время моего пребывания в Испании, я получил задание разыскать бывшего министра иностранных дел Румынии Титулеску, который в то время был уже не у дел и жил в Ментоне, на франко-итальянской границе, чтобы выяснить, не может ли он посодействовать Советскому Союзу подсадить премьер-министра Румынии Маню, и, естественно, Советы были готовы профинансировать эту операцию. Мне известен и другой случай, когда по личному распоряжению Сталина НКВД пытался подкупить одного из видных членов кабинета Муссолини — министра по делам корпораций. Я не знаю, жив ли он сейчас, поэтому не хотел бы называть здесь его имя. Это случилось в начале тридцатых, и резидент НКВД в Италии должен был договориться с министром, чтобы тот отправился в Берлин, где он и получит взятку. Министр встретился с тогдашним главой советской торговой миссии в Берлине по фамилии — простите, позже вспомню, я ее забыл — и во время этой встречи члена итальянского кабинета и советского торгпреда, в ходе беседы, торгперед передал министру конверт. В нем было 15 тысяч долларов, да, фамилия его была Любимов.

МОРРИС. Это был глава советского торгового представительства в Берлине?

ОРЛОВ. В Берлине, в Германии. Впоследствии этот человек, Любимов, стал народным комиссаром легкой промышленности России.

МОРРИС. Итак, он передал этому члену итальянского кабинета министров 15 тысяч долларов?

ОРЛОВ. Да, 15 тысяч долларов. И продолжение этой истории: когда министр обнаружил, что в конверте всего 15 тысяч долларов, он решил, что лучше пойти и рассказать обо всем Муссолини. Он так и сделал, после чего Муссолини выразил свое возмущение в неофициальной беседе с советским послом, а Сталин, узнав об этом, был, как всегда, категоричен: «Мало дали — в следующий раз попробуйте 50 тысяч».

МОРРИС. Не могли бы вы уточнить, какую цель преследовала эта взятка?

ОРЛОВ. Дело в том, что у этого видного члена кабинета Муссолини были приверженцы, и Москва рассчитывала на то, что, заручившись расположением этого человека, можно будет создать интригу внутри правительственного кабинета и в конце концов, может, удастся подсадить самого Муссолини.

МОРРИС. Минуточку, я попробую понять, что имеется в виду. Итак, вы утверждаете, что взятка в размере 15 тысяч долларов была предложена члену кабинета Муссолини...

ОРЛОВ. Да, члену кабинета.

МОРРИС (продолжая). ...с тем, чтобы заручиться его добрым отношением, потому что у него были сторонники?

ОРЛОВ. Да. У него были приверженцы, и была надежда, что при определенном влиянии со стороны России он может быть полезен для будущего развития событий — может поинтриговать внутри правительства Муссолини.

МОРРИС. И когда же все это происходило?

ОРЛОВ. Это происходило в 1932 году.

МОРРИС. Как звали упомянутого вами члена кабинета?

ОРЛОВ. Это был министр по делам корпораций.

МОРРИС. Корпораций?

ОРЛОВ. Да. Я забыл добавить, что он потом снова съездил в Берлин и вернул 15 тысяч долларов.

МОРРИС. Почему он вернул эти деньги?

ОРЛОВ. Потому что он рассказал о случившемся Муссолини, то есть тем самым продемонстрировал Муссолини свою преданность, и Муссолини приказал ему поехать в Берлин и вернуть деньги. И тогда Сталин сказал: «Мало дали — надо было дать 50 тысяч».

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Мне показалось, это Муссолини сказал, что мало.

ОРЛОВ. Нет, не Муссолини.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Видимо, я не понял.

ОРЛОВ. Сталин сказал: «Мало дали — надо было дать 50 тысяч». И после этого министр поехал в Берлин и вернул 15 тысяч.

Итак, седьмое направление деятельности НКВД — это воздействие на решения правительств иностранных государств, то есть не только добывание информации, но и влияние на принятие ими тех или иных решений через своих агентов, внедряемых на высокие посты в органах управления. Из собственного опыта вы, возможно, помните, что в минувшем десятилетии в высших эшелонах власти США можно было встретить людей, которые стремились помочь России на китайском направлении, причем не только информационно, но и оказывая влияние на политику американского правительства в отношении Германии и других стран.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. А вы можете привести имена людей, которые до настоящего времени не фигурировали, того или тех, кто замешан в подобного рода операциях?

ОРЛОВ. Я не думаю, что мне следует называть здесь конкретное имя.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Вы сможете назвать имена на закрытом заседании?

ОРЛОВ. Я смог бы назвать их на закрытом заседании.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Я предлагаю, господин юрисконсульт, провести в надлежащее время закрытое заседание, чтобы выслушать показания свидетеля по этому вопросу.

МОРРИС. Мы сделаем это в самое ближайшее время.

ОРЛОВ. Восьмое направление деятельности НКВД — партизанские операции. Цель партизанских операций, само собой разумеется, это диверсии против военных объектов, арсеналов, боевых кораблей и тому подобного. У НКВД имеется ряд учебных центров, готовящих весьма квалифицированных агентов-диверсантов. Когда я был в Испании, у меня было примерно шесть центров...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Было что?

ОРЛОВ. Шесть центров. Я организовал шесть центров подготовки диверсантов, которые использовались для уничтожения вражеских объектов в тылу противника. В основном этих людей набирали из испанцев и членов Интербригад, по большей части, из коммунистов. Были там и американцы, и англичане. Помню, как на открытии такого центра в Барселоне на 600 человек, во время неофициальной части, я заметил группу из 30—40 человек, говоривших по-английски. Я подошел к ним, мы разговорились по-английски — это были бойцы Интербригад, точнее, британской Интернациональной бригады...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Слышали ли вы, чтобы американцы проходили подготовку в подобных центрах?

ОРЛОВ. Лично я не был с ними знаком, но я видел этих людей, беседовал с ними, и они успешно действовали во вражеском тылу.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Знаете ли вы, где кто-то из них может находиться сейчас?

ОРЛОВ. Я не знаю, где они находятся сейчас, но, вероятно, в Соединенных Штатах. Должен сказать, что партизанское направление в деятельности НКВД развилось за годы второй мировой войны в мощнейшее предприятие. Во главе этого дела стоял человек по фамилии Эйтингтон. У него был также псевдоним — Котов. Перебежчик Хохлов, о котором вы читали в газетах и который, по-моему, тоже где-то здесь давал показания, писал, что во время его работы в Советском Союзе мой бывший помощник в Испании Котов — Хохлов называет его «генерал Котов» — руководил всеми этими операциями. Партизанские операции были столь обширны в период второй мировой войны, что диверсанты и саботажники исчислялись десятками тысяч, и я не удивлюсь, если Россия имеет сейчас здесь, на территории Соединенных Штатов, несколько сотен диверсантов, которые могут быть задействованы в случае возникновения угрозы войны, то есть когда холодная война перерастет в горячую.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. В этой связи могли бы вы дать какой-то совет, как-то помочь Конгрессу, данной комиссии или ФБР с тем, чтобы они могли выявить этих людей и принять соответствующие меры?

ОРЛОВ. Мой совет в этой связи — во-первых, охранять наиболее секретные и важные объекты. Говоря о наиболее секретных объектах, я имею в виду атомное, водородное и ядерное оружие, ракеты и тому подобные вещи. Ибо, зная методы, с помощью которых русские осуществляют партизанские операции, я не удивлюсь, если за несколько дней до начала войны якобы американский батальон — батальон, облаченный в американскую форму и укомплектованный говорящими по-английски офицерами, будет переброшен к определенному месту, где хранятся, например, атомные бомбы, и если это место охраняет американский взвод или американская рота, никто никогда не заподозрит, что приближающееся к нему подразделение американских солдат — вражеская уловка. А это будут на 90 процентов русские, одетые в американскую форму, плюс 10 процентов американских партизан, которые воевали в Испании и могут выдать себя за офицеров, и этот батальон самоубийц пойдет в атаку. Подобные атаки могут быть осуществлены и в других местах, где хранятся такие важные вещи, как, например, управляемые ракеты.

МОРРИС. Господин Орлов, не могу ли я тут вас прервать? Когда вы находились на всех этих постах в НКВД и пока

возглавляли диверсионные школы, как действовала разведка в Соединенных Штатах, сколько сетей существовало на тот момент, когда вы порвали со своей службой?

ОРЛОВ. Я могу судить об этом по некоторым фактам. В 1938 году в таких странах, как Соединенные Штаты, как Франция, как Англия, имелся один главный резидент. То есть главный представитель НКВД, у которого было шесть помощников, русских помощников...

МОРРИС. Такова была ситуация в Соединенных Штатах, когда вы порвали со своей службой в 1938 году?

ОРЛОВ. Да. Такова была существовавшая здесь картина: был главный резидент НКВД по фамилии Гусев, человек, который когда-то работал моим помощником. У Гусева было шесть помощников. У каждого из них — по три помощника-американца, как правило — члены компартии, через которых русские контактировали со шпионами в США. Каждый из русских помощников вел, как минимум, три сети. Умножьте три на шесть — будет восемнадцать, восемнадцать шпионских сетей. С тех пор ситуация стала еще более зловещей, потому что, как вы знаете, затем последовала война, во время которой Америка и Россия были союзниками, и России стало особенно просто забрасывать сюда шпионов, внедрять сюда своих людей. Но не только это. После окончания войны Россия получила целый ряд стран, которые принято называть сателлитами. Теперь у этих стран есть в США посольства и консульства. Эти учреждения всегда служили прикрытием для советского шпионажа, и, естественно, я нисколько не сомневаюсь, что в каждом подобном посольстве у НКВД есть собственные сети. Наконец, появилась Организация Объединенных Наций, которой до войны не существовало, и наличие советских шпионов в ООН — установленный факт. Даже если численность шпионских сетей НКВД в настоящее время не больше, чем в 1938 году, их все-таки должно быть 18. Две сети, как мы знаем, две шпионские сети были разоблачены — одна, та, что по линии Красной Армии, Уиттейкером Чэмберсом. Вторую сеть «сдала» Элизабет Бенгли, которая пришла и все рассказала американским властям. Но никто из других сетей не пришел и не предоставил информации. Поэтому резонно предположить, что по меньшей мере 16 сетей по-прежнему существуют и свободно орудут в этой стране.

МОРРИС. Господин Орлов, как вы полагаете, этими сетями руководили советские кадровые разведчики, не так ли?

ОРЛОВ. Да, ими руководили советские кадровые разведчики, и речь идет лишь о шпионских сетях НКВД. Я не имею в виду сети, находящиеся в ведении Четвертого управления Советской Армии.

МОРРИС. Это — военная разведка. Это отдельная структура, не так ли?

ОРЛОВ. Отдельная. Я читал, что советский перебежчик по фамилии Эге оценил численность таких военных сетей в Соединенных Штатах примерно в 20.

МОРРИС. Сенатор, Эге, давая показания в настоящей комиссии, сообщил, что, насколько ему известно, советская военная разведка имеет двадцать шпионских сетей, действующих в США.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Это был кто?

МОРРИС. Его фамилия — Эге. Но вы ведь говорили о сетях НКВД?

ОРЛОВ. Да.

МОРРИС. Этими сетями руководят советские сотрудники, верно?

ОРЛОВ. Советские сотрудники.

МОРРИС. Ну, а внизу, на рабочем уровне, вы знаете, кто в основном выполняет эту работу?

ОРЛОВ. Эту работу выполняли американцы, или проживавшие здесь иностранцы, и, по меньшей мере, от 40 до 60 процентов из них были, как правило, американскими коммунистами.

МОРРИС. А остальные?

ОРЛОВ. Остальные коммунистами не были, работали за деньги или по каким-то иным мотивам. И я бы хотел еще добавить, что эти сети, о которых я веду здесь речь, хотя их действия незаконны и они занимаются шпионажем, в России их называют «легальной сетью». Почему же они называются легальными? Потому что их возглавляют люди, занимающие официальные должности — прикрытия в советских посольствах, офицеры разведки, имеющие законные паспорта. Но кроме того, в Соединенных Штатах существует еще один слой шпионских сетей НКВД, так называемые «нелегальные сети». Они так называются потому, что советские руководители этих сетей не числятся среди персонала посольства или ООН, а живут с фальшивыми паспортами как иностранные бизнесмены или американские граждане и занимаются шпионажем. Они имеют собственные каналы связи с Москвой и никогда не пользуются дипломатической почтой. Им запрещено даже приближаться к советскому посольству.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Они, как правило, стремятся стать американскими гражданами, не так ли?

ОРЛОВ. Да. Они приезжают с фальшивыми паспортами...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Я знаю, но обычно они пытаются получить американское гражданство?

ОРЛОВ. Они стремятся стать американскими гражданами. Если их не удовлетворяют поддельные американские паспорта, они пытаются добыть чьи-нибудь натурализационные документы и получить американское гражданство в установленном порядке.

МОРРИС. Я полагаю, сенатор спрашивал — не так ли? — привлекают ли они, как правило, к этой работе американских граждан?

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Нет. Я имел в виду, что руководители этих сетей, по-видимому, пытались стать американскими гражданами, чтобы еще глубже скрыть свое происхождение и свои цели.

ОРЛОВ. Да, это их главная задача. Ведь каждый из них боится из-за своего поддельного паспорта, потому что если его арестуют, все сразу всплывет наружу. Они хотели бы превратиться в американцев с помощью подлинных документов, и некоторым из них удается получить сначала статус иммигранта, въехать в страну с чьей-либо помощью из Европы, а затем, постепенно, получить и гражданство. Вот, например, этот самый Зборовский, о котором я упоминал вчера. Он был направлен сюда НКВД под собственным именем в 1941 году, а в 1947 году уже стал американским гражданином.

МОРРИС. А как мы можем узнать, господин Орлов... Ведь чтобы выяснить, кто входит в эти шпионские сети, нам нужен перебежчик из числа сотрудников НКВД в Соединенных Штатах, не так ли? Разве не так мы можем решить эту проблему?

ОРЛОВ. Есть много путей решения этой проблемы. Тут я должен заметить, что советские разведывательные службы — самые искусные в мире. В этой связи я прошу разрешения зачитать небольшую цитату, поскольку сам я никогда бы не смог выразить, сформулировать это лучше, чем данный автор. Я не знаю его имени, я обнаружил это в газете, в сообщении «Интернэшнл ньюс сервис» из Чикаго, там, в частности, говорилось:

«Дэн Т. Мур из Кливленда, бывший офицер контрразведки на Ближнем Востоке, заявил, что никогда прежде шпионская война не была столь важна, как сейчас; никогда в истории речь не шла о потере столь жизненно важных секретов или о краже столь важных секретов».

И дальше:

«Из всех наций на планете за последние 200 лет наиболее искусными в шпионской войне являются русские. Секреты, которые мы потеряем в этом году, могут привести к нашему поражению в войне два года спустя. Ни одна нация не осмелится объявить войну до тех пор, пока, с помощью системы шпионажа, не убедится, что сможет одержать победу».

Думаю, никто не мог бы лучше этого человека обрисовать положение дел и важность шпионажа в наше время. Я не знаю, кто он, но кто бы он ни был, этот человек мог бы принести большую пользу Америке в борьбе против иностранного шпионажа.

Теперь я хотел бы назвать последнее, девятое направление деятельности НКВД. Это — проникновение в органы безопасности Соединенных Штатов и других стран. В этом направлении они ведут, по-моему, успешную работу. Приведу всего три строчки — краткую цитату из сказанного генералом Уолтером Беделлом Смитом. Он сказал: «Я считаю, коммунисты настолько ловки и умелы, что им удалось проникнуть практически во все правительственные органы системы безопасности». Я прочитал это в газете «Нью-Йорк таймс» от 30 сентября 1953 года.

Теперь — о методах, о том, как бороться со шпионажем. Существует много методов борьбы. Русские весьма искусны в шпионском деле, но не непобедимы. Они не супермены. Если наука разведки будет поставлена в западных странах на должный уровень, тогда и советских, и любых других шпионов можно будет выявлять. Один из путей получения информации о шпионах, самый короткий путь — через перебежчиков.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Через кого?

ОРЛОВ. Через советских перебежчиков. Например, если офицер советской разведки, действовавший здесь, становится перебежчиком, он может взорвать целую сеть, точно так же, как это сделала, например, американка Элизабет Бенгли.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Понятно. Исходя из вашего опыта, каковы перспективы дезертирства этих людей в будущем?

ОРЛОВ. Это очень важный вопрос, сенатор. Я считаю, что в этом направлении ничего до сих пор не предпринималось. Я знаю это, ибо я был одним из них и мне хорошо известно, что чувствует любой офицер советской разведки. В начале работы люди честно служат своей стране — они являются искренними патриотами. Но после продолжавшихся десятилетия убийств невинных людей, ликвидации Сталиным всех офицеров НКВД, которые знали его преступные тайны, за десятки лет сложилась такая атмосфера, такой психологический климат среди руководителей НКВД и офицеров разведки в Советском Союзе, когда каждый из них, на том или ином этапе, особенно в периоды периодических чисток, был бы счастлив бросить все и начать новую жизнь. Говорят, например, что жизнь летчика, авиатора, очень коротка, но жизнь офицера НКВД куда короче. На моей памяти судьба такого руководителя НКВД, как Ягода: он сам, все его заместители и начальники управлений — я был одним из них — все были уничтожены. Затем у Сталина появился новый фаворит и назначенец — Ежов, ставший его правой рукой. Ежов подбирал новых людей из состава ЦК, пестовал их, мобилизовывал и создал новый аппарат НКВД — они начали работать. Но, в конце концов — это было неизбежно — этим людям, тесно работавшим со Сталиным, стали известны его преступления.

Стремясь остаться в истории самым чистым, самым честным человеком в мире, Сталин не мог позволить им остаться в живых, ибо кто-то из них мог пережить его и написать воспоминания. Поэтому он ликвидировал их. Последним появился Берия, человек, которого я очень хорошо знал — мы вместе работали, еще будучи оба совсем молодыми. Между прочим, в 1926 году на Кавказе он был моим подчиненным. Казалось, он был самым подходящим для Сталина человеком, и ликвидация ему никак не грозила, потому что он был грузином, как и сам Сталин, и очень близок к Сталину. Но в конце концов мы стали свидетелями того, как Берия, новый человек Сталина в НКВД, был тоже казнен, вместе со всеми остальными. После этого...

МОРРИС. Короче, вы утверждаете, господин Орлов, что век всех этих людей очень короток и что долго они не живут.

ОРЛОВ. Долго они не живут.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Позвольте мне спросить вас. Мне представляется, что любой нормальный человек должен в определенный момент понять, что каждый, кто выбирает эту сферу деятельности, кто возлагает на себя эти обязанности, учитывая весь прошлый опыт и все имевшие место события, в конечном итоге неизбежно осознает, что его ожидает та же участь. Тогда каким же образом им удастся привлекать людей и заставлять их брать на себя такие обязательства?

ОРЛОВ. Видите ли, разница в том, что в Соединенных Штатах вам приходится привлекать людей, приглашать их. Здесь президент вызывает к себе человека, которого считает подходящим кандидатом, и говорит: «Я хочу предложить вам очень важную работу», а тот имеет право ответить: «Знаете, я слишком предан своей семье, увлечен работой и не могу принять ваше предложение». В России же...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Там людей мобилизуют...

ОРЛОВ. Да, там мобилизуют.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Фактически мобилизуют?

ОРЛОВ. Да.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Они не смеют отказаться. Иными словами, соглашаясь, они тем самым продлевают себе жизнь, хотя в конце концов их ожидает та же участь, так?

ОРЛОВ. Абсолютно верно.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Иначе говоря, если вы подчиняетесь, у вас еще есть лет десять, а если нет — тут вам и конец?

ОРЛОВ. Именно так.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Понятно.

ОРЛОВ. Я вспоминаю время, когда сам решил дезертировать. После того как все руководители НКВД были казнены, я видел, как мои помощники — Котов, например, который

был ликвидирован вместе с Берией, — дрожали от страха. Но они не дезертировали...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. А вы сказали им, что собираетесь это сделать?

ОРЛОВ. Нет, не сказал.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Вы говорите, они дрожали от страха. Я не понимаю. Я не осуждаю — просто пытаюсь понять.

ОРЛОВ. Да, они дрожали от страха — мы ведь говорили между собой, и хотя они не особенно распространялись на этот счет, было совершенно очевидно, что они боятся ехать в Россию. К примеру, я получил указание о возвращении в Россию. Сначала я получил приказ отправить своего помощника в Россию, помощника, который до этого был лично награжден Сталиным и провернул выдающиеся дела. Его приглашали в Россию якобы для доклада Сталину о ходе испанской войны. А затем...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. То есть вы не знали и не могли знать, получая подобное приглашение, о чем идет речь: о ликвидации или о докладе?

ОРЛОВ. Нет, мы понимали, что речь шла о ликвидации.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Даже так?

ОРЛОВ. Потому что прошел целый месяц, а мы не получили от него ни строчки. Остальные мои помощники собирались вместе и говорили, что, по-видимому, что-то произошло и так далее. «Ведь он был честным человеком, что же могло случиться?» — и тому подобное. Настроены они были мрачно, все они. А когда я получил телеграмму с указанием отправиться в Бельгию и там сесть на пароход якобы для участия в тайной встрече с ответственным партийным работником, двое из моих помощников решили поговорить со мной наедине. Один из них сказал: «Эта телеграмма мне не нравится». Когда я спросил его: «Как ты думаешь — что это за встреча? По поводу чего?» Он ничего не ответил и отвернулся. Он боялся говорить, однако в то же время давал мне понять, по поводу чего. А потом спросил: «Почему же он не приехал сюда, в Испанию, чтобы переговорить с тобой?»

Как видите, все чувствовали опасность, все тряслись. В таких условиях каждый из них мог решиться на побег. Некоторые не сделали этого, так как в России оставались их семьи. Другие боялись, потому что, работая за границей, похищали секретные документы из всех министерств мира, поэтому и боялись, что в конце концов, если они дезертируют, их могут арестовать и осудить за шпионаж в пользу Советского Союза. И, кроме того, Сталин издал приказ о ликвидации перебежчиков за границей. Я могу перечислить несколько человек, уничтоженных за этот период. Один из них — Игнатий Рейсс.

Его выследили и убили в Швейцарии в 1937 году. Вы, наверное, помните еще одного человека по фамилии Кривицкий, который погиб здесь, в Вашингтоне, при загадочных обстоятельствах. Еще один человек по фамилии Агабеков был выслежен через 8 лет после своего побега и убит в Бельгии. В начале 1938 года еще один нелегал был убит в Роттердаме.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. А кого-нибудь из них ликвидировали здесь, в Соединенных Штатах?

ОРЛОВ. Насколько я понимаю, это был Кривицкий, а также еще один человек — Маркин — был тоже найден здесь мертвым. Другой выдающийся руководитель-нелегал, член советской компартии и советский гражданин, был убит в Роттердаме, в Голландии, при следующих обстоятельствах. Его вызвали на встречу в каком-то кафе с сотрудником советской разведки из Москвы. Он пришел. Они пили кофе, беседовали, а затем этот человек из Москвы передал ему сверток якобы с тремя или четырьмя книгами. Связник ушел из кафе первым, а советский нелегал задержался за столиком минут на 15. Через 15 минут он направился к выходу, и в дверях сверток взорвался — там была бомба. Агент был убит. Все это порождало двойной страх — никто не знал, есть ли шанс остаться в живых в случае побега. Что касается меня, то я скрывался 15 лет, и просто чудо, что я уцелел. Надо сказать, однажды я столкнулся с русским ликвидатором в Кливленде. То есть я заметил его, но в разговор не вступал. Он шел за мной по пятам. По всей вероятности, меня не хотели убивать сразу, так как в письме Сталину я предупредил, что в таком случае мой адвокат немедленно опубликует все документы. Поэтому они собирались устроить мне западню, заманить меня в нее, чтобы сначала вырвать у меня документы, а потом убить.

МОРРИС. Сенатор, одной из проблем, с которыми на протяжении многих лет сталкивалась данная сенатская Подкомиссия по внутренней безопасности, была проблема получения перебежчика на условиях, о которых говорит господин Орлов. Таким перебежчиком был, например, шифровальщик Гузенко в Канаде, который дал подробную информацию о советской шпионской деятельности в этой стране. В Японии дезертировал Растворов, сумевший дать тамошним властям ценные сведения, в Австралии — Петров, в Турции — Эге. В Соединенных Штатах подобных случаев до сих пор не было, то есть никто из кадровых сотрудников НКВД не дезертировал, и мы, сенатор, продолжаем изучать вопрос о том, не следует ли нам внести в законодательство какое-то дополнение, что-то предпринять для того, чтобы побудить к такому шагу людей, о которых говорит господин Орлов, основываясь на собственном опыте, то есть для тех, кто, как он считает, захотел бы пе-

рейти на нашу сторону, если им будет дан соответствующий стимул, что-то такое, что позволит им отбросить страх...

ОРЛОВ. Разрешите сказать несколько слов по этому поводу.

МОРРИС (продолжая). ...а это весьма серьезная для нас проблема, сенатор.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Так вы полагаете, что среди тех, кто занимается шпионажем в пользу коммунистов, есть люди, которые были бы рады дезертировать, но лишь будучи уверенными, что их жизнь будет...

ОРЛОВ. Я вполне в этом уверен, так как они считают, что, несмотря на некоторую, как вы это называете, «оттепель», на определенную либерализацию в Москве, неизбежно наступит момент, когда жертва будет принесена на алтарь.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Иными словами, оттепель — явление временное?

ОРЛОВ. Временное.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Всего на один сезон?

ОРЛОВ. Да, на один сезон. Тут я должен добавить, что успехи советских разведывательных служб в известной мере объясняются не только блестящей подготовкой людей, не только огромной поддержкой со стороны коммунистической партии здесь, в Соединенных Штатах, но и попустительством со стороны западных правительств, которые не борются с советской разведкой так, как это следовало бы делать. Позвольте мне привести один пример...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Но разрешите задать вам вопрос: каковы ваши рекомендации, что вы советуете сейчас предпринять? Вы утверждаете, что мы не боремся так, как следовало бы, а мы, разумеется, заинтересованы в том, чтобы дезертировало как можно больше таких людей. Каковы ваши рекомендации, как нам следует действовать, как стимулировать их и какие шаги может предпринять наше правительство?

ОРЛОВ. Я посоветовал бы, чтобы высокопоставленный представитель вашего правительства, например генеральный прокурор или сенатор, сделал заявление на пресс-конференции или как-либо иначе дал официальное обещание, что те, кто уходит с советской секретной службы, кто намерен покончить со своей шпионской деятельностью, кто хочет отказаться от нее, порвать со своим прошлым и перейти на сторону свободного мира, могут рассчитывать на помощь в получении иммигрантской визы и постоянного вида на жительство в этой стране, а также будут освобождены от ответственности за предшествующие деяния на ее территории. Как вы знаете, законодательство о шпионаже было скорректировано — из него исключено положение о сроке давности при рассмотрении

дел о шпионской деятельности. Таким образом, человек, который работал здесь, например, десять лет назад и был послан сюда только потому, что владеет английским и знает страну, этот человек боится, что его могут посадить, осудить и приговорить к 20 годам тюрьмы. Так зачем же ему так рисковать? Зато если ему гарантируют полное освобождение от ответственности за то, чем он ранее занимался в этой стране, если ему будет обещано, что ему помогут устроиться в новой жизни, — предлагать такому человеку деньги не стоит, так как людей, которые принимают подобное решение, означающее для них разрыв с родиной, с семьей, с прошлым, которым они гордились многие годы, принимая участие в гражданской войне, работая в партии, служа делу революции, — деньги таких людей не волнуют. Напротив, они будут оскорблены. Они не желают, чтобы их считали предателями, и не хотят выглядеть предателями в собственных глазах.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Позвольте задать вам еще один вопрос. Мне представляется, что эти агенты, которых засылают сюда из России, шпионы и прочие, подбираются довольно тщательно, с учетом семейного положения, чтобы семьи оставались в России своего рода заложниками, не так ли?

ОРЛОВ. Да, как правило. Но, видите ли, жизнь есть жизнь, и если вы посылаете человека на задание, а его семью оставляете там, он понимает, что ему больше не доверяют, он просто не сможет работать. Бывает, им в Москве говорят: «У вас дети; мы хотим, чтобы они получили советское образование — пусть они учатся в нашей школе» и тому подобное. Но через год он пишет, что работать больше не может, его тянет домой, от этого страдает работа — это уже другое дело. Нельзя посылать человека рисковать жизнью, одновременно давая понять, что вы ему не доверяете. В результате, спустя год к нему отправляют жену и детей. Короче, некоторые из тех, чьи семьи остались в России, не променяют безопасность и жизнь членов своей семьи на сомнительное будущее в Соединенных Штатах. Они продолжают работать, возвращаются в Москву, в НКВД, в надежде, что злая судьба обойдет их стороной, что не всем суждено погибнуть, угодить под ликвидацию.

МОРРИС. Господин Орлов, знали ли вы Василия Забелина? Он был сначала третьим, затем вторым секретарем посольства здесь во время войны. Недавно, сенатор, он фигурировал в деле о шпионаже в Нью-Йорке. Не могли бы мы остановиться сейчас на этом конкретном персонаже? Вы знали его как сотрудника НКВД?

ОРЛОВ. Я знаю, о ком вы говорите. Мне он был известен под другим именем. В Москве он жил под своей настоящей фамилией — Зарубин, Василий Зарубин. Он был одним из

выдающихся оперативников НКВД. Знал я и его жену — Лизу Горскую.

МОРРИС. Она тоже была офицером разведки, не так ли?

ОРЛОВ. Она тоже была офицером разведки и работала в моем подразделении.

МОРРИС. Не могли бы вы рассказать нам о нем и о ней: каковы, в общих чертах, были их задания и каким образом они были связаны с разведывательными операциями на территории Соединенных Штатов, если в то время такая связь вообще существовала?

ОРЛОВ. Мне известно, что самое важное свое задание Зарубин выполнил до войны, в Германии. Это было очень опасно — действовать против Германии нелегально, с фальшивым паспортом. Его жена также работала там нелегально. Я не знаю, чем он занимался в Америке. Мне известно о нем только то, что публиковалось в газетах. Его жена тоже была заметной фигурой в разведке, и с ее помощью был ликвидирован другой оперативник НКВД по фамилии Блюмкин. Блюмкин во время одной из своих поездок за границу отправился в Турцию — это было в 1930 году — и имел беседу с Троцким, чьим главным телохранителем он служил в годы гражданской войны. Об этом стало известно в Москве, и жене Зарубина было приказано шпионить за Блюмкиным и выведать о нем все что можно. В итоге Блюмкин был по приказу Сталина расстрелян. Кстати, этот Блюмкин был знаменитой фигурой. Когда ему было всего 17 лет, в самом начале революции, он был эсером и противником коммунистов, то есть большевиков. Ему не понравился Брест-Литовский договор, который Ленин подписал с немцами и по которому Германии уступалась часть России, поэтому он позвонил германскому послу в Москве и, представившись сотрудником ЧК, заявил, что у ЧК есть информация, что господина посла собираются убить. Блюмкин сказал, что ЧК хочет предупредить посла о готовящемся покушении, для чего и нужно приехать. Посол сказал, чтоб приезжали немедленно. Блюмкин приехал к нему, открыл чемоданчик и сказал: «Вот бумаги». Он извлек какие-то бумаги, потом выхватил пистолет и застрелил посла. Это была нашумевшая история. Политбюро хотело расстрелять его, но Троцкий проявил к этому семнадцатилетнему парню интерес и решил поговорить с ним. Блюмкин сказал: «Я знаю, что меня ждет расстрел, но если вы сохраните мне жизнь, я буду верно служить революции». Троцкому он понравился, и он защитил Блюмкина, а затем сделал начальником своей охраны и командиром своего личного бронепоезда. Вот почему потом, в 1929 году, Блюмкин, находясь за границей, решил навестить Троцкого, и это привело к его концу.

МОРРИС. Сенатор, прежде чем мы закончим с этим Зарубиным, хочу добавить, что, по имеющимся у нас сведениям,

среди американских коммунистов, среди местной американской агентуры, Зарубин был известен исключительно как «Питер», а его жена — как «Элен». Иными словами, американцы, его американские подчиненные, контактируя с ним, не имели понятия о том, что его подлинное имя Зарубин. Господин Орлов, вы, следовательно, полагаете, что в настоящее время необходимо — таковы, по крайней мере, ваши рекомендации, — чтобы кто-то, например, сенатор или генеральный прокурор, сделал публичное заявление, подкрепленное конкретными гарантиями неприкосновенности и предоставления вида на жительство, но без предложения денег, так как это, на ваш взгляд, была бы неверная нота, — это, по-вашему, подтолкнет сотрудников НКВД в Соединенных Штатах явиться с повинной и все выложить?

ОРЛОВ. Несомненно. Причем не только офицеров НКВД, но, я бы сказал, и всех остальных — тех, кто участвует в заговорах Советов против свободного мира. Это может быть также советский дипломат, который не причастен к шпионажу, но обладает информацией, позволяющей разоблачить подрывную деятельность Советов и их сателлитов. Я считаю, что нежелание дезертировать объясняется также безразличием западных правительств к этой проблеме. Например, если вы помните случай с Гузенко в Канаде, который засветил всю атомную сеть. В 1945 или 1946 году Гузенко собрал все документы, свидетельствовавшие о наличии в Канаде гигантской сети. Он явился к министру юстиции — хотел дезертировать — и продемонстрировал эти документы. Министр юстиции показал их Маккензи Кингу, премьер-министру, и Маккензи Кинг сказал: «Попросите его пойти и положить эти документы на место». Мало того: Маккензи Кинг, после того как эти документы были проанализированы и стало ясно, что они представляют колоссальный интерес, что речь действительно идет о наличии атомной шпионской сети, совершил вояж в Соединенные Штаты и встретился с американским президентом, а потом поехал в Великобританию, чтобы увидеться с премьер-министром Этли. И Кинг выступил в палате общин, где, в частности, заявил: «Я сказал этому Гузенко, что он должен вернуться и положить все это обратно в советские папки, что нам это не нужно. Я поступил так потому... — сказал он, — ...что не желаю осложнять отношения с Россией». Еще он сказал, что хочет увидеться со Сталиным. Цитирую дословно: «Исходя из того, что я слышал и знаю о премьер-министре Сталине, я уверен, что он не одобрит и не простит подобную деятельность в одном из посольств своей страны». Вот так поступили с Гузенко — а ведь его могли убить еще до того, как он дезертировал, его могли отправить в Россию, могли выдать советским властям.

Известно, что во время войны многие перебежчики были высланы из Америки в Россию. Я еще не прочел последней книги о ФБР, но листая ее, обнаружил один эпизод, описываемый самими властями. В 1943 году молодой моряк, русский моряк по фамилии Егоров, совершил побег. Он спрыгнул с борта на причал. Советы потребовали от американских властей найти его и выдать. Он был пойман и должен был быть доставлен на борт норвежского судна. Но когда его вели туда, он сбежал и спрятался на какой-то ферме. Спустя год полицейский патруль заметил, как четыре человека тащат какого-то парня к месту стоянки русского судна. Полицейские подошли к ним и спросили: «Что это вы делаете?» Один из четырех похитителей представился Ломакиным, консулом Ломакиным, советским консулом, и сказал, что этот человек — дезертир и все такое прочее. И, несмотря на протесты американских властей, парня затащили на борт советского судна. Спустя два дня американские следователи появились на судне и потребовали встречи с этим Егоровым, чтобы допросить его. Егорова привели — он был весь в синяках и ссадинах от побоев. Он на коленях умолял не отправлять его в Россию, где его наверняка прикончат. Но присутствовавший при этом Ломакин, советский консул, заявил: «Нет, мы не можем его отпустить — я только что включил его в судовую команду». Несмотря на это, американские власти ничего не предприняли, и этот человек был отправлен в Россию, где его наверняка расстреляли. Отчет американских властей об этом случае содержится в упомянутой книге о ФБР. Власти оказались бессильны что-либо сделать, и автор доклада заключает: «Этот человек — Егоров — наверняка будет расстрелян». Короче, учитывая подобные факты, надо быть вдвойне смельчаком...

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Иными словами, мы не предлагаем им абсолютно никаких стимулов к побегу?

ОРЛОВ. Не только не даете стимулов, а подчас наоборот.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Не подталкиваем, а отпугиваем?

ОРЛОВ. Вот именно.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. В интересах протокола я хотел бы внести одно уточнение. Тут были ссылки на то, что если некий сенатор — это подразумевается — сделает подобного рода заявление, то оно будет сделано как бы от имени правительства. Таков естественный вывод. К сожалению, подчас бывает иначе, и я хотел бы сказать по этому поводу несколько слов. На мой взгляд, поскольку речь идет о конкретных действиях исполнительной ветви власти, потребуется законодательная инициатива Конгресса, чтобы дать на это разрешение.

ОРЛОВ. Я знаю, но я имел в виду, сенатор, что некий сенатор мог бы сделать следующее заявление: «Я применю свое влияние, я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить

исполнительную ветвь предоставить политическое убежище такому человеку».

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Иными словами, это должно стать политикой правительства, и от кого бы ни исходила инициатива, такая политика должна стать нормой. Хорошо, продолжим.

МОРРИС. Сенатор, я полагаю, фактор времени, мы можем этим ограничиться. У меня есть еще один круг вопросов, с которыми, я думаю, мы сможем быстро разделаться.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо.

МОРРИС. Не кажется ли вам, например, что Советский Союз, нынешние лидеры Советского Союза, отказавшись от сталинской системы правления, ступили теперь на новый, иной путь, который сказывается даже на американской компартии здесь, в Соединенных Штатах? Тут два аспекта: советская политика за границей и политика коммунистов здесь, у нас. Это мой последний вопрос.

ОРЛОВ. Нет, я не думаю, что они действительно изменились. Речь идет о временной либерализации в России, которая сводится лишь к определенной свободе слова. Хрущев, которого я знал лично, и все прочие кремлевские руководители — такие же сталинисты, какими были всегда. Сами они несколько не изменились, равно как и их политика в собственной стране — проводимый ими экономический курс, как мы видим, остается прежним. Это означает упор на тяжелую индустрию, производящую вооружение, и ничего — потребителю, никаких потребительских товаров, очень мало продовольствия, нехватка еды и товаров, — словом, прежние тяготы для русских людей. Во внешней политике они проводят тот же самый сталинский курс, стремясь поработить другие страны и другие народы.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. В этой связи, как бы вы прокомментировали недавний пропагандистский демарш компартии США? Мне кажется, речь идет об очковтирательстве с целью обмана — они просто пытаются сделать вид, что не во всем согласны с безраздельным диктатом коммунистической России.

ОРЛОВ. Вы превосходно сформулировали это и без меня. Это абсолютное очковтирательство, абсолютная ложь. Они по-прежнему являются отделением российской коммунистической партии.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Они по-прежнему — коммунистические революционеры-интернационалисты...

ОРЛОВ. Безусловно.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН (продолжая). ...И преследуют ту же цель.

ОРЛОВ. И все их решения были заранее одобрены и приняты в Кремле. А сами они настолько дисциплинированы, что

в мельчайших деталях отрабатывают номер, демонстрируя свою якобы недисциплинированность.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо.

ОРЛОВ. Я хотел бы также добавить, что хотя в своем выступлении на 20-м съезде партии советский партийный вождь Хрущев признал, что миллионы людей были безвинно сосланы в концентрационные лагеря, сами лагеря он не ликвидировал — они по-прежнему существуют. Несмотря на то что Хрущев столь детально раскрыл технологию пыток с целью добывания фальшивых признаний, никто из осужденных в период знаменитых московских процессов не реабилитирован. Никто из учителей нынешних кремлевских лидеров не реабилитирован — они по-прежнему фигурируют в литературе как гитлеровские шпионы. Руководители Красной Армии — маршал Тухачевский и прочие, — расстрелянные как гитлеровские шпионы, по-прежнему остаются гитлеровскими шпионами, и никто их не реабилитировал. Да и Хрущев продемонстрировал, что способен пользоваться теми же сталинскими методами. Вспомним дело Берии. Берия был расстрелян якобы за шпионаж в пользу Америки, но в Америке прекрасно известно, что он не был американским шпионом. Тем не менее он и еще несколько человек были казнены по надуманному обвинению в шпионаже.

МОРРИС. Не можете ли вы рассказать — очень кратко, в нескольких словах — как обычно финансируется шпионаж? Буквально в нескольких словах, потому что нам пора заканчивать.

ОРЛОВ. Да. Это очень просто. Советская разведка финансируется напрямую из казны. Никаких махинаций; печатать для этих целей фальшивые деньги не разрешено, как не разрешено заниматься контрабандой для пополнения своего бюджета. В мое время бюджетные ассигнования на разведку НКВД составляли 2 800 000 долларов ежемесячно — это очень немного, если сравнить с теми суммами, которые расходуют разведывательные службы Запада, и в тот период НКВД ни разу не потратил больше двух миллионов долларов из этих бюджетных ассигнований в два миллиона восемьсот тысяч.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. За месяц?

ОРЛОВ. За месяц — по всему миру.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Как же они обходятся столь скромной суммой?

ОРЛОВ. Они обходятся столь скромной суммой благодаря тому, прежде всего, что советские офицеры трудятся во имя революции и довольствуются ничтожной зарплатой. Но самое главное: около 60 процентов наиболее эффективных советских шпионов были коммунистами, коммунисты же должны работать на благо своей духовной родины России, а не за деньги.

МОРРИС. Так, значит, если американские коммунисты теперь выполняют разведывательную работу в Соединенных Штатах вместо сотрудников НКВД, никаких денег из Советского Союза американским коммунистам не поступает, верно?

ОРЛОВ. Нет. Видите ли, если вы говорите о коммунистической партии, то могу вас заверить, компартия существует на советские деньги, на средства, поступающие из советской казны, от ЦК КПСС. Поэтому они и вынуждены стоять на вытяжку. Поэтому, если в компартии происходит раскол и отколовшаяся фракция осуждает Москву, она просто перестает существовать, ибо ее больше не финансируют. Вот почему у диссидентской фракции нет никаких шансов на дальнейшее существование, даром что весь арсенал ленинизма и наследие Карла Маркса и Энгельса по-прежнему остаются у них. У них нет денег. Хозяин тот, кто платит, а у ЦК КПСС существовал для Коминтерна отдельный бюджет, из которого финансировалась вся деятельность компартий во всем мире. Если же говорить о так называемых «шпионах-коммунистах», то такие шпионы работали бесплатно или брали какие-то незначительные суммы на покрытие расходов.

МОРРИС. У меня больше нет вопросов. Хочу поблагодарить господина Орлова за участие в нашей работе.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Председательствующий хотел бы задать ему один-два вопроса. Вероятно, он предпочел бы ответить на них на закрытом заседании, и, если так, я согласен. Я хотел бы спросить вас, известно ли вам, есть ли в нынешнем нашем правительстве или на каком-либо правительственном посту коммунисты?

ОРЛОВ. Нет, мне это не известно.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. И второй вопрос: известны ли вам имена коммунистов в этой стране, которые могут заниматься шпионажем и которых вы могли бы назвать?

ОРЛОВ. Нет, не известны.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Это все. Будут ли дополнительные показания?

МОРРИС. У меня больше нет вопросов, сенатор.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Большое вам спасибо, господин Орлов. Какова дальнейшая программа наших слушаний?

МОРРИС. На сегодня у нас запланировано выступление еще одного свидетеля, сенатор. Сначала мы проведем сегодня закрытое заседание с его участием, а затем, сегодня же, объявим о времени его выступления на открытом заседании.

Сенатор МАККЛЕЛЛАН. Хорошо. Заседание объявляю закрытым.

(В 11.50 Подкомиссия прервала заседание.)

(Нижеследующая статья из «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» от 29 марта 1957 года была приобщена к протоколу во время слушаний 29 марта 1957 года под председательством сенатора Олина Джонсона):

ЗОЛОТО КАК ОРУДИЕ ДАВЛЕНИЯ

КРАСНЫЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ЕГО, ЧТОБЫ ОКАЗАТЬ НАЖИМ НА ИСПАНИЮ

Париж. Вероятно, одну из крупнейших афер в истории вымогательства пытается ныне повернуть Советская Россия в попытке обрести новый коммунистический плацдарм в Испании. Приманкой в данном случае должны стать полмиллиарда долларов — такова стоимость золота, принадлежавшего испанскому правительству и взятого русскими «на хранение» во время испанской гражданской войны двадцать лет тому назад.

Правительство Франко пытается вернуть золото. Но ход событий показывает, что цена может оказаться слишком высокой. Русские до сих пор даже не признали — по крайней мере, публично, — что они вообще брали это золото, хотя теперь у испанцев имеются документальные доказательства.

Москва не только не отдает золото, а использует его в попытке заставить Испанию пойти на уступки в ходе окольных переговоров в Париже. Россия прежде всего хочет обмена послами, подписания торговых соглашений, права на аккредитацию в Испании своих «корреспондентов» и реализацию всех прочих возможностей, которыми Москва традиционно пользовалась в прошлом для освоения коммунистами новой территории.

Деликатные переговоры о золоте время от времени ведутся между Испанией и Россией с 1954 года, несмотря на то, что оба режима до сих пор не признали друг друга и не обменялись представителями.

ОДНОВРЕМЕННО С АМЕРИКАНСКИМИ БАЗАМИ

Переговоры начались почти одновременно с размещением американских баз в Испании. Советский посол в Париже Сергей Виноградов неожиданно обратился к испанскому послу во Франции графу де Каса-Рохасу на дипломатическом приеме с предложением нормализовать отношения между двумя странами.

С тех пор послы провели уже полдюжины конфиденциальных бесед, по три в каждом из посольств, и эти встречи продолжались от 30 до 45 минут каждая. Виноградов, настаивая на приезде в Испанию советских работников, избегал при этом

упоминания об американских базах. Не делает он и никаких резких высказываний по поводу антикоммунистической политики Мадрида. Вместо этого он постоянно призывает к «существованию» и подчеркивает, что страны с обширными разногласиями могут поддерживать «нормальные» отношения.

На всем протяжении переговоров между двумя послами испанская позиция оставалась неизменной — ничего конкретного, пока не будут выполнены два условия: первое — все испанские граждане должны быть возвращены из России на родину. И второе: золото стоимостью в полмиллиарда долларов должно быть возвращено законному владельцу — правительству Испании.

В прошлом году русские, наконец, согласились отправить домой испанцев, которые находились в России с 30-х годов, то есть со времени гражданской войны в Испании. Более 2000 испанцев, в основном те, кто был отправлен в Россию во время войны еще в детском возрасте, уже возвратились на родину. Многие из тех, кто вырос в России, успели там жениться на русских и привезли с собой своих жен и детей — советских граждан, чей приезд в Испанию дал русским основания для постановки вопроса об открытии в Испании своего посольства и консульств. Российское государство обязано защищать интересы советских граждан, заявляют они.

ИСПАНСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Испанское золото упоминалось на первых раундах переговоров лишь вскользь, так как тогда у Мадрида не было юридических доказательств его передачи русским. Но теперь у испанского правительства такие доказательства есть — это восьмистраничная расписка в получении, на французском языке, скрепленная подписями двух российских высокопоставленных чиновников.

Вещественное доказательство было получено после более чем годичных переговоров с Хуаном Негрином, испанским эмигрантом, который и отправил в Москву это золото, будучи министром финансов в испанском республиканском правительстве.

На протяжении многих месяцев Негрин отказывался выдать бумаги, относящиеся к сделке с золотом. Но перед самой своей смертью в ноябре в Париже Негрин приказал своему домоправителю передать бумаги испанским властям.

С документальным доказательством в руках испанцы вновь обратились к русским. Они предъявили фотокопии расписки. Посол Виноградов пообещал переслать фотокопии в Москву. С тех пор прошло уже три месяца.

С ЖАЛОБОЙ В ООН

Испанское правительство готово к длительным переговорам с русскими. Но если в результате прямых переговоров золото вернуть не удастся, Мадрид, вероятно, обратится в Международный суд или в Организацию Объединенных Наций с призывом предпринять соответствующие действия. Испания крайне нуждается в полумиллиарде долларов. Правительству Франко сегодня остро не хватает валюты, и это золото стало бы для него манной небесной, поскольку речь идет о сумме, равной всей американской помощи Испании за послевоенный период.

Испанцы заявили русским, что ни на какие сделки во имя возвращения своего золота они не пойдут. Тем не менее бывалые дипломаты наверняка не удивятся, если, как только золото вновь окажется в испанском банке, в Мадриде появится советское посольство.

Русские мечтают о доступе к испанским сырьевым ресурсам стратегического характера. Им необходимо дипломатическое прикрытие шпионажа против американских военных баз. Они хотят внедриться в Испанию, чтобы развернуть подпольную антифранкистскую пропаганду в такое время, когда экономические трудности, забастовки и студенческие волнения терзают Испанию, а вокруг вопроса о преемнике Франко начинают возникать политические споры.

ОРУЖИЕ В РУКАХ МОСКВЫ

Испанское золото, которое Москва взяла «на хранение» 20 лет тому назад, стало для Советского Союза мощным оружием для проложения дороги в Мадрид.

С. Э. Эстрин
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹

В Париже моя жена печатала материалы для бюллетеня Троцкого, и сын Троцкого, Лев Львович, часто приходил к нам. Он был очень приятным человеком, молодым и очень осведомленным обо всех делах. Это были 36-й и 37-й годы, и бюллетень вел большую борьбу против процессов, проходивших тогда в Москве, так называемых сталинских процессов. И в бюллетене приводилось большое количество данных, опровергавших те показания, которые подсудимые сами на себя наговаривали.

Однажды, разговаривая с сыном Троцкого, я напомнил ему, что в одном из бюллетеней в 29-м или 30-м годах, я уже не помню точно, в то время был процесс меньшевиков, Троцкий написал, что знал, что меньшевики — предатели, помогают буржуазии, но что они падут так низко, он не ожидал. Дело в том, что на том процессе, как и на всех остальных позже, подсудимые, среди которых, кстати, был только один меньшевик, остальные были бывшие, говорили, что Абрамович был в Москве, что меньшевики имели свидание с Леоном Блюмом и с генеральными штабами Франции и Англии, договариваясь о нападении на Советский Союз, и т. д.

Я сказал ему: вы же понимаете, что ваш отец, который лично знал всех этих людей, знал, что все это вранье, выдумки, как он мог написать такое?! Интересно, чем это кончилось. Он написал Троцкому, и в одном из последующих номеров бюллетеня появилось примечание к одной из статей. «Когда был процесс меньшевиков, я принял все на веру. Я не представлял себе, что такой процесс можно выдумать от начала до конца. Теперь я понял, что все это было вранье».

¹ Архив Гуверовского института, коллекция Б. И. Николаевского, ящик 208, папка 5. С. Э. Эстрин. Записано на пленку в 1974 г., с. 6—10, 12, 15. Жена Эстрина — Л. Эстрина — будущая жена Д. Далина, упоминается в сенатских слушаниях Орлова как «госпожа Далина». — *Примеч. Ю. Ф.*

С Троцким очень близко работал человек, которого звали Марк Зборовский, оказавшийся потом сталинистом, информатором Сталина. Зборовский принимал очень активное участие в бюллетене. В сущности, Зборовский, Седов и, отчасти, моя жена издавали бюллетень. Моя жена не была членом троцкистской партии. Она работала тогда секретарем в Амстердамском институте, который имел отделение в Париже. Заведующим этим отделением был Николаевский. Как-то было решено отвезти туда архивы Троцкого, то есть Седова. Архив состоял из переписки, выпусков бюллетеней, газет, журналов и различных выписок. Сначала отвезли первую часть и оставили в помещении бюро Николаевского. Через два или три дня в бюро была взломана дверь, а весь архив был украден. Полиция провела расследование, все искали и пытались догадаться, но никому на ум не пришло, кто действительно в этом виноват.

У нас был только один умный товарищ — Кефали Марк, известный меньшевик, печатник, секретарь Союза печатников. В личной беседе он говорил: об этом знали три человека — Николаевский, Леля (моя жена) и Зборовский. Двух я знаю, Зборовского — нет. И у меня было подозрение, что это был Зборовский. Конечно, потом выяснилось, что именно он и донес. Потом, когда стало известно, что он сталинский шпион, он сказал, что когда они украли этот архив, чекистам, сидевшим в Париже, он сказал, что они его подвели. Они успокаивали его, говоря, что все агенты нервничают в таких случаях, ничего не случится. Но было еще одно основание предполагать, что не он в этом виноват. Кроме этого архива второстепенной важности, был архив с перепиской между Троцким и его сыном, между Троцким и троцкистскими группами и т. д. Этот архив хранился в особом чемодане. Книжки Зборовский отвез в бюро Николаевского, а чемодан завез к себе домой. Теперь некоторые думают, что вне сомнения там сняли копии. Но интересно, что этот чемодан тогда, после кражи архива, не попал в руки чекистов. Это, конечно, служило доказательством того, что Зборовский не имеет к этому делу никакого отношения. Разоблачение Зборовского произошло уже в Америке. Кстати, моя жена (мы к тому времени уже разошлись) помогла ему получить визу в Париж и в Америку, с ее помощью он снял квартиру в том же доме, где и она жила.

После того как его разоблачили, он пришел к ней объясняться. А разоблачили его таким образом. Был известный чекист Орлов. Он был видным представителем ЧК во время Испанской гражданской войны, потом отошел от большевиков. После этого американцы помогли ему. Он жил и скрывался в Вашингтоне. Как говорили, он написал Сталину или в ЧК, что знает все их секреты. Он записал все, передал адвокату

и спрятал в сейф, предупредив, что если с ним что-нибудь случится, если его большевики и чекисты убьют, как они убивали всех, кто уходил от них, то его записи будут опубликованы.

С ним ничего не сделали. Он дожил до смерти Сталина, а потом написал книгу, в которой, я думаю, рассказал не все.

Интересно, что Орлов встречался с Абрамовичем, который к нему поехал. Как известно, сын Абрамовича, который был членом немецкой группировки «Ной бегинэн», поехал к жене в Мадрид, чтобы помогать республиканской армии. Большевики его убили, а тело, я думаю, увезли в Москву. Абрамович пытался что-нибудь узнать об этом, всех расспрашивал. И когда узнал об Орлове, то поехал к нему в Вашингтон. При встрече с ним он сказал, что о делах меньшевиков мы знаем менее подробно, чем о троцкистах. Среди них есть один человек, очень близкий к Седову. Фамилия его неизвестна мне, знаю только, что имя, кажется, Марк, выходец из Польши. Он, кстати, часто бывает у Эстрина и Гинзберга, и они разговаривают о делах меньшевиков, а потом он нам все передает. Но мы его сведения могли проверить, потому что у нас был и другой источник. Ни Эстрин, ни Гинзберг к этому отношения не имели — это были случайные разговоры, не носившие официального характера. Любопытно, что когда Орлов все это рассказывал, то Абрамович не сказал ему, что догадывается, кто это, и что этот человек здесь. Орлов сказал — он, вероятно, теперь в Польше и занимает там большой пост.

Дело это передали в Эф-Би-Ай, которое начало расследование. Но им, вероятно, было не так интересно узнать, были ли Зборовский информатором о троцкистах, как выяснить — не шпион ли он. Разными путями они искали его и наблюдали за его деятельностью. К сожалению, одна болтливая дама сообщила Зборовскому, что ее спрашивали о нем. И с тех пор, вероятно, он был более осторожен. Но в конце концов, Давид Юльевич Далин напечатал в «Нью лидере» разоблачительную статью о нем. С этого момента это стало широко известно. [...]

Однако за шпионаж его нельзя было осудить, для этого не было данных. Но был здесь один шпион, который давал показания и получил несколько лет тюремного заключения. Когда его спросили, знает ли он Зборовского, он ответил утвердительно. Зборовский, однако, это отрицал и получил пять лет за лжесвидетельские показания, данные под присягой.

Как известно, сын Троцкого, который жил в Париже, умер молодым от заворота кишок. Ходили, конечно, разные слухи о том, что его убили сталинисты. Но в нашем доме в это не очень верили. Доктор Гинзберг, брат моей жены, в частности,

лечил его, наблюдал за развитием его болезни. Он говорил, что смерть произошла из-за осложнения болезни.

[...] Хочу еще раз вернуться к истории со Зборовским. Его не подозревали в предательстве еще и потому, что обычно он читал Седову письма. Седов переписывался с одним швейцарским адвокатом, договариваясь о встрече с ним на границе между Францией и Швейцарией. Когда пришел от адвоката ответ, то Зборовский, читая письмо Седову, пропустил часть, в которой говорилось о встрече. Как потом выяснилось, на границе Седова ждали убийцы. Это лишний факт, доказывающий невиновность Зборовского.

[...] Разбирая сейчас свой архив, я нашел письмо Бориса Ивановича Николаевского по поводу речей Бухарина, адресованное Шахману. Шахман просил у него речи Бухарина. Как ко мне попало это письмо, я уже не помню. Думаю, что Шахман дал мне его, чтобы я ему перевел по телефону, а потом оно у меня так и осталось.

К этому письму есть добавления Николаевского о том, что рассказ Лидии Осиповны о посещении Бухариным Дана и их беседа не имеет под собой никаких оснований, что все это выдумано. Между нами говоря, мы не очень доверяли этому заявлению Николаевского. И как мы понимаем, все доказательство сводилось к тому, что Бухарин те несколько дней, которые он провел в Париже, был только с ним. И не могло быть, чтобы он куда-то пошел, а Николаевский об этом не знал. Даже если Бухарин ушел на несколько часов. Доказательства, конечно, слабые, но сейчас что-либо выяснить по этому вопросу нельзя.

«СТАЛИН ЗНАЛ, ЧТО ДЕЛАЛ»¹

Невостребованное сообщение знаменитого разведчика

Историк Михаил Гецтер, изучая феномен «сталинщины», как-то заметил: Сталин во всех своих действиях настолько связан с «избыточной кровью», что «это крушит всякое рациональное объяснение — и его самого, и нас, и истории как таковой». И все же поиск такого рационального объяснения в зарубежной литературе шел давно. На Западе еще в 1956 году была выдвинута гипотеза о связи кровавой трагедии 1937 года в СССР с «агентурным» прошлым Сталина.

* * *

Вскоре после XX съезда КПСС американский журнал «Лайф» опубликовал статью Александра Орлова «Сенсационная тайна проклятия Сталина» (Orlov. «The Sensational Secret Behind the Damnation of Stalin». — from Life Magazine, April 23, 1956). У статьи оказалась непростая судьба.

Долгие годы Александр Орлов считался у нас «изменником родины», нелишне в этой связи воспроизвести оценку, которую дают ему в последнее время компетентные сотрудники нашей внешней разведки: «Судьба его во многом трагична и противоречива. Справедливо опасаясь быть репрессированным, он остался на Западе. Однако он не выдал никого из тех разведчиков, которых знал. Например, знаменитую пятерку вместе с Кимом Филби. Достоверная книга о нем уже издана на английском и французском языках. В самое ближайшее время ее увидит и российский читатель»².

Книга, о которой идет речь, наконец-то вышла в России³. Она рассказывает о службе Орлова в военной контрразведке

¹ Московские новости. 1996. № 10. 10—17 марта — Примеч. Ю. Ф.

² Кирпиченко В. А., Кобаладзе Ю. Г. Внешняя разведка: от СССР — к России // Красная звезда. 1993. 30 октября.

³ Царев О., Кастелло Дж. Роковые иллюзии, М., 1995.

в годы гражданской войны, о его работе в экономических органах ОГПУ, его активной деятельности в качестве резидента на Западе в 30-е годы. В июле 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило Орлова в Испанию — советником при республиканском правительстве по вопросам контрразведки и организации партизанской войны за линией фронта. В 1938 году ему стало ясно, что он и его семья обречены погибнуть от руки Ежова. Орлов с женой и дочерью скрывается в Соединенных Штатах. Позже, внешне стараясь доказать свою лояльность властям США, на самом деле он умело скрыл в своих показаниях нашу резидентуру на Западе.

Свою статью о «тайне Сталина» Орлов опубликовал вскоре после того, как Хрущев выступил с резкой критикой Сталина на XX съезде КПСС. Время для автора оказалось неудачным: статья потонула в гигантском потоке публикаций, шедших после XX съезда, ее не заметили даже специалисты-историки.

* * *

Между тем в статье шла речь о такой тайне, о которой даже Хрущев промолчал. Орлов утверждал, что Сталин был осведомителем Охранного отделения, что он узнал о «сенсационных доказательствах», подтверждающих это, от Зиновия Кацнельсона — своего двоюродного брата, заместителя начальника НКВД Украины. Его кузен специально приехал в Париж, чтобы рассказать Орлову об этом в феврале 1937 года, когда Орлов лежал в клинике после автокатастрофы. Орлов вспоминает: «Я содрогался от ужаса на своей больничной койке, когда слышал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне лишь потому, что между нами всю жизнь существовали доверие и привязанность».

Впрочем, была еще одна причина приезда Кацнельсона к Орлову: он умолял брата позаботиться о судьбе своей любимой маленькой дочери — в случае провала заговора Михаила Тухачевского, в который он был посвящен. А теперь послушаем, какие «сенсационные доказательства» привел Кацнельсон.

Разрабатывая сценарии первого из знаменитых московских процессов (1936 г.), рассказывал Кацнельсон, Сталин предложил тогдашнему начальнику НКВД Генриху Ягоде сфабриковать «доказательства» того, что некоторые из обвиняемых вождей большевизма были в прошлом агентами полиции. Просто готовить фальшивку Ягода не захотел — он решил, что лучше найти бывшего сотрудника Охранки и от него получить нужные «показания». Делом этим занялся «надежный сотрудник НКВД» по фамилии Штейн, помощник начальника отдела, готовившего московские процессы. Работая в архиве Охранки,

Штейн и нашел «изящную папку», в которой Виссарионов, заместитель директора Департамента полиции, хранил особо доверительные документы. В папке были фотография Сталина, прикрепленная к анкете, собственноручные донесения Сталина в Охранку и его письмо, направленное Золотареву, товарищу министра внутренних дел, — через голову непосредственного полицейского начальства Сталина. В нем «Сталин вежливо напомнил товарищу министра, что имел честь быть представленным ему в приватной комнате некоего ресторана». Письмо содержало обвинение Романа Малиновского, который был одновременно членом ЦК партии и сотрудником Охранного отделения, в том, что тот «работал усерднее для дела большевиков, чем для дела полиции». Золотарев написал на письме: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это». Сталин был арестован и сослан в Туруханский край.

* * *

Перед Штейном встал мучительный вопрос: что делать со «взрывоопасной информацией»? Решил он так: забрал папку и полетел в Киев, где вручил ее своему другу — главе НКВД Украины В. Балицкому. Балицкий посвятил в тайну своего заместителя З. Кацнельсона. Затем, тщательно проверив подлинность документов, они передали папку члену Политбюро ЦК ВКП(б) Станиславу Косиору и командующему войсками Красной Армии на Украине Ионе Якиру.

Круг лиц, посвященных в ужасную тайну, расширился: Якир вылетел с документами в Москву к Тухачевскому, «чья личная неприязнь к Сталину была известна». Тухачевский доверился Гамарнику... Орлов описывает дело так: «Высшие начальники решились поставить на карту свою жизнь ради спасения страны и избавления от вознесенного на трон агента-provokatora». 15 или 16 февраля 1937 года, когда состоялась встреча Кацнельсона с Орловым, генералы Красной Армии находились в состоянии «сбора сил».

Планы их были таковы. Под благовидным предлогом убедить наркома Ворошилова попросить Сталина созвать конференцию по проблемам, касающимся округов и регионов, командующие которыми были посвящены в планы заговорщиков. В определенный час или по сигналу два отборных полка Красной Армии должны были перекрыть главные улицы, ведущие к Кремлю, чтобы заблокировать движение войск НКВД. Одновременно заговорщики объявляют Сталину, что он арестован, собирают Пленум ЦК и расстреливают изменника. Надо ли расстреливать Сталина до или после созыва Пленума — об этом заговорщики еще не договорились.

Сообщение о Сталине-провокаторе и о заговоре против него ужаснуло Орлова в парижской клинике. Но связь его с Кацнельсоном вскоре была утрачена, о расправе Сталина над вышшими командирами он узнал из экстренного сообщения по радио 11 июня 1937 года, когда ехал на своей машине в Барселону. Позже он узнал о расстреле Кацнельсона, самоубийстве Штейна, гибели тысяч офицеров.

Орлов был убежден, что «папка Виссарионова», с которой были сняты фотокопии, была кем-то сохранена, предъявлена Хрущеву, что и заставило его немедленно отмежеваться от Сталина, выступить с разоблачением «культы личности».

* * *

Александр Орлов обеспечил свою безопасность и безопасность своих родных, оставшихся в СССР, письмом Ежову (оно хранится в архивах КГБ), где клялся, что честно служил советской разведке и не выдаст известные ему тайны, если органы «оставят его в покое».

Весьма шатким выглядит предположение Орлова, что именно предъявление Хрущеву пресловутой «папки» стало причиной разоблачений Сталина на XX съезде. Хотя, заметим, о провокаторстве Сталина Хрущеву сообщила О. Г. Шатуновская, но уже после XX съезда; ход этим сведениям члена Комитета партийного контроля, расследовавшей преступления Сталина, дан не был (об этом О. Г. Шатуновская сообщила Е. Плимуку — одному из авторов настоящей статьи).

В остальном сведения Кацнельсона о находке Штейна и последовавших затем событиях не кажутся нам недостоверными. Кацнельсон был действительно расстрелян. На одном из семинаров, который вел Е. Плимак, оказался дальний родственник Штейна. Он передал семейную легенду: Штейн прилежно ходил на работу на Лубянку, пока вдруг не застрелился. Родственникам его сообщили следующее. В кабинет Штейна зашел сам Ежов и застал его с «женщиной». Ежов якобы приказал Штейну взять свой револьвер и застрелиться. Поразительно, что кровавый палач был представлен в роли защитника чести мундира НКВД...

Разумеется, главным подтверждением правоты изложенной версии могла бы стать находка «папки» Виссарионова или ее копии. Но окружение Тухачевского было вырезано Сталиным с такой беспощадностью, что надежда на подобную находку почти пропадает.

* * *

Косвенно подтверждают правоту Орлова откровенно провокаторский характер действий Сталина. Машину террора он

стал разгонять после убийства Кирова 1 декабря 1934 г., почти сразу же направив ее против бывших вождей большевизма. В начале 1937 года сталинское НКВД через своего агента генерала Скоблина запросило у гестапо (!) компрометирующие данные на Тухачевского, каковые и были изготовлены с благословения и по приказу самого Гитлера; подборка этих «документов» была в мае 1937 г. куплена агентами НКВД. Видный сотрудник службы безопасности Вальтер Шелленберг, сообщая об этих фактах, заключает в своих «Мемуарах»: «Дело Тухачевского явилось первым нелегальным прологом будущего альянса Сталина с Гитлером, который после подписания договора о ненападении 23 августа 1939 года стал событием мирового значения».

Явно изобличают Сталина, пошедшего на сговор с Гитлером, и формулировки из его выступления на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 и 5 марта 1937 года, где он объявил, что вражеские агенты внедрились во «все» (!) или «почти во все» (!) наши организации; проникли они и на «некоторые ответственные посты»; руководящие товарищи как в центре, так и на местах не смогли «разглядеть лицо этих вредителей».

Похоже, что Сталин, узнав о заговоре, сознательно и целенаправленно создавал в стране обстановку кровавой вакханалии, чтобы иметь возможность беспрепятственно расправиться с прославленными командирами Красной Армии. Даже на фоне избиений бывших вождей большевизма и расправ с командирами производства убийство тысяч военачальников РККА было ни с чем не сравнимым злодеянием.

* * *

Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» приводит запись своих бесед с видными военачальниками в 60-х годах. Вот что сказал ему маршал, много лет бывший начальником Генерального штаба А. М. Василевский: «Вы говорите, что без 1937 года не было бы поражений 1941-го, а я скажу больше. Без 1937 года, возможно, не было бы вообще 1941 года. В том, что Гитлер решился на войну в 1941 году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, которая у нас произошла».

Оценивая всю эту историю, вероятно, стоит вспомнить, что департамент царской полиции в 1907 году рекомендовал любым способом «поднимать своих сотрудников» в «наиболее законспирированные центры революционных партий». Это, видимо, и удалось Малиновскому, не без помощи которого Сталин вошел в ленинский ЦК в 1912 году. Мы не можем снять ответственности и с руководства РКП(б) того времени, которое ради «дела» революции шло на союз с людьми, о мо-

рали которых говорить не приходится. Ленин и ленинский ЦК могли не знать о тайной службе Сталина, но об организации пресловутых ЭКСов в Закавказье в годы первой русской революции они были осведомлены.

В своей «Тайной истории сталинских преступлений», опубликованной впервые в 1953 году, Орлов писал: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал...» «Я говорю об этом, — добавлял Орлов в статье от 23 апреля 1956 года, — с уверенностью, ибо знаю из абсолютно несомненного и точного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении».

Евгений Примак Вадим Антонов

Ю. Мурин

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПУБЛИКАЦИИ

«Речь И. В. Сталина в Наркомате обороны»¹

[...] Заседание проходило в Кремле с 1 по 4 июня с участием членов Политбюро. Кроме постоянных членов на военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКО. [...] К 1 июня 1937 г. двадцать членов военного совета, то есть четверть его состава, уже были арестованы как «заговорщики». Перед началом работы военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других «заговорщиков» [...]. В первый день заседания с докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» выступил нарком обороны Ворошилов [...]:

«Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...»

О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии тт. Сталина, Мо-

¹ Источник. 1994. Вып. 3. С. 72—88. Публ. с сокращениями, обозначенными [...]. — Примеч. Ю. Ф.

лотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного...

Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П(олит)Б(юро) и на этом заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек», заранее предупреждая, что в результате этой чистки, «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон». Далее Ворошилов заявил:

«Я, как народный комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы».

2 июня 1937 г. на военном совете выступил Сталин, заявивший о раскрытии военно-политического заговора против Советской власти, который якобы стимулировали и финансировали германские фашисты.

11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине, терроре, военном заговоре к расстрелу видные деятели Красной Армии: Тухачевский М. Н., Якир И. Э., Уборевич И. П., Корк А. И., Эйдеман Р. П., Фельдман Б. М., Примаков В. М., Путна В. К. В ночь на 12 июня 1937 г. все они были расстреляны.

Текст стенограммы с выступлением Сталина публикуется полностью без каких-либо сокращений и редакционных правок. Встречающиеся искажения фамилий даны в подстрочных примечаниях.

СТЕНОГРАММА¹

выступления И. В. Сталина на расширенном заседании
военного совета при наркоме обороны

Сталин. Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних мерзавцами, других — чудаками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я и хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего, обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский помещик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах, как о враждебном классе трудового народа, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

¹ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1120. Л. 48—81. Машинописный экземпляр исправленной стенограммы. — Опубликовано в журнале «Источник», 1994, № 3. — *Примеч. Ю. Ф.*

Голос. Известно.

Сталин. Энгельс был сын фабриканта — непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался — шпионом.

Когда говорят о враждебных силах, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу и работали неплохо. Из такой прослойки, как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сын рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистые кровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака — это старая мерка, к отдельным лицам не применимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп, прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим непролетарское или некрестьянское происхождение. Я не с этой точки зрения буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Также неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места. Какой Андреев?

Сталин. Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогда-то голосовал, или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что это вторая ходячая, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Самое лучшее судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо т. Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ними очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии после Ленина линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов, разобрались, увидели, что линия партии правильна, и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых не троцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому ленинцу? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признавали правильным и не было у них достаточной доли трусости, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону.

Стало быть, и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдман, Гамарник. Из них 10 человек шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации, давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольников — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей,

либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии — обер-шпион.

Рыков. У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти сведения — через такого-то человека из Германского посольства в Москве. Знаем. Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

Бухарин. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали, информируйтё, сами не доставляли.

Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский, занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан, как я уже сказал. Ягода — шпион, и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные и работайте так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером — шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше, Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса. Да, читали.

Сталин. Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски знаем, что это просто шпион. Якир — систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан — информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии. Рудзутак. Я уже го-

ворил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения. Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у германского рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде»¹ о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера. Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди.

Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, публикуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти и у вас головы летят. Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще занимайте командные посты. И эти начинают стараться как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят, идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят, организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало, арестовать, перебить несколько человек, а народ, а армия. Ну, значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты, я, Тухачевский, а

¹ См. статью С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», публикуемую в настоящем издании. — *Примеч. Ю. Ф.*

он Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путь бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело. Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей-шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы

армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3 патентованных подстрекателей-шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпионов, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно, который играл роль благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3 месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тыс. человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это срам. Как может быть такая дивизия. Я у Тухачевского спрашивал, как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тыс. человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас дивизия была 60... 40 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух, либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Тов. Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по приказам германского рейхсвера.

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал.

Помещицье происхождение. Я не знаю, кто там еще есть из помещицьеи семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербован-

ные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер, как могучая сила, берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 г. согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила (смех), то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие-то бабенки, жены, так же как и в Белоруссии, пришли и плакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец, согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело вот этому мерзавцу, который восставлял помещиков, какое ему дело до крестьян.

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос — почему этим господам так легко удавалось завербовать людей. Вот мы человек 300—400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело про-

валивались, начиная с 1921 г. и кончая 1937 г. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляет с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начинали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, т. к. Петерсон с нами, Московский округ, Корт и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, не стойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели (веселое оживление в зале).

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться? (Веселое оживление в зале.)

Оказалось, дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждали именно так: как бы, черт побери, не остаться позади всех. Давай-ка скорей прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей. Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти мало-стойкие, я бы сказал, товарищи, они и послужили материалом для вербовки. На них гипнозом действовали: завтра все будут у нас в руках, немцы с нами. Кремль с нами, мы изнутри будем действовать, они извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос — почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как-никак дело это наворачивалось, а вот все-таки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии, вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы

неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать, какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая. Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами и они даже при желании отойти от пути контрреволюции, не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей, и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит, надо иметь широко поставленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик, особенно органы ГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также, в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши. Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили этакое богатство, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно

протягивает руку. Япония вторая, заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград. Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми как ребятишки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело успехи, и мы все стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распрощаться. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи, чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не все видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100 процентов, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот т. Горячев рассказывал о делах головокругительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную.

(Голос: Махновский обрез.)

Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, т. Ежов?

Ежов. С 1926 года.

Сталин. Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах.

Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе и, если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет, правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получают в ЦК письма от коммунистов, иногда копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылаются и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, дело партии». Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разбирать по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет, расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма — правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать.

Разве вам когда Ворошилов запрещал письма писать в ЦК? (Голоса: нет, никогда.) Кто из вас может сказать, что вам запрещали писать письма в ЦК? (Голоса: нет, никто.) Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, беспартийный, у которого болит сердце о беспорядках, а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие коммунисты, обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими.

Вот если бы это правило выполнялось, а это ленинское правило, — вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы что-нибудь против этого сказал — если бы это

правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело.

Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток, в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы генеральный штаб проверял людей, чтобы генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили, где же был генеральный штаб. Вы что думаете, что генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп...

Голоса. А это было так.

Сталин. Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и прийти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, здесь в Белоруссии — Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе и что они там вытворяли, бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ, должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах

чуть ли не везде стоят люди, непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абошидзе, забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, т. Ворошилов?

Ворошилов. Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин. Я не знаю, что такое АБТ.

Голос с места. Начальник автобронетанковых войск корпуса.

Сталин. Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой! (Веселое оживление в зале.)

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть тамадой (смех), но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за советскую власть, завтра против советской власти, какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать. Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось, везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский...

Голос с места. Проходимец!

Голоса с мест. Ольшанский или Ольшевский?

Сталин. Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, т. Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует? Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового Халепского, не знаю, как он попал, он пьяница, нехороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до тт. Егорова, Буденного, Элиава, говорят Серго рекомендовал. Оказывается — он осторожно поступил — не подписал (голос: он только просил). У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать.

Егоров. В этот период в академии находился.

Сталин. Рекомендуются он, как человек с ясным умом, выправкой, волевой (смех). Вот и все, а кто он в политике — не знали, а ему доверяют танковые части. Спусти рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд

за ряд лет сидели: Гаркавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну, уж, конечно, они старались, но многое не от них все-таки зависит, нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей (смех). Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда представляют кандидатуры 16 дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить.

Голос. Десять раз ставили вопрос, т. Сталин.

Сталин. Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать — это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Худяков [И. С. Кутяков] свою брошюру, не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз человек пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на него внимание. Я не знаю — хороший ли он, или плохой, но что он путанный, я это знал. Я ему написал, что это дело не выйдет, не годится. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются — Деникин тоже ленинградец, есть Милюков — тоже ленинградец. Однако наберется немало людей, которые разочаровались в старом и не прочь приехать. Мы бы их не пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую. Напишем своим послам, и они их пустят. Только они не хотят и если даже приедут — они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

Голоса. «Киевские камни». [«Киевские Канны»]

Сталин. «Киевские камни» о 1920 году. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят, дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука (смех). Воспеваает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командова-

ние. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить конную армию, которая там решала дело тогда, и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос. 25-ю.

Сталин. У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличалась, этого не видно. И вот, интересно, что т. Сидякин [А. И. Седякин] написал предисловие к этой книге. Я тов. Сидякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Печатается брошюра, где запятали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры развенчать конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну, бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он конную армию хочет развенчать — это неправильно. Как этого т. Сидякин не заметил. Предисловие говорит — есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

Голос. Я согласен.

Сталин. Что согласен, не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

Теперь еще один вопрос. Вот эти недостатки надо ликвидировать, я их не буду повторять.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила. Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили, что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, вот если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем знали, что на севере германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали

план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью (смех). Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы Охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали, вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

(Голоса: Чепуха, чудесные люди есть.)

В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей мало известных. Посмотрите, что из этого вышло? Мы им говорили, если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей мало заметных, они же там чудеса творят. Кто такое был Павлов? Разве он был известен.

Голос. Командир полка.

Голос. Командир мехбригады.

Буденный. Командир 6-й дивизии мехполка.

Ворошилов. Там два Павловых: старший лейтенант...

Сталин. Павлов отличился особенно.

Ворошилов. Ты хотел сказать о молодом Павлове?

Голос. Там Гурьев и капитан Павлов.

Сталин. Никто не думал, и я не слышал о способностях командующего у Березина [Я. К. Берзина]. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело.

Штерна вы знаете? Всего-навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Березин, может быть, не только хуже, а лучше. Вот где наша сила — люди без имен. «Пошлите, — говорят, — нас, людей с именами в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроют, камня

на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее — не бойтесь. (Продолжительные аплодисменты.)

Ворошилов. Работать будем до 4 часов.

Голоса. Перерыв устроить, чтобы покурить.

Ворошилов. Объявляю перерыв на 10 минут...

Ворошилов. Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято.

Блюхер. Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше и меньше и не так как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

Сталин. Я бы на вашем месте, будучи командующим ОК-ДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

Блюхер. Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

Сталин. То, что для широкого круга.

Ворошилов. Может быть, для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такое-то дело. А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях.

Сталин. Да. И объяснить надо. А для того чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все-таки, стенограмму раздать.

Ворошилов. Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

Сталин. Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

Ворошилов. Давайте это примем. По партийной линии это принято.

Сталин. Это даст возможность и изучать людей.

Ворошилов. Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение 2 1/2, почти 3 лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный. Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие под подозрением.

Сталин. Так как половину из них арестовали, то значит, нечего тут смотреть.

Буденный. Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать — не подлежит оглашению.

Сталин. Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть.

Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь, в два месяца раз?

Ворошилов. В 3 месяца раз.

Сталин. Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

(Голоса: Правильно.)

Сталин. И от вас будут представители в Совет оборонной промышленности человек пять.

(Голоса: Правильно.)

Сталин. Начиная, может быть, с командира полка, а лучше было бы еще ниже, иметь заместителем.

Ворошилов. Командира дивизии или командира полка я его назначаю заместителем.

(Голоса: Есть такое распоряжение.)

Ворошилов. Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя, и тогда я уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червонной Украины» является избранником, которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

(Голос: Такое же распоряжение отдано.)

Ворошилов. Совсем не такое.

Сталин. Может быть, у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями.

Ворошилов. Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии, но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

Сталин. Не будет боязни, что отменят тех, которые назначены?

(Голос: Эта боязнь есть.)

Сталин. Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

Ворошилов. Значит, в 8 часов у меня в зале заседание.

Сталин. Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажем

брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?

Голоса. Безусловно. Правильно.

Сталин. Пять лет работали, кое-кого задели случайно. Кое-кто есть из выжидающих, вот рассказать этим выжидающим, что дело проваливается. Таким людям нужно помочь с тем, чтобы их прощать. Щаденко. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной (смех).

Сталин. У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов. Положение их, между прочим, неприглядное, когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь ни один, так другой, ни другой, так третий, все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем.

Щаденко. С Военного совета надо начинать. Кучинский и другие.

Кучинский. Тов. Ворошилов, я к этой группе не принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца.

Ворошилов. Вот и Мерецков. Этот пролетарий, черт возьми.

Мерецков. Это ложь, тем более что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся.

Ворошилов. Большая близость с ними у этих людей. Итак, в 8 часов у меня.

С. Уранов

О НЕКОТОРЫХ КОВАРНЫХ ПРИЕМАХ ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК¹

Шпионаж, вредительство, диверсия являются испытанными средствами в арсенале буржуазных государств. Средства эти употребляются не только для борьбы с вероятными противниками, но и с так называемыми дружественными государствами.

Засылая своих шпионов к нам, стремясь насадить своих людей на важнейших участках, наши враги не ограничиваются этим. Они прилагают также все усилия к тому, чтобы вовлечь в свои шпионские сети неполноценные и неустойчивые элементы из граждан Советского Союза; стремятся опутать их своей шпионской паутиной, толкают их на путь измены ро-

¹ См.: Правда. 1937. 4 мая. — Примеч. Ю. Ф.

дине, действуя шантажем, подкупом, обманом, угрозами заставляют их служить делу врагов Советского Союза. Необходимо помнить, что шпион, диверсант, вредитель опасен тем, что, прикрываясь личиной «своего» человека, он проникает в наши ряды, использует нашу беспечность и легковерие для того, чтобы, выполняя приказ своих хозяев, нанести нам удар в спину, погубить массу советских людей, вызвать несчастья и бедствия и облегчить достижение победы врагу.

Чтобы затруднить врагу его работу, не позволить раскрывать нашу государственную тайну и нанести ущерб нашей обороноспособности и социалистическому строительству, мы обязаны сделать необходимые выводы из полученных нами уроков, мы должны объявить борьбу легковерию, беспечности, которые являются щелями для проникновения врагов. Мы должны вскрыть лукавые и извилистые пути, пользуясь которыми иностранные разведки вовлекают в свои сети подчас неплохих людей, не желающих стать предателями своей родины, но попадающих в шпионы только благодаря отсутствию бдительности и неумению различить врага и его подлых замыслов, скрытых под маской доброжелательства и притворства.

Иностранные разведки стремятся различными способами перебросить на чужую территорию свои подготовленные кадры шпионов. Эти кадры проходят тщательную подготовку у себя дома и направляются в интересующую разведку страну для проведения шпионской работы.

Из периода мировой войны нам известны случаи, когда английский агент «Д-27», окончивший школу агентуры в Девоншире, еще до войны проник в Германию, поступил там добровольцем в германскую армию и вскоре был произведен в лейтенанты. Владея в совершенстве немецким, английским и французским языками, он был переведен в штаб Баварского принца Рупрехта, командующего Баварским корпусом под Лиллем. «Д-27» всю войну вел переписку с английской разведкой. Даже в 1918 году, когда германской разведке удалось получить списки агентов союзной разведки, этот офицер, командовавший уже тогда у немцев полком, ими не был обнаружен. Он сам раскрыл себя в Спа, куда был послан в качестве германского делегата по переговорам о перемирии и где открыто присоединился к английской делегации.

Засылка шпионов в другие страны с задачей их прочного внедрения в организм соответствующего государства практикуется всеми иностранными разведками. Одновременно проводится работа по изучению граждан соседней страны с целью выявления всех тех, кто может быть под тем или иным предлогом, тем или иным методом вовлечен в шпионскую работу. Известно, что почти все лица, получающие разрешение на выезд из Германии, обязаны предварительно явиться во

внешнеполитический отдел национал-социалистической партии, где преобладающее большинство из них получают разведывательные задания, а также указания по изучению людей, с которыми им придется встретиться за границей.

Такой же порядок существует в Японии. Изучение иностранных граждан разведкой ведется только под одним углом — как успешнее вовлечь их в разведывательную шпионскую работу. Как и до войны, немецкая разведка разработала специальную картотеку, которая разбивается по городам проживания, отраслям работы, индивидуальным признакам людей, намечающихся для вовлечения в шпионскую сеть¹.

Эти списки «кандидатов» в шпионы, очень часто невольных жертв шпионского шантажа, составляются по разным признакам, в первую очередь, конечно, принимаются во внимание политически неустойчивые, колеблющиеся элементы, затем люди со всякого рода слабостями и пороками, склонностями к выпивке, извращениям, замеченные в нечестном отношении к государственным средствам, совершающие растраты и т. д.

Располагая таким списком в той или иной мере скомпрометированных людей, иностранные разведки пользуются выездом этих людей за границу для привлечения к шпионской работе. Для вербовки людей, живущих в своей стране, посылаются специальные агенты-вербовщики. Шпионы, посылаемые в Советский Союз, проходят тщательную подготовку. Их совершенствуют в знании языка, заставляют читать местную советскую прессу, в зависимости от того места, куда шпион направляется, обучают радиodelу, заставляют ежедневно в порядке подготовки слушать советские радиопередачи. В польской разведке, например, для всех подготовляемых для работы в СССР шпионов существуют специальные «рекомендуемые» списки минимума литературы, которую шпион должен обязательно прочитать и уметь толковать в духе советской критики. В эти списки входят такие книги, как «Поднятая целина», «Чапаев», «Бруски», «Как закалялась сталь». В последнее время польских разведчиков также заставляют изучать новую советскую Конституцию, историю партии, материалы по стахановскому движению. От них требуют умения пользоваться советской терминологией.

Подготовленные таким образом шпионы-вербовщики под видом иностранных туристов, транзитных пассажиров отправляются в СССР или просто нелегально перебрасываются в Со-

¹ До войны немецкая разведка располагала картотекой из 47 тыс. граждан России, Англии и Франции. Эти люди были резервом для вовлечения в шпионскую работу. Для вербовки этих людей, в зависимости от их личных качеств, использовались разнообразные способы шантажа, подкупа, угроз и провокации. — *Примеч. С. Уранова.*

ветский Союз, имея задачу вербовать людей для своей шпионской работы.

Всякий шпион, посланный к нам из капиталистических стран, стремится поскорее акклиматизироваться в советских условиях, сходить за советского человека, устроиться на работу. Особенно это облегчается полным отсутствием у нас безработицы. Шпион стремится проникнуть на завод, поступить в советское учреждение, завести там знакомство, посмотреть, кого и каким образом можно втянуть в свою сеть. С этой целью шпион обеспечивает себя подложным или краденым паспортом, иногда даже партийным билетом, всякого рода справками и рекомендациями. Для своей легализации шпион не останавливается ни перед какими средствами. Он начинает, например, разыскивать доверчивых женщин или известных на заводе девушек-стахановок из семей старых кадровых рабочих с тем, чтобы, породнившись с ними, сразу войти в крепкую и известную на заводе среду как «мужу такой-то», «зятю или родственнику такого-то». Для выполнения шпионских задач все средства хороши: и «активность» в общественной жизни, и «стахановская работа», и подхалимство, и угодничество, и лесть, и, наконец, неоднократные «женитьбы» и «разводы» с целью подыскания более подходящей партии.

Таким образом, пользуясь притуплением бдительности или полным ее отсутствием, враг попадает в наши ряды, становится «своим» человеком. Обосновавшись на предприятии или в учреждении, шпион начинает постепенно развивать вербовочную работу среди людей нашей страны, стремясь превратить их в изменников родины и заставить работать на иностранную разведку.

Как показали последние процессы, троцкисты, зиновьевцы и правые отщепенцы — враги народа быстро откликнулись на призыв своих хозяев из фашистского лагеря и не за страх, а за совесть старались работать для японо-германского фашизма. Суд над троцкистско-японо-немецкой агентурой показал, что эти грязные предатели — троцкисты, вредители, шпионы, диверсанты с такой же энергией искали хозяев среди фашистских разведок, как последние искали троцкистов в качестве своих агентов.

Сложнее вербовать для шпионской работы людей, ничего общего не имеющих с троцкистскими предателями. Таких ранее честных людей фашистские разведчики не выпускают из поля своего внимания и, пользуясь всевозможными грязными методами, стремятся их втянуть в свою шпионскую работу, запутывая их в материальном и моральном отношении, применяя шантаж и запугивание.

Если шпион не находит готовых людей среди обиженных, политически неустойчивых, безвольных болтунов и людей по-

рочных, он намечает себе жертвы и искусственно развивает у них то, что ему нужно — обиды, неудовлетворенность, пороки, а иногда умышленно компрометирует их в глазах окружающих.

Например, известны случаи, когда по адресу облюбованного иностранной разведкой человека посылают антисоветскую листовку, затем тщательно наблюдают, как будет реагировать получивший ее. Если он никому о получении контрреволюционной листовки не сообщил, не поставил в известность партийные или советские органы, даже уничтожил листовку, тогда к нему через некоторое время является шпион-вербовщик, склоняя его на работу в пользу иностранной разведки. Когда гражданин начинает возмущаться получением такого предложения, грозить сообщить властям, шпион-вербовщик хладнокровно парирует это фактом получения и скрывтия антисоветской прокламации, указывая на то, что этот факт легко доказать через почтальона, принесшего письмо, и т. д. Не получив в первый раз согласия на работу, шпион не успокаивается. Через некоторое время он опять возвращается к тому же человеку, теперь уже заставляя его тем, что данный гражданин не выдал его властям в первый раз. Шпион требует только минимальных, почти не секретных сведений, которые ему-де очень нужны, предлагает деньги, обещает после получения этих данных больше не приставать. А дальше все идет как по писаному: «послушавшийся» в первый раз попадает в трясину, из которой ему уже не выбраться, как уже запачканному, и становится марионеткой в руках ловкого шпиона.

Для того чтобы ближе и интимнее сойтись с намеченным к вербовке человеком, шпионы практикуют различные способы. Нередко, когда хозяйственник едет в командировку или на курорт, его в вагоне «узнает» обрадованный неожиданной встречей вербовщик, который, «оказывается, имеет общих знакомых» и т. п. В процессе длительного пути вербовщик прощупывает со всех сторон свою жертву, улавливает слабые места и начинает плести свою паутину. Нередко с этой же целью пользуются встречей на курорте, где времени излишек, где имеются возможности прогулок, где легко сходятся, особенно с интересными и услужливыми людьми, на первый взгляд не вызывающими сомнений.

Известен ряд случаев, когда шпионы-вербовщики подставляли наивным людям жен. Эти жены «чутко» проявляли повышенный интерес к работе своих мужей, выведывали их служебные секреты. Получив достаточно материалов, чтобы политически скомпрометировать «мужа», такая жена раскрывала карты, предлагая в лоб перейти на прямую, хорошо оплачиваемую службу «своей» разведки. Не у всех находилось

достаточно мужества для честного выхода из такого положения. А этим-то и пользовались шпионы и превращали свою бессознательную и беспечную жертву в изменника и предателя своей родины.

На самом же деле каждый честный советский гражданин имеет полностью возможность отвести от себя грязные шпионские попользования, освободиться от опутывающей его паутины и принести пользу своей родине, разоблачив назойливо пристающих шпионов. Для этого следует только понять, что всякое допущение ошибки или проступка, даже тяжелого преступления, если их признать, не скрывать, довести до сведения органов советской власти, составляет менее тяжелую вину, чем секретный сговор с врагом родины и выполнение шпионских заданий. Следует всегда иметь в виду, что человек, ставший на путь сговора с иностранной разведкой, больше никогда уже не располагает собой, постепенно, начиная с невинных поручений, его заставляют сначала стать шпионом, а потом требуют безропотного выполнения диверсий и террористических актов. Стоит только подать шпиону палец, как он завладеет всей жертвой до конца и сделает из ранее честного человека предателя и убийцу.

Так, например, было с молодым инженером Строиловым, осужденным по последнему процессу шпионов-троцкистов. Этого человека воспитала советская власть, обучила, сделала специалистом. Попав в руки шпионов, он постепенно превратился в предателя родины, вредителя и диверсанта. Сначала Строилову во время его пребывания в командировке в Германии немецкие шпионы дали почитать книгу Троцкого, потом стали потчевать другой контрреволюционной литературой, а кончили тем, что стали его шантажировать, угрожая выдать советским властям, используя также такой мотив, что самое общение Строилова с типами вроде немецкого шпиона Берга уже достаточно его компрометирует. Строилов вместо того, чтобы по-честному вскрыть эти махинации немецких шпионов и тем спасти себя от их преследования, предпочел замолчать свои проступки и за обещание не выдавать его советской власти выдал немецкой разведке расписку с обещанием давать интересующие ее сведения и, таким образом, целиком, со всеми потрохами попал в лапы Гестапо. Когда Строилов вернулся на родину, его уже не оставляли в покое и заставили заниматься вредительством и диверсией. Таким образом гестапо перекинуло мост между шпионом Строиловым и троцкистскими агентами в Кузбассе. Между тем для всех ясно, что Строилов мог не только избежать своей презренной службы предателя-шпиона и диверсанта, но мог, своевременно вскрыв подлые интриги агентов гестапо, принести пользу своей родине и остаться верным ее сыном.

Если на нашей советской территории шпионам приходится действовать с величайшей осмотрительностью во избежание провалов и разоблачения со стороны нашей советской и партийной общественности и органов НКВД, то на своей фашистской родине, по отношению к приехавшим туда советским гражданам, они ведут себя цинично и напористо. Уже при проезде через территорию Польши или Германии в поездах подсаживают к советским гражданам попутчиков, всячески стремящихся прощупать едущих и под всякими предложениями завлечь их в свои сети.

Ряд случаев, взятых из жизни, показывает, насколько бдительными должны быть наши инженеры, хозяйственники и другие лица, едущие по делам за границу, для того, чтобы не попасть в ловко расставленные сети иностранного шпионажа.

Некий советский работник «Л», приехав за границу, решил изучать иностранный язык. Дал объявление в газете, что ищет учителя. Среди многочисленных полученных им писем было одно письмо, где трогательно рассказывалось о тяжелом материальном положении автора, а именно: некая учительница, являясь кормильцем семьи из трех человек, просит не давать окончательного решения другим учителям, пока в личных переговорах не убедится, что по знанию языка и методу преподавания данная учительница заслуживает предпочтения перед всеми остальными. «Л» был холостяком, среди товарищей слыл за хорошего партийца, общественника, скромного в быту человека. Участок его работы был хотя и технический, но весьма ответственный, ибо по характеру работы ему были известны многие важные государственные секреты. «Л» ответил согласием и просил «нуждающуюся» учительницу прийти к нему для переговоров. В назначенное время явилась молодая, 26 лет, красивая девушка, назвала себя Мери и с первой же беседы обворожила «Л» своей скромной внешностью и растрогала его повестью о своем тяжелом материальном положении.

Начавшиеся уроки проходили на квартире «Л» в течение нескольких месяцев нормально. За это время «Л» подружился со своей учительницей, начались совместные прогулки за город, хождения в кино и т. д. Отношения становились все более дружественными. За все время совместных занятий Мери ни разу не задавала каких-либо вопросов, могущих вызвать подозрения. В вопросах политики она разбиралась мало, хотя и говорила, что втайне от матери, фанатически верующей женщины, она читала книги о Советском Союзе и, несомненно, если бы она имела больше свободного времени, она разделяла бы взгляды большевиков. Однажды вечером, во время обычного урока, Мери почувствовала себя плохо. Она попросила вызвать врача — ее дальнего родственника «Н». К приезду врача Мери стало хуже, пришлось ее положить на диван. При-

ехавший врач установил сильное переутомление и ослабление сердечной деятельности. Врач дал порошки, сказал, что она скоро успокоится и уснет, предложил «Л» не беспокоить Мери, дать ей спокойно полежать и уехал. Проходили часы, Мери не просыпалась, и когда подошел третий час ночи, «Л» стал опасаться, что если даже она и проснется, то в это время уже неудобно выпускать ее из квартиры. Утомленный «Л» вскоре и сам заснул. Проснувшись утром, «Л», к своему удивлению, не нашел Мери на диване, не оказалось также ее и в квартире. Он был еще более удивлен, когда он не нашел ключей ни от парадного, ни от черного хода своей квартиры. Ключи исчезли, и сколько их «Л» ни искал, найти не мог. Пришлось по телефону вызвать слесаря ломать замок. Вместо того чтобы пойти к своим товарищам и рассказать о происшедшем, «Л» стал опасаться, как бы кто-либо не подумал, что дело было не так, как он расскажет, что между ним и Мери произошло что-либо, что никто не поверит истории с исчезновением ключей и что в результате всего происшедшего о нем начнут говорить, перевернут факты и могут начаться разговоры, от которых, кроме неприятности, ждать нечего. «Смолчать, — решил «Л», — ведь кроме меня никто ничего не знает». Дело же заключалось в том, что «Л» и не подозревал, что контрразведка, агентом которой была Мери, все свои планы построила именно на том психологическом моменте, что «Л» боится рассказать кому-нибудь о ночевке Мери у него на квартире, исчезновении ключей и сломанных дверях.

Когда прошло некоторое время и «Л» начал забывать уже происшедшее, однажды вечером к нему на квартиру явился незнакомый человек и, представившись агентом местной контрразведки, сказал, что имеет поручение от шефа контрразведки встретиться с ним и переговорить о случившемся между ним и Мери. По словам агента, Мери подала в контрразведку заявление, что ее ученик — сотрудник такого-то советского учреждения за границей, с которым она занималась много месяцев, который вел себя добропорядочно, во время последнего урока предложил ей чай с пирожным. Во время еды она почувствовала головокружение. «Л» вызвал врача, который дал ей порошки. После порошков она почувствовала себя немного легче и уснула. Ночью она неожиданно проснулась от какой-то тяжести и сильной физической боли. Придя в себя, она увидела у себя на диване «Л», который будто бы пытался ее изнасиловать, причем попытки свои сопровождал садистскими мучениями и истязал ее не меньше чем в 15 местах. После недолгого сопротивления ей удалось вырваться и убежать в другую комнату. Однако и там «Л» ее настиг, и борьба между ними возобновилась. В момент безвыходности Мери схватила стоявшую на столе чашку с солью и высыпала

ее в глаза «Л». Боясь, что «Л», находясь в состоянии безумия, будет ее преследовать, Мери выбежала и заперла парадный и черный ход квартиры. К своему заявлению Мери приложила связку ключей и свидетельство доктора «Н», который был вызван на квартиру к «Л» и который подтвердил, что «Л» угрожал ему не увозить Мери домой и лучше оставить ее у него на квартире. В свидетельстве доктор указал, что на следующий день Мери явилась к нему в сильном расстройстве и на теле ее были обнаружены 15 укусов с кровоподтеками.

Слушая агента, «Л» уже находился в состоянии транса, не мог собрать своих мыслей. Одно он начал ясно понимать, что находится на краю пропасти и весь во власти этого незнакомого ему человека. Он был поглощен мыслью о спасении себя, не понимая, что единственный путь — пойти и все рассказать близким друзьям, другое же решение — немедленная гибель. План контрразведки был разработан тщательно. Вербовка «Л» была намечена так, чтобы психологически представить ему контрразведку не в роли его душителя, затеявшего все это дело, а в роли спасителя, который в минуту жизни трудную пришел ему на помощь, и поэтому таким хорошим людям из контрразведки можно оказать кое-какие «мелкие» услуги.

Агент указал, что контрразведка не заинтересована в его компрометации и скандале, ибо речь идет не о рядовом человеке, а об ответственном сотруднике страны, с которой его правительство находится в нормальных дипломатических отношениях. Но так как заявление поступило, контрразведка обязана вести дознание и передать дело прокурору. По этому делу они уже вызывали Мери, допрашивали ее и по своей инициативе предложили ей не поднимать скандала и пойти на мировую. Мери долго не соглашалась, но под нажимом контрразведки дала согласие, но при условии, что в 5-дневный срок она получит 5 тыс. золотых рублей. «Л» сначала не соглашался, потом соглашался на меньшую сумму, но агент заявил, что он не уполномочен вести такие переговоры. В течение последующих дней «Л» встречался с агентом, доказывая ему, что денег не имеет и достать их не может. На третий день на свидание с «Л» пришел иностранец, назвавший себя помощником начальника контрразведки. Он дал понять «Л», что готов помочь ему достать в банке деньги, однако взамен этой услуги он надеется получить от «Л» некоторую компенсацию. Контрразведка много не просит, она заинтересована, чтобы в стране были мир и порядок, а к ней поступает много доносов. Часто правду от лжи трудно отличить, и поэтому контрразведка просит лишь давать свои заключения и мнение об интересующих ее лицах.

«Л» ожидал гораздо худшего. Ему это требование показалось невинным. Он даже начал себя убеждать в том, что он

делает очень хорошее дело — будет спасать советских людей от возможной клеветы со стороны врагов Советского Союза. Еще один шаг — и «Л» стал бы на гибельный путь предательства родины.

Однако врагу не удалось торжествовать. Внешнее поведение «Л» не прошло незаметно для его товарищей по работе. Дошли слухи об истории со взломанными дверями, заметили, что «Л» избегает друзей, пропадает неизвестно где по вечерам, лжет, отвечая на вопросы. Обратило не себя внимание, что «Л» усиленно занимается продажей некоторых вещей, пытается занимать деньги. С ним решили поговорить по-товарищески, и «Л» нашел в себе в последний момент мужество обо всем рассказать.

Мы нарочно подробно остановились на этом примере, чтобы показать, как отсутствие бдительности, казалось бы в таком простом вопросе, как подбор преподавателя иностранного языка, убаюкивание себя тем, что враг не так коварен, как его рисуют, малодушие и отсутствие сознания своего долга перед родиной привели до того честного, ничем не запятнанного гражданина, каким раньше был «Л», в лапы злейшего врага нашей родины, который, как правило, всегда начинает с просьбы об оказании мелких услуг, с тем чтобы впоследствии заставить совершать убийства, поджоги и шпионаж.

Известен также ряд других случаев, когда враг, пользуясь распушенностью некоторых советских граждан, попавших в заграничную командировку, подставлял им женщин, затем заставлял давать удовлетворение обьявившемуся «оскорбленному мужу» и под видом компенсации за то, что дело замяли, не довели до скандала, склонял легковесных и распушенных людей к шпионажу, к измене родине. С одним советским гражданином, ранее будто бы безупречным, случилось такое бедствие, когда он был в командировке в Японии. Он стал часто посещать рестораны и другие увеселительные места, при этом он сблизился там с одной из посетительниц этих мест, с виду «аристократкой», довольно красивой женщиной. Во время одной из его встреч с этой женщиной в укромном уголке фешенебельного ресторана неожиданно появился японец в военной форме, назвался «мужем» этой женщины и набросился на советского гражданина, требуя удовлетворения за оскорбление чести его семейного очага. Дело кончилось бы скандалом, если бы тут же не появился другой человек, довольно любезный с виду, тоже японец, но в штатском, который стал уговаривать военного японца не подымать скандала и кончить дело миром. Советский гражданин, чувствовавший себя в отчаянном положении, ухватился за «примирителя» как за якорь спасения. Дело кончилось «миром», но какой ценой? Советский гражданин дал расписку давать «примирителю» «информацию»

о некоторых делах в СССР, интересных для «примирителя», оказавшегося агентом японской разведки. Но, дав расписку, он оказался в лапах у «примирителя». Боясь разоблачения со стороны «примирителя», он все больше и больше запутывался, выполняя все новые и новые шпионские поручения. Он превратился в японского шпиона и врага своей родины.

Известен случай, когда некий советский работник «Н», находясь в заграничной командировке, попал под удар иностранной контрразведки при следующих обстоятельствах. Однажды «Н», захватив портфель, пошел в кафе. Так как в портфеле никаких деловых бумаг не было, «Н», выпив несколько чашек кофе, оставив на столе портфель, пошел поговорить по телефону. Когда он вернулся обратно к своему столику, он нашел свой портфель на месте и, посидев еще некоторое время, направился к выходу. У выхода из кафе его остановил молодой человек иностранец, который обратился к «Н» со следующим вопросом: «Вы являетесь таким-то?» «Н» ответил утвердительно. Тогда иностранец попросил «Н» отойти в сторону и сообщил ему: «Вы, господин «Н», являетесь советским шпионом, нарушающим законы данного государства. Об этом еще не известно полиции, но вы находитесь целиком в моих руках. Я могу вас спасти, если вы мне окажете некоторую «услугу». Когда «Н», возмущенный, стал отрицать возведенный на него поклеп, иностранец попросил его не горячиться, так как «Н» увернуться не сможет, ввиду того, что у него в портфеле лежит шпионский документ, направленный против данной страны. «Н» знал, что у него в портфеле ничего предосудительного не может быть, тут же открыл портфель и между всяких бумаг обнаружил к своему ужасу вложенный туда, очевидно во время его переговоров по телефону, документ на иностранном языке с секретным грифом. Когда «Н» стал возмущаться, обвинять незнакомца в том, что он подбросил ему этот документ, незнакомец ответил: «Успокойтесь, господин «Н», я не знаю, как вы выйдете из этого положения. В мои намерения входило выручить вас, а если вы от этого уклоняетесь, я немедленно, сию же минуту передам вас в местную полицию». Коротко говоря, «Н», вместо того, чтобы тут же прекратить подобного рода разговоры и, являясь честным, незапятнанным человеком, немедленно самому обратиться к полиции, стал искать компромиссов с незнакомцем и в конечном итоге с целью «избежать скандала» дал согласие навести справку об одном человеке, проживающем в Советском Союзе. Но шпион, завлекший в свою паутину «Н», этим не ограничился. Он не пожелал выпустить «Н» из своих рук, не получив от него письменного подтверждения о согласии выполнить данное поручение. Так как «Н» не видел другого способа отвязаться от преследовавшего его шпиона, он совершил роковую ошибку и выдал по-

следнему расписку с обязательством выполнить данное ему поручение, и расписка эта явилась роковой для «Н» на всю его жизнь. Пользуясь этой распиской и угрожая ее опубликовать, агенты фашистской разведки настигали его всюду, где бы он ни находился, и, переходя от поручений на первый взгляд невинного характера, «загрузили» «Н» настоящей шпионской работой, заставили его изменить своей родине и стать презренным наемным шпионом в руках фашистской разведки.

Известны также и другие случаи, когда шпионы в свои сети увлекали людей, приехавших за границу, пользуясь их моральной неустойчивостью. Так, один командированный за границу работник в порядке служебных взаимоотношений познакомился с рядом чиновников иностранных консульств. Один из них, выдавая себя за состоятельного человека, часто приглашал гражданина «Т» на различные зрелища — скачки, в театры, шантаны, кабаре и т. п. увеселительные заведения. При этом иностранец всегда искал случая заплатить за все развлечения, которыми он пользовался вместе с «Т». Таким образом, «Т» систематически стал проводить время со своим новым щедрым знакомым, посещал различные значные места. Но в одно прекрасное время «благодетель» сообщил «Т», что он обанкротился, что с него требуют немедленной уплаты по счетам, поэтому он просит возместить ему все произведенные на «Т» расходы по совместным кутежам. Когда «Т» услышал требуемую с него сумму, он обомлел, потому что никогда таких денег вместе с иностранцем не потратил. Но иностранец настаивал на немедленном возмещении произведенных расходов. Естественно, «Т» неоткуда было достать большую сумму денег, и вот его собутыльник предлагает найти выход из положения, который может «спасти» их обоих, а именно: необходимо, чтобы «Т» давал скромные информации одному очень солидному человеку, который из этих информации может извлечь коммерческую пользу. Когда «Т» отказался, его «приятель» стал ему угрожать тем, что он немедленно сообщит начальству «Т» о безнравственности «Т», о всех их совместных похождениях, кстати сказать, и о тех секретных данных, которые якобы ему уже «Т» разболтал. «Не лучше ли вам дать эту безвредную информацию, — заявил шпион «Т», — чем рисковать вашим добрым именем, а может быть, даже и жизнью, а также полным разрушением своей семьи, так как жена ваша вам не простит ваших безнравственных походов. Не лучше ли предать забвению все происшедшее, ценою сообщения моему приятелю некоторых сведений, разглашение которых не принесет никому никакого ущерба». Не найдя в себе мужества признаться перед своими товарищами в своем недопустимом поведении, в смычке с враждебным окружением и тем самым предохранить себя от дальнейшего падения, «Т»

дал подписку о согласии давать просимые сведения, получив взамен от своего знакомого ничего не значащую расписку в том, что он обязуется не требовать с него никаких денег и не шантажировать его. Кончил же «Т» тем, что пытался по требованию своих новых хозяев стащить секретный документ и на этой попытке был пойман.

Известен случай, когда немецкая разведка попыталась применить против командированного за границу советского гражданина следующий неуклюжий прием вербовки. Приехавший искал для себя квартиру. Он осмотрел несколько помещений и наконец решил остановиться на одной комнате, сдаваемой пожилой женщиной. Во время их беседы с квартирохозяйкой присутствовала молодая девушка, которая отрекомендовалась знакомой хозяйки. Поговорив с владелицей квартиры об условиях найма комнаты, товарищ условился зайти через два дня для окончательных переговоров; и вот, явившись в назначенный срок в избранную им квартиру, он встретил опять ту же квартирохозяйку, которая заявила, что должна просить его немного подождать, так как должна об окончательной сдаче посоветоваться со своими родственниками, которые живут в соседнем доме. Квартиронаниматель стал, покуривая, дожидаться в гостиной. Через несколько минут явилась квартирохозяйка вместе с полицейским инспектором и полицейским вахмистром. Инспектор сообщил, что к нему поступило заявление от данной гражданки, что будто бы при первом посещении и осмотре квартиры украли у хозяйки два золотых кольца. Так как никого ни до, ни после посещения этим товарищем данной квартиры у хозяйки не было, то подозрение падает на советского гражданина. Инспектор пригласил его в комиссариат для составления протокола. Несмотря на резкие протесты товарища, ему все же пришлось пойти в полицию, где его подвергли унижительному допросу и даже пытались произвести обыск. Когда инспектор убедился в серьезном намерении обвиняемого воспротивиться обыску, он внезапно перешел на любезный тон и сказал: «Возможно, что гражданин и не виновен в этом деле, но улики налицо, и он обязан подвергнуть гражданина обыску или составить протокол и передать дело в прокуратуру, а до разбирательства дела придется его задержать. Но так как он, инспектор, понимает, какое это скандальное дело для уважаемого господина, он готов за маленькую сумму на «покрытие неприятности» замять все дело и отпустить «вора» на все четыре стороны. К несчастью, товарищ стремился поскорее выпутаться из неловкого положения, в которое он попал, и, не подумав о последствиях, вынул бумажник и положил на стол инспектору 20 марок. Как раз в это время дверь открылась и вошел прилично, но скромно одетый молодой человек, явно офицерского вида, но в штат-

ском платье. Вошедший заявил, что, находясь в соседней комнате, он слышал, как задержанный предлагал полицейскому инспектору взятку. Как старший, он должен об этом составить протокол. Расспросив у инспектора о причине задержки советского гражданина, офицер заявил, что дача взятки является прямым подтверждением виновности задержанного, и потребовал немедленного составления протокола с указанием, что задержанный пытался освободиться при помощи взятки. Задержанного же офицер приказал немедленно отправить в тюрьму. После того как протокол был написан, а задержанный отказался его подписать, офицер, отослав инспектора и оставшись наедине с задержанным, заявил, что он является офицером контрразведки, наблюдающим за деятельностью полиции. Он вполне понимает всю скандальность происшедшего и готов помочь попавшему в беду советскому гражданину. Однако он не может этого сделать, не получив с его стороны никакой услуги. В данном случае его предложение сводилось к тому, чтобы советский гражданин оказал ему взаимную услугу, а именно: навел справку об одном человеке — другом советском гражданине, который проживает у себя на родине. Наш простачок, ничего не подозревая, записал у себя в книжке названную ему фамилию и адрес, затем по просьбе офицера записал ему собственной рукой в его же записную книжку эту же самую фамилию на русском языке. Затем, полагая, что он совсем дешево отделался, по протекции офицера контрразведки покинул полицию и отправился к себе.

По дороге наш знакомец много думал над происшедшим, размышлял, следует ли ему рассказать об этом своим товарищам, но, опасаясь того, что над ним посмеются, он о своем приключении никому не сказал и постарался о нем забыть. Однако через 15 дней к нему на квартиру позвонили по телефону и сообщили, что его желает видеть офицер контрразведки для переговоров по известному ему делу. Только после этих телефонных звонков простачок понял, чем пахнет дело. Он решил немедленно доложить о происшедшем своему начальнику и этим спас себя от гибели, которая ждала его в случае дальнейших затягиваний этой затеянной контрразведкой гнусной комедии. Когда агент разведки стал нажимать и угрожать разоблачением его, наш товарищ его быстро отшил, заявив, что он сам обо всем доложил уже своему начальнику и контрразведке следует считаться с протестом против тех подлых приемов шпионажа, которые она допускает в отношении честных советских граждан. Контрразведка долго еще не успокаивалась, не желая выпустить из рук намеченную жертву, пытаясь применить новые методы запугивания. Но ничего из этого дела не вышло благодаря прямой и честной позиции советского гражданина.

Приведенные примеры только частично приоткрывают завесу грязных и гнусных приемов, которые применяются иностранными, особенно фашистскими, разведками для вовлечения в свою шпионскую сеть ни в чем не повинных людей. Правдивость, честность перед советским государством, сознание долга перед своей родиной, бдительность, добросовестное выполнение порученного дела, самоконтроль должны предохранить каждого советского гражданина от этих гнусных попользований со стороны врагов.

Используя самые грязные методы в своей шпионской работе, фашистские разведки понимают, что методы, применяемые ими, могут быть использованы также и другими буржуазными разведками и в той же степени могут быть применены против них. Чтобы привить известную сопротивляемость своим подданным, фашисты выпускают один за другим кинофильмы, имеющие целью ознакомить с методами и приемами иностранных разведок. Широко рекламируют такие картины, как Мата Хари (известная германская шпионка в Париже), «Порт Артур», «Наташа», «Предатель». В последней картине показана работа шпионов иностранных государств на территории Германии. Особенно в этой картине подчеркивается, как германский летчик, опутанный сетями шпионов, нашел в себе силы, не испугавшись сфабрикованных и разоблачающих его документов, рассказать обо всем своему начальнику, за что был в конечном итоге награжден благодарностью перед строем. С другой стороны, фашисты всячески идеализируют своих шпионов. Создана целая серия насквозь лживой литературы об их подвигах.

Все это преследует цель вовлечения молодежи в шпионскую «романтику». Основные кадры этих фашистских «романтиков» готовятся для работы против иностранных государств. Их расчет — пролезть через щели расхлябанности, беспечности и притупления бдительности для того, чтобы вершить свое гнусное дело убийств, диверсий и шпионажа.

Для выполнения своих функций шпионаж располагает мощным аппаратом, использующим все легальные и нелегальные возможности проникновения в организм соседних государств. Опыт мировой войны, послевоенный и нынешний предвоенный период, несмотря на завесу тайны, которой всегда прикрывается шпионская работа, дает большое количество фактов широкого размаха шпионской деятельности. Шпионаж протягивает свои щупальцы в государственные учреждения, крупные предприятия оборонного значения, на транспорт, имея целью проникнуть в государственную тайну, выведать оборонные секреты, раскрыть технические усовершенствования, насадить на важнейших постах своих людей и организовать вредительство, диверсию и предательство. Шпионаж —

это непрерывная скрытая война, которая ведется армией шпионов и не прекращается ни на минуту. Об этом говорят многочисленные судебные процессы при закрытых дверях, имеющие место за последнее время в Америке, Англии, Франции, Чехословакии, Румынии, Испании.

О НЕКОТОРЫХ КОВАРНЫХ ПРИЕМАХ ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК¹

Читатели «Правды» о статье тов. С. Уранова

Редакция получает многочисленные отклики читателей на статью тов. С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок», опубликованную в «Правде» 4 мая. Авторы писем единодушно отмечают огромное политическое значение этой статьи. Они указывают, что статья тов. Уранова помогает распознать троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, мобилизует на защиту родины от коварных происков иностранных разведок.

1. Выше бдительность

Читатель тов. Гер (N-ская часть РККА. Житомир) напоминает указание товарища Сталина на последнем Пленуме Центрального комитета ВКП(б) о необходимости принять меры для того, «чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов». Тов. Гер считает, что в свете этого указания товарища Сталина статья тов. Уранова представляет особый интерес.

Автор письма рассказывает, с каким вниманием отнеслись к этой статье бойцы N-ской части.

Когда я прочел эту статью, пишет он, я сразу решил разъяснить ее бойцам. Должен вам сказать, что наблюдался особый интерес к моему чтению и к объяснению этой статьи. Сейчас разговоры об этой статье идут по всей части: каждый ее читал.

На важность вопросов, поднятых в статье тов. Уранова, указывает и рабочий завода «Авиахим» тов. Я. С. Михнович (Москва). По словам домашней хозяйки тов. А. М. Подольской (Ленинград), статья тов. Уранова — очень полезная статья.

¹ Правда. 1937. 4 мая — Примеч. Ю. Ф.

Конкретные факты, изложенные в ней, хорошо знакомят советского гражданина с разнообразными коварными методами работы иностранных разведок. Эта статья дает возможность усилить политическую настороженность и бдительность.

2. Беспечные простофили

В редакцию поступило следующее письмо за двадцатью подписями:

Мы, железнодорожники, слушатели Свердловского института массового заочного обучения партактива, изучающие историю ВКП(б), коллективно прочитали статью тов. С. Уранова «О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок». Мы получили громадный пропагандистский фактический материал для работы по поднятию большевистской бдительности в массах и узнали живые, за сердце берущие факты. Мы обязуемся проработать эту статью с работниками железнодорожного транспорта на наших заводах, на участках, в депо, на станциях и разъездах.

Статья укрепила в нас чувство презрения к простофилям, попадающим в цепкие лапы иностранных разведок и их троцкистских агентов, чувство решительности, чувство бдительности и решимости разоблачать врага до конца, бить его беспощадно. Этим чувством мы будем заражать массы трудящихся.

Статья правдиво, выпукло показывает, как беспечный простофиля, подав палец шпиону-диверсанту, контрразведчику, становится его жертвой всем своим существом. Потеряв связи с трудящимися массами своей родины, пойдя на сокрытие от товарищей и родины своего первого проступка, такой простофиля становится жертвой контрразведки и врагом народа, врагом своей родины. Нам понятно, что такими простофилями могут явиться только люди, политически беспечные, люди, забывшие, что наша родина находится в капиталистическом окружении.

Только люди, не овладевшие большевизмом, могут быть политически беспечными. Мы еще лучше будем учиться большевизму на опыте героической истории нашей партии, будем воспитывать в себе бдительность — качество, которое необходимо большевикам.

3. Опасные болтуны

Инженер Венский-Годунов (Москва) указывает на то, что желанную пищу для агентов иностранных разведок представ-

ляют «разговорчики» болтунов, занимающих ответственные должности в хозяйственных органах, в государственном и партийном аппарате.

Разговорчики — выбалтывание государственных тайн — имеют у нас большое распространение среди «своих» людей.

Инженер, придя домой, рассказывает «по секрету» жене — пусть не детально, а в общих чертах — о новом авиадвигателе.

Жена сообщает мужу об удавшемся химическом опыте.

Тов. К. удивляет группу приятелей «сенсацией» о новом перелете.

Командир М. рассказывает, за что награждены орденами его знакомые, хотя правительство не сочло нужным широко оповещать об этом.

Инженер Н. не считает преступлением сообщить группе товарищей о производительности танкового завода, хотя этим товарищам этого и не требовалось знать.

Все эти болтуны считают возможным делиться секретами среди своих людей, получая взамен подобную же информацию.

Автор письма справедливо заявляет, что подобные нравы вредны и опасны, так как агенты иностранных разведок часто черпают свою информацию именно из разговоров болтунов.

Об этом же пишет летчик-наблюдатель Запорощенко (Ленинград). Вместе с тем автор призывает к настороженному отношению к людям, проявляющим непомерный интерес к секретным сведениям. По его мнению, «если в разговорах знакомый или незнакомый человек интересуется вопросами секретного порядка, то за этим человеком требуется внимательное наблюдение».

4. Долг гражданина

Тов. Волков (Ленинград) пишет о необходимости активного содействия органам НКВД со стороны самых широких слоев населения нашей страны:

Надо так воспитать советскую общественность, чтобы не только НКВД, но и каждый гражданин считал бы своей обязанностью наблюдать за действиями шпионов, разоблачать их.

Тов. Волков заявляет, что каждый советский гражданин должен считать своей почетной задачей быть «добровольцем НКВД».

Жена инженерно-технического работника тов. Тифернс (Москва) развивает в своем письме ту же мысль:

Статья тов. Уранова произвела на меня потрясающее впечатление. Какая должна быть бдительность, осторожность не только у инженеров, врачей, профессоров и тому подобных работников, но и у их жен.

Враг хитер, отвратителен, разоблачить его сразу трудно. Мы, жены инженерно-технических работников, помогая своим мужьям на заводах, в шахтах, на строительстве, тем более должны помочь им на этом участке.

Свою родину, любимую, дорогую, которую научили нас любить партия и наш родной и мудрый учитель Сталин, мы должны беречь.

Борьба с происками шпионов и вербовочных агентов иностранных разведок — долг каждого советского гражданина, — таков единодушный отклик читателей «Правды».

5. Настольная брошюра

Авторы всех полученных редакцией писем единодушно требуют, чтобы статья тов. Уранова была распространена среди самых широких слоев советского населения. Рабочий зеркальной фабрики тов. Ашкинадзе (Москва) пишет:

Я считаю, что указанная статья должна появиться во всех остальных советских газетах, чтобы таким образом довести маневры наших врагов до сведения широких масс. Если эта статья будет напечатана во всех газетах, то работа врагов Советского Союза затруднится».

Тов. Федорова (поселок Середка, Ленинградской области) предлагает опубликовать статью тов. Уранова «отдельной брошюрой на разных языках советских народов в миллионах экземпляров». Рабочий тов. Канторович (Москва) присоединяется к этому предложению:

«Прочтя в «Правде» 4 мая большую и поучительную статью о шпионаже, я много думал о том, как сделать, чтобы довести эту статью до сведения каждого сознательного советского гражданина. Мое предложение: отпечатать эту статью в нескольких миллионах экземпляров. Я уверен, что это принесет государству большую пользу. Каждый коммунист, комсомолец, рабочий, колхозник узнает, какими способами орудует классовый враг... Эта статья должна дойти до широких масс. Я дал прочесть ее нескольким рабочим нашей фабрики, и все такого же мнения, как и я».

Студентка тов. Ротницкая (Днепропетровск) советует областным и районным газетам перепечатать статью тов. Уранова.

Тов. Абрамов (Москва) выражает пожелание, чтобы на страницах советской печати систематически освещались многообразные приемы иностранных разведок. Тов. Вагин (Харьков) указывает на желательность освещения методов иностранного шпионажа в советской литературе, в драматургии и в кино, с тем чтобы шире ознакомить с этими коварными методами советскую общественность.

Как известно, Партиздат ЦК ВКП(б) выпустил статью тов. Уранова отдельной брошюрой. Следует ожидать, что этому примеру последуют другие издательства, в частности издательства национальной литературы.

М. Вейнбаум

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ И ЕГО КНИГА¹

Пишу под тяжелым впечатлением книги Александра Орлова: «Тайная история сталинских преступлений», вышедшей на английском языке (жаль, что не на русском) в издании Рэндом Хауз².

Это страшная книга, самая страшная, пожалуй, из всех, которые мне когда-либо довелось читать о кровавых чистках тридцатых годов. И страшна она не подробностями о казнях — о них в ней упоминается лишь вскользь, и не описаниями пыток — они были больше моральные, чем физические; страшит в ней дьявольская хитрость Сталина, его безмерная и даже бесцельная жестокость; и еще больше страшит, не только страшит, но и изумляет, полная покорность его жертв и беспощадность всех исполнителей его кровавых дел, за редкими исключениями в свою очередь становившихся его жертвами.

Одним из таких исключений и был автор этой книги, живой свидетель сталинских преступлений.

Следует указать, что отрывки из рассказа Орлова, печатавшиеся до выхода книги в апрельских номерах журнала Лайф, оказали автору медвежьёу услугу, создав у многих, в частности и у меня, впечатление, что книга его полна сенсационных выдумок, рассчитанных на легковерного и мало осведомленного читателя.

На самом деле это не так. Работа Орлова содержит обстоятельный, в общем сдержанный и убедительный, хотя далеко не полный рассказ о знаменитых процессах 1936, 1937 и 1938 годов. Автор знает больше, чем рассказывает. Он иногда недоговаривает или ограничивается намеками. Так, опровергая распространенное мнение, что Сталин страдал манией преследования, Орлов пишет: «Сталин не был умалишенным. Когда раскроются все факты дела Тухачевского, мир убедится, что Сталин знал, что делал».

¹ Новое русское слово. 1953. 9, 12 и 16 декабря. — Примеч. Ю. Ф.

² *The Secret History of Stalin's Crimes. By Alexander Orlov, Former Soviet Diplomat & Counter-Intelligence Chief. Random House. New York.* — Примеч. М. Вейнбаума.

Несколькими страницами дальше Орлов делает следующее заявление: «...Я знаю из абсолютно неопровержимого источника, что дело маршала Тухачевского было связано с одной из самых страшных тайн Сталина, которая, когда она раскроется, прольет свет на многое, что в поведении Сталина казалось непостижимым».

* * *

Почему Орлов не раскрывает этой и других известных ему тайн сейчас? Не потому ли, что он сам был замешан в преступлениях Сталина в гораздо большей степени, чем ему это удобно признать? Не потому ли, что на советских верхах еще остались соучастники или свидетели этих преступлений, которых Орлов по известным только ему мотивам не желает или не решается назвать. Или потому, что Орлов, порвав со Сталиным, не порвал с большевизмом.

Свое предисловие к книге Орлов начинает с заявления о своей беспартийности — он не принадлежит к какой-либо политической партии или группе. Фактически это, пожалуй, верно. Но духовно Орлов весь еще во власти большевизма, и это сказывается в его книге. Сталин в ней величайший преступник и злой гений. Зато Ленин и Троцкий вместе с остальными старыми большевиками — герои революции, идеалисты, строители нового и более справедливого общества.

Величайшими преступлениями Сталина Орлов считает ликвидацию старых большевиков — описанию этой ликвидации и посвящена эта книга. Но в ней не найти ни единого укора по адресу Ленина, Троцкого и их сподвижников, ни одного слова осуждения их преступлений.

Орлов не понимает или не желает понять, что большевизм был порочен с самого своего зарождения, что нельзя творить зло и думать, что из него получится добро, что Ленин и Троцкий не меньшие преступники, чем Сталин, что Ленин ответствен за Сталина, и те, кто славословили в последние годы Сталина, были недалеко от истины, когда заявляли: «Сталин — это Ленин сегодня».

* * *

Александр Орлов был участником гражданской войны — он командовал партизанскими отрядами на юго-западном фронте и возглавлял там контрразведку. В течение двадцати одного года Орлов был членом коммунистической партии и видным сотрудником советской власти. Он был прокурором Верховного суда СССР, подвизался в ЧК, ГПУ и НКВД. Был экономическим директором НКВД, комбригом войск НКВД в

Закавказье и, наконец, главой контрразведки во время гражданской войны в Испании.

Орлов хорошо знал всех советских вождей, со многими из них находился в самых дружеских отношениях. Сталин его знал с 1924 года. Только ликвидация старых чекистов, свидетелей и участников сталинских преступлений, вынудила Орлова порвать со Сталиным и скрыться от его мести. Но и это он сделал, когда другого выхода у него уже не было, когда он окончательно убедился, что Сталин задумал его уничтожить.

Орлов находился еще на своем посту в Испании, когда получил 9 июля 1938 года телеграмму Ежова с вызовом в Антверпен для свидания «с товарищем, которого вы лично знаете» на борту парохода «Свирь». Телеграмма, пишет Орлов, была длинная и путаная. Ежов и его энкаведисты явно хитрили, но делали это неумело — у них, замечает автор, не было опыта старых чекистов, которых они ликвидировали. «Они очень старались рассеять мои подозрения, но сделали это так плохо, что выдали себя. Я догадался, что судно станет моей плавучей тюрьмой».

Орлов ответил согласием приехать в назначенный день в Антверпен. Вместо этого он бежал с женой и дочерью в Париж, где, пользуясь своим дипломатическим паспортом, получил визу в Канаду. По счастливой случайности ему удалось в тот же день сесть на пароход, уходивший за океан, и таким образом обмануть сталинских молодцов.

Прибыв в Канаду, Орлов немедленно написал Сталину длинное письмо, копию которого он отправил Ежову. В письме этом Орлов сделал Сталину два предупреждения: если что-либо случится с оставшимися в СССР матерями его и жены, он немедленно опубликует все данные о преступлениях Сталина, перечень которых он тут же изложил; то же сделает его адвокат, если он, Орлов, будет убит сталинскими агентами.

«Я хорошо знал Сталина, — пишет Орлов, — и был уверен, что он серьезно отнесется к моим предупреждениям. То была опасная для меня и моей семьи игра. Но я был убежден, что Сталину придется отсрочить свою месть, пока ему не удастся меня похитить и принудить выдать спрятанные мемуары, чтобы таким образом предотвратить опубликование секретов его преступлений. Только тогда он мог бы расправиться со мной со свойственной ему мстительностью».

* * *

Интерес книги Орлова, однако, не в раскрываемых в ней тайнах сталинских преступлений. Одни из этих преступлений

внешнему миру в общем известны, а о других он догадывался. Интерес в другом.

До сих пор мы знали только показную сторону знаменитых процессов. Теперь мы получили возможность заглянуть за кулисы этих страшных спектаклей. Автор приводит нас туда и показывает, как, кем и с какой целью они были задуманы, как готовились, как велись допросы и добывались сознания, как распределялись роли.

Мы узнаем, что и председатель суда Ульрих, и государственный прокурор Вышинский, и Ягода, и Ежов, и все их помощники были в сущности такими же пешками в руках главного режиссера и руководителя — Сталина, как и сами подсудимые.

Орлов рассказывает обо всем этом не понаслышке, а как один из прямых или косвенных участников этих процессов.

«Я записал, — пишет он, — директивы, которые Сталин лично дал начальникам НКВД на совещании в Кремле; его инструкции следователям НКВД, как сломить упорство друзей Ленина и вынудить у них ложные сознания. Я зарегистрировал личные переговоры Сталина с некоторыми его жертвами и слова обреченных, произнесенные ими за стенами Лубянки. Я узнал эти строго охраняемые секреты от самих следователей НКВД; некоторые из них в прошлом были моими подчиненными. Среди них был и мой бывший помощник Миронов, глава экономического управления НКВД, который был одним из главных помощников Сталина в подготовке процессов, и Борис Берман, помощник начальника иностранного отдела НКВД».

* * *

Историю тайных преступлений Сталина Александр Орлов начинает с 1 декабря 1934 года. В этот день молодой вычищенный из партии коммунист Леонид Николаев застрелил в Смольном видного члена Политбюро и главу Ленинградского райкома С. М. Кирова.

О выстреле Николаева в свое время писалось немало. Но история убийства Кирова далеко еще не раскрыта. Достаточно напомнить, что официальные объяснения этого террористического акта были самые разноречивые.

Вначале убийство объяснили «происками одной иностранной державы» (Германии), якобы заславшей в Советский Союз своих агентов — «белогвардейцев», и сообщили, что НКВД схватило и расстреляло (без суда, конечно) 104 белогвардейца. Советская печать начала бешеную кампанию против Русского Общевоинского Союза и пресловутого Братства Русской Прав-

ды, секретарь которого, Кольберг, был впоследствии разоблачен, как советский агент.

И только на шестнадцатый день после выстрела Николаева появилось новое официальное сообщение, немедленно подхваченное всеми советскими газетами. В нем ответственность за убийство Кирова была возложена на зиновьевско-троцкистскую оппозицию.

Двенадцать дней спустя (28 декабря) был опубликован обвинительный акт по делу Николаева и тринадцати его «соучастников», хотя Николаев утверждал, что никаких соучастников у него не было. А на следующий день советские газеты сообщили, что дело всех обвиняемых слушалось при закрытых дверях в суде, что они были приговорены к смертной казни и приговор приведен в исполнение. Ни в обвинительном акте, ни в приговоре о причастности к убийству Зиновьева и Каменева не упоминалось.

Почему при закрытых дверях? Почему столько секретного вокруг всего дела Николаева?

* * *

Орлов утверждает, и его доводы не лишены убедительности, что убийство Кирова было задумано Сталиным и выполнено НКВД, слепым орудием которого явился Николаев. У Сталина при этом была двойная цель: 1) избавиться от очень популярного, начинавшего проявлять самостоятельность, Кирова; 2) возложить вину за это убийство на усмиренную, но не примирившуюся со своим положением оппозицию и таким образом подготовить физическое уничтожение всей ленинской гвардии, всех тех, кто в какой-то момент мог бы объявить себя достойным наследником Ленина и кандидатом на власть, которую он, Сталин, с такими усилиями закрепил за собой.

В подтверждение своей версии Орлов приводит много данных. Он, между прочим, рассказывает о стычках Кирова с другими членами Политбюро. На одном заседании Политбюро Ворошилов, всегда выполнявший задания Сталина, обвинил Кирова в использовании пищевых запасов на военных складах для увеличения пайков ленинградских рабочих и объяснил это игрой Кирова на популярность. Киров вспыхнул и заявил, что «если Политбюро желает, чтобы рабочие производили, оно должно их кормить». «Каждый мужик, — крикнул он, — знает, что он должен кормить лошадь, чтобы она тащила его телегу».

Микоян тогда заметил, что, по его сведениям, ленинградские рабочие получают дополнительные пайки сверх того, что им полагается. Киров не отрицал этого, но сослался на рост производительности на ленинградских фабриках.

«Но почему ленинградские рабочие должны питаться лучше других рабочих?» — спросил Сталин. Киров потерял самообладание и заявил: «Я думаю, что пора отменить пайки и начать кормить рабочих».

Это, замечает Орлов, было нелояльным актом в отношении Сталина. С того времени, когда Сталин сосредоточил в своих руках неограниченную власть, ни один член Политбюро не имел права вносить какое бы то ни было новое предложение, не обсудив его предварительно со Сталиным и не заручившись его поддержкой.

* * *

Убедительны и другие доводы Орлова в пользу того, что убийство Кирова дело рук Сталина. Смущает только одно — версия о «белогвардейцах». Почему следствие сразу не приписало убийство оппозиции? Тем более что Николаев считал себя оппозиционером, действовавшим на свой страх и риск. Когда Сталин, допрашивая его лично, задал ему вопрос: «Почему вы убили такого хорошего человека?», тот ответил: «Я стрелял в партию, а не в человека».

Во всяком случае, подстроил ли Сталин убийство Кирова, как утверждает Орлов, или нет, но выстрел Николаева он использовал для расправы со всеми старыми большевиками. Использовал он и версию о «происках иностранной державы», для того чтобы не только обвинить свои жертвы в убийстве Кирова и заговоре на его, Сталина, жизнь, но втоптать их всех (вместе с Троцким) в грязь как фашистов и агентов гитлеровской Германии.

«Сталин, — пишет Орлов, — пришел к заключению, что если он сможет доказать, что Зиновьев, Каменев и другие вожди оппозиции пролили кровь Кирова, «любимого сына партии» и члена Политбюро, то он будет вправе требовать кровь за кровь...»

* * *

Первый процесс Зиновьева и Каменева в январе 1935 года был поставлен слишком поспешно и без надлежащей подготовки. Не все обвиняемые соглашались возводить на себя напраслину. Да и требования смертной казни не встречали в партийных кругах надлежащего отклика. Процесс прошел при закрытых дверях. Зиновьев и Каменев согласились признать свою «политическую ответственность» за убийство Кирова. Зиновьев был приговорен к десяти, а Каменев к пяти годам тюремного заключения.

Но это было только начало. Настоящая подготовка к расправе была еще впереди. Она началась сразу после процесса и велась по двум направлениям: кары одним, поблажки другим.

То, что рассказывает об этом автор «Тайной истории сталинских преступлений», в общем известно. Но и известное он пополняет новыми данными. Так, мы узнаем, что большинство членов закрытых обществ старых большевиков и бывших каторжан назначались на разные посты в другие города, но редко прибывали на места назначения. Большинство очутилось в сибирской ссылке, многие бесследно исчезли.

Узнаем мы также о политической забастовке около восьмисот комсомольцев, работавших на постройке московского метро. Покинув работу, они скопом отправились в ЦК комсомола и там с ругательствами по адресу правительства побросали свои партбилеты на пол.

Случай этот произвел сильное впечатление. Сталин немедленно созвал объединенное заседание Политбюро и ЦК партии. Комсомол подвергся основательной чистке. Тысячи комсомольцев очутились в сибирских и казахстанских концлагерях, десятки тысяч были отправлены на поселение в Сибирь и на Урал.

* * *

Очень важной мерой в подготовке процессов, по словам Орлова, был закон о применении смертной казни за кражи государственной собственности и другие преступления к детям, начиная с двенадцати лет.

Обнародованный 7 апреля 1935 года, закон этот якобы имел целью борьбу с преступностью беспризорных. В действительности он был направлен против тех, кого Сталин готовился уничтожить, против Зиновьева, Каменева и всех остальных старых большевиков. Их любовь к детям и внукам Сталин решил использовать для того, чтобы добиться нужных ему «сознаний», потому что, кроме этих «сознаний», у него ничего не было.

Каждому арестованному показывали газету с декретом о применении смертной казни к детям. «По приказу секретаря Центрального Комитета партии Николая Ежова, которого Сталин послал в НКВД для руководства подготовкой московских процессов, каждому следователю НКВД вменялось в обязанность держать на своем столе во время допроса арестованных большевиков копию закона о применении смертной казни к детям».

Вот этот чудовищный закон, эта угроза детям арестованных, главным образом и объясняет их, столь удивившие мир,

«сознания» в преступлениях, которых они не совершили и часто не могли совершить, даже если бы этого желали.

Так, Иван Смирнов доказывал следователям, что он не мог участвовать ни в убийстве Кирова, ни в покушении на жизнь Сталина, ни в заговорах и переговорах с Троцким и другими, потому что сидел с 1 января 1933 года в тюрьме и был изолирован от всех. Все-таки и его заставили «сознаться».

Таково было желание Сталина. На одном из заседаний в Кремле Агранов осмелился сказать: «Я боюсь, что у нас не будет сильных доказательств против Смирнова, он несколько лет сидел в тюрьме». Сталин сердито посмотрел на него и бросил: «Не бойся!..»

Я уже писал и повторяю, что данные Орлова о закулисной стороне процессов объясняют очень многое, что казалось загадочным и непонятным. Рассказать обо всем этом нет никакой возможности — для этого надо было бы написать столько же слов, сколько их на 366 страницах книги, — и каждая страница очень интересна.

* * *

В 1936, 1937 и 1938 годах весь мир с затаенным вниманием следил за московскими процессами и кровавыми чистками. Было ясно, что идет расправа Сталина с противниками, действительными или возможными посягателями на власть. Но никто тогда и представить себе не мог, насколько велико было личное участие самого Сталина в этих процессах.

План процессов, рассказывает Орлов в своей книге «История тайных преступлений Сталина», был разработан во всех подробностях Сталиным и Ежовым. Практическое выполнение первых двух открытых процессов было возложено на Ягоду, который на третьем процессе сам уже фигурировал в качестве обвиняемого. Но главное руководство Сталин оставил за собой. В Кремле у него происходили постоянные совещания с руководителями НКВД. Не только Ежов, но и Ягода, и Молчанов, и Миронов, и другие энкаведисты докладывали ему о ходе следствия. Он был и режиссером страшных спектаклей, и сценаристом, и постановщиком. Он вносил изменения в показания арестованных и в обвинительный акт. Он вел переговоры с обвиняемыми, лично с Зиновьевым и Каменевым, через посредников с другими, чтобы убедить их «сознаться» и таким образом спасти себя и своих детей.

Все в этих процессах было тщательно проработано и предусмотрено. Все показания обвиняемых, «последнее слово» каждого из них, редактировалось в НКВД и в Кремле. В свое время сенсацию вызвал отказ Крестинского признать себя ви-

новным. Орлов говорит, что этот отказ был разыгран намеренно, потому что на Западе все спрашивали: «Почему они все сознаются?»

* * *

Фабрикуя свои сценарии, Сталин не мог удержаться от присущей ему страсти самовосхваления. Не только государственный обвинитель Вышинский возносил его до небес, но и обвиняемые и их защитники один за другим называли его «надеждой мира», «великим вождем», «охраняемым щитом любви, уважения и преданности» 170 миллионов людей.

То были слова Сталина, им самим вписанные в сценарии процессов. Когда показания Рейнгольда, тщательно обработанные энкаведистами Мироновым и Аграновым, были доставлены в Кремль, Сталин вернул их на следующий день с рядом изменений. К словам Рейнгольда о том, что Зиновьев настаивал на необходимости убить не только Сталина, но и Кирова, он добавил следующую фразу: «Зиновьев сказал: «Недостаточно свалить дуб; все молодые дубки, растущие вокруг него, должны быть срублены».

Эту сталинскую аллегория Вышинский дважды повторил в своей обвинительной речи.

В показания того же Рейнгольда о том, как Каменев пытался оправдать террористические акты, Сталин собственноручно вставил следующую фразу, приписав ее Каменеву: «Сталинское руководство сделано из слишком твердого гранита, чтобы можно было ожидать, что оно само расколется. Поэтому руководство это придется раздробить».

Когда на одном из совещаний в Кремле Молчанов доложил, что один из арестованных по его, Молчанова, приказу оговорил академика Иоффе, Сталин заметил: «Вычеркните Иоффе, он еще может пригодиться нам».

Молчанов крайне удивился, потому что две недели назад Сталин сам приказал ему включить Иоффе.

* * *

На другом совещании в Кремле Миронов в присутствии Ягоды, Гая и Слуцкого высказал сомнение, что удастся сломить упорство Каменева.

«— Вы думаете, что Каменев может не сознаться? — с хитрой усмешкой спросил Сталин.

— Не знаю, — ответил Миронов, — он не поддается уговорам.

— Вы не знаете? — спросил Сталин, пристально глядя на Миронова. — А вы знаете, сколько весит наше государство со

всеми фабриками, машинами, со всеми вооружениями и флотом? Подумайте и скажите мне.

Мионов растерялся. Он подумал, что Сталин собирается отпустить шутку. Но тот смотрел на него серьезно и ждал ответа.

— Никто этого не знает, Иосиф Виссарионович, — наконец ответил Мионов, — это в области астрономических цифр.

— Так вот способен один человек выдержать такую астрономическую тяжесть? — строго спросил Сталин.

— Нет, не способен, — ответил Мионов.

— Поэтому, — продолжал Сталин, — не говорите мне больше, что Каменев или какой-либо другой арестованный способен выдержать это давление. И не приходите ко мне с докладом, пока у вас в портфеле не будет сознания Каменева».

К концу совещания Сталин подозвал Мионова и сказал: «Передайте ему (Каменеву), что если он откажется предстать перед судом, мы найдем подходящего ему заместителя — его собственный сын будет показывать на суде, что по инструкциям своего отца он подготовлял террористические акты против вождей партии... Скажите ему, что по полученным нами данным его сын вместе с Рейнгольдом гнались за автомобилем Ворошилова и Сталина на Можайском шоссе. Это заставит его одуматься...»

* * *

Одна поправка Сталина в сценарии первого процесса вызвала в НКВД сенсацию. Арестованные по процессу Зиновьева-Каменева обвинялись в заговоре на жизнь всех членов Политбюро. Они поименно перечислялись в «показаниях». Но имя Молотова Сталин вычеркнул. Вышинский в соответствии с инструкциями личного секретариата Сталина в своей обвинительной речи, говоря об «удивительных большевиках... и даровитых строителях нашего государства», ни разу не назвал Молотова.

Молотова явно постигла опала, и в НКВД ожидали, что он скоро бесследно исчезнет или окажется на скамье подсудимых вместе с Зиновьевым и Каменевым. В Москве опалу объясняли тем, что Молотов пытался отговорить Сталина от расправы со старыми большевиками.

Позже Сталин простил Молотова. И в следующих процессах его имя фигурировало как одного из соратников Сталина, на жизнь которого делались покушения. На процессе Антисоветского Троцкистского центра Вышинский подчеркнул этот факт в своем заключительном слове.

Орлов упоминает об этом, но не приводит слов Вышинского. Не мешает о них напомнить. Заимствую их из судебного отчета, изданного в Москве в 1937 году, стр. 209—210.

Вышинский: Муралов твердо и откровенно (я не могу сказать «честно», потому что это слово не подходит к таким делам) признает, что он действительно организовал террористический акт против товарища Молотова, председателя Совета Народных Комиссаров нашего Союза. Терракт не только организовал, а и пытался осуществить через Шестова и Арнольда... У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики — трусость... Вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил, — не удалось. Организует покушение на председателя Совнаркома товарища Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил, — не удалось».

Небезынтересно вспомнить, что в той же речи Вышинский обвинил подсудимых в подготовке террористических актов против «товарища Ежова» и против «товарища Берия». Первого, как известно, уничтожил Сталин, а второго собирается уничтожить (если еще не уничтожил) Маленков.

* * *

Были другие влиятельные или близкие к Сталину люди, пытавшиеся еще более решительно, чем Молотов, отговорить его от расправы с ленинской гвардией. Достаточно указать на наиболее видных из них — Енукидзе и Горького.

Авель Енукидзе занимал высокий пост секретаря Центрального исполнительного комитета. Он был самым близким другом Сталина, другом его жены, Надежды Аллилуевой. Дети Сталина боготворили его. Но стоило Енукидзе заступиться за арестованных, чтобы Сталин разошелся с ним, сместил его, исключил из партии «за политическую и моральную распущенность». Позже Енукидзе был арестован. Следователям он сказал, что его единственным преступлением была попытка отговорить Сталина от суда и расправы с Каменевым и Зиновьевым.

«— Сосо, — я сказал ему, — нельзя отрицать, что они тебя обидели. Но они уже достаточно поплатились за это: ты исключил их из партии, держишь в тюрьме, их детям нечего есть. Сосо, — я говорил, — они старые большевики, как ты и я. Ты не прольешь крови старых большевиков! Подумай, что о нас свет скажет!

Он посмотрел на меня так, будто я убил его отца, и сказал:

— Помни, Авель, кто не со мной, тот против меня».

Короткое правительственное сообщение в печати 19 декабря 1937 года гласило, что тайный военный суд приговорил Енукидзе, Карахана и пятерых других к смерти за шпионаж и террористическую деятельность и что приговор приведен в исполнение.

* * *

С Горьким дело было труднее. Сталин очень дорожил Горьким и всячески за ним ухаживал. Его именем были названы многие заводы и Тверская, главная улица Москвы. Наконец, Нижний Новгород был переименован в Горький. И Московскому Художественному театру было присвоено имя Горького.

Квартира писателя и его дача были обставлены с большой роскошью. Малейшие его желания немедленно удовлетворялись. Для поездок в Крым ему предоставлялся отдельный вагон. С 1929 по 1933 год Горький уезжал на зиму в Италию в сопровождении двух врачей. Сталин очень хотел, чтобы Горький написал о нем книгу. Но писатель не торопился. А когда начались гонения на старых большевиков, отношения между ним и Сталиным сделались натянутыми, и за границу его уже не выпускали.

Не добившись книги, Сталин приказал Ягоде предложить Горькому написать статью для Правды о «Ленине и Сталине». Статья не была написана. В декабре 1934 года, после ареста Каменева и Зиновьева, Ягода передал Горькому личное предложение Сталина написать статью с осуждением индивидуального террора. Горький ответил: «Я осуждаю не только личный террор, но также и государственный».

«После смерти Горького, — рассказывает Орлов, — НКВД нашло на квартире писателя тщательно запрятанные записки писателя. Когда Ягода прочитал их, он сказал: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит».

Записки Горького, конечно, не были опубликованы.

* * *

То, что Сталину не удалось при жизни Горького, он осуществил после смерти писателя. На третьем процессе, на котором Ягода уже сидел на скамье подсудимых, сценарист Сталин вложил в уста доктора Левина, обвиненного и «сознавшегося» в отравлении Горького, следующие слова, якобы сказанные ему Ягодой:

«Алексей Максимович — человек, который очень близок к высшему руководству партии, человек, преданный политике, ныне осуществляемой в нашей стране, и крайне преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину».

Вышинский, конечно, использовал это, и в своей обвинительной речи подчеркнул, что Горький «связал свою жизнь с великим Лениным и великим Сталиным как один из их лучших и самых близких друзей».

Между прочим, в промежутке между вторым и третьим процессами Сталин, чтобы, по словам Орлова, замести следы своих преступлений, начал уничтожать тех самых энкаведистов, которые помогли ему в подготовке этих процессов и знали всю подноготную их. Ягода, однако, был ликвидирован за то, что он неудачно осуществил убийство Кирова. Сталин долго не знал, что в народе знают, кто действительные убийцы Кирова, потому что Ягода скрывал это от него. Но когда он узнал, то решил свалить это убийство на Ягodu, как участника заговора тех самых Каменева и Зиновьева, которых тот довел до «сознания» и казни.

Однажды арестованный Ягода заметил Слуцкому: «Можете записать в свой доклад Ежову, что я уверовал в существование Бога».

В ответ на удивленный возглас Слуцкого Ягода добавил полушутя, полусерьезно: «Судите. От Сталина я ничего, кроме благодарности, за свою верную службу не заслужил; от Бога я заслужил самое суровое наказание за нарушение Его заповедей тысячу раз. Теперь посмотрите, где я нахожусь, и судите сами — есть ли Бог, или нет...»

* * *

Много, очень много интересного рассказывает Орлов об Орджоникидзе, о Пятакове, о Тер-Ваганяне, о Радеке, о деле Тухачевского, о страстной ненависти Сталина к Троцкому... Автор несколько раз подчеркивает, что Сталин был реальный политик и знал, что делал. Но убедительности в этом нет. Напротив, впечатление от всего рассказа, что кровавые расправы Сталина были бесцельны — оппозиция была уже раздавлена, когда Сталин принялся ее уничтожать — и его попытки скрыть свои преступления были напрасны.

Орлов сам указывает, что Сталин не просто истреблял свои жертвы (он, например, приказывал следить, чтобы они не кончали самоубийством), а садистически мучил их и издевался над ними. Я не берусь утверждать, что Сталин был параноик или шизофреник, но какие-то черты безумия в его характере и поведении несомненны.

Орлов, между прочим, сообщает, что со времени Ежова на верхах НКВД Сталина иначе не называли в секретной переписке, как Иван Васильевич (в память Грозного). Этот псевдоним Сталина, замечает автор, знали не больше десяти человек.

Не был ли он один из этих десяти?

СТАЛИН И ЕГО ПОСЛЕДЫШИ¹

Сенсационные сообщения из Москвы о секретном докладе Хрущева напомнили мне о книге Александра Орлова «Тайная история преступлений Сталина». Книга эта вышла на английском языке два с лишним года назад. С того времени она издана и на других языках, в частности на китайском и испанском, а сейчас выходит на немецком. В русской среде книга Александра Орлова была встречена с недоверием. Говорили даже, что никакого Александра Орлова нет и что книгу смастерили американские журналисты.

На меня лично «Тайная история преступлений Сталина» произвела сильное впечатление, и в декабре 1953 года я посвятил ей три статьи. Можно было написать много больше или даже напечатать всю книгу по-русски, до того она насыщена трагическими сценами, яркими описаниями сталинских преступлений, о которых с такой откровенностью теперь рассказал Хрущев.

Выдумать такую книгу нельзя было. Написать ее мог лишь участник описываемых в ней событий. Поэтому я и поверил книге задолго до моей личной встречи с ее автором, видным в прошлом чиновником НКВД. Орлов хорошо знал Ленина и Сталина, всю ликвидированную Сталиным большевистскую гвардию, Ягоду, Ежова и других видных чекистов и чуть ли не всех нынешних руководителей советского правительства.

Вспомнилась мне сейчас книга Александра Орлова не потому, что ее автор подтверждает доклад Хрущева о безумии Сталина. Скорее наоборот. Версию о «большом человеке в Кремле», очень распространенную в конце тридцатых годов среди иностранных дипломатов в Москве, Александр Орлов называет легендой. «Сталин, — писал он, — не был умалишенным. Когда раскроются подробности дела Тухачевского, мир убедится, что Сталин знал, что делал».

Несколькими страницами дальше Орлов добавил:

«Вопреки тому факту, что дело Тухачевского и семи казненных генералов исторически менее важно, чем московские процессы старых большевиков, ему суждено занять в истории более значительное место, чем оно, само по себе, заслуживает. Я утверждаю это, потому что знаю из абсолютно неопровержимого и авторитетного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с одной из самых страшных тайн Сталина, которая, когда она раскроется, прольет свет на многое, что в поведении Сталина казалось непостижимым».

¹ Новое русское слово. 1956. 21 марта. С. 3. — *Примеч. Ю. Ф.*

И все же именно рассказ Орлова, страшный и часто фантастический, убедил меня в болезненном состоянии Сталина. Свое убеждение я высказал тогда же — 6 декабря 1953 года:

«Автор несколько раз подчеркивает, что Сталин был реальный политик и знал, что делал. Но убедительности в этом нет. Напротив, рассказ его подтверждает бесцельность кровавых расправ Сталина — оппозиция была уже раздавлена, когда Сталин принялся ее уничтожать — и его попытки скрыть свои преступления были напрасны. Сам Орлов указывает, что Сталин не просто истреблял свои жертвы (он, например, приказывал следить, чтобы они не кончали жизнь самоубийством), а садистически мучил их и издевался над ними. Я не берусь утверждать, что Сталин был параноик или шизофреник, но какие-то черты безумия в его характере и поведении несомненны».

В то же приблизительно время Н. В. Юрьевский¹ утверждал и доказывал на страницах «Нового русского слова», что Сталин был параноик. Но его и слушать не хотели. Многочисленным критикам Н. В. Юрьевского будет полезно послушать, что говорит о Сталине недавний соратник диктатора, а ныне главный его наследник и хулигатель.

Текст секретного доклада Хрущева двадцатому съезду Коммунистической партии Советского Союза еще не опубликован и неизвестно, будет ли он опубликован. Но содержание его, переданное в «Нью-Йорк таймс» Хэррисоном Солсбэри на основании дипломатических донесений и дополненное сведениями из других источников, в общих чертах известно.

Обширный свой доклад (он продолжался более трех с половиной часов) Хрущев сделал в ночь с 24 на 25 февраля в закрытом и последнем заседании съезда КПСС. О заседании этом в советской печати даже не упоминалось.

Хрущев, пишет Солсбэри, говорил подробно и откровенно. Он нарисовал сенсационную картину событий последнего периода сталинского режима и коснулся также событий, связанных со смертью Ленина в январе 1924 года.

Конец этой фразы интригует. Что именно говорил Хрущев по поводу смерти Ленина? О завещании Ленина, в котором тот предостерегал своих партийных наследников против Сталина, сравнив его с поваром, умеющим готовить только острые блюда? Или о том, что Сталин ускорил смерть Ленина? Не это ли имеет в виду Александр Орлов, когда говорит об «одной из самых страшных тайн Сталина»?

Только на днях я задал этот вопрос автору «Тайной истории преступлений Сталина», но ответа не получил. Орлов

¹ Один из псевдонимов Николая Владиславовича Вольского, в основном известного как В. Валентинов. — *Примеч. Ю. Ф.*

охотно рассказывал мне о многом и отвечал на все другие вопросы. Но раскрыть эту сталинскую тайну он не решился или не захотел.

Может быть, ее раскрыл или раскроет Хрущев?

Стоит отметить важное обстоятельство. «Страшную тайну» Сталина Орлов связывает с делом Тухачевского. Он рассказывает, что Тухачевский и семеро генералов были расстреляны без суда и следствия.

Только после их казни Ежов вызвал на совещание маршалов Буденного, Блюхера и нескольких других генералов и, осведомив их о заговоре Тухачевского, предложил им подписать заготовленный «приговор суда».

Каждый из этих невольных «судей» вынужден был поставить свою подпись под «сфабрикованный документ», зная, что в случае отказа он будет схвачен и обвинен в соучастии в «измене» Тухачевского. Это, однако, «судей» не спасло. Они все, кроме Буденного и Шапошникова, были уничтожены. Буденного, своего закадычного собутыльника и человека, лишенного всякой идейности, Сталин не стеснялся, а царского генерала Шапошникова, умершего позже естественной, по-видимому, смертью, он не боялся.

Хрущев в своем секретном докладе тоже много говорил о деле Тухачевского. Он подтвердил, что дело об измене Тухачевского и семи генералов было целиком сфабриковано и что, кроме Тухачевского и генералов, было расстреляно свыше 5000 лучших офицеров армии, флота и авиации.

Дело Тухачевского Хрущев назвал «страшной ошибкой», поставившей Советский Союз «на край гибели», когда произошло гитлеровское вторжение в Россию. Но таких «страшных ошибок» было много, Хрущев подтверждает, что казни и чистки технического персонала расстроили хозяйство страны и привели к тяжким поражениям в первые месяцы войны.

Хрущев признал, что сталинские жертвы, включая детей, подвергались пыткам, что Сталин был замешан в убийство Кирова. Своему лучшему другу Серго Орджоникидзе Сталин предложил наложить на себя руки, вместо того, чтобы подвергнуться пыткам и казни. Орджоникидзе покончил самоубийством, и ему были устроены торжественные похороны.

В своем развенчании Сталина и в своих обвинениях против него Хрущев идет даже дальше Александра Орлова. В книге Орлова Сталин всегда «знал, что делал». Хрущев отрицает это и дает покойному диктатору другую и гораздо менее лестную характеристику. Сталин в изображении Хрущева трус, бежавший из Москвы, когда туда подошли немецкие войска; он невежда в военном деле, присвоивший себе чужие военные лавры, в частности Жукова, Конева и Рокоссовского. Сталин — неуравновешенный сумасброд, упрямо веривший, что

Гитлер не нападет на Советский Союз, хотя его предупредили, что такое нападение готовится. Он даже отказался поверить донесению советского военного атташе в Берлине полковника Побережника, сообщившего точную дату, когда вторжение произойдет.

Хрущев, наконец, уверяет, что Сталин всегда страдал манией преследования и болезненной подозрительностью. Качества эти все усиливались, и в последние годы он был «сам не свой». Москва превратилась в город заговоров, контрзаговоров и интриг. Все жили в атмосфере «страха и террора». Дело дошло до того, говорит Хрущев, что «мы никогда не знали, посещая Сталина, уйдем ли мы от него живыми».

К концу своей жизни, рассказывал Хрущев, Сталин считал Ворошилова, нынешнего председателя президиума Верховного Совета, британским шпионом и запретил ему посещать заседания Политбюро, членом которого он был. Молотова он сместил с поста министра иностранных дел и посадил под домашний арест, а на его место назначил Вышинского. Жenu Молотова Сталин отправил в ссылку.

Все это рассказывает Хрущев сейчас, через три года после смерти Сталина. Но ведь и он и все остальные вожди коммунистической партии и советского государства все годы, двадцать девять с лишним лет были соратниками Сталина, послушными исполнителями его приказов и капризов, соучастниками всех его злодейств. Кровь невинных жертв Сталина и на их руках.

Хрущевы, Микояны, Кагановичи, Булганины и все остальные низкопоклонничали перед Сталиным и превозносили его до небес. Они провозгласили его «гениальным полководцем», «отцом народов», «корифеем наук», мудрейшим и непогрешимым вождем, говорили, что «Сталин — это Ленин сегодня» и т. д. и т. п. Почему молчали они? Почему не восстали они против губительной для страны и опасной для них самих деятельности тирана? «Как вы терпели все это?» «Почему вы не убили его?» — кричали изумленные делегаты докладчику.

Хрущев оправдывался:

1. Сталин держал всех в постоянном страхе, не меньшем, чем было одержимо все население Советского Союза. «Никто из нас не знал, — жалуется он, — на кого падет первый удар».

2. Многое из того, что вытворял Сталин, стало известно лишь после смерти диктатора.

Хорошее объяснение, нечего сказать. Оно даже не удовлетворило редактора коммунистического «Дэйли Воркера». Он спрашивает:

«Где были нынешние лидеры Советского Союза в период сталинской тирании?»

Первое объяснение Хрущева свидетельствует о поголовной трусости всех этих последышей Сталина. Второе — об их лживости, об их желании снять с себя ответственность за преступления, которые они совершали вместе со Сталиным и во имя Сталина.

Одно только непонятно. Хрущев и другие продолжали величать Сталина и после его смерти. Положили его набальзамированное тело в мавзолей Ленина, произносили о нем хвалебные речи и писали такого же рода статьи.

В двадцать четвертом томе Большой [советской] энциклопедии, вышедшем уже в 1954 году, в статье, посвященной Ленину, они напечатали следующий абзац:

«Партия под руководством Центрального Комитета во главе с И. В. Сталиным — верным учеником и великим продолжателем дела Ленина, высоко подняла и понесла дальше ленинское знамя. В траурные ленинские дни на Втором съезде Советов СССР, 26 января 1924 года, И. В. Сталин от лица всей партии дал клятву неуклонно выполнять заветы Ленина. Эти заветы Коммунистическая партия Советского Союза выполняла и выполняет с честью».

Совершенно очевидно, что коллективные диктаторы, ненавидевшие Сталина и, возможно, ускорившие его смерть, вначале не собирались его развенчать. Почему они передумали и теперь даже перегнули палку? Что заставило их развенчивать Сталина и попутно каяться и унижаться? На этот вопрос ясного ответа еще нет.

СТАЛИН БЫЛ АГЕНТОМ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ¹

Разоблачения журнала «Лайф»

В выходящем сегодня номере журнала «Лайф» напечатана сенсационная статья бывшего генерала МВД невозвращенца Александра Орлова, который утверждает, что Сталин до 1913 года состоял на секретной службе в царской Охранке.

Разоблачения эти основаны на оригинальном документе, который уже давно находился в Толстовском фонде в Нью-Йорке. Одновременно с разоблачениями Орлова «Лайф» печатает специальную статью Исаака Дон Левина, который объясняет читателям самого распространенного американского журнала историю этого сталинского преступления.

¹ Новое русское слово. 1956. 19 апреля. Журнал «Life», датированный 23 апреля, концом недельного цикла, поступил в продажу в среду, 18 апреля 1956 г. — *Примеч. Ю. Ф.*

Всю свою жизнь Сталин жил в страхе, что его секрет станет известен. Всех тех, кто знали или могли знать о его прошлом платного провокатора, Сталин беспощадно истреблял.

Документ был найден в полицейских архивах...

По словам Александра Орлова, он впервые узнал о существовании документа в Париже, в 1937 году от своего родственника, занимавшего ответственный пост в МВД на Украине. Этот последний рассказал, что агенты МВД, разбиравшие архивы царской Охраны, нашли в них докладные записки и письма, написанные рукой Сталина. Доклады эти совершенно бесспорно устанавливают, что Сталин был старым агентом царской полиции и, во всяком случае, работал в Охранке в начале 1913 года.

По мнению Орлова, МВД обнаружило эти документы в архивах в 1936 году. Документы эти были переданы двум членам Украинского Политбюро — Станиславу Косиору и генералу Красной Армии Якиру. Якир, в свою очередь, передал документы (с которых было сделано несколько фотографических снимков) маршалу Тухачевскому. Тухачевский поделился секретом с тов. министра обороны Гамарником.

По-видимому, этот факт и лежал в основе «заговора Тухачевского», о котором стало известно Сталину. Этим и объясняется чудовищная «чистка», предпринятая в 1937 году Сталиным. В результате этой чистки были расстреляны маршал Тухачевский, восемь генералов армии и около 5000 офицеров. «Сталин, — заявляет Орлов, — истреблял всякого, кто мог знать о существовании секретного документа о его работе в Охранном Отделении».

Роль маршала Жукова

По мнению Орлова, Сталину не удалось истребить всех своих врагов. «По всей вероятности, — пишет бывший генерал МВД, — документ попал в руки маршала Жукова». Этим и объясняется внезапно начавшаяся кампания по развенчанию Сталина. До сих пор обвинения против Сталина идут по линии наименьших его преступлений, но советские властители готовят сейчас общественное мнение к окончательному удару и разоблачению Сталина-провокатора.

О существовании нескольких фотоснимков с документов Орлов знал от своего родственника. Он не сомневается, что не все копии попали в руки Сталина; некоторые жертвы чистки 1937 года не выдержали пыток и сказали, где имеются экземпляры компрометирующего документа, другие экземпляры уцелели и недавно были представлены наследникам Сталина в Кремле.

Орлов предполагает, что документ был передан Хрущеву лично маршалом Жуковым накануне XX съезда компартии.

«Я знал генерала Жукова, — пишет Орлов, — когда он приехал в Испанию для изучения хода испанской гражданской войны. Я беседовал с ним неоднократно и пришел к убеждению, что Жуков не был сподручным Сталина. Нет сомнения, что Жуков был честным человеком, которому лучше всего было доверить документы относительно Сталина».

В своей нашумевшей книге «Тайная история преступлений Сталина», вышедшей в Нью-Йорке в 1953 г., Орлов намекает на «самую страшную тайну Сталина, связанную с делом Тухачевского». Теперь Орлов заявляет, что тогда он не решился рассказать историю сотрудничества Сталина в Охранке «по мотивам личной безопасности». Он ограничился лишь указанием, что заговор Тухачевского был вызван «одним из самых страшных и секретных преступлений Сталина». Он не решился раскрыть этот секрет даже после смерти Сталина, так как опасался мести его наследников, которые в этот момент еще хранили культ покойного диктатора.

Речь А. Л. Толстой

На собрании, которое было устроено вчера в отеле Амбасадор для представителей печати, в связи с разоблачениями «Лайфа», А. Л. Толстая сделала следующее заявление:

Цель сегодняшнего собрания — предъявить представителям печати документ, который был в распоряжении директоров Толстовского фонда уже довольно давно. Мы пытались опубликовать этот документ и здесь, и в Англии. Несмотря на его достоверность, до сих пор нам сделать этого не удалось, так как мешали соображения международного политического характера. Наконец, журнал «Лайф» решил опубликовать этот документ, который, вне всякого сомнения, устанавливает, что Иосиф Сталин был двойным агентом и провокатором. Будучи большевиком, он, одновременно, был тайным сотрудником и агентом царской полиции.

Мы, жившие в СССР под игом Сталина, всегда считали его простым разбойником с большой дороги. Но этот документ доказывает и нечто большее. Хрущев, Булганин, Молотов, — все те, кто лбызали ноги Сталина в течение 30 лет, теперь пытаются обелить себя, обвиняя во всех грехах своего бывшего повелителя. Если мы не раскроем народам глаза, их усилия и на этот раз могут увенчаться успехом.

Но и эти люди — такие же разбойники, каким был Сталин. Их интересует только личная власть. Они несут и делят

со Сталиным ответственность за судьбу миллионов загубленных жизней. Они помогали ему убивать. Если мы убедим в этом американский народ — наша миссия будет выполнена. В течение 25 лет, с тех пор, как я приехала в Америку, в своих лекциях и выступлениях я пыталась разъяснить американскому общественному мнению природу коммунизма.

Толстовский фонд, заключила А. Л. Толстая, будет продолжать свою работу по сближению между американским и русским народом и будет продолжать выписывать в Соединенные Штаты жертв коммунизма. 14 000 человек уже приехали в Соединенные Штаты при содействии Толстовского фонда: тысячи других людей ждут в Европе нашей помощи. Им не нужно объяснять, каким злом был Сталин. Они знают это по собственной судьбе.

После А. Л. Толстой выступил журналист Исаак Дон Левин, изложивший в сжатой форме историю сталинского преступления.

КАК СТАЛИН СТАЛ АГЕНТОМ ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ¹

Читатели «Нового русского слова» уже осведомлены о сенсационных разоблачениях бывшего генерала НКВД Александра Орлова, которые опубликованы в вышедшем вчера номере журнала «Лайф».

Приводим из статьи Орлова наиболее важные места.

В феврале 1937 года Орлов лежал в парижском госпитале с переломанными ребрами — результат автомобильной катастрофы, случившейся с ним в Испании. Совершенно неожиданно резидент ГПУ во Франции Смирнов навестил Орлова в сопровождении его двоюродного брата Зиновия Борисовича Кацнельсона, который приехал из Москвы.

Орлов и Зиновий были не только родственниками, но и близкими друзьями. Когда Смирнов ушел, оставив их вдвоем, Кацнельсон рассказал энкаведисту историю, которую он в точности записал.

Во время первого процесса старых большевиков Сталин решил скомпрометировать их в глазах партии и поручил Ягоде сфабриковать доказательства того, что эти люди были провокаторами и служили в царской Охранке. Чтобы добыть нужные материалы, чекисты начали рыться в старых полицейских архивах. Некий Штейн, которому было поручено подготовить материал, раскрыл личную папку одного из руководителей Охранного отделения Виссарионова. В папке этой Штейн не-

¹ Новое русское слово. 1956. 20 апреля. С. 1—2. — *Примеч. Ю. Ф.*

ожиданно увидел вопросный лист, к которому была прикреплена небольшая фотография молодого Сталина.

Штейн обрадовался — он решил, что нашел реликвию из революционного прошлого Сталина. Но радость его скоро сменилась ужасом. В папке лежали письма, написанные рукой самого Сталина, из которых явствовало, что Сталин был самым обыкновенным полицейским агентом.

Промучившись несколько дней, Штейн взял всю папку и отправился в Киев, где он показал все документы своему бывшему начальнику, а теперь члену Политбюро УКП Балицкому. Балицкий возглавлял украинское НКВД. Зиновий Кацнельсон был заместителем Балицкого. Балицкий был потрясен содержанием папки не меньше Штейна и посвятил в секрет Кацнельсона.

Малиновский и Сталин

Доклады Сталина Виссарионову относились к 1912 году и к деятельности большевистской фракции в Четвертой думе. Уже после февральской революции, когда архивы Охранного отделения были открыты, выяснилось, что один из шестерых депутатов фракции, Малиновский, был провокатором (Малиновского расстреляли большевики в мае 1918 г.).

Малиновский был главой фракции, но инструкции он получал извне, от Ленина. Именно Малиновский провел в 1912 году Сталина в ЦК партии. Сталин в это время жил в Петербурге и действовал как агент связи между Лениным и Малиновским. Его арестовывали несколько раз, но непонятным образом Сталину удалось выходить невредимым — это одно обстоятельство могло показаться подозрительным.

Из докладов Сталина Виссарионову явствует, что он отлично знал о двойной роли Малиновского. Ясно также, что Сталин завидовал Малиновскому — его роли полицейского осведомителя и его роли в партии, и не прочь был вытеснить этого соперника.

В январе 1913 г. Сталин и Малиновский участвовали в совещании на краковской квартире у Ленина и оба осведомляли Охранку о том, что там происходило. В папке Виссарионова сохранились записки Сталина, характеристики, которые он давал участникам этого совещания — Зиновьеву, Каменеву и Трояновскому.

Вскоре после краковского совещания Сталин решил вытеснить Малиновского и занять его место в Охранке и обратился через голову своего непосредственного начальника Виссарионова к тов. министра внутренних дел Золотареву. Сталин почтительно напоминал тов. министра внутренних дел, что он

имел честь быть ему представленным в отдельном кабинете петербургского ресторана. Затем Сталин указал в своем письме, что он внимательно наблюдал за поведением Малиновского в Кракове и пришел к убеждению, что Малиновский душой предан Ленину и с большим рвением работает на пользу революции, нежели Охранного отделения.

Попытка Сталина не удалась...

Но Сталин сам попал в яму, которую он готовил для Малиновского. На полях его письма-доноса имеется приписка, сделанная рукой Золотарева: «Этого агента по-настоящему нужно сослать в Сибирь. Он сам на это напрашивается». Золотарева возмутило, что осведомитель Сталин решился интриговать против ценного для полиции Малиновского, да еще через голову своего прямого начальника Виссарионова.

Несколько недель спустя Сталин был арестован. Ирония судьбы: он попал в засаду, которая была устроена полицией по указанию Малиновского. Приговоренный к четырем годам ссылки, он был отправлен в Туруханский край. Старые заслуги его все же не были забыты. Заведующий Особым отделом Департамента полиции секретным письмом 12 июня 1913 г. сообщил в Енисейск, что ссыльный Сталин-Джугашвили является старым агентом отделения. Факсимиле этого документа вчера было опубликовано в «Новом русском слове».

Сенсационные разоблачения А. Орлова

Орлов продолжает свой рассказ.

По словам Зиновия Кацнельсона, он и Балицкий прежде всего рассказали все, что им известно, двум влиятельным на Украине людям. Это были генерал И. Е. Якир, командовавший всеми вооруженными силами на Украине, и член Политбюро УКП Станислав Косиор. Якир вылетел в Москву посоветоваться со своим другом маршалом Тухачевским, который был начальником генерального штаба и который лично недолюбливал Сталина. Тухачевский посвятил в секрет тов. министра обороны Гамарника. Осведомили и генерала Корка. Другие генералы были посвящены в секрет позже.

Заговор маршала Тухачевского

Так родился заговор маршала Тухачевского. То обстоятельство, что кровавыми «чистками» руководит не подлинный ре-

волюционер, а вульгарный осведомитель Охранки, самый обыкновенный провокатор, заставило Тухачевского и его друзей пойти на заговор. Нужно было сначала «собраться с силами», как говорил Зиновий Кацнельсон. Тухачевский разработал следующий план.

Под каким-нибудь подходящим предлогом следовало уговорить Ворошилова созвать в Москве, с участием Сталина, военное совещание руководителей Московского и Украинского военных округов. Предполагалось, что командиры, вызванные на совещание, будут все подготовлены и примут участие в устройстве государственного переворота. Тухачевский и другие участники заговора собирались приехать на совещание с верными людьми. В заранее условленный момент два отборных полка должны были войти в Кремль и отрезать его от войск НКВД. Сталин сразу оказался бы под арестом.

Были две точки зрения. Тухачевский и другие генералы считали, что Сталина следует пристрелить на месте, после чего можно будет собрать ЦК партии и представить документальные доказательства позорного прошлого диктатора. Косиор, Балицкий, Кацнельсон и другие считали, что Сталина нужно передать суду ЦК партии и предъявить ему обличающие документы. Несколько дней спустя Орлов выписался из парижского госпиталя и вернулся в Испанию. Неделю за неделей, месяц за месяцем он слушал радио, ожидая сенсационной новости. 11 июня 1937 года Орлов ехал в автомобиле со стороны франко-испанской границы в Барселону. Внезапно музыка, которую он слушал, была прервана. Радиоспикер объявил: «Срочный бюллетень радио Тулузы. Советский маршал Тухачевский и несколько других генералов Красной Армии арестованы по обвинению в государственной измене и преданы военному суду».

На следующий день советское радио сообщило потрясенным советским гражданам, что военно-полевой суд уже состоялся и что маршал Тухачевский, Якир, Кокор, Уборевич, Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков признаны виновными и приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. Офицер НКВД Штейн, который обнаружил в архивах Охранки компрометирующие Сталина документы, покончил самоубийством. Косиор был казнен. Гамарник покончил самоубийством. Балицкий был расстрелян.

В июле 1937 г. Орлов получил сведения о том, что его двоюродный брат Зиновий Кацнельсон также расстрелян. О судьбе его дочери и жены он никогда ничего не узнал.

Как известно, сталинская версия заговора Тухачевского была совершенно иная: он заявил, что казненные генералы были

агентами нацистской Германии. Насколько это нелепо, видно хотя бы из того, что из восьми расстрелянных генералов трое — Якир, Эйдеман и Фельдман — были евреями.

М. Вейнбаум

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ-ПРОВОКАТОРОМ?¹

Два человека — Александр Орлов и Исаак Дон Левин — в двух статьях в очередном номере еженедельника «Лайф» — доказывают, что Сталин служил в царской Охранке, что он был и революционером, и шпионом, агентом-провокатором, вроде Азефа, вроде большевика и члена Четвертой Государственной думы Малиновского и других.

Александр Орлов, он же Лев Лазаревич Никольский, в прошлом (до середины 1938 года) видный чиновник НКВД, а позже невозвращенец и автор «Тайной истории преступлений Сталина». Исаак Дон Левин — американский журналист и антикоммунистический деятель.

Сведения о провокаторской деятельности Сталина оба получили из разных источников, в разные времена — Орлов в 1937 году, а Дон Левин в 1947-м. Оба более или менее убедительно объясняют, почему они не огласили своих сведений при жизни Сталина. Показания обоих не совпадают и частично даже противоречивы.

Орлов порвал со Сталиным в 1938 году, когда находился в Испании. Он бежал во Францию. Советский дипломатический паспорт дал ему возможность немедленно получить визу в Канаду и затем в США. Отсюда Орлов написал длинное письмо Сталину, в котором перечислил его преступления и предупредил, что опубликует их, если диктатор тронет его мать или тещу, оставшихся в Советском Союзе. Если его убьют, предупреждал Орлов Сталина, разоблачения будут опубликованы лицами, в руках которых они находятся.

О «самом страшном» преступлении Сталина — о его связи с Охранкой — Орлов в письме даже не намекнул. Он опасался, что Сталин придет в ярость и ни перед чем не остановится, чтобы схватить Орлова, вынудить пыткой обнаружить местонахождение своих записок и затем уничтожить его.

Даже после смерти Сталина Орлов не решился рассказать об этом его преступлении. Он боялся, что наследники Сталина и тогда его «верные соратники» также не потерпят такого разоблачения и расправятся с ним. Начавшееся в Советском Союзе

¹ Новое русское слово. 1956. 21 апреля. С. 3. — Примеч. Ю. Ф.

развенчание Сталина убедило Орлова раскрыть величайшую тайну Сталина.

«Хрущев, — говорит он, — несомненно знает эту тайну, и у меня нет больше причин молчать о ней».

Важно все же отметить, что если Орлов только теперь решил раскрыть тайну, которую узнал от своего двоюродного брата Зиновия Кацнельсона, то намекнул о ней и для посвященных довольно прозрачно в своей книге, вышедшей в 1953 году, после смерти Сталина.

Эти единственные загадочные строки в его книге очень меня интриговали. Я привел их в недавней своей статье (21 марта) и просил, но не получил, разъяснения у самого Орлова во время встречи с ним. Привожу их еще раз, потому что они могут служить частичным подтверждением нынешнего рассказа Орлова. Вот что напечатано у него на 240-й странице:

«Вопреки тому факту, что дело Тухачевского и семи казненных генералов исторически менее важно, чем московские процессы старых большевиков, ему суждено занять в истории более значительное место, чем оно, само по себе, заслуживает. Я утверждаю это, потому что знаю из абсолютно неопровержимого и авторитетного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с одной из самых страшных тайн Сталина, которая, когда она раскроется, прольет свет на многое, что в поведении Сталина казалось непостижимым».

Я опять беседовал с Орловым накануне появления его и Дон Левина разоблачений в «Лайф». На мой вопрос, что, по его мнению, является главной причиной антисталинской кампании за железным занавесом, он ответил:

«Главная, если не единственная, причина, я уверен, это то, что наследники Сталина обнаружили документы о его провекторстве. Фотокопии этих документов были в руках большой группы людей. Их имели Тухачевский, Гамарник, Якир, Косиор, который покровительствовал Хрущеву и выдвигал его. Их имели и другие лица. Сталин постарался всех их уничтожить, а их семьи отправить в ссылку.

Кое-кто, однако, уцелел. Кое у кого, вероятно, эти фотокопии были запрятаны. Многие жертвы Сталина выпущены на свободу. По-видимому, некий владелец этих фотокопий принял меры, чтобы они стали известны кому следует. Такой человек мог переслать их по почте «видному члену правительства».

«Лично я уверен, — продолжал Орлов, — эти фотокопии оказались в руках Жукова, пользующегося в народе широкой популярностью. Он представил их наследникам Сталина, и тем пришлось заняться разоблачением Сталина».

Я напомнил Орлову, что в разоблачениях Сталина и намека нет на его провокаторство. Напротив, изобличители признают революционные заслуги покойного диктатора.

Он ответил:

«Совершенно верно. Преклонение перед Сталиным насаждалось десятки лет, на нем воспитались миллионы. Внезапное сообщение, что Сталин был в прошлом царским шпионом, было бы страшным шоком. Надо население подготовить к этому. Надо провести дискредитирование Сталина постепенно. Помните мое слово, Хрущев в своем секретном докладе подтвердил правдивость моей книги. Месяцев через шесть он или кто-либо другой подтвердит и теперешний мой рассказ о провокаторстве Сталина».

Еще вопрос: не считаете ли вы, что такого рода разоблачения очень опасны для самих разоблачителей, для Хрущева, Булганина и Ко?

«Очень даже опасны. Они рискуют многим. Но было еще больше риска в попытке замолчать преступления Сталина и предоставить разоблачение его их противникам. Кроме того, они были вынуждены выступить с разоблачениями под давлением армии. Командный состав покойного диктатора ненавидел. Он не мог простить ему ни дела Тухачевского с расстрелом пяти тысяч офицеров, ни многочисленных унижений, которым подвергались при нем военные. Если Жуков получил фотокопии, доказывающие причастность Сталина к Охранке, а я уверен, что они скорее всего были доставлены именно ему, то он и настоял на развенчании Сталина».

На мое предложение Орлову высказаться по поводу документа Дон Левина он ответил, что статьи Левина еще не читал, с документом ознакомился только поверхностно и никакого пока суждения о нем не имеет.

Дон Левин, как мною уже было указано, произвел самостоятельное расследование достоверности предъявленного им документа.

Сведение о том, что Сталин доносил в Охранку на неудобных ему членов партии, закавказских меньшевиков, давно сообщалось в эмигрантской печати. Грузинский меньшевик Ной Жордания категорически отстаивал правильность этих сведений.

Дон Левин произвел тщательную проверку документа и приводит ряд доводов в пользу его достоверности.

1. Документ получен им от лиц, заслуживающих доверия.
2. Известный эксперт Осборн установил, что бумага, на которой он напечатан, иностранного происхождения и что написано письмо (документ) на русской машинке «Ремингтон». Такие машинки в дореволюционные годы имелись во всех русских правительственных учреждениях.

3. Автор письма Еремин действительно существовал и одно время служил в Киевской Охранке под начальством генерала Спиридовича.

4. С гораздо меньшей достоверностью Левину удалось установить существование адресата, Железнякова.

Всего этого, однако, недостаточно, чтобы поверить в достоверность документа. Многие в нем вызывает сомнение.

Так, совершенно не установлено, что в уездном городе Енисейске было Охранное отделение. На документе отсутствует печать и название города.

Департамент полиции мог бы наряду с фамилией Джугашвили привести его литературный в то время псевдоним — Сталин. Но в то время этот псевдоним мало кому был известен. Было бы естественно, чтобы во внутренней переписке с жандармским управлением Департамент полиции наряду с подлинной фамилией сотрудника упомянул его кличку в Охранке, а не литературный псевдоним; отсутствие такой клички в данном документе вызывает недоумение.

В документе упоминается, что по возвращении из ссылки Сталин «становится агентом Петербургского Охранного отделения». Департамент полиции, мне кажется, не называл своих служащих «агентами», предпочитая определять их как «сотрудников» или «секретных сотрудников».

Подозрительно и упоминание насчет выборов Сталина в ЦК партии в г. Праге. В Малой советской энциклопедии говорится, что Сталин был «кооптирован», а не выбран и не в Праге, а «после Пражской конференции». Есть и другие соображения, вызывающие сомнения в достоверности этого документа.

Я отнюдь не берусь утверждать, что Сталин не был или не мог быть агентом-провокатором. Этот человек был способен на любое подлое дело. Но мне кажется, что пользование сомнительными документами в борьбе с захватчиками власти может причинить больше вреда, чем пользы.

Во всяком случае, простой и ничем не документированный рассказ Александра Орлова, по моему мнению, заслуживает больше доверия, чем документ, предъявленный Левиным.

Очень возможно, что Хрущев подтвердит рассказ Орлова о провокаторстве Сталина, как он уже подтвердил его данные о зверствах этого человека. И тогда можно будет вспомнить слова Шекспира:

«Есть многое на свете, друг Горацио, о чем во сне не снилось вашим мудрецам».

ДОКУМЕНТ, ИЗОБЛИЧАЮЩИЙ СТАЛИНА¹

В номере «Нового русского слова» от четверга был напечатан сенсационный документ, устанавливающий факт сотрудничества Сталина с Охранным отделением. Оригинал документа находится в руках известного журналиста Исаака Дон Левина, который рассказал в последнем номере журнала «Лайф», как документ этот попал в Соединенные Штаты и был предоставлен в его распоряжение.

Документ был взят из архивов Охранного отделения полковником Руссияновым², вывезшим его из Енисейска в Китай. В Китае письмо перешло в руки проф. М. П. Головачева и тот привез его в Соединенные Штаты.

От М. П. Головачева документ перешел в руки трех известных в эмиграции политических и общественных деятелей: В. С. Макарова, бывшего посла С. Бахметьева и Б. Сергиевского.

За несколько дней до опубликования документ был передан А. Л. Толстой, которая поместила его в сейфе Кемикал Корн Эксчендж Бэнк. По соглашению между В. С. Макаровым и его политическими единомышленниками документ был еще раньше передан для использования журналисту И. Дон Левину, который повез его снимок в Европу и там предъявил бывшему генералу Охранного отделения Александру Спиридовичу; Спиридович удостоверил подпись Еремина, стоящую под документом. Известный американский эксперт по разного рода историческим документам Альберт Д. Осборн со своей стороны установил, что письмо написано на бумаге русской довоенной фабрикации и на пишущей машинке Ремингтон № 6, того типа, которым пользовались в Охранном отделении.

На основании всего собранного им материала И. Дон Левин убежден, что документ, напечатанный им в «Лайф» и воспроизведенный в «Новом русском слове», не фальшивка, а подлинное письмо, наскоро написанное зав. Особым отделом Департамента полиции Ереминым начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову.

¹ Новое русское слово. 1956. 21 апреля. С. 3. — *Примеч. Ю. Ф.*

² В написании этой фамилии в документах и статьях встречаются разночтения: Русьянов, Руссянов, Русиянов, Руссиянов, Русианов, Руссианов. — *Примеч. Ю. Ф.*

СТАЛИН БЫЛ АГЕНТОМ ОХРАНКИ¹

Срочное письмо из Нью-Йорка

На конференции представителей всей американской печати в Нью-Йорке, а также и иностранной, 18 апреля, Александра Львовна Толстая сделала сенсационное сообщение о документе, изобличающем Сталина в том, что от 1906 г. до 1912 г. он служил в Охранке. Ее поддержал известный писатель Исаак Дон Левин, написавший в свое время биографию Сталина. Он же в статье в журнале «Лайф» от 19 апреля дал подробное описание, как он в течение нескольких лет проверял аутентичность вышеназванного документа, составляющего в настоящее время собственность Толстовского фонда.

Постараюсь вкратце передать обширный материал, предлагаемый журналом «Лайф» и бывший предметом конференции печати. Документ представляет собой письмо Департамента полиции, адресованное начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякаву 12 июля 1913 г. [...] ²

И. Дон Левин получил этот документ от трех лиц с безупречной репутацией, купивших его от проф. М. П. Головачева, беженца, жившего в Шанхае. Эти лица следующие: Вадим С. Макаров, сын русского адмирала, в настоящее время работающий в Соединенных Штатах в качестве инженера; Борис Бахметьев, прежний русский посол в Соединенных Штатах от Временного правительства; Борис Сергеевский, пионер русской авиации и ныне работающий в качестве пилота в США. Головачев же, продавший им этот документ, получил его от полковника Русианова, офицера царской полиции, во время февральской революции разгромившего Охранку в Енисейске, и увез его в Шанхай, спасаясь от октябрьского переворота. В одну из своих поездок в Соединенные Штаты он продал документ вышеназванным трем лицам.

И. Дон Левин задался целью установить аутентичность названного письма, не очень доверчиво отнесясь к этому делу. Для этого он ездил несколько раз в Европу. Там он встретился с известным генералом Охранки Александром И. Спиридовичем. Он знал очень хорошо Еремина, которого он рекомендовал в 1905 г. на пост начальника Охранного отделения в Киеве, после того как сам был тяжело ранен в произведенном на него, Спиридовича, покушении. Он признал подпись Еремина. Мало того, у него сохранился серебряный графин, пре-

¹ Русская мысль. 1956. 24 апреля. № 890. — Примеч. Ю. Ф.

² Опуцен текст письма Еремина. — Примеч. Ю. Ф.

поднесенный ему служащими Киевского Охранного отделения, когда он оправился от покушения. На этом графине была подпись Еремина, точь-в-точь сходная с подписью на документе. Этот графин Спиридович подарил Дон Левину, у которого он находится и по сей час.

Дон Левин не ограничился расспросами Спиридовича. Он знал, что многие документы фальсифицируются с политическими целями. Большевикам было известно, по циркулирующим слухам, о существовании этого документа. Но никто не верил; даже Троцкий, ярый враг Сталина, относился к ним скептически. Дон Левин обратился к мистру Альберту Д. Осборну, самому выдающемуся эксперту по вопросу об аутентичности документов. Осборн установил лабораторными изысканиями, что бумага документа происхождения не американского, не западноевропейского и очень давнишнего периода, до первой мировой войны. Он проверил и машинные буквы, сравнив их с теми, какие получались на машинках Ремингтона № 6, ввозимых в Россию до революции. Был разыскан в библиотеке имени Гувера в университете американского города Станфорд документ-письмо Департамента полиции в Петербурге, датированное «5-ое ноября 1912», около восьми месяцев до даты письма Еремина. Осборн после тщательной лабораторной проверки установил, что «оба документа с большой вероятностью были отпечатаны на пишущих машинках того же типа».

Дон Левин разыскал даже знаменитого провокатора Николая Золотые Очки, бывшего помощника начальника Петербургского Охранного отделения, т. е. Н. Доброскока, который мог бы дать ему точные сведения. Увы, когда он его разыскал в Берлине под фамилией Добролюбова в качестве пономаря при русской церкви в Берлине, он его не застал больше в живых.

Сопоставляя все факты, полученные им после самой кропотливой работы, Дон Левин пришел к полному убеждению, что документ, подписанный Ереминым, аутентичны. Нет сомнения, высказывали свое мнение журналисты, присутствовавшие на конференции печати, что обо всем этом стало известно Хрущеву и Ко. и этим можно, хотя бы отчасти, объяснить тот вольт-фас, который произошел на 20-м съезде, и процесс развенчивания Сталина. Дальнейшее может раскрыть много интересного¹.

Нью-Йорк, 18 апреля.

¹ В парижских осведомленных кругах относятся к этому сообщению с большой осторожностью и не придают ему большого значения, полагая, что Исаак Дон Левин стал жертвой мистификаторов. Разумеется, у нас нет никакой возможности установить, кто прав в этом деле. — *Примеч. ред. «Русской мысли».*

О ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКУМЕНТА О СТАЛИНЕ¹

Многоуважаемый Марк Ефимович!

В редактируемой Вами газете помещена Ваша статья: «Были ли Сталин агентом-provokатором?» В этой статье Вами приведен ряд сомнений относительно достоверности сенсационного документа, свидетельствующего о службе Иосифа Сталина в царской Охранке.

Попытаюсь рассеять Ваши сомнения.

1. В городе Енисейске было Охранное отделение. Оно ведало делами нескольких уездов в бассейне реки Енисей. По этой причине на документе не указано название города.

2. На документах Департамента полиции, имевших характер внутренней переписки, никогда печать не ставилась.

Если ставилась печать, то этому предшествовало: «что подписью и приложением печати удостоверяется».

3. В системе Департамента полиции не употребляли слова: «сотрудник, секретный сотрудник». Тогда в обиходе были: «агент, секретный агент». «Сотрудник» родился в Советской России.

4. В Департаменте полиции существовал такой порядок: если агент, работавший на два фронта, становился в оппозицию к царскому режиму, то его кличка не упоминалась. В случае новой вербовки такой агент получал новую кличку.

В свете этого факта из Департамента полиции был послан документ от 12 июня 1913 года начальнику Енисейского Охранного отделения.

5. Для полицейского чиновника Еремина было совершенно безразлично: был ли Сталин избран или кооптирован на сессии ЦК партии в Праге. Он считался с фактом, что Сталин вошел в состав ЦК и после этого порвал связь с Охранкой. В документе г-на Еремина: «После избрания Сталина в ЦК...» надо полагать, что речь идет о вхождении Сталина в ЦК.

Примите мои уверения в совершенном к Вам почтении
г. Чикаго.

¹ Новое русское слово. 1956. 25 апреля. С. 4. — Примеч. Ю. Ф.

ПОДЛИННЫЙ ДОКУМЕНТ ИЛИ ФАЛЬШИВКА?¹

Не входя в рассмотрение вопроса, служил ли Сталин до революции в царской Охранке, и не располагая никакими данными по этому вопросу ни «за», ни «против», я хочу только прибавить несколько доводов в пользу тех сомнений в подлинности приведенного И. Дон Левиным документа в его статье в «Лайфе», которые высказал М. Е. Вейнбаум в «НРС» 21 апреля. Эти доводы следующие:

1) Фраза, приведенная в документе, о том, что «Сталин по возвращении в Петербург стал в явную оппозицию к правительству», представляется мне совершенно не соответствующей обычному стилю Департамента полиции. Да она и не соответствует стилю, принятому в публицистике тех лет. К тому же надо иметь в виду, что большевики были партией революции, а не оппозиции. Об «оппозиции правительству» можно было говорить в применении к кадетам, а не большевикам.

2) Странно, что в документе, датированном 1913 годом, упоминается Петербург без прибавления «Санкт» или буквы «С». В официальной корреспонденции строго придерживались официального наименования столицы.

3) Вызывает сомнения и то обстоятельство, что документ подписан одним лицом, Ереминым, на бланке «Заведующий Особым отделом Департамента полиции». Выясняя этот вопрос, я имел возможность видеть свыше двадцати фотокопий документов, исходивших от Департамента полиции за годы 1902—1907. Всюду бланк имеет другой вид, а именно: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По Особому отделу». Затем каждый документ Департамента полиции имеет не меньше двух подписей, обычно — три подписи. Вот, например, типичный циркуляр Департамента полиции, разосланный жандармским управлениям и Охранным отделениям, — от 21 сентября 1907 г. за № 135424. Он сопровождается следующими подписями. Подписал: За вице-директора Пешков. Скрепил: За заведующего отделом Еремин. Верно: За помощника делопроизводителя Луценко. Причем только третья подпись оригинальная, две первых — на пишущей машинке.

4) В документе упоминается, что по прибытии в Петербург «Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения». М. Е. Вейнбаум правильно усомнился в том, насколько Департамент полиции называет своих служащих «агентами». Правда, при тайной полиции существовала «внутренняя аген-

¹ Новое русское слово. 1956. 26 апреля. С. 3. — Примеч. Ю. Ф.

тура», но, насколько можно заметить, жандармы в своих мемуарах (например, П. Заварзин в книге «Работа тайной полиции», Париж, 1924 г.) никогда не пишут об агентах, а всегда о «секретных сотрудниках». Да и в циркулярах Департамента полиции, например, от 5 июля 1907 г., за подписью Курлова и других, говорится: «Получены сведения, что мещанин Цехновицер и некий Деллер шантажируют под видом секретного сотрудничества разных лиц» и т. д.

5) М. Е. Вейнбаум совершенно прав, когда удивляется, что в документе наряду с Джугашвили приводится имя Сталина, в те годы почти неизвестное ни в литературе, ни даже в партии большевиков, где он именовался Коба, Иванович, Васильев и др. Неверно и указание в документе, что Сталин был избран в ЦК в г. Праге, когда официальные источники говорят о его кооптации и то «после Пражской конференции». Авторы документа могли этого не знать и не понимать разницы, — тем не менее она существенна с точки зрения организационных нравов у большевиков.

Можно было бы привести еще другие соображения, вынуждающие признать, что мы в данном случае имеем дело не с подлинным документом, а с фальшивкой, — каких одно время в русской эмиграции расплодилось немало и по разнообразным случаям. Общеизвестно, в частности, что на Дальнем Востоке фабрикация таких фальшивок, рассчитанных на малоопытных людей, одно время была довольно широко поставлена.

Хочется еще добавить к сказанному, что за границей после революции проживал бывший начальник С.-Петербургского Охранного отделения ген. Герасимов, опубликовавший на французском языке свои мемуары, который, несомненно, был бы осведомлен о службе Сталина в Охранке. Что могло побудить его скрыть этот красноречивый факт, если бы он соответствовал действительности? И что могло Виссарионова из Департамента полиции, руководившего деятельностью Малиновского, скрыть на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве в 1917 г. — скрыть, что он «вел» того же Сталина в качестве секретного сотрудника?

СЕНСАЦИОННАЯ ТАЙНА ОСУЖДЕНИЯ СТАЛИНА¹

«Лайф» напечатал статью бывшего генерала НКВД Александра Орлова, который разоблачает причины антисталинской кампании в СССР. В 1938 году Орлов служил при испанских лоялистах во время гражданской войны в Испании.

Потом он перебежал в Канаду и затем в США.

¹ Новое русское слово. 1956. 27 апреля. — *Примеч. Ю. Ф.*

Орлов в своей статье описывает и дело маршала Тухачевского позднее, в 1937 году, расстрелянного по приказу Сталина. Орлов рассказывает о своей встрече в Париже с Павлом Аллилуевым, свояком Сталина. Орлов спросил Аллилуева, почему расстрелян маршал Тухачевский и другие маршалы и генералы.

Тот ответил: «Александр, никогда не говори со мной о деле Тухачевского. Знать об этом — это все равно, что дышать ядовитым газом».

В 1939 году Орлов узнал о внезапной и необъяснимой смерти Павла Аллилуева. Орлов в 1953 году опубликовал книгу «Секретная история преступлений Сталина». В книге Орлов описывал, что «дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом Сталина, который, если будет опубликован, прольет свет на необъяснимое поведение Сталина».

Орлов указывает, что это же разоблачение объясняет, почему Хрущев и другие поспешили отмежеваться от преступлений Сталина и развенчать миф о его величии.

Дальше Орлов приводит уже известное, что на 20-м съезде советской коммунистической партии Хрущев объявил, что Сталин сфабриковал обвинение против маршала Тухачевского и других лидеров армии в 1937 году и расстрелял до 5000 невиновных офицеров. Орлов говорит, что Хрущев знает больше про Сталина, но не сообщает всего.

В январе 1937 года Орлов был в госпитале в Париже. Ему позвонил резидент НКВД во Франции, Смирнов. «Я вас поражу», — заявил он весело. Затем он передал трубку кузену Орлова Зиновию Кацнельсону. Кацнельсон в 1937 году был помощником главы НКВД на Украине. Он был дружен с членом Политбюро Станиславом Косиором и часто видел Сталина.

Далее Орлов сообщает, что когда Сталин уговорился с начальником НКВД Ягодой устроить показательный процесс в Москве, он дал Ягоде совет, который тот принял за приказ. Сталин заявил, что было бы полезно, если бы НКВД мог доказать, что некоторые лица, подвергнувшиеся чистке, были до революции агентами Охраны.

Сталин предлагал, конечно, чтобы «документальное доказательство» было подделано. Ягода нашел это рискованным. Он решил достать офицера Охраны, чтобы он показал, что некоторые обвиняемые, намеченные Сталиным, были царскими агентами.

Но найти живого офицера Охраны было труднее, чем думал Ягода, так как многие бежали, другие были ликвидированы.

Архивы старой полиции держались в разных городах, многие в Ленинграде. Большая коллекция их держалась в каби-

нете предшественника Ягоды, Менжинского. Эти архивы были переданы офицеру НКВД Штейну, помощнику начальника департамента, готовившего первый московский процесс.

Однажды Штейн напал на аккуратную папку бумаг, которые помощник начальника царской Охраны, Виссарионов, хранил для себя. Штейн нашел анкету с небольшой карточкой Сталина на ней.

Но при изучении Штейна охватил страх и ужас. Это были доклады и письма, написанные почерком Сталина, знакомым Штейну, адресованные Виссарионову. Папка была о Сталине, агенте-провокаторе царской тайной полиции.

Штейн с папкой вылетел в Киев показать ее своему другу, В. Балицкому, члену Политбюро партии на Украине и члену ЦИК партии СССР. Он же был главой НКВД на Украине.

Балицкий был так же потрясен, как и Штейн. Они вызвали Зиновия Кацнельсона. Они сделали анализ о возрасте документа и установили почерк.

Сталин, без сомнения, был агентом тайной царской полиции и был активным еще в конце первой половины 1913 года. В папке не только были донесения Сталина, но оказалось, что он старался выдвинуться в тайной царской полиции.

Ряд донесений Сталина касался 4-й Думы. Большевистская фракция в ней имела шесть депутатов во главе с Романом Малиновским. Когда архивы Охраны были вскрыты после февральской революции, выяснилось, что Малиновский был всегда царским агентом и предавал товарищей-коммунистов в большом масштабе. После прихода большевиков к власти Малиновского судили, признали виновным и расстреляли.

Ленин руководил партией из-за границы, Малиновский был его главной рукой в России и имел право добавлять членов в ЦК по своему усмотрению. В 1912 году Малиновский назначил Сталина в ЦК. Сталин тогда жил в Петербурге и несколько раз служил связью между Малиновским и Лениным. В течение этого выдвижения на доверительное положение в рядах большевиков Сталина арестовывали, но ему как-то удавалось спастись.

К 1913 году руководителям Охраны Сталин уже был не нужен и его сослали в Туруханский край. Там он оставался до февральской революции.

Далее Орлов сообщает, что Кацнельсон и Балицкий сообщили факты двум своим друзьям: генералу Якиру, командующему войсками на Украине, и Косиору, члену Политбюро, фактическому диктатору Украины. (Косиор, ликвидированный в 1938 году, был обелен на XX съезде Коммунистической партии.)

Генерал Якир вылетел в Москву и сообщил об этом своему другу Тухачевскому, главнокомандующему армией, личная

антипатия которого к Сталину была известна. Тухачевский доверил секрет помощнику комиссара обороны Гамарнику и генералу Корку. Позднее, видимо, сообщили другим чинам армии.

Из этого создался заговор, возглавлявшийся маршалом Тухачевским, для свержения Сталина. Заговорщики выработали план действий. Они решили вместе рисковать жизнью, чтобы спасти страну от агента-provokatora.

В феврале 1937 года генералы Красной Армии еще «собирали силы», как сказал Кацнельсон. Они еще не договорились о твердом плане переворота. Но Тухачевский был склонен к следующей схеме.

Под каким-либо предлогом он уговорил бы комиссара обороны Ворошилова просить Сталина созвать высшее совещание по военным делам Украины, Московского военного округа и некоторых других военных округов, командующие коими входили в заговор. Тухачевский и другие заговорщики явились бы с верными людьми. По данному сигналу два отборных полка оцепили бы главные подходы к Кремлю, чтобы преградить путь войскам НКВД. В этот момент заговорщики объявили бы Сталину, что он арестован. Тухачевский был уверен, что все в Кремле будет выполнено без осложнений.

Кацнельсон объяснил, что были два предположения, что делать со Сталиным потом. Тухачевский и другие генералы были за то, чтобы убить Сталина на месте, после чего созвать ЦИК и показать папку полиции. Косиор, Балицкий, Кацнельсон и другие (видимо, не военные) хотели арестовать Сталина и представить его на пленарную сессию ЦИК и представить обвинение в полицейском прошлом.

Далее Орлов пишет, что Кацнельсон попросил Орлова, в случае неудачи заговора и его расстрела, позаботиться об его детях.

«Как может быть неудача, — заявил ему Орлов, — Тухачевский уважаемый глава армии. Московский гарнизон в его руках. Он и его генералы имеют пропуски в Кремль. Тухачевский регулярно делает доклады Сталину и не подозревает. Он созовет совещание, вызовет два полка, вот и все».

11 июня 1937 года Орлов услышал сообщение радио Тулузы об аресте маршала Тухачевского и других генералов за измену.

12 июня произошло официальное советское сообщение, что военный суд состоялся и казнены восемь высших военных: Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков. Штейн, офицер НКВД, открывший папку Охраны о Сталине, застрелился. Косиор, несмотря на положение члена Политбюро, расстрелян. Гамарник застрелился до расстрела генералов. Балицкий был расстрелян.

В июле 1937 года Орлов получил сообщение о расстреле своего кузена, Зиновия Кацнельсона.

Далее Орлов пишет, что, как ему сказал Кацнельсон, было сделано несколько фотостатов с папки Охраны о Сталине и их содержания. Он задумывался, куда они делись. Орлов думал, что при пытках жертв 1937 года могли обнаружиться некоторые фотостаты. Орлов также думает, что кто-то показал разоблачающую папку теперешним лидерам Кремля. Он думает, что документы сохранил кто-нибудь из военных или родственников военного.

Он пишет:

«Могло бы быть, что генералу Жукову дали документы и что он показал их «коллективному руководству» как раз, когда Хрущев созывал 20-й съезд коммунистической партии? Я знал генерала Жукова, когда он приезжал в Испанию наблюдателем во время гражданской войны. Я говорил с ним несколько раз, и у меня создалось впечатление, что Жуков не приближенный и не ставленник Сталина. Пятно 1937 года на чести Красной Армии должно было беспокоить его военную совесть с тех пор. Поражения, приписанные генералам во второй мировой войне, и победы, неправильно приписанные Сталину, должны были отразиться. Жуков был бы человек, более всего вероятный принять папку Охраны о Сталине и принять меры.

Как бы это ни случилось, я уверен, что документальные доказательства, что Сталин был агентом полиции, были предъявлены теперешнему «коллективному руководству». У кремлевцев не было реального выхода, кроме как попытаться разрезать веревку, связывавшую их с узурпатором и обманщиком, имевшим мало параллелей во всей истории. Риск был громадный, но, если они быстро и полностью не отрекутся от царского агента, они сами могли рисковать тем, что ужасная тайна в конце концов откроется, теперь раз самого Сталина больше нет, чтобы ее держать утаенной. И, возможно, были такие люди, как маршал Жуков и другие, — которые предупредили, что факты не останутся в тайне, если миф о Сталине не ликвидируют окончательно.

Не будет невероятно, что сам Кремль когда-нибудь откроет тайну виновности Сталина, хотя бы лишь для того, чтобы эта тайна иным путем не дошла до русского народа. Опубликование этой статьи может ускорить официальное разоблачение. Пока же антисталинской кампанией люди Кремля готовят своих русских подданных к предстоящему потрясению.

Но свободному миру лучше подготовиться к новым потрясениям также. Наследники бывшего агента Охраны Сталина реально не порвали с его наследием. Они не отреклись от сталинской политики — беспощадно подавлять противополож-

ное политическое мнение. Они не открыли ворота концентрационных лагерей, наполненных Сталиным. Меньше всего Хрущев и его «коллективное руководство» отреклось, словом или делом, от порабощения других наций, чего добивался Иосиф Сталин. В действительности своими текущими действиями они отчаянно стараются снять с себя пятно Сталина, чтобы еще лучше проводить такую манию величия», — заканчивает А. Орлов.

А. Жерби

РАЗОБЛАЧЕНИЯ О ДЕЛЕ ТУХАЧЕВСКОГО И НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СТАЛИНЕ¹

Письмо из Нью-Йорка

В поступившем уже 19 апреля номере «Лайф» от 23 апреля напечатана пространная статья генерала Александра Орлова, одного из главных деятелей НКВД, ставшего невозвращенцем в 1938 г. и выпустившего в 1953 г. книгу «История преступлений Сталина». Статья пространная, в пять больших страниц. Передать ее полностью нет возможности, и я попытаюсь дать самые интересные выдержки, проливающие свет на ужасное дело ген. Тухачевского и нескольких выдающихся маршалов и генералов, расстрелянных одновременно с ним.

Как и И. Дон Левин, Орлов утверждает, что Сталин был агентом Департамента полиции, и приводит факты, подтверждающие это обвинение. Лично оговариваюсь: как ни поразительны они своим совпадением с тем, что пишет в том же номере «Лайф» такой серьезный исследователь-историк, как И. Дон Левин, мы, старые эмигранты, выдавшие виды, должны относиться к ним осторожно, ожидая полной и достоверной проверки.

Александр Орлов, будучи послан Сталиным в 1936 г. в качестве высшего представителя НКВД в Испанию, где бушевала гражданская война, в один из своих частых наездов в Париж, в феврале 1937 года, попал в автомобильную катастрофу и должен был несколько недель пролежать в больнице. Там его посетил его двоюродный брат, всецело преданный ему Зиновий Борисович Кацнельсон, занимавший пост заместителя начальника НКВД на Украине и, благодаря своему положению, бывший в тесной связи со многими могущественными деятелями организации, державшей всю страну в ежовых рукавицах по приказу «отца народов».

¹ Русская мысль. 1956. 28 апреля. — *Примеч. Ю. Ф.*

Перед своим другом Орловым этот чекист никогда не скрывал ни своих мыслей, ни получаемых им свыше сведений, вполне доверяя ему. Это доверие было взаимным. Вот что он откровенно рассказал ему в парижской больнице, где не было микрофонов. То были страшные тридцатые годы.

Сталин замышлял свои кровавые чистки. Он предложил Ягоде найти бывшего служащего прежней охранки, который на процессе против старых большевиков мог бы засвидетельствовать, что такие и такие старые большевики были агентами Департамента полиции, что облегчило бы их уничтожение. Ягода принял это предложение как приказ. Он отверг мысль о фабрикации подложных документов, зная, как скользка такая затея, и поручил своему подручному, одному из высших служащих Чека, некоему Штейну, разыскать нужного человека.

Задача была трудная, почти невозможная, ибо все бывшие служащие охранки и Департамента полиции были расстреляны либо скрывались под чужой фамилией в глухих уголках обширной страны. Штейн решил копаться в многочисленных архивах различных охранных отделений, сохранившихся после их разгрома. И в один прекрасный день он напал на особо тайное досье бывшего помощника начальника Департамента полиции, Виссарионова, в котором хранились особо секретные документы, как было указано на обложке. И к своему ужасу Штейн увидел небольшой «вопросник» с приложенной к нему фотографической карточкой, в которой он узнал не кого иного, как...

Сталина, когда он был еще молодым человеком. В самом досье лежала куча всевозможных донесений, написанных хорошо известным Штейну почерком всемогущего диктатора. Из них ясно вытекало, что Сталин в свое время был агентом-прокатером.

Такое открытие было смертным приговором для Штейна. После нескольких бессонных ночей он отвез его в Киев показать своему личному другу, В. Балицкому, своему прежнему начальнику, влиятельному члену Украинской коммунистической партии, члену Центрального Комитета Коммунистической партии СССР. В то же время он был главой НКВД на Украине.

Балицкий был так же потрясен, как и Штейн. Он вызвал своего помощника Зиновия Кацнельсона, и все документы были подвергнуты тщательной проверке с помощью лабораторных приемов, чтобы установить происхождение бумаги и установить подлинность найденных страшных документов и почерк. Все опыты удостоверили, что документы были настоящие.

Несколько из найденных докладов Сталина Виссарионову касались 4-й Думы, в которой большевистская фракция состоя-

ла из шести человек, среди которых был Роман Малиновский, впоследствии расстрелянный большевиками после того, как найденные в Охранке документы доказали, что он был провокатором и что он выдал многих из своих товарищей. Из найденных Штейном писем Сталина, адресованных Виссарионову, вытекало, что Сталин был осведомлен о роли Малиновского и подкапывался против него перед своим начальством в Департаменте полиции.

Там же нашлось письмо Сталина, адресованное тов. министра внутренних дел Золотареву, в котором он давал подробные сведения о конференции старых видных большевиков (Ленин, Зиновьев, Каменев, Трояновский, впоследствии посол в Соединенных Штатах, Малиновский и др.), состоявшейся в январе 1913 года в Кракове, в квартире Ленина. Золотарев заведовал делами Охранки в Департаменте полиции. В этом письме Сталин-агент утверждал, что, судя по поведению Малиновского на этой конференции, он в душе был предан Ленину, а не Департаменту полиции, и предлагал отставить его от должности агента Департамента полиции, ибо, мол, он не заслуживает доверия. На этом письме Золотарев сделал пометку: «пишущаго сие отправить в Сибирь».

Несколько недель спустя Сталин был арестован и отправлен в Туруханск, откуда его освободила февральская революция.

Так плачевно закончилась карьера Сталина-провокатора. В 1917 г. он начал новую, более удачную...

Балицкий и Зиновий Кацнельсон, потеряв самообладание, посвятили в свое открытие двух могущественных людей на Украине — генерала И. Е. Якира, командующего всеми военными силами Украины, и Станислава Косиора, члена Политбюро и фактического диктатора Украины (оба погибли впоследствии вместе с Тухачевским). Тогда Хрущев был под начальством Косиора.

Ген. Якир полетел в Москву и откровенно рассказал все своему другу и однокашнику Тухачевскому, главнокомандующему Советской Армией, неприязнь которого к Сталину была всем известна. Тухачевский, в свою очередь, посвятил в это дело своего помощника ген. Гамарника, известного своей честностью. К ним присоединились еще несколько генералов, ставших позже жертвой кровавой расправы Сталина. Так возник заговор, имевший целью покончить со сталинским режимом, но прежде всего с самим самодержцем, который оказался не кем иным, как новым Азефом, креатурой ненавистной Охранки..

В феврале 1937-го, когда Зиновий Кацнельсон рассказывал все это лежавшему в больнице Орлову, заговор находился в стадии возникновения, собрания нужных сил. Не было еще

точного плана. По словам осведомленного Зиновия, предполагалось предложить Ворошилову, тогдашнему председателю Высшего Совета Оборона, созвать экстренное совещание со Сталиным для обсуждения военных мероприятий, касающихся Украины и Московского военного района. Туда должны были прийти Тухачевский и некоторые из заговорщиков. В то же время избранные войсковые части блокировали бы Кремль, чтобы не допустить к нему военные части НКВД. Тухачевский арестовал бы Сталина во время заседания. Он надеялся, что все пройдет гладко.

Чем все это кончилось, известно. До сих пор, замечает Орлов, еще нет точных сведений, был ли донос, или по какой-либо другой причине, в последнюю минуту заговор был раскрыт. Только из сообщений парижского радио 11 июня 1937 г. и из газет Орлов узнал о трагическом исходе заговора. Были расстреляны маршалы Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Путна, Эйдеман, Фельдман, Примаков. Штейн, нашедший пресловутое досье, застрелился.

Косиор, несмотря на свой высокий пост в Политбюро, был расстрелян. Гамарник покончил с собой. Балицкий был расстрелян. Также и Зиновий Кацнельсон.

Как известно, вслед за расстрелом главарей были уничтожены тысячи офицеров, ничего общего не имевших с заговором, но тем или иным путем бывшие связаны с расстрелянными маршалами или генералами. Многие тысячи были сосланы. Интересно отметить, что пущенная Сталиным гнусная выдумка, что Тухачевский и другие заговорщики были в сношениях с германскими властями и замыслили выдачу своей страны несильному вечному врагу, Германии, уже потому смехотворна, что из восьми расстрелянных генералов и маршалов трое были евреями — Якир, Эйдеман и Фельдман, ненавидевшие особенно сильно нацистов. Увы, большевистская пропаганда достигла того, что еще долго после этой катастрофы, отдалившей освобождение многострадального русского народа, иностранная пресса спокойно допускала возможность факта сотрудничества расстрелянных с нацистским режимом Германии.

Прошло 19 лет. Хрущев напал на своего благодетеля и хозяина. В чем дело? Кое-кто утверждает, что Хрущев и компания хотят отомстить Сталину за перенесенные унижения, за страх перед ним («мы никогда не знали, выйдем ли живыми из его кабинета»). Вряд ли. В течение многих лет они были его верными сподвижниками и сверхподхалимами. Почему они, после его смерти, не последовали его примеру — стать богами, диктаторами? Разоблачением его они скорее рисковали навлечь на себя гнев народа как на его приспешников. Почему же они не побоялись этого риска?

Орлов утверждает, что, очевидно, Хрущев и компания — все отъявленные мерзавцы — знали один факт: документы, о которых он выше пишет, как и документ, о котором говорила гр. Александра Львовна Толстая на своей конференции печати в Нью-Йорке 18 апреля и о котором пишет в том же номере «Лайф» И. Дон Левин (мы писали об этом), наверно, были сняты во многих экземплярах, и фотокопии, вне сомнения, имеются на руках у некоторых лиц в России. Хрущев, Микоян, Молотов и все другие палачи, помощники умершего или умерщвленного диктатора, каждую минуту боятся, что такой фотостат может выплыть. Что будет тогда с ними, этими наследниками диктатора-охранника, нового Азефа?

Таково содержание, сильно сокращенное, большой статьи ген. Орлова в номере «Лайф» от 23 апреля, вышедшего 19-го. Лично могу прибавить от себя, что все эти утверждения, имеющие огромное политическое значение, требуют еще самой тщательной проверки, прежде чем можно признать подлинность приведенных документов. Даже тот факт, что И. Дон Левин, добросовестный писатель-историк, посвятил целых три года и несколько поездок в Европу, не говоря о многих поездках в европейские различные страны, для этого прежде, чем передать оригинал письма Еремина в Толстовский фонд, не дает нам права считать проверку вполне законченной.

Американская печать таже пока сдержанно отзывается обо всем этом деле.

Г. Аронсон

ЕЩЕ РАЗ О ПОДЛИННОСТИ ДОКУМЕНТА О СТАЛИНЕ¹

В документе, приведенном в «Лайфе» о службе Сталина в царской Охранке, о котором мне привелось писать в «Новом русском слове» 26 апреля, указано, что оно адресовано из Особого отдела Департамента полиции начальнику Енисейского Охранного отделения Железнякову. Касаясь этого документа, М. Е. Вейнбаум, между прочим, высказал сомнение в том, существовало ли вообще Енисейское Охранное отделение. Основания для такого сомнения имеются: в Сибири, как передают, вообще не было Охранных отделений, и к тому же Енисейск слишком маленький город, в 3—4 тысячи населения тогда, чтобы, наряду с жандармским управлением, там существовало и Охранное отделение. Автор письма в «Новом русском слове» А. Михайловский (от 25 апреля), однако, катего-

¹ Новое русское слово. 1956. 1 мая. С. 2. — Примеч. Ю. Ф.

рически заявляет, правда голословно, без всяких ссылок на какие-нибудь официальные данные, что «в городе Енисейске было Охранное отделение. Оно ведало делами нескольких уездов в бассейне реки Енисей». По-видимому, г. Михайловский владеет предметом, о котором столь категорически говорит, и я не могу оспаривать его утверждение.

Хочу только обратить внимание читателей, интересующихся этим вопросом, на одну специальную работу, которая косвенно проливает свет на вопрос, существовало ли Охранное отделение в Енисейске в 1913—1914 гг. Передо мною книжка М. Москалева «Русское Бюро ЦК большевистской партии, 1912 — март 1917», изданная Госиздатом в Москве, в 1947 г., и на страницах этой книжки 149—160 мы находим весьма любопытный материал, связанный с ссылкой Сталина в то время в Туруханский край. Из этой книжки мы прежде всего узнаем, что в Красноярске существует Красноярский краевой государственный архив, в котором имеются дело Енисейского жандармского управления № 1, а также Фонд Енисейского розыскного пункта. И бросается в глаза, что среди данных краевого архива, приводимых в книжке, ни разу не приводится ни один документ, ни одна ссылка из фондов Енисейского Охранного отделения и, более того, ни разу не упоминается даже о существовании Енисейского Охранного отделения.

Все справки и все документы относятся к Енисейскому жандармскому управлению, а не к Охранному отделению. Когда упоминается жандармский ротмистр Железняков (его имя упоминается один раз), в дальнейшем он называется «жандармский ротмистр», но опять-таки ни разу с ним не связывается Охранное отделение, и все время речь идет о нем как о начальнике или чиновнике Енисейского жандармского управления. «Жандармский ротмистр Железняков приезжал со специальным докладом к енисейскому губернатору... Енисейский губернатор Крафт разъяснил ротмистру»...

Департамент полиции, отправляя Сталина в ссылку, предлагал начальнику Енисейского губернского жандармского управления «водворить Джугашвили по его прибытии в одном из отдаленных пунктов Туруханского края». Начальник Енисейского губернского жандармского управления в свою очередь дал предписание туруханскому отдельному приставу по прибытии Джугашвили установить за ним скрытый и бдительный надзор полиции.

Отсутствие всякого упоминания об Охранном отделении в Енисейске усиливает сомнение в достоверности документа, адресованного Енисейскому Охранному отделению. Но попутно обращает на себя внимание и другой документ. Документ о службе Сталина в Охранке, как уже было отмечено, называет Сталина не только Джугашвили, но и Сталиным, т. е. пар-

тийной кличкой, к тому же в ту пору почти неизвестной. Это обстоятельство опять-таки вызвало сомнение в достоверности документа.

Сомнение это должно усилиться теперь, когда в приведенных в книжке Москалева документах из Красноярского архива по фондам Енисейского жандармского управления вы ни разу не встречаете партийной клички: Сталин. Во всех справках и документах Сталин называется постоянно: Джугашвили — и только. Департамент полиции предписывает: «Водворить Джугашвили в один из отдаленных пунктов»... Начальник Енисейского жандармского управления приказывает «принять меры к воспрепятствованию побега Джугашвили». Я. Свердлов в перехваченном письме от 11 марта 1914 года пишет об Иосифе Джугашвили — и не только по соображениям цензуры, но потому, что Сталина тогда Сталиным никто не называл. Никто, кроме автора сфабрикованного документа, о котором идет речь.

Александр Михайловский

О ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКУМЕНТА О СТАЛИНЕ¹

Многоуважаемый Марк Ефимович!²

Не откажите в любезности поместить мое письмо с рядом критических замечаний по поводу статьи от 26 апреля сего года «Подлинный документ или фальшивка?».

Автор этой статьи считает напечатанный в НРС документ о Сталине фальшивым.

Рассмотрим каждый из его аргументов в отдельности.

1. Фраза «Сталин по возвращении в Петербург стал в явную оппозицию правительству», по словам автора, написана не стилем Департамента полиции: большевики были партией революции. Об оппозиции к правительству можно было говорить в применении к кадетам...

Очевидно, автор забыл, что удельный вес большевиков в дореволюционной России был очень незначительный. Если даже стать на точку зрения автора, что оппозиционерами могли быть только кадеты, то Сталин, как «свой» человек в Департаменте полиции, тоже мог быть в явной оппозиции к правительству.

2. Автору кажется странным, что в документе, датированном 1913 годом, упоминается Петербург без прибавления

¹ Новое русское слово. 1956. 6 мая. С. 7. — *Примеч. Ю. Ф.*

² М. Е. Вейнбаум — главный редактор газеты «Новое русское слово». — *Примеч. Ю. Ф.*

«Санкт» или буквы «С». Смею верить автора, что в мало-важных корреспонденциях некоторые лица не соблюдали эту формальность.

3. Автор статьи смущен, что документ подписан одним лицом — Ереминым, на бланке «Заведующий Особым отделом Департамента полиции». Автор имел возможность видеть свыше 20 фотокопий документов, где бланк имеет другой вид: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции по Особому отделу»...

Г-н Еремин, как руководитель отдела, имел свою канцелярию, печать и бланк. По такому маловажному делу, изложенному в документе от 12 июля 1913 года, он мог подписываться один на бланке своего отдела. Что касается циркулярных распоряжений, исходящих из Министерства внутренних дел, касающихся, например, системы Особого отдела, то такие документы составлялись в главной канцелярии Министерства внутренних дел и подписывались двумя-тремя лицами. Там бланк действительно имел такой вид: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции по Особому отделу». В этом случае г-н Еремин подписывал документы, утвержденные министром внутренних дел. В важных делах права заведующих отделов были ограничены.

В письме в редакцию газеты от 25 апреля сего года я указал, что осведомители в Охранке назывались агентами, а не сотрудниками. Об этом свидетельствуют многочисленные советские источники, Советы хорошо знали о том, как назывались осведомители в Охранке. После революции они беспощадно истребляли чинов Охранки как палачей рабочих и крестьян. Своих же осведомителей называли секретными сотрудниками, «сексот».

Автор статьи удивляется, что в документе от 1913 года наряду с Джугашвили приводится имя Сталина, — в те годы почти неизвестное ни в литературе, ни даже в партии большевиков. Труды советских и иностранных биографов опровергают такое толкование. Дореволюционный обыватель мог не знать о Сталине, но Охранка об этом имени хорошо знала.

6. Автор статьи предупреждает, что на Дальнем Востоке процветала фабрикация фальшивок. Но он забыл упомянуть, что на Дальнем Востоке добрая половина фальшивок распространялась советскими агентами для дезинформации общественного мнения.

7. Автор статьи ссылается на мемуары бывшего начальника Петербургского Охранного отделения генерала Герасимова, в которых ни словом не упоминается о службе Сталина в Охранке. Надо быть слабоумным, чтобы при жизни Сталина публиковать подобные разоблачения. Лев Троцкий был, очевидно,

иного мнения и поплатился жизнью, когда советская разведка узнала, что он работает над книгой о Сталине.

8. В заключение автор статьи восклицает: «Что могло Виссарионова из Департамента полиции, руководившего деятельностью Малиновского, скрыть на допросе... в 1917 г. ...что он «вел» того же Сталина в качестве секретного сотрудника?»

Ответ: Г-н Виссарионов в 1917 году был на положении арестованного. Он не мог разоблачать своих тюремщиков.

В журнале «Лайф» помещена пространная статья о службе Сталина в Охранке. Статья основывается на разных источниках, трактующих о причинах бессмысленной жестокости покойного диктатора. Документ о Сталине проверен в течение долгого времени выдающимися экспертами свободного мира. Этот документ заслуживает большого внимания и представляет исключительную историческую ценность.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении!

Н. Нароков

ДОКУМЕНТ О СТАЛИНЕ¹

Глубокоуважаемый Марк Ефимович!

Документ о Сталине-провокаторе, опубликованный г. Дон Левиным, естественно, привлек к себе особое и притом обостренное внимание. Естественно также и общее стремление внести свою лепту в дело исследования этого документа. Поэтому особый интерес представляют собою те объективные и осторожные соображения, которые были высказаны Вами и г. Аронсоном на страницах НРС.

Хочу внести и свою лепту касательно одного из соображений г. Аронсона. Г. Аронсона смущает то обстоятельство, что исследуемый документ написан не на бланке учреждения («Особый отдел Департамента полиции») и подписан всего одним лицом, а не несколькими, как это требовалось правилами и формами тогдашнего делопроизводства.

По этим формам, существовавшим в гражданском ведомстве, всякая переписка действительно велась не между лицами, а между учреждениями: «Киевская Казенная палата просит киевское Губернское правление сообщить» и т. д. Поэтому: 1) каждая бумага была написана на бланке учреждения; 2) подписывалась (минимум) двумя лицами, представлявшими учреждение с обязательным указанием служебного положения этих лиц и 3) адресовалась учреждению же. Никаких «цере-

¹ Новое русское слово. 1956. 6 мая. С. 7. — Примеч. Ю. Ф.

монных концовок» («с совершенным уважением» и пр.) не требовалось.

Исследуемый же документ ни одному из этих требований не отвечает. Однако неправилен вывод, будто бы он представляет собою неудачную фальшивку, сочиненную лицом, незнакомым с формами дореволюционного делопроизводства. Дело в том, что этот документ не является ни «предписанием», ни «отношением», ни «циркуляром», ни даже «справкой». Он — особый вид служебной бумаги, который назывался — «официальное письмо». А таковое 1) шло не от учреждения, а от лица, 2) писалось не на учрежденческом, а на личном бланке, 3) подписывалось только одним лицом без указания его служебного положения и 4) заканчивалось «церемонной концовкой». Как мы видим, исследуемый документ полностью отвечает форме «официального письма», вплоть до личного обращения в начале («Милостивый Государь Алексей Федорович») и до «реверанса» в конце («Примите уверения в совершенном к Вам почтении»).

Поэтому по своей форме (не говоря о других признаках и соображениях) документ никаких сомнений не вызывает.

С искренним к Вам уважением

Н. Нароков

Р. С. Позволю себе напомнить, что в романе Гончарова Судьбинский, рассказывая Обломову о канцелярских новостях, говорит: «В письмах отменили писать — «Покорнейший слуга», и пишут — «Примите уверение». Говоря об отмене старой формы подписи, Судьбинский, конечно, говорил не о частных письмах (которые всяк волен подписывать, как он хочет), а говорил именно об особом рода служебной переписке. Как мы видим, концовка, указанная Судьбинским, сохранилась до предреволюционных лет.

П. Елецкий

СТАЛИН В ОХРАННОМ ОТДЕЛЕНИИ¹

Многоуважаемый Марк Ефимович!

Прочтя в «Новом русском слове» Вашу статью и Г. Арносона по поводу службы Сталина в Охранном отделении, позволю себе возразить на два утверждения: первое — относительно печати на документе, второе — относительно подписи на нем.

Каждый, кто знаком с письмоводством в военном ведомстве, сразу признает, что документ, напечатанный в журнале

¹ Новое русское слово. 1956. 6 мая. С. 7. — Примеч. Ю. Ф.

Лайф, написан по форме личного письма из Положения о письмоводстве в военном ведомстве.

Этим письмоводством пользовался также Корпус жандармов и, надо думать, Департамент полиции, когда сносился с Охранными отделениями, начальники коих были жандармские офицеры.

Так вот, согласно этому письмоводству, на предписаниях, отношениях, отзывах, а тем более на письмах никаких печатей не полагалось. Это только большевики ввели затем моду требовать печать на любой бумажке.

Также не полагалось на личных письмах второй подписи, т. е. скрепы, о которой так пространно говорит г. Аронсон.

А потому следует признать, что письмо это написано строго по форме и, в этом отношении, сомнений вызывать не может.

С совершенным уважением

А. Байкалов

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?¹

(письмо из Лондона)

Опубликованное И. Дон Левиным в американском журнале «Лайф» письмо Департамента полиции начальнику Енисейского Охранного отделения от 12 июля 1913 г. (см. статью А. Жерби в «Русской мысли», № 890 от 24 апреля), свидетельствующее о том, что Сталин в 1906—1912 гг. был агентом Охраны, вызывает у меня серьезные сомнения в его аутентичности.

Основания для этих сомнений таковы.

С конца 1910 г., после возвращения из административной ссылки в Туруханский край, и по март 1918 г. я безвыездно проживал в Красноярске, губернском городе Енисейской губернии. Ввиду моей «политической неблагонадежности» жандармерия весьма мною «интересовалась», и, естественно, сам

¹ Русская мысль. 1956. 8 мая. Байкалов, Анатолий Васильевич, из казаков станицы Таштык, Енисейской губ. Родился в 1882 г. Арестован в 1903 г. в Казани, как студент университета. В революции 1905 г. был в Красноярске членом комитета меньшевиков. В 1917 г. после раскола местной объединенной с.-д. организации стоял во главе меньшевиков. Был членом Исполнительного Комитета Красноярского Совета рабочих депутатов. После октября, очутившись в эмиграции и живя в Лондоне, примкнул к правой меньшевистской группировке, возглавляемой Ст. Ивановичем. Сотрудничал в журнале «Заря» в Берлине. За свою деятельность в эмиграции был объявлен «Социалистическим Вестником» «стоящим вне партии». — *Примеч. Ю. Ф.*

того не желая, я знал служивших в Красноярске жандармских офицеров.

Прежде всего в Красноярске никакого «Охранного отделения» в 1910—1917 гг. и не было. Существовало, как и в других губернских городах Российской Империи, только Енисейское губернское жандармское управление. Штат его состоял из двух офицеров: начальника и его помощника, и двух-трех десятков унтер-офицеров. В г. Енисейске, небольшом уездном городе (8000 жителей), никаких жандармских учреждений вообще не было. Если там возникало какое-либо «дело», то для разбора его из Красноярска приезжал начальник жандармского управления или его помощник.

Я не могу сказать, был ли в Енисейском губернском жандармском управлении офицер, носивший фамилию А. Ф. Железнякова. Если бы был, я, вероятно, помнил бы эту фамилию. Когда в 1911 и 1915 гг. меня подвергали кратковременным арестам, допрашивал меня помощник начальника управления ротмистр Оболенский. Начальником управления в 1913—1917 гг. был полковник Белов (Беляев).

Сталин отбывал ссылку в деревне Мирное Туруханского края. В этой маленькой деревушке, в 1500 верстах от Красноярска, никакой революции делать было нельзя, и потому у жандармов не могло быть никаких оснований «подсаживать» туда своих секретных агентов. Я думаю поэтому, что Департаменту полиции незачем было бы осведомлять жандармские власти Енисейской губернии о приезде в Туруханский край Сталина: они никак не могли бы использовать его услуги для розыскной работы.

Сталин приехал из Туруханского края в Красноярск в августе 1916 года, будучи вызван для медицинского освидетельствования на предмет призыва в армию. Так как левая рука у Сталина в локте не сгибалась, его признали негодным к службе, и губернатор Гололобов разрешил ему оканчивать срок ссылки в г. Ачинске. Я знаю совершенно точно, что никакой революционной работой Сталин в Ачинске не занимался. Впрочем, такой работой не занимался никто даже в Красноярске, где жило тогда свыше сотни политических ссыльных.

Как я уже писал выше, в г. Енисейске никакой Охранки никогда не было. Что касается жандармского управления в г. Красноярске, то, по постановлению образовавшегося там 28 февраля 1917 г. Комитета общественной безопасности, я в ночь на 2 марта занял нарядом войск помещение жандармского управления. Офицеры были арестованы, унтер-офицеры отпущены по домам, а самое помещение с его архивами поставлено под военную охрану.

Мне и присяжному поверенному В. Я. Гуревичу было поручено допросить жандармских офицеров с целью получения

от них фамилий и адресов их секретных сотрудников. Оба офицера — и начальник управления, и его помощник — дали самые подробные и откровенные показания о своих агентах. На основании этих показаний сразу же было арестовано десятка два агентов, которых позже, в августе 1917 года, судили в согласии с изданным Временным правительством распоряжением.

Все находившиеся в архиве жандармского управления бумаги были внимательно рассмотрены следственной комиссией, назначенной губернским комиссаром д-ром В. М. Крутовским. В составе этой комиссии были адвокаты и общественные деятели, представителя большевиков не было. Никто из офицеров царской полиции доступа к архивам жандармского управления не имел.

В разбиравшихся делах агентов Охранки я выступал в качестве общественного обвинителя и благодаря этому имел доступ ко всем собранным следственной комиссией материалам. Если бы в архивах жандармского управления нашелся бы какой-либо документ относительно работы Сталина в Охранке, этот документ, несомненно, был бы сообщен мне следственной комиссией, члены которой не имели, конечно, никаких оснований его скрывать.

Помимо указанных выше обстоятельств, самый текст документа, опубликованный в статье А. Жерби, внушает большие сомнения. Департамент полиции был хорошо осведомлен о том, что в 1912 г. Сталин был избран членом Центрального комитета большевистской фракции РСДРП. Это обстоятельство в официальной бумаге было бы подчеркнуто, ибо оно было весьма важно для наилучшего использования Сталина в целях розыска. Кроме того, жандармские офицеры имели военные чины, и департамент полиции не стал бы именовать подчиненного ему офицера «милостивым государем», а употребил бы присвоенное чину обращение, например, «Ваше Высокоблагородие».

Впрочем, этот ляпсус может быть объяснен тем, что А. Жерби пришлось пересмотреть документ с опубликованного И. Дон Левиным английского перевода. При двойном переводе такого рода искажение текста вполне возможно.

Я на основании изложенного думаю, что хранящийся в библиотеке Толстовского фонда документ подложен, но, разумеется, я не могу высказать окончательного мнения об этом, не ознакомившись с подлинником документа.

Впрочем, «дыма без огня» не бывает. Если Сталин не был постоянным и платным агентом Охранки, он, несомненно, был время от времени осведомителем этого учреждения. Об этом в социал-демократических кругах в 1908—1912 гг. ходили упорные слухи, которым, однако, мало кто верил.

В своей выпущенной в 1940 г. на английском языке книге «Я знал Сталина» я цитировал два инцидента из подпольной жизни Сталина, давших основание считать его полицейским осведомителем. Сталин выдал полиции двух своих товарищей по большевистской работе на Кавказе К. Цинцадзе и С. Шаумяна.

Шаумян был настолько твердо убежден в предательстве Сталина, что в 1908 г. возбудил против него формальное обвинение в центральных учреждениях большевистской фракции. Но Ленин замял это обвинение, вероятно, потому, что как раз в это время он получал от Сталина награбленные им, Сталиным, деньги для своей работы.

Подробно об этих инцидентах и других «художествах» Сталина писал покойный ныне известный грузинский социал-демократ Ной Жордания в своих воспоминаниях, напечатанных летом 1935 г. в парижской газете «Последние новости».

Мне думается, однако, что, донося в полицию на своих товарищей, Сталин руководствовался не какими-либо политическими или материальными побуждениями, а исключительно чувством мести. Шаумян и Цинцадзе, оба честные и порядочные люди, не могли сочувствовать тем «приемчикам», которые Сталин употреблял в борьбе с меньшевиками (грязная клевета, обвинения в растрате партийных денег, распускание слухов о службе меньшевистских лидеров в Охранке и т. п.), часто с ним жестоко ссорились и угрожали ему партийным судом.

Сталину нужно было как-то избавиться от таких опасных ему и авторитетных в партийных кругах соперников. Своей Охранки у него тогда еще не было, и он, по своей натуре гнуснейший негодяй, пользовался для этой цели царской Охранкой, сводя при ее помощи личные счеты с прогнавшими его людьми и устраняя их со своего пути.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЛАЙФ»¹

Господа!

Вы сделали большое дело, опубликовав статью Орлова и связанный с прошлым Сталина документ с комментариями Левина, и они теперь смогут стать предметом дальнейшей проверки.

Все мы, занимавшиеся исследованиями в этой области, встречались с упоминаниями об отношениях Сталина с царской полицией. В работе «Трое, сделавшие революцию» («Three Who made a Revolution») я писал: «Против него вы-

¹ Life. 1956. 14 мая. — Примеч. Ю. Ф.

двинуто так много обвинений..., что представляется важным отметить, что работавшие со Сталиным должны были считать его способным на оговор своих товарищей... Ленин и Троцкий тоже наживали себе злейших врагов. ...Однако во всей полемической литературе против них совершенно отсутствуют обвинения такие как эти».

В 1952 году ко мне обращался за консультацией чиновник, эксперт по России из Госдепартамента, по поводу документа, являющегося, как кажется, тем самым, который Вы теперь опубликовали. Мы пришли к заключению, что обвинение представляется правдоподобным, но труднодоказуемым и что результаты его публикации в тот момент были бы непредсказуемы. Теперь, когда г-н Левин намеревается включить его в книгу, необходимо проверить несколько моментов:

1) Повторяемость псевдонима «Сталин». Первый зарегистрированный случай использования Джугашвили этого имени датируется 12 января 1913 г.

2) По поводу ареста и освобождения Сталина в 1906 году ссылка делается на авторитет Троцкого. Однако Троцкий был убит прежде, чем смог завершить свою книгу, и хронологическое приложение к ней было завершено Чарльзом Маламутом.

3) Если налет имел место 15 апреля по русскому календарю, как это указывается в газетной публикации г-на Левина, то Сталин не мог быть замешанным в нем, поскольку находился в Стокгольме. Если документ Левина и нуждается в дальнейшей проверке, то статья Орлова вполне убедительна. Я познакомился с г-ном Орловым с конце 1953 года. В одной из наших ранних бесед он сообщил мне об одном агенте по имени «Марк» (фамилию ему выяснить не удалось), который был близок к сыну Троцкого Седову. Несколькими годами позже те, кто воспользовался данными им ключами, обнаружили агента Марка Зборовского, чьи показания перед лицом сенатской комиссии подтвердили во всех деталях предыдущее изложение г-на Орлова. С 1953 года мне известно, что Орлов хранил еще одну неопубликованную тайну, из-за которой он опасался за свою жизнь. В тех сведениях, что он позволил себе сообщить мне в тот момент, было несколько деталей, связывающих эту тайну с ликвидацией Тухачевского. Я уверен, что его история выдержит проверку любой степени серьезности. В рамках письма я не могу рассматривать вопрос о том, насколько этой истории достаточно, чтобы объяснить те большие трудности, которые испытывают Хрущев и его помощники в связи с призраком Сталина.

*Берtram Д. Вольф
Бруклин Хайтс, штат Нью-Йорк*

Господа!

Спорные вопросы моей статьи в «Лайфе», включая проблему дат, подробно рассматриваются в моей книге «Величайший секрет Сталина», выходящей из печати 25 мая. Здесь же уместно краткое разъяснение основных вопросов: 1) в момент написания письма псевдоним «Сталин» был хорошо известен Охранному отделению. Существуют записки с подписью «Сталин», датированные двумя годами ранее рассматриваемого письма. Кроме того, в течение пятнадцати месяцев до письма так подписывались статьи в «Правде». 2) В своей работе я обращался ко многим документам Охранного отделения и знаю, что там нет какого-либо установленного стиля обращения к заключенным. Иногда используется собственное имя, иногда псевдоним, а иногда и то, и другое. 3) Связанное с Охранным отделением письмо было частью неофициальной переписки между двумя должностными лицами, а потому неофициальное упоминание «Петербурга» вполне соответствует данной ситуации. 4) Хотя я не видел документа до 1947 года, мой сотрудник г-н Макаров видел его фотостат уже в 1934 году и уже в то время начал переговоры. До 1930 года на международной арене едва ли возникал какой-либо интерес к Сталину.

*Исаак Дон Левин
Уолдорф, штат Мериленд*

ХРОНИКА ФАЛЬШИВОК¹

от Капицы, отца русской атомной бомбы, до Сталина,
агента Охранки

И наконец нельзя обойти молчанием шумную публикацию в нью-йоркском журнале «Лайф» (номер от 23 апреля) фальшивого документа, пытающегося доказать, что Сталин при царизме был агентом Охранки. Этот псевдодокумент был представлен четыре года назад Б. Суварину, который тотчас и категорически объявил его фальшивкой. Сталин, разумеется, был способен на еще более недостойные и самые злодейские преступления. Но фальшивка, которая в конечном счете слугит коммунистической пропаганде, не аргумент в споре.

¹ Опул. в журнале «Est & Quest» (Париж), выходящем раз в два месяца под ред. Б. К. Суварина, 1—15 мая 1956, № 151, с. 17. Пер. с фр. — *Примеч. Ю. Ф.*

«Лайф» не ограничился этим и в том же номере приводит так называемые разоблачения бывшего чекиста Александра Орлова, который в свою очередь повторяет лживые утверждения Сталина о заговоре Тухачевского, причем мотивирует он это на сей раз тем, что была разоблачена тайна Сталина — его служба в Охранке.

Подобного заговора не существовало, и достойные ГПУ рассказы А. Орлова — это всего лишь набор нелепостей. Мы в свое время сообщали (см. наш № 90) о первых рассказах Орлова относительно московских процессов с отвратительными карикатурами, опубликованных в четырех номерах того же «Лайфа». Орлов тогда стремился оправдаться, утверждая, что «Лайф» фальсифицировал и искажил его документы, чтобы придать им большую сенсационность. Сейчас уже очевидно, чего стоили эти оправдания и чего стоят все эти дешевые разоблачения.

А. Жерби

СНОВА ВОПРОС: БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?¹

(письмо из Нью-Йорка)

Спор вокруг находящегося в руках Александры Львовны Толстой документа якобы Енисейского Охранного отдела, удостоверяющего, опять-таки якобы, непреложный факт, что душегубец Сталин в 1912 или 1913 году служил не «за страх, а за совесть» Департаменту полиции царского режима, разгорелся повсюду, но только в русской колонии, а не в американской прессе, что было бы, вне сомнения, более нормальным явлением, ибо как-никак, но Сталин был фигурой, хоть гнуснейшей, но все же мирового калибра.

Сразу редакторы крупнейших американских газет, как, например, «Нью-Йорк таймс» или «Геральд трибюн», вежливо отмахнулись от этого вопроса, поместив только ничего не значащие заметки на следующий день после многолюдной конференции печати, созванной гр. Ал. Л. Толстой, которой И. Дон Левин торжественно вручил на хранение «драгоценный» документ, находившийся в его руках в течение более трех лет. Замолчал и крупнейший журнал «Лайф», напечатавший первый сенсационную новость в виде двух статей: Дон Левина и бывшего генерала ЧК Александра Орлова (настоящая фамилия которого Лев Николаевич Никольский), ставшего не-

¹ Русская мысль. 1956. 19 мая. С. 3. — Примеч. Ю. Ф.

возвращенцем в 1938 г. и выпустившего в 1953 г. нашу мемуарную книгу «Преступления Сталина».

В этой книге, между прочим, Орлов, бывший важной шишкой в ЧК, прозрачно намекал на «одну из самых страшных тайн Сталина, которая, когда она раскроется, прольет свет на многое, что в поведении Сталина казалось непостижимым». Напечатаны эти слова на 240-й стр. вышеупомянутой книги. И они больше всего могли служить подтверждением того, что документ И. Дон Левина не фальшивка. Редактор «Нового русского слова» М. Е. Вейнбаум в свое время спрашивал у Орлова разъяснения этих загадочных слов, но не получил его (см. его статью в «Новом русском слове» от 21 марта).

В его разговоре с тем же Орловым накануне появления в «Лайф» разоблачений Дон Левина и Орлова М. Е. Вейнбаум (см. его статью в «Новом русском слове» от 21 апреля с. г.) снова получил от него уверенность, что фотокопии пресловутого документа попали в руки генерала Жукова и что в своем секретном докладе делегатам XX съезда Хрущев упомянул о провокаторстве бывшего обожествленного диктатора. Короче говоря, указания такого матерого чекиста, как Орлов, вселяли уверенность в подлинности документа. Затем появилась в «Новом русском слове» пространная статья серьезного журналиста Г. Я. Аронсона, подвергнувшего документ самому внимательному обсуждению и пришедшего к решению, что он являлся самой несомненной фальсификацией. После этого посыпались письма разных лиц, некоторые из которых побывали в ссылке в Сибири. Одни были за, другие против аутентичности документа. Было и письмо серьезного писателя Нарокова, высказавшегося в положительном смысле. Наконец, в номере «Русской мысли» от 8 мая появилось письмо А. Байкалова, хорошо известного в революционных кругах, в котором уважаемый автор категорически отвергал достоверность документа.

До сих пор иностранная печать молчала. Да и теперь продолжает молчать. Но в последнем номере того же журнала «Лайф», вышедшего 14 мая, появилось письмо известного не только в русских, но и в американских кругах писателя Давида Далина, имеющего больше, чем кто-либо другой, возможность ориентироваться в вопросе о подлинности того или иного документа.

Д. Ю. Далин выпустил за эти двенадцать лет целых десять книг о Советской России на английском языке. Назову только несколько, самые капитальные: «Трое гигантов — Соединенные Штаты, Великобритания и Россия»; «Настоящая Россия»; «Советская Россия и ее иностранная политика»; «Советский шпионаж»; «Рабский труд в Советской России (в сотрудничестве с Б. И. Николаевским) и др. Мне кажется, что после появления в печати письма из Лондона А. Байкалова читате-

лям «Русской мысли» будет интересно познакомиться с мнением по данному вопросу такого специалиста, как Д. Ю. Далин, письмо которого может положить конец всем пересудам по поводу документа, находящегося на хранении у А. Л. Толстой.

Вот его письмо — полный текст.

Тщательное изучение, в свете известных мне документов и фактов, утверждений гг. Орлова и Левина, что Сталин был царским полицейским агентом, вызывает во мне сомнения в их достоверности. Согласно утверждению г-на Орлова, Сталин был активным шпионом в 1912—1913 гг. и делал свои доклады Виссарионову, вице-директору Департамента полиции. После революции 1917 года Сергея Виссарионова допрашивала специальная следственная комиссия. Виссарионов оказал большое содействие следствию, назвав имена тайных агентов и сообщив ряд других подробностей деятельности Департамента полиции. На вопрос, работали ли под его руководством лидеры революционных партий, он ответил, что из них был только один, Роман Малиновский. Он не упомянул Сталина, хотя у него не было никакого основания скрывать какую-либо связь Сталина с Охранным отделением. Шеф Виссарионова, Степан Белецкий, директор Департамента полиции, также подробно входил на допросах в обсуждение деятельности Департамента полиции, но и он не упомянул имени Сталина.

В 1917 году, когда газеты печатали отчеты о разоблачениях, сделанных прежними чиновниками департамента, будь Сталин замешан в чем-нибудь, он, наверно, скрылся бы, но он спокойно жил в Петрограде и работал как член ЦК большевиков. После 1917 года архивы царской полиции сделались предметом изучения целого ряда лиц. Если бы Сталин когда-либо был агентом царской полиции, то его деятельность и жизнь в этот период должна была бы вызвать недоумение. Г-н Орлов говорит, что царская полиция никогда не держала Сталина в тюрьме долгое время, и утверждает, что этот факт поддерживает теорию, что Сталин был агентом Охранки. На самом же деле Сталин провел долгие периоды в тюрьме и ссылке: всего почти четыре года в период от 1902 до 1913 г.

Я не сомневаюсь, — продолжает Д. Далин, — в точности того, что Орлов передает о разговоре со своим кузеном Зиновием Кацнельсоном. Но все это было, так сказать, понаслышке, ибо Орлов сам не видел досье (с фотографией Сталина), о котором кузен ему говорил. Может быть, Зиновий, сам знавший или даже, может быть, замешанный в заговоре маршала Тухачевского, имевшего целью «ликвидировать» Сталина (если

такой заговор существовал), рассказывал своему кузену в Париже о всей этой истории для того, чтобы, в случае удачи заговора, он мог разоблачить эту историю в Париже. В эру сталинизма это было хорошей стратегией.

Я не сомневаюсь, продолжает Д. Далин, в том, что г-н Левин обладает большим опытом, что касается российских дел, но тщательный анализ предъявленного им документа Департамента полиции приводит меня к заключению, что его нельзя признать подлинным, но что он сфабрикован, вероятно, после войны, где-нибудь на Дальнем Востоке. Письмо, якобы написанное чиновником Департамента полиции, говорит о «Джугашвили-Сталине» или просто «Сталине». Это поражает наблюдателя, ибо русский Департамент полиции всегда ставил в документы только легальные фамилии, но никогда не упоминал псевдонимы, хотя в крайнем случае он мог писать «Джугашвили (он же по прозвищу Сталин)».

Далее. В письме о С-т Петербурге говорится как о «Петербурге». Такое название в официальном документе считалось крайне не соответствующим существующим правилам. Разрешалось только сокращение СПб. Далее. Где же этот документ находился от 1913 до 1947 г.? Если он подлинный, то его должны были контрабандой вывезти из России в период между 1918 и 1921 гг., ибо после 1921 года все архивы Сибирских Охранок находились в руках большевиков. А японцы и немцы охотно заплатили бы огромные деньги за такой документ. Но они о нем ничего не знали...

Я не сомневаюсь, заканчивает Д. Далин свое письмо, что Сталин был способен совершить самое подлое политическое или уголовное преступление, но факты не подтверждают специфические обвинения как г-на Орлова, так и г-на Левина.

* * *

Приведенное письмо подтверждает выводы, сделанные А. Байкаловым в его статье в «Русской мысли» от 8 мая.

В том же номере «Лайфа» помещено небольшое письмо И. Дон Левина в ответ на письмо Д. Далина. В нем он довольно неудачно оспаривает некоторые утверждения Д. Далина и сообщает, что даст самые подробные разъяснения и доказательства достоверности документа в своей книге «Величайший секрет Сталина», которая выйдет на английском языке 25 мая с. г.

Поживем, увидим, почитаем и напишем.

ФАЛЬШИВКА О СТАЛИНЕ¹

Мне пришлось дважды высказываться на страницах «Нового русского слова» по поводу опубликованного в «Лайфе» документа о службе Сталина в царской Охранке, и оба раза, анализируя документ, я пришел к выводу, что он — фальшивка.

Невзирая на большое количество писем в редакцию, появившихся в «Новом русском слове» по этому поводу, авторы которых приводили свои соображения одни — в доказательство действительности документа, другие — в подтверждение того, что он представляет собою фальшивку, я не предполагал вновь принять участие в дискуссии.

Однако в последние дни мое внимание привлекло обстоятельство, до сих пор незамеченное, по-видимому, ни И. Дон Левиным, ни высказывавшимися в печати (в том же журнале «Лайф») экспертами по истории большевизма, Бертрамом Вольфом и Д. Ю. Далиным — обоими, кстати, признавшими фальшивкой документ об Охранной службе Сталина, — ни тем более авторами писем в «Новое русское слово», — обстоятельство, которое мне представляется решающим. Поэтому я вновь возвращаюсь к вопросу, уже весьма надоевшему публике.

Документ, опубликованный И. Дон Левиным, написан на бланке Заведывающего Особым отделом Департамента полиции, подписан заведывающим Ереминым и датирован 12 июля 1913 г. Между тем из совершенно бесспорных, не вызывающих сомнений данных явствует, что в это время, т. е. 12 июля 1913 года, Еремин уже не был заведывающим Особым отделом Департамента полиции, так как за месяц до того, а именно 11 июня 1913 года, получил назначение начальником Финляндского жандармского управления. Отсюда со всей очевидностью вытекает, что фабрика фальшивых документов, не зная об уходе Еремина с поста заведывающего Особым отделом Департамента полиции за месяц до 12 июля 1913 года, в данном случае попала с поличным. Как, впрочем, это часто бывает при подделках: не доглядели мелочь — и на этой мелочи провалились.

Сведения о карьере Александра Михайловича Еремина, генерал-майора отдельного Корпуса жандармов, служившего в ведомстве Департамента полиции с 1903 года, можно найти в указателе имен, приложенном к тому 7 работ Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве («Паде-

¹ Новое русское слово. 1956. 20 мая. С. 5. — *Примеч. Ю. Ф.*

ние царского режима», Москва, 1927). По этим данным Еремин в 1908 году состоял начальником Тифлисского губернского жандармского управления, а 21 января 1910 года был прикомандирован к СПб-му губернскому жандармскому управлению в распоряжение командира корпуса и с откомандированием заведывающим Особым отделом Департамента полиции, а 11 июня 1913 года был назначен в Финляндское жандармское управление.

М. Подольский

БЫЛ ЛИ СТАЛИН ОХРАННИКОМ?¹

Многоуважаемый Марк Ефимович!

В связи с опубликованием Вами в номере «Нового русского слова» от 19 апреля сего года документа о сотрудничестве Сталина с Охранным отделением и комментариями к нему в номерах от 19, 20 и 21 апреля, хотел бы поделиться своими соображениями относительно подлинности или подложности указанного документа.

Вполне согласен с Вами, что документ в смысле своей подлинности весьма сомнителен и что бороться с большевиками при помощи «состряпанных» документов значило бы попросту лить воду на их мельницу. На всех нас поэтому лежит сугубая обязанность установить, имеем ли мы в данном случае дело с оригиналом или с фальшивкой.

Оставленный в 1914 году при юридическом факультете Петроградского университета для подготовки к профессорскому званию, я одновременно с июля 1915 и до июля 1917 г. работал в Главном управлении по делам печати в качестве юрисконсульта 1-го его отделения. Это управление входило в состав министерства внутренних дел, начальником же его в мое время был профессор гражданского права Киевского, а затем Петроградского университета В. А. Удинцев, расстрелянный большевиками в 1918 году в Пятигорске. Через мои руки прошло много секретных и вообще «щекотливых» бумаг, так что могу считать себя до некоторой степени знакомым с нашей административной практикой.

Делопроизводство в наших министерствах и в учреждениях, им подчиненных, проходило по правилам, указанным в законе, — статья 31—151 «Учреждения министерств», Свод законов, том 1, часть 2-я, и по приложенным к ст. 151 формам. Директора канцелярий и правители дел весьма ревностно следили, чтобы служебная переписка велась строго по уста-

¹ Новое русское слово. 1956. 23 мая. С. 4. — Примеч. Ю. Ф.

новленным в законе правилам и формам. Никакого «вольнодумства» в этом отношении не допускалось, и я лично, начиная службу в Главном управлении по делам печати, претерпел много мук в этом отношении: правитель дел возвращал мне по десяти раз написанные мною бумаги из-за несоответствия их установленным правилам и формам.

В нашем случае важны формы 1 и 6-я (приложения к ст. 151 «Учреждения министерств»).

1. В первой из них устанавливаются формы сношений министров между собою и с лицами, им равными.

1) В верхнем левом углу бланка для сношений должно стоять полностью, без каких-либо сокращений (которые не допускались), название учреждения, от которого исходит бумага, например:

Министерство внутренних дел Департамент общих дел Стол № ... 19... г. щ

2. Вверху, перед текстом бумаги, должно стоять, кому бумага посылается, например:

Господину министру земледелия (имя, отчество, фамилия и чин не допускались).

3. Затем следует содержание бумаги с соответственными подписями, например:

Министр внутренних дел Штюрмер
и скрепа:

Директор Департамента общих дел — Иванов.

4. С левой стороны, ниже заголовка (название учреждения) нужно было указать краткое содержание бумаги, например:

Агентурные сведения о И. Джугашвили-Сталине.

5. На секретных бумагах ставилось вверху, с правой стороны, — «секретно», в особо важных случаях еще и «в собственные руки» (а не «лично»), что повторялось и на конверте, который запечатывался пятью сургучными печатями с оттиском названия данного учреждения.

2. Форма 6-я служила для сношений департаментов с местами и лицами, министерству подчиненными.

Здесь все то же, что и раньше, только в адресе не употребляется «господин», например:

Начальнику Енисейского Охранного отделения или просто: Енисейскому Охранному отделению.

Применяя вышеизложенное к нашему документу, можем установить следующее:

1. Совершенно невероятно сокращение в заголовке, т. е. МВД вместо Министерство внутренних дел. Такие сокращения до революции 1917 года совершенно не употреблялись, а введены в практику большевиками.

2. После «Министерство внутренних дел» на документе должно было стоять «Департамент полиции» и затем уже «Особый

отдел» (в крайнем случае: «Заведующий Особым отделом»). На документе же стоит необычное: «Заведующий Особым отделом Департамента полиции».

3. Вместо адреса «Начальнику Енисейского Охранного отделения» (вверху справа) на документе стоит совершенно недопустимое личное обращение «Милостивый Государь Алексей Федорович». Ведь это не частное письмо, а служебное (за номером) сношение начальника с подчиненным! И уже совершенно неприемлемо окончание сношения: «Примите уверение» и пр. Так служебные бумаги не писались и не могли писаться. Кроме того, совершенно не по форме адресование с левой стороны бумаги, где, кроме «Начальнику Енисейского Охранного отделения», стоит еще и «А. Ф. Железнякову». Этого не допущалось и при сношениях министров между собой.

4. На документе в заголовке (названии учреждения) нет названия города. Так это и должно быть: на бумагах центральных учреждений (министерств) в Петрограде никогда не ставился город, в котором находится это учреждение, т. е. в данном случае г. Петроград; название города ставилось только на бланках провинциальных учреждений.

5) На документе нет печати. Так оно и должно было быть, ибо по нашей административной практике на сношениях и отношениях административных мест между собой печать не ставилась (достаточен был печатный заголовок бланка и подписи должностных лиц, которые должны быть известны подчиненным органам). Печать ставилась лишь на удостоверениях, свидетельствах, указах и пр.

Из книги П. П. Заварзина, бывшего начальником многих Охранных отделений («Работа тайной полиции», Париж, 1924) можно почерпнуть следующее:

1. Особый отдел при Департаменте полиции, которому подчинялись все Охранные отделения, существовал, а шеф его звался — «заведывающий».

2. В то время как Жандармские управления были по всей России, Охранные отделения существовали только в некоторых, особо важных, местах и центрах. Нужно поэтому как-нибудь установить, было ли в Енисейске Охранное отделение.

3. Начальниками Жандармских и Охранных отделений были жандармские офицеры, обычно в чине полковника. Охранные отделения не подчинялись Жандармским и сносились с Департаментом полиции непосредственно. Только незадолго до революции, из-за трений между ними, Охранные отделения стали вливаться в Жандармские как их Особый отдел.

4. Секретные агенты Охранных отделений звались «секретными сотрудниками» в отличие от «агентов наружного наблюдения» («филеров») и обычно — во избежание «провала» из-за

фамилии — имели кличку (псевдоним). Нужно думать, что и Сталин, если он действительно работал в Охранке, имел свою кличку. Но сам по себе факт, что в документе эта кличка не упоминается, не может служить достаточным основанием для категорического утверждения, что он не был «секретным сотрудником» Охранки. В обыденном разговоре «секретные сотрудники» тоже именовались «агентами», почему он, по всей вероятности, так и назван в нашем документе. Вообще же говоря, название «секретный сотрудник» — это только, так сказать, «поэтическая форма» для профессии, не пользовавшейся популярностью в широких кругах общества.

К экспертизе документа нужно было бы, по-моему, привлечь лиц, работавших в Департаменте полиции, если таковые найдутся. Я лично знаю одного из таковых — это Николай Федорович Высоковский, бывший полицмейстером где-то на юге России; ныне он вице-председатель (кажется) Высшего монархического совета в Нью-Йорке (председатель — Н. Н. Чухнов, издатель «Знамени России»).

Для выяснения личности Еремина и Железнякова, их чина и положения, нужно было бы найти (и просмотреть) следующие издания:

1. Журнал министерства внутренних дел.
2. Ежегодник того же министерства.
3. Правительственный вестник.

Не знаю, можно ли эти издания найти в библиотеке Конгресса в Вашингтоне или в какой-нибудь другой библиотеке, например, в библиотеке и архиве Восточной Европы Колумбийского университета (где, между прочим, работает наш соотечественник, очень обязательный Лев Флорнатович Магеровский); но в Париже и в Лондоне (в библиотеке Британского музея) они, насколько я помню, имеются. Относительно французских библиотек можно было бы консультировать книгу — «Catalogue des periodiques slaves dans les bibliothèques de Paris», составленную нашим соотечественником, Борисом Генриховичем Унбегауном, ныне профессором Оксфордского университета, — он очень любезный и обязательный человек или, во всяком случае, был таковым.

И, наконец, последнее соображение.

Нужно выяснить, написан ли сталинский «документ» на печатном бланке (т. е. изготовленном типографским способом) или его заголовок (название учреждения: МВД и т. д.) оттиснут каучуковым штемпелем (из фотоконии в газете это не видно). Министерские бланки всегда печатались. Каучуковые штемпели для заголовков стали у нас употребляться только с начала первой мировой войны (1914—1918) и то только на фронте и прифронтовой области. Если на документе заголовок оттиснут каучуковым штемпелем, то на все

100 процентов можно сказать, что документ «состряпан» «друзьями» Сталина.

Все вышесказанное, конечно, только мои соображения, и всегда возможно то, чем Вы, Марк Ефимович, закончили свою статью в номере НРС от 21 апреля (друг Горацио).

Прошу покорнейше извинить меня за чересчур длинное письмо и принять уверение в моем совершенном к Вам почтении.

Буэнос Айрес, Аргентина

Л. О. Дан

ИЗ ПИСЕМ Н. В. ВАЛЕНТИНОВУ-ВОЛЬСКОМУ¹

1

Нью-Йорк, 19 апреля 1956 г.

Дорогой Николай Владиславович, получила сегодня Ваше письмо от 16 апреля, но, наверное, и не получив его, писала бы Вам сегодня — хочу скорее послать Вам сегодняшнюю сенсацию — у нас ведь каждый день новости! Еще вчера было возвещено, что сегодня в «Лайф» появится статья Орлова о Сталине, об его «службе в Охранке» — с 1906 по 1913 год. Вероятно, Вы знаете, что слухи об этом шли давно, их отчасти распространяли грузины, отчасти были и другие, строго засекреченные источники — люди «знали» чуть ли не 20 лет и все боялись... А теперь, когда его развенчивают в России — перестают бояться. Посылаю Вам и вырезку из НРС — кажется, эту статью «делал» Николаевский (она вся по «Лайф» — по Орлову) и статьи из «Лайф» Орлова и И. Д. Левина — им обоим я не верю. У Орлова в статье масса неточностей. Какую-то внешнюю доказательную силу имеет документ, но мне он кажется фальшивкой: есть разные мелкие соображения, не имеющие абсолютной силы — и язык не тот канцелярский, на каком писались такие «отношения», и подпись, мне кажется, ставилась иначе — не просто фамилия, а указание чина или звания, и не говорили охранники — «оппозиция к правительству», и называли они своих людей «сотрудники», а не «агент» и т. д. Но самое главное — я почти уверена, что в Енисейске — ведь это был уездный город — губернским был Красноярск — никакого Охранного отделения и не было, не было и в Красноярске — и тут, и там были жандармские

¹ Архив Гугеровского института, фонд Б. И. Николаевского. — *Примеч. Ю. Ф.*

отделения. Охранка была, мне помнится, только в некоторых крупных городах — вроде Москвы, С. Петербурга, Киева, может, Харькова; мне даже кажется, что Охранка — только принадлежность столиц... Если это так, то фальшивка — налицо... Да и вообще возникает много вопросов. Согласитесь, что эта сенсация отодвигает на далекий план сенсацию о сумасшествии. В свое время — и мне показалась она неубедительной — каюсь! — но самое серьезное для меня было Ваше неудачное заглавие — «Теперь все ясно!» Вовсе не ясно, простой здравый смысл говорил — ну, хорошо, сумасшедший, а кругом все тоже сумасшедшие? Неясно было, как же это случилось, что 20 [лет] люди знали и терпели. Страх ничего не объясняет. Ну, ладно. Я знаю, что Вы не большой мастак в английском, но все же посылаю Вам и «Лайф», так как думаю, что Вы разберетесь. Я вовсе не уверена, что большая пресса подхватит это. Здесь в «Форвертсе», например, было напечатано сообщение (с ссылкой на контрразведку — вещь здесь неслыханная!) и его не перепечатала ни одна американская газета — не знаю, как в Европе, — о том, как и где был отравлен Вышинский. Согласитесь, сообщение стоило 20—30 строк. Сегодня в «Таймс» всего несколько прохладных строк — пишут, нет уверенности в «аутентичности» документа.

Если все это окажется верным — есть от чего прийти в отчаяние. Не только экс-охранник, но и вдобавок сумасшедший в течение 30 лет возглавлял русскую революцию... Ужасно... [...]

2

Нью-Йорк, 3 мая 1956 г.

[...] Для меня — яснее ясного, что это фальшивка и, я надеюсь, это будет доказано, но это не так просто. Вы ошибаетесь (в письме к Екат. Дм. [Кусковой], она мне писала), что Енисейского Охранного отделения не существовало. Я тоже так думала, но это не верно, но все же именно на этой косточке фальшивомонетки и поскользнулись! Оно существовало, но было упразднено до той даты, которая фигурирует на фальшивке. Как видите, кое-что эти плуты знали, но не все. Верно и то, что начальником этого Охр[анного] отд[еления] был Железняков, он же после стал и начальником Жан-дармск[ого] управления. Но каша теперь заварилась отчаянная. Далин дал статейку в «Лайф», в которой доказывается, что «документ» фальшивка. Из «Лайф» ему позвонили, что они должны сократить (он, конечно, спорил, дрался), потому что у них уже есть длинное письмо в редакцию Бертрама Вольфа, тоже утверждающего, что это фальшивка, и, наконец,

коротенький ответ [И.] Д. Левина (слушайте, слушайте!), в котором он приводит уж не знаю какие доводы и в котором он объявляет, что пишет книгу о работе Сталина в Охранке! Могу себе представить, в какую ярость придет [Д.] Шуб, который уже давно носился с идеей, что Сталин — просто охранник. У всех сторонников этой идейки, кроме утверждений разных грузин (вернее, не утверждений, а предположений, допущений и т. п.), большую роль играет то обстоятельство, что будто бы Сталин скрывал (а вместе с ним и все его биографы), что он был арестован в 1906 г. в Баку, именно тогда он начал выдавать, поэтому был немедленно освобожден (будучи взятым в типографии!), а на самом деле по официальным данным типография в Баку была арестована 15 апреля, а в это время Сталин был на Стокгольмском съезде! И так далее, и так далее. Ну, подождем «книги» Д. Левина... [...]

Дж. Кеннан

ПИСЬМО И. ДОН ЛЕВИНУ¹

Институт перспективных исследований
Принстон, штат Нью-Джерси
Школа исторических исследований

22 мая 1956 г.

Г-ну Исааку Дон Левину
Ковард Маккейн, Инк., 210 Медисон-авеню Нью-Йорк 16,
штат Нью-Йорк.

Глубокоуважаемый г-н Левин!

Только что по возвращении в Принстон после нескольких недель отсутствия я получил экземпляр вашей книги «Величайший секрет Сталина», о которой Вы сообщили в своей записке от 15 мая.

Что касается упоминания моего имени в ней, могу сказать следующее. Этот документ был действительно показан мне несколько лет назад, когда я входил в правительство. Я изучил его настолько внимательно, насколько мог в связи с занятостью другими делами — ни от одного из высоких должностных лиц в Госдепартаменте нельзя было ожидать, что он потратит дни и недели на скрупулезное изучение исторического документа. Моя реакция на этот документ состояла в том, что я не обнаружил абсолютно ничего, что бросало бы сомнение на его подлинность, и я признал его заслуживающим самого тщательного изучения. Я не считал, что правительству Соединен-

¹ Архив Гуверовского института, фонд Е. Смита. — Примеч. Ю. Ф.

ных Штатов следовало публиковать его при жизни Сталина (будучи уверенным, что это повредит его достоверности), и предложил, что если его и публиковать, то это должно быть сделано частным образом, на достаточно высоком научном уровне, в сопровождении критического анализа компетентного историка.

Я знаю о некоторых критических выступлениях, отрицавших подлинность этого документа после его публикации в «Лайфе», но они меня не убедили. Утверждают, что аббревиатура «МВД» не была известной в то время и что она, должно быть, была заимствована из советского лексикона. На это я возражаю, что, согласно технической экспертизе, возраст документа равняется как минимум двадцати пяти годам; я полагаю, что аббревиатуры «МВД» на документе не было и что она появилась там в какой-то момент в конце второй мировой войны. Один из аргументов говорит о том, что бумага должна была бы содержать указание на место его происхождения, в данном случае на Петербург. Но в Публичной библиотеке Нью-Йорка имеется папка с циркулярами старого царского министерства внутренних дел, и, насколько я помню (прошло уже несколько лет с тех пор, как я просматривал ее), ни одна из бумаг не содержала указания на место ее происхождения. Наконец, говорят, что документ не мог достичь Енисейска за одиннадцать дней. На это я отвечаю, что при всех беспорядочных условиях 1918 года поездка из Петрограда в Красноярск совершалась за восемь или девять дней.

Еще пара моментов, на которые Вы могли бы обратить внимание:

1. Довольно любопытно сообщение, отправленное Орджоникидзе Ленину после того, как он известил Сталина о его кооптации в Центральный комитет. Текст документа не говорит о том, что до этого статус Сталина был статусом обыкновенного члена партии, находившегося на хорошем счету.

2. Любопытен эпизод, кажется, из работы Берии «Бакинские дни», в котором Сталин восхваляется за ловкость, проявленную при изъятии у полиции списка членов бакинской партийной группы, попавшего ей в руки.

В целом я полагаю, что стою на вашей стороне, и если я не выразил своего мнения, когда этот документ был показан мне впервые, то просто потому, что у меня не было возможности изучить его с тщательностью, которую он заслуживает.

Искренне Ваш
Джордж Ф. Кеннан

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ¹

Многоуважаемый Господин Редактор!

В Вашей уважаемой газете от субботы 19 мая Ваш нью-йоркский корреспондент А. Жерби заканчивает свое письмо по поводу документа о службе Сталина в царской Охранке словами: «почитаем и напишем».

Было бы очень желательно, чтобы Ваш корреспондент, ради фактического репортажа, установил бы элементарные обстоятельства путем прямого интервью с Александрой Львовной Толстой, Вадимом Макаровым и Борисом Сергиевским, не говоря уже о нижеподписавшемся.

Ваш корреспондент пишет, что на многолюдной конференции печати, созванной гр. Толстой, «И. Дон Левин торжественно вручил на хранение драгоценный документ, находившийся в его руках в течение более трех лет».

Это Ваш корреспондент повторяет на страницах Вашей газеты не впервые. В ней нет доли правды. Привожу факты, всем известные:

1. Документ никогда мне не принадлежал и является собственностью Толстовского фонда, которому был подарен гг. Макаровым и Сергиевским, которые его приобрели от профессора Головачева.

2. В 1947—48 годах оригинал документа был предоставлен мне гг. Сергиевским и Макаровым на несколько недель для экспертизы. С тех пор он хранится в сейфе банка, имени которого я даже и теперь не знаю, и где его «Лайф» снимал в руках гр. Толстой, в присутствии гг. Макарова и Сергиевского.

3. Я никогда «торжественно» или обыкновенным способом документа не передавал гр. Толстой, именно на многолюдной пресс-конференции, но одолжил ей фотостат во время ее конференции печати, так как она оригинала не имела при себе.

4. Толстовский фонд, как владелец оригинала, получил от «Лайфа» половину гонорара за мою статью и за право воспроизведения документа (50%).

Все вышеизложенное Ваш корреспондент мог бы установить одним телефонным звонком. Но ввиду того, что он полностью передает Вашим читателям длинное и критическое письмо Д. Далина («без пропусков») насчет моей статьи и не считает нужным передать «небольшое письмо» Дон Левина, его поведение меня не поражает.

Но я здесь не буду касаться достоверности самого документа. Это — вопрос для особой статьи, после появления моей

¹ Русская мысль. 1956. 31 мая. С. 3. — Примеч. Ю. Ф.

книги, ибо тогда серьезные критики будут иметь возможность заняться разбором дела, которое я более тщательно изучил, чем многие из племени так называемых «русских экспертов».

Разрешите добавить, что я буду рад дать Вашему корреспонденту любые данные и ответить на любые вопросы, имеющие отношение к моей статье и книге.

ХРОНИКА ФАЛЬШИВОК¹

В номере от 1 мая мы смогли лишь в нескольких строках предостеречь наших читателей относительно фальшивки, опубликованной в журнале «Лайф» от 23 апреля. Можно было задаться вопросом, проникнет ли эта фальшивка, опровергаемая всеми специалистами, на страницы «Лайфа», распространяемого в Европе. Тем не менее номер от 14 мая содержит фальшивку в сопровождении комментариев Дона Левина и статью Александра Орлова, который задним числом разоблачает «заговор» Тухачевского против Сталина по причине «великой тайны» — сотрудничества Сталина с Охранкой (тайной полицией) царского режима.

С другой стороны, если европейское общество отнеслось к этим «разоблачениям» с полным равнодушием (что показывает, каким скептическим стало общественное мнение из-за великого множества разоблачений, столь же сенсационных, сколь и фальшивых), то в среде русской эмиграции они вызвали горячую дискуссию. И рискуют ввести в заблуждение историков, движимых самыми лучшими намерениями, не говоря уже о Э. Х. Карре и И. Дейтчере, которые еще не отказались публично от своих легковых отзывов на фальшивки Г. Беседовского.

История этого «документа» состоит в следующем, пишет нам господин Ришар Врага, чьи выдающиеся статьи по поводу других фальшивок мы уже упоминали либо цитировали:

«Впервые он появился на информационном рынке в 1936—37 гг. Находился он тогда в руках целого ряда русских эмигрантов, связанных с двумя организациями — «Братство русской правды» (в государствах Прибалтики) и «Союз русских фашистов» (на Дальнем Востоке). Были основания полагать, что этот «документ» — вариант тех фальшивок о большевиках (в том числе о Сталине), которые стали появляться начиная с 1917—18 годов и фабриковались бывшими агентами Охранки. Одни утверждали, что этот «документ» был сфабрикован в Риге бывшим агентом Охранки Д., а другие — в Харбине людьми, связанными с разведывательными службами атамана Семенова.

¹ Опубл. в журнале «Est & Quest», 1—15 июня 1956. № 153, с. 21—24. Пер. с фр. — Примеч. Ю. Ф.

Как бы то ни было, в 1937-м году была сделана попытка одновременной продажи этой фальшивки — на Дальнем Востоке японцам, а в Болгарии — немцам, через бюро Розенберга при посредничестве лиц, связанных с «Внутренней линией», тайной контрреволюционной организацией, ставшей наследницей «Треста», другой русской организации того же толка. Японцы потребовали экспертизы разведывательных служб Японии, которые без труда установили фальшивку и даже ее источник. Немцы же обратились за консультацией к секретарю НТС (Национального трудового союза) г-ну М. А. Георгиевскому, который также установил источник фальшивки и поставил об этом в известность поляков.

В 1938 году попытка продать этот «документ» была сделана в Вене одним международным агентом, косвенно связанным с советскими разведывательными службами. Одновременно «документ» появился в Париже, откуда он был предложен румынской разведке через второстепенного русского политика. Тогда же впервые возникло подозрение, что в продаже и публикации этого документа заинтересовано советское «агентство», желавшее, по-видимому, таким образом дискредитировать информацию западных стран (в частности Германии). Предполагали даже, что «документ» был специально сфабрикован с явными ошибками и нелепостями, чтобы легче обнаруживалась подделка.

В 1949—50 гг. этот «документ» вновь выплыл в Париже, где были сделаны попытки опубликовать его во французской печати. Когда заинтересованные лица обратились за экспертизой к господину Суварину и ко мне, мы объявили его грубой фальшивкой и по содержанию и по форме.

Из вышесказанного ясно, что фальшивый документ побывал на протяжении двух десятилетий во многих учреждениях прежде, чем попасть в «Лайф». Один из руководителей НТС, которого трудно заподозрить в симпатиях к Сталину, даже убедил «нацистов», что не имеет смысла им пользоваться. Согласно хорошо осведомленному источнику, эту фальшивку привез в Берлин друг генерала Скоблина некий капитан Фосс, у которого были налажены отношения с группой «русских фашистов» во главе с Вонтсятским в Харбине — с одной стороны, а с другой — с «Внутренней линией».

После этого краткого обзора путей, пройденных этим «документом», перейдем к рассмотрению его самого.

Почему Б. Суварин при первом же чтении объявил его фальшивкой и даже не ощутил необходимости детально оспорить его? Потому что, говорит он, достаточно бегло пробежать его глазами, чтобы убедиться в его абсурдности. Это бессмысленное и бессвязное письмо означает лишь одно: желание задним числом доказать, что Сталин был агентом Охранки. Со-

вершенно невозможно объяснить себе, что побудило отправителя послать его адресату. Кроме того, фальшивка обнаруживает себя в каждой фразе и каждой детали. К сожалению, полностью проиллюстрировать это можно только по русскому тексту¹. Тягостно, говорит г-н Суварин, опровергать в деталях столь нелепый документ. Во-первых, Охранка не имела отделения в Енисейске. Там находилось лишь жандармское управление этой провинции. Железняков был капитаном жандармерии (ротмистром), и его петербургский шеф не стал бы обращаться к нему «Милостивый Государь» и не завершил бы письма столь вежливой формулой. Однако этот аргумент понятен лишь по русскому тексту — так же как и некоторые стилистические обороты. В любом случае — отделения Охранки в Енисейске не было. Автор фальшивки упустил это обстоятельство из виду.

Далее: фамилия Сталин упоминается в письме шесть раз, а в седьмой сопровождается Джугашвили. Это второе доказательство тому, что письмо — фальшивка. Подлинный полицейский документ назвал бы его просто Джугашвили. В крайнем — поистине крайнем случае — псевдоним «Сталин» мог быть упомянут, но лишь при условии, что он был уже широко известен — до такой степени, что может заменить настоящую фамилию. Между тем в 1913 году ситуация со Сталиным была совершенно иной. Никто за пределами весьма узкого круга не знал, кто такой Сталин. И совершенно исключено, чтобы в 1913 году полицейский документ шесть раз упоминал псевдоним «Сталин».

В самом деле с 1909 по 1912 год Джугашвили подписывает свои статьи К. Стефин, потом К. С., потом К. См., потом С., потом К. С-н, потом К. Салин, потом К. Солин, потом К. Ст. и только в январе 1913 года впервые появляется подпись К. Сталин. Во второй раз она появится в тройном номере «Просвещения», датированном мартом-маем 1913 года. Следовательно, это всего лишь литературный псевдоним среди сотни других в прессе того времени, лишенный какой-либо известности.

В письме Ленина к Орджоникидзе, датированном 28 марта 1912 года, речь идет об Ивановиче (это Сталин). 6 декабря того же года Ленин обращается к некоему Васильеву (это тоже Сталин). Когда в марте 1913 г. Сталин был арестован, Ленин пишет, что взят «Коба». Свердлов, сосланный в район Туруханска, пишет 9 февраля 1914 года, что «Иосифа Джугашвили и меня» переводят на сто верст севернее, в 80 верстах от Полярного круга. Спандарян, сосланный в те же места, пишет

¹ Опущен текст письма Еремина, опубликованный в предисловии к настоящему изданию. — *Примеч. Ю. Ф.*

25 июля 1914 г.: «Сосо здесь, в 175 верстах от меня». (Для кавказцев Сосо — это Иосиф Джугашвили.) Псевдоним Сталин никто тогда не использовал, ибо им к тому времени были подписаны всего лишь три статьи. Следовательно, в 1913 году не было оснований обозначать ссыльного Джугашвили его литературным псевдонимом Сталин, который три раза промелькнул в первые три месяца года и ничем не мог привлечь особого внимания полиции.

Еще во время войны, каждый раз, когда речь заходит о Джугашвили, псевдоним Сталин в полицейских ли донесениях, или в переписке большевиков никогда не фигурирует. 12 мая 1915 г. шеф местной жандармерии пишет в Петербург и упоминает Джугашвили. Тот в феврале 1916 г. отправляет письмо, которое было перехвачено полицией: оно подписано Иосиф. Проведенное в связи с этим письмом расследование закончилось рапортом, в котором вероятным автором назван Иосиф Виссарионович Джугашвили. 12 марта 1915 г. Спандарян намекает на Кобу. 14 декабря 1916 г. губернатор провинции получает уведомление относительно Иосифа Виссарионовича Джугашвили. 17 февраля 1917 г., за неделю до революции, шеф Красноярской полиции узнает о том, что Джугашвили, освобожденному от воинской службы, разрешено закончить срок ссылки в Ачинске. Таким образом Сталин будет отождествляться с этой фамилией лишь начиная с 1917 года.

Вторая глава книги [М.] Москалева «Пражская конференция и создание Бюро Центрального Комитета» заранее опровергает фальшивый документ журнала «Лайф», причем Москалев цитирует множество архивных материалов, которые доказывают, что ссыльный Джугашвили находился под особым и весьма пристальным наблюдением из-за своих предшествующих побегов, а также в связи с тем, что полиция была осведомлена о новых планах побега. Документированность этой главы выше всяких сомнений.

В рассматриваемом нами письме сказано: «После избрания Сталина в Центральный Комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург...», из чего следует, что Сталин участвовал в Пражской конференции. В действительности же Сталина в Праге не было, и во время Пражской конференции он не был избран членом ЦК: его кооптировали в Центральный Комитет позже.

Вот что можно прочесть в «Истории партии» А. Бубнова, изданной сначала как статья «ВКП(б)» в «Большой Советской энциклопедии»: «В заключение работ конференции был избран ЦК партии в следующем составе: Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, Спандарян, Малиновский, Голощекин, Давид Шварцман. Кандидаты к ним: Бубнов, Стасова, М. Калинин, Смирнов. Позднее в члены ЦК были кооптированы Сталин и

Белостоцкий, а также Я. М. Свердлов» (издание 1930-го года)¹. «Очерк истории коммунистической партии» Н. Попова, специально изданный партией (а не Госиздатом) в 1932 году, называет среди делегатов в Праге двух «провокаторов» — Малиновского и Романова. Состав ЦК в «Очерке» несколько отличается от того, какой указан у Бубнова, но повторяет вслед за ним, что после конференции в Центральный Комитет был кооптирован Сталин. Подтверждение этому мы находим и в «Полном собрании сочинений» Ленина (3-е издание), где говорится, что в Праге Сталин избран в ЦК не был.

По поводу «провокаторов» — другими словами, агентов Охранки из числа большевиков — никто их не искал и не разоблачал с той страстью, какую проявил Владимир Бурцев, крупный специалист в данном вопросе. В 46-м томе «Былого» помещена статья Бурцева «Провокаторы в среде большевиков», где автор изобличает четырех человек, присутствовавших в Праге: Малиновского, Романова, Брендинского и депутата Третьей Думы Щурканова, а затем пятого, Лобова, посещавшего Ленина в Кракове. Во время своего пребывания под арестом в Петропавловской крепости при большевистском режиме Бурцев вел долгие беседы с другим заключенным, который оказался не кем иным, как Белецким, бывшим директором департамента полиции. В ту пору скрывать что-либо уже было ни к чему, и Белецкий перечислил всех агентов и «провокаторов» Охранки, однако Сталин упомянут не был.

Сам Бурцев во время войны 1914 года был сослан в район Туруханска, в село Монастырское, у Полярного круга, и встретил там Свердлова, Каменева и Сталина. Он имел много оснований заинтересоваться этим последним. Что касается идеи, будто ссыльный Джугашвили мог быть чем-то полезен тайной полиции в Заполярье, в медвежьих углах вроде Костино, Курейки, Монастырское, то она совершенно абсурдна. В 1917-м году полицейские архивы попали в руки социалистов, которые их должным образом разобрали, рассортировали и проанализировали. Сталин среди агентов Охранки не фигурировал. Материалы, касающиеся большевиков, были опубликованы в сборнике «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1915 год из бывшего Департамента московской полиции. Подготовка к печати и предисловие М. А. Цявловского» (Москва, 1918). Эти материалы способствовали появлению труда генерала А. И. Спиридовича «История большевизма в России» (Париж, 1922 г.). Одно из полицейских досье на Сталина появилось в № 22 журнала «Каторга и ссылка» (Москва, 1926). Кроме того, мы располагаем книгой С. Членова «Мос-

¹ Большая советская энциклопедия, т. 11. М., 1930, с. 390. — Примеч. Ю. Ф.

ковская Охранка и ее тайные сотрудники» (Москва, 1919), а также книгой генерала Заварзина «Воспоминания одного из шефов Охранки» (Париж, 1930). Мы назвали тут лишь главные источники. Кто поверит, что Сталин с 1906-го до 1913-го прослужил в полиции, не оставив никаких иных следов этого сотрудничества, кроме письма, воспроизведенного журналом «Лайф». Большевики только в ноябре 1917 г. завладели архивами, уже изученными социалистами.

Сталин, заключает Суварин, был несомненно способен на величайшие подлости. Он, безусловно, шпионил за Шаумяном, как я уже указывал в своей книге, цитируя журнал грузинских социалистов «Брдзолис Кхма». Эсер Верещак сообщает, что в молодости Джугашвили донес ректору семинарии на нескольких своих соучеников, чтобы те были исключены. А в Бакинской тюрьме будущий Сталин совершил несколько провокаций, имевших кровавые последствия. Ной Жордания написал когда-то интересную статью о гнусных действиях Сталина. Однако тайная слежка, коварные провокации не являются монополией Охранки. И гнусные действия Сталина не могут служить доказательством подлинности опубликованного в «Лайфе» письма.

(Каждая фраза в этом письме вызывает опровержение, но обсуждать это следует по русскому тексту. Вдобавок оно изобилует совершенно неправдоподобными репликами.)

Есть и другие наблюдения, о которых нам сообщают с разных сторон:

Фраза «Сталин... стал в явную оппозицию правительству» (в 1913 году) — фраза идиотская. Большевики всегда находились в оппозиции к царскому правительству.

То же самое можно сказать и о предшествующей фразе: «Работа Сталина оличалась точностью, но она была отрывочная». Ее, как и предпоследнюю фразу, стремящуюся объяснить причину, по которой отправлено письмо, можно объяснить лишь необходимостью заполнить пустоту.

С. П. Мельгунов сообщает о том, что он был председателем комиссии, завладевшей полицейскими архивами в Москве, и что эти архивы не содержали какого-либо компромата на Сталина. Впоследствии Мельгунов оказался в тюремной камере вместе с Виссарионовым, одним из главных руководителей тайной полиции, и расспросил его о большевиках — осведомителях Охранки. Виссарионов не располагал никакой информацией, ибо эта служба не имела к нему отношения, но якобы слышал, что речь шла о... Троцком. (Довольно распространенная в те годы клевета.) Бурцев ее подхватил, и она фигурирует в цитированной выше книге генерала Спиридовича.

С другой стороны, С. П. Мельгунов имел случай познакомиться с так называемым «документом», подписанным Ереми-

ным, когда это письмо продавалось в Париже, где оно никого не заинтересовало, и он рассказал о нем Спиридовичу, который прямо заявил, что по его сведениям все «документы» подобного рода, связанные со Сталиным, не заслуживают доверия.

В комментариях г-на Дона Левина, предваряющих письмо Еремина, отзыв Спиридовича не упомянут. Однако г-н Дон Левин сообщает о полученном им от Спиридовича предмете, на котором выгравирована подпись Еремина, имеющая некоторое сходство с подписью на письме. Это всего лишь доказывает, что подпись более или менее умело скопирована, и ничего больше.

Помимо того, статья Дона Левина иллюстрирована явно фальшивым портретом Спиридовича. Ошибки тут быть не может, так как подлинная фотография генерала открывает его объемистый том «История русского терроризма» (Париж, 1930), о чем Дон Левин не мог не знать. Впрочем, вдова генерала Спиридовича, проживающая в настоящее время в Нью-Йорке, была вынуждена послать журналу «Лайф» образчик портрета, того самого, что напечатан в Париже в книге, изданной Пайо.

В газете «Русская мысль» от 8 мая социал-демократ А. Байкалов, живший в Красноярске с 1910 по 1918 год (район Енисейска) и хорошо знакомый с местной жандармерией, подтверждает, что с 1910 по 1917 год в Красноярске не существовало никакого отделения Охранки, была лишь дирекция местной жандармерии. В Енисейске вообще не было постоянного жандармского органа, в случае возникновения «дела» туда направляли кого-нибудь из Красноярска.

А. Байкалов никакого Железнякова в Красноярске не помнит. Сталин, пишет он, находился в маленькой деревушке, затерявшейся где-то в 1500 верстах от Красноярска, где «никакой революции делать было нельзя, и потому у жандармов не могло быть никаких оснований «подсаживать» туда своих секретных агентов. Я думаю поэтому, что департаменту полиции незачем было бы осведомлять жандармские власти Енисейской губернии о приезде в Туруханский край Сталина». Итак, Охранки в Енисейске не было.

Начиная с Февральской революции 1917 года в Красноярске существовал Комитет общественного спасения, который поручил Байкалову взять жандармерию. Офицеры были арестованы, младшие офицеры посажены под домашний арест, архивы конфискованы. На Байкалова и юриста В. Я. Гуревича была возложена задача допросить жандармских офицеров с целью узнать имена и адреса их тайной агентуры. «Оба офицера — и начальник управления, и его помощник — дали самые подробные и откровенные показания о своих агентах.

На основании этих показаний сразу же было арестовано десятка два агентов, которых позже, в августе 1917 года, судили в согласии с изданным Временным правительством распоряжением». Архивы, продолжает Байкалов, были тщательно изучены следственной комиссией, назначенной комиссаром В. М. Крестовским. В ее состав вошли адвокаты и общественные деятели, но среди них — ни одного большевика. Байкалов был причастен к делам агентов Охранки в качестве общественного обвинителя и имел доступ ко всем материалам. Следовательно, ему стал бы известен любой документ, касающийся Сталина, причем никто не был заинтересован в том, чтобы этот документ утаить. Будь письмо Еремина подлинным, его оригинал, несомненно, находился бы среди представленных суду материалов.

Далее Байкалов выражает величайшие сомнения по поводу самого текста письма и подтверждает сказанное выше об обращении «Милостивый государь». (Вероятно, автор фальшивки забыл «табель о рангах».) Насколько он может судить по телеграмме, опубликованной в «Русской мысли», продравшись сквозь переводы, Байкалов приходит к выводу, что письмо Еремина — фальшивка. И добавляет, что, хотя Сталин и не был платным агентом Охранки, это отнюдь не исключает того, что он был доносчиком. Нет сомнения, что он выдал двух своих товарищей — Цинцадзе и Шаумяна, как сообщает Байкалов в своей книге «Я знал Сталина». В подобных случаях Сталин действовал не в качестве агента Охранки, а из ненависти и желания отомстить. (В точности то же самое утверждал со своей стороны Б. Суварин.)

И, наконец, на беду автора фальшивки «Новое русское слово», выходящее в Нью-Йорке, только что напечатало статью Г. Аронсона, которая наносит последний удар: проверка, осуществленная историческим сборником «Падение царского режима», на основе специальной комиссии Временного правительства, установила, что шеф жандармерии Еремин, мнимый отправитель «документа», 12 июля 1913 года в Петербурге уже не служил, он был переведен в Финляндию 11 июня 1912 г. Следовательно, редко появляется на свет фальшивка более фальшивая, чем эта.

Вопрос кажется нам полностью исчерпанным.

Остается бьющая на эффект статья Александра Орлова, по мнению которого досье, изобличающее полицейское прошлое Сталина, было обнаружено в 1936 году в архивах, множество раз исследованных, передано Косиору и Якиру на Украине и затем сообщено Якиром Тухачевскому. Последний поделился этим секретом с Гамарником и другими генералами, отсюда — «заговор Тухачевского» и последовавшие за ним убийства. Сталин, дескать, ликвидировал всех офицеров, которые могли

бы знать о существовании документов, бросающих тень на его репутацию — примерно пять тысяч человек (сколько же лиц владело этим секретом, если вспомнить, что в те годы по самым достоверным источникам число казненных Сталиным военных достигало 30 тысяч).

Однако, утверждает Орлов, Сталин убил не всех посвященных в его тайну, потому что маршал Жуков, по всей вероятности, располагает какими-то документами из этого досье, что, наконец, объясняет кампанию по развенчанию Сталина, начатую в связи с меньшими его преступлениями, но которая, безусловно, должна была закончиться разоблачением Сталина как агента-provokatora. Орлов предполагает, что Жуков накануне Двдцатого съезда передал эти роковые документы Хрущеву, тем самым предопределив его знаменитый разоблачительный доклад.

Что можно сказать об этих нелепых рассказах? Самое малое из преступлений Сталина в прошлом стало бы якобы величайшим преступлением в настоящем, и Тухачевский организовал заговор из высоко нравственных соображений. Напомним лишь, что любой заговор был немыслим и невозможен в те годы, когда люди боялись говорить друг с другом, когда сын доносил на отца, а мать отрекалась от собственных детей. И дела Тухачевского никогда не существовало, вопреки утверждениям западных невежд, будто Тухачевский и Путна были обвинены в причастности к заговору Радеком в ходе процесса над Пятаковым и другими. В действительности же существовала акция Сталина против всей ленинской партии (от которой почти никого не осталось в живых) в несколько этапов, в ходе которых была проведена «чистка» военных и партийных кадров, а также работников в области экономики, дипломатии, всей советской интеллигенции вообще.

По утверждениям Орлова в его романе-фельетоне тысячи людей с 1936 года знали о великой тайне Сталина, но только в 1956-м один Орлов решился предать ее гласности, не имея, впрочем, никаких доказательств. Почему он ждал целых 20 лет? По его собственным словам, потому, что раньше он опасался за жизнь своей матери и тещи, оставшихся в СССР, тогда как после Двдцатого съезда оснований для страха уже не было. Но тогда чем объяснить, что Орлов в 1953 году опубликовал книгу, озаглавленную «Тайная история преступлений Сталина», где перечисляются всевозможные злодеяния, жестокости и зверства? И что мешало Орлову предать гласности правду посредством какого-то другого лица, у которого ни матери, ни теще не грозили репрессии?

По-видимому, было решено (правда, неизвестно, на каком уровне), что пытки и серия убийств, совершенных Сталиным, уничтожение миллионов крестьян, пакт с Гитлером, положив-

ший начало мировой войне, уничтожение военнопленных, депортация в Сибирь целых народов и т. д. — это всего лишь простительные прегрешения по сравнению с работой на Охранку, единственным непростительным злодеянием Сталина. И Тухачевский, этот великий моралист (который, заметим между прочим, не был коммунистом, его членство в партии было чисто формальным), мог все принять, со всем согласиться, кроме обнаружившегося вероломства, четверть века назад совершенного Сталиным по отношению к партии, к которой Тухачевский даже не принадлежал. Он, видите ли, принес в жертву свою жизнь и жизнь многих тысяч своих товарищей по оружию ради запоздалого торжества справедливости. И теперь в память о нем Жуков, его духовный наследник, потребовал от Хрущева десталинизации курса, простой прелюдии к публичному разоблачению самой ужасной тайны Сталина, самого гнусного по советским понятиям преступления. Тут, как говорится, комментарии излишни.

Что касается страшного тайного досье, которое высокопоставленный чиновник полиции Виссарионов якобы оставил себе для собственного пользования, только для своих глаз, то оно призвано доказать, что Сталин знал о двойной игре Малиновского, завидовал ему, стремился его оттеснить, отчаянно пытаясь продвинуться на тайной царской службе. Впервые слышим мы об иерархии в доносительстве. Малиновский, осмеливается утверждать Орлов, обладал правом вводить новых членов в Центральный Комитет, и это именно он ввел Сталина в 1912 году в ЦК и т. д. и т. п. Бумага, как известно, все терпит. Однако на беду Орлова С. П. Мельгунов оказался в тюрьме вместе с Виссарионовым, который о существовании этого страшного тайного досье даже не подозревал.

Вывод: Сталин, виновный в более страшных предательствах и вероломстве, теоретически рассуждая, вполне мог бы служить царской полиции, однако этому пока нет никаких доказательств и уж тем более не могут служить доказательством фальшивый документ, напечатанный в «Лайфе», и абсурдная статья Александра Орлова.

ВЕЛИЧАЙШИЙ СЕКРЕТ СТАЛИНА

1. КРОВЬ ПАРФЯНИНА

Однажды весной 1939 года я случайно встретил в Нью-Йорке Бертрана Рассела, который прогуливался по 64-й улице. Английский философ был одним из первых западных ученых-историков, посетивших в 1920 году Советскую Россию, и в своем докладе «Практика и теория большевизма» уже тогда предсказал возможность советских экспансионистских устремлений в Азии и возрождение традиций Чингисхана и Тимура.

Обменявшись взглядами относительно большой чистки и показательных процессов с их фантастическими признаниями обвиняемых и о крайне искаженных представлениях Сталина о современной и хорошо известной истории, я спросил Рассела: «Известен ли вам в истории человечества другой такой феномен, как Сталин?»

— Да, — ответил он, — в данный момент мне на память пришла одна историческая параллель. Этот человек был из числа парфянских прародителей Сталина. Я имею в виду Митридата Великого. Ведь родина Сталина — Грузия — входила в состав древней Парфии.

Возвратившись домой, я решил посмотреть в энциклопедии о Митридате, бывшем единственным правителем, который на протяжении восемнадцати лет сдерживал натиск Римской империи в Малой Азии. И вот что я записал:

«Историки древности окружали личность Митридата ореолом романтики. Его мужество... его способность есть и пить... его пронизательный ум... возносились почти до небес. Получив поверхностное греческое образование, он совмещал в себе одновременно коварство, суеверие и упрямство представителя Востока... Он раздавал награды выдающимся поэтам и лучшим едокам... Он никому не верил. Он убил свою мать, сыновей, сестру, на которой был женат. Пытаясь не допустить захвата врагами своего гарема, он умертвил всех наложниц, а его са-

мые верные сторонники никогда не чувствовали себя в безопасности».

Когда зимой 1930—1931 годов я работал над биографией Сталина, уже имелось множество косвенных доказательств, свидетельствующих, что Сталин является ненормальным феноменом в человеческом обществе. Это происходило до разразившегося по вине Сталина голода, во время которого миллионы жизней были принесены в жертву кампании коллективизации, до загадочных убийств его ближайших соратников, наставников и приверженцев, до большой чистки с ее массовыми расстрелами руководителей Красной Армии, в том числе маршала Тухачевского, до целого ряда инсценированных судебных процессов, на которых старая ленинская гвардия унижалась, бичевала себя в тщетной надежде добиться прощения, до потрясшего мир пакта между Сталиным и Гитлером, что стало прелюдией ко второй мировой войне.

В то время мысль о современном Митридате показалась мне невероятной. Глядя в прошлое, я отказывался верить тем обвинениям, которые выдвигались в отношении раннего периода деятельности Сталина — Бенедикта Арнольда русской революции. По множеству сведений из различных источников в начале своей карьеры в революционном движении Сталин выдал некоторых своих товарищей царским властям, а в ряде случаев манера его поведения наводила на мысль, что он был агентом Охранки — ненавистной царской тайной полиции.

Только огромное чувство вины и неотступный страх разоблачения могли объяснить фантастическую манеру поведения Сталина в тридцатые годы и придать видимость достоверности выдвинутым против него в высшей степени необычным обвинениям. В глазах Советов подобные обвинения выглядели чудовищными. До сознания жителя Запада это, вероятно, лучше всего можно было донести, приведя пример с Бенедиктом Арнольдом. Если б Арнольд не был разоблачен во время американской революции, то, став президентом и сохранив за собой навсегда этот пост, он обрек бы на смерть Джефферсона, Гамильтона, Адамса, Мэдисона, Франклина, Монро и других отцов — основателей Америки, обвинив их в предательстве и вдобавок в отравлении большого Джорджа Вашингтона. В подобном случае роль Бенедикта Арнольда была бы аналогичной той, которую приписывали Сталину его обвинители.

Действительно, обвинения выглядели настолько чудовищными, что их опроверг даже самый крупный соперник Сталина Лев Троцкий. В своей едкой и разоблачительной биографии Сталина, которую он завершал летом 1940 года, когда подосланный Сталиным убийца киркой размозжил его череп, Троцкий упрекал тех «легковерных биографов», которые пошли на поводу у подобных вымыслов.

«Революционная организация может поддерживать свое существование только беспощадной строгостью ко всему, что хоть отдаленно пахнет доносом, провокацией или предательством, — писал, руководствуясь политическими соображениями, Троцкий, воздавая незаслуженные почести дисциплине ленинской большевистской организации. Малейшая снисходительность в этой области означает для нее начало гангрены. Если бы даже Сосо оказался способен на такой шаг, в котором на треть Макиавелли приходится две трети Иуды, совершенно невозможно допустить, чтобы партия потерпела его после этого в своих рядах». Но при этом Троцкий делает важное добавление: «Тем не менее совершенно не случайно, что злостная выдумка связана с именем Сталина. Ни о ком другом из старых революционеров не рассказывали подобных вещей»¹.

То, что Сталин состоял на одну треть из Макиавелли и на две трети из Иуды, сейчас можно доказать. А документально доказав, что вся карьера Сталина до революции складывалась под знаком великого секрета его жизни — службы в качестве царского шпиона, — мы получим ответ на вопрос, который задает весь мир после сенсационных разоблачений, прозвучавших на XX съезде Коммунистической партии в Москве в феврале 1956 года.

Уолтер Липпман следующим образом резюмировал волновавшую всех проблему:

«Мы хотели бы знать, что побудило Хрущева начать столь широкую и впечатляющую кампанию по дискредитации Сталина. По какой причине он пошел на такой шаг, когда, располагая контролем над советской прессой, мог и далее игнорировать Сталина, не упоминать его имени и постепенно вычеркнуть память о нем из сознания людей? Какая была необходимость в то время поднимать антисталинистскую кампанию?»

Более точный подход к кардинальному вопросу представляется примерно таким образом. Если нынешние советские руководители решили наметить новый политический курс, осуждая политику Сталина и культ личности, то почему они не ограничились критикой его трудов и пересмотром его доктрин? В конечном счете одно дело подвергнуть ревизию политику Сталина, перейти от начертанной им линии к новому курсу, опорочить его учение, переписать сфальсифицированную им историю. Все это ради того, чтобы преуменьшить роль культа личности и непогрешимости руководства (на решение этой задачи сталинским наследникам потребуются многие годы). Другое дело организовать против Сталина такую кампа-

¹ Цит. по кн.: *Троцкий Л. Сталин*: В 2 т. М.: Изд. Терра, 1996. Т. 1. С. 85. — *Примеч. Ю. Ф.*

нию, которую коммунистические единомышленники во всем мире наверняка расценили бы как кампанию клеветническую. И зачем тогда одновременно сопровождать ее посмертной реабилитацией отдельных жертв сталинской мести? Не явился ли тот факт, что реабилитация началась с прежнего идола Коминтерна Бела Куна, который едва знаком нынешнему поколению советских людей, очевидным намеком в адрес Тито, против которого Сталин направлял свои парфянские стрелы в ходе балканских чисток? Не было ли восстановление славного имени бывшего руководителя советской Украины Станислава Косиора призвано успокоить непокорную Украину, а заодно все поработанные народы советской империи, местные лидеры которых были ликвидированы Сталиным? Не была ли канонизация Антонова-Овсеенко, сподвижника Троцкого по захвату Зимнего дворца во время революции, оливковой ветвью, протянутой всем сторонникам Троцкого? Какое неимоверное давление заставило кремлевскую хунту перейти от критики сталинизма к суровому осуждению злодеяний Сталина и начать широкую кампанию с целью низложения его с пьедестала пророка и осуждения его как ужасного преступника?

Лишь потрясающие по своему характеру обличительные документы могли вынудить наследников Сталина столь поспешно организовать кампанию по разоблачению своего хозяина. Более тридцати лет Сталин упорно стремился уничтожить всех свидетелей и все факты, относившиеся к самому затаенному секрету его прошлой жизни — службе в Охранке. Бесчисленное количество жизней погубил он, охотясь за подлинными полицейскими документами, относившимися к его деятельности, и стараясь стереть все следы своей прошлой измены делу революции. Все эти годы Сталин, действуя с непревзойденным коварством и цинизмом, старался сфальсифицировать все архивные материалы и создать многотомную историю революции, явно противоречившую общеизвестным фактам. Подобного не знала история. Сталин прокладывал себе путь, создавая вокруг себя ореол, рассчитывая навсегда смыть позор предательства. С помощью своих прихвостней Сталин писал новую историю своего времени. Книги печатались миллионными тиражами на всех языках и распространялись по всему миру. Культ обожаемого героя был изобретен самим Сталиным и возник под воздействием гнетущего страха быть разоблаченным. Именно это лежит в основе странных и, казалось бы, необъяснимых событий, которыми отмечено правление Сталина.

Неудивительно, что не кто иной, как Уинстон Черчилль, который одним из первых начал изучать большевизм и часто выражал в годы второй мировой войны беспредельное восхищение Сталиным, впоследствии охарактеризовал его режим са-

мой великой в истории «загадкой, окруженной тайной, которая в свою очередь облачена покровом секретности». Тогда не было возможности рационально объяснить поведение Сталина. Сейчас мы располагаем документами, которые дают ключ к решению этой внушавшей трепет загадки.

Нам также известно, что подобные документы в разное время находились в руках соперников и оппонентов Сталина по коммунистической партии. Мало сомнений в том, что кремлевские правители стали владельцами ряда обличительных документов и знают о существовании других материалов за рубежом. В сложившейся обстановке у коллективных диктаторов не было другого выбора, как действовать первыми. За кулисами драматического разрушения сталинской пирамиды славы скрывается страх его бывших придворных, которые сейчас правят советской империей. Они опасаются, что их самих обвинят в том, что они были сознательными сообщниками предателя революции. Они горят желанием отмежеваться от человека, чей скипетр унаследовали и чью власть разделяют, пока поступь истории не настигнет их и не выявит их причастие к тщательно скрываемой тайне Кремля. Дело в том, что революционные традиции в советском правящем классе и в коммунистической партии все еще обладают огромной взрывной силой. Она способна отстранить от власти любого, кто запятнал себя службой в царской Охранке, и свергнуть любое руководство, виновное в сотрудничестве в деле умышленного утаивания или сокрытия подобных актов предательства революции.

2. ДОКТОР ДЖЕКИЛЛ И ГОСПОДИН ХАЙД

Когда после Февральской 1917 года революции в России, свергнувшей царский режим, были раскрыты центральные архивы Охранки, в недрах ленинского большевистского лагеря была обнаружена по крайней мере дюжина полицейских шпионов, внедренных в качестве агентов-provokаторов. В ходе расследования, проведенного Чрезвычайной следственной комиссией, которую учредило Временное правительство, были установлены личности всех provokаторов за исключением одного. Работа комиссии оказалась сорванной в результате захвата власти советами, организованного Лениным и Троцким в ноябре 1917 года. Затем последовал период гражданской войны и анархии, местных восстаний, сопровождавшихся появлением многих провинциальных правительств. В эти смутные годы большое число губернских архивов Охранки и полиции были либо потеряны и уничтожены, либо оказались за пределами досягаемости тех, чьи жизни зависели от секретов, сокрытых в царском досье.

Постепенно всех (за исключением одной царской подсадной утки в ленинском окружении) привлекли к судебной ответственности и казнили. Множество шпионов, находившихся в рядах других революционных партий, также были разоблачены или опознаны их бывшими жертвами, подверглись задержанию и часто убиты без суда и следствия. Традиция беспощадно наказывать предателей дела революции настолько глубоко укоренилась в сознании людей, что даже Ленин, находясь на вершине власти, не смог добиться помилования царского секретного агента, который вошел в историю. Этим человеком был Роман Малиновский. Его дело получило широкую известность в анналах русского революционного движения, а его отношения с Лениным пролили яркий свет на таинственные аспекты карьеры Сталина. В критические годы революционной борьбы, развернувшейся до первой мировой войны, Малиновский был одним из ближайших помощников и доверенных лиц Ленина, занимая куда более влиятельное по сравнению со Сталиным положение в большевистской иерархии.

Малиновский, имевший криминальное прошлое, примкнул к революционному движению в возрасте двадцати трех лет с тем, чтобы служить осведомителем Охранки. Он действовал под кличкой «Портной», поскольку вначале служил подмастерьем у портного. Затем стал металлистом. Его восхождение сразу по двум лестницам — Охранки и революционного подполья — было головокружительным. Он стал секретарем мощного профсоюза металлистов в промышленном Санкт-Петербурге, тогдашней столице России. Когда Ленин начал внутри социал-демократической партии наступление против умеренного меньшевистского крыла, пытаясь установить контроль своей экстремистской фракции над всей партийной машиной, Охранка направила Малиновского к непримиримым. Ленин принял Малиновского в лоно большевиков с распростертыми объятиями. В то же время он получил повышение по службе: осведомитель стал штатным шпионом Охранки, и ему было определено постоянное солидное жалованье. Только высшее начальство Охранки знало лично Малиновского. С ним он поддерживал прямую связь.

Накануне проведения в 1912 году предвыборной кампании в Четвертую Думу Ленин предложил Малиновскому баллотироваться в депутаты как рабочему от станка. Начальник Охранки с радостью ухватился за это предложение. Малиновский был пламенным оратором со всеми атрибутами прирожденного демагога. Внедрение в Думу видного большевика поистине явилось бы крупным успехом Охранки. Правда, на пути реализации этого замысла стояло препятствие: криминальное прошлое Малиновского. Но Охранка знала, как устранять всех сильных кандидатов, арестовывая их по сфабрикованным об-

винениям. Малиновский победил на предварительных выборах и был избран депутатом от Москвы.

Всего в Думе насчитывалось тринадцать социал-демократических депутатов: семь меньшевиков и шесть большевиков. Малиновского избрали заместителем председателя объединенного руководства социалистов. Когда на открытии Думы царский премьер-министр огласил обращение царя, Малиновскому поручили произнести ответную речь от имени всей социалистической фракции. Текст речи составил Ленин, находившийся в австрийском подполье, а редактировалась она в главном управлении Охранки в Санкт-Петербурге.

Основной задачей, которую Охранка поставила перед Малиновским в Думе, было разжигание соперничества между большевиками и меньшевиками и усугубление всеми возможными средствами раскола между двумя крыльями с целью предотвратить создание между ними коалиции, что полицейские чиновники считали самой большой угрозой царскому режиму. Когда в январе 1912 года Ленин созвал в Праге конференцию своих сторонников с целью образовать Центральный Комитет, который, как он объявил, представлял бы всю партию, Малиновского избрали одним из семи его членов. Сталин был желанным кандидатом, но Ленину не удалось обеспечить его избрание ни в состав ЦК, ни в число четырех кандидатов в члены ЦК. Более того, будучи главой русского бюро ЦК, Малиновский имел право расширять его состав путем кооптации новых членов. Впоследствии при поддержке Ленина Малиновский ввел Сталина в состав ЦК. Во всех сталинских историях революции именно эта дата знаменует «избрание» Сталина в ленинский Центральный Комитет, в котором он состоял до своей смерти в 1953 году.

Весной 1912 года, когда Ленин предпринял издание газеты «Правда» в Санкт-Петербурге, Малиновский был назначен ее издателем, а Сталин — ее первым редактором. В промежутках своей полной забот хлопотной жизни в роли подпольного доктора Джекилла и господина Хайда Малиновский выдал полиции многих товарищей, сам арестовывался, пять раз «бежал» и ухитрился вызвать серьезные подозрения относительно своей революционной преданности, против которых резко возражал Ленин.

Первое подобное обвинение выдвинул не кто иной, как молодой Николай Бухарин. Его арест в Москве произошел при обстоятельствах, которые навели его на мысль, что только Малиновский мог выдать его местонахождение. Ленин отчитал Бухарина, не сумевшего представить конкретные сведения, подтверждавшие обвинения, и энергично защищал Малиновского. Другой видный большевик, будущий посол СССР в Соединенных Штатах Александр Трояновский, выдвинул против

Малиновского более серьезные обвинения. Его жена, Елена Розмирович, бывшая в свою очередь крупным большевистским деятелем, была арестована при обстоятельствах, которые побуждали ее подозревать Малиновского. Будучи за границей и полагая, что Охранка вскрыет его письма, Трояновский прибег к уловке. Он послал из Швейцарии своему родственнику в России письмо, в котором заявил, что ему известно имя провокатора, выдавшего его жену, и, если ее не освободят, он выступит с разоблачениями, способными потрясти страну. Начальник Охранки наверняка показал перехваченное письмо Малиновскому. Тот испугался, впал в истерику и потребовал немедленно освободить госпожу Трояновскую. Ее выпустили на свободу.

Документальные свидетельства все еще отсутствовали, и когда лидер меньшевиков Мартов предъявил обвинения Малиновскому, Ленин пришел в такую ярость, что потребовал от Мартова повторить свое «клеветническое» заявление в Швейцарии, чтобы иметь возможность возбудить предусмотренное швейцарским законодательством дело о клевете. Однако внезапные перестановки в царском полицейском руководстве придали делу Малиновского сенсационный оборот.

8 мая 1914 года, в разгар бурной перепалки в Думе между взбунтовавшимися депутатами-социалистами и консервативным председателем Родзянко, Малиновский бросил на стол последнего папку с документами и покинул помещение, уйдя таким образом в отставку. Один из депутатов-большевиков в Думе А. Бадаев в своих мемуарах, опубликованных советским правительством после революции, писал, что отставка Малиновского явилась громом среди ясного неба, так как до этого момента не было даже намека на то, что он замышлял подобное. Уход из Думы без согласия на то партии и без каких-либо объяснений явился таким грубым и из ряда вон выходящим нарушением партийной дисциплины, что никто не мог понять причины этих действий.

Причина обнаружилась довольно скоро. Вступая в должность, новый начальник царской полиции и Охранки генерал Дюнковский, бывший генерал-губернатором Москвы, обнаружил к своему удивлению, что большевистский нарушитель спокойствия в Думе и самый заядлый смутьян подослан Охранкой. Убежденный монархист, приверженец старомодного кодекса чести, Дюнковский не мог себе представить подобное. Более того, следовало считаться с перспективой национального и международного скандала, который мог его опозорить. Он немедленно сообщил об этом под большим секретом председателю Родзянко и потребовал прогнать Малиновского со службы в Охранке. Получив значительную сумму денег (в размере шести тысяч рублей) при условии, что он покинет страну,

Малиновский той же ночью уехал за границу. Он сразу же направился на конспиративную квартиру Ленина, находившуюся под Краковом.

Бегство Малиновского произвело фурор и нанесло серьезный удар делу большевиков. Однако Ленин был настолько уверен в том, что кампания против Малиновского была инспирирована политическими интригами меньшевиков с целью дискредитировать ленинское руководство, что с нескрываемым сочувствием выслушивал доводы предателя в свою защиту. Малиновский ссылаясь на то, что царская полиция обнаружила совершенное им в юности преступление — попытку изнасилования — и старалась шантажировать его с целью склонить к преступной деятельности. У него не было иного выхода, как подать в отставку и спастись бегством. Хитрый крючкотвор Малиновский представил Ленину дело в вызывающей манере. Он потребовал расследовать выдвинутые против него обвинения, настаивая на том, что факты покажут, что возводимые против него нападки являются составной частью кампании его политических противников с целью подорвать авторитет Ленина и его движение.

Ленин поверил Малиновскому и впоследствии даже писал, что возникает чувство стыда за человечество, когда видишь, как личные невзгоды человека используются для борьбы с противостоящим политическим течением. В последующие военные годы, когда Малиновский находился в качестве пленника в германском лагере, Ленин и его жена посылали ему продовольственные посылки и пропагандистскую литературу, чтобы помочь вести большевистскую пропаганду среди русских военнопленных. Появившиеся после февральской революции разоблачения, касавшиеся двойной жизни Малиновского, стали сенсацией российского масштаба. Прежние хозяева по Охранке в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии привели множество омерзительных фактов. Но Малиновского нигде не могли найти. Затем произошла большевистская революция. Спустя год после прихода Ленина к власти, Малиновский появился в России и безуспешно пытался встретиться с бывшим покровителем, ставшим во главе советского правительства. Он был арестован и 5 ноября 1918 года предстал перед революционным трибуналом.

Бывший коллега Малиновского по Думе Бадаев писал, что многие свидетели (включая руководителей царской полиции) и тома документов, извлеченных из секретных полицейских архивов, позволили восстановить историю предательства. Когда на суде была полностью доказана деятельность Малиновского в качестве агента-provokatora, он, конечно, не смог отрицать свою причастность к преступлениям и избрал другой способ защиты. Он утверждал, что был вынужден стать аген-

том-provokатором, так как полностью находился в руках полиции. Он представил свою карьеру в роли агента-provokатора как долгое мученичество, сопровождавшееся страданиями и угрызениями совести, от которых он не мог избавиться. Он пытался доказать, что добровольно покинул Думу из-за личных невзгод и сделал вид, что искренне раскаивается, признав при этом серьезность своих преступлений. Малиновский заявил, что ожидает только смертной казни, хотя, говоря это, несомненно рассчитывал, что такое поведение позволит добиться некоторого снисхождения.

Ленин действительно расположен был проявить снисхождение даже на этом этапе. Он выступил в печати с утверждением, что Охранка решила убрать Малиновского из Думы, так как его революционная активность чересчур досаждала царскому режиму. Однако, несмотря на свой огромный престиж и власть, Ленин не осмелился пытаться добиться помилования Малиновского. Давление народных масс, требовавших смерти предателям, оказалось слишком сильным, чтобы его мог игнорировать даже Ленин. Малиновского расстреляли на следующее утро после суда. Его казнь явилась предупреждением другим предателям дела революции: тех, в чьем прошлом есть темные пятна службы царскому режиму — ожидает смерть, как только обнаружится правда. С тех пор жизнь Сталина стала протекать под знаком противоборства между истиной, стремившейся выйти на свет, и мефистофельской стратегией, направленной на извращение правды, с тем чтобы навсегда похоронить ее в тайниках истории.

3. ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ССЫЛКА

К весне 1931 года, когда я завершал работу над биографией Сталина, передо мной встала дилемма: не представить ли Сталина в роли Малиновского? В общественной печати различных русских революционных групп за границей появилось достаточное количество косвенных доказательств, подтверждающих, как мы увидим ниже, предположения на сей счет. Однако тот факт, что в русском революционном движении расплодилось больше, чем в любой другой стране, презренных двойных агентов, также создавало тлетворную обстановку взаимной подозрительности и доносительства. Поскольку многие представители подпольных партий оказывались объектом злостных наветов, преднамеренно фабриковавшихся часто Охранкой с целью посеять раздоры и разногласия, следовало проявлять двойную осторожность в обращении с такими документами.

В период страшных и кровавых 30-х годов Сталин еще не стал фигурой мирового масштаба. Поэтому я не обращал вни-

мания на многие вопросы, которые приобрели зловещий характер в следующем десятилетии. Теперь же, ретроспективно всматриваясь в прошедшую четверть века, можно составлять пункт за пунктом обвинительный акт против Сталина, основываясь на необъясненных или опущенных эпизодах его жизни. Этот обвинительный акт является результатом обнаруженных позже документальных доказательств, свидетельствующих о службе Сталина в царской Охранке, и образует потрясающую рамку для портрета человека, который может войти в историю Иудей XX века.

Прежде всего встает вопрос о парадоксальном поведении Сталина после его исключения из семинарии весной 1899 года незадолго до предполагаемого окончания учебы. Более года Сталин был членом тамошнего тайного социалистического кружка и не пользовался расположением начальства семинарии. Спустя непродолжительное время после его исключения, из семинарии изгнали других членов кружка. Много лет спустя С. Верещак сообщил, что товарищи Сталина по семинарскому кружку заявляли, будто вскоре после его исключения их, в свою очередь, изгнали из семинарии в результате доноса Сталина ректору. Сталин не отрицал обвинений, но оправдывал свой поступок тем, что исключенные учащиеся, потеряв право стать священниками, смогли бы стать хорошими революционерами.

Кем был Верещак? Его разоблачения появились в январе 1928 года в издававшейся Александром Керенским в Париже газете «Дни». В 1908 году автор сидел со Сталиным в одной тюремной камере в Баку в течение примерно восьми месяцев, знал его по ссылке в Сибири, а позднее как делегата от Совета солдатских депутатов Тифлиса. В бакинской тюрьме Верещак входил в состав комитета старейшин политических заключенных, благодаря которому он имел возможность собирать биографические сведения о своих товарищах.

Французский журналист Борис Суварин, бывший одним из руководителей Коммунистического Интернационала, работая в конце тридцатых годов над биографией Сталина, проверил достоверность сведений, полученных от Верещака. По мнению Суварина, Верещак имел безупречную моральную репутацию в различных революционных кругах. Весьма комично, что собственный придворный поэт Сталина Демьян Бедный цитировал лестные для своего героя отрывки из воспоминаний Верещака в своих статьях, опубликованных в «Правде» в 1928 и 1929 годах.

Если рассерженный двадцатилетний учащийся отомстил за свое исключение тем, что действительно донес на своих товарищей, это было в тех условиях равносильно выдаче их тайной полиции, потому что семинария являлась государственным заведением Греческой православной церкви. Учащиеся-револю-

ционеры считались идеалистами и мечтателями. Возможно, в жилах этого юноши — Иосифа Джугашвили (это произошло задолго до того, как он взял имя «Сталин»), — решившего стать священником, текла кровь предателя? Такое утверждение мне показалось чересчур натянутым, чтобы в это поверить.

В начале марта 1902 года Сталин был одним из руководителей стачки в Батуми, кавказском городе на Черном море. Действуя из революционного подполья, он поддержал попытку толпы безоружных рабочих напасть на тюрьму. Во время нападения около четырнадцати демонстрантов были убиты, пятьдесят четыре ранены и сотни арестованы. Суварин обвиняет Сталина в том, что он спровоцировал кровавую авантюру, и добавляет, что рабочие Батуми так и не простили бессмысленное пролитие крови. Сам Сталин в демонстрации не участвовал. Среди жертв ходили мрачные слухи, что он был царским провокатором. Раздавались угрозы свести с ним счеты. Сталин уехал в Тифлис.

Поведение Сталина в Батуми стало впоследствии предметом важного спора. Уважаемый лидер грузинских социал-демократов Ной Жордания, ставший президентом Грузинской республики, когда она обрела независимость после революции, обратился к этой теме в своих воспоминаниях о Сталине, опубликованных в парижском «Эхе борьбы». По словам Жордания, Сталин и ранее был замечен как интриган. Его предупреждали, но он не обращал внимания и продолжал распространять клеветнические слухи с целью дискредитировать признанных представителей движения и таким образом сумел прийти к руководству в местной организации. Тогда Сталина привлекли к суду партийного трибунала. Жордания подтвердил все это и другие факты в разговоре со мной в его загородном доме во Франции в 1951 году.

Троцкий приводит дополнительные сведения о том, что Тифлис стал чересчур опасным местом для Сталина из-за его жажды власти. Он возвратился в Батуми, где был сразу же арестован. Хотя группу вожаков беспорядков обвинили и привлекли к суду, среди них не было Сталина. В этом нет ничего удивительного, так как он лично не участвовал в нападении на тюрьму. После того как Сталин провел полтора года в застенке, его в административном порядке приговорили к трем годам ссылки в Восточной Сибири, в Иркутской губернии, откуда он бежал в начале января 1904 года после пятидневного там пребывания.

И вновь представляются невероятными выдвинутые против Сталина обвинения в том, что предательство явилось побудительным мотивом для провоцирования им бунта.

Третье обвинение Сталина — в том, что он выдал царским властям Степана Шаумяна, «кавказского Ленина» — впервые

появилось в печати в издававшемся Жорданием «Эхе борьбы» (№ 3 за 1930 г.). Речь шла о случае, который произошел в 1907 году в разгар острого соперничества между Сталиным и Шаумяном. Шаумян, армянин, получивший западноевропейское университетское образование, должен был стать членом ЦК партии (он известен в СССР как руководитель двадцати шести бакинских комиссаров, казненных в сентябре 1918 года солдатами Британского экспедиционного корпуса на Кавказе). Грузинское социал-демократическое издание выдвинуло обвинение в том, что честолюбивый Сталин был преисполнен решимости убрать Шаумяна из руководства. «Начавшаяся между ними длительная борьба, — повествует Суварин, — приобрела такие масштабы, что бакинские рабочие даже подозревали Джугашвили (Сталина) в том, что он донес на Шаумяна в полицию, и требовали, чтобы Сталин был привлечен к суду партийного трибунала. Его спасли арест и ссылка в Сибирь».

Сам Шаумян открыто обвинял Сталина в том, что тот на него донес. Так, он сообщил Жорданию о своей уверенности в том, что именно Сталин донес в полицию о нелегальной квартире, в которой иногда ночевал Шаумян и адрес которой был известен только Кобе (Сталину). Шаумян считал, что кроме Сталина донести об этой квартире не мог никто. Бертрам Вульф, обращаясь к этому эпизоду в своей безупречной книге «Трое, сделавшие революцию», был крайне поражен тем, что работавшие со Сталиным люди могли считать его способным на предательство товарищей ради выживания. Троцкий также проявлял снисходительность в своем суждении, считая маловероятным, чтобы обвинители имели конкретные доказательства. Он назвал, однако, многозначительным уже тот факт, что партийные товарищи считали Сталина способным стать осведомителем из-за чересчур больших амбиций.

Сам Троцкий, отбывший наказание в царских тюрьмах и сибирской ссылке, также располагал достоверными сведениями относительно коварности характера Сталина, приведенными в 1928 году в разоблачениях Верещака. В бакинской тюрьме произошел такой случай. Молодой грузин был сильно избит соседями по камере, так как его заподозрили в доносах. Окровавленное тело юноши унесли на носилках. Верещак писал, что, как стало известно позже, слух о доносах распространил Коба.

Другой случай произошел в тюрьме, в которой Верещак и Сталин сидели в одной камере. Там «Митька-грек» зарезал насмерть молодого заключенного. Перед комитетом заключенных убийца утверждал, что тот был полицейским шпионом. В конечном счете после долгого расследования убийца понял, что его ввели в заблуждение, и автором обвинения был Коба.

Какие причины побудили Кобу прибегнуть к мести, никто так и не понял.

Троцкий скрупулезно проанализировал поведение Сталина во всех приведенных здесь эпизодах. И все же он до последних дней жизни отвергал предположение относительно преступной службы Сталина в царской Охранке.

Подобно Малиновскому, Сталин пять раз бежал из царских мест заключения. Само по себе это ничего необычного не представляет. Среди революционеров многие совершили еще больше побегов, и в этой связи могли похвастаться своим героизмом. Царская система ссылок была мягкой по сравнению с тоталитарными концентрационными лагерями. Об этом свидетельствует тот факт, что Ленину разрешили пригласить невесту в Сибирь, где они поженились, и заниматься изучением марксистской литературы. Среди ученых-некоммунистов, анализировавших карьеру Сталина, общепризнано, что есть что-то сомнительное в его неудачах и что целая рота официальных историков не сумела представить подробности его многочисленных побегов. Не всем революционерам удавались эффективные побег. Но все они вносили в летопись революции свои истории, представлявшие человеческий интерес. Подобные истории были особенно в традициях литературы, покоящейся на легендах и мифах, воспевающих каждый шаг, предпринятый Сталиным или приписанный ему. И тем не менее такие подробности нигде не обнаружены.

Верещак отметил еще один необычный аспект сталинских арестов и приговоров, который заключается в том, что Сталин никогда не предстал перед уголовным судом. И это несмотря на то, что Сталин играл важную роль в организации нападений революционеров на государственные банки, в использовании бандитов и фальшивомонетчиков, в операциях, предпринимавшихся для пополнения казны большевистской подпольной организации. Многие из сообщников Сталина предстали перед судом. То, что Сталин избежал суда, Верещак объясняет его способностью достигать своих целей скрытно, выставляя вперед других, оставаясь в то же время в тени.

Новым источником, требовавшим изучения, была написанная Лаврентием Берия хронология арестов, ссылок и побегов Сталина, которая увенчивает литературное здание биографии Сталина — «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Это руководство впервые появилось в печати в 1935 году. Оно выдержало девять крупных изданий на русском языке, переведено на основные иностранные языки, и в последующие годы распространялось в миллионах экземпляров. Этот труд способствовал карьере Берии и привел его при Сталине на вершину власти. В то же время этот труд лег

в основу всех сфабрикованных биографий Сталина, изготовленных его приспешниками в СССР и за его пределами Советского Союза. В подтасованных Берией сведениях скрыт важный ключ к разгадке тайны нашего века. Из-за Троцкого и других биографов этому источнику не уделяли внимания те, кто отвергал теорию о шпионаже Сталина в пользу царской полиции. Тем не менее в истории побегов Сталина находился ключ к его большому секрету.

4. ПРОПАВШИЕ ЗВЕНЬЯ

Тщательное изучение известной бериевской хронологии вскрывает потрясающие факты, причем некоторые из них полностью проигнорированы ввиду отсутствия изобличающих документов. Во-первых, это касается первого побега Сталина из Иркутской губернии в самом начале 1904 года, по проведению в этом месте ссылки около пяти недель, и нелегального возвращения в Тифлис в качестве беглеца. Многие, озадаченные действиями Сталина, склонялись к выраженной Троцким малобудительной точке зрения, что факт этот не может не вызвать удивления, так как, стараясь казаться как можно незаметнее, беглые каторжники редко возвращались к своим родным местам, где их слишком легко могла обнаружить постоянно бдительная полиция, тем более когда речь шла не о Петербурге и Москве, а о небольшом провинциальном городе наподобие Тифлиса. Во-вторых, еще больше вызывают удивления приведенные Берией официальные сведения относительно даты следующего ареста Сталина — 25 марта 1908 года, почти четыре года и три месяца после его первого побега. Какой странный пробел, когда речь идет о периоде, который вобрал в себя такие поворотные моменты, как крупная всеобщая стачка на бакинских нефтепромыслах и кровавое воскресенье в Санкт-Петербурге, давшее толчок жестоко подавленной революции 1905 года. Для Сталина это был период поездок в Финляндию, Стокгольм и Лондон, где он участвовал в тайных конференциях, которые находились под явным наблюдением царских шпионов. Это был период печально известного, сопровождавшегося кровопролитием вооруженного ограбления в 1907 году Тифлисского государственного банка, совершенного под аккомпанемент взрывов нескольких бомб, а также других подобных операций, которые, как считают, Сталин организовал из подполья.

Каким образом Сталину удалось избежать слежки и облачения, что само по себе является героическим подвигом, в течение этих грозных четырех с четвертью лет, как это ни странно, не описано в многотомных сочинениях о его револю-

ционной карьере. Еще более примечательный характер носит приговор, который был ему вынесен после ареста в Баку 25 марта 1908 года. Будучи в 24-летнем возрасте сослан в 1903 году в Восточную Сибирь отбывать наказание сроком на три года, он, представ перед судом как беглый каторжник с репутацией закоренелого и опасного мятежника, получил по приговору меньший срок, чем предыдущий, из которого он отсидел всего пять недель! И вместо того, чтобы оказаться в отдаленной Сибири, он отправился на два года в Сольвычегодск, в европейскую часть России, в Вологодскую губернию, находящуюся в нескольких стах милях севернее Москвы и восточнее Санкт-Петербурга.

Тайна приобрела еще более загадочный характер, когда Берия воспроизвел в одном из поздних изданий своей книги фотостат подлинного постановления № 4287, отданного шефом жандармерии Бакинской губернии генерал-майором Козинцовым. Оно касалось дела Иосифа В. Джугашвили (Сталина). Берия опубликовал это распоряжение в качестве доказательства того, что Сталин был опасен для царской полиции. Отметив, что Сталин бежал из ссылки в Восточной Сибири и находился в соответствии с циркуляром полиции в розыске, генерал Козинцов обратился к начальнику городской полиции Баку с предложением поставить Иосифа Виссарионовича Джугашвили под полицейский надзор в Восточной Сибири сроком на три года. Это постановление не было выполнено. Сталина приговорили к двум годам заключения в европейской части России. Почему? Этот вопрос долго мучил меня, и его решение связано с большой тайной.

Девять месяцев спустя Сталин совершил побег из Вологодской губернии и в следующем 1909 году был вновь арестован в Баку. Несмотря на то что за ним числилось два побега, его отослали в тот же город Сольвычегодск отсидеть свой двухгодичный срок! Рассмотрим еще один документ, взятый Берией из архивов Охранки, чтобы показать, каким опасным врагом являлся Сталин для царского режима. Берия цитирует доклад сотрудника Охранки капитана Галимбатовского от 24 марта 1910 года по делу Кобы Джугашвили, который, согласно докладу, всегда занимал исключительно видное место в деятельности революционных партий. Выводы капитана секретной полиции сводились, в изложении Берии, к тому, что ввиду двух побегов Сталина из места ссылки, в результате чего он не отбыл ни одного из сроков, он предлагал прибегнуть к более строгой мере наказания — ссылке в наиболее отдаленный район Сибири на пять лет. Как же должен был быть удивлен капитан Галимбатовский, когда Сталина отправили в тот же город Сольвычегодск отсиживать свой двухлетний срок!

Сталин опять совершает побег и вновь оказывается под арестом в Санкт-Петербурге в сентябре 1911 года. Его арестовывают в четвертый раз. Это был период ожесточенной царской реакции. В октябре 1911 года во время торжественного представления в киевской опере, в присутствии царя произошло убийство железного канцлера Столыпина. За этим событием последовала волна репрессий. В декабре 1911 года Сталин — теперь уже трижды бежавший из мест заключения — вновь ссылается в тот же вологодский приют, чтобы отсидеть неотбытый срок наказания своего первоначального приговора.

Переломный момент в жизни Сталина произошел после нелегальной конференции в Праге, на которой Ленин сформировал свой Центральный Комитет. По крайней мере, четверо делегатов, включая Малиновского, являлись агентами Охранки. Ленин послал в Вологду, столицу губернии, в которой теперь отбывал наказание Сталин, его земляка Серго Орджоникидзе, чтобы договориться относительно «кооптации» Сталина в ЦК. Орджоникидзе писал затем Ленину, что достиг со Сталиным определенной договоренности и что тот удовлетворен ходом вещей. После этого Малиновский ввел Сталина в состав ЦК. Более того, Сталин должен был стать редактором проектируемой ежедневной газеты «Правда», издание которой предполагалось начать через несколько недель в Санкт-Петербурге. Новые горизонты открывались перед «пламенным колхидцем», как назвал Ленин Сталина (Колхида была кавказским царством в древней Парфии). Неудивительно, что Сталин бежал спустя всего лишь несколько дней после визита Орджоникидзе, 29 февраля 1912 года.

Сталина вновь схватили в Санкт-Петербурге в апреле 1912 года. Прошло почти восемь лет после его первого побега. Пришел конец его легкой жизни в привилегированной ссылке. Перед Сталиным маячила власть особого рода: членство во всемогущем ЦК и место главного редактора в редколлегии столичной газеты. Беглый взгляд на бериевскую «хронологию» теперь обнаруживает неожиданную и необъяснимую перемену в политической судьбе Сталина. Его приговорили к ссылке на четыре года в Нарымский край в центральной Сибири. Но уже летом того же года он совершает побег и возвращается в Санкт-Петербург, чтобы надолго остаться в столичном подполье. В начале 1913 года он отправился вместе с Лениным в Краков, а оттуда в длительную поездку за границу. Он был вновь арестован в Санкт-Петербурге в апреле 1913 года и отправлен в отдаленный Туруханский край в Восточной Сибири, где находился до революции. Этот последний арест произошел в результате доноса Малиновского, что привело к поимке нескольких соратников Ленина.

Перечень арестов Сталина точно соответствует приведенному Берией в его «хронологии», бесчисленное количество экземпляров которой было распространено по всему миру. Однако другое опубликованное заявление Берии противоречит его собственным данным. 21 декабря 1939 года по случаю шестидесятой годовщины со дня рождения Сталина Берия преподнес подготовленный коммунистическими партиями десятков стран сборник статей, опубликованный в 1940 году под заголовком «Сталин». В числе авторов сборника были Берия, Молотов, Микоян, Хрущев, Маленков, Каганович. Берия, в частности, писал (в нью-йоркском издании книги, напечатанной коммунистической рабочей библиотекой), что начиная с 1902 года Сталина арестовывали и содержали в тюрьме восемь раз; семь раз его ссылали и шесть раз ему удавалось бежать.

Здесь налицо ряд расхождений между двумя подсчетами, произведенными Берией, которые требуют разъяснения. Вместо приводимых в хронологии шести арестов упоминаются восемь, вместо шести ссылок — семь, вместо пяти побегов — шесть. Невероятно, чтобы подобные расхождения явились результатом небрежности со стороны лично Берия, со стороны пресс-бюро ЦК, редактирующего все подобные материалы, и редакторов Коминтерна, которые осуществляют надзор над переводами на иностранные языки. Само собой разумеется, что полицейское досье Сталина содержало ряд неопубликованных фактов, и между 1935—1939 годами выявились побудительные мотивы, вынудившие Берия предпринять попытку запутать этот вопрос.

Покров таинственности станет плотнее при взгляде на жизнь Сталина в его последнем месте ссылки. В Туруханске Сталин находился вместе с другими членами большевистского ЦК, в том числе с Яковом Свердловым, будущим председателем ВЦИК советской республики. Свердлов и Сталин между собой не ладили. В 1924 году, спустя примерно пять лет после неожиданной смерти Свердлова, было объявлено о предстоящей публикации всей его переписки из Туруханска. Известно, что в ней много говорилось о Сталине. Но она так никогда и не увидела света. Однако о поведении Сталина в Туруханске стало кое-что известно. Выявилось, что он поддерживал дружеские отношения с местным офицером полиции надзирателем Кибировым. Это было нарушением всех традиций, существовавших между политическими ссыльными. Одним из последствий этого стало установление Кибировым пристального наблюдения над двумя главными коллегами и соперниками Сталина — Спандаряном и Свердловым, которые являлись признанными лидерами всей колонии ссыльных.

По какой же причине Охранка изменила свое отношение к Сталину после 1912 года? И если Сталин служил в Охранке,

то как обстояли дела с его деятельностью и поездками между Кавказом и Лондоном, Санкт-Петербургом и Стокгольмом? Вряд ли было бы возможно уничтожить все документальные свидетельства о его двойной жизни. Вскоре после своей высылки за границу Троцкий заявил о подозрительном исчезновении определенных документов из советских архивов, а старый кавказский большевик В. Е. Бибинейшвили вспоминал, что вскоре после того, как в Грузию вторглись Советы, туда приехал «таинственный незнакомец» и под фальшивым предлогом захватил корреспонденцию Камо и другие ценные документы, которые исчезли без следа. Троцкий поставил вопрос о том, не похитил ли Сталин с помощью одного из своих агентов у Камо определенные материалы, которые по той или иной причине могли беспокоить Сталина. Кем был Камо? Кавказским большевиком с репутацией Робин Гуда, который лично участвовал в известном вооруженном нападении на тифлисский государственный банк в 1907 году. Будучи арестован, он симулировал сумасшествие и выдержал пытки. Его приговорили к смерти, в последнюю минуту смягчили наказание. После революции он повздорил со Сталиным из-за того, кому приписать заслуги за тифлисский налет. А затем погиб при странных обстоятельствах, хотя даже Троцкий согласился с официальной версией, согласно которой Камо, ехавший в темноте на велосипеде, случайно попал под автомобиль на одной из улиц Тифлиса летом 1922 года. Вскоре после этого инцидента, тем же летом, Сталин отправился на Кавказ, а автор биографии «Камо» Бибинейшвили был репрессирован в ходе большой чистки.

О другом документальном свидетельстве, касающемся Сталина, упомянули два его бывших союзника — Каменев и Зиновьев, которые оказали ему поддержку в борьбе за власть с Троцким. Когда они порвали со Сталиным в 1925 году, то оба оставили письма в надежном месте, указав, что, если погибнут неожиданно, это будет дело рук Сталина. Точно так же они советовали поступить Троцкому, утверждая, что Сталин был озабочен не тем, как отвечать на доводы Троцкого, а тем, как безнаказанно его устранить. Когда спустя одиннадцать лет Каменев и Зиновьев были уничтожены, их спрятанные письма на свет не появились, хотя и нет никаких доказательств того, что Сталин их уничтожил.

Еще один комплект документов, касающихся Сталина, о которых никогда не упоминалось в прессе, находился, по сообщению из надежного источника, в руках Вадима Смольянинова, который в первые годы революции служил личным секретарем Ленина, а затем начальником канцелярии Совета Народных Комиссаров. После ряда перемещений по службе Смольянинов стал жертвой большой чистки, но его документы,

как считают, спрятаны в укромном месте в Москве. По свидетельству корреспондента выходявшей в Париже газеты Керенского «Дни» за октябрь 1929 года московские круги были полны слухов о том, что член Политбюро и руководитель советских профсоюзов Михаил Томский и глава московского комитета партии Николай Угланов также располагали уймой документов, компрометирующих революционную карьеру Сталина. В январе 1931 года тот же корреспондент газеты «Дни» вновь сообщил о циркулировавших в Москве слухах относительно прошлого Сталина в качестве царского агента. В сообщении говорилось, что Феликс Дзержинский, основатель ЧК, перед самой смертью получил в свое распоряжение документы, доказывавшие, что Сталин был шпионом Охранки, и передал их Томскому. Последний, в свою очередь, дал их на хранение Ворошилову. Томский и Угланов погибли в чистку. Намного раньше при подозрительных обстоятельствах умер Дзержинский. Ворошилов остался жив благодаря тому, что, как утверждает молва, сделал документы недоступными для Сталина, пригрозив, что обнародует их в случае, если с ним что-нибудь случится. Одновременно в январе издававшийся в Берлине меньшевистский журнал «Социалистический вестник», ссылаясь на осведомленные источники, близкие к Кремлю, сообщил об аресте нескольких историков, которые при рассмотрении и анализе сохранившихся папок с документами Охранки обнаружили материалы, инкриминировавшие сотрудничество с Охранным отделением ряда высокопоставленных коммунистических руководителей. Вскоре после этого историки быстро исчезли за тюремными стенами. Ко всем этим сообщениям добавим свидетельства Александра Орлова, бывшего крупного чина сталинской разведки в годы гражданской войны в Испании, сбежавшего в 1938 году в Соединенные Штаты после 21 года службы. В своей книге «Тайная история сталинских преступлений», опубликованной на английском в 1953 году, Орлов утверждал, что ликвидация маршала Тухачевского займет особое место в истории, так как ему, Орлову, из абсолютно заслуживающего доверия и авторитетного источника известно, что дело маршала Тухачевского связано с одним из самых страшных секретов Сталина, который в случае обнародования бросит тень на многое, кажущееся столь непостижимым в поведении Сталина. Мало сомнений в том, что список известных преступлений Сталина теперь пополнился тем, что составляло его самый главный секрет.

Когда эта книга была уже в печати, в журнале «Лайф» от 23 апреля 1956 года появилась статья А. Орлова, в которой впервые обнародованы факты, указывающие на то, что скрывалось за сталинскими преследованиями маршала Тухачевского и всего высшего командования Красной Армии. Обнаружен-

ное старое досье, содержащее написанные рукой Сталина доносы в царскую секретную полицию, были доведены до сведения И. Е. Якира, командовавшего всеми вооруженными силами на Украине, и Станислава Косиора, члена Политбюро и политического руководителя Украины. Якир полетел в Москву советоваться со своим другом Тухачевским, главнокомандующим Красной Армией. Тухачевский поделился тайной с заместителем наркома обороны Гамарником. В результате этого во главе с маршалом Тухачевским возник заговор, направленный на ликвидацию правления Сталина. Заговорщиков побудило реализовать свои планы неожиданное осознание того факта, что тиран и убийца, ответственный за нескончаемые ужасы (тогда проводились кровавые чистки), был не настоящим революционером, а лицемером, порождением ненавистной Охранки. Но прежде чем заговорщики смогли выработать общую линию осуществления переворота, Сталин пронюхал о заговоре, и все его участники были тотчас уничтожены. Орлов считал, что несколько фотокопий сталинского досье Охранки было сделано. Некоторые из них, а возможно и сами подлинные документы, должны были уцелеть при любых полицейских обысках.

В свете расхождений и подозрительных обстоятельств, связанных с революционным тюремным прошлым Сталина и потоком сообщений о пропаже изобличающих документов, относящихся к этому же периоду, естественно возникает вопрос: было ли простым совпадением то, что сразу после убийства Кирова тогда еще малоизвестному Берии была поручена задача написать историю, доказывающую верность Сталина революционному движению?

5. ОТРАВИЛ ЛИ СТАЛИН ЛЕНИНА?

История о том, что Ворошилов хранил часть досье Охранки на Сталина в виде гарантии от его мести, показалась мне заслуживающей доверия лишь в 1939 году. Именно тогда я впервые узнал от бывшего нелегального коммунистического агента, совершенно неизвестного в те годы Уиттекера Чэмберса, что он спрятал заснятые на микрофильм документальные свидетельства, которые впоследствии приобрели известность как «тыквенные документы» и стали средством защиты от кары за его дезертирство со сталинской службы. И Чэмберс жил в страхе за свою жизнь и жизнь жены и детей не в Москве, а на мирном Лонг-Айленде под Нью-Йорком.

Все это стало зловещим фоном для сенсационных событий августа 1940 года. 10-го числа того месяца Лев Троцкий выступил в журнале «Либерти» с потрясающей разоблачительной

статьей «Отравил ли Сталин Ленина?». Этому обвинению Троцкий предпослал следующее заявление: «Каждый упомянутый мною факт, каждая ссылка и цитата могут быть подкреплены либо официальными советскими изданиями, либо документами, хранящимися в моем архиве»¹.

На протяжении некоторого времени было широко известно, что Троцкий работал над биографией Сталина. Ряд ученых, занимавшихся изучением истории большевизма, задумывались над тем, удастся ли Троцкому привести документальные свидетельства о вызывавших подозрение связях Сталина с царской Охранкой. Несомненно, что сам Сталин и всемирная шпионская сеть Берии имели основания опасаться предстоящих разоблачений со стороны Троцкого. 20 августа 1940 года Троцкий был убит в кабинете своего хорошо укрепленного дома в Мехико. Его убийца — Жак Морнар-Джексон-Меркадер отбывает сейчас в тюрьме шестнадцатилетний срок заключения, но остается, как всегда, непроницаем. В статье в журнале «Либерти» Троцкий привел много фактов из кремлевской жизни, которые в те годы были совершенно неизвестны. Он писал, что последний период жизни Ленина был отмечен напряженным конфликтом между ним и Сталиным, что привело к их полному разрыву. Во враждебности Ленина к Сталину не было ничего личного. Однако постепенно Сталин стал использовать возраставшие преимущества, которые предоставлял его пост, для мести своим оппонентам. Мало-по-малу Ленин убеждался в том, что некоторые черты характера Сталина наносят прямой вред партии. Так возникло его решение переместить Сталина на положение рядового члена ЦК. После продолжавшейся год болезни Ленин 16 декабря 1922 года перенес второй сердечный приступ. 25 декабря 1922 года он начал и 4 января 1923 года закончил писать свое знаменитое, находящееся все еще под запретом «Завещание». В этом документе, который, возможно, вот-вот увидит свет в полном объеме в Советском Союзе, он первым выразил опасение по поводу того, что Сталин сосредоточил в своих руках «необъятную власть», и добавил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, ко-

¹ Цит. по кн.: *Троцкий Л. Портреты революционеров*. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 66. В настоящем издании опущены обширные цитаты из Троцкого, заимствованные Дон Левиным из статьи Троцкого в журнале «Либерти» и говорящие о возможном отравлении Сталиным Ленина. На русском статья Троцкого была опубликована под данным Троцким названием «Сверх-Борджиа в Кремле» (Портреты революционеров, с. 65—79). — *Примеч. Ю. Ф.*

торый во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом...»¹

«В середине декабря (1922 г.) состояние здоровья Ленина снова ухудшилось», — писал Троцкий. Сталин сразу же стал утаивать от Ленина значительную часть информации. Ленина охватили тревога и возмущение. Главным источником беспокойства был Сталин. «Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе».

Когда Сталин впервые прочел текст «Завещания», он разразился в адрес Ленина бранью. Появление «Завещания» не только не прекратило внутреннюю борьбу, чего хотел Ленин, а накалило ее до крайней степени. Сталин больше не мог сомневаться в том, что возвращение Ленина к активной деятельности означало его политическую смерть. Только кончина Ленина могла расчистить ему дорогу.

2 марта 1923 года Ленин написал критическую статью о Рабкрине, учрежденном для борьбы с бюрократией. Организатором и руководителем этого наркомата был Сталин. Ленин писал, что худшего учреждения не существует. И это звучало угрожающим предупреждением Сталину. 5 марта Ленин продиктовал стенографистке записку, в которой заявил, что разрывает со Сталиным все личные и товарищеские отношения. До конца своих дней Троцкий верил, что эта записка была последним написанным Лениным документом (как мы увидим, могли быть и другие).

Обвинение в том, что Сталин ускорил уход Ленина в могилу при помощи яда, в дальнейшем было подтверждено рядом сообщений об аналогичных делах, совершенных самодержцем в Кремле. Один из первых секретарей Сталина — Бажанов, бежавший за границу в 1926 году, поведал в 1930 году в «Ревю де Франс», что Сталин совершил определенный прогресс по сравнению с временами Цезаря Борджиа. Тогда они проворно бросали ядовитый порошок в бокал вина из Фалерно или умерщвляли врага отравленным яблоком. Современные методы работы, — заключал Бажанов, — позволяли отравлять пищу «бациллами Коха», что постепенно вело к неожиданной смерти.

Бажанов намекнул, что преемник Троцкого на посту министра обороны Михаил Фрунзе, чья внезапная смерть вызвала волну слухов, погиб не без определенной помощи

¹ Цит. по кн.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923—27: В 4 т. М.: Изд. Терра, 1990. Т. 1. С. 74. — *Примеч. Ю. Ф.*

Сталина. Когда известный советский писатель Борис Пильняк написал рассказ о событиях вокруг Фрунзе под заголовком «Повесть непогашенной луны», Сталин приказал конфисковать произведение, а с самим Пильняком в конечном счете расправились. Когда Серго Орджоникидзе, один из ближайших давних товарищей Сталина, неожиданно умер в 1937 году после проведенного в период чистки процесса Радека—Пятакова, многие считали, что Сталин ответствен за кончину своего друга. Наконец, широко обсуждалась тайна смерти молодой жены Сталина Надежды Аллилуевой, на которой он женился в 1919 году, когда ей было всего семнадцать лет. Ее внезапная смерть, о которой было объявлено в ноябре 1932 года, почти все представители власти приписали самоубийству. Но по крайней мере один источник сообщил, что Сталин самолично убил Надю, мать двоих его детей. Жена бывшего советского атташе в Мексике Нина Алексеева, которая много лет служила одним из секретарей Крупской в Кремле, бежав в Соединенные Штаты, рассказала в своих неопубликованных мемуарах, что госпожа Сталина была застрелена собственным супругом. Только сейчас из официальных источников в Москве начинают просачиваться сведения, подтверждающие это ужасное преступление. В свете этого кошмарного списка подозрений и обвинений осуждение Троцким Сталина как возможного убийцы Ленина приобретает черты реальности и несет в себе большую политическую взрывную силу.

Начало этого процесса связано со смертью Троцкого, происшедшей во время завершения им работы над биографией Сталина. Есть у этой истории и американское продолжение, о котором можно сейчас впервые рассказать. После убийства Троцкого Льюис Браун, автор книги «Этот доверчивый мир» и других популярных произведений, решил обратиться к описанию жизни Троцкого. Собрав большой материал, он затем отправился в Мехико для интервью с убийцей в тюремной камере. В этом он заручился поддержкой мексиканских властей. Возвратившись домой в Санта-Монику в Калифорнии, нагруженный захватывающими фактами и записями, он приступил к работе над планируемой книгой.

Рассказавший мне эту историю в 1943 году господин Браун в те годы жил один в своем доме. Однажды в воскресенье его сосед, знаменитый Лион Фейхтвангер, пригласил его на вечеринку, на которой собирались присутствовать несколько человек, хорошо знакомых с советскими делами. Хотя Фейхтвангер посетил в 1937 году Москву и опубликовал крайне лестную книгу о Сталине и его системе правосудия, Браун поддерживал дружеские отношения с коллегой по профессии. Он оставил

все свои материалы, касающиеся Троцкого, разбросанными по письменному столу и полкам, рассчитывая возвратиться к своей работе через час или два.

Вечеринка весьма удалась. Собралось много интересных людей, включая хорошо информированных о вражде между Сталиным и Троцким. Они не отходили от Брауна и занимали его разговорами. Пару раз он пытался уйти, но его настойчиво уговаривали остаться. Когда он возвратился домой, который, кстати говоря, был полон ценных произведений искусства из серебра, все его материалы о Троцком исчезли. Больше из дома ничего не украли.

Браун, по наивности не знавший о сталинских методах работы, сразу пришел к выводу, что странное ограбление должно было быть совершено агентами американского правительства, которые выискивали документы о Троцком в связи с его руководящим участием в коммунистическом движении. Браун немедленно позвонил своему другу Фрэнсису Биддлу, тогдашнему генеральному прокурору Соединенных Штатов, чтобы выразить протест по поводу налета и потребовать возвращения папок. Господин Биддл быстро рассеял подозрения Брауна. Тот приехал в Вашингтон, и ФБР повело расследование. Документы так и не были найдены. Брауну пришлось отказаться от написания книги о Троцком, но он понял, как далеко может протянуться рука Сталина в поисках важных документов.

6. ПОЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕНТ

Сталин вышел из второй мировой войны фигурой мирового масштаба, но, несмотря на его общение в военное время с западными лидерами и дипломатами, он остался такой же загадкой, как и прежде. В период между визитом Риббентропа в Москву в 1939 году и поездкой Трумэна в Потсдам в 1945 году Сталин неоднократно вел ожесточенные споры и пил вино с десятками проницательных наблюдателей, включая Уинстона Черчилля и президента Рузвельта. Однако никто не проник за внешний панцирь этого человека. И тайна Сталина осталась нераскрытой и непотревоженной. Несмотря на все публикуемые намеки на ее существование и весомые косвенные доказательства, отсутствовало прямое документальное свидетельство, подтверждающее обвинение в том, что Сталин был агентом царской Охранки. И вот в 1947 году мне принесли документ. Это был оригинал письма из управления Охранки, адресованного шефу Охранного отделения в Енисейской губернии, в которую входил Туруханский край, где Сталин отбывал ссылку в 1913 году. Оно было датировано 12 июля 1913 года и

согласно штемпелю получено 23 июля 1913 года. Под ним стояла подпись: Еремин¹.

Беглый взгляд на документы вызывает кучу вопросов. Начнем с того, что даты соответствуют неоспоримым фактам. Сталин был отправлен в туруханскую ссылку из Санкт-Петербурга в июне. Такие прогоны по этапу от одной тюрьмы до другой, когда из каждой добавляли к эшелону группу заключенных, обычно занимали недели и часто месяцы. Отправление письма в июле было совершенно закономерным. Его прибытие к адресату через одиннадцать дней было нормальным.

За избранием Сталина в Центральный Комитет немедленно последовало его возвращение в Санкт-Петербург из Вологды, что опять совпадает с известными фактами. Характеристика Сталина как человека, чья работа отличается точностью, подходит к нему больше, чем к большинству революционеров. Указание на столицу «Петербург», а не «Санкт-Петербург» является признаком подлинности, поскольку так обычно неофициально называли столицу.

К концу 1913 года Сталин уже опубликовал свою наиболее важную работу «Марксизм и национальный вопрос» за подписью К. Сталин и, будучи редактором «Правды», как Сталин стал широко известен в подпольных революционных и полицейских кругах. Более того, само многократное упоминание имени Сталина — 6 раз в довольно коротком письме — свидетельствует о подлинности этого документа. Подделыватель наверняка избегал бы таких повторов. Сильные пометки теми же чернилами, что и подпись, как это было обнаружено при осмотре, также указывают на подлинность документа. Изготовитель фальшивки постарался бы не делать неаккуратных пометок на важном документе. Тот факт, что отступление от строки во втором абзаце такое незначительное, что едва заметно, тоже говорит о неряшливости, которую не позволил бы себе ни один изготовитель фальшивок.

Однако остается ряд важных пунктов, требующих проверки. Был ли арест Сталина в 1906 году зарегистрирован? В официальной биографии Берии в хронологии арестов имеется пробел в четыре года между 1904 и 1908 годами. Была ли бумага, на которой письмо напечатано, изготовлена недавно или до первой мировой войны и в каком месте? Применялась ли в то время в России подобного типа пишущая машинка? Был ли в Енисейске начальник Охранного отделения по имени Железняков? И, наконец, служил ли человек по фамилии Ере-

¹ Опущен текст письма Еремина, опубликованный в предисловии к настоящему изданию. — *Примеч. Ю. Ф.*

мин в управлении полицейского департамента, и можно ли абсолютно точно проверить его подпись?

До проверки подлинности самого документа следует прежде всего изучить его историю. Откуда он появился и в чьих руках находился, пока не попал с места написания в Нью-Йорк? В сентябре 1946 года в коннектикутской летней резиденции тогдашнего посла в Италии г-жи Клер Бут Люс я встретился с господином Вадимом Макаровым, хорошо известным сыном знаменитого адмирала Степана Макарова, героя злосчастной Тихоокеанской эскадры Императорского военно-морского флота в русско-японской войне 1905 года. Наша встреча в качестве гостей г-жи Люс привела к продолжительной дружбе. Господин Макаров сообщил мне тайну, которую разделял с двумя другими известными русскими эмигрантами — Борисом Бахметьевым и Борисом Сергиевским. Ныне покойный господин Бахметьев, русский посол в США после революции, представлял так называемое правительство Керенского. Во время нашей встречи он был профессором международных отношений в Колумбийском университете и главой важного промышленного концерна. Господин Сергиевский был известным летчиком — пионером русской авиации. Все три господина имели безупречную репутацию.

Господин Макаров сказал мне, что им достался оригинал документа, который, если его обнародовать, мог бы произвести на диктатуру Сталина эффект разорвавшейся бомбы. Этот документ устанавливал дореволюционную связь Сталина с Охранкой. Я выразил сомнение, но заинтересовался. Оригиналом документа находился у господина Сергиевского. Я вскоре встретился с ним, и он передал мне этот документ на хранение, для изучения и установления подлинности.

Откуда появился этот документ? По-видимому, он был привезен в Соединенные Штаты из Шанхая профессором М. П. Головачевым, русским эмигрантом, проживающим в Китае, бывшим заместителем министра в демократическом Дальневосточном правительстве во время гражданской войны в России. Профессор Головачев, уже давно вернувшийся к себе в Китай, был известен всем троим как сын известного московского юриста. Как этот документ попал к Головачеву? По словам Головачева, он попал к нему в руки от его сибирских товарищей по оружию, бежавших в Китай. Поскольку на севере Китая полыхала гражданская война между силами красных и Чан Кайши, Головачев, подобно тысячам других русских, настроенных против большевиков, пытался эмигрировать вместе с женой в Соединенные Штаты. Угроза Шанхаю возрастала, и от Головачева посыпались отчаянные просьбы Сергиевскому и Макарову добиться для него въездной визы.

Тем временем я узнал, что весьма уважаемый русский инженер, помогавший строить китайские железные дороги, Михаил Н. Павловский, член факультета французского университета Ороп в Шанхае, был в Нью-Йорке проездом по дороге в Париж. Господин Павловский, автор научного труда о ранней истории китайско-русских отношений, опубликованного философской библиотекой в Нью-Йорке. Я нашел его, чтобы поговорить с ним об истории этого документа. Павловский знал Головачева со времени общения последнего с Валерианом Моравским, одним из высокопоставленных представителей Дальневосточного правительства в годы американской экспедиции в Сибири, посланной в 1918—1920 годах президентом Вильсоном под руководством генерала Уильяма С. Грейвса. Павловский также был знаком с документом, подлинность которого он сам пытался установить. На мой вопрос, не старался ли он когда-либо обнаружить источник документа, я получил обнадеживающие сведения. Некий полковник Русиянов из Сибирской жандармерии извлек его вместе с другими бумагами из архивов сибирского Охранного отделения и привез в Китай. Русиянов передал его Головачеву, который специализировался по международным проблемам для изданий Северного Китая. При получении американских виз для Головачева и его жены я достал в конце 1948 года оригинал справки, выданной в Шанхае 8 июня того года атташе по культурным вопросам французского посольства в Китае К. Гробуа, в которой говорится, что он знает Головачева и его жену более двадцати лет: «Господин Головачев — высококультурный человек, который в кругах интеллигенции в Шанхае нашел широкое применение своим знаниям и интеллекту и всегда избегал политических баталий. Господин М. Р. Головачев заслужил прекрасную репутацию в китайских и иностранных кругах Шанхая». Когда накануне падения Шанхая началась паника, Головачевы спаслись, став участниками массовой эвакуации русских беженцев на Филиппины, осуществленной с американской помощью, и в конечном счете высадились на Западном побережье США.

Таким образом, я убедился, что история с доставкой документа из Сибири в Соединенные Штаты не вызывает сомнений. Но главная работа по установлению его подлинности все еще была впереди.

7. ПОИСКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

От изучения личностей тех, кто знакомился с этим документом, и до уверенности в его подлинности — дистанция огромного размера. Прежде всего, проф. Головачев был

специалистом в области международного права, посол Бахметьев и господин Павловский получили инженерное образование, господин Макаров покинул Россию молодым военно-морским офицером и стал бизнесменом, и господин Сергиевский был экспертом в воздухоплавании. Никто из них не был специалистом в вопросах истории большевистской партии, в особенности в эру Сталина. Более того, я узнал, что когда к Джорджу Кеннану, который тогда был экспертом по советским делам в госдепартаменте, обратились за консультацией в целях определения подлинности документа, он не взял на себя ответственность отвечать на этот спорный вопрос.

В этих условиях важно было подвергнуть документ такому тщательному исследованию, чтобы не оставалось никаких сомнений в его подлинности. Одним из наиболее сомнительных моментов стало упоминание ареста Сталина в 1906 году в Тифлисе. Как уже отмечалось, Берия и все другие официальные биографы опускали какие-либо упоминания о четырехлетнем периоде жизни Сталина — между его побегом в начале 1904 года и повторным арестом весной 1908 года. До восхождения Сталина к вершине власти, в двадцатые годы, в опубликованных советским правительством журналах и брошюрах было много мемуаров, в которых также описывались события, связанные со Сталиным. Все их авторы в конечном счете подверглись чистке. В Советском Союзе эти источники были изъяты из обращения. И за границей даже в ведущих западных библиотеках некоторые из этих оригинальных публикаций были либо повреждены, либо уничтожены руками неизвестных лиц.

В 1940 году в Москве было опубликовано хорошо иллюстрированное библиографическое издание объемом в 274 страницы под заголовком «Сталин и о Сталине». В разделе, посвященном библиографическим источникам о Сталине, приведены 95 изданий. За исключением двух — работы Берии и санкционированной биографии, написанной французским коммунистическим писателем Барбюсом — эти труды были изданы в 1939 году или позднее. Опубликованные в двадцатые годы работы приведены не были.

Выяснилось, что бежавший из ссылки Сталин был арестован в Тифлисе 15 апреля 1906 года и отпущен в тот же день после нескольких часов задержания. Прежде чем Сталин мог запретить его публикацию, факт этот был обнародован в начале двадцатых годов в различных исторических трудах. Он был основан на материале, обнаруженном в архивах Кавказской жандармерии. Троцкий в своей большой работе о Сталине в «хронологии» в разделе о 1906 годе пишет следующее: «15 апреля — Сталин арестован во время налета на типографию

Авлабар и затем освобожден».¹ В Тифлисе, столице Грузии, подпольная типография в Авлабаре является историческим революционным памятником. Она была восстановлена для всеобщего обозрения якобы из-за причастности Сталина к ее созданию.

Первое издание Большой советской энциклопедии, первые тома которой вышли под редакцией Николая Бухарина и других, впоследствии подвергшихся чистке, содержит упоминания об Авлабаре и описания этого хваленного успеха большевиков в разгар борьбы Сталина против царизма. Во втором издании той же энциклопедии, сданном в печать в 1940 году, полстраницы посвящено Авлабарской типографии, основание которой приписывается Сталину. Статья иллюстрирована старательным рисунком, изображающим эту подпольную типографию. Называя ее выдающимся примером большевистской подпольной техники и подчеркивая, что она печатала книги, брошюры, газеты и листовки, энциклопедия заявляет, что типография превосходила все другие нелегальные типографии. Эта последняя фраза помогла мне разгадать небольшую тайну, когда я обнаружил, что в первом издании Большой советской энциклопедии, хранящемся на полках Славянской комнаты в библиотеке конгресса в Вашингтоне, страница, содержащая статью о Енукидзе, подверглась хирургическому вмешательству со стороны какого-то вандала и была вырезана (к счастью, библиотека смогла достать еще один комплект этого запрещенного первого издания). Енукидзе был автором брошюры, опубликованной в 1925 году, о подпольных типографиях на Кавказе — «Большевистские нелегальные типографии», — в которой едва ли отмечались какие-либо заслуги Сталина. За это через десять лет Берия жестоко его наказал. Несмотря на свои близкие отношения со Сталиным на протяжении всей жизни, Енукидзе был казнен в период чистки.

В третьем издании Большой советской энциклопедии, вышедшей осенью 1953 года, спустя полгода после смерти Сталина, была изъята картинка с Авлабарской типографией и был сокращен до десяти строк текст самой статьи. Однако упоминание об этом важном связующем звене с темным прошлым Сталина осталось в книге Е. Ярославского «Вехи в жизни Сталина», вышедшей в Москве в 1940 году. В ней говорилось о том, что типография в Авлабаре, основанная по указанию Сталина, стала важным фактором в деятельности большевистских организаций Закавказья и не только Закавказья, а ее превос-

¹ Хронологический указатель к работе Троцкого «Сталин» был составлен переводчиком книги Ч. Маламутом. Сам Троцкий, убитый до завершения работы над книгой, к составлению «хронологии» отношения не имел. Следует, однако, отметить, что «хронология» Ч. Маламута добросовестно составлена по тексту книги Троцкого и в целом отражает ее дух. — *Примеч. Ю. Ф.*

ходная организация выделялась из всех известных нелегальных типографий, причем долгое время, вплоть до 15 апреля 1906 года, полиция не могла обнаружить ее местонахождение. Ярославский писал, что царское правительство считало обнаружение Авлабарской типографии большой победой. Далее придворный историк Сталина Ярославский цитировал сообщение печати, имеющее все признаки обработки Охранкой с целью создания Сталину алиби. Оно не содержало каких-либо упоминаний о лицах, арестованных в Авлабаре, а совершенный на эту тайную типографию налет и более поздний налет на легальную газету «Элва» представлены событиями одних суток — 15 апреля и утра 16 апреля — и характеризуются официальной царской газетой «Кавказ» как беспрецедентный триумф быстрых и эффективных действий.

Кто же был арестован? Ярославский, имевший возможность неоднократно ссылаться на славную Авлабарскую типографию, тщательно избегает имен арестованных во время этого налета. Он не только не упоминает о факте ареста Сталина, но ухитряется избегать даже намеков на то, какое влияние оказала на Сталина гибель его любимого детища. Тем не менее по меньшей мере два соратника Сталина по авлабарской операции в биографических статьях, написанных для советской энциклопедии «Гранат», изданной в 1927 году, описали, что произошло с ними. Одним из свидетелей был не кто иной, как председатель СНК Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики Мамия Орахелашвили, будущий член ЦК. Он рассказывает о своем возвращении на Кавказ после бегства в Швейцарию и о последовавшем за этим арестом и судом в Тифлисе по делу об Авлабарской подпольной типографии. Другим коллегой Сталина был Шалва Элиава, преемник Орахелашвили на посту председателя СНК ЗСФСР, ранее занимавший пост председателя СНК Грузинской ССР. Элиава вспоминал, что в апреле 1906 года был арестован в связи с провалом большевистской подпольной типографии.

Познакомившись в 1923 году в Тифлисе с солидным Орахелашвили и хромым Элиавой, я встретился с ними вновь в Москве в следующем году. Оба они были казнены Сталиным во время большой чистки.

Я знал третьего человека, арестованного в тот же день в редакции социал-демократической газеты «Элва». Он жил в Германии. Это был Р. Арсенидзе, нынешний редактор грузинского отдела радио «Свобода» в Мюнхене. Я знал господина Арсенидзе на протяжении ряда лет, и его повсеместно уважают как весьма надежного человека. В одном из своих писем Арсенидзе сообщил мне следующее:

«Тот факт, что Сталин весной 1906 года был ненадолго арестован, подтвердил мне один из старых активистов соци-

ал-демократов Кахеладзе, бывший в то время членом Тифлисского комитета социал-демократической партии. Он хорошо помнил арест и быстрое освобождение Сталина, но не мог назвать точной даты ареста».

Сам Арсенидзе не был непосредственно связан с подпольной типографией, когда, очевидно, одним из арестованных «трех человек» был Сталин. Об этом сообщалось в печати на следующий день. Господин Арсенидзе пишет, что во время его трехмесячного заключения в главной тюрьме Тифлиса, где часто встречались на прогулках все политические заключенные, Сталина нигде не видели. «Мне было ясно, — пишет он в заключение, — что Сталин после ареста был освобожден (...) и в тюрьму не попал».

Берия в своей книге «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», библии всех официальных биографий Сталина, касается Авлабарской типографии всего лишь один раз, и то в сноске. И ни слова о полицейском налете, арестах и захваченном Охранкой в подпольных помещениях Авлабара. Почему же Берия совсем опустил один из наиболее романтических эпизодов в анналах кавказского подполья?

8. СТОКГОЛЬМСКАЯ ЗАГАДКА

С авлабарской загадкой, которая содержит ответ на происхождение связей Сталина с полицейской Охранкой, связана и другая. Хорошо известно, что Сталин впервые поехал за границу в апреле 1906 года, когда в качестве делегата от Тифлиса направился в Стокгольм на «Объединительный съезд» социал-демократической партии. В сознании любого человека, прочитавшего в документе об аресте Сталина в 1906 году, неизбежно возникал вопрос: «Если бежавший Сталин, известный своей подпольной деятельностью, находился в руках полиции в 1906 году, как ему удалось появиться на конференции в Стокгольме, которая проходила с 23 апреля по 10 мая?» Ответить можно, лишь зная настоящую дату ареста Сталина: ранее 15 апреля, так как неизменной практикой Охранки было устройство засад на несколько дней, чтобы поймать в западню всех участников, а не оповещать немедленно об их обнаружении, дабы дать всем заговорщикам возможность бежать.

Какую сделку арестованный Сталин заключил с полицией, чтобы его освободили после ареста 15 апреля? И почему нигде не упоминалось ни о Сталине, ни о его соратниках, ни о том, как он перешел границу во время первой поездки за границу? Поехал ли он по поддельному паспорту? От кого он его получил? Воспользовался ли он

услугами контрабандистов, чтобы тайком перебраться за границу, что было обычным способом в те дни? В потоке легенд, сложенных вокруг имени Сталина, никогда не появилось ни единого интересного для публики рассказа об этом его подвиге. То же самое можно сказать о второй поездке Сталина за границу — в следующем году в Лондон, где в мае 1907 года состоялся очередной съезд партии.

Отсутствие данных о его двух важных встречах с Лениным на международной арене было в особенности подозрительным в связи с тем, что сам Сталин говорил о пересечении границы в конце декабря 1912 года по пути в Краков. Он рассказал сестре своей будущей жены А. С. Аллилуевой, как он пробрался в Австрию с помощью местного сапожника, живущего близ границы, и А. С. Аллилуева описала это в своих «Воспоминаниях».

Все это крайне важно в свете содержания упоминавшегося выше документа, который зафиксировал прекращение сотрудничества Сталина с Охранкой в 1912 году, после того, как он стал членом Центрального Комитета. И отсутствие каких-либо ссылок на пересечение границы в 1906 и 1907 годах, когда Сталин был агентом-provokатором, было в равной степени разоблачающим. Теперь это пролило зловещий свет на обстоятельства появления некогда неизвестного Сталина в Стокгольме с мандатом от большевистской группы в Тифлисе. Тифлис тогда был оплотом меньшевистского социализма. Тифлис, не будучи промышленным центром, подобно Баку, имел всего лишь кучку сторонников ленинского большевистского крыла. Чтобы получить мандат на съезд, необходимо было представлять по меньшей мере пятьсот организованных членов партии. Вся кавказская делегация, избранная на съезд в Стокгольме, состояла из меньшевиков и включала созвездие грузинских социалистов, которые позднее стали известны как депутаты Думы и участники революции 1917 года. «При помощи каких уловок он добился избрания в районе, который почти полностью находился в руках меньшевиков?» — задает вопрос биограф Сталина Борис Суварин в своей книге, и не дает ответа.

Поскольку съезд в Стокгольме был объединенной встречей большевистского и меньшевистского крыла партии, а последние имели большинство, в мандатной комиссии возникла между делегатами-соперниками перепалка о полномочиях, которая продолжалась четыре дня и четыре ночи. Так, жена Ленина Крупская не смогла представить должных доказательств законности ее мандата и в конечном счете была допущена только с совещательным статусом, без права голоса. У мандатной комиссии уже иссякли силы, когда, по словам Бертрама Вольфа, появился «фиктивный делегат из Тифлиса, где у большевиков

не было организации», прибывший под фамилией Иванович. Это был не кто иной, как Коба Джугашвили, будущий Сталин. Меншевики мандатной комиссии решили, что ради мира и единства в партии не будут оспаривать мандат товарища Иванова (они имели шестьдесят два делегата против сорока шести представителей большевистской фракции).

Теперь возможно достоверно восстановить ход событий, который привел Сталина в Стокгольм. В Авлабаре, рабочем квартале Тифлиса, была подпольная типография, где Сталин печатал революционную литературу. Полиция произвела налет на нее где-то около 15 апреля, и Сталин попал в сеть. С начала 1904 года он числился бежавшим из Восточной Сибири. Неудачная революция 1905 года закончилась. Революционный подъем быстро сходил на нет. Перспективы прихода к власти ушли в туманное будущее. Перед арестованным маячила опасность возвращения в более отдаленные места Восточной Сибири и на более долгий срок. Через несколько часов его освободили. Как это можно объяснить, если не сделкой с Охранкой? Если бы он смог поехать в Стокгольм в качестве делегата и войти в самый центр революционного заговора, он получил бы свободу. Все, что необходимо для его миссии, могла бы предоставить Охранка. Мандат от несуществующей большевистской организации в Тифлисе? Охранка знала, как это устроить, имея полученные от Сталина сведения. Поддельный паспорт и безопасный пункт перехода границы для проникновения в Швецию? Охранка была хорошо оснащена для таких организованных туров за границу. Подходящее вымышленное имя? Почему бы не взять простенькую фамилию Иванович? Хотя все это и представляется правдоподобным, и каким бы удивительным ни казался обнародованный факт ареста и освобождения Сталина в апреле 1906 года, тем не менее после трезвого анализа это всего лишь дополнение к дальнейшим доказательствам подлинности документа.

Следующие шаги были ясны: следовало выяснить происхождение бумаги, на которой был напечатан оригинал документа, и установить производителя пишущей машинки, использованной для его напечатания. Значит, нужно начать с поисков какого-либо другого российского официального документа, подобного этому или напечатанного на идентичной машинке в Санкт-Петербурге в июле 1913 года. Ведущим экспертом Америки и, может быть, всего мира в этой области является Альберт Д. Осборн, исследователь спорных документов, который помогал своему знаменитому отцу в создании лаборатории федерального правительства по криптографии и специальной фотографии документов. Я пришел к господину Осборну с этим документом, но знакомить его с содержанием не было никакой необходимости. Я изложил ему в общих чер-

тах, что этот документ является ключом к истории огромной важности, но имя Сталина не упомянул. Господин Осборн проявил к этому делу глубокий интерес.

Лабораторный анализ бумаги показал, что ее происхождение не американское и не западноевропейское и что она не современная. Недостатка в дореволюционных письмах, отпечатанных на машинке, не было, чтобы сравнить их со шрифтом на документе. Было установлено, что в России до революции не было заводов по изготовлению пишущих машинок и что «Ремингтон» экспортировал в Россию в начале века две модели, которыми все пользовались. Что касается самого документа, то господин Осборн написал мне 30 января 1950 года, что осмотрел модель № 6 машинки Ремингтона и что это, без сомнения, и есть та самая машинка.

Теперь поиски свелись к обнаружению какого-либо письма, исходящего либо из департамента полиции в Санкт-Петербурге, либо, что предпочтительнее, из Особого отдела и напечатанного на такой же машинке. Архивы царских посольств за границей оказались либо уничтоженными, как это случилось в Париже, либо изъяты советским правительством после его признания зарубежными державами. Это были напряженные поиски, которые даже привели меня к стенным шкафам в лондонском доме покойного Н. П. Саблина, вдова которого любезно разрешила мне рыться в его личных бумагах. Господин Саблин был советником императорского посольства в Лондоне и, благодаря своим близким отношениям с русским двором, переписывался с департаментом полиции относительно революционеров-беженцев. Однако поиски в Лондоне не принесли ничего ценного.

Наиболее полезным результатом этих поисков была находка документа, хранящегося в военной библиотеке имени Гувера при Стенфордском университете в Калифорнии. Он исходил от исполняющего обязанности директора департамента полиции и датирован 5 ноября 1912 года, примерно за восемь месяцев до появления документа о Сталине. Документ адресован Его превосходительству А. Е. Ловягину, русскому послу в Норвегии, с грифом «Совершенно секретно», и касался списка русских, живущих за границей и враждебно настроенных по отношению к режиму. Господин Осборн изучил и сравнил шрифт обоих документов. 20 сентября 1949 года он сообщил, что изучил последний образец, который был ему дан, что шрифт определенно очень близок к шрифту исследуемого документа. Но это не один и тот же шрифт. Скорее всего это та же машинка, но другой модификации. (В двух увеличенных снимках, которые он приложил, отпечатанный текст из исследуемого документа наверху, а представленный позднее — внизу.)

Поскольку было невозможно обнаружить вне Советского Союза какую-либо корреспонденцию из Особого отдела департамента полиции, отпечатанную на идентичной машинке, такой большой прогресс казался отрядным. Документ о Сталине оказался по меньшей мере близнецом другого документа департамента полиции, абсолютно достоверного и принадлежащего к тому же периоду.

Для завершения поисков оставалось всего несколько шагов. Был ли в Охранном отделении человек по фамилии Железняков? Прежде всего, существовал ли некто Еремин, подписавший письмо? Знает ли его кто-нибудь и может ли удостоверить его подпись? Остался ли в живых кто-нибудь из служивших в недрах Особого отдела, знавший непосредственно о весьма тайных отношениях между Сталиным и Охранкой?

9. СЕРЕБРЯНЫЙ ГРАФИН

В начале 1950 года я проводил поиски во Франции и Германии. В окрестностях Парижа, в доме № 33 по улице Турель, в Булони, на Сене, в скромных апартаментах, заполненных книгами и бумагами, сложенными в аккуратное досье, жил пожилой мужчина солдатской выправки со своей женой намного моложе его. Это был не кто иной, как бывший генерал жандармерии Александр И. Спиридович, автор первой крупной работы по большевизму, а также двух томов о царствовании последнего царя Николая II и солидной биографии Распутина.

Генерал Спиридович был выдающимся представителем высшего эшелона царской секретной полиции, проживающим за рубежом и оставшимся в живых. Он стал жертвой покушения революционера в 1905 году в Киеве, где в то время являлся начальником местной Охранки. Он поправился после пулевого ранения и после трехгодичной службы в Киеве был переведен с повышением в Царское Село. Здесь он в течение десяти лет отвечал за безопасность царя и его семьи. В разгар дела Распутина в декабре 1916 года его перевели в Крым на пост начальника полиции в Ялте, где Романовы часто отдыхали. Там его застала революция. В итоге он перебрался во Францию, где жил около тридцати лет.

Спиридович переписывался по поводу документа с господином Макаровым и его друзьями в Нью-Йорке. 19 июля 1949 года он написал, что хорошо знал А. М. Еремину (после того, как он был ранен в Киеве в 1905 году, Еремин, когда его перевели в департамент полиции, по его рекомендации был назначен начальником Киевского Особого отдела). Прослужив

весьма успешно на Кавказе, Еремин с 21 января 1910 года стал директором Особого отдела департамента полиции.

Генерал Спиридович особенно интересовался историей самого документа и тем, как он оказался в США. Если бы документ попал в США через Германию, Спиридович считал бы его подделкой. У него был большой опыт общения с группой русских эмигрантов, которые подделывали антибольшевистские документы в Германии. В итоге все члены этой группы оказались за решеткой. Я дал ему полный отчет о своих исследованиях на том этапе. Тот факт, что документ попал в США из Сибири, был, по его мнению, самым важным аргументом в пользу его подлинности.

Генерал Спиридович выразил убеждение, что личность Железнякова, мелкого чиновника, находившегося в далеком Енисейске, была определена. Генерал получил сообщение из Нью-Йорка о том, что в США находятся несколько беженцев из Сибири, лично знавшие Железнякова. Мы подошли к наиболее важному аспекту исследования документа: его автору Еремину, которого генерал хорошо знал. Он согласился, что коренной вопрос, который следует решить, это вопрос о подлинности подписи Еремина. Вежливый генерал показал серебряный набор, который включал в себя графин на подносе. Он взял графин, высотой около семи дюймов, и держал его так, чтобы я мог прочесть выгравированную на нем надпись: «Дорогому начальнику Александру Ивановичу Спиридовичу от офицеров Киевского Охранного отделения. 24/XII1902 — 19/VII1905». «Это было преподнесено мне моими подчиненными после того, как я оправился от покушения, перед моим назначением в Царское Село», — сказал генерал Спиридович, показывая выгравированные подписи офицеров его подразделения. Когда я посмотрел на подписи, то сразу заметил подпись Еремина и сказал об этом Спиридовичу. Затем я подошел к своему портфелю, чтобы достать фотокопию документа, которую имел при себе. Генерал Спиридович увидел документ впервые. Он также сразу узнал почерк Еремина. Сравнение обеих подписей не оставило у нас сомнений, что подпись Еремина подлинная.

Генерал не имел в своем досье корреспонденции или других личных бумаг из Особого отдела Охранки. Что касается печатного шрифта, то он был ему знаком. Он знал, что машинки типа «Ремингтон» и «Ундервуд» использовали в России до первой мировой войны. Он достал копию напечатанного меморандума на шестьдесят одной странице, подготовленного до первой мировой войны как отчет об изучении социал-демократической партии Особым отделом департамента полиции для использования службой Охранки. Эта рукопись, которую он мне показал, была сделана на пишущей машинке той же марки, что

и сталинский документ (проведенное затем тщательное исследование показало, что этот текст не был напечатан на идентичной машинке).

Я знал еще до прибытия в Париж, что генерал Спиридович и его жена, у которой были родственники в Нью-Йорке, очень хотят эмигрировать в США, но им было отказано в визе на основании имевшихся у американских властей сведений, что во время войны Спиридович посещал нацистскую Германию. Это обвинение, как меня заверил генерал, было безосновательным. Я обещал разузнать все по этому поводу и обратить на этот вопрос внимание соответствующих сотрудников нашего посольства. На мои настоятельные расспросы, знает ли он кого-либо из живущих за границей офицеров Особого отдела Охранки, генерал Спиридович признался, что знает всего одного такого человека и что он, может быть, единственный, кто занимался проблемой отношений Сталина с Охранкой и, возможно, знал его лично. В революционных кругах, большевистских и меньшевистских, этот офицер Охранки был известен как Николай «Золотые очки». Его ненавидели революционеры, и у него были основания опасаться их мести.

Мои последующие расспросы показали, что его считали давно погибшим, еще во время революции. В действительности Николай «Золотые очки» сбежал из России в Германию и под именем Добролюбова стал пономарем в греческой церкви на Находштрассе в Шарлоттенбурге, в Берлине. Десятилетиями он тихо жил в тени советского посольства, под самым носом всех политических групп, которыми изобилывал Берлин до прихода Гитлера к власти. Генерал Спиридович дал мне рекомендательное письмо к Добролюбову.

Чтобы найти человека, который мог быть начальником Сталина в разведке, пришлось специально поехать в Берлин. В развалинах Шарлоттенбурга, где я бывал в прошлые годы, я нашел действующую церковь на Находштрассе. Был март 1950 года. Священник в церкви сразу отозвался на упомянутые имена Добролюбова и Спиридовича. Но оказалось, что нужный мне человек переехал во время войны из Берлина в Висбаден, где русский великий князь воздвиг в память о своей молодой жене, умершей при рождении ребенка, красивую часовню на холме, возвышающемся над городом.

Поиски Добролюбова привели меня в Висбаден и закончились на пригородном кладбище. Местный священник провел меня к его могиле. Он недавно умер и унес с собой многие тайны Охранки. То, что Николай «Золотые очки» жил в мире под маской церковного пономаря в самый разгар политических схваток, удивило многих моих русских друзей, которым я рассказывал эту историю.

Ко времени моего возвращения в Париж я уже знал, что донос о посещении Спиридовичем нацистской Германии был ложью и, по всей видимости, исходил от его политических противников. Я сделал серьезные представления в его защиту. Запрос вскоре подтвердил, что Спиридович никогда не был в Германии. Мне сообщили, что виза для него и его жены будет предоставлена без промедления. Придя к генералу перед своим отъездом в США, чтобы передать добрые известия о предоставлении виз, я сообщил ему о своих поисках Добролюбова, завершившихся в часовне Висбадена. Генерал подошел к комоду, где стоял серебряный набор, и подарил мне графин, на котором была подпись Еремина. В семьдесят пять лет он смотрел на свою предстоящую жизнь в США, охваченный эмоциями, и чувствовал, что может расстаться с воспоминанием о покушении на его жизнь — графином, который он пронес через все лишения. (Он умер в Нью-Йорке в 1952 году.) Я тоже был глубоко тронут. В моих руках находилось вещественное доказательство, которое окончательно устанавливало подлинность документа и которое свидетельствовало, что Сталин действительно был царским шпионом.

10. ИУДА XX ВЕКА

Почему это документальное разоблачение Сталина, как Иуды XX века, не было опубликовано ранее? Я думаю, потому, что это было бы пустым звуком до того дня, как Москва сама не потрясла весь мир, развенчав сталинскую мифологию. Светящийся ореол, созданный вокруг советского диктатора западными главами государств, которые имели с ним дело, а также его собственной машиной самовосхваления, не был рассеян до февраля 1956 года, когда Хрущев и Микоян открыли из Кремля огонь по сталинской пирамиде славы. Мои изыскания о великом секрете Сталина убедили меня в 1955 году в безнадежности преподнесения миру этого шокирующего дела, так велика была сила лжи, которой Сталин пытался подавить поиск правды. Тем не менее ключ к этому затруднению, в котором оказалась наша цивилизация, лежит в поиске правды и ответов на загадки сталинской эпохи. Одна из этих загадок — в тайне жизни Сталина. «Странный факт: ни в одной из его биографий он не видится живым!» — заметил Бертрам Д. Вольф в своем блестящем труде «Трое, сделавшие революцию». Так тихо он поднялся к власти, что не обращал на себя внимания своих современников до тех пор, пока не оказался в Кремле. Мы ничего не знаем о его отце, он о нем всегда неохотно говорил. Мы не имеем сборника воспоминаний жены, братьев, сестер, соседей, друзей детства, как в случае с Ле-

ниным; никакой коллекции личных политических писем; никакой откровенной автобиографии, как в случае с Троцким; ничего, что бы говорило, каким он был в детстве; кроме публичных выступлений и продиктованных документов, ничто не говорило о том, что он был за человек. Каждый зарубежный наблюдатель отмечал секретность, которая его окружала. В его 50-летие даже «Правда» назвала Сталина загадкой. Официальные биографы, люди, которые с ним работали и пировали (Енукидзе, Берия, Ярославский), пишут о нем крайне странно, как будто о человеке, которого давно уже нет на политической арене. Их работы более значимы тем, что в них не упомянуто, чем тем, что в них есть (то, что имеется, обладает искусными признаками подгонки под определенную схему). На каждом шагу нас окружают неясности и противоречия. Целый ряд «мемуаров» и официальных биографий, опубликованных со времени выхода в свет статьи о «загадке» в 1929 году, не только не развеяли, но, наоборот, углубили тайну.

Когда пишут о еще живущем человеке, кажется простым делом обсудить с ним спорные вопросы, а затем, поскольку никому нельзя полностью доверять в отношении его собственного мнения о себе, проверить его ответы, сравнивая с документами, показаниями соседей, друзей, соратников и противников. В случае со Сталиным это не так. Горы документов, исторических трудов, публикаций по истории партии, мемуаров были запрещены и сожжены. Немцы жгли с большей варварской бравадой, но с гораздо меньшей упорностью в деле уничтожения важных документов. Гитлер сжигал книги. Сталин стремился сжечь саму правду. Сейчас правда постепенно выходит на свет. Через три года после смерти Сталин проиграл в своем стремлении сжечь правду дотла и развеять пепел, чтобы она не воскресла. Кремлевская тайна — это спрятанный в Кремле скелет, который начинает принимать узнаваемый облик. И скелеты бесчисленных жертв Сталина — от его близких до вершителей революции, которые взрастили и его, и советскую власть, возвысившую его, постепенно выходят на свет и занимают свои места в истории. Самый зловещий памятник Сталину можно выстроить из тысячами портретов его жертв, начиная с Ленина и Троцкого, Максима Горького и молодой Надежды Аллилуевой, жены современного Митридата. Предстоит пройти еще долгий путь, пока западный мир сможет пожать протянутые руки наследников Сталина. Они прежде всего должны зажечь все огни в темных лабиринтах его каткомб и раскрыть перед миром всю правду о чудовищном правлении их бывшего хозяина. Запад не может пойти на меньшее, чем требовать от Москвы предъявления всей правды без оговорок. Совесть человечества не может и не будет довольствоваться «реабилитацией» жертв Сталина путем показа

их портретов в музеях и театрах. Вместе с правдой о Сталине погребены многие тайны, взывающие о раскрытии. Есть тайна о расправе над Берией, великим инквизитором Сталина. Вряд ли Кремль считает, что мир поверит тому, что Берия был иностранным агентом (как он не верил, что Троцкий — агент Гитлера). Расправа над Берией и Василием Сталиным и их сообщниками, осуществленная нынешними правителями в традициях самого Сталина, без суда, на основе все еще не отмененного указа, принятого сразу же после убийства Кирова, представляет собой мрачную главу сталинистской эры, которая требует разоблачения. Что уж говорить о документах в личном кабинете Сталина, охраняемых его «Пятницей» Поскребышевым, который загадочным образом исчез? Эти документы должны быть открыты, а списки людей, отобранных Сталиным для очередных чисток, вместе со сведениями об их обвинениях и прежней деятельности, должны быть опубликованы и отданы истории.

М. Вейнбаум

О КНИГЕ ДОН ЛЕВИНА И ЕРЕМИНСКОМ ДОКУМЕНТЕ¹

В небольшой, только что вышедшей на английском языке книжке² Исаак Дон Левин более подробно, чем в статье в «Лайф», рассказывает о том, как, когда и почему он пришел к заключению, что в ранние годы своей революционной деятельности Сталин был агентом-provokatorом.

О статье Дон Левина и еще больше предьявленном им документе в «Новом русском слове» было напечатано немало статей, заметок и писем в редакцию. Приводились доводы в пользу подлинности ереминского документа и доводы, на мой взгляд, более убедительные, о том, что документ этот — фальшивка. Добавлю, что в частных письмах из Европы меня жестоко укоряют за напечатание «стряпни Дон Левина — Орлова», что «делает этому сочинению такую рекламу».

Мне, признаюсь, такие упреки кажутся странными, особенно когда они исходят от пишущих людей. Мне думается, что свободная печать существует не для того, чтобы замалчивать важные сообщения или документы на том основании, что сообщения эти могут оказаться неверными, а документы поддельными. Свободная печать должна оглашать такие сведения

¹ Новое русское слово. 1956. 2 июня. С. 2. — *Примеч. Ю. Ф.*

² Isaac Don Levine. Stalin's Great Secret. Coward McCann Publisher, New York, 1956. — *Примеч. М. Вейнбаума.*

с обязательными в таких случаях оговорками и указаниями. Бывали ведь случаи, когда самые невероятные сообщения позже оказывались верными, а сомнительные документы — подлинными.

Вспоминаю одни из многих таких случаев. В 1936 году в редакцию пришел читатель и со слезами на глазах протянул мне письмо: «Почитайте, что мне пишут из родной деревни». Письмо было страшное. В нем сообщалось о великом голоде, о случаях людоедства, о том, что целые деревни опустели — население их вымерло или угнано в Сибирь.

Днем позже от читателей из провинции получились еще два сходных письма, присланных из других местностей. Все в письмах свидетельствовало об их достоверности — бумага, конверты, марки, печати и язык их авторов. Но все же можно ли печатать о таких страшных событиях, когда иностранные корреспонденты ни о каком голоде не сообщали, когда никаких даже намеков или слухов о голоде не было.

Письма были напечатаны без указания, конечно, имен авторов и адресатов. Они вызвали дикие протесты коммунистов, даже попытку их разгромить нашу редакцию и упреки друзей — нельзя, мол, в борьбе с большевиками прибегать к такого рода выдумкам.

Вскоре «выдумки» полностью подтвердились. Об искусственно устроенном советской властью голоде, целью которого было загнать крестьян в колхозы, заговорила мировая печать. Бесхитростные и нескладные крестьянские письма, чудом проскользнувшие сквозь цензурные рогатки, раскрыли тайну о голоде.

Таких случаев в прошлом было немало. Они убедили меня, что газета не вправе замалчивать сведения, потому что они недостаточно проверены или кажутся невероятными. Это особенно так в отношении такого человека, как Сталин, про которого во все можно поверить.

Александр Орлов должен был рассказать все, что ему было известно о Сталине. Дон Левин должен был опубликовать полученный им документ. Тем более что он это сделал после длительного расследования, о котором подробно рассказывает в своей книге. А наше дело судить об убедительности этого расследования и подлинности ереминского документа.

Автор цитирует многие источники, напоминает о забытых фактах, указывает на недомолвки и противоречия в официальных биографиях Сталина, о подозрениях, которые тот вызвал с самого начала своей революционной карьеры. Сталина считали интриганом, неразборчивым в средствах человеком. Говорили, что он избавлялся от неугодных ему товарищей по партии, распространяя про них слухи, что они служили в Охранке, или сам донося на них в Охранное отделение.

Дон Левин ссылается на ценные, но широкому читателю мало известные показания Верещака, Шаумяна, Ноя Жордания и других.

В своем биографическом труде о Сталине (в Соединенных Штатах он вышел на английском языке в 1939 году) Борис Суварин уделяет рассказу Верещака о раннем Сталине три с лишним страницы.

Верещак был социалист-революционер и, как уверяет Суварин, «морально безупречный человек». В 1908 году он провел вместе со Сталиным восемь месяцев в бакинской тюрьме, потом знал его в ссылке. В тюрьме, свидетельствует Верещак, Сталин был осторожен в словах и малообщителен. Другие политические сторонились уголовных. Сталин всегда находился в компании убийц, вымогателей и разбойников. Они явно привлекали его к себе.

Верещак рассказывает, что Сталин, исключенный из семинарии за принадлежность к подпольной революционной организации, тотчас же донес ректору на остальных семинаристов, членов организации. Давая объяснения по этому делу партийным товарищам, Сталин факта доноса отрицал, но оправдывал его пользой для дела — исключенные семинаристы, потеряв возможность стать священниками, сделаются хорошими революционерами.

Меньшевиков Сталин ненавидел и говорил, что «в борьбе с ними все средства хороши».

Стоит отметить, что показания Верещака были настолько беспристрастны, что Демьян Бедный воспользовался их данными для двух своих хвалебных статей о Сталине, напечатанных в «Правде» 7 февраля 1928 года и 20 декабря 1929 года.

Много внимания Дон Левин уделяет революционной деятельности Сталина, его арестам и ссылкам. Он подчеркивает легкость, с какой Сталину удавалось бежать из «привилегированной» ссылки, отмечает сравнительную легкость наказаний, которым тот подвергался, несмотря на то, что местное начальство рекомендовало более суровые к нему меры.

Все это действительно могло казаться странным и даже убедительным, если бы автор не пользовался советскими источниками (Берия и Ярославский), всячески раздувавшими роль Сталина в Закавказье. Но вот судя по последнему номеру «Вопросов истории», роль эта оказывается очень даже скромной. Сталин, утверждает журнал, не руководил кавказским комитетом РСДРП, не руководил стачкой рабочих на бакинских промыслах в 1905 году и не организовывал Авлабарской нелегальной типографии Кавказского союзного комитета РСДРП.

А между тем Дон Левин придает истории об этой типографии очень важное значение. Он много пишет о ней и в самой

книжке, и в приложенных к ней страницах, свидетельствующих, между прочим, о том, что автор далеко еще не закончил своего расследования.

Из Европы, например, сообщают, что ереминский документ давно уже гуляет по белому свету. По одним сведениям он объявился в Петрограде еще в 1917 году и по этому поводу будто была целая шумиха в петроградской печати. По другим — документ был сфабрикован русскими фашистами на Дальнем Востоке и ими же доставлен в Европу в 1936—1937 годах. Были попытки продать документ немцам, полякам, югославам и англичанам. Но все от него отказались.

Известно ли все это Дон Левину?

Во всяком случае, и совершенно независимо от характера самого документа, нельзя согласиться с утверждениями, будто все преступления Сталина, все кровавые чистки объясняются его желанием скрыть «великую тайну» своего предательства.

И еще менее позволительно видеть в этом сталинском предательстве причину его нынешнего развенчания. Коллективные диктаторы узнали, мол, от Тито или из других источников о том, что Сталин был агентом-provokatorом, и поторопились от него отречься.

Булганины и Хрущевы, Микояны и Молотовы вместе со Сталиным и именем Сталина совершали самые страшные преступления. Они не раз, а много раз выдавали и предавали. И тот факт, что Сталин выдал нескольких неугодных ему товарищей, вряд ли мог их испугать и от него оттолкнуть.

Развенчание Сталина продиктовано более глубокими причинами.

Г. Аронсон

БЫЛ ЛИ СТАЛИН ЦАРСКИМ АГЕНТОМ?¹

Эта небольшая книга Исаака Дона Левина является попыткой добавить еще одну страницу в биографию Сталина. Ее появлению предшествовала публикация в журнале «Лайф» сенсационных статей г-на Левина и бывшего оперативного сотрудника советской секретной службы Александра Орлова. «Лайф» также поместил напротив титульного листа книги г-на Левина фотокопию документа царской полиции от 12 июля 1913 года, который преподносится в качестве главного и решающего подтверждения «великого секрета». Он призван по-

¹ Пер. с англ. Рецензия Г. Аронсона на книгу И. Дон Левина «Величайший секрет Сталина» (Кауард-Макксенн, 1956). — Оpubл. в «The New Leader», 20 августа 1956, с. 23—24. — Примеч. Ю. Ф.

казать, что задолго до большевистской революции Сталин был агентом Охранки, царской секретной полиции.

Троцкий как-то охарактеризовал Сталина как человека, состоящего на одну треть из Макиавелли и на две трети из Иуды. Г-н Левин хотел бы пойти еще дальше: он считает, что Сталин был не кем иным, как «Иудой XX века». Он написал эту книгу, чтобы доказать свою точку зрения и, кажется, защищая ее, поставил на кон свою репутацию (или действовал по принципу «пан или пропал»). Если под вопрос поставлена подлинность документа, то под сомнением оказывается весь тезис.

Прежде чем перейти к анализу самого документа, мы должны коснуться политического аспекта дела. Сегодня весь мир сторает от нетерпения узнать, что скрывается за процессом дискредитации Сталина, столь неожиданно начатым на XX съезде партии ближайшими соратниками старого диктатора. «Секретный доклад» советского партийного босса Хрущева подтвердил многое из того, что зарубежные противники советского режима террора утверждали десятилетиями. Однако Хрущев умолчал о бесчисленных преступлениях, совершенных всей советской системой против народа России, ответственность за что несет не только Сталин, но и целиком нынешнее «коллективное руководство». Сейчас задача свободного мира состоит в том, чтобы превратить дискредитацию Сталина в дискредитацию всей советской диктатуры.

Именно в это время г-н Левин выступает со своей книгой о «великом секрете» Сталина. Он фактически говорит читателям: вы обвиняете Сталина в том, что он был палачом, мастером искусства пыток и параноиком. Я вам скажу о нем истинную правду: он был просто царским наемным провокатором. Г-н Левин уверен, что, переключая внимание с исторических преступлений Сталина и его системы на вопрос о том, служил ли Сталин в Охранке, он вносит решающий вклад в «низложение» покойного диктатора. Давайте представим, что приведенный автором документ подлинный. Ко всем разоблачениям Хрущева в адрес Сталина добавляется новый момент, а именно то, что до революции он был царским полицейским агентом. Какое место это занимает в общей картине преступлений, совершенных советским режимом? Конечно же г-ну Левину, давнишнему и активному противнику коммунизма, должно было прийти на ум, что его книга переключает внимание общественности с центральной политической задачи дня в сферу спорных мелочей.

Более того, а что, если царский документ, на котором основывается книга, окажется ловкой подделкой? Это стало бы сокрушительным ударом всему делу дискредитации сталинизма. Потому что привнесение в данный момент фальшивой но-

ты в антисталинскую кампанию может бросить сомнение даже на неоспоримые факты о сталинском терроре.

Когда документ был впервые опубликован в «Лайфе», он вызвал сомнение относительно своей подлинности. Давид Далин и Бертрам Д. Вольф в письме в «Лайф» категорически объявили его подделкой. Марк Вейнбаум и автор этих строк опубликовали также в выходящей на русском языке газете «Новое русское слово» статьи, в которых выразили сомнения относительно его достоверности. В то же время Борис Суварин, биограф Сталина, подверг документ тщательному анализу в своей публикации в парижском издании «Запад и Восток» и пришел к выводу, что документ фальшивка.

Не вдаваясь здесь в мелкие подробности, мы можем заявить, что стиль документа противоречит тому, который обычно использовался в царском департаменте полиции. Например, в этом предполагаемом официальном документе приставка «Санкт» опущена в слове Санкт-Петербург, что было немыслимо в 1913 году. Более того, Сталин упоминается не только его подлинным именем — Джугашвили, но также псевдонимом — Сталин, хотя он принял его только недавно, что не было широко известно. В те дни Сталин был известен в подпольных кругах как Сосо, Коба, Иванович и Васильев, а не Сталин. В документе Сталин фигурирует как «агент», в то время как агенты Охранки на самом деле назывались «секретными сотрудниками». Наконец, Сталин подается как член Центрального комитета партии, не уточняя какой партии. В 1913 году в царской России существовали ряд партий социалистических и иных, на легальной и полулегальной основе.

Документ г-на Левина был якобы послан в Енисейское отделение Охранки. Есть все основания, однако, считать, что Охранка не имела отделения в Енисейске¹. Более того, подпись на документе начальника Особого отдела департамента полиции Еремина — очевидная подделка, поскольку Еремин был шефом финской полицейской администрации, начиная с 11 июня 1913 года, т. е. за месяц до того, как был якобы написан этот документ (см.: Падение царского режима, т. 7, М. 1927, подготовлен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства). Недостоверность документа Левина можно показать на основе и других данных, но этого не требуется, поскольку столь же убедительно в эту пользу говорит сама логика.

¹ См.: *Москалев М.* Русское бюро Центрального комитета большевистской партии, 1912 — март 1917. М. 1947, с. 149—160; и недавнюю публикацию А. Байкалова в парижской газете «Русская мысль» о Красноярске (Енисейск входил в Красноярскую губернию). — *Примеч. Г. Аронсона.*

Разве это постижимо, чтобы на протяжении более 40 лет никто не мог раскрыть «великий секрет» человека, окруженного ненавистью. Разве Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и другие не использовали бы этот козырь в своей борьбе против Сталина? Разве не был бы документ, будь он подлинным, передан нацистским или японским агентам? Разве некий чиновник Охранки держал бы его под замком и в конечном итоге продал нескольким русским эмигрантам? И, в частности, по какой причине бывшие чиновники царской полиции скрывали службу им Сталина?

С марта по ноябрь 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства на своих заседаниях установила подробный список полицейских агентов и выслушала самые откровенные показания ведущих чиновников полицейского департамента — Макарова, Белецкого, Виссарионова и других. Почему никто из них не назвал Сталина? Почему Сталин, если он был бы агентом, не исчез после революции, чтобы избежать ареста, подобно многим другим агентам, а вместо этого открыто жил в Петрограде, являясь членом Центрального Комитета, писал для «Правды» и т. д.? Почему не упомянул Сталина Герасимов, шеф Охранки Санкт-Петербурга (на которую, согласно документу, работал Сталин), опубликовавший свои мемуары за границей? И почему другие хорошо информированные чиновники полиции, такие, как Спиридович и Заварзин, не ссылались на него? Все эти люди находились в неведении относительно предполагаемой деятельности Сталина в качестве агента полиции?

То, что у Сталина полностью отсутствуют какие-либо моральные принципы, было давно очевидно. Но это недостаточное основание утверждать, что он являлся царским агентом. Для этого требуются более солидные доказательства, чем те, которые представил г-н Левин в своей книге.

П. Шпилевой

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Stalin's Great Secret by Isaac Don Levine, Coward McCann, Inc. New York, 1956, pp. 126

В книге Дон Левина читатель находит полный отчет о происхождении и результатах расследования подлинности известного документа (письмо заведующего Особым отделом Департамента полиции Еремина начальнику Енисейского Ох-

¹ Россия. 1959. 24 апреля. — *Примеч. Ю. Ф.*

ранного отделения А. Ф. Железнякову от 12 июля 1913 года), содержащего данные о Сталине как агенте Петербургского Охранного отделения, и опубликованного мировой печатью в 1956 году.

Как убеждаемся из данных книги, все лица, связанные с историей появления документа и поименованные ниже, не внушают сомнений в смысле личной репутации (трое первых известны в США; о двух последних автор получил совершенно положительные отзывы из Шанхая и Парижа от компетентных и абсолютно не заинтересованных источников) и, кроме того, не являются ни специалистами по внутренним проблемам советского строя, не говоря уж о политическом сыске, ни людьми, способными дать себя поставить под влиянием политических страстей в сомнительное положение.

Эти лица следующие:

Вадим Степанович Макаров, сын знаменитого адмирала русско-японской войны; в прошлом морской офицер, ныне частное лицо.

Борис Бахметьев, ныне покойный; по образованию инженер; последний русский посланник в США.

Борис Сергиевский, летчик и общественный деятель; пионер русской авиации.

Проф. Головачев, юрист и журналист, знаток международного права; проживал после захвата Сибири большевиками в Шанхае; перед советизацией Китая выехал в США.

Михаил Н. Павловский, по образованию инженер; профессор, автор трудов по русско-китайским отношениям, строитель железных дорог в Китае; проживал в Шанхае, затем в Париже.

История получения автором документа вкратце такова:

В сентябре 1946 года В. С. Макаров при встрече с автором в доме общих знакомых сообщил ему доверительно, что он и его двое знакомых, Б. Сергиевский и В. Бахметьев, имеют документ, опубликование которого было бы подобно взрыву бомбы над сталинской диктатурой. Документ этот, по их словам, им передал проф. Головачев в бытность его в США, после чего он снова выехал в Шанхай, которому, в свое время, документ был передан его боевыми товарищами по армии Колчака.

Автору вскоре удалось встретиться с проф. Павловским, который был проездом в Нью-Йорке и лично хорошо знал Головачева; он сообщил, что о документе он знает и что наведенные им ранее справки позволили установить, что документ был вывезен среди других дел жандармских управлений Сибири в Китай и был передан Головачеву жандармским полковником Русяновым.

Автор со скептическим интересом принял документ от вышеназванных лиц для его изучения и выяснения или опровер-

жения его подлинности. Ознакомившись с документом, он пришел к справедливому заключению, что для признания подлинности документа необходимо доказать, что:

1) Сталин, как сказано в документе, арестовывался в 1906 году, о чем известных данных не имеется, причем в советских биографиях Сталина (Берия, Энциклопедии и др.) между годами 1904—1908 не трудно обнаружить расхождения и пропуски; 2) возраст, качества, сорт и все прочие признаки бумаги, на которой напечатан документ, соответствуют времени и месту документа; 3) тип пишущей машинки, на которой отпечатан документ, употреблялся в то время в России; 4) А. Ф. Железняков был в то время действительно начальником Енисейского Охранного отделения; 5) Еремин занимал соответствующую письму должность; 6) подпись Еремина подлинная.

И автор в результате продолжительных и настойчивых трудов, после поисков доказательств в Америке и Европе, дает на все шесть вопросов положительный, подкрепленный повсюду неоспоримыми фактами, ответ, а именно:

1) Сталин арестовывался в Тифлисе в 1906 году на очень короткое время в день раскрытия подпольной типографии на Авлабаре 15 апреля и был немедленно выпущен (книга Троцкого «Сталин» и др. данные).

2) Бумага документа не американского и не западноевропейского изготовления и давнего происхождения (заключение экспертизы по проверке сомнительных документов после исследования документа в лаборатории).

3) Документ напечатан на машинке Ремингтон № 6 — одном из немногих типов, употреблявшихся в России (заключение эксперта).

4) А. Ф. Железняков действительно занимал указанную должность в указанное время (сведения от нескольких лиц, знавших его по Сибири и проживавших около 1950 года в США).

5) Еремин действительно занимал в указанное время указанную должность и был хорошо известен среди чинов особого корпуса жандармов (сведения, лично полученные автором от генерала А. И. Спиридовича в Париже).

6) Подпись на документе действительно вполне идентична подлинной подписи Еремина на вазе, поднесенной Спиридовичу его сотрудниками при переводе последнего из Киева в Царское Село. (Ваза показана автору Спиридовичем.)

Если, пренебрегая всеми шестью вышеизложенными доказанными фактами, попытаться утверждать, что все-таки документ подделан, то его подлинность от этого только выиграет в свете нижеследующего:

Изготовлен он мог быть не раньше, чем Сталин сделался явным диктатором, т. е. уже в тридцатых годах, и за пре-

делами СССР; в распоряжении изготовителя должна была быть машинка и бумага дореволюционного образца; он должен был быть абсолютно точен в курсе личного дела Сталина тридцатилетней давности, в курсе агентурных сведений Охранной полиции о социал-демократическом подполье и в курсе служебных правил и порядков политической полиции; документ должен был бы быть иначе составлен, т. е. лишен сомнительных, трудно доказуемых деталей, как, например, кратковременный, скрываемый Сталиным его арест в 1906 году; документ был уже действительным фактом раньше, чем Сталин стал диктатором и мог стать целью чьей-либо фальшивки.

Естествен вопрос, почему автор в течение десяти лет не опубликовал документа. Ответ автора прост и резонен: состояние умов на Западе грозило погубить весь эффект при несвоевременном опубликовании, в чем автора убедили его попытки довести документ до сведения отдельных влиятельных американцев. Ответом ему было в лучшем случае равнодушие и нежелание быть вовлеченным в столь «непопулярное» по времени дело.

Момент фактического опубликования документа нельзя не признать удачным, так как 1956 год оказался и годом развенчания Сталина, и опубликования в мировой печати других, совершенно независимых данных, изобличающих Сталина еще раз как агента Охранного отделения.

Какова же все-таки польза и резонанс от вскрытия «великой тайны Сталина»?

Во внешнем мире (у иностранцев), где широкая публика падка до злободневных сенсаций, а влиятельные и ответственные сферы, как им и надлежит, прежде всего — реалисты нынешнего дня, резонанс, как и можно было предвидеть, оказался, по всем признакам, минимальный. Неосторожное употребление в книге эпитета к Сталину «царский шпион» может сослужить даже плохую службу книге у американского читателя, толкнет его на проторенную дорожку отождествления дореволюционной России и ее учреждений с коммунистической диктатурой и ее учреждениями.

Для исторической же науки и для советоведения тайна Сталина, выйдя наружу, может иметь последствия, весь объем которых трудно предвосхитить. В частности, мало сомнений уже сейчас может быть в том, что сталинские внутривнутрипартийные расправы, особенно начиная с казни Тухачевского, имели с нею тесную связь. Кропотливые поиски автором доказательств ареста Сталина в 1906 году обнаружили тщательное изъятие и истребление диктатором всех биографических данных о нем, опубликованных в двадцатых и в начале тридцатых годов. Автор натолкнулся даже на случаи истребления чьей-то

рукой данных о прошлом Сталина за тот период в заграничных библиотеках (вырванные страницы).

В практическом аспекте познания и разоблачения нынешней фазы советского коммунизма провокаторское прошлое ее творца, не будучи единичной случайностью, полезно как свидетельство о том, что провокации неотъемлемы от большевизма с его ранних времен. Напомним, что правая рука Ленина, председатель большевистской фракции в Государственной думе Роман Малиновский, мог бы остаться неразоблаченным, как и Сталин, и в этом случае после Ленина имел бы шансы оказаться его преемником и новым вождем. В свете этого работу Охранного отделения нельзя не признать весьма компетентной и продуктивной в весьма трудной и неблагоприятной обстановке того времени.

Книга Дон Левина документирована фотостатами документа, сравнительными шрифтами пишущих машинок и подлинной подписью Еремина на вазе, подаренной жандармскому генералу Спиридовичу.

Исаак Дон Левин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ¹

Многоуважаемый г. Вейнбаум!

Я чрезвычайно ценю Ваше предложение высказаться по поводу затянувшейся дискуссии, которая ведется на страницах Вашей уважаемой газеты с 21 апреля по вопросу о достоверности документа Охраны, который я опубликовал в «Лайфе» и который доказывает, что Сталин был агентом-провокатором.

Сейчас я позволю себе ограничиться двумя вопросами.

1. В номере от 23 мая Вашей газеты вы опубликовали пространное письмо г. М. Подольского из Аргентины, в котором имеются три заостренных утверждения:

«3. Вместо адреса «Начальнику Енисейского Охранного отделения (вверху справа) на документе стоит совершенно недопустимое обращение «Милостивый Государь Алексей Федорович». Ведь это не частное письмо, а служебное (за номером) сношение начальника с подчиненным! И уже совершенно неприемлемо окончание сношения: «Примите уверение» и проч.! Так служебные бумаги не писались и не могли писаться. Кроме того, совершенно не по форме адресование с левой стороны бумаги, где кроме «Начальнику Енис. Охранного отделения» стоит еще «А. Ф. Железнякову». Этого не допускалось и при сношениях министров между собой!»

¹ Новое русское слово. 1956. 3 июня. — *Примеч. Ю. Ф.*

В ответ на это позвольте мне представить фотокопию документа, находящегося в Гуверовской Военной библиотеке в Калифорнии. Документ этот (письмо заместителя директора Департамента полиции русскому посланнику в Норвегии) был отослан за несколько месяцев до письма Еремина. При первом взгляде на этот документ станет ясно, что г. Подольский абсолютно не прав во всех трех своих утверждениях¹.

Во-первых, там есть «совершенно недопустимое» личное обращение; во-вторых, «совершенно неприемлемое» окончание; в-третьих, на левой стороне адрес с указанием имени чиновника, которому письмо было адресовано («этого не допускалось!»).

Как это могло случиться, что хорошо осведомленный г. Подольский впал в такую большую ошибку? Случилось это потому, что г. Подольский не знал, что Департамент полиции следовал не правилам, принятым в гражданской переписке, которую он, очевидно, знает хорошо, — но правилам, принятым в военных учреждениях. Этот факт был уже неоднократно установлен на столбцах вашей газеты лучше осведомленными людьми.

2. В номере Вашей газеты от 20 мая Ваш сотрудник г. Аронсон, в самом названии изобличая документ как фальшивку, делает большое открытие, что Еремин, подписавший письмо Охраны к Железнякову, был назначен 11 июня 1913 г. на должность в Финляндию. Следовательно, он не мог писать свое сообщение от 13 июля.

Это сенсационное открытие для меня, конечно, не было новостью. Еще в 1949 г. оно было предметом переписки моей с покойным генералом Спиридовичем, который объяснил мне все очень просто: летом 1913 г. праздновалось 300-летие Дома Романовых и «их величества путешествовали» в сопровождении высоких жандармских чинов — подчиненных Еремину, а потому он оставался на своем посту несколько недель после своего назначения. Спиридович подчеркивает, что это был довольно обычный порядок, когда чиновники оставались на своих старых местах некоторое время после перевода на другую должность и продолжали вести текущую работу прежде, чем сдать дела своим преемникам.

Г. Аронсон открыл только одну сторону явления и не постарался в необъяснимой заботе обелить Сталина от обвинения в службе в Охранке выяснить другую сторону.

¹ Документ этот нам представлен. По форме он действительно соответствует документу, подписанному Ереминым. Но следует указать, что документ Еремина представляет собой письмо начальника к подчиненному, директора Департамента полиции к начальнику местного Охранного отделения, а фотокопия документа из Гуверовского архива представляет собой переписку между лицами двух разных ведомств. — *Примеч. ред. «Нового русского слова».*

Я готовлю дополнительную главу для следующего издания моей книги, в которой будут даны ответы на все вопросы о достоверности документа, подписанного Ереминым. С 1919 года, когда я впервые вывез из Москвы копии двадцатилетней переписки Кайзера с Царем (письма Вилли — Ники), мне пришлось иметь дело с различными разоблачениями исторического значения и первейшей важности. Никогда я не пользовался фальшивыми документами и отбрасывал такие, которые вызывали у меня сомнения.

В последние годы я посвятил много труда изучению Ереминского документа, как читатели узнают это из моей книги «Величайший секрет Сталина».

Я совершенно убежден в его подлинности и надеюсь, что вы опубликуете мою новую главу, когда она будет закончена. Это положит конец всем возможным возражениям по этому вопросу.

В заключение позвольте мне привести мнение ученого и образованного революционера князя Петра Кропоткина, которого цитирует Борис Николаевский в своей книге «Азеф — шпион». Это случилось на суде по обвинению Бурцева, утверждавшего, что Азеф — агент Охраны. Защита Азефа находилась в руках Веры Фигнер, Виктора Чернова и их товарищей. Вот что пишет Б. Николаевский:

«Кропоткин, имевший большой опыт с агентами-provokatorами среди французских анархистов в 80-х и 90-х годах, вспоминает, что история не знает ни одного случая, когда бы подозрения, возникавшие в различных кругах и циркулировавшие ряд лет, были выяснены до конца» (с. 272).

Я верю, что в будущем до конца будет доведено документальное исследование вопроса о службе Сталина.

С искренним уважением

Г. Аронсон

БОЛЬШЕВИКИ И ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ¹

Настоящий очерк о провокации у большевиков до революции не находится ни в прямой, ни в косвенной связи с муссированием роли И. Сталина, якобы тоже служившего в Департаменте полиции. Собранные мною материалы, однако, свидетельствуют о том, что инфильтрация Департамента полиции довольно широко проводилась в большевистских организациях и наложила заметную печать на практику

¹ Новое русское слово. 1956. 5 июня. С. 3. Печатается с незначительными сокращениями. — *Примеч. Ю. Ф.*

большевиков в эпоху между двух революций 1905—1917 гг. [...]

Известен, например, циркуляр Департамента полиции от 16 сентября 1914 года (во время войны) — совершенно секретный циркуляр, — в котором определенно преподается указание «подведомственным секретным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния этих течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками». [...] Зачем нужно было сажать на пост редактора «Правды», легально выходившей в Петербурге, агента Департамента полиции Черномазова, которого, кстати, некоторые из большевиков стали подозревать в провокации не только по его поведению, но — «судя по статьям»? [...] Ю. Мартов, например, в письме к П. Аксельроду от 2 июня 1914 года в связи со слухами о Малиновском писал: «Мы почти уверены теперь, что весь «правдизм» руководился из Охранки».

Вспоминаю, что в первые дни февральской революции мне пришлось видеть неожиданный по содержанию циркуляр Департамента полиции, предписывавший жандармскому управлению щадить и не подвергать аресту деятелей легального рабочего движения, секретарей страховых больничных касс, профессиональных союзов и пр. Тогда я воспринял этот циркуляр как некое свидетельство о либеральных тенденциях, пробравшихся в Департамент полиции. Впоследствии, сопоставляя некоторые явления, думаю, что на эти посты в легальных рабочих организациях Департамент полиции часто сажал своих людей и через них пытался проводить свою полицейскую задачу. Любопытна в этом отношении, например, судьба Черномазова. Когда он был по подозрению отставлен от редактирования «Правды», он пошел на работу в больничные кассы Петербурга и добивался поста редактора большевистского журнала «Вопросы страхования» (см. Пролетарская революция, № 7—8, 1930. Письма А. И. Елизаровой, сестры Ленина). Не желание ли сохранить «око» Департамента полиции в легальных рабочих организациях и толкать их в желательном для него направлении лежало в основе либерального циркуляра?

Если провокация была излюбленным методом Департамента полиции и до и после революции 1905 года — вспомним Азефа и азефовщину у эсеров, как и аналогичную, хотя и в меньших масштабах, работу во всех антиправительственных партиях, — то кажется все же, ни одна политическая группировка в России не пользовалась столь усиленным вниманием Департамента полиции, как большевики, опутанные столь

плотной паутиной сетью провокации. Мемуарная литература позволяет набросать весьма яркую картину того, как оплетал Департамент полиции своей провокацией большевиков, и на некоторых отмеченных ею иллюстрациях стоит остановиться.

Вот старый большевик, член реввоенсовета С. Гусев-Драбкин, выступает с речью на заседании Истпарта 13 марта 1928 года. Что же он рассказывает на интересующую нас тему? «Годы 1908—9 характеризуются почти полным развалом организации, — говорит он. — К этому времени относится чрезвычайное развитие провокации. Свердлов был в ленинградском комитете еще с четырьмя членами комитета, и он тогда подзревал, что один из них провокатор. А после февральской революции, когда открыли архивы Департамента полиции, оказалось, что все четверо были провокаторами, а Свердлов был единственным большевиком в этом комитете» (Пролетарская революция, 1928 № 4).

Та же атмосфера провокации окутала агентов большевистского ЦК в 1910—11 гг., Бреслана (Захара), Шварца (Семена), Голощекина (Филиппа), объезжавших тогда Россию по поручению Ленина. Это нисколько не удивительно, ибо в одной Московской области, тогдашнем центре большевиков, действовало от 8 до 10 провокаторов. Пятницкий (Осип Таршиш), правая рука Литвинова, главный транспортер, ведавший границей, был, в свою очередь, окружен провокаторами. С ним, между прочим, работал разоблаченный впоследствии Брандинский. А другой провокатор, Лобов, в те годы особенно хлопотал в Москве (после каждого очередного провала) о восстановлении московской организации большевиков.

Об этом выразительно рассказывает в своих мемуарах «Записки рядового подпольщика» (1924 г.) Зеликсон-Бобровская, описывая положение в 1912—1914 гг.:

«По части провокаторов Москва в то время, можно сказать, побил рекорд. На протяжении всех этих лет над Москвою висело какое-то проклятие: все, бравшие на себя инициативу восстановить Московский комитет нашей партии, неизменно запутывались в трех основных чисто московских провокаторах, как в трех соснах: Романов, Поскребухин, Маракушев, не говоря уже о Малиновском».

Тогда именно и действовал в Москве большевистский комитет в составе трех большевиков и двух провокаторов. На совещании, созванном Лениным в Праге в январе 1912 г., на 13 делегатов приходилось 3 провокатора: Малиновский, Романов и Брандинский, к которым затем прибавился четвертый провокатор — Шурканов, впоследствии, после того как был разоблачен Малиновский, работавший вплоть до февральских дней 1917 года и у большевиков, и в Департаменте полиции.

О Малиновском, конечно, нужно говорить особо. Дело Малиновского представляет собою отдельную главу, чрезвычайно важную для характеристики дореволюционного большевизма. Малиновский играл центральную роль одновременно и при Ленине, и при Департаменте полиции. Охранка провела его в Четвертую государственную думу, большевики провели его в ЦК, сделали своим лидером в Государственной думе, поставили во главе Русского бюро ЦК. Малиновского и сферы его действия касаться, между прочим, невозможно. Сейчас стоит только установить некоторые обстоятельства, оставшиеся в сущности в тени, но очень характерные для Ленина как руководителя большевиков.

Уже после того, как Малиновский был разоблачен как провокатор, вынужден был покинуть Государственную думу и уехал за границу, Ленин образовал комиссию в составе своем, Зиновьева и Ганецкого и, разобрав все обвинения и компрометирующие Малиновского слухи, реабилитировал, оправдал его, о чем был оповещен весь мир. После реабилитации Малиновский приехал в Париж. Об этом живописно рассказал А. Шаповал в своей книге «В изгнании» (Госиздат, 1927 г.):

«Малиновскому удалось обмануть партийную комиссию и самого Ленина, — пишет Шаповал. — С необыкновенной ловкостью Малиновский сумел представить обвинение против него как меньшевистскую интригу. После реабилитации Малиновскому было в Париже устроено торжественное публичное заседание. Речь Малиновского, говорившего об условиях работы в Государственной думе, дышала такой искренностью, что у меня не могло явиться и тени сомнения в его преданности интересам партии».

Шаповал отмечает, что как раз в это время ему пришлось в большевистской среде встречаться еще с двумя провокаторами, бывшими в Париже — Черномазовым и Отцовым (д-ром Житомирским). Против обоих уже были подозрения, но им не давали хода.

Вспоминаю, что в бытность мою в Париже мне пришлось прочитать рукопись одного из бывших большевиков из парижского окружения Ленина, Алексея Рогожина, который между прочим рассказывал, что в Париже действовала особая комиссия по расследованию провокации в России, и эта комиссия состояла из... трех провокаторов, а именно: Малиновского, Черномазова и Житомирского. Малиновский от имени комиссии ходил к Бурцеву и добивался от него связей в Петербурге для борьбы с Охранкой. Кажется, Бурцев, хоть и не веривший вполне в предательство Малиновского, в информации и связях ему все же отказал.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях Ленина с Малиновским, хотелось бы привести здесь два малоизвестных

факта. В начале первой мировой войны появилось известие в печати, что Малиновский был на фронте и погиб там смертью славных. Ленин, реабилитировавший его в Праге, счел нужным напечатать в своем женевском «Социал-демократе» (№ 33 от 1 ноября 1914 г.) некролог Малиновскому, и в этом некрологе, вопреки всеобщему убеждению в провокаторстве Малиновского, написал:

«Малиновский был политически честным человеком, и легенда о его провокации создана сознательными клеветниками... Мы обязаны... уберечь его память от злостной клеветы, очистить его имя и его честь от позорящих наветов».

Когда довольно скоро обнаружилось, что Малиновский не убит, а находится в немецком плену, Ленин вступил с ним в оживленные отношения. Мы имеем об этом весьма интересную справку:

«Как видно из писем Ленина, имеющих в деле Верховного трибунала о Малиновском, Малиновский находился в личной переписке с Лениным, Зиновьевым и Крупской, выполняя партийные поручения по ведению большевистской пропаганды среди военнопленных (см. Письма П. Аксельрода и Ю. Мартова. Берлин, с. 292).

Любопытно, что как раз накануне февральской революции, а именно в женевском «Социал-демократе» (№ 58 от 31 января 1917 г.) Ленин счел нужным вновь заняться делом Малиновского и вновь подтвердить его реабилитацию. Ленин писал:

«Комиссия допросила ряд свидетелей и самого Малиновского, собрала письменные показания целого ряда товарищей, составивших много сот страниц, установила неприглядную роль определенных лиц в распространении неверных слухов. Комиссия пришла к единогласному убеждению, что обвинения в провокации абсолютно вздорны».

Ровно через месяц Ленин вынужден был признать всю вздорность реабилитации Малиновского, которого он покрывал в течение лет, вопреки всем данным и наперекор здравому смыслу.

Николай Веселаго

ЕРЕМИНСКИЙ ДОКУМЕНТ ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЯ¹

Многоуважаемый господин главный редактор!

За последнее время появился ряд статей и заметок, посвященных вопросу, является ли письмо заведывавшего Особым отделом Департамента полиции, фотокопия коего помещена в

¹ Новое русское слово. 1956. 10 июня. С. 7. — Примеч. Ю. Ф.

Вашей газете от 19 апреля и в журнале «Лайф» от 23 апреля, подлинным документом.

Я совершенно согласен с Вами, что пользование сомнительными документами может принести больше вреда, чем пользы, не говоря уже о том, что этот документ публикуется теперь, в тот момент, когда в Советском Союзе началось развенчание Сталина, а не был объявлен ранее, когда были еще живы лица, которые могли многое подтвердить или опровергнуть.

В то время, к которому относится этот документ, я служил в Департаменте полиции и скажу откровенно, что это письмо вызывает во мне большие сомнения.

Департамент полиции был в министерстве как бы центром всей работы, как политической, так и уголовной в Империи.

Департамент полиции был разделен на определенное число делопроизводств. Кроме того, в Департаменте полиции был секретариат, главный архив, имевший особо секретный отдел, и журнальная часть, через которую проходила без исключения вся почта Департамента, через главные входящий и исходящий журналы. А затем — Особый отдел, как центр всей работы губернских жандармских отделений, Охранных отделений, розыскных и пропускных пунктов и крепостных жандармских команд.

Это было особо секретное отделение, в которое обычным служащим Департамента полиции доступа не было, а все справки делались через специального дежурного чиновника Особого отдела и то только письменно. Во главе Особого отдела был в то время Отдельного Корпуса жандармов полковник Еремин, человек строгий, требовательный и большой формалист. Просто невозможно даже предположить, чтобы он выпустил из Особого отдела подобное письмо. Каждому, кто хоть немного знаком с системой писемоводства в Департаменте полиции, это совершенно ясно.

Самая стилистика письма вызывает сомнения. Полковник пишет ротмистру, связанному с ним служебными взаимоотношениями, при чем тут Милостивый Государь? И почему подписано Еремин, а не полковник Еремин, как делал он обычно при служебных сношениях с жандармскими учреждениями. В то время в деловой переписке так обращались лишь к лицам, не имеющим чина и не занимающим никакого служебного положения.

Адресовка с левой стороны вообще неправильна. В Департаменте полиции так писали только лицам старшим по положению, с соответствующим титулованием и указанием положения и чина.

В данном случае адресовка должна была быть наверху: Начальнику Енисейского Охранного отделения ротмистру тако-

му-то. Ведь это письмо служебного характера от старшего к младшему.

Теперь концовка — в частной жизни у нас было принято закачивать официальные письма: «Примите уверения в уважении и совершенной преданности», а что касается «почтения», это было лишь в торговом мире, а для казенного учреждения это просто недопустимо.

Почему вообще написано это письмо, когда в нем ясно сказано, что Сталин был агентом С.-Петербургского Охранного отделения и, следовательно, вся переписка должна была исходить от этого отделения, — так как вообще технической стороной высылки никогда не ведал Особый отдел?

Одновременно с высылаемым лицом все необходимые сведения посылались тому учреждению, в распоряжение которого направлялось данное лицо.

Почему в этом письме упомянут Джугашвили-Сталин, а не Джугашвили, он же Коба, что было бы правдоподобнее?

Что касается Сталина, то, независимо от письма Еремина, он, безусловно, был секретным сотрудником. Но благодаря его двойственной игре был разоблачен и выслан в Туруханский край.

Между прочим, секретные сотрудники у нас были, и меня крайне удивляет, что в письме Еремина он назван агентом — так назывались лишь штатные сотрудники.

Если мне память не изменяет, в то время в Енисейске был розыскной пункт, но утверждать этого я не могу, так как 43 года слишком большой срок, чтобы помнить это.

Судя по фотокопии, это письмо прошло через исходящий журнал под номером 2898, что не соответствует самой работе Особого отдела, из которого ежедневно исходило не менее 50 номеров, большинство, или даже почти все, секретные, а это была вторая половина года.

В распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве, конечно, был весь секретный архив Особого отделения Департамента полиции, но Сталин в то время был слишком незначительным лицом для того, чтобы им особенно интересовались.

Полковник Еремин был потом произведен в генерал-майоры и был начальником Финляндского жандармского управления, но в пятницу 12 июля 1913 года он еще находился в Особом отделе Департамента полиции. Это время связано с одним моим личным делом, а потому память мне в этом изменить не может.

Но вот что еще интересно во всем этом вопросе: письмо датировано 12 июля, но письмо должно было в Департаменте полиции пройти через главный журнал, главный почтамт, куда

по разносной книге сдавалась вся почта, а особенно секретная, и почтовым поездом дойти до Красноярска, там перегрузиться на пароход, приняв во внимание, что это летнее время, быть вручено ротмистру Железнякову и после того получить входящий номер.

Было ли для этого достаточно одиннадцать дней? На этот вопрос может ответить только специалист.

А. Байкалов

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?¹

(письмо из Лондона)

Мое предыдущее письмо на эту тему, напечатанное в номере «Русской мысли» от 8 мая, судя по полученным мною письмам, заинтересовало как русские эмигрантские, так и некоторые иностранные круги, и это дает мне основание дополнить мое предыдущее сообщение некоторыми данными, которые я нашел с своим архиве.

Прежде всего — небольшая поправка. Фамилия начальника Енисейского Губернского жандармского управления в 1913—1914 гг. была не Белов (или Беляев), как я писал, а полковник Иванов. Арестован он был ночью 3 марта [1917 г.] на железнодорожном вокзале в г. Красноярске при возвращении из служебной поездки в г. Ачинск. Днем 3 марта я лично допрашивал его в помещении жандармского управления.

При занятии управления мы с В. Я. Гуревичем нашли в кабинете полковника Иванова нераспечатанную еще почту. В числе находившихся в конвертах бумаг было предписание Департамента полиции об аресте руководителей Енисейского союза потребительных обществ, включая и меня.

В следственную комиссию по разбору архива жандармского управления входили член партии социалистов-революционеров Е. Е. Колосов, впоследствии член Учредительного собрания, и г. Тугаринов, беспартийный хранитель Красноярского краеведческого музея. Фамилий других членов комиссии я в своих бумагах не нашел. Во всяком случае, персональный состав комиссии был таков, что полная добросовестность ее была вне сомнений.

В числе названных жандармскими офицерами и обнаруженных комиссией агентов Охранки только двое были сравнительно крупными жандармскими сотрудниками. Остальные были рабочими и служащими красноярских железнодорожных

¹ Русская мысль. 1956. 12 июня. — Примеч. Ю. Ф.

мастерских, которые не могли давать жандармам сколько-нибудь ценных для целей разведки сведений.

Одним из видных агентов был некто Базаров, в прошлом член партии социалистов-революционеров, отбывавший по приговору суда ссылку на поселение в Сибири по какому-то политическому процессу. Он служил конторщиком в Енисейском союзе потребительских обществ и потому имел возможность «освещать» деятельность руководящих работников союза. Приказ Департамента полиции об аресте кооператоров был дан на основании тех сведений, которые Базаров представлял ведавшему розыскным отделом ротмистру Оболенскому.

Другой агент, машинист Красноярского паровозного депо, был птицей весьма высокого полета. К сожалению, фамилию я его забыл и в своих бумагах не нашел.

Из доставленных мне, как общественному обвинителю, материалов я узнал, что сей милостивый государь присутствовал на созванной Лениным летом 1913 года в деревне близ Закопане (Галиция) конференции Центрального комитета большевистской партии в качестве представителя сибирского областного комитета партии. Удостоверяющие его личность и полномочия документы были весьма искусно подделаны специалистами Департамента полиции. Как известно, из 22 большевиков, присутствовавших на этой конференции, пятеро, включая члена 4-й Государственной думы Малиновского, были агентами Охранки.

Найденные в архиве Енисейского жандармского управления документы по делу этого незаурядного полицейского агента представляли большой интерес. В числе их были копии подробных донесений, которые он посылал в Департамент полиции с конференции и после нее. В мельчайших деталях передавались не только произносившиеся на конференции речи и принятые решения, но также и отчеты о встречах и разговорах агента с Лениным и другими большевистскими вожаками. Часть этих документов была опубликована в одной из выходивших в Красноярске газет, а потом, если не ошибаюсь, воспроизведена в изданном в Москве в начале 20-х годов сборнике под заглавием «Большевики по документам московской Охранки».

На судебном разбирательстве дела этого агента было установлено, что в 1911 г. он предал жандармам группу большевиков, пытавшихся организовать в Красноярске подпольный комитет партии. Арестованные по этому делу лица были преданы суду и приговорены к нескольким годам каторги.

Агент Охранки был приговорен общественным судом к трехмесячному тюремному заключению. Он вышел из тюрьмы в начале ноября 1917 г. Что с ним случилось потом, я не знаю, ибо в марте 1918 г. уехал из Красноярска за границу.

Факт обнаружения в архиве Енисейского жандармского управления указанных документов (они датированы были 1913 г.) свидетельствует, с какой тщательностью провела свою работу следственная комиссия. Если бы она нашла какие-либо компрометирующие Сталина или другое лицо документы, она бы их никогда не скрыла, особенно от меня, официального общественного обвинителя по делам агентов Охранки.

И с Е. Е. Колосовым, и с Тугариновым я был очень хорошо знаком и часто беседовал с ними об обнаруженных в жандармских архивах шпионских историях. О Сталине ни тот, ни другой не обмолвились ни одним словом. Это я утверждаю категорически.

Возможность похищения жандармских документов может почитаться исключенной. В первые дни Февральской революции жандармское управление было под военной Охраной, а потом архив был перевезен в помещение Красноярского музея, где за его сохранностью смотрел хранитель музея.

А. Жерби

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ¹

Не откажите в любезности напечатать ответ на письмо г. И. Дон Левина в номере от 31 мая по поводу моих статей о пресловутом «Ереминском» документе.

Охотно признаю ошибку, допущенную мной в статье от 24 апреля: не документ был передан г. Дон Левиным А. Л. Толстой для предъявления его на конференции печати 18 апреля, а его фотостат, тогда как сам документ давно находится в сейфе Толстовского фонда. Конференция была назначена на пять часов, а затем перенесена на более ранний час, чего я не знал. Прибыв туда в пять часов, в разгар споров о том, не фальшивка ли документ, и торопясь послать срочный отчет, я не имел времени навести точные справки. Каюсь! Но ведь эта мелочь абсолютно не имеет значения для определения достоверности документа. Зачем же писать о ней?

Никогда я не утверждал, что документ принадлежит г. Дон Левину. Наоборот, уже в первой статье, от 24 апреля, я точно указал, что документ «является собственностью Толстовского фонда».

Нигде я не упоминал о никого не интересующем гонораре, уплаченном журналом «Лайф». К чему же г. Дон Левин упоминает о нем в письме, направленном против меня? Упрек, почему я передал полностью письмо Д. Ю. Далина в номере

¹ Русская мысль. 1956. 12 июня. С. 4. — Примеч. Ю. Ф.

«Лайф» от 14 мая, а письмо Дон Левина привел лишь кратко? Очень просто. Будучи ограничен размерами газетной статьи, я не передал даже очень интересной статьи американского писателя Бертрама Вольфа, помещенной рядом со статьей Далина в том же номере «Лайф» и также оспаривавшей достоверность документа. А из краткого письма Дон Левина в том же номере я привел самое главное: «Через неделю появится его книга, которая все разъяснит». К чему же мне было приводить напечатанные в том же номере очень краткие возражения Далину, уже раньше появлявшиеся в печати? Я и закончил свою статью логически вытекающими словами, не понравившимися Дон Левину: «Поживем, увидим, почитаем, напечатаем».

Г. Дон Левин пишет в письме, направленном против меня, о «племени так называемых русских экспертов». Как это понять? До сих пор я не знал, что уважаемые американские и русские публицисты, писатели, журналисты, историки, специально занимающиеся весь мир гнетущим русским вопросом, являются племенем. Каким? Какого происхождения? К слову сказать, я считаю и г. Дон Левина большим знатоком русского вопроса. Значит, и он входит в состав этого племени? Не плохо. В хорошей компании пусть будет «племя».

В заключение скажу, что охотно принимаю его предложение, высказанное в его письме в редакцию, поговорить с ним о разных вопросах. Но обращаю его внимание, что после опубликования знаменитой речи Хрущева перед съездом все шансы на признание документа достоверным исчезли: не будь он заведомой фальшивкой, наверно, Хрущев не упустил бы случая заклеить своего покойного властелина и агентом Охранки.

Петр Ковалевский

ЕЩЕ О РАЗОБЛАЧЕНИЯХ ЖУРНАЛА «ЛАЙФ»¹

В июньском номере журнала «Восток и Запад» («Эст е Уест»), издающегося в Париже, помещена очень интересная и обстоятельная статья по поводу «сенсационных разоблачений» журнала «Лайф» о службе Сталина в Охранном отделении.

В статье дается подробный анализ «документа», который приводится целиком в переводе. Р. Врага в письме в редакцию дает исчерпывающий очерк возникновения и дальнейшей судьбы фальшивки. Б. Суварин анализирует его с точки зрения его содержания, ссылаясь на множество документов и книг и

¹ Русская мысль. 1956. 12 июня. С. 4. — Примеч. Ю. Ф.

доказывая, бесспорно, невозможность существования «письма». Статья цитирует также мнения С. П. Мельгунова и А. Байкалова. Заявления последнего особенно ценны, так как он после революции разбирал бумаги Охранного отделения в Красноярске.

Попутно журнал «Восток и Запад» указывает еще на ряд менее сенсационных разоблачений и фальшивых цитат, которые, как многие никогда не произнесенные «исторические слова», вошли в обиход, хотя явно были созданы с целью рекламы.

Восстанавливая истину, журнал «Восток и Запад» оказывает большую услугу будущим историкам.

Е. Л. Янковский

О ПОДЛИННОСТИ СТАЛИНСКОГО ДОКУМЕНТА¹

Многоуважаемый Марк Ефимович!

В связи с полемикой по поводу подлинности сталинского документа, в которой неоднократно указывалось, что как министерство внутренних дел, так и Департамент полиции пользовались положением о письмоводстве военного ведомства, позвольте мне, как бывшему полковому адъютанту мирного времени, по долгу службы знакомому с письмоводством военного ведомства, уточнить некоторые положения.

Не собираясь доказывать подлинность или фальшивку данного документа, я хочу лишь пояснить характер и общий вид бумаг, установленных Положением о письмоводстве военного ведомства.

Помимо приказов, приказаний и служебных записок, не имеющих никакого отношения к данному случаю (документов совершенно особой формы), существовали еще: предписание (своего рода индивидуальный приказ) начальника подчиненному; сношение — переписка равного с равным, и рапорт — донесение младшего — старшему. Вид всех этих бумаг был следующий. В левом верхнем углу — бланк. По верхнему краю бумаги — кому таковая адресована, и внизу — подпись.

В зависимости от сути бумаги, бланк мог быть 1) учреждения (штаб ... дивизии), тогда перед подписью фамилии ставилась должность и чин пишущего. 2) Должностной бланк (командир ... полка). В этом случае при подписи указывался лишь чин. И, наконец, 3) именной бланк (командующий ... ротой, шт. капитан ...), с подписью чина и фамилии.

¹ Новое русское слово. 1956. 13 июня. С. 4. — *Примеч. Ю. Ф.*

Таковые же указания о Положении о письмоводстве были и в отношении адреса по верхнему краю бумаги, т. е. бумага адресовалась или учреждению, или определенному должностному лицу, иногда даже и с указанием чина и фамилии адресата, что обозначало, что данная бумага направлена для исполнения определенному лицу (а не его заместителю), каковой и может только вскрыть ее, в особенности же когда наверху стояла надпись: «не подлежит оглашению», «секретно» или «в собственные руки».

Помимо вышеуказанного вида бумаг существовали еще и официальные письма, каковые начинались — Милостивый Государь, чин, имя и отчество. В этих случаях адрес ставился в левом нижнем углу, на уровне конца письма, в каком указывались должность, чин и фамилия адресата. Официальные письма подписывались с абзацем: Примите уверение в совершенном почтении... и фамилия.

Эти правила письмоводства существовали до 1910 года, когда было введено новое Высочайше утвержденное положение, более упрощенное, главным образом, в смысле экономии бумаги и упрощения высокопарности выражений. Согласно этому положению, при направлении официального письма равного к равному или младшему установлено было выражение «уважающий Вас» — вместо, «примите уверение...» Когда же письмо адресовалось старшему, к выражению — «уважающий Вас» добавлялось еще «покорный слуга».

В заключение, помня мудрую народную пословицу «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает», могли быть ошибки и халатности в переписке с низшими инстанциями. В виде иллюстрации могу привести известный мне случай, когда в рапорте, даже на Высочайшее Имя, было как-то раз допущено небольшое отступление, которое прошло незамеченным. В конце 1912 или в начале 1913 года, т. е. на третьем году действия нового Высочайше утвержденного положения, было подано на подпись начальнику официальное письмо с установленным в Положении выражением «уважающий Вас». Старому служаке эта форма выражения показалась малопочтительной, и он приказал, вопреки правилам, переделать подпись по старому, уже отмененному положению: Примите уверение и т. д.

Все это, как мне кажется, лишний раз доказывает, что правила о письмоводстве не могут являться окончательным критерием при выяснении подлинности сталинского документа.

СТАЛИН КАК ПОЛИЦЕЙСКИЙ ШПИОН¹

Учитывая возрастающий поток публикуемой о Сталине полемической литературы, открытое обсуждение вопроса о связях Сталина с царской тайной полицией назрело уже давно. Если я помог ускорить это обсуждение путем публикации в «Лайфе», наряду с важными разоблачениями Александра Орлова, вводной главы моей книги «Величайший секрет Сталина», я могу только приветствовать появление в «Нью лидере» 20 августа рецензии Григория Аронсона. Однако я возражаю против применяемой им методологии. Эта методология станет очевидной по мере того, как я пункт за пунктом буду рассматривать его анализ имеющего решающее значение документа Еремина, характеризующего Сталина как полицейского агента.

1. Когда документ был впервые опубликован, заявляет Аронсон, Бертрам Д. Вольф в письме в «Лайф» категорически объявил его подделкой. Вот что Вольф действительно написал в «Лайф» 14 мая:

«Вы сделали большое дело, опубликовав статью Орлова и связанный с прошлым Сталина документ с комментариями Левина, и они теперь смогут стать предметом дальнейшей проверки... В 1952 году ко мне за консультацией обращался чиновник-эксперт по России из Госдепартамента США по поводу документа, являющегося, кажется, тем самым, который Вы теперь опубликовали. Мы пришли к заключению, что обвинение представляется правдоподобным, но труднодоказуемым... Если документ Левина и нуждается в дальнейшей проверке, то статья Орлова вполне убедительна».

2. «Борис Суварин, биограф Сталина, подверг документ тщательному анализу», — заявляет Аронсон. Вот как выглядит тщательный анализ Суварина. Статья в «Лайфе» была опубликована в номере от 23 апреля. Суваринская публикация в парижском издании «Запад и Восток» спешно пошла в печать 1 мая с таким заявлением: «Этот псевдодокумент был представлен четыре года назад Б. Суварину, который тотчас и категорически объявил его фальшивкой». В то же время Суварин охарактеризовал статью Орлова как «набор нелепостей».

3. Аронсон заявил, что пропуск приставки «Санкт» в письме Еремина был немислим в 1913 году. Он впервые отметил это в выходящей на русском языке газете «Новое русское слово», на что исключительно хорошо информированный корреспондент А. Михайловский ответил в номере от 6 мая, что

¹ Пер. с англ. Опул. в «New Leader», 1 октября 1956, с. 26—28. — Примеч. Ю. Ф.

некоторые лица не соблюдали эту формальность в письмах, не представляющих большой важности. Такого же мнения придерживаются многие царские офицеры, утверждающие, что слово «Петербург» часто применялось в неформальной официальной переписке.

4. Аронсон пишет: «Сталин упоминается не только его полным именем — Джугашвили, но также псевдонимом — Сталин, хотя он принял его только недавно, что не было широко известно». Это одно из самых серьезных возражений против документа, датированного 12 июля 1913 года. Действительно, фамилия Сталин впервые появилась в печати в газете «Правда» 1 декабря 1912 года под статьей за подписью «К. Сталин», причем «К.» означало «Коба». В то же время подпись «К. Ст.» появилась в «Социал-демократе» 25 мая 1910 года. «Правда» опубликовала также статью с продолжениями в трех номерах — 19, 24 и 25 октября 1912 года.

5. По словам Аронсона, Охранка называла своих осведомителей «секретными сотрудниками», а не «агентами», т. е. тем термином, который используется в письме Еремина. В донесении от 20 августа 1913 года, направленном из департамента полиции генерал-губернатору Финляндии относительно предотвращения контрабанды оружия (документ можно проверить), говорится следующее: «В связи с обнаружением и слежением за контрабандой в распоряжение офицера было придано 20 секретных агентов».

6. «Сталин подается как член Центрального комитета партии, не уточняя какой партии», — отмечает Аронсон. Отчасти верно, но на документе есть запись «по С.-Д.» (по социал-демократам). Кроме того, сама фамилия Сталина и известная принадлежность к партии помогли бы определить Центральный комитет.

7. Документ, заявляет Аронсон, «был якобы послан в Енисейское отделение Охранки. Есть все основания, однако, считать, что Охранка не имела отделения в Енисейске». Какие на этот счет есть факты?

25 апреля газета Аронсона «Новое русское слово» опубликовала письмо вышеупомянутого Михайловского. В письме говорилось: «В городе Енисейске было Охранное отделение. Оно ведало делами нескольких уездов в бассейне реки Енисей».

30 апреля «Новое русское слово» поместило письмо В. И. Максимовича, заявившего:

«Енисейский уезд и прилегающий к нему Туруханский край были местом ссылки в административном порядке. Для распределения и наблюдения за ссыльным элементом в гор. Енисейске существовало Охранное отделение, во главе которого стоял ротмистр Железняков (ему адресовано письмо Ере-

мина. — И. Л.). С ним я был лично знаком в продолжение нескольких лет. Последний раз я видел его в начале 1914 г. Дальнейшая судьба его мне неизвестна».

В одном из больших городов Канады живет сегодня бывший высший офицер Охранки В. С., служивший в 1912—1913 гг. в Енисейской губернии. Цитирую по его многочисленным письменным свидетельствам, находящимся в моем распоряжении: «В существовавшем Енисейском Охранном отделении было два штаба, возглавлявшихся жандармскими капитанами, и располагавшихся в Енисейске, а также в Красноярске, где я служил в 1912 и 1913 годах... Лично мне известные местные секции Охранного отделения находились в Ашхабаде, Красноярске, Енисейске, Никольск-Уссурийске. Они состояли из одного офицера в ранге капитана и одного чиновника. Эти небольшие отделения были введены недавно... Я знал всех офицеров жандармерии Енисейской губернии 1912—13 гг. персонально и поддерживал постоянную связь с ними...»

Мой корреспондент известен многим как человек с хорошей репутацией, и он готов представить свое конфиденциальное свидетельство любому беспристрастному расследованию.

Последним авторитетом Аронсона является А. Байкалов, который спешно направил из Лондона в «Новое русское слово» материал, даже не ознакомившись со статьями в журнале «Лайф», а основав этот материал на информации, полученной из Нью-Йорка из вторых рук. Его и цитирует Аронсон. Байкалов, в частности, категорически заявил, что «в г. Енисейске никакой Охранки никогда не было».

Обратимся теперь к Борису Николаевскому, хорошо известному читателям «Нью лидера», который также сомневается в подлинности документа Еремина. Находившийся в ссылке в Сибири Николаевский прибыл в Енисейск через пару дней после падения царского режима и был немедленно избран председателем Комитета общественной безопасности. Когда я сказал ему, что узнал о том, что жандармский полковник Руссиянов привез в Китай письмо Еремина из архивов сибирской Охранки, Николаевский заявил:

«Отчего же, я лично подписывал приказ на арест полковника Руссиянова в Енисейске по просьбе городского головы. Когда его пришли арестовывать, то застали его за сжиганием дел у себя в кабинете». На мое замечание: «Значит, в Енисейске было отделение Охранки!», г-н Николаевский ответил: «Там был своего рода Охранный пост, но мне кажется, он не назывался отделением».

Аронсон, вероятно, может стыковать это с огульным утверждением Байкалова. Но как он может объяснить то, что не процитировал заявление Байкалова из той же статьи, в которой говорилось: «Если Сталин не был постоянным и плат-

ным агентом Охранки, он несомненно был время от времени осведомителем этого учреждения».

8. Самым весомым аргументом в арсенале Аронсона явилось указание на томе седьмом «Падения царского режима», где сказано, что Еремин был шефом финской полицейской администрации начиная с 11 июня 1913 года, т. е. за месяц до того, как якобы был написан этот документ. Каким образом, однако, Аронсон не смог обнаружить в пятом томе того же издания на стр. 94—97 памятную записку агента-provokatora Екатерины Шорниковой, утверждавшей, что она 20 июня приходила к помощнику директора Еремину, который дал ей 50 рублей?¹ Дело в том, что 11 июня было датой назначения Еремина. Между назначением на должность и занятием нового поста в другом городе проходило много времени.

Но это только начало истории. 10 июня этого года «Новое русское слово» опубликовало пространную корреспонденцию бывшего чиновника русского департамента полиции Николая Веселаго, сейчас живущего в Лос-Анджелесе, который выразил сомнения относительно письма Еремина. Веселаго, однако, добавил:

«Полковник Еремин был потом произведен в генерал-майоры и был начальником Финляндского жандармского управления, но в пятницу 12 июля 1913 года он еще находился в Особом отделе Департамента полиции. Это время связано с одним моим личным делом, а потому память мне в этом изменить не может».

Почему Аронсон опускает любое упоминание об этом? И почему он также избегает сослаться как-нибудь на мой ответ в «Новом русском слове» после того, как он впервые использовал свое открытие в этой газете 20 мая? В своем сообщении я сослался на частное письмо от 14 июля 1949 года бывшего царского полицейского чиновника генерала Спиридовича его старинному знакомому². В этом письме он объяснил, что Ере-

¹ И. Дон Левин ошибается, причем эта ошибка, отчасти, вызвана путаным русским текстом, в котором не разобрался Дон Левин. В документе написано следующее: «До 13 числа товарища министра не было в С.-Петербурге, а потому я пошла в департамент, где меня принял заведующий особым отделом полковник Еремин со своим помощником. Я объяснила свое положение, что у меня нет средств, и просила доложить обо мне директору [...]. Полковник Еремин сказал, что директора нет в департаменте, обещал обо мне доложить и дал 25 рублей. После я несколько раз просила свидания с директором через помощника полковника Еремина, так как последнего не было. Он просил меня обождать, так как еще не мог получить распоряжений директора. 20 июня я пришла в департамент полиции и заявила помощнику заведующего особым отделом, что у меня вышли деньги. Он принес мне 50 рублей» (Падение царского режима, т. 5. М.; Л., 1926, с. 97). Таким образом, очевидно, что деньги Шорниковой выдавал не Еремин, «так как последнего не было», а его помощник. — *Примеч. Ю. Ф.*

² Видимо, речь идет о письме А. Спиридовича В. Макарову от 14 июля 1949 года. — *Примеч. Ю. Ф.*

мин, вероятно, оставался на своем посту на протяжении нескольких недель после назначения, особенно в связи с тем, что летом 1913 года праздновался трехсотлетний юбилей династии Романовых, и большинство жандармских офицеров путешествовали с царской семьей.

Подлинный документ, сохранившийся в государственных архивах Финляндии (факсимиле доступно для проверки) улаживает весь спор. Это сообщение из штаба корпуса жандармерии от 21 июня 1913 года, извещающее генерал-губернатора Финляндии о том, что 11 июня полковник Еремин назначен служить под его началом. Печать канцелярии генерал-губернатора официально зарегистрировала получение этого сообщения только 7 июля. Поскольку Санкт-Петербург лишь 21 июня собрался проинформировать генерал-губернатора о назначении Еремина 11 июня шефом его Охранки, то, очевидно, он не мог занять свой новый пост 11 июня.

Когда Аронсон утверждает, что разоблачение Сталина, как агента Охранки, наносит ущерб делу антикоммунизма, то он проявляет поистине потрясающий подход к историографии. Он, очевидно, считает, что цель ученого не стремление понять правду и раскопать скрытые факты, а оценивать результаты исследований по их политической целесообразности до их обнародования.

Но даже если посылка Аронсона верна, так уж ли он прав, утверждая, что доказательство факта провокаторства Сталина отвлекло бы внимание от центральной политической задачи дня — разоблачения фактов сталинского террора? Как мне кажется, центральная задача состоит в подрыве веры миллионов людей в советской империи в идеализм коммунистических руководителей. Если будет установлено, что Сталин был царским шпионом и предателем дела революции, этот удар потрясет советскую диктатуру до основания.

Наконец, мы подошли к вопросу, имеющему первостепенное значение. Был ли Сталин царским агентом? Если бы Аронсон рецензировал мою книгу, а не ограничился рассмотрением документа Еремина, он мог бы способствовать освещению темных пятен. Позвольте мне вкратце изложить главную идею книги «Величайший секрет Сталина».

Краеугольным камнем биографии Сталина и культа личности, воздвигнутого вокруг его революционной карьеры, является известная хронология, составленная Берия в его книге «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в которой его герою приписывается шесть арестов, шесть ссылок и пять побегов. Потом тот же Берия в опубликованном 21 декабря 1939 года сборнике, посвященном 60-летию со дня рождения Сталина, насчитал уже восемь арестов, семь ссылок и шесть побегов.

Это действительно стало началом увлекательного поиска сведений относительно службы Сталина в царской полиции, службы, о которой длительное время ходят слухи. Моя книга «Величайший секрет Сталина» всего лишь начальная глава в поиске решения большой тайны в жизни Сталина. После публикации разоблачительного материала в «Лайфе» на свет появилось много новых источников информации. Среди всех свидетельств документ Еремина имеет лишь второстепенное значение. Даже если по причинам иным, чем полагает Аронсон, будет доказано, что документ сомнительного происхождения, собранные исторические сведения, которые я опубликую в свое время, не оставят и тени сомнения в том, что Сталин был царским агентом.

Григорий Аронсон

ОТВЕТ И. ДОН ЛЕВИНУ¹

В своей рецензии на книгу Исаака Дон Левина, анализируя документ, приведенный автором для доказательства того, что Сталин был агентом царской Охранки или тайной полиции, я пришел к выводу, что документ является подделкой.

Большинство вопросов, которые сейчас поднимает Левин, носят в высшей степени технический характер. Поскольку они направлены главным образом в мой адрес, я должен на них ответить.

Левин возвращается к вопросу, который первым бросил сомнение на подлинность документа, а именно вопросу о том, почему в письме из царского департамента полиции от 12 июля 1913 года Иосиф Джугашвили также упоминается как Сталин, т. е. псевдонимом, который стал известен намного позже. Левин говорит нам, что Джугашвили первый раз подписался этой фамилией в статье в «Правде» 1 декабря 1912 года, но появление одной подписи в большевистской газете не могло быть достаточным, чтобы ее использовать в официальном документе царской полиции.

Левин также касается странного обстоятельства, о котором я упомянул, что в документе Сталин подается как «член Центрального комитета», не уточняя, какой партии. Ответ Левина состоял в том, что на полях документа от руки, а не на машинке, кто-то написал словами «по С.-Д». Вряд ли это убедительно.

¹ Пер. с англ. Опул. в «New Leader», 1 октября 1956, с. 28. — *Примеч. Ю. Ф.*

Пытаясь доказать, что в городе Енисейске было отделение Охранки, Левин приводит много материала, который не имеет ничего общего с этим делом. Он упрекает меня за то, что я игнорирую письма в «Новое русское слово», в которых утверждалось, что такое отделение существовало. Я это делал по простой причине. В этих письмах содержались предположения, не подкрепленные какими-либо доказательствами.

Меня, в свою очередь, интересует, по какой причине Левин проигнорировал книгу М. Москалева «Русское бюро большевистской партии, 1912 — март 1917» (Москва, 1947), в которой страницы с 149-й по 160-ю посвящены различным административным и полицейским учреждениям Енисейска во времена последней ссылки Сталина. В книге ни разу не упоминается существование енисейского отделения Охранки. И почему Левин презрительно высказывается о А. Байкалове, который недавно писал в парижской газете «Русская мысль», что никогда в Енисейске не было такого отделения? Во время революции в 1917 году Байкалов жил в этом городе, и ему была поручена ликвидация там царской тайной полиции.

Левин оспаривает мое утверждение относительно того, что поскольку генерал Еремин, подписавший противоречивый документ, был назначен шефом финской полицейской администрации 11 июня, т. е. за месяц до даты написания документа, то его подпись и сам документ в целом должны быть подделкой. Тем не менее аргумент Левина главным образом основан на письме Н. Веселаго в «Новом русском слове», заявившего по памяти, что 43 года назад, 12 июля 1913 года, если быть точным, он видел генерала Еремина в Санкт-Петербурге (Еремин все еще не уехал в Финляндию). Подобным же образом Левин ссылается на письмо покойного генерала Спиридовича, в 1949 году утверждавшего, что Еремин хотя и был назначен на новый пост 11 июня, задержался в Санкт-Петербурге по каким-то причинам. Он также цитирует ряд финских документов того времени. Однако показательно, что Левин не цитирует ни письмо Спиридовича, ни другую документацию.

Левин критикует меня за то, что я цитирую Байкалова, когда он отрицает существование енисейского отделения Охранки, но игнорирую его утверждение о том, что Сталин «несомненно был время от времени осведомителем» полиции. Подобные заявления относительно точек зрения неуместны даже для высоко авторитетных лиц.

Веселаго, на которого ссылается Левин, писал в «Новом русском слове», что Сталин, «безусловно, был секретным сотрудником». Однако, когда речь заходит о документе Еремина, то он (Веселаго) категорически заявляет: «Просто невозможно

даже предположить, чтобы он выпустил из Особого отдела подобное письмо. ...Я служил в Департаменте полиции и скажу откровенно, что это письмо вызывает во мне большие сомнения».

Левин заключает статью признанием того факта, что документ Еремина, представляющий собой основу книги, имеет лишь «второстепенное значение». Он обещает основывать будущие разоблачения на новых пока неизвестных источниках. Сразу же возникает вопрос: по словам Левина, его книга «Величайший секрет Сталина» всего лишь «начальная глава». Но не лучше было бы автору сначала собрать доказательства, а потом уже писать книгу, вместо того, чтобы делать наоборот?

М. Тителл

ДОКЛАД ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА НЬЮ-ЙОРКСКОМ ЗАСЕДАНИИ АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ¹

Тема: Разоблачение документального обмана.

Автор: Магистр Мартин К. Тителл, лектор по спорным документам, Нью-Йоркский университет штата Нью-Йорк, Институт криминологии, Бруклинский колледж. Нью-Йоркский университет.

Адрес: Фултон-стрит 123, Нью-Йорк 38, штат Нью-Йорк.

Время: Суббота, 29 декабря 1956 г., 14:00.

Место: Комната Пенн-Топ, Отель «Статлер», г. Нью-Йорк.

Программа: Семинар «Наука и преступление». Секция социальных наук Американской ассоциации ученых общественных наук, организованный при содействии общества развития криминологии.

23 апреля 1956 года одно из наиболее влиятельных средств массовой информации в Соединенных Штатах — журнал «Лайф» опубликовал статью известного журналиста Исаака Дон Левина, озаглавленную «Величайший секрет Сталина». Суть статьи в том, что покойный диктатор Советского Союза Иосиф Сталин был в дореволюционное время царским шпионом и работал на правительство против своих товарищей по революционному делу. В качестве доказательства для такого заявления был предъявлен машинописный документ, подписанный, как утверждается, полковником Ереминым в С.-Петербурге 12 июля 1913 года.

¹ Архив Гуверовского института, фонд Б. И. Николаевского. Пер. с англ. — *Примеч. Ю. Ф.*

В подтверждение подлинности этого документа, представляющего Сталина как царского шпиона, как «стандарт» для технической его экспертизы было приведено другое письмо — официальное сообщение и. о. директора Управления полиции России от 5 ноября 1912 года. В статье в «Лайфе» говорилось, что сталинско-ереминский документ и «стандарт» были отпечатаны на пишущей машинке «одной и той же модели и модификации». При этом г-н Левин ссылается на известного исследователя документов г-на Альберта Д. Осборна.

Позже статья г-на Левина была расширена до объема книги, уже опубликованной в этом году издательством «Ковард Маккен». Статья в «Лайфе» меня очень заинтересовала, и я внимательно прочитал ее. Посвятив свою жизнь изучению шрифтов и пишущих машинок и занимаясь многие годы изучением документов, я уделил особое внимание сравнению сталинско-ереминского документа со «стандартом» по фотографиям, сопровождающим статью. Даже из фотографий, воспроизведенных в журнале, следует с очевидностью, что эти документы не были отпечатаны на машинке одной и той же модели, и, по крайней мере, в этом отношении статья в «Лайфе» была неточной.

На следующий день я получил несколько оттисков статьи из «Лайфа» и раздал студентам своих классов по полицейской науке в Бруклинском колледже. Мои студенты с легкостью обнаружили двадцать пять различий в характере шрифтов обоих документов, и ни один из них не высказал мнения, что сталинско-ереминский документ и «стандарт» были отпечатаны на пишущей машинке одной и той же модели или модификации.

Вызванный этими документами интерес подтолкнул меня к необходимости изучить оригиналы обоих писем. По поводу сталинско-ереминского письма я связался с г-ном Левиным, а по поводу «стандарта» — с библиотекой Леланд, Стенфордского университета. Мне не удалось получить ни того, ни другого оригинала; сталинско-ереминское письмо находилось в сейфе Толстовского фонда, а работники Леланд, Стенфорда, не смогли найти «стандарт». В конечном счете я все-таки получил хорошую фотокопию сталинско-ереминского письма из Толстовского фонда и хорошую фотокопию «стандарта» от г-на Левина.

Изучение сталинско-ереминского письма, которое повлекло за собой поездку по нескольким европейским странам с целью опроса тех, кому могло быть что-то известно по этому поводу, а также анализ нескольких тысяч документов убедили меня в том, что письмо является подлогом.

Хочу подчеркнуть, что мое исследование связано с проблемой подлинности сталинско-ереминского письма лишь с точки

зрения материального его изучения. Говорю об этом потому, что, насколько я понимаю, в некоторых кругах это письмо вызвало политические дебаты, которые меня совершенно не интересуют. Кроме того, мои результаты не должны истолковываться как опровергающие мотивы «Лайфа», г-на Левина или г-на Осборна. Как эксперта по документам меня, однако, касается вопрос разоблачения поддельных документов, а сталинско-ереминское письмо является подлогом.

Поскольку это мне представляется наиболее логичным способом изложения хода моего исследования, то я хотел бы начать в хронологическом порядке с того дня, когда я и мои студенты изучали оспариваемый документ и «стандарт».

В статье и книге Левина пишущая машинка, использованная для напечатывания обоих документов, определена как русская, изготовленная на заводе компании «Ремингтон» и экспортированная в Россию в дореволюционное время. Распросы на заводе Ремингтон в Эльмире и в офисах этой компании в том же городе позволили установить, что «стандарт» был действительно напечатан на машинке «Ремингтон». Однако оспариваемый документ, так я буду называть сталинско-ереминское письмо, был написан вовсе не на ремингтоновской машинке.

В июле нынешнего года мое исследование вынудило меня к поездке в Германию. Во Франкфурте я обнаружил, что оспариваемый документ был отпечатан на машинке немецкого производства типа «Адлер». Завод «Адлер» был разрушен в результате бомбардировок, и поэтому установление времени производства машинки, использованной для изготовления спорного документа, оказалось невозможным. Однако сотрудники, проработавшие многие годы на фирме, заявили, что тот русский шрифт, которым отпечатан оспариваемый документ, был изготовлен впервые в 1912 году. Но сам документ не мог быть отпечатан ни в 1912 г., ни даже в 1913 г., а лишь много позже, поскольку шрифт изношен и разбит. Оспариваемый документ, должно быть, был написан много лет спустя после изготовления самой пишущей машинки. Я взял образчики шрифта, снятого с машинки «Адлер» производства 1912 года, и в подтверждение правильности моего определения их можно сравнить со шрифтом оспариваемого документа.

Будучи в Германии, я перепроверил некоторые из моментов, описанные г-ном Левиным в его книге. На стр. 107 книги «Величайший секрет Сталина» г-н Левин рассказывает о поиске некоего Добролюбова, бывшего прежде офицером Охранного отделения или царской тайной полиции. Автор говорит, что он посетил греческую православную церковь на Находштрассе в Шарлоттенбурге (Берлин), священник которой сразу отреагировал на имя Добролюбов. Автор помечает время этого

события мартом 1950 года. Я посетил ту же самую церковь и говорил со священником, прослужившим там многие годы. Он не знал ничего о Добролюбове и не припоминал встречи ни с американцем, ни с кем-либо еще из упоминавших это имя. Там был, правда, еще один священник, помогавший церкви, где я брал интервью, но он тоже ничего не знал о Добролюбове и не помнил расспросов о таком человеке.

Помочь в моих поисках вызвался г-н Игорь Фромке, 39-летний мужчина, который прислуживал в церкви и который, будучи ранее в плену у американцев, свободно говорил на английском, а также на русском и немецком языках. Для большей убедительности позволю Фромке самому изложить часть этой истории:

«В воскресенье, 15 июля, меня позвали к алтарю встретиться с американцем, который представился как Мартин К. Тителл. Он спросил, говорю ли я по-английски и когда закончится церковная служба. После последней проповеди г-н Тителл подошел ко мне и отцу Сергию и задал нам следующие вопросы: «Не может ли отец Сергий вспомнить американского писателя Исаака Дон Левина, который приезжал в Берлин в марте 1950 года и спрашивал о некоем дьячке по имени Добролюбов, который, должно быть, долго работал в нашей церкви до последней войны. Отец Сергий сказал, что такого дьячка в нашей церкви никогда не было и что он не помнит г-на Дон Левина. Но поскольку в нашей церкви всегда было и есть два священника, то он сказал, что нам следует поговорить также и с отцом Михаилом. В 9 ч. 30 мин. утра 16 июля мы с г-ном Тителлом снова встретились у входа в церковь, сразу же прошли внутрь и увидели отца Михаила, готовившегося к службе. Мы задали ему те же вопросы. Отец Михаил отверг их с еще большей категоричностью и заверил меня, что вовсе не знает такого человека».

На той же стр. 107 книги Левина говорится: «Поиски Добролюбова привели меня в Висбаден и завершились там на соседнем кладбище. Добрый местный священник проводил меня к его могиле. Он умер недавно, и вместе с ним оказались погребенными многие тайны Охранного отделения».

На следующий день я отправился из Берлина в Висбаден, взяв с собой Фромке, чтобы использовать его как переводчика при посещении, все еще в поисках ключей к машинописному сталинско-ереминскому письму, немецкой лаборатории криминалистики. Неподалеку располагалась чудесная часовня, упоминаемая г-ном Левиным на стр. 107, и я поговорил с местным священником, упомянутым там же. Этот священник тоже ничего не знал о Добролюбове и никогда за все годы своей службы в церкви, начиная с 1908-го, не слышал этого имени.

Пусть снова расскажет Фромке:

«Вблизи того учреждения (лаборатории криминалистики) на холме под названием Невоберг воздвигнута чудная русская православная церковь в честь одной покойной великой российской герцогини, служащая ей усыпальницей. Нас проводили в небольшой соседний коттедж к старому русскому священнику. Этот подвижный и стройный 84-летний патриарх, прослуживший пятьдесят пять лет в Висбадене, этот священник, чья память работает хорошо, несмотря на его возраст, никогда не говорил с ним о человеке по имени Добролюбов и никогда не показывал ему могилу такого человека. То же самое было подтверждено его дочерью, свободно говорящей по-английски. Мы проверили также книги всех захоронений, начиная с 1945 года по настоящее время, и не смогли найти никаких следов Добролюбова. Нет могилы с именем такого человека на русском кладбище. Я лично могу сказать лишь то, что с детства принадлежу к берлинской церкви на Находштрассе и не знаю никакого дьячка с такой фамилией. То же самое могу сказать и о своей матери, тоже старой прихожанке этой церкви. Наш дьячок и староста, давно служащий здесь, этим человеком быть не может. У него иная фамилия. Поскольку он проживает в оккупированной русскими зоне Восточной Германии, его имени приводить нельзя по причинам безопасности. Но никакого другого дьячка все это время (25 лет) здесь не было».

Я осмотрел прилегающее кладбище: надгробия Добролюбову там не было. В церковном журнале, отмечающем смерти с 1945 года, записи о захоронении такого или другого человека с фамилией, похожей на «Добролюбов», тоже нет.

«Подвижный и стройный патриарх» — тот самый «добрый местный священник» Левина, который проводил его к могиле Добролюбова, сам добровольно дал мне следующее показание:

«Висбаден, 17 июля 1956. Я, нижеподписавшийся, состою на службе в русской православной церкви в Висбадене с сентября 1908 года до настоящего времени за исключением периода первой мировой войны (1914—1919). Ни один человек по фамилии Добролюбов со мной вместе не служил ни в каком качестве. Кроме того, на нашем русском кладбище нет надгробия с такой фамилией. Я не помню встречи с американским журналистом г-ном Дон Левиным». Подпись: Настоятель православной русской церкви в Висбадене, протоиерей Пауль Адамантов.

Затем я отправился в Гамбург, где консультировался с профессорами Танге и Йохансенем, возглавлявшим славянский и финский факультеты Гамбургского университета. Они изучили мою копию ереминско-сталинского документа и назвали его фальшивкой. За документальным доказательством

они посоветовали мне обратиться в архивы Хельсинки в Финляндии.

Из Гамбурга я заехал в Варель, вблизи Бремена, где взял интервью у двух бывших царских служащих С.-Петербурга. Полковник русской армии Федор Юрьев был государственным прокурором с 1904 по 1917 г., а Степан Русанов работал с 1908 по 1918 г. механиком по пишущим машинкам в различных учреждениях С.-Петербурга. За время своей работы они видели много пишущих машинок «Ремингтон». «Адлер» был им незнаком. У меня есть показания обоих этих лиц.

Позже в Хельсинки я обнаружил громадное число документальных свидетельств, относящихся к царскому времени. Возникает вопрос, почему г-н Левин выбрал неизвестный документ из библиотеки Стенфордского университета Леланда при наличии тысяч подлинных официальных свидетельств царского времени в Финляндии.

До первой мировой войны Финляндия была одной из губерний России, и тот самый Еремин, который, как утверждается, подписал оспариваемый документ, представляющий Сталина шпионом, был шефом жандармерии этой губернии. Я изучил более 3000 документов, включая 85 документов, подписанных Ереминым. Ни один из них не был отпечатан на машинке «Адлер». Что касается подписей, то различие столь очевидно, что дополнительных комментариев не требуется.

В моей работе в архивах Хельсинки мне помогала квалифицированный библиотекарь. Привожу выдержку из ее заявления:

«25 июля меня, доктора Марию Виднас, выпускницу университета Хельсинки-Гельсингфорс, старшего библиотекаря университетской библиотеки, секретарь ректора Университета попросил встретиться с г-ном Мартином Тителлем, специалистом по спорным документам, и пойти с ним в государственный архив для поиска документов, датированных июлем 1913 года и подготовленных Особым отделом Департамента полиции министерства внутренних дел России с целью сравнения их с привезенным г-ном Тителлем в Финляндию документом, подготовленным начальником Особого отдела Департамента полиции министерства внутренних дел 12 июля 1913 г. (№ 2898) и подписанным Ереминым.

Мы просмотрели около трех тысяч документов, подготовленных Департаментом полиции, но не обнаружили ни одного с обозначением «Заведующий Особым отделом Департамента полиции». По мнению архивистов, всю жизнь занимающихся учетом русских документов и особенно документов Канцелярии генерал-губернатора, а это единственное место в Финлян-

дии, где могут находиться документы, присланные российскими властями, предъявленный г-ном Тителлем документ является, скорее всего, фотокопией подделки.

«В первый день работы нам помогли архивист магистр Салмелма и архивист магистр Валониemi. Последний любезно организовал изготовление фотостатов для нас подлинных писем Еремина. В последующие несколько дней с помощью архивиста Салмелма мы просмотрели все документы вплоть до 1914 года Канцелярии генерал-губернатора Финляндии, и обнаружили еще несколько документов, подписанных Ереминым. Все подписи Еремина, первая из которых датируется 19 июля 1913 года, отличаются от подписи на документе, фотография которого принадлежит г-ну Тителлю, и это вторая причина, по которой архивисты Сеиткари, Салмелма, Валониemi, а также старший архивист Бломштедт считают, что привезенный из Америки документ не может быть подлинным. 27 июля мы с г-ном Тителлем посетили Центральную полицию, чтобы убедиться, не хранятся ли российские документы где-либо еще в архивах Хельсинки».

Заверено и подписано: доктор Мария Виднас, старший помощник библиотекаря.

В качестве еще одного подтверждающего свидетельства служит найденный мною среди хельсинкских документов правительственный приказ о назначении Еремина на его пост в Финляндии, датированный 21 июня 1913 года. Была обнаружена также корреспонденция от 19 июля 1913 г., указывающая на то, что в тот момент Еремин уже включился в работу в Хельсинки. Г-ну Левину известно, что оспариваемый документ из С.-Петербурга от 12 июля 1913 года не соответствует времени назначения Еремина в Хельсинки, но он считает возможным, что Еремин не вступил в свою новую должность сразу же после назначения. Однако в свете документа, датированного 19 июля и означающего, что Еремин находился уже полностью при исполнении своей должности в Финляндии и, вероятно, работал там уже некоторое время, становится крайне сомнительным, чтобы всего лишь неделей ранее он мог быть в С.-Петербурге.

Финские власти с готовностью оказали мне большое содействие, и у меня теперь имеются фотокопии и микрофильмы многочисленных документов, которые предложены на рассмотрение г-ну Левину и журналу «Лайф».

Все сопровождающие сталинско-ереминское письмо обстоятельства поддерживают вывод, что этот документ поддельный.

В качестве постскриптума я мог бы добавить, что я предложил свои результаты вниманию журнала «Лайф» и г-на Левина. Но правде обычно трудно соперничать с ложью, и потому

весьма маловероятно, что данное исследование когда-нибудь получит такое же распространение, какое получил этот поддельный документ.

Иссак Дон Левин

О ЛОЖНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ «ЗАСЛУЖЕННОГО УЧЕНОГО» ГАЗЕТЫ «ДЕЙЛИ УОРКЕР», ЧЕЛОВЕКА, СОЗДАВШЕГО ПИШУЩУЮ МАШИНКУ «ХИССА», И О ТОМ, КАК ОН ОБМАНУЛ АМЕРИКАНСКУЮ АССОЦИАЦИЮ РАЗВИТИЯ НАУКИ¹

20 января 1958 г.

10 января 1958 года сенатским подкомитетом внутренней безопасности был опубликован доклад о слушаниях 8 февраля, 7 июня и 1 октября 1957 года (часть 66), показавших, что Мартин К. Тителл, механик по пишущим машинкам, сделавший для Алжера Хисса пишущую машинку стоимостью 7500 долларов, дал ложные свидетельские показания подкомитету по меньшей мере по четырем пунктам. В докладе обнаруживается и первостатейный обман, совершенный г-ном Тителлем по отношению к Американской ассоциации развития науки, известной как AAAS.

Во время ежегодной конференции AAAS, на сессии, организованной Обществом развития криминологии секции социальных наук и состоявшейся во второй половине дня 29 декабря 1956 года, рассматривалась методология научных исследований. Темой заседания было изучение документа, касающегося жизненной стези покойного диктатора Советского Союза Сталина, который вполне может войти в историю как не имеющий себе равных преступник всех времен. В качестве демонстратора выступал некто Мартин К. Тителл, который называет себя «экспертом по спорным документам» и который представлен в отпечатанной программе AAAS как «лектор по изучению спорных документов Нью-Йоркского университета и Бруклинского колледжа». Его доклад был озаглавлен: «Разоблачение документального обмана». Аудитория — около двухсот человек — состояла в основном из криминалистов и небольшого числа представителей прессы.

Газета «Дейли Уоркер», орган коммунистической партии, дала необычайно широкий обзор этой сессии, посвятив представленному г-ном Тителлем «разоблачению» двадцать одну

¹ Архив Гуверовского института, фонд Б. И. Николаевского. Пер. с англ. — *Примеч. Ю. Ф.*

колонку с четырьмя продолжениями в своих номерах от 31 декабря 1956 года и от 6, 13 и 20 января 1957 года. В сообщении от 13 января «Настоящая детективная история» «Дейли Уоркер» представила г-на Тителля как «заслуженного ученого» и как «признанного эксперта по спорным документам» (см. стр. 4126 «Слушаний»).

Опубликованная «Дейли Уоркер» серия привлекла внимание подкомитета по внутренней безопасности Сената. На слушании дела 1 октября 1957 года (стр. 4126) главный советник Роберт Моррис заявил, что «целью этих статей была защита премьера Сталина». «Будучи озабоченным возможностью того, что коммунисты начинают кампанию по реабилитации маршала Сталина, — продолжал советник Моррис, — подкомитет решил ознакомиться с тем, чем занимался г-н Тителл». Директор подкомитета по исследованиям, г-н Бенджамин Мандель получил и внес в протокол массу поразительных фактов о том, чем же занимался г-н Тителл».

Едва ли это было случайно, что газета «Дейли Уоркер» осветила упомянутую необычную сессию ежегодной конференции AAAS столь экстравагантно. Ведь вопросом, по поводу которого должен был выступить г-н Тителл, была моя статья, опубликованная в журнале «Лайф» 23 апреля 1956 года. В своей статье я воспроизвел документ, разоблачающий Сталина как царского шпиона. Документ представляет собой письмо из Охранного отделения, т. е. царской тайной полиции, подписанное Ереминым. Оригинал письма является собственностью Толстовского фонда в Нью-Йорке. Статья в «Лайфе» рассказывает о моих попытках определить подлинность документа и составляет часть небольшой книги, опубликованной летом 1956 года под названием «Величайший секрет Сталина».

Приглашение принять участие в криминологической сессии AAAS и выступить оппонентом при представлении г-ном Тителлем своей критики документа я принял с готовностью и интересом. Я полагал, что, будучи экспертом по пишущим машинкам, г-н Тителл будет рассматривать технические свидетельства, поскольку он выразил ранее свое несогласие с мнением известного авторитета по спорным документам г-на Альберта Г. Осборна по поводу модели той пишущей машинки, на которой был отпечатан оспариваемый документ. Со своей стороны, я намеревался оппонировать, опираясь строго на исторические свидетельства о службе Сталина в царской полиции.

Конечно же я знал, что г-н Тителл сделал ранее пишущую машинку для Хисса с целью подтвердить заявление последнего, что подделка пишущей машинки заводского производства возможна, т. е. для доказательства той идеи, которую и суд, и все признанное общество специалистов по изучению доку-

ментов отвергали как фантастическую и ненаучную. Но я не предполагал, что Американская ассоциация развития науки позволит этому господину, претендующему на звание ученого, использовать свою трибуну в качестве мыльницы, и был поэтому совершенно не подготовлен к той лекции, которую задумал г-н Тителл.

Основную часть своего «анализа» он посвятил вовсе не ключевым техническим аспектам документа, а бурной атаке на искренность моих поисков свидетельств, подтверждавших двойственную роль Сталина как революционера и царского информатора. Это особенно поразительно и необъяснимо для меня в свете того признанного факта, что я ранее оказал г-ну Тителлю всяческую поддержку в его, как он утверждал, работе по определению подлинности документа.

Почему г-н Тителл проявил столь большую заинтересованность в том, чтобы проследить мои действия по выявлению свидетельств прошлого Сталина, и столь мало интереса к поискам пишущей машинки, на которой оспариваемый документ был отпечатан? Эта загадка возникла сразу же, как только г-н Тителл выступил на конференции AAAS. Когда весной 1957 года сотрудник исполкома AAAS спросил меня о возможных мотивах, которыми руководствовался г-н Тителл в оспаривании искренности моих действий, я мог высказать одно лишь недоумение по этому поводу. Было бы невероятно, чтобы мое участие в 1939 году в доведении до сведения Белого Дома дела Уиттекер Чемберс, которое девятью годами позже привело к делу Хисса, имело бы какое-то отношение к поведению г-на Тителля. Теперь, после публикации показаний г-на Тителля на слушаниях сенатского подкомитета по внутренней безопасности, загадка разрешена. К показаниям г-на Тителля, осуждающим его самого, приложены неопровержимые документальные свидетельства, устанавливающие факт обмана со стороны г-на Тителля по нескольким пунктам.

Пункт № 1

8 февраля 1957 г., после того, как г-н Тителл был приведен к присяге сенатором Олином Д. Джонсоном, советник Моррис задал ему вопрос:

«Не работали ли Вы на кого-нибудь?»

«О, нет», — ответил г-н Тителл.

Это же решительное заявление (стр. 4107) было сделано в ответ на вопросы г-на Морриса о том, предпринял ли г-н Тителл свое исследование «на самостоятельной основе или как деловое предприятие». Г-н Тителл повторил, что он предпринял его «по профессиональным соображениям» в поисках «ма-

териалов для лекций». Он заявил: «Одна из моих специальностей — идентификация машинописных документов... Мне постоянно требуются материалы для оживления курса моих лекций».

В связи с нижеследующим надо отметить, что одним из двух адвокатов-советников г-на Тителля выступал г-н Честер Т. Лейн, бывший поверенным Алджера Хисса.

26 марта 1957 года г-н Тителл передал советнику сенатского подкомитета по внутренней безопасности заявление, которое было явной попыткой предвосхитить возможные обвинения в даче ложных показаний. Г-н Тителл писал (стр. 4120):

«Я ни в чем не отказываюсь от изложенного мною в показаниях, но поразмыслив над конкретной формой приведенных вопросов, я полагаю теперь, что для полноты ответа я должен был бы добавить еще один факт...

Мне следовало бы, вероятно, добавить, что незадолго до начала своего исследования я подумал, что поверенных Алджера Хисса (для которых я проделал определенную работу в связи с его предложением о новом судебном рассмотрении) может заинтересовать вопрос о подлинности или поддельности машинописного документа, предложенного г-ном Исааком Дон Левиным. Я соответственно посетил г-на Честера Т. Лейна, поверенного г-на Хисса, и рассказал ему о своих сомнениях по поводу этого документа. Он сказал, что ему будет весьма интересно, если мое исследование покажет, что подделка, если это подделка, окажется изготовленной на пишущей машинке такого типа, который был использован для подделки документов в деле Хисса. Я ответил, что это представляется вполне возможным, спросил, пожелает ли он компенсировать мое время и расходы в достаточной мере, чтобы я мог сконцентрировать свои усилия на исследованиях в этом направлении. Он сказал, что будет рад сделать это».

Показательно, что присутствовавший на слушаниях 8 февраля работодатель г-на Тителля г-н Лейн не поправил и не дополнил показания г-на Тителля о том, что он «ни на кого не работал».

27 июня 1957 года, когда в результате указанного сообщения г-н Тителл был снова приглашен для дачи показаний в подкомитет и был приведен к присяге сенатором Джоном Маршаллом Бутлером, советник Уильям А. Рушер спросил его:

«Не назовете ли Вы для Комитета сумму, которую он (г-н Честер Лейн) уплатил Вам?»

«Одну тысячу долларов», — ответил г-н Тителл.

Таким образом, г-н Тителл получил гонорар в 1000 долларов за то, что «ни на кого не работал».

В своем докладе, сделанном на сессии AAAS и им самим внесенном под присягой в протокол слушаний 8 февраля (стр. 4184), г-н Тителл сообщает:

«Мое исследование привело меня в июле нынешнего года в Германию... Находясь в Германии, я проверил некоторые из моментов, описанных г-ном Левиным в его книге... о поисках некоего Добролюбова, бывшего ранее офицером Охранного отделения или царской тайной полиции. Автор говорит, что посетил греческую православную церковь на Находштрассе в Шарлоттенбурге (в Берлине), священник которой «немедленно среагировал» на имя Добролюбов... В книге Левина на той же странице 107 говорится: «Поиски Добролюбова привели меня в Висбаден и завершились там на соседнем кладбище... Он умер недавно, и с ним оказались погребенными многие тайны Охранного отделения».

У бывшего революционера, поступившего на службу царской тайной полиции, вечно ускользающего «Добролюбова», известного как Николай «Золотые очки», было много псевдонимов, как-то было обычным для подпольных операций. Среди этих псевдонимов были «Доброскок», «Добролюбов» — оба близкие к его настоящей фамилии — Добровольский. Лев Троцкий в автобиографии «Моя жизнь» и Бертрам Д. Вольф в своей важной работе «Трое, сделавшие революцию» называют этого человека Доброскоком (стр. 4155). Хотя высокопоставленный генерал из Охранного отделения Спиридович дал мне рекомендательное письмо к этому человеку с указанием его личного и родового имени (я смог найти оригинал письма лишь после публикации моей книги), я обозначил его фамилией Добролюбов, наиболее распространенной из всех трех в России. Живущая в Нью-Йорке супруга генерала Спиридовича уже в самом начале обратила мое внимание на эту неточность. Я, в свою очередь, привлек внимание г-на Тителля к путанице с фамилиями еще до его отъезда в Германию, чем и объясняются произнесенные им под присягой слова «Я искал что-либо похожее, я помнил об этом...» (стр. 4110).

В Германии г-н Тителл с чрезвычайным усердием принялся за добывание доказательств того, что покойный Добровольский был всего лишь порождением моего воображения. Это касалось и моих посещений церквей Берлина и Висбадена. Какое отношение изыскания г-на Тителля по поводу моей правдивости в этом вопросе могли иметь к подлинности документа, остается загадкой, поскольку совершенно очевидно, что найди я Добровольского среди живых, он вполне мог бы и не пролить какого-либо света ни на документ, ни на связь Сталина с Охранным отделением.

На вопрос советника Морриса о цели интервьюирования им протоиерея висбаденской церкви Адамантова г-н Тителл показал:

«Чтобы выяснить, существовал ли человек по фамилии Добролюбов, к которому этот священник провожал Левина. В книге Левина этот священник проводил его к надгробному камню на кладбище и показал место его захоронения, и я хотел это видеть. Но там не было ни надгробного камня, ни могилы. Мне зачитали журнал захоронений дважды, и там не было похожего имени за последние 15 лет».

Снова и снова г-н Тителл отвечал на вопросы заявлением, что он не обнаружил «какой-либо фамилии, похожей на Добролюбов».

«И никакой похожей?» — спросил г-н Моррис.

«Совершенно никакой, — говорит г-н Тителл, продолжая. — И я отправился на кладбище и просил гида проверить имена, все имена, ибо я не хотел допустить никакой промашки».

«И Вы проверили другое место, и никаких похожих фамилий?» — допытывался г-н Моррис.

«Никаких похожих фамилий, абсолютно».

5 января 1957 года г-н Бенджамин Мандель, директор подкомитета внутренней безопасности по исследованиям, посетил ту самую висбаденскую церковь и кладбище и говорил с теми же лицами, которых посетил ранее г-н Тителл. Без каких-либо трудностей г-н Мандель нашел расположенные рядом и могилу, и надгробный камень Добровольского, а также получил копию свидетельства о смерти Добровольского из муниципалитета Висбадена и из церковного журнала.

Документальные свидетельства и фотографии г-на Манделя заполняют страницы 4128-39, 4119-50 и 4170 протокола слушаний и полностью разоблачают как ложность показаний г-на Тителля, данных им под присягой, так и доводов, приведенных им на сессии AAAS. Дополнительный свет на «научное исследование» г-на Тителля проливают редкая фотография Добровольского, все еще носившего свои очки в золотой оправе (стр. 4170), и показания живущего в Нью-Йорке отца Корчака — священника, отслужившего в Висбадене заупокойную службу по Добровольскому.

В качестве примечания к данному пункту можно добавить, что во время своего посещения церковей на Находштрассе и в Висбадене, целью которого был поиск агента Охранного отделения, я нигде не представлялся и никогда не утверждал, что встречался с протоиереем Адамантовым, в чем меня открыто обвиняет г-н Тителл. У меня имеется достаточно официальных и других доказательств моей поездки в Берлин 21—24 марта 1950 г., во время которой у меня была встреча и приватная

беседа с генералом Максвеллом Тейлором, бывшим тогда главой американской военной миссии в Берлине.

Более того, г-н Мандель собрал поразительные свидетельства о политическом характере церкви на Находштрассе, о ее священнике отце Сергии и о ее служащем Игоре Фромке, которого нанимал в качестве своего гида и переводчика г-н Тителл. Эти свидетельства, представленные под номерами 508—511 на страницах 4164—4170 протокола о слушаниях, говорят о том, что заведение на Находштрассе находится под контролем советской патриархии в Москве, которой, как известно, руководит советская тайная полиция, использующая ее для разведывательной деятельности за рубежом.

Пункт № 3

Наиболее гнусное мошенничество со стороны г-на Тителля по отношению к АААС, которое принудило его к совершению еще одного акта лжесвидетельства перед лицом сенатского подкомитета по внутренней безопасности, было, вероятно, связано с показаниями протоиерея Адамантова (стр. 4174), внесенными в протокол г-ном Тителлем. Это письменное свидетельство, показанное г-ном Тителлем в громадном увеличении на сессии АААС, звучало следующим образом:

«Я, нижеподписавшийся, служу в русской православной церкви Висбадена с сентября 1908 года по настоящее время за исключением периода первой мировой войны (1914—1919 гг.). Ни один человек с фамилией Добролюбов со мною вместе не служил ни в каком качестве. Кроме того, на нашем русском кладбище нет негробия с такой фамилией. Я не помню встречи с американским журналистом, г-ном Дон Левиным».

Однако это был не полный оригинал, но всего лишь свидетельство, набросанное протоиереем Адамантовым для г-на Тителля. А вот г-н Бенджамин Мандель привез с собой (стр. 4151) тот оригинал, который был первоначально подготовлен протоиереем Адамантовым. На этом оригинале имеется диагональная линия, пересекающая семь строк, исключенных из демонстрировавшегося и цитированного г-ном Тителлем текста. Исключенная часть гласит:

«Но есть одна могила, в которой захоронен русский полковник запаса Иван Васильевич Добровольский, 65-ти лет от роду (1/14 февраля 1947 г.). Добровольский поселился в Висбадене после второй мировой войны и временно исполнял обязанности пономаря в нашей церкви».

Объяснение того, как случилось, что появились два свидетельских показания протоиерея Адамантова — то, что удов-

летворило г-на Тителля в своей усеченной форме, и другое, которое г-н Тителл отверг, дается в письме дочери Адамантова г-ну Манделю от 17 февраля 1957 г. (документальное свидетельство 501, стр. 4153) и в письме корреспондента «Тайма» и «Лайфа» Эдуарда Джона Мулликина, датированном 18 февраля 1957 г. (документальное свидетельство 507, стр. 4162).

Очевидный факт состоит в том, что г-ну Тителлю было известно о существовании обоих свидетельств, и он был знаком с их содержанием, но в своих показаниях под присягой 8 февраля он пытался обойти этот момент, когда г-н Моррис задал ему следующий вопрос:

«Это единственное показание, которое он дал?» (стр. 4110).

После этого г-н Моррис задал тот же вопрос иначе:

«Конкретный вопрос: Имело ли место другое показание, данное им?»

«Адамантовым, нет, только одно», — отвечал г-н Тителл.

Таким образом, г-н Тителл к мошенничеству с сокращенным письменным свидетельством присовокупил дачу ложных показаний под присягой.

Пункт № 4

Г-н Тителл пошел на многое для получения свидетельств, оспаривающих достоверность моего отчета о поисках возможного очевидца, который знал бы изнутри о службе Сталина в качестве царского агента. Но как оправдывал себя г-н Тителл, когда дело касалось дачи показаний под присягой или других документальных свидетельств в его собственной области эксперта по машинописи?

В своем докладе на конференции AAAS, который был внесен под присягой в протокол слушаний 8 февраля (стр. 4184), г-н Тителл сообщает:

«Во Франкфурте я обнаружил, что оспариваемый документ был отпечатан на машинке немецкого производства типа Адлер. Завод «Адлер» был разрушен в результате бомбардировок, и поэтому установление времени производства машинки, использованной для изготовления спорного документа, оказалось невозможным. Однако проработавшие многие годы на фирме сотрудники заявили, что тот русский шрифт, которым отпечатан оспариваемый документ, был изготовлен впервые в 1912 году. Но сам документ не мог быть отпечатан ни в 1912 г., ни даже в 1913 г., но лишь много позже, поскольку шрифт изношен и разбит. Оспариваемый документ, должно быть, был написан много лет спустя после изготовления самой пишущей машинки. Я взял образчики шрифта, снятого с машинки Адлер производства 1912 года, и в подтверждение правильности моего

определения их можно сравнить со шрифтом оспариваемого документа».

Г-н Тителл предпринял свое исследование, исходя из своего мнения (стр. 4105) о том, что указанный документ был отпечатан не на пишущей машинке «Ремингтон», как это утверждал другой эксперт, а на машинке «Адлер». Главным образом по этой причине г-н Тителл отправился в Германию, где располагался завод «Адлер», чтобы провести изучение на месте. Там, во Франкфурте-на-Майне, он, «наконец, нашел» пишущую машинку образца 1912 года, «изготовленную на заводе Клейер-Адлер».

На слушаниях 8 февраля (стр. 4113—4114) г-н Тителл рассказал о своем посещении завода «Адлер» и о встрече с управляющим:

«Г-н Моррис: Как его фамилия?

Г-н Тителл: Я не знаю его фамилии.

Г-н Моррис: И у Вас нет никаких показаний от него?

Г-н Тителл: Нет, но я снял образчик шрифта с машинки...

Г-н Моррис: И Вы получили это от управляющего?

Г-н Тителл: Правильно.

Г-н Моррис: Но Вы не знаете его фамилии?

Г-н Тителл: Нет. Я не вел никаких записей, кроме того, что снял образчик шрифта с пишущей машинки...

Г-н Моррис: И Вы категорически утверждаете, что она была изготовлена в 1912 году?

Г-н Тителл: Да, я категорически утверждаю, что до 1912 года они никаких пишущих машинок с русским шрифтом не производили...

Г-н Моррис: ...Вы заявили, что твердо установлено, будто завод «Адлер» впервые изготовил пишущую машинку с русским шрифтом в 1912 году. Вы — человек науки?

Г-н Тителл: Это так.

Г-н Моррис: Да, и если Вы говорите о чем-то как твердо установленном, то мне хотелось бы знать, какой документацией Вы располагаете.

Г-н Тителл: Моя документация — это опрос людей, которые проработали там долгое время...»

После завершения допроса доверенный г-на Тителля, Честер Т. Лейн внес для протокола следующую выдержку из магнитофонной записи выступления г-на Тителля на конференции AAAS:

«Все архивы компании были уничтожены во время войны, но из бесед со старыми людьми, проработавшими в компании уже многие годы, было твердо установлено, что компания Адлер впервые изготовила пишущую машинку с русским шрифтом в 1912 году».

Г-н Бенджамин Мандель также посетил завод Адлер во Франкфурте. Он без труда получил заявление, подписанное заведующим экспортного отдела завода г-ном Гансом Абендом и заверенное вице-консулом США Томасом А. Келли, в котором ясно говорится следующее (стр. 4156):

«Первая пишущая машинка с русским кириллическим шрифтом, модель 8, была изготовлена в 1903 году».

Неудивительно поэтому полное отсутствие у г-на Тителля каких-либо документальных свидетельств о беседах с официальными лицами фирмы «Адлер». Он не мог привести ни одного заверенного свидетельства или хотя бы записи, как не мог он назвать ни одного работника фирмы «Адлер» в подтверждение своего категорического утверждения, что «Адлер» не выпускал какой-либо машинки с русским шрифтом до 1912 года. Дело в том, что любая документация указывала бы на то, на что указало заверенное Манделем свидетельство, т. е. разоблачила бы г-на Тителля, показав, что на самом деле он — «уважаемый ученый» в духе газеты «Дейли Уоркер».

В данной заметке не затронуты многие подобного рода аспекты, характерные для профессиональной деятельности и поведения г-на Тителля, такие, как его научный статус (см. письмо президента Бруклинского колледжа Гидеонса и вице-президента Нью-Йоркского университета Воориса, стр. 4157), как его регистрация в качестве избирателя американской лейбористской партии, в 1941 году, когда она оказалась под доминирующим влиянием проникшей туда компартии (стр. 4162), или его напыщенная манера чтения своего доклада на сессии AAAS, о чем свидетельствует магнитофонная запись. Мы ограничились здесь той информацией, которая была необходима для установления следующих четырех ключевых моментов:

1. Г-н Тителл солгал под присягой в вопросе о его найме поверенным Хисса для осуществления своего исследования.

2. Г-н Тителл лгал под присягой о своих поисках книг с записями о службе Добровольского в качестве пономаря, о его смерти, похоронах и надгробном камне.

3. Г-н Тителл солгал под присягой о наличии двух письменных показаний протоиерея Адамантова и о том, что он — Тителл — представил вниманию AAAS усеченный вариант.

4. Г-н Тителл дал ложные показания об уничтожении архивов завода «Адлер» и о времени производства заводом первой русскоязычной пишущей машинки, т. е. он солгал в том, что является в деле г-на Тителля основой для подтверждения его квалификации в качестве эксперта по машинописи.

ЦАРСКИЙ ШПИОН ПО ИМЕНИ СТАЛИН¹

Джордж Кеннан, бывший посол Соединенных Штатов в России и эрудированный ученый по проблемам русской политики, работающий в Принстонском институте Исследования современных проблем, многие годы подозревал, что молодой большевик Иосиф Сталин был агентом царской секретной полиции. Сейчас Кеннан имеет тому подтверждение. Он недавно узнал, что паспорт, которым пользовался Сталин для поездки на съезд партии в Стокгольм в 1906 году, был выдан тайной полицией. В ходе исследований Кеннан также обнаружил, что во время партийного семинара в 1920 году Сталин признался, что был царским агентом. Заявление было опубликовано в советском теоретическом журнале, который спустя несколько месяцев исчез из всех российских библиотек. Кеннан проследил деятельность каждого члена семинарской группы, а также грузинских и армянских коммунистов, которые были близко связаны со Сталиным в период между 1906 и 1912 годами, и обнаружил, что все они были ликвидированы в двадцатых годах. Бывший посол собирается вскоре опубликовать результаты своих исследований.

¹ Newsweek, 7 ноября 1966, с. 19. Пер. с англ. — Примеч. Ю. Ф.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Э. СМИТА И ДЖ. КЕННАНА¹

1. Смит — Кеннану

13 сентября 1966 г.

Г-ну Джорджу Ф. Кеннану Институт исследования современных проблем Институт исследования международных проблем Принстон, Нью-Джерси

Дорогой г-н Кеннан,
Спасибо за Ваше доброе письмо.

Я очень благодарен Вам за Ваше любезное предложение сравнить заметки о жизни и деятельности Сталина с 1906 по 1912 год. Возможно, что я в течение следующих нескольких месяцев окажусь на востоке и в этом случае буду очень рад поговорить с Вами, если то позволит Ваше напряженноеписание.

Я завершаю работу над книгой «Сталин: неуловимый революционер», которую Фаррар, Штраус и Жиру должны издать в мае 1967 года. Она охватывает только период жизни Сталина до 1917 года. Я часто задаюсь вопросом, стоило ли тратить свои несколько лет на это исследование. Я уверен, что Вы поймете, насколько было трудно установить, где Сталин был в каждый конкретный момент, не говоря уже о том, что он делал. Исказив историю раннего периода своей жизни, Сталин несет ответственность за те трудности, с которыми сталкивается каждый пишущий об этом периоде. Действительно, его огромные усилия, предпринятые для того, чтобы внести в эту историю путаницу, с очевидностью показывают, что он пытался скрыть событие или факт фундаментального характера, который мог бы стать политически гибельным и лично позорным. Поиск этой темной тайны привел к исследованию его жизни до 1917 года и написанию книги.

¹ Архив Гуверовского института, фонд Э. Смита. Пер. с англ. — *Примеч. Ю. Ф.*

Ваша прекрасная книга «Россия и Запад при Ленине и Сталине» содержит пронизательные места, касающиеся документа, якобы составленного Охранкой, который Исаак Дон Левин использовал в своей книге «Величайший секрет Сталина». Много лет назад, когда я был на государственной службе, то считал его вероятной подделкой. Тем не менее по мере продвижения моих исследований я все больше убеждался в том, что он был не информатором, а агентом Охранки. Значительное количество косвенных свидетельств наводит на мысль, что тифлисская Охранка завербовала его примерно в то время, когда он покинул семинарию, что от него поступила большая часть информации, приведшей к массовым арестам социал-демократов 21—22 марта 1901 года, когда, избрав подходящий момент, он отсутствовал в обсерватории, и что он спровоцировал бессмысленную первомайскую демонстрацию в Тифлисе в 1901 году, которая явилась явной провокацией. Тифлисская социал-демократическая организация, то, что от нее осталось, вышвырнула его из города, так как подозревала, но не могла доказать его принадлежность к полиции. Он отправился в Батум и там по приказу охранки приступил к провоцированию кровавых и бесполезных демонстраций безоружных рабочих против казаков. В Батуме Чхеидзе и другие подозревали его и, как Вы знаете, выступали против его подстрекательств, даже требовали, чтобы он покинул город. Его первый «арест» в 1902 году спас его в лучшем случае от изгнания из Батума, а в худшем — от партийного суда чести.

Его первая ссылка и побег явились операцией прикрытия, совершенной Охранкой для возвеличивания его революционных заслуг и обеспечения его жизнеспособности как агента. Его второй арест в 1905 году состоялся, возможно, по тем же причинам.

Ссылки Сталина на его поездки в Германию до 1917 года основаны на подлинных фактах. Я думаю, что он встретился с Лениным незадолго до V съезда и изложил ему план экспроприации на Эриванской площади. Это, кажется, объясняет поддержку Лениным малоизвестного 28-летнего грузина, которого он по-настоящему не знал и которого кругом не любили. Руководимая Камо операция по экспроприации в Тифлисе, организованная Сталиным, как мне представляется, была детищем Охранки.

В моем заключении также фигурирует вопрос о слабой левой руке Сталина, о чем никогда не упоминалось в «бертильонаже» — произведенном Охранкой физическом освидетельствовании; вопрос о том, как он получал деньги, чтобы жить и путешествовать за границу; его удивительный талант совершать побег.

Я нахожусь в болезненном ожидании критики целого ряда лиц, которые будут обвинять меня в том, что я везде вижу

заговоры. Между тем к заговорщической исторической школе я не отношусь.

Я был бы в высшей степени признателен, если бы Вы сообщили мне, что Вам удалось узнать за это время о Сталине и, конечно, получить любые замечания относительно моих собственных взглядов, если у Вас будут время и желание.

Может быть, Вам интересно узнать, что Стенфорд в скором времени опубликует мою аннотированную библиографию «Русский департамент полиции: Охранка».

Еще раз спасибо за письмо.

Искренне, Смит

2. Кеннан — Смигу

Институт исследования современных проблем
Принстон, Нью-Джерси 08540
Институт исследования международных проблем
Г-ну Эдуарду Эллису Смигу
1849 Вебстер-стрит Пало Алто Калифорния

22 сентября 1966 г.

Дорогой г-н Смит,

Спасибо за быстрый ответ на мое письмо от 13 сентября и за интересные наблюдения относительно раннего периода жизни Сталина. Я вижу, что мы идем одним путем и пришли к одним и тем же предположениям. Хотелось, чтобы время позволило мне более пространно написать Вам и подробно раскрыть тот материал, который удалось обнаружить. Мне удавалось уделять делу лишь частичку своего времени и поэтому я не собираюсь что-либо публиковать на эту тему сейчас. Я рад, что Ваша книга находится в процессе подготовки и с удовольствием окажу любую помощь.

Мои собственные довольно нерегулярные исследования и изыскания были сосредоточены на 1906—1912 годах, т. е. периоде, который особо упоминается в документах Левина. Возможно, что все обнаруженное мною уже Вам известно. Однако я упомяну здесь о некоторых фактах, которые привлекли мое внимание и которые, по-моему, не замечены или в ряде случаев им не придано должного значения в опубликованных материалах.

1. Авлабарская типография.

Имеющийся материал по этому вопросу действительно заслуживает тщательного изучения. Типография, основанная в 1903 году (Сталин не имел ничего общего с ее созданием), очевидно, оставалась на протяжении около двух лет под кон-

тролем Союзного комитета, в котором преобладали большевики. В январе 1906 года по решению Таммерфорской конференции Союзный комитет был вынужден согласиться, по крайней мере формально, на слияние с более сильным Объединенным комитетом, в котором преобладали меньшевики. В результате этого, очевидно, типография оказалась под контролем Тифлисского комитета, в котором подавляющее большинство имели меньшевики. Изменение, кажется, произошло в январе-феврале 1906 года. Не будучи полностью результатом этого изменения (события в европейской части России, очевидно, имели отношение к этому), но и не в связи с этим, было принято решение прекратить нелегальное печатание материалов и отослать наборную машину в европейскую часть России. Это было сделано, вероятно, в марте 1906 года. Затем типографию частично использовали как хранилище секретных документов и партийной переписки, а частично для обучения на ее территории полувоенных отрядов с целью их использования в уличных сражениях. Кстати, последнее обстоятельство, как ни парадоксально, сильно интересовало в то время меньшевиков, тогда как большевики выступали против этого. В конце марта или в начале апреля, как Вы знаете, кто-то донес о существовании типографии полиции, которая решила отсрочить облаву до 15 апреля. В промежутке, примерно 2—3 апреля, Сталин, вероятно, уехал в Стокгольм. Кажется, на территории типографии во время облавы жили два или три человека. В их числе была женщина, которая на протяжении многих месяцев занималась там секретными архивами большевистского крыла партии, некая Аладжалова. Она и другие были каким-то образом заранее предупреждены и им удалось уйти до прибытия полиции. Однако ее арестовали позже в другом месте. Она находилась в заключении всего полтора месяца, после чего ее отпустили и никогда не привлекали к суду. Это тем более удивительно по той причине, что ее участие в партии и в делах типографии было хорошо известно полиции до облавы.

То, что Сталин был арестован в связи с облавой на типографию, подтверждают мемуары Арсенидзе, с которыми Вы, несомненно, знакомы. Сам Сталин, по словам Арсенидзе, по видимому, признался в аресте, так как Арсенидзе приводит его слова о том, что полицейский следователь Засыпкин пытался завербовать его в качестве агента полиции. В этой связи обратите внимание на ссылку в хронологии, приложенной к книге Троцкого о жизни Сталина (с. 447), относительно ареста Сталина, связанного с делом о типографии 15 апреля по новому стилю, что приходится на 2 апреля по старому стилю, т. е. накануне его отъезда в Стокгольм. Я не мог найти источник, подтверждающий этот довод. Хронология, как мне ка-

жется, была подготовлена не Троцким, а Чарльзом Маламудом, после смерти Троцкого. Однако важно отметить, что этот довод появился за много лет до публикации мемуаров Арсенидзе и до возникновения каких-либо подозрений относительно возможной причастности Сталина к раскрытию типографии.

Суд над лицами, обвиненными в соучастии в деле о типографии, не состоялся до декабря 1907 года. Насколько я знаю, об этом никогда не упоминалось в советской исторической литературе до смерти Сталина. Опубликованные впоследствии в этой связи материалы (я сообщу источник, если Вас это интересует) носят фрагментарный, противоречивый характер, сильно отредактированы и неудовлетворительны. Однако они содержат список имен тех, кого в конечном счете обвинили и осудили. Довольно странно, что только одного из них можно считать большевиком, тесно связанным с прежней работой в типографии. О других мне удалось узнать крайне мало. Я подозреваю, что они входили в состав военизированного отряда, который обучали меньшевики.

Все это, конечно, убедительно говорит о том, что кто-то, связанный с большевиками, донес в полицию о существовании тайной подземной типографии, над которой они потеряли контроль и которая использовалась в целях, которые они не только осуждали, но которые действительно были для них опасны. Если, как очевидно, Сталин находился среди арестованных как раз в то время, когда произошло известное предательство, если он, как один из арестованных, тогда же не появился в тюрьме после предварительного допроса, если он уехал в Стокгольм (наверняка с ведома полиции) на следующий день или примерно в эти дни, если впоследствии он сам и партийные историки усердно скрывали тот факт, что его арестовали в 1906 году, то наверняка существуют серьезные причины подозревать его в доносительстве. То, что он был хорошо информирован о существовании и работе типографии, не вызывает сомнения. Ряд документов, на авторство которых он позже претендовал, печатались в типографии, когда он находился в городе. Как известно, в целях конспирации он жил в квартире Аладжаловой. Если он не причастен к доносительству, то кажется просто немыслимым, чтобы он не стал жертвой последовавших расследований. Это, конечно, точно соответствовало бы его мстительному характеру: сыграть последнюю шутку над презренными меньшевистскими соперниками перед отъездом в Стокгольм. Вспомните, в частности, что облава коснулась не только самой типографии, но редакции газеты «Эльва», где арестовали также около 30 человек, преимущественно меньшевиков. Как раз в предшествующие недели Сталин вел публичную полемику с редакторами «Эльвы» по вопросу об участии социал-демократов в выборах в Думу; и

предстоящая накануне выборов на Кавказе облава должна была помешать выдвижению кандидатов от сильной меньшевистской фракции.

2. Я считаю неопровержимыми доказательства в отношении отставки или исключения Сталина из партии после тифлисской «экспроприации». Я не верю, что он был на хорошем счету в партии до раскола в 1912 году, когда его реабилитировали большевики, чего никогда не сделали меньшевики.

3. Заметили ли Вы, что из документов полиции, опубликованных Берия, явствует, что когда Сталин возвратился в июне 1909 года в Баку после мнимого бегства из Сольвычегодска, у него был паспорт на имя Оганеза Вартановича Тотомянца, выданный полицией Тифлиса в мае 1909 года, т. е. накануне его побега? Паспорт, предполагается, был каким-то образом послан ему из Тифлиса как раз до «побега». Предположение очевидно, если не считать его убедительным.

4. Обратили ли Вы внимание на документ полиции, относящийся к повторному аресту Сталина в Баку 23 марта 1910 года, который приведен в книге Багирова «История революционного движения в Азербайджане»? Вы увидите, что этот документ определенно наводит на мысль, что бакинская полиция действовала по инструкциям из Тифлиса: не арестовывать Сталина, если на то нет указаний. Об этом полиция весьма сожалела.

5. Существует интересная точка зрения на так называемое «письмо» Сталина Ленину (или Центральному Комитету, как оно иногда называлось) от 31 декабря 1910 года. Это письмо, конечно, было написано в Сольвычегодске. Пока все правильно. Однако, если вы возьмете первую публикацию письма в журнале «Большевик» за 1931 год, то увидите, что оно было перехвачено полицией в Вологде; оно находилось в архивах вологодской полиции, и советские историки действительно им располагали. В этом письме Сталин хвалился тем, что способен бежать в любой момент и предлагал совершить его, если партия захочет. Эта похвальба и предложение поэтому были известны местной полиции со времени отправки письма. Тем не менее Сталин, вероятно, всего несколько месяцев спустя совершил в сентябре 1911 года трехдневную поездку в Петербург. В официальной литературе, опубликованной при его жизни, эта поездка фигурирует как «побег», за которым через несколько дней последовал «новый арест». После его смерти все ссылки на этот эпизод, кажется, исчезли из официальных биографий. Единственный вывод, который можно сделать, состоит в том, что, по мнению его преемников, обстоятельства этого эпизода не выдержат в дальнейшем тщательного исследования общественностью.

6. Документ Еремина, опубликованный Левиным.

Это самый любопытный и загадочный документ. Я уделил ему большое внимание. Я могу, не колеблясь, сказать, что следы подлинности слишком сильны, чтобы он был подделкой, но и следы подделки почти столь же очевидны, чтобы считать документ абсолютно подлинным. Бумага, чернила, формат и шрифт пишущей машинки не несут следов подделки: они выдерживают любую критику. В Енисейске было отделение Охранки. Еремин действительно являлся начальником Петербургского штаба Охранки, хотя он покидал этот пост, чтобы возглавить полицейское управление в Финляндии как раз в то время, когда было послано письмо. До этого он руководил контрразведкой в Тифлисе с 1898 по 1910 год и, по-видимому, там лично имел дело со всеми двойными агентами. Железняков, которому было адресовано письмо, действительно был в то время жандармским офицером в Енисейске. Как вы, несомненно, знаете, самым убедительным является то обстоятельство, что номер папки, приведенный в документе, как его должным образом зарегистрировали в полицейских архивах Енисейска, идентичен тем, которые появились на известных подлинных документах, относящихся к Сталину в том же учреждении. С другой стороны, инициалы Железняка неправильно проставлены (ошибка, вероятнее всего, допущена была в ведомстве Еремина, а не поддельвателем, который, если он был, был столь аккуратен в других отношениях); подпись Еремина — не подлинная; и имя «Сталин» подозрительно часто упоминается.

Лично я думаю, что документ, возможно, и подделан, но подделан тем, кто был полностью знаком с существовавшей документацией, кто имел марки, печати, бланки и т. п. енисейского ведомства и видел подлинный документ подобного содержания.

Этого достаточно, чтобы дать Вам некоторое представление о направлении и характере моих собственных исследований. Если что-нибудь из этого окажется Вам полезным, я буду очень рад. Проблема, очевидно, имеет огромное значение. Я склонен подозревать, что вынос тела [Сталина] из мавзолея в какой-то мере связан с тем, что наследникам Сталина удалось узнать о раннем периоде его жизни. По этой причине я считаю крайне важным, чтобы все публикуемое на Западе по данной проблеме было как можно обстоятельнее и авторитетнее. Вышеприведенные соображения упомянуты, имея в виду эту мысль.

Я был бы Вам признателен, если бы Вы не показывали никому это письмо, не использовали и не публиковали бы его без особого на то разрешения.

Искренне Ваш
Джордж Кеннан

3. Смит — Кеннану

26 сентября 1966 г.

Г-ну Джорджу Кеннану Институт исследования современных проблем
Институт исследования международных проблем
Принстон, Нью-Джерси

Дорогой г-н Кеннан,

Большое спасибо за Ваше письмо от 22 сентября. Становится очевидным, что наши исследования действительно весьма существенно продвинулись в одном и том же направлении. Я спешу добавить, что Ваши соображения относительно 1906—1912 годов оказались поучительными и вдохновляющими, а Ваше любезное предложение оказать помощь в изучении покрытого мраком раннего периода жизни Сталина вызывает у меня почтительную благодарность.

Как я заметил в последнем письме, я уверен, что Сталин был скорее агентом или сексотом Охранки, чем стукачем или внештатным осведомителем, занятым неполный рабочий день. Нет ясности относительно точной даты его вербовки, но это произошло, очевидно, после его ухода из семинарии и до начала документально подтвержденной работы вне партии или правительства в тифлисской геофизической обсерватории. Как раз в это время некий капитан Рунич был направлен из департамента штаба полиции на должность специального помощника начальника тифлисской Охранки. Советские источники позже охарактеризовали его как подлого человека, организовавшего массовые аресты в Тифлисе социал-демократов 20—21 марта 1901 года. Вспомните, что Сталин по странной случайности всю ночь бродил по улицам Тифлиса и поэтому отсутствовал, когда Охранка совершила «рейд» на его жилье. Он возвратился домой где-то после рассвета и, «узнав», что его комната подверглась обыску, ушел с удобной работы и поспешно отправился в Батум, прихватив с собой переносную типографию.

Если мои доводы справедливы, то он был агентом примерно с 1900 по 1912 год, когда по какой-то необъяснимой причине испортились его отношения с Охранкой и он оказался в положении, которое ЦРУ назвало бы «гиблым делом». Эта гипотеза, мне кажется, определяет рамки его деятельности с 1900 по 1912 год, и куски мозаики раннего периода его жизни начинают становиться на места, тогда как ранее они просто совсем не подходили.

Ваш прекрасный анализ авлабарской типографии содержал незнакомый мне материал, особенно информацию об Аладжаловой и о судебном процессе. (Источники, о которых Вы упомянули, были бы крайне полезны.) Однако, если мое предпо-

ложение справедливо, то Сталин, информируя об Авлабаре, действовал так, как следовало хорошему агенту Охранки. Таким образом, я считаю ошибочным мнение о том, что Охранка разрешила ему присутствовать на съезде в Стокгольме в обмен на информацию об Авлабаре. Конечно, в то время Охранка была куда больше озабочена меньшевиками, чем эффективными большевиками, и предательство Сталина полностью соответствовало целям Охранки. Неудивительно, что когда Охранка пошла на Авлабар, Сталин уже пребывал в Стокгольме. Досье крайне действенной стокгольмской полиции свидетельствует, что он присутствовал на съезде, имея паспорт на имя Ивана Ивановича Виссарионова.

Я в известной мере уверен, что мемуары Арсенидзе и сноски в хронологии Троцкого относятся к одному и тому же событию, а именно к фиктивному аресту Сталина в связи с Авлабаром. Однако в подлинном документе Охранки от 1911 года из особого отдела департамента полиции (подписанного полковником Ереминым и заместителем директора Виссарионовым) не упоминается арест 1906 года. В нем в качестве года второго ареста называется 1905 год. Не указывая места ареста (это выглядит крайне странным для делопроизводства Охранки), документ упоминает, что он «бежал из тюрьмы». И ничего более.

Я несколько раз, до его безвременной кончины, разговаривал с Чарльзом Маламудом о содержащемся в книге Троцкого о Сталине примечании о том, что Коба был арестован 2 апреля 1906 года в связи с авлабарской облавой. Маламуд не мог вспомнить источник, но настаивал на том, что не включил бы его, не располагая определенными свидетельствами в виде записи или ссылки от Троцкого. Чарли был пунктуален в делах и незадолго до своей смерти намеревался найти записи, видимо, хранившиеся в гараже сестры.

Все это выглядит довольно мистически. Если Сталин был арестован в 1906 году в связи с Авлабаром, то почему обычно аккуратный Еремин опустил это в отчете? С другой стороны, почему в сталинской литературе не упоминается арест 1905 года? Вероятно, мы имеем дело с операцией прикрытия, организованной Охранкой ради Сталина. Со всей прямотой я должен признать, что какое-то время заблуждался на этот счет.

Я полностью согласен с тем, что Сталин был исключен или вышел из партии после «экспроприации» 1907 года. Иначе быть не могло. Как Вы знаете, только Охранка извлекла пользу из этой глупо задуманной операции. То, что денежные знаки и кредитные билеты были помечены, является довольно веским свидетельством того, что операция родилась в недрах департамента полиции. Тот факт, что царское правительство

не потеряло ни одной копейки, подкрепляется страшной «потерей репутации» большевиками, которой пользовалась их деятельность в России и за границей. Однако избранная Сталиным форма отставки вновь не ясна, и он, вероятно, отправился в Баку, чтобы возобновить свою работу в Охранке.

Но что же побудило Ленина кооптировать Сталина в члены Центрального Комитета сразу же после Пражской конференции? И почему Орджоникидзе в зимнюю стужу отправился в далекий Сольвычегодск, чтобы сообщить ему о назначении? На эти щекотливые вопросы нет легкого ответа, но он определенно имеет отношение к политическим устремлениям Ленина. Понятно, что Ленин не поддержал бы без веской причины малоизвестного грузина в Лондоне и точно так же не кооптировал бы в ЦК первого попавшегося одинокого ссыльного революционера, не имея на то оснований. Кое-кто склонен думать, что один из представленных в Праге агентов Охранки — Лобов, Малиновский или Романов — доверительно сообщили Ленину такое, что послужило началом официальной политической карьеры Сталина. Однако методология действий Охранки едва ли допустила бы это. Мое самое предварительное заключение состоит в том, что всегда обеспокоенный денежными делами Ленин рассчитывал, что Сталин в состоянии помочь ему в финансовом отношении. Ленин также всегда покровительствовал тому, кто «делает дело», даже если он и неудачник.

Письма, которые Сталин посылал из Сольвычегодска, действительно перехватывались Охранкой и направлялись в парижскую заграничную агентуру особым отделом, возглавлявшимся «нашим другом» полковником Ереминым. Письмо Ленину, а другое — московским большевикам — мне показались невероятными, выходящими за рамки установленного для Сталина Охранкой статуса. В письме Ленину (или Центральному Комитету) он обращается не к Ленину в Париже, а к Охранке в Санкт-Петербурге. Таким же образом посланное им несколько дней спустя письмо в Москву было направлено не туда, а в Охранку. Сталин прекрасно знал, что его письма будут перехватываться и читаться Особым отделом. Так и происходило спустя несколько дней после отправки им писем. В одном из них, я думаю, он просил восстановить его на работе в качестве агента Охранки; он красноречиво писал о запутанности революционных дел. В письме в Москву он в грубом критическом тоне высказывался в адрес Ленина («пусть ползают по стенам»), по существу напоминая ведущему его дело офицеру, вероятно, Еремину, что действительно не уважает Владимира Ильича. Однако в то время Охранка не считала необходимым пользоваться услугами Сталина. В конечном счете Малиновский и другие хорошо работали. Имея достаточно

информации, чтобы исключить возможность того, что Сталин будет «петь» в стиле мафии, они вполне профессионально решили повременить с ним. Другими словами, к 1911 году установилось «мексиканское противостояние», причем как Сталин, так и Охранка обладали взаимно компрометирующей и изобличающей друг друга информацией.

Полковник Еремин был особым объектом моих исследований. Имеется мало сведений о нем после отъезда в Финляндию, а его окончательная судьба покрыта тайной. Я просмотрел досье в университете Хельсинки, но не смог обнаружить чего-либо существенного. Все же меня не покидала настойчивая мысль о том, что он и Белецкий знали о Сталине, вероятно, им руководили. Пять лет назад я разговаривал с Владимиром Веселаго, возможно, последним оставшимся в живых сотрудником департамента полиции. Он занимал скромную должность в справочном отделе. Веселаго утверждал, что Белецкий, старый друг семьи, поведал ему, что Сталин был агентом Охранки. Обстоятельства весьма запутанные, но слишком естественные, чтобы выдумывать их. Кроме того, Веселаго в его годы, находясь в Лос-Анджелесе, не думал о мщении. Он умер через несколько месяцев после наших разговоров.

Я согласен, что документ Еремина основан на документе Охранки и написан офицером, который был хорошо знаком с делопроизводством департамента полиции и сохранил основные канцелярские принадлежности (бумагу, чернила, марки, печати и т. д.), когда бежал через Сибирь в Китай или Японию.

Несомненно, что ранний период жизни Сталина представляет наибольшую важность. Его наследники, конечно, копались в бумагах, и то, что они нашли, вызвало у них отвращение. Несомненно, Вы читали доклад Хрущева в 1963 году, в котором он затронул вопрос о Сталине, отметив, что некоторые люди выражают сомнение в том, являлся ли тот марксистом. Он позже упомянул Житомирского, хотя и на другом съезде. Насколько я могу судить, это первое упоминание агента Охранки советским партийным руководителем в публичной речи начиная с 1920 года.

Что-то возбуждает интерес к Сталину. То, что он не достоин покоиться рядом с Лениным, возможно, придает достоверность тому тезису, что он был агентом полиции.

В этом отношении я хочу, чтобы Вы знали, что наша переписка останется личной и конфиденциальной, причем ничто написанное Вами не будет предано огласке. Я знаю, что Вы считаете мои собственные письма сугубо частными.

Искренне, *Смит*

Институт исследования современных проблем
Принстон, Нью-Джерси 08540
Институт исследования международных проблем

25 октября 1966 г.

Дорогой г-н Смит,

Спасибо за Ваше письмо от 11 октября.

Письмо Сталина Малиновскому — действительно самый интересный документ. Вы, вероятно, помните, что Давид Шуб в своей биографии о Ленине категорически заявил, что именно Малиновский по поручению Ленина назначил Сталина членом Центрального Комитета после Пражской конференции. Это заявление не было в буквальном смысле правильным (Малиновский вряд ли мог получить такой карт-бланш; возможно, между Центральным Комитетом и Русским бюро произошла путаница), и Борис Николаевский, как вам, несомненно, известно, тоже склонялся к тому, чтобы поднять это на смех. Он приписал кооптацию Сталина рекомендации Орджоникидзе, что представляется более вероятным. Однако заявление Шуба было до настоящего времени единственным встретившимся мне предположением о каких-либо доброжелательных связях между Сталиным и Малиновским.

Официальная сталинская историография утверждает, конечно, что именно Малиновский выдал Сталина полиции в феврале-марте 1913 года, вскоре после возвращения последнего из Вены. Это утверждение появилось в книге Бадаева «Большевики в государственной Думе», которая выдержала много изданий при жизни Сталина и явно тщательно редактировалась и не один, а много раз самим Сталиным. Я никогда не придавал большого значения этому, как свидетельству, потому что это выглядело так, будто Сталин выдает себя за жертву главного известного провокатора в партии и, как я помню, там не приводилось никаких свидетельств, подкрепляющих это заявление. Однако оно могло быть вполне правдивым.

Свидетельство того, что Сталин и Малиновский лично общались в то время, является поэтому совершенно новым обстоятельством, заслуживающим дальнейшего тщательного исследования, равно как и вся проблема поездки Сталина в Вену. Мысль о том, что эта поездка имела последствия для его будущих отношений с Трояновским, Бухариным а, возможно, также и с Троцким, кажется более чем вероятной. (Кстати, предательство г-жи Трояновской, которую арестовали в Киеве сразу после ее прибытия из Вены в том же феврале 1913 года, всегда приписывалось исключительно Малиновскому. Теперь это под вопросом.) Такое впечат-

ление, что эта поездка в Вену сознательно замалчивается в официальных биографиях Сталина, вышедших при его жизни. И статья о национальных проблемах, которую, как предполагают, он там написал, всегда поражала меня тем, что представлялась в высшей степени маловероятным плодом собственноручного творчества. Меня интересует, не написал ли Бухарин для него часть статьи. Это, согласно анализу Бухариным характера Сталина, могло бы объяснить последующую враждебность к нему Сталина.

Удивительная вещь — официальный отчет об аресте Сталина 23 февраля (8 марта) 1913 года, приведенный Бадаевым, содержит заявление о том, что в то время Сталин «только что завершил один из своих очередных побегов из ссылки». Это очевидная неправда. Он только что возвратился из Вены. Хотел ли он скрыть поездку в Вену? Или это было, как подозревали некоторые, легкой формой ссылки, в которую послал его в то время Ленин?

Теперь еще одна мысль. Слухи о предательстве Малиновского начали циркулировать осенью 1912 года, как раз накануне съезда в Кракове. Бухарин, по словам Бертрана Вольфа, действительно написал тогда Ленину и именно из Вены, предупреждая об этом Ленина. Мне представляется, что если такому политическому ребенку, как Бухарин, было очевидно, что Малиновский не заслуживает доверия, вряд ли этого не заметил бы крайне наблюдательный, циничный и подозрительный Сталин. Я не могу отделаться от подозрений в том, что замкнутый маленький мир большевистской фракции с его странными отношениями с царской полицией оказался слишком узким для двух столь высокопоставленных исполнителей, как Малиновский и Сталин; и меня интересует, действительно ли подлинной причиной последнего ареста Сталина и «подлинной» ссылки явилось то обстоятельство, что, оказавшись в щепетильном положении, Малиновский счел неудобным иметь около себя такого друга, как Сталин. Из этих двоих Малиновский был для полиции намного важнее, и она бы охотно пожертвовала ради него Сталиным.

Вас, может быть, заинтересует, что на прошлой неделе мне позвонил Волков из редакции «Ньюсуика». Он узнал из Вашингтона, что я работаю над книгой о раннем периоде жизни Сталина и хотел выяснить, нет ли там чего-либо достойного для печати. Я как мог отделался от него, но я начинаю думать, что буду вынужден и обязан в какой-то момент что-то написать по этой проблеме, чтобы предотвратить злоупотребление материалом ради журналистских сенсаций.

Искренне Ваш
Джордж Кеннан

Г-ну Эдуарду Смигу 1849
Вебстер-стрит Пало Алто, Калифорния

5. Смит — Кеннану

11 ноября 1966 г.

Г-ну Джорджу Кеннану
Институт исследования международных проблем
Институт исследования современных проблем Принстон,
Нью-Джерси

Дорогой г-н Кеннан!

Благодарю за Ваше письмо от 25 октября.

Тот факт, что Сталин выбрал Трояновского в качестве своего первого посла в Соединенные Штаты, всегда озадачивал меня. Насколько я могу понять, Трояновский не обладал выдающимися данными для того, чтобы занять этот пост. В связи с тем, что он, по свидетельству Давида Шуба, вышел из партии после ареста, заключения в тюрьму и освобождения Елены Розмирович и не возвращался к большевикам до 1921 года, я продолжаю думать, не связано ли его назначение с Веной, 1913 годом и Сталиным. Почему венский период замалчивается Сталиным и его советскими биографами, представляет еще одну тайну его ранней жизни.

Конечно, мне было интересно узнать о том, что Леон Волков связался с Вами. Я считаю, что он является автором заметки «Царский шпион по имени Сталин» в «Ньюсуике», в которой упоминается о Вашем намерении опубликовать вскоре результаты исследований, и о статье в лондонской «Дейли миррор». Кстати, когда Волков писал о состоявшемся в 1920 году семинаре, не ссылался ли он на статью Агниашвили?

Изучая вновь статью из «Последних новостей» за 1934 год, в которой говорится о деле Трояновского-Малиновского, я начинаю подозревать, не была ли эта история подброшена Сталиным.

Искренне Ваш Смит

6. Кеннан — Смигу

Письмо Кеннана, полученное 9 декабря 1966 г.¹
Дорогой г-н Смит,

¹ Приписка Э. Смита. — Примеч. Ю. Ф.

Это ответ на Ваше письмо от 11 ноября. Я хочу только подчеркнуть, что не имели отношения к публикации в «Ньюсуике». Я резко отрицал в разговоре с Волковым, что в ближайшее время имею намерения писать что-либо по этой проблеме и думаю, что с его стороны непристойно информировать своих читателей об обратном, не упомянув о моем отрицании.

Я не знаю, откуда он взял упоминавшиеся им частности. (Я знаю о них только понаслышке; я никогда не затрагивал эту тему в «Ньюсуике».) У меня нет понятия о том, с какого рода паспортом Сталин отправился в Стокгольм. (Я действительно знаю, с каким паспортом он возвратился в Баку после первого периода пребывания в Сольвычегодске.) Что касается семинара, я слышал историю о том, что он был вхож в некую студенческую группу в двадцатых годах, что он в одном случае использовал связи с полицией для побега из Сибири, но забыл, где слышал или читал об этом.

У меня такое впечатление, что вся эта проблема быстро приобретает актуальность, и ряд научных исследований по ней должен появиться с Соединенных Штатах в течение ближайшего года-двух. Поэтому я надеюсь, что нам представится возможность встретиться и посоветоваться, пока не поздно. Кажется, мы двое — единственные в США, если не в западном мире, кто серьезно заинтересован в этой проблеме, за исключением, конечно, г-на Левина, и я думаю, что мы должны, если возможно, координировать наши усилия, поскольку если что-то в этом роде увидит свет, это должно быть сделано так, чтобы произвести максимальный эффект.

Искренне Ваш *Кеннан*

Дж. Кеннан

МОЛОДОЙ СТАЛИН: РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ОКУТАННОГО ТАЙНОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРА¹

Одним из удивительных пробелов в политической истории недавнего прошлого являются ранние годы жизни и деятельности Иосифа Джугашвили-Сталина 1900—1913. То, что разрешалось публиковать при его жизни, было обрывочно, туманно, похоже на житие святых, полно явных пропусков, противоречий и лжи. Это и близко не соответствовало правдоподобному описанию ста-

¹ Рецензия на книгу: Edward E. Smith. *The Young Stalin: The Early Years of an Elusive Revolutionary*. New York, Farrar, Straus, & Giroux, 1967. — Опубл. в журнале *The American Historical Review*, v. LXXIV, № 1, October 1968, p. 230—232. Пер. с англ. — *Примеч. Ю. Ф.*

линской жизни и деятельности в те ранние годы. Ученые поняли это с того момента, когда Сталин и его подхалимы стали подправлять историю начала 30-х годов. Многие современники Сталина, включая Троцкого, считали, что пока Сталин был жив, он приказывал — или разрешал — своим биографам подправлять историю своей жизни и карьеры, движимый честолюбием и сознанием того, что роль, которую он играл в партии до революции, была слишком скромна. Считалось, что он стремился выглядеть в глазах общественности молодым революционным лидером, таким же, какими были те выдающиеся его соперники, которых он теперь так жестоко преследовал и уничтожал. Эта теория давала правдоподобное объяснение многим преувеличениям, искажениям и ложным фактам, если не умолчаниям, в официальной биографии Сталина. Пока Сталин был жив, это объяснение удовлетворяло многих, хотя и не всех.

Если бы дело было только в этом, можно было бы решить, что после смерти Сталина его преемники будут рады удовлетворить любопытство честных ученых и позволят установить истину, особенно после того как Хрущев в своем докладе Двадцатому съезду партии указал на серьезные недостатки официальной биографии Сталина. Однако прошло пятнадцать лет со времени смерти Сталина и двенадцать лет со времени доклада Хрущева, а партия продолжает хранить полное молчание о ранних годах жизни Сталина. Правда, в последних изданиях энциклопедии и истории партии наиболее вопиющие нелепости, содержащиеся в официальной биографии Сталина, были потихоньку затушеваны. Но полноценной биографии так и не появилось, и почти ни в одной из публикаций специализированных исследований, вышедших за это время, ничего не говорится о жизни Сталина, его передвижениях или деятельности в промежуток между 1900 и 1913 годами. А целый ряд существенных вопросов продолжают требовать разъяснения. Откуда, например, у человека, не имевшего оплачиваемой работы, были средства для того, чтобы жить, содержать семью и многократно путешествовать, покрыв за тринадцать лет расстояние в тысячи миль? Он был слишком незаметной и непопулярной фигурой, чтобы его расходы оплачивались из партийных фондов! Не случайно ни один советский ученый не попытался дать ответ на множество вопросов, возникающих в этой связи. Можно только сделать вывод, что Коммунистическая партия Советского Союза по каким-то соображениям все еще преисполнена решимости не допустить историков к исследованию тринадцатилетнего периода жизни одного из трех великих людей в истории партии, человека, который четверть века возглавлял ее и большую часть этого времени был неоспоримым диктатором Советского Союза. Только весьма серьезные соображения текущей политики могли диктовать столь странное поведение.

Молодые годы Сталина рассматривались во многих работах, опубликованных за пределами Советского Союза. Ни одна из этих работ не дает до конца адекватного его портрета в свете того, что мы знаем сегодня. Работы Суварина и Троцкого, сколь бы ни были они ценны, были написаны много лет тому назад, когда их авторы не имели доступа ко многому из того, что доступно сейчас. Покойный Исаак Дейчер, видный писатель и аналитик политических идей, господствовавших над умами главных деятелей русского социал-демократического движения, был слишком большим поклонником Сталина и слишком наивным и доверчивым человеком, а потому перед ним и не вставали тревожные вопросы, которые напрашиваются, если посмотреть на то, что мы знаем о поведении Сталина. На сегодня наиболее существенным вкладом является работа Бертрама Вольфа «Трое, сделавшие революцию» (будущие историки будут многим обязаны ему). Однако и эта работа тоже была написана двадцать лет тому назад, при жизни Сталина. Она потребовала бы существенных дополнений, если бы ее пришлось переписывать в свете доступных сегодня данных.

На восполнение этих пустот и направлена книга Смита. Она охватывает жизнь и деятельность Сталина от рождения до 1917 года. Это лишь наполовину ученый труд — скорее издание, рассчитанное на широкую публику и оставляющее в определенном смысле желать лучшего. Язык порою туманный. Попытка развязать узелки и прояснить путаницу в хронологии не всегда успешна. На ряде тем, в частности, разоблачении истории с типографией «Авлабар» и так называемом «Ереминском» документе, которому уделено большое внимание в книге Исаака Дон Левина «Величайший секрет Сталина», можно было бы для пользы дела остановиться подробнее и глубже проанализировать эти проблемы. Как будет показано ниже, гипотезы часто преподносятся в книге в форме неоспоримых фактов. Тем не менее эта книга является первой и единственной на сегодня попыткой собрать воедино все данные об этом периоде, доступные в конце шестидесятых годов, и представляет собой существенный вклад в литературу на эту тему. Любой ученый, который попытается теперь пойти дальше в исследовании этих тайн, сможет воспользоваться не только полезной и всеобъемлющей библиографией, но и 859 примечаниями. Правда, эти примечания помещены в конце книги, и исследователю придется бесконечное множество раз листать ее, устанавливая связь того или иного примечания с текстом. А в целом господину Смигу следует воздать должное за мужество и упорство, с каким он взялся за эту сложную тему. Его книга будет служить пособием и стимулом для дальнейших работ в этом направлении.

Следует отметить, что, насколько мне известно, это первая работа, опубликованная на основе изучения архивов парижского отделения царского департамента полиции, которые многие годы лежали на полках Гуверовского института в Пало-Альто и лишь недавно были открыты для ученых. Среди различных документов, связанных с молодостью Сталина, которые Смит обнаружил там (и следует пожалеть, что он не опубликовал их полностью в своей работе), наиболее значительными и интригующими являются два письма, датированные зимой 1912/13 года. Одно письмо написано женой Ленина Крупской и адресовано А. Е. Аксельроду, жившему тогда в Петербурге. Из этого письма в книге приводятся лишь несколько строк. Другое, напечатанное полностью, — письмо Сталина Р. В. Малиновскому, известному царскому провокатору в большевистской фракции. Насколько я знаю, никто до сих пор не связывал Сталина с Малиновским. Из обоих писем вытекает, что отношения между тремя мужчинами — Лениным, Малиновским и Сталиным — в ту пору, накануне ареста и ссылки Сталина, были весьма сложными, а не простыми, как до сих пор были основания подозревать, но, к сожалению, они по-прежнему не поддаются прояснению.

Смит убежден, что Сталин был не просто информатором, а активным агентом царской секретной полиции в течение почти всего периода с 1900 по 1913 год. Смит приводит довольно много косвенных улик, которые указывают на это. Если бы он в своем исследовании больше сосредоточился на определенных моментах, его теория, как мне кажется, выглядела бы убедительнее. А доказательств, которые окончательно подтверждали бы такую гипотезу, на сегодняшний день еще нет, да на это и не следует рассчитывать, учитывая, с одной стороны, меры, обычно принимаемые полицией для сокрытия личности тайного агента, а с другой — принимая во внимание свободу, которой пользовался Сталин во время своей диктатуры, когда он мог уничтожить или подправить любой документ. По этим причинам очевидных доказательств мы никогда не найдем. Тем не менее факты, которыми мы на сегодня располагаем, внушительны. А коль так, жаль, что Смит ослабил свою теорию, многократно представляя вполне разумную гипотезу в качестве доказанного общепринятого факта.

Рассматривая подобные утверждения, следует помнить, что большевистское крыло русской социал-демократической рабочей партии на протяжении большей части рассматриваемого нами периода не только имело в своих рядах немало полицейских информаторов, но и явно пользовалось своеобразной тайной поддержкой этих людей в борьбе против меньшевистского крыла партии, которое в ту пору представлялось правительству большим злом. Ленин в этом вопросе не

придерживался строгих принципов и мог закрыть глаза на интриги с полицией со стороны Сталина, тем более что полиция, похоже, помогала справляться с отдельными меньшевиками или даже с меньшевистской фракцией в целом. Так или иначе, жизнь Сталина в эти годы может быть объяснима лишь с учетом его отношений с полицией, что не может вызывать уважения, понимания или одобрения у мирового социалистического движения. Доказательства, указывающие на существование таких отношений с полицией, на сегодня столь вески, что, как мне кажется, человеку, утверждающему, будто Сталин не был агентом-provokatorом, пришлось бы помучиться над обоснованием своей точки зрения куда больше, чем Смиуту, который говорит, что Сталин был агентом. Тут, мне кажется, надо дать слово советским историкам.

«СТАЛИН — АГЕНТ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ»¹, —

заявил в интервью нашему корреспонденту профессор МГИМО, доктор исторических наук Ф. Д. Волков

29 октября, первый день работы подготовительной конференции по созданию Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал». В Центральном Доме кинематографистов кипят жаркие дискуссии. Только что выступил профессор Московского государственного института международных отношений, доктор исторических наук Федор Дмитриевич Волков. Более пятисот участников форума, собравшихся из 58 городов страны, застыли в оцепенении, когда он зачитал обнаруженные в архивах документы о выполнении Сталиным заданий царской Охранки. Один из самых кровавых тиранов в истории человечества был способен, конечно, на величайшие преступления против народа, но это как-то не укладывалось в голове. И через два дня я встретился с Ф. Д. Волковым в его московской квартире. Федор Дмитриевич любезно согласился ответить на мои вопросы.

— Читатели «Комсомольца Забайкалья» вас, Федор Дмитриевич, вряд ли хорошо знают. Расскажите немного о себе.

— Я родился в 1916 году на костромской земле в семье крестьянина-бедняка. Хорошо помню коллективизацию, раскулачивание, в то время работал секретарем сельского Совета. Затем — школа ФЗО, индустриально-педагогический институт имени К. Либкнехта в Москве. Преподавал в военно-политической академии. В начале войны перевели в Наркоминдел. Окончил Высшую дипломатическую школу (западное отделение). Участвовал в ряде международных конференций. С 1947 года — на научно-преподавательской работе в МГИМО.

— Насколько я знаю, вы автор ряда книг по советско-английским отношениям!

¹ Комсомолец Забайкалья. 1988. 20 ноября. — Примеч. Ю. Ф.

— Да, я написал несколько работ по этой теме. Есть у меня книга о Рихарде Зорге, ряд других работ. А сейчас я работаю над книгой «Взлет и падение Сталина».

— Федор Дмитриевич, вы давно собираете материал об этом страшном периоде — назовем его сталинщиной. Как вы пришли к этому?

— Я знал многих честных, преданных партии людей. И вдруг они стали «врагами народа». Я не мог в это поверить. Я стал задумываться, собирать материал. Я понял, что дело даже не в массовых нарушениях соцзаконности, произволе властей. Дело в сталинщине — режиме личной власти, покоящейся на насильственных формах управления государством. Политический террор, уничтожение миллионов ни в чем не повинных людей, репрессии в отношении целых народов, беспощадное подавление демократии — это далеко не полный перечень «черных дел» сталинщины, которая морально изуродовала целые поколения советских людей, отбросила страну на десятилетия назад. Главную вину за это несет Сталин, которого я считаю величайшим преступником в истории. Иван Грозный, Малюта Скуратов и другие тираны в прошлом нашей страны по сравнению с ним просто безобидны... Преступления сталинской диктатуры почти не имеют себе равных в многовековой истории человечества. Вероятно, в этом Сталина превзошел только Адольф Гитлер, погубивший десятки миллионов людей, сжигавший и казнивший их в лагерях смерти Освенциме, Майданеке, Бабыем Яру и других. Хотя только в концлагерях Колымы погибло около 18 миллионов советских людей. А сколько их полегло в других лагерях на Севере России, в Сибири, Средней Азии?

— Федор Дмитриевич, а теперь главный вопрос: какие у вас есть материалы, свидетельствующие о Сталине как агенте царской Охранки?

— Давайте по порядку. Как известно, в августе 1898 года, будучи послушником Тифлисской православной семинарии, Сталин вступает в «Мессаме-даси» — первую грузинскую социал-демократическую организацию.

По данным старейшего партийца, члена Бакинской коммуны, личного секретаря Степана Шаумяна, позднее, в 30-х годах, ответственного работника МГК ВКП(б) Ольги Григорьевны Шатуновской, являвшейся членом Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, членов комиссии ЦК КПСС по расследованию сталинских преступлений, созданной в 1960 году и руководимой кандидатом в члены Политбюро Н. М. Шверником, «И. В. Сталин был завербован царской Охранкой в «Мессаме-даси» вместе с лидером меньшевизма в Грузии Ноем Жордания».

Ной Жордания, эмигрировавший во Францию после изгнания меньшевиков из Грузии, выпустил в 1945—1946 гг. ме-

муары, где свидетельствует, что И. Сталин, «еще будучи студентом духовной семинарии, пролез в «Мессаме-даси» по заданию царской Охранки в 90-х годах. Сталин пытался добиться возвращения Ноя Жордания или его сына в Грузию, для чего в Париж были посланы агенты-грузины. Но зная Сталина, Жордания отказался поехать в «клетку» и не послал своего сына.

Конечно, свидетельство меньшевика Ноя Жордания можно подвергать сомнению. Но Степан Шаумян, другие большевики Грузии и Азербайджана знали, что Сталин с 1906 года являлся агентом царской Охранки. Об этом говорил своему личному секретарю О. Г. Шатуновской Степан Шаумян.

По данным О. Г. Шатуновской, Степан Шаумян сообщил ей о том, что о его (Шаумяна) конспиративной квартире в Баку знали только два человека: он сам и Коба-Сталин. Тем не менее явка была провалена.

Доктором исторических наук, профессором Георгием Анастасовичем Арутюновым в Центральном государственном архиве Октябрьской революции найден документ, подтверждающий, что И. Сталин-Джугашвили был агентом царской Охранки. Копия этого документа была направлена в свое время Н. С. Хрущеву. О нем было сообщено Л. И. Брежневу, К. У. Черненко и в 1986 году — М. С. Горбачеву. Из ЦК КПСС документ направлен в 1987 году в Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК партии. [...]

По данным О. Г. Шатуновской, в 1937 году Варя Каспарова, профессиональная революционерка, работавшая в Баку, была арестована и посажена в Новочеркасскую тюрьму. Здесь она утверждала перед следователем о том, что Сталин был агентом царской Охранки. Об этом стало известно Сталину, пославшему к Каспаровой тогдашнего первого секретаря Ростовского обкома партии Бориса Петровича Шеболдаева с тем, чтобы он убедил ее отказаться от подобных утверждений, иначе она погибнет.

— Я погибну, но от своих показаний не откажусь, — смело ответила Каспарова.

Она погибла как жертва культа личности Сталина. Погиб и большевик-ленинец Борис Петрович Шеболдаев. Сведения об этом он передал своему сыну Борису Шеболдаеву — ныне доценту одного из московских вузов.

Имеются и другие данные о Сталине как агенте царской Охранки.

— Конечно, было бы слишком смело взять на себя ответственность, что на основе этих документов можно сделать окончательный вывод о том, что И. Сталин был агентом царской Охранки. Требуется тщательный анализ, скрупулезная экспертиза подлинности приведенных документов и показаний

старых членов партии. Можно надеяться, что появятся другие, еще более неопровержимые документы об этом чрезвычайно важном вопросе.

— Да, будем надеяться.

— Федор Дмитриевич, как Вы относитесь к деятельности Читинского комитета партии?

— Я рад за молодых ребят, комсомольцев, так и надо действовать!

Интервью В. Васильева

Г. Арутюнов, Ф. Волков
ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ¹

Уважаемая редакция! Прочитала в журнале «Дружба народов» главу из повести А. Адамовича «Каратели». Эта часть называется «Дублер». В ней он пишет, что Сталин был агентом царской Охранки под кличкой Фикус. Так ли это на самом деле? Хотелось бы, чтобы компетентные историки подробно рассказали об этом на страницах вашей газеты.

С. Антонова.

Вопрос, заданный читательницей, служит сегодня предметом жарких споров историков, писателей, публицистов. Одни уверяют, что есть основания считать Сталина агентом царской Охранки, другие полагают, что все это досужие домыслы. Словом, однозначного ответа нет, как нет у обеих сторон и достаточных аргументов. Чем закончатся споры, покажет время, тщательный анализ документов, свидетельств людей, знавших Сталина, — они еще живы. Но высказать свою точку зрения имеет право каждый из оппонентов. Вот почему мы решили предоставить слово двум известным ученым, занимающимся проблемами сталинизма, — доктору исторических наук, в прошлом профессору Института истории СССР АН СССР, который в шестидесятые годы по поручению комиссии Президиума ЦК КПСС изучал архивные документы, связанные со сталинскими репрессиями и деятельностью самого Сталина, Г. Арутюнову и доктору исторических наук, профессору МГИМО Ф. Волкову.

Черты грубости, коварства, нелояльности, капризности в характере Сталина, а главное — стремление к неограниченному правлению в партии и государстве, неразборчивость в средствах достижения целей — все это и породило, как отмечал Д. Волкогонов, «демона и злодея».

¹ Московская правда. 1989. 30 марта. Сокращения обозначены знаком [...]. — Прим. ч. Ю. Ф.

Ныне нам точно известно из документов, что Сталин не только знал об актах беззакония, но и организовывал их, закулисно дирижировал ими. Деятельность его как диктатора с самых высоких трибун названа преступной и непростительной.

Как известно, Политбюро ЦК КПСС создало Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Первые результаты работы комиссии опубликованы, она продолжает свою деятельность. Ради исторической правды, всестороннего ее раскрытия нам хотелось бы помочь комиссии представлением новых документов, касающихся личности Сталина, его дореволюционного прошлого. Это, на наш взгляд, поможет более полно вскрыть корни самой сталинщины.

В 1961 году один из авторов этой статьи — профессор Г. Арутюнов, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, нашел документ, подтверждающий, что Иосиф Джугашвили (Сталин) был агентом царской Охранки.

Подлинник этого документа хранится в ЦГАОР (Москва, Большая Пироговская, 17) в фонде департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления. Фонды министерства насчитывают около 900 тысяч единиц хранения.

Приводим документ полностью:¹

Это письмо было послано из Петербурга в Красноярск, центр тогдашней Енисейской губернии, заведующим особым отделом департамента полиции министерства внутренних дел полковником Ереминым. Документ свидетельствует: не позже 1906 года И. Джугашвили (Сталин) стал агентом царской Охранки и добросовестно выполнял принятые на себя обязательства на протяжении нескольких лет, примерно до 1912 года.

Требуется, конечно, тщательная экспертиза для установления подлинности этого документа силами видных криминалистов и историков. Как и всякий исторический документ, он требует самой тщательной и скрупулезной проверки. Какие же имеются замечания в отношении его подлинности?

Во-первых, стиль подобных документов обычно весьма специфичен. Мог ли работник департамента полиции писать начальнику енисейского Охранного отделения о своем агенте, приводя его подлинную фамилию, а не кличку, как это было принято? Вопрос резонный. Но у нас есть на него собственный ответ. Предлагаем для обсуждения. Дело в том, что к 1913 году И. Джугашвили (Сталин), как записано в документе, «стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охранным отделением». То есть, хотим мы

¹ Опущен текст письма Еремина, опубликованный в предисловии к настоящему изданию. — *Примеч. Ю. Ф.*

сказать, тем самым отпала надобность в жандармской конспирации.

Во-вторых, в 1913 году начальником енисейского Охранного отделения был М. А. Байкалов, а Железняков был его заместителем. Но это противоречие можно объяснить намеренной или ненамеренной ошибкой Еремина, который в бюрократическом рвении «повысил» должность А. Ф. Железнякова. Возможны и другие объяснения.

В-третьих, подпись Еремина на донесении несколько отлична от его факсимиле. Однако нами проверены 6—7 подлинных подписей этого человека на документах, и они совпадают с подписью на донесении.

Имеются и другие свидетельства, проливающие свет на невыясненные страницы биографии Сталина. Это прежде всего свидетельство ныне живущей в Москве на Кутузовском проспекте члена большевистской партии с 1916 года Ольги Григорьевны Шатуновской.

О. Г. Шатуновская — не только старейший член партии, но и член Бакинской коммуны, личный секретарь чрезвычайного комиссара СНК РСФСР по делам Кавказа, председателя Бакинской коммуны Степана Шаумяна. В 30-е годы она была ответственным работником МГК ВКП(б). Незаконно репрессирована. После реабилитации стала членом Комитета Партийного Контроля и членом созданной в 1960 году под руководством Н. М. Шверника комиссии Президиума ЦК КПСС, которая проделала огромную работу по расследованию сталинских репрессий и реабилитации пострадавших от них.

В беседе с нами О. Г. Шатуновская подтвердила, что, по словам Степана Шаумяна, «Сталин с 1906 года являлся агентом царской Охранки». Напомним, что Сталин стал членом РСДРП в 1898 году. Своим близким товарищам по партии, в их числе и Шатуновской, Степан Шаумян рассказывал об обстоятельствах одного ареста на конспиративной квартире в Баку. Местонахождение этой квартиры знал только Сталин, которому Шаумян доверительно сообщил об этом. Явка была провалена. Шаумян был уверен, что выдал его в руки полиции Коба.

Вот тут мы можем прямо ответить на вопрос читательницы С. Антоновой. В публикации А. Адамовича «Дублер» (журнал «Дружба народов», № 11, 1988 г.) Сталин назван агентом Охранки под кличкой Фикус. Это ошибка: агентом он был, но не Фикусом. [...]

А вот еще некоторые данные о Сталине как агенте царской Охранки. В 1937 году из Москвы в Киев был послан один из ответственных работников ОГПУ — искать компрометирующие материалы в киевских архивах на Бухарина, Рыкова и других «уклонистов». Там этот сотрудник нашел документ о

Сталине-Кобе, агенте царской Охранки. Об этом он сообщил тогдашнему наркому внутренних дел Украины Балицкому. Тот не мог сам принять решение и сообщил о находке первому секретарю ЦК компартии Украины С. Косиору, второму секретарю П. Постышеву и командующему Киевским военным округом И. Якиру. Сталину стало известно об этом. Косиор, Балицкий и Постышев были арестованы как «враги народа» и погибли. Судьба Якира тоже оказалась не слаще.

Сотрудник ОГПУ смог скрыться за рубежом и отдал материалы о Сталине тогдашнему лидеру социал-демократов Гюисмансу. Эти материалы были переданы затем им Хрущеву.

В свое время нам читали закрытое письмо ЦК КПСС о культе личности Сталина, где говорилось о гибели Постышева и других коммунистов-ленинцев. Остальные материалы о Сталине были доведены только до самого узкого круга — членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС.

Почему же материалы о Сталине не стали полностью достоянием всех членов партии, всего народа?

В 1962 году Ольга Григорьевна Шатуновская, будучи членом КПК и комиссии по реабилитации жертв культа личности, поставила перед ЦК КПСС вопрос об обнародовании материалов о Сталине как агенте царской Охранки. Хрущев сказал, что сделать это невозможно. «Выходит, что страной более 30 лет руководил агент царской Охранки, хотя за границей и пишут об этом». Таковы были, по ее воспоминаниям, слова Никиты Сергеевича.

Конечно, было бы слишком смело взять на себя ответственность, что на основе этих документов можно сделать окончательный вывод о том, будто И. Сталин был агентом царской Охранки. Требуется тщательный анализ подлинности приведенных документов и показаний старых членов партии. Хорошо бы, на наш взгляд, создать для этого специальную комиссию из числа работников компетентных органов, ученых, общественности. Думаем, что появятся и другие, еще более неопровержимые документы, которые подтвердят нашу точку зрения.

Нам видится среди причин преступлений Сталина, тех гигантских проскрипций в отношении ленинской гвардии, политиков, военных, ученых, писателей, рабочих, крестьян и его стремление скрыть свое бесславное прошлое, уничтожить свидетелей. В то же время его служба в Охранке лишний раз подтверждает беспринципность «отца всех народов», коварство, предательское отношение к своим сподвижникам, поиск во всем прежде всего личной выгоды.

Комиссия ЦК партии под председательством М. С. Горбачева по подготовке «Очерков по истории КПСС» отмечала: «Предстоит дать честный и откровенный анализ причин де-

формаций, отступлений от ленинской концепции социализма, исчерпывающе разобраться в том, почему в ходе преобразования страны под знаменем Октября, что явилось великим историческим подвигом нашей партии и народа, не было своевременно предотвращено возникновение и разрастание авторитарно-бюрократических извращений и их последствия».

Мы не можем замолчать большие вопросы истории, потому что это значило бы пренебречь правдой, неуважительно отнестись к памяти миллионов невинных жертв беззакония и произвола.

А. Самсонов, академик

КОММЕНТАРИЙ¹

к статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова
«Перед судом истории»

Прочитав предоставленную редакцией статью хорошо известных мне ученых докторов исторических наук Г. Арутюнова и Ф. Волкова, я, честно говоря, задумался: а есть ли резон ее публиковать? Не дробим, не мельчим ли мы главную тему исследования — истоки и сущность сталинщины, не уводим ли разговор от сути? После некоторых размышлений понял: нет, не уводим. Сталинщину нельзя оторвать от личности самого Сталина. Вникая в смысл его поступков и действий, мы тем самым глубже понимаем и суть самого явления, в какой-то мере и его корни. Более понятными становятся и организованные Сталиным репрессии, уничтожение старых большевиков-ленинцев как свидетелей его позорного прошлого.

Я, конечно, не во всем разделяю точку зрения авторов, документально подтверждающих версию о том, что Сталин был агентом царской Охранки. Существуют иные — противоположные мнения. Оспариваются и сами документы, свидетельства. Но во всяком случае, авторы правы в главном: надо предать гласности и тщательно изучить все документы, связанные с деятельностью Сталина, создав для этого компетентную комиссию. Умалчивать о том, что давно бродит в умах, попадает на страницы печати, нельзя. Следует дать однозначный ответ на поставленный вопрос: был или не был Сталин агентом царской Охранки? А потому я за публикацию версии Г. Арутюнова и Ф. Волкова, основанной на научном поиске.

¹ Московская правда. 1989. 30 марта.

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?¹

В архивах жандармских учреждений скопилось довольно большое количество документов, характеризующих участие Сталина в революционном движении, и надо прямо сказать, что при беглом знакомстве с некоторыми из них у неискушенного читателя могут возникнуть вопросы о характере отношений Сталина с секретными службами. В качестве примера сошлемся на несколько документов, присланных в Департамент полиции и хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР).

Первый из этих документов — донесение начальника Московского Охранного отделения Мартынова от 1 ноября 1912 г. за № 306442 на имя директора Департамента полиции Белецкого. В этом довольно просторном документе говорится:²

«МВД

Особый отдел Совершенно

Начальник

13 ноября 1912

доверительно Отделения

вход № 33766

по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве Ноябрь 1912 года № 306442 г. Москва

Ваше превосходительство милостивый государь Степан Петрович,

¹ Опул. в журнале «Родина», 1989, № 5. Сокращения отмечены знаком [...]. — *Примеч. Ю. Ф.*

² В настоящем издании документ приводится полностью. Документ предоставлен З. Л. Серсбрыковой. В статье Б. Каптелова и З. Перегудовой документ дан в извлечениях. Архивные данные документа: ДП, ОО, д. 5, пр. III, 1910 г., Рос. соц.-дем. Раб. партия (общепартийный центр), л. 43, (I) 43 об., 44, 44 об., 45. Б. Каптелов и З. Перегудова цитируют его по фонду: Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 пр. 3 л. 43 и 45. — *Примеч. Ю. Ф.*

В последних числах минувшего октября месяца сего года через гор. Москву проезжал и вошел в связь с секретным сотрудником вверенного мне отделения «Портным»¹ кооптированный в ленинский ЦК Российской социал-демократической рабочей партии еще на Пражской конференции кр[естьянин] Тифлисской губернии Иосиф Виссарионов Джугашвили, носящий партийный псевдоним «Коба».

Поименованный И. Джугашвили, наблюдавшийся в апреле месяце с[его] г[ода] по г. Москве, переданный отсюда наружному наблюдению С.-Петербургского Охранного отделения и в г. С.-Петербурге 22 того же апреля арестованный, по его рассказам, успел в настоящее время бежать из места административной высылки (отдаленная местность Восточной Сибири), побывал за границей у «Ленина» и теперь возвращается в г. С.-Петербург, где он успел до поездки за границу проработать при редакции газеты «Правда» около полутора месяца.

Так как поименованный «Коба» оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни и вслед за сим уехал в г. С.-Петербург, то наружным наблюдением он, во избежание провала сотрудника, не сопровождался и о его отъезде начальнику С.-Петербургского Охранного отделения было сообщено тотчас телефонограммой и дополнительно к таковой шифрованной депешей, в копии при сем представляемой.

В конфиденциальном разговоре с поименованным выше секретным сотрудником «Коба» сообщил нижеследующие сведения о настоящем положении и деятельности Российской социал-демократической рабочей партии:

1) Избранный на Пражской с. г. конференции состав ЦК партии постепенно был установлен и арестован розыскными органами империи почти в полном составе русской его части. «Серго» и «Зельма», Стасова и Тифлист, привлечены к весьма серьезным формальным дознаниям, а большинство других привлечено к перепискам в административном порядке.

2) В настоящее время кооптированы не в качестве членов ЦК, а для исполнения обязанностей агентов такового два новых лица: а) неизвестный, проживающий все время в С.-Петербурге и работающий при из. «Правды»; б) неизвестный, проживающий в г. Одессе и давший при переписке следующий адрес: «г. Одесса, Канатная 64, Голикман (возможно искажение фамилии)».

3) В С.-Петербурге удалось сформировать Северное областное бюро, в состав коего вошли три человека: А) некий

¹ «Портным» вписано в пропущенном месте чернилами от руки. — Примеч. З. Л. Серебряковой.

Калинин, участвовавший в стокгольмском партийном съезде (с фамилией Калинин в работах означенного съезда принимали участие двое а) Калинин, работавший на Семенниковском и Обуховском заводах за Невской заставой, около 25—27 лет от роду, низкого роста, среднего телосложения, светлый блондин, продолговатое лицо, женатый и б) административно высланный в 1910 году из г. Москвы, кр[естьянин] Яковлевской волости Ковчевского уезда Тверской губернии М. И. Калинин, монтер городского трамвая. Б) Столяр Правдин, работавший с 1907 по 1908 год на Балтийском судостроительном заводе. Его приметы — около 30—32 лет от роду, среднего роста, полный, сутуловатый, блондин, без бороды, большие усы, сильно обвисшие с мешками щеки и В) совершенно невыясненное лицо. Означенное бюро, созданное фиктивным путем, без соответствующих связей на местах, просуществовало недолго и благодаря инертности его членов и их опасениям быть задержанными в скором времени распалось.

4) Заграничным ленинским центром признано, что издающаяся в г. С.-Петербурге газета «Правда» не отвечает своему назначению, не помещала серьезных статей по принципиальным вопросам, уклонялась в сторону обычной газетной полемики с представителями ликвидаторов и сильно запустила хозяйственную сторону предприятия.

В видах поправления дела ЦК решил следующее: а) организовать тройку ответственных перед ЦК и совершенно законспирированных от полицейской розыскной администрации редакторов, кои по присоединении к ним агента ЦК с правом решающего veto будут вести литературную часть дела; б) создать вторую такую же тройку для заведывания хозяйственной частью издания и присоединить сюда также с правом решающего голоса агента ЦК; в) общее наблюдение за делом поручить одному из представителей социал-демократической думской фракции, предоставив последнему право голоса, участия и вмешательства во все без исключения стороны дела; на означенную роль намечен член Государственной Думы от Московской губернии Малиновский.

5) На проходившем за границей заседании членов ЦК («Ленин», «Зиновьев», «Коба») решено организовать в пределах империи пять отдельных подпольных техник, поставив их вне массовых подпольных организаций во избежание возможных при частых арестах и ликвидациих провалов. Обслуживая местные нужды, эти техники будут работать при помощи самостоятельно созданных для них небольших (3—5 чел.) групп и останутся учреждением ЦК. Поставить эти техники берет на себя какой-то партийный работник — грузин, который думает истратить на каждый из необходимых станков не больше 40 рублей; он же организует на местах необходимые техни-

ческие группы и явится их ответственным перед ЦК руководителем и посредником.

6) Констатируется, что в настоящее время при наличии добытых, в связи с предвыборной кампанией, обширных и весьма серьезных связей, — во всей России не имеется на местах ни одной оформленной и нормально функционирующей партийной организации. Существует много отдельных групп и кружков, между собой совершенно не связанных и лишенных общего руководства.

7) Так как всем социал-демократам от рабочих курий по губерниям депутатам предстоит ехать за границу к «Ленину», для участия в созываемом им особом совещании и так как созывающим эти совещания ленинским уполномоченным рекомендуется ехать нелегально (по чужим паспортам или при содействии контрабандистов), то харьковская организация, опасаясь возможного провала, постановила предварительно отправить по указанному пути к «Ленину» совершенно постороннего, и потом лишь, когда ему удастся благополучно пробраться обратно, думает послать и своего депутата.

8) Харьковский социал-демократический депутат был проведен на избирательном собрании лишь после того, как обязался ежемесячно уплачивать из своего депутатского жалования по 50 рублей в пользу ЦК и по 50 рублей в пользу редакции газеты «Правда».

Представляемый при сем агентурный материал никому мною не сообщался во избежание возможности заминки или провала агентурного источника. Почему ходатайствую перед Вашим превосходительством об использовании такового по частям без ссылок и указаний на вверенное мне отделение.

Пользуясь настоящим случаем, прошу Ваше превосходительство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности. Ваш покорный слуга А. Мартынов».

Одновременно с этим донесением из Москвы в адрес Петербургского Охранного отделения была послана телеграмма о том, что «Коба Джугашвили» отправился в Питер, и просьба «задержать не сразу, лучше перед отъездом за границу...»¹

У лиц, малознакомых с терминологией жандармских документов, такие выражения, как «вошел в связь с секретным сотрудником», «обменялся с секретным сотрудником сведениями» — могут создать впечатление о той или иной степени причастности Джугашвили к выдаче партийной информации секретной службе. Однако если читать эти документы достаточно внимательно, становится ясным, что Джугашвили выступал здесь лишь в качестве источника агентурных сведений.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 пр. 3. Л. 46 а. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

И сам факт слежки за ним, планов его ареста говорит о том, что он не мог быть секретным сотрудником.

Естественно, возникает вопрос, почему Джугашвили в разговоре с «Портным» был столь откровенен и поделился с ним очень важными для Охранки сведениями. Не снабжал ли он секретного сотрудника по договоренности информацией? Такой вопрос, с нашей точки зрения, снимается уже тем, что под кличкой «Портной» скрывался разоблаченный позже один из крупнейших провокаторов и член ЦК Малиновский, который пользовался в тот период большим доверием ЦК и лично неоднократно выполнял поручения Ленина, центра, и поэтому передача ему сведений, скорее всего, определялась интересами партии. О двурушничестве Малиновского в то время никто не подозревал.

Сохранились письма Джугашвили из ссылки, перехваченные начальником Енисейского ГЖУ, в них — жалобы на тяжелое материальное положение и просьба о высылке денег. Оба письма — одно в адрес Государственной думы, другое в книгоиздательство «Просвещение» — были изъяты из почты и 4 января 1914 г. перлюстрированы. Направляя копии этих писем в Департамент полиции (пронумеровав за № 598 и 579), начальник Енисейского ГЖУ сопровождает каждое из них письмом. Именно они вызывают недоумение исследователей, поэтому одно из них считаем целесообразным привести полностью:

«Совершенно секретно. Лично.

Представляя при сем агентурные сведения за № 579, имею честь донести Вашему Превосходительству, что автором таковых является гласно-поднадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили.

Упомянутый в документе «Соколов» может быть окончивший срок гласного надзора в Туруханском крае Николай Николаев Соколов.

Адресат же документа неизвестен.

В Томск и С.-Петербург сообщено за № 10, 11.

Полковник Байков».¹

Как видим, Байков в своих донесениях называет письма Джугашвили «агентурными сведениями». В этом ничего нет странного, ибо такова была практика работы. Слово «агентурный» в подобных случаях употреблялось для обозначения способа получения информации агентурным, нелегальным путем, с применением перлюстрации, проводившейся в нарушении существовавшего законодательства.

Слухи о причастности Сталина к провокации возникли давно, еще в 1910 г. Поводом к ним послужили провалы Бакин-

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1914. Д. 5 ч. 25. Л. Б. Л. 3. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

ской организации РСДРП, которые всегда порождали в организации взаимные подозрения, недоверие ее членов друг к другу. Причем подозревался не только Сталин, но и другие члены организации. Об этом мы узнаем из донесений секретных сотрудников, освещавших деятельность местного комитета. В 1909—1914 гг. в Бакинском Охранном отделении и ГЖУ работало более 10 секретных сотрудников, они давали сведения по социал-демократическому движению и были достаточно информированы.

В фондах архива сохранился перечень кличек этих секретных агентов. Под кличкой «Слесарь» работал Серегин Г. В., «Октябрьский» — Дорофеев И. М., под кличками «Никитин» и «Доброволец» давал сведения Семенютенко В. М., под именем «Ловкий» и «Адамович» действовал Мачарадзе П. И., «Фабричный» и «Быстрый» — Москаленко А. К. Довольно щедро оплачивалась работа секретного сотрудника Саркисянца И. М. — в документах он проходит как «Банк» и «Дорогой» (он получал 125 рублей в месяц). Одним из активных деятелей Бакинском Охранного отделения был в то время «Фикус» — Ериков Николай Степанович, проживавший по паспорту Бакрадзе Давида Виссарионовича.

Из донесений «Фикуса»:

4 января 1910 г. было собрание Балаханского районного комитета, на котором выбрали членов комитета Платона Мачарадзе и поручили ему ведение агитации за всеобщую забастовку в Ромнах, Сабунчах и Забрате. Мачарадзе получил от комитета 20 рублей и приступил к работе... Дорофеев — кассир Балаханского района, живет в Балаханах...

Февраль 1913 г.: «1 февраля в Балаханах состоялось собрание, на каковом были произведены выборы членов в районный комитет, вместо временных. Выбранными оказались Грачев, Дроздов, Г. Талаквадзе, Бакрадзе».

В связи с арестами членов организации «Балаханский комитет поручил Бакрадзе выяснить, кто действительно является виновником арестов...», а через несколько дней ему поручили «выяснение личности «provokatora», так как он имеет больше свободного времени».

Бакрадзе («Фикусу») доверяли в организации. Так, сотрудник «Слесарь» сообщал 24 марта 1913 г. о составе Балаханского районного комитета, в который входил Бакрадзе: «Деятельности комитет никакой не проявляет. За исключением Бакрадзе, имеющего в партии большое значение...»¹

Возвращаясь к 1910 г., отмечаем, что положение в Бакинской организации действительно было достаточно сложное.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6. Л. Б. Л. 9 об. Л. 11 об. Л. 13 об. Л. 31 об. Л. 33 об. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

Взаимоотношения С. Шаумяна и И. Джугашвили находились в центре внимания членов комитета, в донесениях имеется указание, что недоразумения между ними возникли на «личной почве». Источником донесения были разговоры, споры и прочие сведения, почерпнутые в организации. В одном из таких сообщений читаем: «16 марта состоялось заседание Бакинского комитета, на котором рассматривался ряд вопросов...» — о партийной школе, типографии, 1 мая и, в частности, о провокаторах. А потом довольно спорная фраза:

Между членами Бакинского комитета Кузьмою¹ и Кобюю на личной почве явилось обвинение друг друга в провокаторстве. Имеется в виду суждение о бывших провокаторах... а в отношении новых провокаторов решено предавать их смерти².

Из донесения «Фикуса» за март 1910 г.:

В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться. Вышло осложнение с «Кузьмой». Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные Центральным комитетом 150 рублей на постановку большой техники, все еще бездействующей, находятся у него, и он пока отказывается их выдать. «Коба» несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая «Кобе» недоверие³.

Именно на основе этого сообщения пошли слухи о том, что Шаумян не доверял Сталину и якобы считал его провокатором. Такого рода донесения создавали версии о провокаторстве.

Конечно, мимо обвинений такого рода не может пройти ни один серьезный исследователь, тем более что исходили они от такого видного деятеля, как С. Шаумян. Однако вот какой документ вышел из Бакинского ГЖУ спустя десять дней после сообщения «Фикуса»:

Упомянутый в месячных отчетах (предоставленных мною от 11 августа минувшего года за № 2681 и от 6 сего марта за № 1014) под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль, принадлежавшую ранее Прокофию Джапаридзе (арестован 11 октября минувшего года — донесение мое от 16 октября за № 3302), задержан, по моему распоряжению, чинами наружного наблюдения 23 сего марта.

¹ Псевдоним Степана Шаумяна. — *Примеч. Ю. Ф.*

² ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6. Л.Б. Л. 11 об. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

³ Там же, Л. 26 об. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем «Молочный», успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу¹.

Как видим, даже такой опытный революционер, как Шаумян, в сложных условиях не был застрахован от ошибочных суждений по отношению к своим товарищам.

[...] И, наконец, обращает на себя внимание угловой штамп документа. Он существенно отличается от типографски выполненного штампа. Вместо «Заведующий Особым отделом Департамента полиции» — «МВД. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции». В просмотренных нами материалах Особого отдела Департамента полиции за 1906—1913 гг. мы не встретили ни одного штампа, который был бы идентичен приводимому ни по расположению строк, ни по шрифту. Как правило, первая строка «М.В.Д.» ставилась только на полном бланке Особого отдела, в том случае, если между Особым отделом и МВД стояло название учреждения — Департамент полиции, и документы с таким бланком отправлялись за пределы Департамента полиции. Бланком же «заведующего Особым отделом» пользовались, как правило, для внутренней переписки: между структурами Департамента полиции на имя директора, вице-директора. Стоит уточнить еще одну деталь этого штампа. Со второй половины 1910 г. и до конца существования Департамента полиции бланки со словами «заведывающий» не употреблялись. Для Особого отдела были заказаны новые бланки, где в штампе слово «заведывающий» было заменено на «заведующий».

Недоумение вызывает и штамп входящей документации. В этот период во всех жандармских учреждениях подобные штампы проставлялись с зафиксированной на каждый день датой и только сам номер заполнялся от руки.

Заканчивая рассказ об оформлении документа, необходимо сказать, что данное «письмо» послано в учреждение с пометкой «лично». Это свидетельствовало не о каких-то личных отношениях, но указывало на серьезность документа, и распечатать его должен был не «чиновник для письма», а лично Железняков. Поэтому в переписке такого рода указывалась не только должность, но и чин адресата. Кстати,

¹ 24 марта 1910 г., из донесения начальника Бакинского ГЖУ ротмистра Мартынова. — ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. 1910. Д. 5 ч. 6. Л. Б. л. 18. — Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.

эти моменты отсутствуют и в подписи. Вероятно, писавший не был уверен или не знал, в каких чинах находились упоминаемые им лица.

Обратим внимание на номер исходящего документа (№ 2889 от 12 июля 1913 г.), который якобы поставил Департамент полиции, отсылая это предписание.

Стоит отметить, что в этом ведомстве довольно четко велось делопроизводство.

Согласно распоряжению директора, в Департаменте действовала Инструкция по ведению делопроизводства, в соответствии с которой каждой структуре Департамента давался свой веер исходящих номеров. В упоминаемой инструкции говорилось: «В каждой отдельной части Департамента исходящие бумаги имеют особую нумерацию»¹ [...] Так Особый отдел получил для секретной корреспонденции номера начиная с № 93001 и далее; для совершенно секретной документации — с № 111001 и далее. Таким образом, из Особого отдела не мог выйти документ с приведенным выше исходящим номером — «2998».

Что же означает указанный номер, существует ли такой исходящий в Департаменте полиции?! Почти все журналы входящей и исходящей корреспонденции сохранились. Поэтому не представляет труда выяснить даже содержание документа, если мы располагаем датой и номером исходящей корреспонденции.

Этот номер есть, но проходит по отделу I делопроизводства. Документ с таким номером вышел из Департамента не 12 июля, а 16 марта. Вот его краткое содержание: «Письмо Управл. Екатеринослав. губ. Н. А. Татищеву, сообщение по поводу дерзкой выходки трех неизвестных злоумышленников по отношению к стоящему на посту возле силовой станции городского водопровода городовому»².

Вернемся теперь к самому тексту. Согласно правилам дореволюционного правописания, в материалах Департамента вместо отчества — Петрович, Васильевич, Виссарионович — указывается Иван Иванов, Михаил Петров, Иосиф Виссарионов. В так называемом письме Еремина читаем: «Иосиф Виссарионович».

Вызывает сомнение и арест Джугашвили в 1906 г. В журнале «Лайф» (от 14 мая 1956) утверждается, со ссылкой на Троцкого, что Сталин был арестован 15 апреля 1906 г. при раскрытии Авлабарской типографии в г. Тифлисе.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 302. Д. 708. Л. 25. — Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.

² Из журнала исходящих бумаг ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 273. Д. 356. Л. 128. — Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.

В связи с арестом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурирует, в частности, 17 человек, арестованных в разное время (с 15 апреля по 21 мая) по этому делу. Фамилия Джугашвили в этом перечне отсутствует. В документах более позднего времени арест 1906 г. никак не отражен, что вызывает сомнение: а был ли арест в 1906 г.? Джугашвили в это время находился в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля (23 апреля нового стиля). Левин выдвигает версию, что Сталин был арестован 15 апреля (старого стиля), дал сведения, а через 8 дней (23 апреля нового стиля), когда начал работать съезд, оказался на съезде. Но здесь автора подвел пересчет со старого стиля на новый.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее существовании на территории Авлабар у жандармерии не было. Обратимся к донесению начальника Тифлисского ГЖУ, который 17 апреля 1906 г. доносил в Департамент полиции:

15 апреля утром были произведены повальные обыски в разных частях города Тифлиса, в тех местах, где наблюдались подозрительные лица. В числе обысков, производимых на окраине города, в местности 7 участка «Авлабар» — обыск усадьбы Ростомашвили был поручен временно прикомандированному по вверенному мне управлению для производства дознаний ротмистру Юлинцу (начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления железных дорог). В подвале флигеля этой усадьбы, покинутой жильцами, за три дня перед тем ротмистром Юлинцем были обнаружены семь стеклянных запалов, употребляемых для взрывания бомб и завернутых в бумагу с типографскими оттисками, что подало ротмистру Юлинцу мысль о возможности нахождения в этой усадьбе тайной типографии¹.

Примечательна резолюция на этом донесении: «Затребовать подробные приметы и точные сведения о скрывавшихся жильцах и арендаторов для последующего розыска»².

Возвращаясь к анализу документа, опубликованного в «Лайф», отметим: Джугашвили в нем неоднократно называется Сталиным. Судя по всему, Департаменту полиции под этим именем был известен только автор работ по национальному вопросу, безотносительно к Джугашвили. В материалах Департамента полиции он фигурирует как «Коба», «Сосо», «Кавказец», «Молочный» — две последние как клички наружного

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7 д-во. 1906. Д. 4889. Л. 10. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

² ЦГАОР СССР. Ф. 102. Там же. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

наблюдения. И встречается ряд фамилий, которыми он пользовался при переписке. [...]

Даже если данные о Сталине-Джугашвили, как секретном сотруднике, надо было сообщить в Енисейск, то, вероятно, обе эти фамилии были зашифрованы. Судя по переписке Железняка с Департаментом полиции, такой шифр существовал. [...]

С полной уверенностью можно утверждать, что этот документ не является подлинным. Конечно, точку в этом исследовании ставить рано. Надо еще ответить на вопрос, кто же был автором этой фальсификации.

Авторы публикации в «Московской правде» в качестве доказательства сотрудничества Сталина с Охранкой приводят еще один любопытный документ. Считаю необходимым привести его полностью:

Бакинскому Охранному отделению. Вчера заседал Бакинский комитет РСДРП. На нем присутствовал приехавший из центра Джугашвили-Сталин Иосиф Виссарионович, член комитета «Кузьма» и другие. Члены предъявили Джугашвили-Сталину обвинение, что он является провокатором, агентом Охранки, что он похитил партийные деньги. На это Джугашвили-Сталин ответил им взаимными обвинениями.

Подобного документа в ЦГАОР СССР нет. Секретные сотрудники, как правило, сами донесений не писали. Их деятельность была обставлена так конспиративно, чтобы не оставить следов. Они давали «сведения» офицеру устно, при встрече, а последний, в свою очередь, записывал их. В материалах Департамента Джугашвили нигде не упоминается как Сталин.

В фонде Департамента полиции имеется картотека, содержащая информацию об агентах царской полиции. Она составлена самими же сотрудниками этого Департамента, где они служили, называются их фамилия, имя, отчество лиц, поставивших эти сведения, их агентурная кличка. В этих списках фамилии Джугашвили-Сталина нет.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Временное правительство создало ряд специальных комиссий по выявлению провокаторов и агентов тайной полиции среди революционной демократии. Работа велась на основе изучения документов Департамента полиции (ЦГАОР СССР. Ф. 1467, 503, 504). Такого же характера проводилась работа советскими органами вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Среди выявленных провокаторов и агентов Охранки фамилии Джугашвили-Сталина не обнаружено.

Американский советолог И. Левин при публикации так называемого письма полковника Еремина, в котором содержится

информация о том, что Джугашвили-Сталин был агентом царской полиции, вынужден был признать, что наиболее критически настроенные биографы Сталина, «в том числе его злейший враг Лев Троцкий, отвергали это обвинение как чудовищное и абсолютно недоказуемое». [...]

* * *

[...]¹

По всем имеющимся в нашем распоряжении на данный момент материалам сотрудничество Сталина с органами царской Охранки не подтверждается. Необходимо разобраться в том основном документе, который в настоящее время ходит по рукам и подлинник которого якобы находится на хранении в архиве. Появились и частичные публикации этого документа. Что же он собой представляет? Это отношение зав. особым отделом департамента полиции Еремина начальнику Енисейского Охранного отделения Железнякову с сообщением о сотрудничестве Сталина с царской Охранкой. [...]

На тексте документа имеется резолюция: «Личное по С-Д». На левом поле — прямоугольный штамп с текстом: «Енисейское Охранное отделение. Вх. № 152. 23.VII. 1913 год». Номер входящего документа и дата написаны от руки.

Этот документ неоднократно публиковался в США, ФРГ в 50—80-х годах. Циркулирующие в настоящее время списки русского варианта документа являются копиями из этих изданий. Что же известно о судьбе этого документа из американских источников? Его владелец — ученый-советолог И. Левин сообщил, что данное «письмо» он получил в 1947 г. от трех лиц «безупречной репутации»: Вадима Макарова — сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева — бывшего русского посла в США при правительстве Керенского, Бориса Сергеевского — пионера русской авиации. Они же получили это письмо от М. П. Головачева — русского эмигранта, проживавшего в то время в Китае. Последний, в свою очередь, получил его от полковника Руссиянова — офицера, охранявшего до побега в Китай «сибирские документы Охранки». «Сообщение о путешествии письма показалось мне убедительным», — добавляет И. Левин. Он приводит ряд доказательств подлинности письма, исследуя бумагу, шрифт, подпись, не располагая, однако, еще одним автографом полковника Еремина на бумажной основе, а беря за источник выгравированную надпись на подарочном серебряном кувшинчике. Как утверж-

¹ Далее идет текст статьи, опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС», 1989, № 4, с. 92—98, под тем же названием. Сокращения отмечены знаком [...]. — *Примеч. Ю. Ф.*

дает Левин, он «тотчас же установил, что это было подлинное письмо, не фотокопия, написанное в 1913 году из Главного управления Охранки»¹. [...]

При внимательном рассмотрении документа встает много вопросов. Письмо направлено начальнику Енисейского Охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. И в одном этом обращении мы находим три ошибки, которые не мог себе позволить такой ас политического сыска, как полковник Еремин, якобы подписавший этот документ.

Во-первых, в 1913 г. Енисейского Охранного отделения как такового не существовало. Был Енисейский розыскной пункт, и его заведующий имел статус помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления. Заведующий Енисейским розыскным пунктом был действительно Железняков, но не Алексей Федорович, как указывается в документе, а Владимир Федорович. Встает вопрос: может быть, в корпусе жандармов служили несколько Железняковых? Однако при проверке фамилии Железнякова по имеющимся справочникам мы убеждаемся, что в 1913 г. в корпусе жандармов служил один Железняков — Владимир Федорович, 1881 г. рождения, ротмистр, прикомандированный к Енисейскому губернскому жандармскому управлению в октябре 1911 г.²

[...] Возникает еще один вопрос: мог ли Еремин, крупный специалист по политическому розыску, весьма ценимый в МВД за свой профессионализм, призванный Столыпиным в департамент полиции еще в годы первой российской революции для активизации его работы в области политического сыска, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и по правилам переписки, так открыто писать о своем агенте?

Приведем несколько строк из его служебной характеристики. «Еремин в Департаменте полиции принимал самое видное участие в разработке вопросов районных Охранных отделений и в проведении их в жизнь, им были выработаны не существовавшие до того положения и Инструкции по розыску, Положения об Охранных отделениях, Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, а также Инструкции по ведению наружного наблюдения. Они были выполнены настолько успешно, что в декабре 1912 г. они использовались без сколько-нибудь существенных изменений»³.

¹ Лифе, 1956. 14 мая. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

² См. Список общего состава членов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1913. С. 40, 692. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

³ ЦГАОР СССР. Ф. 101. 00. 1913. Д. 46. Л. 3 об. — *Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.*

Эта фигура была хорошо известна и в революционных кругах, так как разгром многих организаций был связан с его именем — ликвидация Киевского комитета РСДРП в 1904 г., аресты революционных организаций в Николаеве в 1905 г., его деятельность в 1909 г. на Кавказе, куда он был послан в качестве начальника Кавказского районного Охранного отделения, и разгром организации «Дашнакцутюн», что послужило причиной приговора его к смерти членами этой партии¹.

[...] Еще на два момента по содержанию текста стоит обратить внимание. Как правило, в переписке департамента полиции все учреждения назывались полностью: например, губернское жандармское управление, или пользовались общепринятым сокращением — ГЖУ.

Приведенное в тексте сокращение не употреблялось. Далее, судя по тексту документа, можно понять, что Сталин был участником Пражской конференции, хотя известно, что на конференции в ЦК он был избран заочно.

Вызывает сомнение написание фамилии Еремина. В его подписи — очень специфическое написание букв «е» и «р». Для тех сотрудников архива, кто часто сталкивается с материалами Еремина, его резолюциями, подписями, совершенно очевидно, что подпись Еремина подделана.

О том, что Еремин не мог подписать этот документ, говорят и следующие факты. В переписке департамента полиции сохранилось подлинное заявление А. М. Еремина на имя директора департамента от 10 мая 1913 г. с просьбой об отпуске. Приводим его текст:

Заведующий Особым отделом Департамента полиции 10 мая 1913 г. № 99192

Директору Департамента полиции

РАПОРТ

При непрерывной работе ежедневно до 3—4 часов ночи, не имея отдыха даже в праздничные дни, я настолько переутомился, что нуждаюсь в продолжительном отдыхе.

Докладывая о сем, имею честь просить разрешения Вашего Превосходительства воспользоваться мне двухмесячным отпуском с 1-го наступающего Июня.

К сему имею честь доложить, что в минувшем году я отпуском не пользовался.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 101. 00. 1913. Д. 46. Л. 3 об. — Примеч. Б. Каптелова и З. Перегудовой.

Полковник Еремин¹.

Однако с отпуском Еремину пришлось несколько задержаться. 11 июня 1913 г. по приказу штаба корпуса жандармов он переводится на другую работу — начальником Финляндского жандармского управления. Последний документ особого отдела полиции подписан им 19 июня 1913 г. (исх. № 101213)².

В тот же день, 19 июня, был издан следующий циркуляр департамента полиции:

М.В.Д.

Лично.

Департамент полиции

Совершенно секретно

Циркулярно

По Особому отделу 19 июня 1913 года № 111804

Начальникам Губернских жандармских управлений, Отделений по охранению общественной безопасности и порядка, Жандармских полицейских управлений железных дорог и г. г. офицерам Отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск.

Ввиду назначения заведующего Особым отделом Департамента полиции полковника Еремина начальником Финляндского жандармского управления, Департамент полиции просит Вас, милостивый государь, конверты с переписками, указанными в циркуляре от 21 января 1910 года за № 125041, впредь до особых распоряжений, адресовать на имя и. д. заведующего Особым отделом чиновника особых поручений V-го класса при Департаменте полиции статского советника М. Е. Броецкого.

Подписал: Директор С. Белецкий.

Скрепил: И.д. заведующего Особым отделом М. Броецкий.

Верно: За помощника Делопроизводителя Луценков³.

Эти документы, свидетельствующие о том, что Еремин никак не мог подписать документ за № 2898 от 12 июля 1913 г., и позволяют нам утверждать, что документ этот не является подлинным.

Должны отметить, что в тяжелые годы сталинщины архив ЦГИАМ не был выпотрошен. Отстались нетронутыми, даже не были переведены на закрытое хранение, материалы Бухарина, Рыкова, Томского и ряда других большевиков, подвер-

¹ ЦГАОР СССР Ф 102 00 1913 Д 46 л 204 В данном случае обращаем внимание на номер исходящего документа — *Примеч Б Каптелова и З Перегудовой*

² Там же, л 293 — *Примеч Б Каптелова и З Перегудовой*

³ Там же, л 294 — *Примеч Б Каптелова и З Перегудовой*

гихся репрессиям. Сохранились и материалы на Джугашвили, порой с не очень лицеприятной его характеристикой. Так, в документах за январь 1903 г. в одном из донесений говорится: «...В Батуме во главе организации находится состоящий под особым надзором полиции Иосиф Джугашвили, деспотизм Джугашвили... многих наконец возмутил и в организации произошел раскол...»¹

Сохранились письма Джугашвили из ссылки, отличительными чертами которых являются жалобы на тяжелое материальное положение и просьба прислать денег. Так, 4 января 1914 г. было перлюстрировано два письма Джугашвили: одно — в адрес Государственной думы, другое — в книгоиздательство «Просвещение». И в том, и в другом он просит материальную помощь. Обращаясь к Петровскому и Бадаеву, он пишет: «Моя просьба состоит в том, что, если из с.-д. фракции до сих пор остается фонд репрессированных, пусть она, фракция, или еще лучше, бюро фракции выдаст мне единственную помощь, хотя бы в руб. 60...» Во втором письме он просит рублей 30². [...]

¹ ЦГАОР СССР Ф 102 00 1898 Д 5 Ч 52 Л В Л 27 — *Примеч Б Каптелова и З Перегудовой*

² Там же, ф 102, 00, 1914, д 5, ч 25, л Б, л 1—4 — *Примеч Б Каптелова и З Перегудовой*

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ¹

В пятом номере журнала «Родина» опубликована статья Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой «Был ли Сталин агентом Охранки?». Авторы утверждают, что «сотрудничество Сталина с царской Охранкой не подтверждается».

Разрешите не согласиться с этим однозначным выводом и высказать свои соображения. В статье частично публикуется подлинный документ из фонда Центрального государственного архива Октябрьской революции². Однако немаловажное значение имеет и то, что копия этого документа находится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в фонде Серго Орджоникидзе. Ясно, что только серьезные причины могли побудить Орджоникидзе хранить в своих бумагах материал Охранки, в котором говорилось, что поименованный «Коба» оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни...»

Случайно ли авторы статьи не упоминают о существовании этой копии? Давно ли она там?

Вызывает возражение и подход к источнику. При его анализе не указывается, что кличка агента «Портной» вписана в машинописный текст от руки (кем? когда?). А ведь на том, что «Портной» — кличка Малиновского, авторы основывают свой вывод — Сталин, в то время член ЦК РСДРП(б), имел право информировать другого члена ЦК даже и о сугубо секретных партийных документах.

Не удовлетворяет и характер цитирования. Он явно тенденциозен, направлен на то, чтобы сделать парадоксальный вывод: передача Сталиным сведений «скорее всего определялась интересами партии». Представляется, что не случайно ав-

¹ Родина. 1989. № 9. — Примеч. Ю. Ф.

² МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве. Ноябрь 1912 года, № 306442, г. Москва. Особый отдел 13 ноября 1912, вход. № 33766, л. 43—44. — Примеч. З. Серебряковой.

торы опускают те строки документа, где содержатся сведения, которые при всем желании невозможно объяснить простой беседой двух деятелей большевистской партии. Восстановим одну из пропущенных частей текста:¹

[...] Читая столь «ценные» сведения, невольно задаешься вопросом: были ли они нужны кому-нибудь, кроме агентов Охранки, для целей сыска, для заполнения жандармских досье?

Полный текст документа тайной полиции ставит под сомнение и многие утверждения Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой, высказанные в их статье в апреле 1989 года в «Вопросах истории КПСС» № 4.

Опровергая публикацию пятидесятых годов в журнале «Life», авторы пишут, в частности, что отсутствие указания на должность и чин начальников царской полиции, подписавших письмо или донесение, наводит на мысль о фальсификации. Но ведь в представленном ныне подлинном документе Охранки подпись А. Мартынов — также без указания на должность и чин.

В последнее время в нашей печати стали появляться отдельные сведения и статьи об Александре Орлове — генерале НКВД, который остался в 1938 году на Западе. Среди его разоблачений злодеяний Сталина есть страницы, посвященные рассказу о документах, которые раскрывают зловещую роль Сталина как агента царской тайной полиции². Знаменательно утверждение А. Орлова о том, что Сталин действовал в Охранке через Малиновского, совместно с ним, а затем и против него, чтобы самому подняться по полицейской иерархической лестнице.

Еще одно утверждение Орлова ныне подкрепляется документально. Он писал, что часть донесений Сталина, датированных 1912 годом, касалась Четвертой Государственной думы. В неопубликованной части документа Охранки об этом говорится: «в) Общее наблюдение за делом поручить одному из представителей социал-демократической думской фракции, предоставив последнему право голоса, участия и вмешательства во все без исключения стороны дела; на означенную роль намечен член Государственной Думы от Московской губернии Малиновский».

Обращал внимание А. Орлов и на подозрительную легкость побегов Сталина. Об этом же написал Лазебников в «Совет-

¹ Опущена цитата из документа, приведенного выше полностью в статье Б. Каптелова и З. Перегудовой «Был ли Сталин агентом Охранки?» — *Примеч. Ю. Ф.*

² 93 Congress. 1-st Session. US government printing office. Washington: 1973, p. 142, 143. — *Примеч. З. Серебряковой.*

ской культуре» 16 июня 1988 года на основании воспоминаний Б. И. Иванова, который был в Туруханском крае в ссылке вместе со Сталиным¹.

Б. И. Каптелов и З. И. Перегудова отводят от Сталина подозрения на том основании, что Я. М. Свердлов тоже, как известно, бежал из ссылки. Однако именно трудности в организации побегов показывают, насколько сложными и опасными они были. Помогали Я. М. Свердлову близкие друзья, опытные конспираторы Л. П. Серебряков, И. Д. Чукурин, Кучменко, местные жители — крестьяне. И все же дважды во время побега Я. М. Свердлов едва не погиб в бурных водах Енисея. А вот о некоторых побегах Сталина ничего не было известно.

Нельзя согласиться и с утверждением о том, что документы Охранки, в которых Сталин назван «автором агентурных сведений», не компрометируют его, так как подобные строки относились и к И. Е. Вольнову, несомненно честному революционеру. Приводя в пример Ивана Вольнова, авторы, вероятно, не знают, какую драматическую роль сыграло жандармское донесение в его судьбе. Ему пришлось мучительно доказывать свою невиновность.

Перечисляя многочисленные комиссии, разоблачавшие агентов-provokаторов, следует упомянуть о том, что в Февральскую революцию бумаги Охранки в прямом смысле слова горели, в огне погибли многие, возможно, важнейшие документы.

Нельзя не согласиться, что «одиозность кровавого палача не освобождает нас от необходимости скрупулезного, точного анализа всякого обвинения, предъявленного Сталину». Но эти требования прежде всего подразумевают научную достовер-

¹ А. Лазебников писал в своей статье следующее: «Глядя на фотографию, я почему-то вспомнил разговор с Борисом Ивановичем Ивановым, членом партии с 1904 года. В 1935 или 1936 году комсомолцы Сольвычегодска совершили лыжный пробег Сольвычегодск — Москва. Лыжники пришли в «Комсомолку», принесли ворох материалов о пребывании Сталина в ссылке. В документах упоминался и питерский рабочий-булочник Б. И. Иванов. Тогда я и обратился к нему — он был председателем ЦК профсоюза рабочих хлебобулочной промышленности, жил в Доме правительства. Показал я ему документы и услышал:

— Действительно, я был в ссылке, жил в Курейке с Джугашвили. Все время, пока он находился там, в нашей маленькой колонии большевиков постоянно случались провалы. Мы решили поговорить начистоту, так сказать по «гамбургскому счету». Назначили день собрания большевиков Курейки, но Джугашвили на него не явился. А назавтра мы узнали, что он исчез из Курейки — ушел в побег, а до первого поселения пятьсот верст. Такой побег можно было совершить только с помощью властей.

Эти слова ошеломили меня — они были сказаны в 1935—1936 годах». (Лазебников А. Линии судьбы // Советская культура. 1988. 16 июня. С. 6). — Примеч. Ю. Ф.

ность исследования, отсутствие произвольного цитирования, тенденциозного замалчивания, открытое признание того, что если и нет пока возможности сделать окончательный вывод о роли Сталина в деятельности царской Охранки, то все более многочисленные факты не оправдывают, а изобличают его в тягчайшем преступлении. Тем более что и в этом истоки сталинизма.

ВЕРСИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ¹

30 марта 1989 года газета опубликовала статью докторов исторических наук Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории». В ней ученые излагали версию о том, что Сталин был агентом царской Охранки. Редакция в свою очередь подчеркнула, что эта версия требует тщательной проверки. После публикации статьи разговор на эту тему был продолжен в журналах «Вопросы истории КПСС», «Родина», газете «Комсомольская правда», других изданиях. Редакция получила множество писем, мнения читателей в которых полярно расходились: одни поддерживали авторов, другие спорили, категорически не соглашаясь с ними, упрекая их в поверхностном подходе. Пользуясь случаем, благодарим всех, кто откликнулся на публикацию. Кроме того, редакция получила официальную справку дирекции Центрального государственного архива Октябрьской революции, органов государственной власти и органов государственного управления СССР, в которой сообщается, что версия Г. Арутюнова и Ф. Волкова не подтверждается.

Сегодня мы публикуем эту справку и некоторые письма.

Отдел коммунистического воспитания [редакции газеты «Московская правда»]

Это письмо мы получили от старого члена партии О. Г. Шатуновской и С. Б. Шеболдаева, сына бывшего первого секретаря Азово-Черноморского крайкома партии Б. П. Шеболдаева. На их показания ссылались авторы статьи «Перед

¹ Подборка «Версия не подтверждается», опубликованная с сокращениями в газете «Московская правда» 2 июля 1989 года (с. 4), в настоящем издании дается полностью. Следует отметить, что материал, представленный О. Шатуновской, подвергся сокращениям без ее ведома, после того как гранки были представлены автору на корректуру и несмотря на то, что О. Шатуновской на гранках была собственноручно наложена следующая резолюция: «Согласна, если не будет дальнейших переделок. О. Шатуновская. 30 июня 89 г.». Два сокращенных редакцией «Московской правды» отрывка в настоящем издании выделены квадратными скобками. — *Примеч. Ю. Ф.*

судом истории», обвиняя Сталина в провокаторстве. Письмо печатается с некоторыми сокращениями.

Мы вынуждены выразить свое отношение к статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории», опубликованной в «Московской правде» от 30 марта с. г. Статья, к сожалению, во многом отклоняется от истины. Не подтверждается, по нашим данным, заявление Г. Арутюнова, что он «в шестидесятые годы по поручению Комиссии Президиума ЦК КПСС изучал архивные документы, связанные с деятельностью Сталина». Не подкрепляется должным образом и стремление авторов статьи ради исторической правды, всестороннего ее раскрытия помочь нынешней Комиссии Политбюро ЦК «представлением новых документов, касающихся личности Сталина». И вот почему.

Основной такой «новый» документ, используемый Г. Арутюновым и Ф. Волковым как доказательство связей Сталина с Охранкой — «письмо Еремина», неоднократно публиковавшееся за рубежом, в частности в монографии Фишера «Жизнь и смерть Сталина». Известный советолог Эдуард Смит предпологает, что «письмо Еремина» было в свое время воспроизведено кем-то из русских эмигрантов по памяти с утраченного оригинала. Этим, по его мнению, и обусловлены присутствующие в документе отклонения, не позволяющие признать его подлинным.

По вполне понятным причинам Ф. Волков и Г. Арутюнов не приводят номера фонда и единицы хранения публикуемого ими письма. Такого фонда попросту нет.

Сильно искажены в статье обстоятельства, связанные с В. Каспаровой. Авторам неизвестно, что ее муж Слава Каспаров в Россию не вернулся, а умер в Женеве. Варя Каспарова в 20-е годы примкнула к оппозиции, не желая признавать лидером партии бывшего, по ее мнению, агента Охранки. Однако никаких показаний следователю об этом в 1937 году, как пишут Ф. Волков и Г. Арутюнов, она, разумеется, не могла давать. Да ни один следователь и не принял бы их.

Выдумано авторами утверждение, что «в 1962 году Шатуновская поставила перед ЦК КПСС вопрос об обнародовании материалов о Сталине как агенте царской Охранки». На самом деле Хрущев был информирован только о зарубежных материалах на эту тему, на что и последовал его ответ, приведенный в статье.

О своей «находке» Г. Арутюнов объявил в 1987 году. Мы ему тогда поверили, полагая, что он серьезно исследует вопрос. Вместо этого им с участием Ф. Волкова были предприняты попытки придать материалам сенсационный характер.

Мы не знаем, чем руководствовались Ф. Волков и Г. Арутюнов, когда они ссылались на нас в своих материалах, не получив на то нашего согласия. [Дело здесь не только в этике

публициста-историка. Проблема провокаторства Сталина слишком серьезна, она не допускает поверхностного подхода, превращения в предмет шумных сенсаций.

Впрочем, нельзя, на наш взгляд, согласиться и с тем категорически негативным отношением к этой проблеме, какое демонстрирует Рой Медведев. Посвящая этой теме целый раздел своей работы о Сталине, только что опубликованной в журнале «Знамя», Р. Медведев, вопреки обычной своей манере не ссылаться на архивные изыскания, для вящей убедительности упоминает о неких документах, «которые... не подтверждают версии о связях Сталина с Охранкой». Однако тексты этих документов он не приводит, анализа их не дает. Р. Медведев обходит молчанием свидетельства Л. Шаумяна, В. Каспаровой и некоторых других обвинителей Сталина.

Мы не можем не доверять этим свидетельствам. Именно поэтому полагаем своим долгом выступить с осуждением статьи Ф. Волкова и Г. Арутюнова. Мы хотели бы уменьшить возможный обратный эффект их выступлений, когда фальшивые доказательства дискредитируют саму версию.]

Публикации, подобные статье «Перед судом истории», могут лишь помешать процессу становления подлинной истории партии [они подрывают доверие миллионов читателей к нашей печати. Благородная неотложная цель — до конца разоблачить Сталина, чтобы легче было преодолеть сегодняшние последствия его преступлений, требуют тщательных документальных научных исследований и подтверждений].

*О. Шатуновская, член КПСС с 1916 года.
С. Шеболдаев, член КПСС с 1968 года.*

ОТ РЕДАКТОРА

Следует отметить, что дух письма О. Шатуновской и С. Шеболдаева расходится с двумя опубликованными сообщениями историка Е. Плимака. Приводим оба сообщения:

1

«Ныне известно лишь, что О. Г. Шатуновская (член Комитета партийного контроля, расследовавшая по поручению Хрущева преступления Сталина) уже после XX съезда докладывала Н. С. Хрущеву об агентурном прошлом Сталина, но ход этому делу дан не был. Случай помог нам подтвердить предположение А. Орлова о самоубийстве Штейна. На одном из семинаров в конце 1980-х годов Е. Г. Плимаку довелось

рассказать аудитории о «деле Тухачевского». Среди присутствующих оказался один из дальних родственников Штейна. Он рассказал, что в семье знали: Штейн прилежно ходил на работу (очевидно, Лубянка), но в один прекрасный день «застрелился». Родственникам в НКВД сообщили: в кабинет к Штейну зашел сам Ежов и застал с некой женщиной(!). Ежов приказал Штейну взять свой револьвер и застрелиться»¹.

2

«О провокаторстве Сталина Хрущеву сообщила О. Г. Шатуновская, но уже после XX съезда; ход этим сведениям члена Комитета партийного контроля, расследовавшего преступление Сталина, дан не был (об этом О. Г. Шатуновская сообщила Е. Плимаку — одному из авторов настоящей статьи»².

Таким образом, согласно этим источникам, О. Шатуновская не только не подвергает сомнению провокаторство Сталина, а является одним из инициаторов расследования обвинений Сталина в провокаторстве.

Ю. Фельштинский

¹ Цит. по ст.: *Плимак Е., Антонов В.* Был ли заговор против Сталина? По материалам зарубежной печати // Октябрь. 1994. № 3. — *Примеч. Ю. Ф.*

² Цит. по ст.: *Плимак Е., Антонов В.* Сталин знал, что делал: Невостробованное сообщение знаменитого разведчика // Московские новости. 1996. № 10. 10—17 марта. С. 16. Перепечатано также в газ.: *Новое русское слово.* 1996. 22 марта. С. 50, без указания источника. — *Примеч. Ю. Ф.*

ЕЩЕ РАЗ О ПРОВОКАТОРСТВЕ СТАЛИНА

В газете «Московская правда» в марте 1989 г. была опубликована статья Г. Арутюнова и Ф. Волкова с комментарием академика Самсонова, который предлагал создать «компетентную комиссию», чтобы «дать однозначный ответ» на вопрос: был или не был Сталин агентом Охранки. 2 июля газета, не дожидаясь каких-либо комиссий, публикует подборку откликов под недвусмысленной рубрикой «Версия не подтвердилась». Там оказалось письмо О. Шатуновской, члена партии с 1916 года, и С. Шеболдаева, ныне народного депутата РСФСР и Моссовета. К нему я и обратилась с вопросами, и вот что он мне сказал. Из гранок письма, подписанного авторами к печати, без их согласия была изъята ссылка на утверждения видных кавказских большевиков о провокаторстве Сталина. Об этом говорил в присутствии Шатуновской Степан Шаумян летом 1918 года, когда он узнал об указаниях Ленина послать в Баку вооруженные силы и продовольствие из Царицына, где в то время находился Сталин. Уверенность Шаумяна в том, что Сталин не поможет Бакинской коммуне, полностью подтвердилось.

На подлинности сведений о сотрудничестве Сталина с царской Охранкой настаивала и участница Бакинской коммуны Варя Каспарова. В 1936 г. она в числе других политзаключенных находилась в одиночной камере Новочеркасской тюрьмы. Сталин поручил переговоры с ней члену партии с 1914 г. Борису Шеболдаеву, в прошлом замнаркома военмора Бакинской коммуны, а в 1936 г. секретарю Азово-Черноморского крайкома. Ему не удалось убедить Каспарову в необходимости отказаться от обвинений в адрес Сталина. Оба они погибли в 1937 году.

Очевидно, следует согласиться с А. М. Самсоновым, что «понятными становятся организованные Сталиным репрессии, уничтожение старых большевиков-ленинцев как свидетелей его позорного прошлого».

ОФИЦИАЛЬНАЯ СПРАВКА¹

Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР об информации в статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории», опубликованной в газете «Московская правда».

В органе МГК КПСС и Моссовета газете «Московская правда» за 30 марта 1989 г. (№ 76) опубликована статья «Перед судом истории», в которой утверждается, что Джугашвили-Сталин был агентом царской Охранки.

Авторы статьи — доктор исторических наук Г. А. Арутюнов и Ф. Д. Волков.

В статье указывается: «В 1961 году один из авторов этой статьи — профессор Г. Арутюнов, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, нашел документ, подтверждающий, что Иосиф Джугашвили (Сталин) был агентом царской Охранки. Подлинник этого документа хранится в ЦГАОР (Москва, Большая Пироговская, 17) в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления».

И далее воспроизводится якобы найденный Г. А. Арутюновым в ЦГАОР СССР текст письма заведующего Особым отделом Департамента полиции полковника Еремина с информацией о том, что Джугашвили-Сталин являлся агентом царской Охранки (см. статью «Перед судом истории»).

В связи с данной публикацией и утверждениями авторов статьи ЦГАОР СССР после тщательной и всесторонней проверки имеющихся архивных документов считает необходимым сообщить следующее:

1. В статье указывается, что письмо полковника Еремина Г. Арутюнов нашел в «фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления». Такого архивного фонда в ЦГАОР СССР никогда не было и нет. Следовательно, найти вышеуказанное письмо полковника Еремина в несуществовавшем и несуществующем архивном фонде невозможно.

2. Просмотр и изучение архивных дел фонда Департамента полиции Министерства внутренних дел и, в частности, Особого отдела Департамента полиции, которое возглавлял полковник

¹ Московская правда. 1989. 2 июля. С. 4; Советские архивы. 1989. № 5. Сокращения отмечены знаком [...]. Очевидно, что справка составлена Б. Каптеловым и З. Перегудовой. Более подробную критику статьи Г. Арутюнова и Ф. Волкова см. в статьях Б. Каптелова и З. Перегудовой, опубликованных в газете «Комсомольская правда» (21 июня 1989 г.) и сборнике «Историки отвечают на вопросы» (М.: Московский рабочий, 1990. С. 171—184). Во избежание неизбежных повторений последние две статьи в настоящем издании не публикуются. — *Примеч. Ю. Ф.*

Еремин, показало, что воспроизведенного в статье его письма не было и нет. Каких-либо изъятий листов в делах не обнаружено.

3. Имеется реестр исходящих бумаг из Особого отдела Департамента полиции, в частности, за 1913 год. В нем за 12 июля 1913 года отсутствует запись об отправлении письма полковника Еремина в «Енисейское Охранное отделение». В этой связи следует сделать существенное уточнение: в июле 1913 года Енисейского Охранного отделения уже не существовало, так как еще в июне была проведена реорганизация в системе политического сыска, в результате которой вместо Охранного отделения функционировал Енисейский розыскной пункт. Заведующим Енисейским розыскным пунктом был Железняков Владимир Федорович, а не Алексей Федорович, как об этом указано в так называемом письме полковника Еремина. Не было и нет данного документа в соответствующих архивных фондах и Красноярского краевого государственного архива.

4. Воспроизведенное в статье письмо полковника Еремина датировано 12 июля 1913 года. При изучении архивных дел Департамента полиции установлено, что полковник Еремин в это время уже не являлся заведующим Особым отделом Департамента полиции, так как 11 июня 1913 года был назначен начальником Финляндсколго жандармского управления.

Последний документ, который подписан полковником Ереминым, имеет дату 19 июня 1913 года. В тот же день был издан циркуляр с предписанием впредь письма адресовать на имя нового заведующего Особым отделом Департамента полиции М. Е. Броецкого.

Следовательно, находясь в июле 1913 г. на другой работе и в другом месте, полковник Еремин не имел ни прав, ни возможностей и даже необходимости подписывать 12 июля 1913 г. служебное письмо со штампом особого отдела Департамента полиции, так как эта работа могла быть выполнена новым должностным лицом, в обязанности которого она входила, если бы была в том потребность.

5. Все документы, находящиеся в департаменте переписки, подписанные полковником Ереминым по 19 июня 1913 года и его преемником Броецким в последней декаде июня 1913 года, имеют в левом верхнем углу типографски выполненный штамп «Заведующий Особым отделом Департамента полиции», а в воспроизведенном в статье письме Еремина этот штамп имеет следующий текст: «М.В.Д. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции», т. е. отличается от хранящихся в деле такого рода документов. В имеющихся на этих документах типографских штампах нет слова «МВД» и везде «Заведующий», а не «Заведывающий».

6. По существовавшим в то время правилам ведения делопроизводства каждому структурному подразделению Департамента полиции устанавливалась строго определенная нумерация исходящих документов. Особый отдел Департамента полиции в соответствии с приказом имел номера, начиная с № 93001. Письмо же полковника Еремина от 12 июля 1913 года имеет № 2898, т. е. совершенно другой, не совпадающий с нумерацией, установленной для этого структурного подразделения.

7. Авторы утверждают, что «в ЦГАОР СССР — в фондах Бакинского Охранного отделения — имеется любопытный документ: донесение агента Охранки Фикуса». И далее в статье приводится текст донесения этого агента. [...]

Во-первых, в ЦГАОР СССР не было и нет фондов Бакинского Охранного отделения. Следовательно, не было и нет воспроизведенного в статье документа, т. е. донесения агента Фикуса.

Во-вторых, в делах переписки Особого отдела Департамента полиции МВД с Бакинским Охранным отделением имеются Сводки об агентурных сведениях по партии «социалистов-демократов», которые составлены официальными лицами Кавказского районного Охранного отделения, и в них указанной выше авторами информации о Джугашвили- Сталине не содержится. В-третьих, донесения агентов Охранки, как известно, представлялись в устной форме, на основе чего составлялись Сводки об агентурных сведениях, которые направлялись в центр. Поэтому авторы статьи никак не могли обнаружить в ЦГАОР СССР, как они пишут, «любопытный документ: донесение агента Охранки Фикуса».

8. Приведя несколько текстов из донесения агента Фикуса о деятельности Бакинского комитета, авторы статьи пишут:

«Каждый шаг работы Бакинского комитета стновился известным Охранке. Ее осведомитель, то есть поставщик информации Фикусу, был весьма компетентным и честно служил тайной полиции. Мы можем предполагать, что им был И. Сталин».

Предположения авторов ни на чем не основаны. Если они дешифровали кличку агента Фикуса, как об этом указывалось в статье (хотя это было сделано задолго до них), то имели возможность получить весьма обстоятельную информацию из имеющейся в архиве справки о том, что был и чем занимался агент под кличкой Фикус. Им являлся Н. С. Ериков, крестьянин Тифлисской губернии, рабочий, проживающий под нелегальным именем Д. В. Бакрадзе. Этот человек состоял в социал-демократической партии с 1897 г., в 1906 г. был членом комитета в одной из городских организаций на Кавказе, в 1908 г. находился в Баку, в 1909 г. был членом Балаханского

комитета, находился в близких сношениях с руководителями социал-демократических организаций.

В то же время с апреля 1909 по 1917 г. он состоял секретным сотрудником Бакинского Охранного отделения по РСДРП. Следовательно, агент Фикус сам имел хорошую возможность получать необходимую информацию о деятельности социал-демократических организаций этого региона и не нуждался в специальных поставщиках ему сведений. К тому же он не имел права входить в сношения с другими лицами без особого на то разрешения.

9. В фондах Департамента полиции имеются документы, содержащие информацию о лицах, являвшихся агентами тайной царской полиции. В этих списках называются фамилии, имена, отчества лиц, поставлявших сведения, их агентурная кличка. В этих списках фамилии Джугашвили-Сталина нет.

10. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Временное правительство создало ряд специальных комиссий по выявлению провокаторов и агентов тайной полиции среди революционной демократии. Работа велась на основе изучения документов Департамента полиции (ЦГАОР СССР, ф. 1467, 503, 504). Такого же характера проводилась работа советскими органами вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Среди выявленных провокаторов и агентов Джугашвили-Сталина не было.

Таким образом, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР архивных документов, в том числе письма полковника Еремина от 12 июля 1913 года, донесения агента Фикуса, подтверждающих, что Джугашвили-Сталин являлся агентом царской Охранки, не имелось и не имеется.

Следовательно ни Г. А. Арутюнов, ни Ф. Д. Волков не могли ни в 1961 г., ни раньше и ни позже найти в архивных фондах ЦГАОР СССР так называемого письма полковника Еремина и донесения агента Фикуса, которых в действительности не было.

Авторы статьи «Перед судом истории» выдали за свою находку фальшивку, подделку так называемого письма полковника Еремина, опубликованную американским советологом Исааком Левиным в американском журнале «Лайф» № 10 за 14 мая 1956 года¹.

Приводим предоставленные ЦГАОР СССР копии двух документов, что имеются в архиве: с подписью А. Еремина и его штампом в левом верхнем углу, а также воспроизведенного

¹ Имеется в виду публикация в «Life» от 23 апреля 1956 г. — *Примеч. Ю. Ф.*

по публикации в журнале «Лайф», который архивисты считают подделкой.

Эта фальшивка распространялась и раньше, распространяется и в настоящее время в Советском Союзе.

Даже И. Левин в своей статье в журнале «Лайф» вынужден был признать, что наиболее критически настроенные биографы Сталина, имея в виду провокаторство, «в том числе его злейший враг Лев Троцкий, отвергали это обвинение, как чудовищное и абсолютно недоказуемое».

Приходится сожалеть, что редакционная коллегия газеты «Московская правда» и ее ответственные сотрудники при подготовке к печати статьи Г. А. Арутюнова и Ф. Д. Волкова «Перед судом истории» отступили от общепринятого в таких случаях требования и не сочли возможным обратиться в ЦГАОР СССР для подтверждения наличия в архивных фондах публикуемого этими авторами так называемого письма полковника Еремина и донесения агента Фикуса.

Дирекция ЦГАОР СССР

СТАЛИН И ЦАРСКАЯ ОХРАНКА¹

[...] На Шестой Пражской конференции РСДРП(б) Джугашвили не присутствовал, в ее работе не участвовал, в ЦК не баллотировался. И все же он становится членом ЦК. По данным Александра Орлова, генерала НКВД, который в 1938 году остался на Западе, добился кооптации Кобы в ЦК не кто иной, как провокатор Малиновский. [...]

В неопубликованных дневниковых записях Галина Серебрякова писала в январе 1967 года: «Для меня внутренне нет сомнения, что, подобно Гитлеру, Сталин был связан с Охранным отделением. Отсюда необъяснимо легкие побеги... преследование людей, знавших его смолоду, и слова Мамия Орахелашвили и других о его нечистом прошлом и темных связях».

В последнее время в печати стало появляться все больше свидетельств, воспоминаний, прямо говорящих о том, что Сталин сотрудничал с царской Охранкой.

Особенно подробно рассказывает об этом А. Орлов. Среди его разоблачений злодеяний Сталина наиболее интересные страницы посвящены документам, раскрывающим зловещую роль Сталина как агента царской тайной полиции. Знаменательно высказывание Орлова о том, что Сталин действовал в Охранке через Малиновского, совместно с ним, а затем и против него, чтобы самому подняться по полицейской иерархической лестнице.

Однако вплоть до последнего времени не был опубликован ни один документ, который не вызывал бы сомнений в своей подлинности и подтверждал бы те или иные факты о связи Сталина с царской Охранкой.

И вот теперь такой документ найден и частично стал достоянием гласности. Оригинал его находится в Центральном госу-

¹ Оpubл. в газ. «Совершенно секретно», декабрь 1989, № 7. Сокращения обозначены знаком [...]. — *Примеч. Ю. Ф.*

дарственном архиве Октябрьской революции, а копия хранится в фонде Серго Орджоникидзе в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. (МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве. Ноябрь 1912 года, № 306442, г. Москва, Особый отдел, 13 ноября 1912 года, вход. № 33766.)

В документе говорится: «Коба оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни...» В оригинале документа кличка агента «Портной» вписана в машинописный текст чернилами от руки. Возникают вопросы: кем? когда? Если агентом был действительно Портной, т. е. Малиновский, то это удивительным образом подтверждает версию Орлова, впервые высказанную им еще в начале 50-х годов.

После того как мне удалось обнаружить в Центральном партийном архиве копию этого документа Охранки, необходимо было перепроверить его по подлиннику в ЦГАОР. Но получить доступ к оригиналу оказалось крайне сложно. Руководители архива упорно утверждали, что подобных материалов у них нет. Одновременно, как вскоре выяснилось, они начали готовить публикацию в журнале «Родина» (1989, № 5). Однако часть документа, о котором идет речь, они использовали, чтобы сделать парадоксальный вывод: передача Сталиным сведений, «скорее всего, определялась интересами партии» [...].

Если все же предположить, что Джугашвили излагал все столь подробно в своем донесении, не зная, что секретные сведения о людях и делах партии предназначались для Охранного отделения, то вот косвенное подтверждение того, как бы сам Сталин оценил свои действия. В «Известиях ЦК КПСС» (1989, № 9) в материалах «О так называемом «параллельном антисоветском центре» приводятся записи Сталина на полях протоколов допроса Григория Яковлевича Сокольников. Там, где Сокольников, бывший посол СССР в Англии, говорит, что беседовал с английским журналистом Тальботом, не зная, что тот является разведчиком, Сталин написал: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о ПБ, о ГПУ, обо всем. Сокольников, следовательно, был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки».

В деле нет никаких данных, подтверждающих подобные фантастические обвинения. Сокольников был тонким, умным и опытным дипломатом и, несомненно, никаких государственных секретов не раскрывал. А вот Коба не просто беседовал, а действительно снабжал секретной информацией то ли Малиновского, то ли какого-то другого агента-провока-тора.

Документ, который каким-то чудом сохранился и ныне обнаружен, да еще в двух архивных фондах, и даже частично опубликован, по моему глубокому убеждению, дает основание считать доказанной связь Сталина с царской Охранкой. Какую именно роль он там играл, в каком ранге был — это еще предстоит раскрыть ученым-историкам.

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ?¹

В августе 1898 г., будучи послушником Тифлисской православной семинарии, в которую он поступил осенью 1894 г., И. Джугашвили вступает в тифлисскую организацию РСДРП. Он становится членом группы «Месаме-даси» — первой грузинской социал-демократической организации, сыгравшей «известную положительную роль в распространении идей марксизма в Грузии»¹. «Сталин, Кецохели, Цулукидзе составили руководящее, революционное ядро марксистского меньшинства этой группы, ставшей зародышем революционной социал-демократии в Грузии»². Однако с самого начала политической деятельности И. Джугашвили начал работать на два фронта — в рядах РСДРП и одновременно служить царской Охранке. Об этом свидетельствует ряд документов из советских и зарубежных архивов. [...]

Имеются и другие свидетельства, проливающие свет на невыясненные страницы биографии Сталина. Это, прежде всего, свидетельство проживавшей до 1990 г. в Москве Ольги Григорьевны Шатуновской, члена большевистской партии с 1916 года.

О. Г. Шатуновская была не только старейшим членом партии, но и членом Бакинской коммуны, личным секретарем чрезвычайного комиссара СНК РСФСР по делам Кавказа Степана Шаумяна, председателя Бакинской коммуны. В 30-е годы она была ответственным работником МГК ВКП(б). Незаконно репрессирована. После реабилитации стала членом Комитета партийного контроля и членом комиссии Политбюро ЦК КПСС, созданной в 1960 году под руководством Н. М. Шверника (1886—1970). Эта комиссия проделала огромную работу по расследованию судебных процессов 30-х годов и реабилитации невинно пострадавших в годы культа личности Сталина.

¹ Отрывки из книги Ф. Д. Волкова «Взлет и падение Сталина» (М., 1992, с. 14—37). — *Примеч. Ю. Ф.*

В беседе с нами О. Г. Шатуновская подтвердила, что, по словам Степана Шаумяна, «Сталин с 1906 г. являлся агентом царской Охранки». Он был завербован в «Месаме-даси» вместе с лидером меньшевиков Ноем Жордания».

В Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР в фонде Тифлисского губернского жандармского управления и Тифлисского Охранного отделения имеются документы, подтверждающие, что Сталин еще в 1898 году был завербован в агенты царской Охранки полковником Евгением Павловичем Дебелем. С 1897 года полковник Е. П. Дебель занимал пост начальника Тифлисского губернского жандармского управления. Об агенте Сталине позднее знал только начальник Тифлисского жандармского управления полковник Пастрюлин и полковник Засыпкин — начальник Тифлисского Охранного отделения³. Напомним, что Сталин стал членом РСДРП в 1898 году. Своим близким товарищам по партии, в том числе О. Г. Шатуновской, Степан Шаумян рассказывал об обстоятельствах одного ареста, произведенного в 1908 году, на конспиративной квартире в Баку. Местонахождение этой квартиры знал только Сталин, которому Шаумян доверительно сообщил об этом. Явка была провалена. Шаумян был уверен, что выдал его в руки полиции провокатор Сталин⁴. Сталин выдавал Охранке даже своих соратников, таких как Ст. Шаумян. [...]

В сводке агентурных сведений по городу Баку по партии социал-демократов за март 1910 г. в документе за № 5574, составленной Тифлиским Охранным отделением по донесению «Фикуса», приводятся такие данные:

«Пар. 2. В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться. Вышло осложнение с «Кузьмой». Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета и заявил, что оставляет организацию...

Между тем присланные Центральным комитетом 150 руб., на поставку большой техники (печатной. — Ф. В.) все еще бездействующей, находятся у него и он пока отказывается их выдать. «Коба» (Сталин. — Ф. В.) несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая «Кобе» недоверие⁵. Степан Шаумян действительно не доверял «Кобе», выдавшему его явку Охранке, считая его находящимся на тайной службе.

Об этих 150 рублях на установку техники для типографии сообщается и в сводке агентурных сведений по городу Тифлису № 10/170 от 28 июня 1910 г., посланной в департамент полиции по особому отделу. «В Балаханах (район Баку. — Ф. В.) на промыслах Каспийского Товарищества в Забрате у машиниста Хачатурова хранится в разобранном виде в ящиках большая техинка (типографская. — Ф. В.). У Степана Гри-

горьевича Шаумяна, заведующего нефтепроводом Шибяева, хранятся 150 рублей денег, отпущенных Центральным комитетом на поставку этой техники. Шаумян член Бакинского комитета; техника пока не ставится... Маленькая техника в ходу и находится у Балаханского вокзала, но где именно, пока неизвестно»⁶.

Донесение подписано все тем же хорошо осведомленным об организации РСДРП г. Баку «Фикусом». Было несомненно — кто-то из видных деятелей партии точно доносил о ее делах Охранке. Секретной запиской за № 3718 предложено начальнику Бакинского Охранного отделения обыскать Хачатурова и «о последующем уведомить»⁷. В той же сводке агентурных сведений по городу Баку по партии социал-демократов за 23 июня 1910 г. говорится о серьезных разногласиях в Бакинском комитете РСДРП, что работа в нем фактически приостановилась.

«Работа в организации, — говорилось в донесении, — приостановилась. Бакинский комитет не может собраться в полном составе. В воскресенье собрались лишь «Слава» (Владислав Минасович Каспаров. — Ф. В.), Шаумян и Канделаки — рабочий, новый секретарь союза нефтепромышленных рабочих. Обсуждался вопрос о предстоящей конференции и о необходимости выписать из Центральной России профессиональных работников, за отсутствием таковых в Баку; однако оказалось, что на это не найдется средств, и вопрос остался открытым»⁸.

Каждый шаг работы Бакинского комитета становился известным Охранке. Ее осведомитель был весьма компетентным и честно служил тайной полиции. В немалой степени эта работа тормозилась «Кобой». Мы можем предполагать, на основе данных Бакинского комитета РСДРП, что этим агентом был И. Сталин. О расколе Батумской организации РСДРП, «деспотизме Джугашвили-Сталина» сообщалось в документе царской Охранки за январь 1903 года: «В Батуме во главе организации находится стоящий под надзором полиции Иосиф Джугашвили, деспотизм Джугашвили... многих наконец возмутил и в организации произошел раскол»⁹. [...]

Имеются и другие данные об агентурной работе Сталина. «Слава» — Владислав Минасович Каспаров — и его жена Варя были профессиональными революционерами. Они сотрудничали с В. И. Лениным в Женеве. Вместе с другими большевиками они возвратились в 1917 году из Женевы в Петроград, выполняли партийные и государственные задания.

В 1937 году Варя Каспарова была арестована и посажена в Новочеркасскую тюрьму. Здесь она утверждала перед следователем о том, что Сталин был агентом царской Охранки. Об этом стало известно Сталину, пославшему к В. Каспаровой

тогдашнего первого секретаря Азовско-Черноморского крайкома партии Бориса Петровича Шеболдаева с тем, чтобы он убедил ее отказаться от подобных утверждений, иначе она погибнет.

— Пока жива, буду говорить, что Сталин — провокатор, агент царской Охранки. Я погибну, но от своих показаний не откажусь, — ответила Каспарова. Она погибла как жертва культа личности Сталина. Погиб и Борис Петрович Шеболдаев. Но он успел в тюрьме рассказать об этом одному руководящему работнику крайкома партии, находившемуся под следствием. Последний после XX съезда КПСС сообщил об этом в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС О. Г. Шатуновской. Сведения об этом известны и сыну Б. П. Шеболдаева — Сергею Борисовичу Шеболдаеву, ныне депутату Верховного Совета России, доценту Московского института стали и сплавов¹⁰. [...]

Считалось, что сотрудник НКВД Штейн был расстрелян. По другим данным, он смог скрыться за рубеж и передал материалы о Сталине тогдашнему лидеру социал-демократии Гюисманусу. Эти материалы были переданы им Н. С. Хрущеву.

Г. И. Петровский был смещен Сталиным со всех постов. До 1958 года он работал заместителем директора Музея Революции Ф. Н. Самойлова, а затем А. И. Ловкова — члена КПСС с 1916 года, бывшего путиловского рабочего. Г. И. Петровский говорил А. Ловкову и дал письменные показания заместителю директора музея по науке М. С. Рутесу о том, что Сталин был агентом царской Охранки¹¹. Петровский просил обнародовать эти данные о Сталине после своей кончины. Мы выполняем его волю.

Все сотрудники НКВД, что-либо знавшие о документах о Сталине — агенте царской Охранки, были уничтожены. В живых остался только А. Орлов, опубликовавший в США документы о сталинских преступлениях и «Кобе» как агенте царской Охранки только в 1956 году, боясь мести Сталина его матери, жившей в СССР. Эти документы А. Орлова о Сталине были представлены Конгрессу США и обнародованы¹².

В 1989 году видным советским ученым, доктором исторических наук З. Л. Серебряковой — дочерью известного революционера Леонида Петровича Серебрякова в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в фонде Серго Орджоникидзе была найдена копия документа о Сталине — агенте царской Охранки. Подлинник этого документа З. Л. Серебрякова обнаружила в Центральном государственном архиве Октябрьской революции¹³. В документе говорится, что «бежавший» из ссылки «Коба» приехал в Москву и оставался здесь сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями¹⁴.

Обмен информацией происходил между «Кобой» и «Портным» (это кличка Романа Малиновского. — Ф. В.). И не о делах партии большевиков говорили два агента-провокатора, а «Коба» сообщал секретные сведения о деятельности функционеров большевистской партии, в частности о Михаиле Ивановиче Калининe. [...]

Несомненно, подобные данные агента «Кобы» — Сталина являлись не чем иным, как агентурными сведениями, необходимыми царской Охранке. Они неопровержимо свидетельствуют, что он продолжал сотрудничать с царской Охранкой и после 1912 года — вплоть до Февральской революции, даже находясь в Туруханской ссылке.

В своих мемуарах Н. С. Хрущев описывает одну из встреч с И. В. Сталиным, происходившую в 1937 г. Сталин сказал Хрущеву об аресте его помощников Рабиновича и Финкеля. Хрущев дал им положительную характеристику. Сталин возразил, заявив ему, что они сознались, что являются врагами народа. «Это все чекисты, — говорил Сталин, — стали делать и подбрасывать нам материал, вроде бы кто-то дал им показания. И на меня есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии»¹⁵.

«Поясню, — писал Хрущев, — о чем шла речь. Тогда хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской Охранкой и что его побеги из тюрем (из ссылки. — Ф. В.), (а он предпринимал несколько побегов) были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов. Сталин не уточнял, на что намекали, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал и просто заявил, что чекисты сами подбрасывают материалы»¹⁶. Сталин, по-видимому, обеспечивал себе алиби, если кто-нибудь встретит подобные утверждения, или будут обнаружены документы.

В одной из многочисленных бесед, происходивших между В. М. Молотовым, уже находившимся на пенсии, и писателем И. Ф. Стаднюком, он прямо спросил Молотова:

— Верны ли слухи, что Сталин был агентом царской Охранки?

— Да, — ответил Молотов, — он был внедрен в царскую Охранку по заданию большевистской партии¹⁷.

Вряд ли можно принять версию о том, что Сталин не добровольно сотрудничал с царской Охранкой, а был заслан туда по заданию партии. Если бы это было так, то работа Сталина в царской Охранке по заданию партии не скрывалась бы так тщательно и о ней бы писали его биографы — академики Г. Александров, П. Пospelов, М. Митин и другие авторы.

[...] Профессорами Г. Арутюновым и Ф. Волковым в ЦГАОР и других архивах, на основе свидетельств члена Коммунистиче-

ской партии с 1897 г., соратника В. И. Ленина Григория Ивановича Петровского; члена партии с 1916 г. путиловского рабочего Андрея Ивановича Ловкова, бывшего на посту директора Музея Революции в 1943—1947 гг.; Ольги Григорьевны Шатуновской — члена Бакинской коммуны, секретаря Степана Шаумяна, члена Комитета народного контроля и члена Комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию сталинских репрессий; члена партии с 1932 года, бывшего ответственного работника МК ВКП(б) — помощника Н. С. Хрущева и члена Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по реабилитации жертв сталинизма Ивана Павловича Алексахина; публикации доктора исторических наук З. Л. Серебряковой в журнале «Родина» № 9 (с. 91) за 1989 г., в которой приведен документ, находящийся в ЦГАОР (от 13 ноября 1912 г. № 3377) особого отдела МВД царской России¹⁸ и других документов, свидетельств и данных сделан вывод о том, что Сталин, не позднее 1906 г. был осведомителем, агентом царской Охранки. [...]

Некоторые «опровергатели», «историки» заявляют, что профессор Г. А. Арутюнов вообще не работал в ЦГАОР и не мог видеть этого документа. Это бесчестная дезинформация в отношении видного ученого. Я сам видел подпись Г. А. Арутюнова в ЦГАОР, подтверждающую, что он изучал дела Бакинского, Тифлисского губернских жандармских управлений, касающихся Сталина. Эти дела о Сталине давал мне лично в своем кабинете, вынув их из сейфа, директор ЦГАОР Б. И. Каптелов в 1988 году. В этих делах Охранки содержится 88 страниц, где имеются доказательства, свидетельствующие о работе Сталина в качестве осведомителя Охранки. Эти документы частично опубликованы нами в «Московской правде» за 30 марта 1989 года.

Поэтому утверждения тех «историков», кто пытается уличить профессора Г. Арутюнова в недобросовестности, диффамации, не имеют ничего общего с истиной.

Б. И. Каптелов и З. И. Перегудова утверждают, пытаясь опровергнуть документ, что, «во-первых, в 1913 году Енисейского Охранного отделения как такового не существовало»¹⁹. Столь компетентным товарищам следовало бы знать, что Енисейское Охранное отделение, по имеющимся документам, существовало.

Так, в справке царской Охранки за № 2840 от 19 декабря 1911 г., выданной ссыльно-поселенцу Елизавете Румба (по поводу отлучки в с. Богучаны на один год. — Ф. В.), говорится: «Дано знать приставу 3-го Енисейского уезда и сообщено тюремному отделению Енисейского (22) губернского управления, начальнику Енисейского губернского управления (курсив мой. — Ф. В.) и отделения корпуса жандармов ротмистру Железнякову»²⁰.

По документам Охранки нам известно, что Румба-Перенсон Елизавета Христиановна была женой революционера, осужденного царским судом на каторгу, Перенсона Адольфа Густавовича. После Февральской революции Перенсон стал первым председателем Енисейского губисполкома и помогал ссыльным вернуться в Петербург и Москву. Таким образом этот тезис Б. Каптелова и З. Перегудовой опровергается документами и свидетельствует о недостаточности знаний ими документов своего архива. О наличии Енисейского Охранного отделения имеются также документы, помещенные в книгах о Г. К. Орджоникидзе.

Во-вторых, в 1913 году начальником Енисейского Охранного отделения был М. А. Байков, а А. Ф. Железняков был его заместителем. Но это противоречие кажущееся: может быть, это ошибка Еремина, повысившего А. Ф. Железнякова и перепутавшего его имя, — не Алексей, а Владимир Федорович. Описка могла произойти.

В-третьих, подпись Еремина на документе немного отличается от его факсимиле. Но нами проверены 6—7 подлинных подписей Еремина на документах, хранящихся в ЦГАОР, и они совпадают с подписью на этом документе.

В-четвертых, по данным Б. Каптелова и З. Перегудовой, номер документа не совпадает. Действительно, по одним данным он значится под № 2838 и входящий № Енисейского Охранного отделения значится под цифрами 152 и 65.

В-пятых, мог ли Департамент полиции назвать в документе полностью имя и фамилию Иосифа Джугашвили-Сталина и не привести дешифрованную кличку «Коба», «Сосо», «Кавказец», «Молочный» и т. д.? Это могло произойти по двум причинам: во-первых, документ был сугубо секретным и личным. Во-вторых, с 1912 г. Сталин, если не прекратил, то ослабил связь с Охранкой. Полковник Еремин поэтому требует от Железнякова, чтобы он активнее использовал Сталина для «розыскной работы».

В-шестых, полковник Еремин мог задержаться с отбытием после 19 июня 1913 г. на новый пост начальника Финляндского жандармского управления и чиновник особых поручений при департаменте полиции статский советник М. А. Броецкий мог реально занять этот пост Еремина после 12 июля 1913 года — дата отправления документа о Сталине⁵⁵.

В-седьмых, можно утверждать определенно, что Сталин содействовал провалу Авлабарской типографии в Тифлисе 15 апреля 1906 года.

В-восьмых, Б. Каптелов и З. Перегудова опровергают сами себя, приведя препроводительные документы полиции к письмам Сталина, в которых упоминается, что поднадзорный Ту-

руханского края Иосиф Виссарионович Джугашвили является «автором агентурных сведений» (выделено мною. — Ф. В.)²¹. Речь идет именно о Сталине — агенте, а не просто о получении сведений агентурным путем. Иная интерпретация этих данных, по нашему мнению, вряд ли правильна. [...]

Б. Каптелов и З. Перегудова, как и другие исследователи, не оспаривают подлинность документа, но заявляют, что его не имеется в ЦГАОР; речь идет о документе, свидетельствующем о заседании Бакинского комитета РСДРП. Присутствовавшему на нем Джугашвили-Сталину Иосифу Виссарионовичу членом Комитета Степаном Шаумяном было предъявлено обвинение, что Сталин является провокатором, агентом Охранки.

Не опровергают Б. Каптелов и З. Перегудова документ Степана Шаумяна, рассказывавшего своим близким товарищам по партии об обстоятельствах одного ареста на конспиративной квартире в Баку в 1908 году. Шаумян был уверен, что выдал его в руки полиции «Коба». Имеются данные, что Сталин ненавидел Шаумяна за то, что он знал уголовное прошлое «Кобы» и что «Коба» был агентом царской Охранки. Имеются данные, что Сталин содействовал гибели Бакинской коммуны, не оказав ей должной помощи войсками и продовольствием, о чем просил С. Шаумян. [...]

Не так давно, находясь в Тбилиси, мне с моим другом довелось посетить интереснейший музей, бывшую тайную Авлабарскую подпольную типографию, созданную в глубокой конспирации Кавказским комитетом РСДРП к ноябрю 1903 года. Она была построена глубоко под домом, принадлежавшим Д. Ростомашвили. Входа-двери в типографию не было. Ее помещение сообщалось туннелем с глубоким забетонированным колодецем. В бетонной стенке колодца был небольшой лаз в помещение типографии.

В типографии печатались работы В. И. Ленина «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», «К деревенской бедноте», программа и устав партии, выпускались листовки, некоторые из них были написаны Сталиным. В ней также печатались газеты «Пролетариатис Брдзола» («Борьба пролетариата») и «Пролетариатис Брдзолис Пурцели» («Листок борьбы пролетариата»).

Книги, брошюры, газеты, листовки печатались на русском, грузинском и армянском языках тысячными тиражами.

Казалось, полиции обнаружить эту типографию было невозможно.

Но вот 15 апреля 1906 года к тесовому сарайчику, где находился колодец, уверенно подошла группа жандармов. Один из них открыл крышку колодца, зажег кусок бумаги и бросил его в глубину колодца. Горящий лист бумаги был втя-

нут в лаз туннеля. Полицейские спустились по веревке в колодец, обнаружили туннель, который привел их в помещение типографии под домом. По делу Авлабарской типографии было арестовано 27 человек, из них 24 человека было арестовано в редакции газеты «Елва», а трое в самой типографии.

Арестованных направили в Метехский замок — тюрьму. По пути они пели революционный гимн «Марсельезу».

Среди задержанных был и Сталин. Но в жандармском управлении его продержали всего несколько часов, и он был выпущен на свободу.

Вряд ли Сталин, находившийся на нелегальном положении, был бы отпущен без каких-либо обязательств после задержания на свободу. Но точно известно — в апреле 1906 года, когда была разгромлена Авлабарская типография, Иосиф Сталин аресту не подвергся. В Метехский замок, куда были посажены другие революционеры, связанные с типографией, он не был доставлен из жандармского управления. По-видимому, он подтвердил свои обязательства и далее сотрудничать с царской Охранкой и сообщил ценные данные об Авлабарской типографии. Вероятно, Сталин и выдал жандармским ищейкам тайну Авлабарской типографии. Несомненно одно — среди членов Кавказского комитета РСДРП был предатель — агент царской Охранки, точнее Тифлисского губернского жандармского управления. По-видимому, эти «ценные агентурные сведения» об Авлабарской типографии и дал начальнику губернского жандармского управления этого города (тогда им был полковник Засыпкин) Иосиф Джугашвили, о чем и упоминается в письме заведующего Особым отделом министерства внутренних дел Российской империи в отношении от 12 июля 1913 года начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову²². О. Г. Шатуновская считает И. Сталина виновником провала Авлабарской типографии²³. В имеющемся в Центральном историческом архиве Грузии документе от 28 марта 1906 года значится: об Авлабарской типографии сообщил Охранке и лично ее руководителю полковнику Золотареву «Коба» Сталин²⁴. [...]

Другим, весьма красноречивым фактом, наводящим на размышления, является история того, как И. Сталину удалось бежать буквально через 38 дней из суровой сибирской ссылки села Новая Уда, Иркутской губернии. Бежать из сибирской ссылки, да еще зимой, было почти невозможно — ссыльный или замерзал в сибирской тайге, или его сдавали деревенскому старосте, а тот — жандармам. Этот и последующие аресты и побег И. Сталина из ссылки были удивительно удачны и сравнительно легки. [...]

Второй арест И. В. Сталина — он скрывался под именем Гайоза Нижарадзе — был произведен 25 марта 1908 года в

Баку и он был заключен в Баиловскую тюрьму. 9 ноября Сталина высылают в Вологодскую губернию в небольшой городок Сольвычегодск, куда он и прибывает 27 января 1909 г.²⁵

Затем он направляется в Вятскую тюрьму, но на этапе заболевает возвратным тифом и переводится в губернскую земскую больницу. После лечения 27 февраля 1909 г. И. В. Сталин снова в Сольвычегодской ссылке. А менее чем через четыре месяца 24 июня он совершает второй успешный побег из ссылки и нелегально приезжает в Баку²⁶. [...]

Третий арест И. Сталина был произведен 23 марта 1910 года — в это время он скрывался под именем Захара Григоряна Мелкиянца. Сталина снова заключают в Баиловскую тюрьму в Баку. Тогдашний наместник Кавказа постановляет: воспретить И. Сталину проживание на Кавказе в течение 5 лет. И. Сталин снова высылается в Вологодскую губернию и 29 октября прибывает в Сольвычегодск. Здесь он поселяется в доме М. П. Кузаковой. Хозяйка дома была недовольна поведением своего грубого, беспокойного жильца. В конце июня 1911 года срок ссылки был окончен, и Сталин был освобожден от гласного надзора. Он избирает местом жительства Вологду, с тем чтобы перебраться в Петербург. 6 сентября 1911 года И. Сталин нелегально выезжает из Вологды в Петербург. Несомненно, приходится удивляться, как все это удачно проходит у Сталина — арест, побег, исчезновение из-под гласного надзора. Очевидно, все эти «аресты» И. Джугашвили проводились для видимости, чтобы скрыть его роль провокатора, замаскировать последующие удары по революционному подполью. В Петербурге Сталин устанавливает связь с петербургской партийной организацией²⁷. А через 3 дня после приезда в Петербург 9 сентября 1911 года И. Сталина арестовывают в четвертый раз и он посажен в Петербургский дом предварительного заключения; 14 сентября он высылается под гласный надзор полиции снова в Вологду сроком на три года²⁸, 25 декабря И. Сталин прибывает в Вологду. А через 2 месяца И. Сталин в третий раз совершает побег из Вологодской ссылки²⁹ и в марте 1912 года приезжает в Баку и Тифлис, где занимается работой по осуществлению решений шестой Пражской конференции РСДРП 1912 года, на которой он был заочно избран по предложению провокатора Малиновского членом Центрального комитета партии большевиков и руководителем Русского бюро ЦК партии³⁰. А параллельно он работает на Охранку.

«Пражская конференция РСДРП, изгнав из партии меньшевиков, положила начало партии нового типа, партии ленинизма, большевистской партии»³¹. Правда, Сталин характеризовал борьбу Ленина за возрождение партии «бурей в стакане воды»³².

Пражская конференция приняла решение об издании газеты «Правда». Первый ее номер вышел 22 апреля (5 мая по новому стилю) 1912 года. В подготовке выхода «Правды» в свет активную роль играли не только И. В. Сталин, но и члены социал-демократической фракции III Государственной думы Н. Г. Полетаев и И. П. Покровский, большевики-литераторы М. С. Ольминский, И. Н. Батулин³³.

В день выхода «Правды» 22 апреля 1912 года И. Сталин был арестован в пятый раз на улице Петербурга и заключен в Петербургский дом предварительного заключения. 2 июня он был направлен по этапу в далекий Нарымский край под гласный надзор полиции на три года. 18 июня он выезжает из Томска по Оби в сопровождении надзирателя на пароходе «Колпашевец» на место ссылки. Но прошло около двух месяцев, и вновь Сталин совершает, кажется, невозможное. 1 сентября 1912 года он бежит из нарымской ссылки и уже 12 сентября приезжает в Петербург³⁴.

Здесь, в Питере, вместе с Я. М. Свердловым и В. М. Молотовым И. В. Сталин осуществляет руководство «Правдой», направляет деятельность большевиков в избирательной кампании в IV Государственную думу, а затем и думской фракции. Из 9 депутатов от рабочей курии 6 были членами большевистской партии: А. И. Бадаев, Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, Н. П. Шагов и Р. В. Малиновский³⁵. В Москве произошла встреча двух агентов Охранки — И. Сталина и Р. Малиновского. [...]

23 февраля 1913 года И. Сталин был арестован в шестой раз в зале Калашниковской биржи во время концерта, устроенного Петербургской организацией большевиков. На этот раз царское правительство высылает 2 июля 1913 г. Сталина по этапу в Туруханский край под гласный надзор полиции. 11 июля он прибыл в Красноярск, а 15 июля был отправлен из Красноярска в Туруханск, куда прибывает 10 августа³⁶. Но его не оставляют и в приполярном Туруханске, а высылают в небольшой поселок (станок) Костино, насчитывавший 4—5 убогих домиков.

От Туруханска, расположенного на реке Енисей, до ближайшей железной дороги 800—900 километров. Бежать из этих краев, особенно в зимнее время, было практически невозможно. Очевидно, министерство внутренних дел царской России и лично заместитель министра Золотарев были недовольны услугами И. Сталина, сотрудничавшего с ними, и решили жестоко наказать «за оппозицию правительству» и «прекращение связи с Охранкой». Об этом и писал 12 июля 1913 г. начальник Особого отдела МВД начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову. В марте 1914 года И. Сталин переводится в станок Курейка — в 80 километрах севернее Полярного круга³⁷.

В 1913 году в Туруханский край был выслан и Я. М. Свердлов. По прибытии в ссылку он сразу начал готовиться к побегу. Об этом стало известно полиции. Начальник Енисейского жандармского Охранного управления доносил местному губернатору:

«Департамент полиции уведомил меня, что по полученным в департаменте полиции сведениям видные члены ленинского Центрального комитета Российской социал-демократической партии намереваются устроить побег административно-ссылному Якову Михайловичу Свердлову, находящемуся в ссылке в Туруханском крае. ...Департамент полиции просит принять меры к воспрепятствованию побега»³⁸. Меры были приняты. Яков Михайлович Свердлов был переведен в станок Курейка.

Здесь же находился в ссылке И. Сталин и Сурен Спандарян. Я. М. Свердлов и И. В. Сталин поселились в одном доме.

Курейка была одним из суровых мест политической ссылки. Страшные холода зимой, длинная полярная ночь без солнца, оторванность от мира, фактическая невозможность вырваться — бежать из ссылки — все это выпало на долю политических ссыльных. Почта приходила не чаще одного раза в месяц. В домах, где жили политические ссыльные Я. Свердлов и И. Сталин, жили и хозяева — тесные избы были полны детей.

Я. Свердлов характеризовал И. Сталина как «большого индивидуалиста в личной жизни». Он писал своей жене Клавдии Тимофеевне Новгородцевой, «что мы не разговаривали и не виделись с ним»³⁹ (со Сталиным. — Ф. В.). Если каждая минута ссыльного Я. М. Свердлова была посвящена работе — он писал статьи, давал уроки, даже помогал на местной метеорологической станции, то Сталин занимался охотой на лис, рыбной ловлей. Угол комнаты, где ютились Сталин и Свердлов, был забит капканами для ловли зверей, рыболовными сетями, другими рыболовными принадлежностями. Чтобы не дежурить по очереди на кухне, Сталин специально делал обед несъедобным. Иногда он отбирал тарелку с супом у Свердлова⁴⁰. Естественно, это вызывало протесты Я. М. Свердлова. К этому присоединялась тяжесть, грубость характера И. Сталина, его нетерпимость к другим. Видимо, они были накалены до такой степени, что Сталин подговорил уголовников-ссыльных организовать покушение на Я. М. Свердлова, и те бросились на него с ножом. Спас ссыльный Борис Иванов. Он, будучи человеком большой силы, во время нападения уголовников на Я. М. Свердлова схватил тяжелую скамью и обрушил ее на головы нападающих. Те в панике бежали. Я. М. Свердлов был спасен⁴¹.

Совместная жизнь Свердлова со Сталиным стала невозможной. Благодаря многочисленным протестам политических ссыль-

ных местные жандармские власти разрешили в конце 1914 г. Я. М. Свердлову поселиться в центре края — селе Монастырском, где была немногочисленная колония большевиков-революционеров — членов Русского бюро ЦК РСДРП⁴². [...]

По свидетельству Г. И. Петровского, Сталин обязался и далее активно сотрудничать с царской Охранкой⁴³. По-видимому, царская Охранка берегла своего агента Иосифа Джугашвили от суда ссыльных большевиков, — после чего могло последовать справедливое возмездие. Об этом имеются и другие доказательства. В свое время в Туруханском музее И. В. Сталина хранились два документа — заявление Сталина в Енисейское жандармское управление о выдаче ему шубы и валенок. Ни Я. Свердлов, ни С. Спандарян, находившиеся вместе со Сталиным в ссылке, не рисковали обращаться за помощью в полицию. И. Сталин мог рассчитывать на благосклонность полицейских властей⁴⁴. [...]

Фактически за период с февраля 1913 года по 14 марта 1917 года И. Сталиным не написано ни одной статьи по животрепещущим вопросам войны и мира, отношении большевиков к войне. Правда, в 1916 г. он приветствует вместе с группой ссыльных большевиков выход легального журнала большевиков «Вопросы страхования»⁴⁵.

В декабре 1916 года И. Сталин был направлен в связи с призывом административно-ссыльных в царскую армию по этапу в город Красноярск. Вместе с ним был послан по этапу и ссыльный Б. Иванов. В пути И. Сталин довольно бесцеремонно, по свидетельству Иванова, командовал жандармами — как ехать, где заночевать, что вряд ли мог себе позволить простой политический ссыльный.

[...] 8 марта 1917 года И. В. Сталин выезжает вместе с группой ссыльных Л. Б. Каменевым, М. К. Мурановым и др. в Петроград. По показаниям видного революционера Адольфа Густавовича Перенсона, бывшего ссыльным-каторжником и ставшего после Февральской революции Председателем Енисейского губисполкома, И. Сталин не остановился по пути в Петроград в «Енисейской коммуне», помогавшей возвращению политических ссыльных. Это не было случайностью — он понимал, что его соратники по партии не доверяют ему⁴⁶.

12 марта 1917 года И. Сталин прибывает из туруханской ссылки в революционную столицу России — Питер. Бюро ЦК РСДРП(б) заслушало вопрос о возвращении И. Сталина в Петроград и постановило: ввиду известных личных черт не привлекать его к работе в ЦК и ЦО («Правда»). Известно, что Сталин после Февральской революции писал: «Временное правительство закрепляет шаги революции»⁴⁷. Сталин выступал на мартовском партийном совещании за поддержку Временного правительства. Он также писал: «Прежде всего

несомненно, что голый лозунг «Долой войну» совершенно непригоден»⁴⁸.

Однако Л. Б. Каменев привлек его к работе в «Правде». Они заняли руководящее положение в газете. Сталин так «редактировал» статьи В. И. Ленина, что последний вынужден был заявить «о выходе из ЦК»⁴⁹. После возвращения В. И. Ленина из-за границы в «Правде» были опубликованы его знаменитые «Апрельские тезисы». На следующий день Каменев, при поддержке Сталина, выступил с резкой критикой этих тезисов⁵⁰. Позднее Сталин признавал «глубокую ошибочность своей позиции»⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, М., 1951, с. 8.

² Там же, с. 27.

³ Документы о вербовке Сталина агентом царской Охранки полковником Е. П. Дебелем имеются в распоряжении Шумского Николая Степановича — кандидата философских наук, доцента кафедры философии Таганрогского пединститута.

⁴ Померанц В. Век двадцатый и мир. 1989, № 3, с. 23.

⁵ ЦГАОР, ф. ДПОО, о. II, с-д хранения, д. 5, ч. 6, л. Б за март 1910, с. 26.

⁶ Там же, с. 38.

⁷ ЦГАОР, ф. ДПОО, о. II, с-д хранения, д. 5, ч. 6, л. Б за март 1910, с. 38.

⁸ Там же, с. 40.

⁹ ЦГАОР, ф. ДПОО, о. II, с-д хранения, д. 5, ч. 6, л. Б за март 1910, ф. 102, 00, д. 46, с. 297.

¹⁰ Из беседы с М. Б. Шеболдаевым 20 мая 1988 г.

¹¹ Письменные показания Г. И. Петровского, данные М. С. Рутесу в 1958 г.; сведения, данные автору А. И. Ловковым и М. С. Рутесом.

¹² U. S. Congress. First Session. U. S. Government Printing Office. Wash., 1973, p. 142—143.

¹³ ЦГАОР, МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве. Ноябрь 1912 г. № 306442, г. Москва. Особый отдел. 13 ноября 1912 г. Вход. № 33766, л. 43—44.

¹⁴ Родина, 1989, № 9, с. 91.

¹⁵ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Из беседы с И. Ф. Стаднюком 15 апреля 1989 года.

¹⁸ См.: МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве. Ноябрь 1912 г. № 306442, г. Москва, Особый отдел. 13 ноября 1912 г. Вход. № 33766, л. 43—44.

¹ Примечания составлены Ф. Волковым. — *Примеч. Ю. Ф.*

- 19 Вопросы истории КПСС, 1989, № 4, с. 93.
- 20 Фотокопия этого документа представлена 19 апреля 1989 г. в редакцию «Московской правды» дочерью Перенсона Изольдой Адольфовной Перенсон зав. отделом редакции Шабанову Юрию Николаевичу и авторам статьи.
- 21 См.: Вопросы истории КПСС, 1989, № 4, с. 92—93.
- 22 Вопросы истории КПСС, 1989, № 4, с. 98.
- 23 См. документ № 2898 от 12 июля 1913 г.
- 24 Беседа с О. Г. Шатуновской 4 января 1984 г.
- 25 ЦГА Грузии.
- 26 Сталин И. В. Сочинения, т. 1, с. 411.
- 27 Там же, с. 412.
- 28 Там же, с. 416.
- 29 Там же.
- 30 Там же, с. 417.
- 31 Там же, с. 416.
- 32 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, с. 49.
- 33 Знамя, 1984, № 1, с. 162.
- 34 Сталин. Сочинения, т. 1, с. 418.
- 35 Там же.
- 36 См.: История КПСС. Краткий курс. М., 1938, с. 149.
- 37 Сталин. Сочинения, т. 2, с. 422.
- 38 Там же.
- 39 Яков Михайлович Свердлов. Жизнь и деятельность. М., 1984, с. 39.
- 40 Яков Михайлович Свердлов. М., 1957, с. 227.
- 41 Из свидетельств О. Г. Шатуновской и И. П. Алексахина 8 августа 1985 г. Б. Иванов был в 30-е годы зам. редактора газеты «Правда» и освобожден с этого поста в 1939 г. В 1962 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.
- 42 Яков Михайлович Свердлов. М., 1984, с. 39.
- 43 Из показаний Г. И. Петровского 12 января 1942 г.
- 44 Из показаний Эммануила Иосифовича Котляра 30 октября 1988 г., видевшего эти документы в музее г. Туруханска.
- 45 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, с. 56.
- 46 Показания Изольды Адольфовны Перенсон, дочери А. Г. Перенсона, 19 апреля 1989 г.
- 47 Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1963, с. 166.
- 48 Там же // Коммунист, 1989, № 10, с. 103.
- 49 Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 282.
- 50 См.: Медведев Рой. Сталин и сталинщина. М., 1990, с. 30.
- 51 Сталин. Сочинения, т. 6, с. 33.

СТАЛИН И ОХРАНКА

Мой собеседник — Зоря Леонидовна Серебрякова, историк. Дочь известного большевика Серебрякова. Начиная с 1937 года прошла через детприемник, тюрьму, ссылку. Только после 1985 года смогла защитить докторскую диссертацию. Недавно в архиве она нашла документ, подтверждающий давнюю версию о связи Сталина с тайной полицией.

— Зоря Леонидовна, что это за документ, как вы его обнаружили?

— Прежде всего должна отметить, что я специально никогда не занималась этой темой — «Сталин и Охранка». Но всегда чувствовала, что Сталин по характеру своему был способен на любое преступление. Еще Троцкий писал, что за этим человеком тянулся целый шлейф дурных рассказов о нем, изобличающих самые темные стороны его натуры. Общеизвестным фактом были доносы Сталина в полицию на своих соперников. Уже это казалось мне не просто компроматом, но тем, что ведет дальше: тот, кто способен написать донос, может находиться в более тесной связи с полицией. К тому же не подлежит сомнению непосредственное отношение Сталина к экспроприациям...

— Знаменитые «экссы»?

— Да, и Сталин не отрицал это. А ведь это уже уголовное преступление, причем тяжкое. И Камо был за это приговорен к смертной казни. Сталин же каждый раз «уходил» или отделывался ссылкой. Ну, и наконец, надо сказать, что отношение к нему моего отца — Леонида Петровича Серебрякова, которому приходилось сталкиваться со Сталиным очень часто, было не просто недоброжелательным, но таким, словно за этим человеком скрывалось преступление. Вот с этим я росла, была в тюрьме... но никаких доказательств не имела.

— А документ из журнала «Life»?

¹ Московские ведомости. 1991. № 8(20). С. 12. — *Примеч. Ю. Ф.*

— Да, это известный документ. Но целый ряд пунктов в нем вызывает сомнение, и большинство историков склоняется к тому, что это фальшивка. Соответственно теряется доверие к косвенным доказательствам. И я всегда чувствовала, что к этой проблеме еще нужно будет когда-то вернуться. Но даже после апреля 1985-го, когда отец был реабилитирован и когда я смогла начать работать в архивах с очень важными документами, я все-таки занималась другими проблемами. И вот однажды, в Центральном партийном архиве, в фонде Орджоникидзе, совершенно случайно я открыла документ, который меня поразило с самого начала. Он был перепечатан с бланка Охранного отделения и начинался примерно так: «Коба проезжал через Москву и вошел в связь с секретным сотрудником вверенного мне отделения...» Я стала читать внимательнее, понимая, что здесь скрыты ответы на те самые старые вопросы: был ли связан с Охранкой Джугашвили? На одной из страниц, после описания секретнейших деталей деятельности партии, которые Сталин изложил секретному сотруднику, подробно перечисляются внешние приметы большевиков. Такое перечисление является требованием инструкции, составленной в Московском Охранном отделении. Это можно увидеть в книге «Документы по истории большевизма бывшего московского Охранного отделения», изданной эсерами в 1918 году. И Сталин полностью следует этой инструкции: описывает по порядку рост, телосложение, цвет волос, усы и так далее. Кроме того, найденный документ удивительно состыкуется со свидетельствами одного из руководителей НКВД Александра Орлова.

— Того, который остался за рубежом?

— Да. Так вот, Орлов писал еще в 50-е годы, что в НКВД был обнаружен документ, говоривший о связи Сталина с Охранкой. При этом подчеркивалось, что действовал Сталин через Малиновского, вместе с Малиновским и, потом, даже против Малиновского. И именно потому, что Сталин пытался плести интриги против Малиновского, его в конце концов решили сослать. Утверждение Орлова не подкреплялось никакими документальными данными, поскольку те люди, которые нашли документ, погибли, а у него самого в руках ничего не было. Роберт Конквест в своей книге «Большой террор» утверждает, что данные Орлова выдерживают проверку. Теперь мы можем с полным основанием сказать о том, что Джугашвили был связан с Охранкой.

— Зоря Леонидовна, но сразу возникает вопрос: как мог сохраниться такой документ? Ведь известно, что Сталин их уничтожал вместе со свидетелями.

— Мне кажется, что уничтожались главным образом те материалы, которые были подписаны какой-то определенной кличкой. Например, «Василий» — это был партийный псевдо-

ним Сталина. Кстати, в этой книге 18-го года, о которой я говорила, сообщается, что из двенадцати крупнейших провокаторов, внедренных в большевистскую социал-демократию, не раскрыт еще один, имевший партийную кличку «Василий». Никто почему-то не обращал на это внимания. Правда, книга находилась в спецхране¹.

Ничего не объясняя, Сталин мог сказать: «Достаньте все документы, подписанные «Рябой». Или еще как-нибудь. Ему их приносят, и он их уничтожает. В новом документе Сталин назван своим партийным именем — Коба. Поэтому мое предположение таково: те, у кого была установка найти и уничтожить документы с кличкой, прошли мимо этих материалов. А если кто-то и заглядывал в них, то понимал, что анализировать документ опасно. Ведь Орлов пишет, что люди, которые нашли свидетельства сотрудничества Сталина с Охранкой в папке Менжинского, погибли.

— Как же обнаруженный документ оказался в фонде Орджоникидзе?

— Во-первых, это был не сам документ, а его копия. Получить сразу оригинал я не могла. Директор ЦГАОР Коптелов говорил, что у них его нет. Нет, и все. Только благодаря тому, что у меня в руках уже была копия с подтверждением того, что оригинал в архиве, я смогла добиться того, чтобы увидеть его. Почему же в фонде Орджоникидзе? Коптелов на мой вопрос ответил, что копия из Архива Октябрьской революции была отправлена в Центральный партийный архив для биографии Сталина. Но в фонде Сталина за 1912 год этой копии нет — я проверила. Можно предположить, что документ попал в 1937 году в дом Орджоникидзе. Очевидно, Орджоникидзе для чего-то хранил его дома. Мы можем только гадать.

¹ В 1918 году в издательстве «Задруга» (Москва) вышел сборник «Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Московского Охранного Отделения», подготовленный М. Я. Цявловским. Два издания этой книги, оба 1918 года, стали библиографической редкостью. Тем не менее за границей книга была доступна (а 1990 году переиздана в Москве Политиздатом). На странице 25-й этого издания в главе «Секретные сотрудники Департамента полиции и Охранных отделений, работавшие в рядах РСДРП» читаем:

«Дать исчерпывающего списка «секретных сотрудников» [...] пока нельзя, так как разработку имеющихся по этому вопросу материалов нельзя считать законченной. Здесь мы даем справки лишь о тех «агентах внутреннего наблюдения», которые упоминаются в этой книге. Таковых 12 человек: М. И. Бряндинский, Я. А. Житомирский, И. Г. Кривов, А. И. Лобов, Р. В. Малиновский, А. К. Маракушев, А. А. Поляков, А. С. Романов, И. П. Сесицкий, М. Е. Черномазов, В. Е. Шурканов и не раскрытый пока, носивший партийную кличку Василий».

Ряд биографических подробностей о «Василии», данный в той же книге (с. 47—49, 128), не дает оснований уверенно утверждать, что «Василий» и Сталин — одно и то же лицо. — *Примеч. Ю. Ф.*

— Напрашивается такой вопрос: если большевики знали о доносах Сталина в полицию — вы приводили слова Троцкого, если видели его характер, то почему же мирились с присутствием такого человека в своих рядах? Да еще в правящей верхушке.

— Троцкий спрашивал моего отца: зачем нужен был Сталин на Южном фронте? Ведь сначала там был Серебряков, а потом Сталин. И мой отец ответил: «Сталин был способен и на жесткие меры, на которые был неспособен я». И страшно то, что большевики шли на то, чтобы оставлять его в руководстве».

— Будучи дочерью крупного партийного деятеля, вам, вероятно, приходилось сталкиваться со Сталиным?

— Вы знаете, дети очень боялись Сталина — это общее мнение. Как-то я играла в Кремле с другими детьми, и кто-то крикнул, что он идет. Мы все разбежались, нас будто ветром сдуло. От ужаса.

— А с его детьми вы не были знакомы?

— Ну, была... Но, вы знаете, как-то в университете увидела Светлану Аллилуеву под портретом ее папаши, и вдруг она мне показалась такой похожей... Хотя, может, она и не так похожа... Но я с тех пор ее тоже избегала всячески, а потом уже меня забрали...

(Здесь Зоря Леонидовна отвернулась в сторону и замолчала на некоторое время.)

— А что касается этого документа, то для меня есть нечто мистическое в том, что именно я его нашла.

Беседовал Алексей Беляков

ПАНТЕОН ГЕНЕРАЛИССИМУСА¹

На недавней демонстрации в Москве, организованной коммунистами, несли портреты Сталина. Политисполком союза сталинистов, как сообщает РИА, распространил в столице листовки, в которых призывал москвичей принять участие в митинге на Красной площади, «посвященном 39-летию со дня смерти товарища Сталина». Тем, кто соберется на митинг, предлагается «беспощадно заклеить банду врагов народа и социализма, окопавшихся в Белом доме».

Ничему на научились за 70 лет

Вспомнилась прошлогодняя поездка на туристском теплоходе по Енисею, стоянка в селе Курейка у Полярного круга, где Сталин отбывал в 1913—1916 годах царскую ссылку, заметно обветшавшее, но не потерявшее некоторой помпезности просторное здание бывшего музея вождя, слепо зияющее пустыми проемами больших окон. По уверениям «Краткого курса истории ВКП(б)», товарищ Сталин отсюда, из глухой туруханской ссылки, руководил борьбой партии и рабочего класса против самодержавия.

С большим размахом

В декабре 1949 года вся страна с большим размахом отмечала 70-летие своего Генералиссимуса. Тогда и решено было на средства и силами Норильского горно-металлургического комбината, входившего в систему ГУЛАГа МВД СССР, выстроить в Курейке музей И. В. Сталина. Туда, на обрывистый берег Енисея, отправили из Норильска бригаду опытных стро-

¹ Российская газета. 1992. 21 марта. С. 5. — Примеч. Ю. Ф.

ителей-заключенных с небольшими сроками, около 200 человек.

В Курейке тогда были колхоз имени Сталина и созданный в войну подсобный совхоз Норильского комбината, работали в котором заключенные и ссыльные.

Павел Владимирович Чебуркин, расконвоированный заключенный врач, был направлен тогда в Курейку санотделом Норильлага. Свои десять лет он получил в 1943 году, будучи ведущим хирургом медсанбата 86-й гвардейской стрелковой дивизии, — «за оскорбление вождя». Освободился в 1952 году (срок скостили на год за хорошую работу), в 1956 году реабилитирован, сейчас живет в Москве, на пенсии. Строительство музея проходило на его глазах.

Мне Павел Владимирович рассказывал, что решено было также Курейку с прилегающей территорией благоустроить, дабы создать соответствующий фон величественному пантеону вождя. Срочно построить новые общественные здания. А старые избы жителей перенести в специально создаваемый «заповедник» — уголок дореволюционной Курейки. Вместо них выстроить новые.

Стены пантеона из толстых листовенных пластин воздвигались со сказочной быстротой. Снаружи их покрыли специальной штукатуркой — под красный гранит. Выстроена была и специальная электростанция для круглосуточного освещения и отопления павильона. Высокие — от пола до потолка — оконные проемы делались так, чтобы никогда не могли замерзнуть, даже в самую лютую северную стужу. Проектом предусматривалось устройство больших окон из зеркальных стекол в три слоя, между которыми непрерывно циркулировал теплый воздух. Сначала Иосиф Джугашвили жил в Курейке с товарищем по ссылке Яковом Свердловым в избе Тарасевых.

Эта хорошая рубленая изба сохранилась. Ее раскатали, втащили под своды пантеона, собрали по бревнышку. А Анфисе Степановне Тарасевой, словоохотливой старухе, которую Чебуркин расспрашивал о подробностях ссыльной жизни Сталина, построили новую, со всеми удобствами.

К лету 1952 года строительство закончили. Под высокими сводами павильона яркое освещение имитировало северное сияние, озаряя художественно расписанный купол, обитые красным бархатом стены и стенды с картинами героической биографии великого вождя. По периметру внутреннего помещения сделана была паркетная дорожка. Перед зданием разбили сквер, цветники и клумбы.

Рядом высилась десятиметровая железобетонная, покрытая белым гипсом статуя Генералиссимуса с газетой в руке, «в распахнутой шинели и простых сапогах», как писали тогда газеты. Миф из «Краткого курса...».

Широко распространенный со времен «Краткого курса истории ВКП(б)» миф: вернейший друг и соратник Ленина товарищ Сталин из далекой Курейки неустанно руководил борьбой партии и рабочего класса против самодержавия. Красноярский поэт Казимир Лисовский, написавший к окончанию строительства музея поэму о Сталине «Солнце над Курейкой», воспел семилинейную керосиновую лампу, стоявшую на столе в музейной комнате: «Свет этой лампы был виден далеко-далеко. Его видели все, кто поднялся на борьбу за свободу и счастье трудового народа». В общем, как поется в известной песне, «вы здесь из искры раздували пламя, спасибо вам — я греюсь у костра».

Как «раздувал» в Курейке революционное пламя член Русского бюро ЦК РСДРП(б) И. В. Сталин — известно. Не вел в отличие от других ссыльных большевиков никакой возможной в тех условиях партийной работы. Не пополнял своих знаний — до конца жизни так и не овладел ни одним иностранным языком. Не написал в туруханской ссылке ни единой статьи. Второй том собрания его сочинений завершается листовкой, написанной им в феврале 1913 года. Третий том открывается статьей «О Советах рабочих и солдатских депутатов», напечатанной в «Правде» 14 марта 1917 года.

Может, Сталин в общем-то не теоретик, а революционный практик занимался какой-то организационной работой? Да, был такой факт. Летом 1915 года он участвовал в собрании политических ссыльных — членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) в селе Монастырском (нынешний Туруханск). Обсуждался судебный процесс над большевистской фракцией Государственной думы. В официальной биографии вождя говорится, что он выступал на этом собрании и заклеил двурушническое поведение Л. Б. Каменева на этом процессе. Но участие Сталина в этом собрании — один-единственный факт. Да и не выступал он там. Жена Свердлова, К. Т. Новгородцева, приехавшая с ребенком к мужу в ссылку, пишет в своих воспоминаниях: «Вовсе не выступал на собрании Сталин. Резолюцию по поручению собрания должны были составить Свердлов и Сталин, однако Сталин сразу после собрания, не задерживаясь, уехал в Курейку и в работе над резолюцией участия не принял. Писали ее, как хорошо помню, Свердлов и Спандарян».

Вообще он неохотно и очень редко выбирался из Курейки. Чем же там занимался?

Во время ссылки Сталина все население станка Курейки состояло из 38 мужчин и 29 женщин. Жители занимались охотой и рыбной ловлей. Административно-ссыльный Иосиф Джугашвили (партийная кличка Коба) тоже пристрастился к богатой рыбалке и охоте. Да и чем еще заниматься в северной глухомани?

Было, однако, и еще занятие, которому он предавался с удовольствием, — вечеринки да выпивки. Но тут Свердлов, с которым он жил в избе Тарасеевых, был ему не товарищ. Уже через некоторое время Яков Михайлович сбежал от него на другую квартиру, а через год добился перевода в село Монастырское, откуда и писал жене, что Джугашвили невыносим, жить с ним невозможно. Анфиса Степановна Тарасеева рассказывала Чебуркину:

— Жили они у нас с Яковом Михайловичем недружно. Иногда сильно ругались. Есиф даже в суп Якову плевал, и тот есть отказывался.

Сын А. И. Микояна доктор исторических наук Серго Микоян в статье «Аскетизм» вождя», опубликованной в 15-м номере «Огонька» за 1989 год, пишет: «Сам Сталин спустя три десятка лет, посмеиваясь, рассказывал членам Политбюро, как они одно время вели общее хозяйство со Свердловым. Чтобы не дежурить по очереди на кухне, он специально делал обед несъедобным».

Но и Коба недолго квартировал у Тарасеевых, вскоре переехал на жительство в пристройку к избе Перепрыгиных. В этой избе, сообщается в книге «И. В. Сталин в сибирской ссылке», часто молодежь собиралась на вечеринки. Устами А. С. Тарасеевой в книге семейству Перепрыгиных дается нелестная для сибирского крестьянина характеристика: «Голодные, а все поют и пляшут».

Анфиса Степановна была разговорчива, вспоминает П. В. Чебуркин, особенно когда он приходил с четвертинкой водки. Выпить она любила. Как и все жители этих мест, как и поднадзорно-ссылный Иосиф Джугашвили.

— Есиф веселый парень был, — рассказывала Тарасеева, — плясал хорошо, песни пел, со стражником дружбу водил, и тот ему письма куда-то отправлял. До баб охоч был, сынок тут у него родился, от родственницы моей...

Примечательна завершающая страница его туруханской ссылки. В октябре 1916 года ратник ополчения I разряда Иосиф Джугашвили был вызван с некоторыми другими ссылными, большевиками и эсерами, в Красноярск на медицинское освидетельствование для призыва в армию. Один из ехавших на лошадях со Сталиным ссылных, Борис Иванов, вспоминал: «В Верхне-Имбатске стояли около недели, хотелось отдохнуть. С нами ехали музыканты, устраивались вечеринки. На этих вечеринках И. В. Сталин был самым веселым».

— Да чего им тут не жить-то было, — рассказывала Тарасеева.

— Им ведь какие деньги на прокорм от казны давали. По пятнадцать рублей в месяц каждому! А ведь когда пароход осенью приходил, то на два рубля на всю зиму муки-то я припасала...

Казенного пособия, однако, хватало только на жизнь. А водка в далекой Курейке стоила дорого. Бутылка спирта, например, 4—5 рублей. Откуда они у ссыльного? И Сталин рассылал жалостливые письма своим знакомым с просьбой прислать денег (потом он всех этих своих благодетелей загонит в лагерь). Слали ему немалые деньги и из партийной кассы. А чтобы жандармов не насторожили эти переводы, их получал полицейский стражник Мерзляков, с которым Коба подружился и вместе с ним пьянствовал. После революции Иосиф Виссарионович не забыл своего курейского стражника и специальным письмом защитил его от советских енисейских властей, которые вознамерились было привлечь бывшего прислужника царизма к строгой революционной ответственности.

Только за три первых месяца туруханской ссылки бедный Сосо получил 60 рублей. Дальше пошли переводы в 100 да 50 рублей...

Вспоминать не любил

Эта книга — «И. В. Сталин в сибирской ссылке» — вышла осенью 1942 года в Красноярском краевом издательстве, формальным поводом к ее выходу послужило 25-летие Октября. Ответственным редактором книги был секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Константин Устинович Черненко. Сигнальный экземпляр, посланный в Москву на «высочайшее» утверждение, вызвал резкое недовольство и раздражение Сталина. Тираж пошел под нож, из 15 тысяч экземпляров случайно уцелело около ста. К. У. Черненко, как утверждает историк Рой Медведев, вынужден был из-за этого покинуть Красноярск, сумев, однако, удачно поступить на учебу в Высшую школу парторганизаторов в Москве. А составителя книги — бывшего в Красноярске в эвакуации московского профессора М. А. Москалева, известного тогда историка партии, позднее, в 1949 году, отправили, как свидетельствует тогдашний директор и главный редактор издательства Зоя Ильинична Семигук, в ссылку.

Судя по всему, вождь очень не любил вспоминать курейскую ссылку. А казалось бы, как профессиональный революционер-большевик он должен ею гордиться...

О причинах можно только догадываться. Приведенные же факты говорят о том, что гордиться было нечем. Делом не занимался, развлекался на вечеринках, оставил кое-какие грешки... Ссорился с товарищами по ссылке, большинство которых позднее сгинули в застенках или лагерях НКВД. Сталин не терпел свидетелей своей далеко не безупречной молодости.

Ирония судьбы, запечатленная в строках известной песни, написанной Юзом Алешковским: «И вот сижу я в Туруханском крае, где при царе сидели в ссылке вы...» Царским сатрапам и в дурном сне не могла присниться глобальная система массового уничтожения людей, созданная сталинской империей ГУЛАГа. Ее безраздельной вотчиной стал и енисейский Север, сплошь оплетенный колючей проволокой.

В печати дискутируется вопрос о том, был ли революционер Иосиф Джугашвили тайным агентом царской Охранки. Хотя доказательства приводятся косвенные, ясно, что трусливость, завистливость, злопамятность, изощренное коварство и невероятный эгоизм могли стать хорошей почвой для предательства всех и вся. Почему, например, ему так легко удавались побег из прежних пяти ссылок? Почему он даже не пытался бежать из Туруханской ссылки?

Да, Туруханский край тогда называли тюрьмой без решеток, бежать оттуда было почти невозможно. Но побег все же случался. И у Сталина такая возможность была. Летом 1914 г. на пароходе «Рагна» норвежской Сибирской торговой компании бежал в Западную Европу Северным морским путем при содействии директора-распорядителя этой компании Йонаса Лида один из товарищей Сталина по курейской ссылке.

Тень пантеона

Помпезный пантеон в Курейке эски строили на века. Особой конструкции вентиляционные шахты и сейчас надежно оберегают здание от каверз вечной мерзлоты. Тогда всем капитанам енисейских судов велено было в каждом рейсе причаливать здесь на два часа. Всей команде и всем пассажирам — идти к Нему... Лет семь еще после его смерти всей деревней ходили к пантеону, по праздникам возлагали цветы к памятнику.

А в 1961 году одной глухой ночью вокруг идола обвязали трос, дернули трактором. Говорят, долго не поддавался... Утопили в Енисее, на самом глубоком месте. Поверье гласит, что лег он на дно лицом вверх.

Капитаны быстро прознали о тайной ночной операции. Привыкшие почтительно выстаивать у «священного места», долго еще они суеверно избегали проплывать над «ним», стараясь провести суда другим фарватером. Даже из глубины наводил он трепет.

А пантеон? Огромное здание заброшено, пришло в запустение. Некоторые вещи и экспонаты из курейского музея в начале 60-х годов были переданы в Ачинский краеведческий музей. (В этом городе И. В. Сталин, получивший у красноярского губернатора разрешение отбыть там конец ссылки,

жил на квартире вместе с Л. Б. Каменевым меньше месяца до отъезда в Петроград 8 марта 1917 года.) Часть этих вещей и теперь находится в запасниках Ачинского музея, вызывая настойчивые просьбы передать или продать их Государственному музею И. В. Сталина в грузинском городе Гори, на родине «кремлевского горца».

В Курейке сейчас — отделение игарского совхоза и опорный пункт расположенного в Норильске НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера. Жители села, давно привыкшие к своей «достопримечательности», равнодушно взирают на пустые глазницы пантеона. Впрочем, некоторые предприимчивые курейчане уже года четыре как наладили производство самодельных открыток с видами пантеона.

Ученые Института сельского хозяйства Крайнего Севера предлагали приспособить здание пантеона под теплицу — все польза будет. Общественность еще в брежневские времена высказывалась за музей ссыльных революционеров енисейского Севера. Невольников тут, начиная с крестьянских бунтарей и непокорных сектантов-раскольников, перебивало видимо-невидимо.

Но больше всего — несть им числа! — перебивало в этих стылых краях «врагов народа», а значит, и «врагов» самого товарища Сталина. Вот их музей тут и надо создать — музей жертв сталинских репрессий. В посетителях недостатка не будет: по Енисею — от Красноярска до Диксона — проходит «всеэнгэшный» туристический маршрут.

Стены пантеона испещрены множеством «автографов» типа «Здесь был Вася». Но были среди них, говорят, и такие: «Чтим и помним», «С его именем мы умирали», «Россия без хозяина». Прошлым летом я этих надписей уже не застал — стерли. Думаю, напрасно — пусть бы предостерегали, что курейский огонек еще тлеет. Как писал Виктор Петрович Астафьев, «приугас пламень тех лет, да живы те, кто готов встать на карачки и дуть в тлеющие угли, пока не загорится снова, пока не осветит яркий пламень охваченные энтузиазмом лица...».

Пантеон с нелепо торчащим перед ним постаментом от памятника сейчас обнесен крепкой жердевой оградой, оплетенной поверх колючей проволокой. Это чтобы скотина не забредала. Когда мы подходили к нему, откуда-то выскочил черный пес, не лая, проскочил внутрь здания и лег посередине. И пока мы тихонько ходили по разоренному музею с остатками ободранного паркета, молча лежал. Как верный Руслан из одноименной повести. На секунду даже стало не по себе — уж больно символичной показалась картинка.

У теплохода нас поджидали местные коммерсанты с открытками. Я купил комплект — историю забывать нельзя.

3. Серебрякова

ИОСИФ И РОМАН¹

Соратники по Охранке

С середины пятидесятых годов на Западе широко дискутировались и были изданы материалы о Сталине и его связях с тайной полицией. «Выходит, что страной более 30 лет руководил агент царской Охранки», — однажды с горечью сказал Н. С. Хрущев. Он не удивлялся, не опровергал, не говорил об этих публикациях как о клевете, но и такая его реакция надолго закрывала изучение данной проблемы в советской историографии.

В дальнейшем даже простое упоминание криминального прошлого Сталина стало уже невозможно. Да и в самые добрые времена гласности, не говоря уже о современности, изучение уголовного прошлого Джугашвили и обнародование разумного научного поиска было крайне затруднено. Однако именно со времен перестройки начали возникать, казалось бы, навечно погруженные в небытие страницы тайного прошлого. Самым тщательным образом скрывалась, например, былая близость Иосифа Сталина и Романа Малиновского.

Особая близость и тесная связь Иосифа Сталина и Романа Малиновского подтверждаются архивными и другими источниками, личными письмами Кобы.

Однако историки и публицисты продолжают либо замалчивать подлинную суть их отношений, либо снова повторяют привычное клише о Сталине-революционере и предателе Малиновском.

Действительно, в следственных материалах и судебном деле Малиновского лишь мельком упоминается Джугашвили. Случайно ли это? Был ли Сталин пострадавшим или соучастником преступлений царской Охранки и ее агентов?

¹ Независимая газета. 1994. 21 декабря. — *Примеч. Ю. Ф.*

Посмотрим на роль Кобы в судьбе одного из тех, кто назван жертвой Малиновского, — в судьбе Сурена Спандаряна, одного из руководителей закавказских большевиков.

В 1912 г. после Пражской конференции он был арестован в Баку, но компромата при обыске не обнаружили, и Спандаряна освободили. И все же вскоре — новый арест. Далее события развивались словно по заранее спланированному сценарию¹.

У М. П. Вохминой находят рукопись написанной Сталиным прокламации «За партию». По ней не столь уж трудно было определить автора — тем более что Джугашвили в то время тоже находился в Закавказье. Вопреки очевидному, в полиции объявили, что автором подпольной прокламации является С. Спандарян. На основе этой «улики» он был вместе с Е. Д. Стасовой и другими обвиняемыми осужден к ссылке в Восточную Сибирь. Больной туберкулезом, южанин, он вскоре там и умер.

Парадоксальна судьба самой статьи. В 1940 г. она была опубликована в Ереване в сборнике трудов С. Спандаряна². Однако на сей раз Сталин не уступил свое детище и без всяких объяснений включил роковую прокламацию в собственное собрание сочинений³.

На Пражской конференции РСДРП в 1912 г. Джугашвили не присутствовал, в Центральный комитет не баллотировался, и все же он становится членом ЦК. По данным А. Орлова, видного чекиста, оставшегося на Западе, добился кооптации Кобы в ЦК Роман Малиновский. В книге А. Орлова, разоблачающей злодеяния Сталина, наиболее интересные страницы посвящены рассказу о зловещей роли Джугашвили — агента царской тайной полиции. Знаменательно высказывание Орлова о том, что Сталин действовал в Охранке через Малиновского, совместно с ним⁴.

До последнего времени не были опубликованы документы, которые не вызывали бы сомнений в своей подлинности и подтверждали бы связи Сталина с царской Охранкой. Только в конце восьмидесятых годов такой документ был мною найден и частично стал достоянием гласности. Оригинал его находится в Центральном архиве Октябрьской революции и может быть перепроверен. Доступна и копия, хранящаяся в архиве Серго Орджоникидзе в РЦХИДНИ⁵.

В документе Охранки говорится: «Коба оставался в Москве лишь одни сутки, обменялся с секретной агентурой сведениями о последних событиях партийной жизни...». Агентом был Портной — кличка Малиновского. Вновь найденные материалы не только поразительно стыкуются с утверждениями Орлова, но

дополняют и конкретизируют их⁶. Самым красноречивым в документе является перечисление внешних примет большевиков, которые старательно запомнил и передал Охранке Иосиф Джугашвили. Тем самым он выполнил требование «Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной при Московском Охранном отделении»⁷. Отвечая на вопросы Охранки, он сообщал явно агентурные данные. О Калинин: «...около 25—27 лет от роду, низкого роста, среднего телосложения, светлый блондин, продолговатое лицо, женатый...» Далее Коба говорил о Правдине: «Его приметы — около 30—32 лет от роду, среднего роста, полный, сутуловатый, блондин, без бороды, большие усы, сильно обвисшие с мешками щеки»⁸.

Кому еще такие сведения, как, например, «большие усы», были нужны, кроме Охранки для целей сыска, для заполнения жандармского досье?

К тому времени стали распространяться слухи о провокаторстве Малиновского. В газете «Луч» появилось письмо, подписанное буквой «Ц». Предполагалось, что автор этого письма была Л. О. Дан (Цедербаум). Вот как описывает Г. Я. Аронсон, со слов Л. О. Дан, то, что последовало: «К ней на квартиру пришел, добиваясь от нее прекращения порочащих Малиновского слухов, большевик Васильев (среди меньшевиков его называли Иоська Корявый). Это был не кто иной, как Сталин-Джугашвили»⁹.

Вскоре Ционглинский опубликовал письмо, подписанное «Гражданин Ц». Там говорилось о необходимости расследования «темных слухов». И вновь в защиту Малиновского выступил Сталин. Вот рассказ об этом Л. О. Дан: «Тов. Василий... предложил встретиться со мной... в разговоре, довольно отрывочном, требовал прекращения «травли» и грозил мне уже не помню чем, если «это» не прекратится»¹⁰.

Невольно задаешь вопрос: кого еще, кроме Малиновского, так яростно защищал Сталин?

Джугашвили участвовал в экспроприациях, был причастен к убийствам. Жандармы, несомненно, знали об этом. Но материалов о прямых или косвенных дознаниях не сохранилось. По мнению Юлиана Семенова, в пользу версии о возможности сотрудничества Сталина с царской Охранкой говорит то, что ни он сам, ни его коллеги-историки ни разу не встречали в архивных фондах протоколов допросов Джугашвили-Сталина. Нет ни одного объявления о нем во «всеимперский розыск»¹¹.

Однако весной 1913 г. Джугашвили все же был арестован. Много позже Т. А. Словатинская со слов Сталина написала: «...Он зашел по делу к Малиновскому домой, тот очень настойчиво звал его с собой на концерт». Сталин якобы не хотел идти, отговаривался тем, что у него «нет настроения и вообще

он совсем неподходяще одет, но Малиновский пристал, даже нацепил какой-то свой галстук»¹². Если все происходило подобным образом и провокация столь очевидна, то почему же об этом не было рассказано во время одного из трех расследований дела Малиновского? Сам Малиновский на суде утверждал, что директор департамента полиции Белецкий просто поставил его в известность о неизбежности ареста Кобы¹³.

По свидетельству А. Орлова, недовольство Сталиным хозяев Охранки было связано с его неудачной интригой — попыткой дискредитировать Малиновского перед высшим начальством царской полиции, чтобы самому подняться по тайной иерархической лестнице¹⁴.

Не в пример 1911 г., когда Джугашвили был «выслан в избранное им местожительство», на этот раз он оказался в действительно суровом Туруханском крае. О приезде туда Сталина вспоминала Р. Г. Захарова: «По неписаному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении дел в России... Сталин пришел в приготовленную для него комнату и... больше из нее не показывался. Доклад о положении в России он так и не сделал»¹⁵. Отношения со ссыльными революционерами, отсутствие в них всякой теплоты еще ярче высвечивают подобострастную дружественность в письме Кобы к Малиновскому. В сопроводительной записке к этому письму от 14 января 1914 г., обнаруженному писателем Юрием Трифоновым в фонде ЦГАОР, говорилось: «Представляем при сем агентурные сведения за № 578, автором которых является гласноподнадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугашвили». Начинается это письмо обращением к Малиновскому: «Здравствуй, друг!» Далее в самой доверительной форме говорится о слабости здоровья, «подозрительном кашле» и прочих невзгодах. Навязчиво повторяется жалоба на дороговизну: стоимость разных продуктов указывается вплоть до копеек.

«Бедный» Коба подчеркивает, что ему «нужно молоко, нужны дрова, но денег нет, друг». Обращение к Малиновскому «друг» повторяется и далее, чередуясь с маловразумительным восклицанием «черт меня дери!». Заканчивается письмо соответствующими словами: «Крепко жму руку, целую», приветствиями жене, детям и краткой подписью «Твой Иосиф»¹⁶.

В этот период жизни Сталина обращает на себя внимание и его приятельские отношения с полицейскими охранниками. [...]

С годами разговоры о поведении Сталина в ссылке не прекращались, и в 1930 г. всевластному генсеку пришлось давать объяснения. Приведем выдержки из документа, обнаруженного членом-корреспондентом РАН В. А. Куманевым в фондах РЦХИДНИ. Сталин писал:

«М. Мерзляков был стражником. По заданию пристава наблюдал за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке).

Понятно поэтому, что в «дружеских» отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее я должен свидетельствовать, что если мои отношения с ним не были «дружескими», то они не были и враждебными... Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые «указания» и «предписания». И. Сталин. Москва, 27 ноября 1930 г.»¹.

Примечательно, что о получении денег, которые когда-то якобы объясняли дружественность в отношениях Сталина с Мерзляковым, вообще не упоминается¹⁷.

В дальнейшей своей жизни, уже во главе государства, Сталин по-прежнему предпочитал приближать тех, у кого в прошлом были тяжелые проступки и даже весомые доказательства связей с различными полицейскими организациями.

Показательно и то удивительное спокойствие, с которым Сталин воспринял сообщение Мануильского о том, что Вышинский был связан с царской Охранкой и выдал полиции нескольких бакинских большевиков. Аркадий Ваксберг рассказал: «Получив это письмо с лаконичной пометкой «Тов. Вышинскому. И. Ст.», ближайший сталинский подручный прервал свой отпуск и лечение за границей и вернулся в Москву. «А вернулся он, — пишет А. Ваксберг, — для того, чтобы работать в архивах. Что он искал там? Не пытался ли уничтожить то, что могло его изобличить?»¹⁸. И только ли его или его и Джугашвили, с которым он сблизился в давние годы в бакинской тюрьме?

В период массового террора в 30-е годы, как-то в разговоре с Хрущевым Сталин заметил, что и на него в НКВД есть показания о темном пятне в биографии. Какое «пятно» — Сталин не уточнял, как бы давая понять Хрущеву, что тот сам знает. Действительно, Никита Сергеевич знал: «Тогда, хоть и глухо, но бродили все же слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской Охранкой и что его побеги из тюрем и ссылок были подстроены сверху»¹⁹.

Хрущев полагал, что до Сталина доходили какие-то слухи, но речь, вероятно, шла не о них, а о том, что чекисты сами подбрасывают «фальшивые» материалы. Подобное не звучит

¹ Документ в настоящем издании публикуется полностью. В статье З. Серебряковой дан в извлечениях. Предоставлен З. Серебряковой, получившей его, в свою очередь, от В. А. Куманева. Выходные данные документа: РЦХИДНИ — бывш. ЦПАИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2909, л. 1. — *Примеч. Ю. Ф.*

абсурдом, если учесть сведения А. Орлова, что именно сотрудник НКВД Штейн нашел папку с документами о службе Кобы в царской Охранке. Об этой страшной находке Штейн сообщил не своему московскому начальству, а доверил как тайну, требующую действий, нескольким видным большевикам. Кто и как предал — Орлов не знал, но вскоре все они погибли²⁰.

Темное прошлое Р. Малиновского и И. Сталина не раз вызывало подозрения. Там, где действовал Малиновский, где появлялся Сталин, происходили необъяснимые аресты, провалы революционеров. Как ни тщательно покрывала их тайная полиция, подозрения неизбежно возникали вновь. Сталин, в отличие от Малиновского, предпочитал до поры до времени находиться в тени. К тому же Кобу всякий раз спасали «своевременные аресты».

Малиновский не был столь блестящим конспиратором²¹. Партийное расследование комиссии РСДРП в 1914 г. он преодолел, но в 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с неопровержимостью раскрыла его платное сотрудничество с царской Охранкой. К тому времени Малиновского не было в России, но осенью 1918 г. он неожиданно вернулся и предстал перед Верховным революционным трибуналом. На какое чудо он рассчитывал? На чью помощь надеялся?

Во всех слушаниях по делу Малиновского подробнее выяснилось, с кем он общался. Вызывались свидетели, собирались письменные показания, порой отрывочные воспоминания о знакомстве, даже случайных встречах с ним. Молчал только Сталин. Якобы никогда не было между ними ни общения, ни деловых контактов, ни встреч. Всячески избегал упоминаний о Сталине и Малиновский. На партийном следствии в 1914 г. и в дальнейшем о Кобе он говорит редко, нарочито мимоходом. Наиболее важное свидетельство таково: в 1912 г. «жил в Ростокино и не показывался в Москве... Только Серго знал, где служу (Коба не знал)». На следующем заседании следственной комиссии Малиновский уточняет: «Где я был тогда, никто не знал. Жена жила в Москве, и такие товарищи, как Серго, Коба и Аля, могли меня найти только через нее. В Москве за семь месяцев был один раз. С Кобой, хотя он был, не видались, перепутали время встречи, а домой я пойти не мог»²². Заведомая ложь — Малиновский отрицает встречу, судя по времени, отраженную в цитированном ранее документе Охранки.

На суде Революционного трибунала в 1918 г. Малиновский еще реже упоминает Сталина: по существу, всего один раз, рассказывая о последнем аресте Кобы, снова убеждая, что он лично ни в чем не повинен²³.

Поверили ли прокурор Крыленко и члены суда или по какой-то другой таинственной причине, но имя Сталина в об-

винительном заключении по делу Малиновского ни в какой связи не упоминается.

В ноябре 1918 г. Роман Малиновский как агент-провокатор царской Охранки был расстрелян, а Иосиф Сталин продолжал свой путь к безграничной тиранической власти.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

- ¹ *Стасова Е. Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1957, с. 71.
- ² *Стандарян С. С.* Статьи, письма и документы. Ереван, 1940.
- ³ *Сталин И. В.* Сочинения, т. 2, с. 213—218.
- ⁴ *Legacy of A. Orlov. 93 Congress, 1-st Session. August 1973. Washington, 1973.*
- ⁵ ЦГАОР. ДП. ОО. Д. 5, Пр. III. 1910. Рос. соц-дем. Раб. партия. Л. 43.
- ⁶ Там же; *Legacy of A. Orlov*, p. 49.
- ⁷ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного отделения, 3-е изд., М., 1990, с. 20.
- ⁸ ЦГАОР. ДП. ОО. Д. 5. Пр. III. 1910. Л. 43.
- ⁹ Из архива Л. О. Дан. Амстердам, 1987, с. 101.
- ¹⁰ Там же, с. 104.
- ¹¹ Совершенно секретно, 1990, № 4, с. 3.
- ¹² *Трифонов Ю. В.* Отблеск костра // В кн.: Смерч. М., 1989, с. 54.
- ¹³ Дело провокатора Малиновского. М., 1993, с. 216.
- ¹⁴ *Legacy of A. Orlov.*
- ¹⁵ *Трифонов Ю. В.* Указ. соч., с. 49.
- ¹⁶ Там же, с. 10—11.
- ¹⁷ РЦХИДНИ, обнаружил и передал мне В. А. Куманев (ф. 558, оп. 1, д. 2909, л. 1).
- ¹⁸ *Ваксберг А.* Июнь. Страницы одной жизни // Знамя. 1990, С. 140—141.
- ¹⁹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 81.
- ²⁰ *Legacy of A. Orlov. Маленков А.* Противоборство // Журналист. 1991. № 2. С. 61.
- ²¹ Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Малиновского (май—ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 109.
- ²² Там же, № 11—12. С. 74.
- ²³ См.: Дело провокатора Малиновского. М., 1993.

¹ Примечания составлены З. Л. Серебряковой для настоящего издания. —
Примеч. Ю. Ф.

Иосиф Сталин — английский шпион

Напечатанный здесь текст представляет собой записки Якова Прокофьевича Иванова, сотрудника одного из строго засекреченных отделов известных спецслужб СССР...

Собственно записки представляют собой две двухкопеечные тетрадки в клеточку, исписанные мелким, но достаточно разборчивым почерком. Они получены автором настоящей публикации от жены Иванова, Меланьи Григорьевны, которой сейчас идет 86-й год.

Для газетной публикации из тетрадок выбраны лишь некоторые фрагменты.

...Англия на протяжении 200 лет, еще со времен Екатерины, опасалась выхода России к югу от Кавказа. Поэтому ее естественным союзником здесь была Турция. После присоединения Грузии к Российской империи (как считают грузины, обманным путем, в нарушение Георгиевского трактата) и последующей ее колонизации сама Грузия стала тайным, потенциальным союзником Англии и Турции против России.

Множество восстаний грузин было подавлено русскими войсками. В начале XIX века в одном из них участвовал прадед Сталина Заза Джугашвили...

В Горийском духовном училище Иосиф был в числе лучших учеников. «На уроках все его внимание было обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия. Он весь обращен в слух — этот в обычное время крайне живой, подвижный и шустрый Сосо» — так вспоминает Сталина его одноклассник. Тогда же, в 13 лет, он перестал верить в Бога, прочтя популярную статью об учении Дарвина. И тогда же в Горийском училище стали усиленно вводить русский язык как основной. За переход на грузинский строго наказывали — били кулаком или линейкой, ставили коленями на мелкие камешки.

¹ Независимая газета. 1996. 21 декабря. — Примеч. Ю. Ф.

В этом же возрасте Сталин прочел книгу Казбеги «Отцеубийца», которая его потрясла. Главный герой романа, Коба, посвятил всю свою жизнь борьбе против русских захватчиков. Коба стал для Сосо Богом, взамен утраченного. Он стал для него смыслом жизни.

Все мальчики проходят через увлечение Майн Ридом и Джеком Лондоном. Но наступает новый возраст, и появляются другие увлечения. У Сталина все было наоборот — с каждым годом он все глубже погружался в простой и придуманный мир картонных героев. А беспорядочная и авантюрная жизнь обучила его осторожности и чисто животному чувству охоты. Именно детские книги с их незатейливой интригой и доступной всем моралью помогли Сталину в дальнейшем владеть умами толпы.

«Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой», — вспоминает его приятель.

Кобой звали Сталина и в Кремле. Это почему-то свойственно русским — приглашать врага к себе, награждать его, возвеличивать и ждать, когда враг станет преданным другом. В случае со Сталиным цена этой жертвы была непомерной...

...Первая встреча Сталина с английским и турецким резидентами произошла зимой 1901 года в Батуме.

Батум был центром Аджарии, мусульманской провинции Грузии. Приезд Сталина из Тифлиса в Батум не был случайным: именно в мусульманском Батуме он видел звено, дернув за которое, можно было вызвать лавину народного восстания против русских.

За полгода пребывания в Батуме молодой Сталин успел многое. Он отыскал английского коммерсанта, имел с ним несколько встреч. Затем он встречался с турецким резидентом в Батуме.

Когда 5 марта 1902 года Сталин был арестован за организацию беспорядков, в тюрьме его навещил английский друг...

...Осенью 1903 года Сталина ссылают в Иркутскую губернию. 27 ноября он прибывает на место, в село Новая Уда Балаганского уезда, а 5 января 1904 года уже бежит в Тифлис. Каким образом грузин, едва говорящий по-русски, впервые попавший в Россию, да еще и в Сибирь, без каких-либо связей, лютой зимой так легко бежит из ссылки? И в дальнейшем все его побеги из ссылок носили такой же опереточный характер.

Кому-то было очень нужно обозначить наказание Сталина, но тут же его от наказания избавить. Кому-то очень нужен был Сталин в местах, где делалась история, — на Кавказе (в Тифлисе и Баку) до 1910 года и в Петербурге вплоть до последней ссылки...

...Но почему именно Сталин был избран англичанами, почему они выбрали его среди более перспективных русских революционеров?

Во-первых, Сталин ненавидел все русское. Он считал русских своими личными врагами. И это было отмечено уже первым английским разведчиком, коммерсантом из Батума. (Кстати, именно здесь причина того, что Булгаков не был допущен туда Сталиным для написания известной пьесы.)

Второе. Сталин по условиям своего несчастного детства и бурной юности уже в молодые годы практически сформировался как безупречный агент: он умел как никто скрывать свои истинные чувства и цели, он пользовался безусловным уважением и доверием в среде революционеров, и, наконец, он был чрезвычайно честолюбив. Поэтому в перспективе его стоимость как агента увеличивалась многократно. Скуповатые англичане сразу поняли это и не жалели средств для прикрытия Сталина на протяжении его «героической» борьбы против общего врага — России...

...То, что Сталин являлся агентом Третьего отделения, — красивая, но абсолютно ложная легенда.

Во-первых, он был завербован значительно раньше, в 1901 году, в Батуме английской разведкой.

Во-вторых, он тайно и неугасимо ненавидел Россию как страну, оккупировавшую его родину.

В-третьих, все его действия были направлены на борьбу с Россией, а в дальнейшем — с ее порождением. Иначе все эти чистки, ликвидации, разрушения не могут быть прочтены, если мы хотим оставаться на позициях здравого смысла.

Наконец, в-четвертых, — для чего русской Охранке надо было высылать Сталина, своего агента, в Туруханский край и держать его там все годы с 1913 по 1917-й? Разве не было логичным послать его в логово врага, в Цюрих?

То, что Сталин являлся агентом именно английской, а не русской разведки, доказывает и тот факт, что если до последней ссылки он легко и непринужденно бежал из всех мест, куда его ссылали, то здесь у него этот номер не прошел. Он застрял в Туруханском крае по одной причине: началась война. и англичане попросту забыли о своем агенте. Не случайно сидевшие со Сталиным в то время революционеры, в частности Яков Свердлов, свидетельствуют прямо-таки о бешенстве Сталина в быту. Оно легко объяснимо — его забыли...

...Первая встреча Сталина и Черчилля произошла в Лондоне в мае 1907 года. Сталин прибыл туда на V съезд РСДРП. Черчилль готовился к своей фантастической карьере — уже в 1910 году он стал министром внутренних дел. А пока он занимался тем, чем занимались все молодые английские политики, — шпионажем, разведкой, интригами. Основной интерес Англии всегда находился где-то на Ближнем Востоке. Тот, кто владел Ближним Востоком, владел миром. Это подтверждается

и сегодня. Англичане никогда не пренебрегали знакомствами с туземными лидерами.

В той встрече, в 1907 году, Черчилль и Сталин произвели друг на друга отличное впечатление. Да это и понятно: их отношение к восточному монстру было однозначным... Сталину было предложено перебраться в Баку — бакинская нефть завораживала Англию...

...История ограбления Тифлисского банка в 1907 году считается прозрачной историей: Сталин организовал экспроприацию денег, столь необходимых для большевиков, деньги были переправлены в Швейцарию, но реализовать их не удалось из-за неожиданного препятствия — номера ассигнаций находились в розыске.

История может быть прочитана иначе — со стороны людей, находящихся по ту сторону зеркала.

Серия экспроприаций, прокатившихся по Грузии в годы первой русской революции, не привела, как ожидалось, к национальному восстанию против России. И тогда, уже на излете революции, в 1907 году была предпринята бесполезная с коммерческой точки зрения акция с бомбометанием на площади. Намечалось раскачать русские власти на террор, который легко мог поджечь все то же народное восстание во главе с Кобой. Увы.

Заведомая неудача с реализацией денег планировалась. Не случайно бандиты так легко отдали их большевикам. Впрочем, тем же бандитам. Вор у вора шапку украл.

Не случайным представляется и «необыкновенное» спасение главаря банды Камо, притворившегося в тюрьме сумасшедшим. Сталин вытащил своего дружка. Слишком много он знал. За что и поплатился в 20-м году...

...Забавны шаги англичан в дальнейшем. Используя своего агента на полную катушку в Баку, они решили перебросить его в столицу: там почти легализованные большевики вошли в Государственную Думу.

Была использована привычная схема: арест—ссылка—побег. Выбран был привычный Сольвычегодск в Вологодской губернии. Сталин бежит оттуда в Петербург уже 6 сентября 1911 года. Через три дня столичные высокопрофессиональные ищейки выловили его и забросили обратно в Сольвычегодск.

29 февраля 1912 года он снова бежит в Петербург. На этот раз Сталин гуляет два месяца. 22 апреля его арестовывают и теперь уже высылают в Нарымский край. Достал он их, наконец! Три раза бегал из одного места! И англичане не помогли — есть же пределы коррупции даже в России.

1 сентября 1912 года, то есть через четыре месяца, Сталин бежит из Нарымского края. Дела: надо внедряться в верхние эшелоны партии. Он едет в Краков, к Ленину...

...Много писалось о финансировании большевиков немецким Генштабом. И ничего не известно о поддержке Советской России со стороны Англии, Франции и США. Это неудивительно: по немецкой земле дважды прокатился военный разгром, бумаги стали достоянием диверсантов пера. Англию же после Вильгельма Нормандского никто не завоевывал. Какие там хранятся бумаги — известно только посвященным.

Но никакие документы на самом деле не доказывают ничего. Доказать что-либо может только сопоставление событий...

...Англии и США была крайне выгодна Октябрьская революция. Рабочее движение в этих странах находилось под полным контролем профсоюзов, и они могли позволить себе такую роскошь — подталкивать другие страны к анархии и хаосу революций.

Когда большевики в России пришли к власти, исход войны с Германией был предрешен. Поэтому Антанта взирала на события в России вполне благосклонно, хотя и произносила громкие слова и постукивала кулаком. На самом деле ослабление России было выгодно всем. А что иное, как не ослабление и распад. могло ждать страну, если образованная верхушка безжалостно уничтожалась, религия отменялась, заводы передавались неспособным к управлению рабочим, а земля — средневековым крестьянам?

Вполне понятны поэтому становятся вялые попытки оккупации Мурманска и Владивостока, опереточный десант зуавов в Одессу и проч. Возмущение белогвардейских генералов предательством Антанты в части снабжения и военной помощи имеет под собой все основания. Западному миру не нужна сильная Россия...

...После гражданской войны контакты Сталина с англичанами временно прервались. Однако агент, достигший определенных успехов и верный не из-за денег, а идеологически, не требует руководства и инструкций. Он может годами не выходить на связь, а его работа видна всему миру.

Сталин делал все, чтобы Россия, брошенная на колени, упала, наконец, бездыханной.

...Уничтожение крестьянства, как вечной основы могущества России. На протяжении веков только крестьянство раз за разом наводняло столицы и армию безупречным человеческим материалом. Сталин убил крестьянство. Даже названия «крестьянин» не осталось в устной речи...

...Уничтожение интеллигенции. В XIX веке Россия вышла на первые роли в мире благодаря своей интеллектуальной элите: Гоголь, Толстой, Менделеев, Чайковский. И он добился своего: русская интеллигенция стала на колени. А это значит — погибла.

...Уничтожение военных...

...Уничтожение громадного эмоционального подъема, рожденного XX веком, затем трансформированного в жестокие цели революции, а затем и — в карающую бессмыслицу ГПУ.

...Когда, наконец, все возможные прелести мести и издевательства над Россией были по-человечески исчерпаны — незачем стало уже ненавидеть чернь, которая все больше любила, благодарила тирана, — наступила война...

...В 30-е годы возобновились контакты Сталина с англичанами. Он никогда не верил в то, что ему долго удастся удержаться у власти.

Контакты шли через связников, которые после выполнения задания безжалостно уничтожались с обеих сторон. Сталин по этой причине регулярно расстреливал всю зарубежную агентуру.

Была разработана совместная операция по уничтожению России как государства.

Задачей Сталина было всемерное ослабление армии. Как известно, он справился с нею с немецкой скрупулезностью: почти весь командный состав от командиров полков был оперативно уничтожен.

Следующим в этой операции был шаг Англии. Чемберлен в Мюнхене своими руками передал Гитлеру ключи от Польши и Чехословакии. Таким образом, Гитлер выходил широким фронтом на границу с обреченной Россией. Когда в дальнейшем говорили о том, что Запад был запуган Гитлером, то это была ложь постфактум, неподготовленная, неуклюжая ложь. Когда Германия ставилась лицом к лицу со средневековым Советским Союзом, никто и не предполагал, что когда-то придется оправдывать свои действия.

Затем Сталин совершил свой самый откровенный предательский шаг: он расположил лучшие кадровые войска и технику в только что оккупированном выступе, в углу Польши, в районе Белостока.

Все было готово к сдаче под барабанную дробь. Затем уже, когда Германия проглотит громадную Россию (и подавится ею), Англии и Франции можно будет сквозь зубы признать новый мировой порядок, умирая от внутреннего смеха. Раздел мира был бы завершен.

Однако Гитлер нарушил все договоренности. То ли ему зябко было наступать на Восток, имея у затылка дуло Франции, то ли версальский позор 1918 года бушевал в нем и в остальной Германии, но он неожиданно развернулся и одним ударом разбил французов.

Молниеносное поражение Франции произвело ошеломляющее впечатление на Англию. Гитлер был объявлен порождением Сатаны. Еще больше, чем Англию, действия Гитлера ошеломили Сталина. Он вдруг понял, что теперь Гитлер впол-

не может проглотить и Англию, и тогда вся стройная картина захватывающего сериала «Отцеубийца» может превратиться для главного героя в земной ад. Он начал лихорадочно готовиться к войне, не веря в ее успех. Последний предвоенный год показал, какова могла бы быть Россия, если бы Сталин руководил ею, а не убивал...

...Высокий класс игры Сталина, его уголовный артистизм иногда проявлялся совершенно неожиданно. В частности, знаменитые репрессии 30-х годов проходили под стандартную музыку обвинений в шпионаже. Причем самым распространенным из мотивов был английский. Это очень напоминает историю о воре, который кричит: «Держи вора!» Поэтому напрасно считают, что Сталин не обладал чувством юмора...

...Возникает вопрос: боялся ли Сталин разоблачения? Да, боялся. Он боялся до самого начала войны. Поэтому его деятельность была целиком ориентирована на интересы заказчика и предельно деструктивна для России и мирового коммунистического движения. Сколько он удавил за свою жизнь коммунистов со всех концов света — об этом не знает никто...

...Вторая встреча Сталина и Черчилля в Тегеране в 1943 году была встречей двух старых друзей. Во время встречи один на один Черчилль упрекнул Сталина в том, что тот вместо развала России возродил ее. На что Сталин ответил кратко: «Если бы я так руководил Англией, ее уже не было бы на карте мира...»

...После Тегерана Сталин вряд ли опасался разоблачений, от кого бы они ни исходили. Во-первых, не нашелся бы ни один человек на свете, который бы в это поверил. Во-вторых, в случае разоблачения непокорного вождя физиономия Англии была бы очень комичной. А англичане не любят, когда над ними смеются. В-третьих, разоблачение Сталина мгновенно меняло бы ситуацию в России. То заблуждение, в котором жила Россия в XX веке, рухнуло бы, и единая страна уже через поколение могла бы стать мировым лидером...

...Победа в войне надломила Сталина. Цель его жизни — наказание России — была выполнена. Но вместо ответной вражды он получил в ответ только безмерную любовь.

Еще в Ялте, а затем в Потсдаме Сталин был достаточно почитаем с союзниками. Однако от приглашения встретиться с Черчиллем один на один категорически отказался. Дальнейшие его шаги привели к полному разрыву с англичанами. Знаменитую речь Черчилля в Фултоне в 1946 году можно, таким образом, расценивать еще и как бессильную угрозу агенту-поребежчику.

ЕЩЕ РАЗ О СТАЛИНЕ, АГЕНТЕ ОХРАНКИ¹

В американском архиве обнаружен неизвестный ранее документ

В заметке «Сталин был агентом царской охранки» (19 сентября 1997 года) профессор Юрий Хечинов сообщает о «найденном» им в Толстовском фонде, в Нью-Йорке, письме заведующего Особым отделом департамента полиции Еремина об агентурной работе Сталина. Но ведь этот документ давно известен и за границей, и в России! Впервые он был опубликован в журнале «Лайф» в апреле 1956 года. В последующие дни и недели — широко представлен в эмигрантской печати и вызвал полемику.

В России письмо приводилось в «Московской правде» еще в марте 1989 года и с этого времени вошло в историографию под названием «Ереминский документ». Оно неоднократно перепечатывалось в российских газетах и журналах.

После публикации в «Лайф» документ был передан на хранение в Толстовский фонд. В сейф одного из нью-йоркских банков не был «заложен», как утверждает Хечинов, а помещен по соображениям безопасности — чтобы не украли агенты советской разведки.

Журналист И. Дон Левин, напечатавший письмо, возил фотокопию в Европу, где предъявил ее бывшему генералу охранного отделения Александру Спиридовичу, и тот удостоверил подпись Еремина. А известный американский эксперт Альберт Д. Осборн со своей стороны установил, что письмо написано на бумаге русской довоенной фабрикации, на пишущей машинке того типа, которым пользовались в охранном отделении.

«Новое русское слово» подробно рассказало об истории документа. Ю. Хечинов, судя по его недавнему телеинтервью, о ней знал. Знал, что письмо было вывезено из Китая, пере-

¹ Известия. 1997. 2 октября. — Примеч. Ю. Ф.

дано профессору М. П. Головачеву, а в 1947 году — Макарову, Бахметьеву и Сергеевскому — политическим деятелям эмиграции. Знал об экспертизе письма во Франции и Америке. О том, что оно всем давно известно. И тем не менее захотел предстать первооткрывателем документа, обнародованного за границей более сорока, а в России более семи лет назад.

Позвольте воспользоваться случаем и представить читателям «Известий» действительно новый документ, касающийся провокаторства Сталина, который нигде ранее не публиковался, — посланное из Франции В. Макарову письмо генерала Спиридовича. Оно датировано 13 января 1950 года. Хранится в архиве Гуверовского института Стенфордского университета.

А. Спиридович

ПИСЬМО В. МАКАРОВУ

А. Spiridovitch 33, rue de la Tourelle, Boulogne
(Seine) Boulogne sur Seine. le 13 Janvier 1950

Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович,

Показанное Вами мне письмо Еремина глубоко взволновало меня. По Вашем уходе я долго не мог прийти в себя. Я перебрал многое из своего прошлого и, согласившись высказать Вам свое мнение по поводу этого письма, должен сказать несколько слов об этом своем далеком служебном прошлом, не зная которого Вы не сможете правильно оценить мое мнение. А ведь это-то в данном случае Вас и интересует.

Будучи переведен в 1899 г. в Корпус Жандармов, я был назначен в Московское Охранное Отделение под начальство знаменитого Зубатова. Благодаря Зубатову и его школе я сделал блестящую служебную карьеру. 42-х лет я был уже генерал с лентой, был осыпан царскими подарками. Русские революционные партии трижды пытались меня уничтожить и в конце концов вывели из строя, тяжело ранив в Киеве. Еврейский Бунд и Самооборона меня не трогали, т. к. там, где я служил, при мне еврейские погромы не происходили, они были немислимы...

Всем моим служебным успехом я был обязан главным образом школе Зубатова. Она научила меня любить людей без различия национальности, веры и профессии, научила бороться честно и упорно со всеми врагами государственного порядка, научила выдвигать против их революционного фанатизма фанатизм государственной политической полиции.

В деле этой борьбы едва ли не самую главную роль играла тогда так называемая «агентура», т. е. привлечение на сторону

политической полиции членов различных революционных партий. Оставаясь в рядах своих партий, эти господа должны были секретно информировать политическую полицию о работе своих партий и тем самым должны были помогать расстраивать эту работу.

Мы их называли «секретными сотрудниками», общество именовало их «провокаторами». Умением привлекать революционеров на служение правительству и его политической полиции отличался сам Зубатов. В этом была его сила. Этому искусству учил он и нас, подчиненных ему офицеров.

«Помните, — говорил он нам, — секретный сотрудник — это Ваша любимая женщина, с которой Вы в нелегальной связи. Берегите ее, ее тайну, как зеницу ока. Провал сотрудника для Вас — служебный неуспех, для него — позор, часто смерть...»

* * *

В начале 1902 г. я был командирован из Москвы Зубатовым, по ордеру Департамента полиции, в Тифлис, для постановки агентуры на Кавказе.

Мой приезд и моя работа явились острым ножом для начальника Тифлисского Жандармского управления, генерала, который по праву считал себя хозяином там в деле полицейского розыска. То было на заре социал-демократического движения в России.

Почтенные жандармские генералы не усваивали еще тогда, что такое появившийся марксизм, что такое наша Российская социал-демократическая партия. Департамент полиции был ими недоволен.

Я прибыл на Кавказ до сентября 1902 г., выполнил хорошо данное мне поручение и был назначен начальником Таврического Охранного отделения, ввиду поездки Государя в Крым, а в декабре был назначен на видный пост начальника Киевского Охранного отделения.

* * *

В 1903 г. ко мне в Киев был прислан из Петербурга от Зубатова, который в это время был уже Заведывающий Особым отделом Департамента полиции, т. е. руководил всем политическим розыском по Империи, поручик Александр Михайлович Еремин.

Его только что перевели в Корпус Жандармов, Зубатов оценил его, нашел пригодным и способным для службы по розыску (собственно Охране) и прислал мне его на «выучку», дабы Еремин под моим руководством воспринял все прин-

ципы политического розыска, так, как его понимал сам Зубатов.

Еремин, уральский казак, окончивший Николаевское Кавалерийское училище, во всех отношениях оказался умным, хорошим офицером, который и воспринял твердо приципы правильной розыскной работы, без «провокаций», без раздуваний, но упорной и систематической, где одним из главных элементов являлась «агентура» с ее «секретными сотрудниками».

Еремин полюбил «агентуру» и, когда понадобился выдающийся офицер для заведывания Охранным отделением в г. Николаеве (на Черном море), Еремин был назначен туда по моей аттестации как вполне готовый для политического розыска жандармский офицер. Когда же летом 1905 г. я был серьезно ранен в Киеве и выведен из строя, по моему представлению Еремин был назначен начальником Киевского Охранного отделения.

Через некоторое время Еремина перевели на службу в Особый отдел Департамента полиции, а в 1908 г. назначили начальником Тифлисского Губернского Жандармского управления, где требовался выдающийся жандармский офицер ввиду хронически запущенного там розыскного дела.

На Кавказе Еремин работал блестяще, завел отличную агентуру среди социал-демократов и разбил действовавшие там революционные партии, особенно партию «Дашнакцютун». Разгром этой последней вооружил против Еремина круги наместника графа Воронцова-Дашкова, и по просьбе наместника Еремин был отозван с Кавказа и взят снова в Особый отдел Департамента полиции.

* * *

Зная отлично, что при первом своем назначении в Особый отдел, из Киева, Еремин привез с собой в Петербург кое-кого из своих киевских «секретных сотрудников», которых по тем или иным причинам он не мог передать своему преемнику, я предполагаю, что и при вторичном переводе своем, в Петербург, Еремин мог взять кого-либо из своих кавказских «сотрудников».

Далеко не все «секретные сотрудники» переходили от одного жандармского офицера к другому «по наследству». Многие отказывались работать при смене начальников. Все зависело главным образом от личных взаимных отношений заведующего розыском с «секретным сотрудником». Отношения Еремина с «секретными сотрудниками» были настолько хороши и человечны, что особенно ценилось при «секретной», с одной стороны, и «подпольной» работе, с другой, что переезд в Петербург кого-либо из кавказских сотрудников вполне вероятен. И

надо думать, что в Петербурге Еремин и передал своего «сотрудника» начальнику Петербургского Охранного отделения, т. к. в то время сам Особый отдел розыска в столице не вел. Это было всецело дело Охранного отделения.

* * *

Прочувствовав и поняв «нутром» все то, что вкратце, со многими умолчаниями, я постарался понятно изложить, — можно понять и правильно оценить письмо Еремина, о котором идет речь.

Оно категорично — Сталин был одно время сотрудником политической полиции и на Кавказе и в Петербурге.

Чьим сотрудником? На Кавказе, безусловно, сотрудником самого Еремина. Только о своем сотруднике мог Еремин написать свое письмо. Только про работу «своего» сотрудника мог Еремин дать такую оценку, которая имеется в письме.

Это оценка человека, который сам принимал от секретного сотрудника «агентурные сведения» и сам оценивал их. Помня работу Сталина по Кавказу, правильно оценивая его значение, особенно после вступления его в Центральный Комитет партии, Еремин, как начальник, понимающий и любящий розыск и агентуру, и указывает на Сталина начальнику Енисейского Охранного отделения, не говоря, конечно, что это его бывший сотрудник. Но не является ли письмо Еремина подложным, поддельным? Нет. И своими недоговорками и всей своей «конспирацией» оно пропитано тем специальным розыскным «агентурным» духом, который чувствуется в нем и заставляет ему верить. Это трудно объяснить. Но я это чувствую, я ему верю.

Думаю, что так чувствует и А. П. Мартынов, если Вы показывали ему это письмо.

Этой внутренней правдой письмо и взволновало меня. Я долго не мог успокоиться, прочитав его, когда Вы ушли. Это удивительный документ. Где-то в рассказах кавказцев о Сталине было указано, что его подозревали там, в молодости, в выдаче сотоварищей... Где-то это было...

Но ведь у этой публики из десяти человек — девять в свое время были предателями... Удивляться нечему.

Подпись на письме — подпись Еремина. Шрифт машинки — надо полагать Ремингтон, номер 7, как говорили мы тогда. Эта система в то время была самая обычная в России. Сравнивая шрифт письма со шрифтом различных циркуляров Департамента полиции, что я вручил Вам, нетрудно найти и там шрифт того же Ремингтона.

Но вообще опираться на шрифт и по нему делать какое-либо заключение дело шаткое. Верить надо содержанию пись-

ма, его внутреннему духу. Они категоричны. Сталин предавал своих.

Вот что могу сказать, дорогой Вадим Степанович, но только для Вашего личного сведения, а не для опубликования, пока я и моя жена находимся здесь, в Европе. Там, где Вы, вне досягаемости кремлевских молодцов и под защитой Ваших властей, можно говорить иначе, чем здесь, где большевики свободно делают с нами — белыми, все, что они хотят в лучшем виде. Здесь нас никто не защищает, а когда мы хотим бежать, нам мешают Ваши же власти. А во имя чего? Во имя тех же самых большевиков, во имя тех сплетен, которые они же подсовывают в разные консульства и им верят.

Хранит один Господь Бог. Пошлет случайно такого человека, как послал нам с женой в Вашем лице, — наше счастье.

Крепко жму Вашу руку, целую ручки Вашей супруге, жена просит передать сердечный привет. Очень жалею, что у Вас не было времени побеседовать спокойно. Есть вопросы даже более интересные, чем письмо Еремина. Но, может быть, еще приедете в Париж и тогда поговорим.

Ваш сердечно преданный

А. Спиридович

Тема об агентурном прошлом Сталина не исчерпывается «Ереминским документом». Здесь есть о чем писать и что исследовать. Но путь, на который встал Ю. Хечинов — погоня за сенсацией, не красит ученого, а постыдные ошибки, к которым этот путь приводит, не остаются незамеченными.

И. Дон Левин

ПИСЬМО Б. И. НИКОЛАЕВСКОМУ¹

Isaac Don Levine Waldorf, Maryland

22 апреля, 1957 г.

Многоуважаемый Борис Иванович!

Прилагаю для Вашего архива письмо Спиридовича к Макарову, которое попало в мои руки недавно. Оно представляет незаурядный исторический интерес.

С приветом, Исаак Дон Левин

Mr. Boris I. Nikolaevsky New York, NY.

Б. И. Николаевский

ПИСЬМО И. ДОН ЛЕВИНУ²

30 апреля 1957 г.

Многоуважаемый Исаак Донович, большое спасибо за письмо Спиридовича. Оно действительно интересно, хотя по-настоящему нового в нем не много. Спиридович все свои жандармские добродетели подробно описал в интересных воспоминаниях. Еремина он причесывает под свою гребенку.

«Правильной «розыскной» работы, без «провокаций, без раздуваний». Это говорится о Еремине, который организовал побег Рысса и, по-видимому, вел все дело с последним! О нем мне много рассказывал Герасимов... В отношении Сталина самое слабое место — утверждения о его работе в Петербургском Охранном Отделении. Вздор, что его мог «перевезти с собою» Еремин: Сталин в 1909—1913 гг. не жил в Питере больше

¹ Архив Гуверовского института, фонд Б. И. Николаевского. — *Примеч. Ю. Ф.*

² Там же. — *Примеч. Ю. Ф.*

нескольких дней. Его постоянно арестовывали. С сотрудником так не поступали бы. Самое большое, о чем может идти речь, это о том, что Сталин был сотрудником на Кавказе, — но тогда не с Ереминым, а до него, так как с 1908 г. Сталина начали арестовывать и на Кавказе. К тому же Еремин был в Тифлисе, а Сталин после экска на Эриванской площади центр операций перенес в Баку. Самое большее, о чем можно говорить, это о том, что Еремин в Тифлисе узнал о прежней работе Сталина. Еще раз спасибо. Жалею, что мы не повидались.

Лучшие пожелания.

З. И. Перегудова

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?¹

Документ, подтверждающий это, все же оказался фальшивкой, за которой целый исторический детектив

Точку в незатухающем споре о причастности Сталина к царской охранке попытались на этот раз поставить «Известия» (19 сентября 1997 г.), сообщившие, что в Нью-Йорке, в Толстовском фонде, обнаружено письмо заведующего Особым отделом Департамента полиции Еремина в Енисейское охранное отделение от 12 июля 1913 года. Один из столпов всероссийского сыска открытым текстом осведомляет подведомственную ему службу о том, что «административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского Г. Ж. управления ценные агентурные сведения... а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения». Прокомментировать документ мы попросили ведущего научного сотрудника ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), известного исследователя политического сыска в дореволюционной России Зинаиду Ивановну Перегудову.

* * *

Отстаивая свою точку зрения в споре о «провокаторстве» Сталина, автор этих строк менее всего хотела бы, чтобы ее позиция была воспринята как попытка его реабилитации. Впрочем, сегодняшнее отсутствие доказательств связи Джугаш-

¹ Общая газета (9—15 октября 1997 года) № 40 (219), с. 15. — *Примеч. Ю. Ф.*

вили с охранкой не исключает того, что завтра она будет установлена. Во-вторых, как бы ни была одиозна фигура Сталина, долг историка — точно и скрупулезно анализировать документы.

Первым публикатором так называемого письма Еремина стал сорок лет назад (!) известный американский ученый-советолог Исаак Дон Левин. В журнале «Лайф» в 1956 г. он сообщил, что получил «письмо» от трех русских эмигрантов «безупречной репутации». Им его передал М. П. Головачев, тоже эмигрант из России, проживавший тогда в Китае. Ему письмо досталось от некоего полковника Руссиянова, служившего в свое время в Енисейском жандармском управлении.

Теперь о сути. Дело в том, что своего сенсационного письма о Джугашвили-Сталине Еремин не писал и не мог написать. Вот мои доводы.

1. Письмо на листке со штампом «Заведывающий особым отделом департамента полиции» направлено начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. Уже здесь содержатся сразу три ошибки, которые вряд ли мог допустить такой ас политического сыска, как полковник Еремин. Со второй половины 1910 года для Особого отдела были заказаны новые бланки, где в штампе слово «заведывающий» было заменено на слово «заведующий». В 1913 году Енисейского охранного отделения не существовало, был только Енисейский розыскной пункт, его заведующим был действительно ротмистр Железняков, но не Алексей, а Владимир Федорович!

2. Угловой штамп письма существенно отличается от типографски выполненного штампа. Номер исходящего документа (2898) существовал, однако принадлежал не сыскному отделу Департамента. И, наконец, штампы «входящего» и «исходящего» там, где в них от руки вписаны даты, заполнены — и это видно невооруженным глазом — одной и той же рукой.

3. Сталин в письме назван полным именем и фамилией. В официальных бумагах того времени написали бы, как тогда было принято, — «Иосиф Виссарионов». Фамилия «Сталин», повторенная в письме шесть раз, Департаменту полиции была известна как принадлежащая автору статьи по национальному вопросу, но вряд ли жандармы к тому времени соотносили этот псевдоним с поднадзорным Джугашвили.

4. Письмо датировано 12 июля 1913 года. Но еще за месяц до этого Еремин переведен в Финляндию начальником жандармского управления и подписать письмо, назвавшись заведующим Особым отделом, уже не мог.

5. ГАРФ располагает множеством документов за подписью Еремина, очень характерной. Графологическая экспертиза од-

нозначно установила: подпись под посланием Железнякову не принадлежит Еремину.

6. В «письме» говорится, что Сталин вступил в сотрудничество с Охранкой после ареста в 1906 году. Но в имеющемся в архиве подробном списке арестованных в связи с провалом Авлабарской типографии Сталин отсутствует.

7. Слухи о причастности Сталина к провокациям появились давно, еще в 1910 году. Поводом послужили многочисленные провалы в Бакинской организации РСДРП. Списки секретных сотрудников, действующих в Бакинской организации, хранящиеся в ГАРФе, насчитывают в эти годы 20 человек. Сталина среди них, хотим мы этого или не хотим, — нет.

Тогда кто же был автором документа-фальшивки и зачем она ему понадобилась? Фамилия этого человека выше уже называлась: Руссиянов. В сентябре 1915 года ротмистр Руссиянов сменил ротмистра Железнякова на посту заведующего Енисейским розыскным пунктом.

Судя по «письму Еремина», оно могло быть изготовлено только лицом, знавшим специфику оформления таких документов. Но в данном случае автор фальшивки слишком понадеялся на себя, на свою память. В материалах Временного Сибирского правительства Колчака есть приказ министра внутренних дел — Руссиянов назначается начальником Акмолинского областного управления государственной охраны. Если сравнить материалы Сибирского Временного правительства и «письмо Еремина», то в стиле их оформления, в малозаметных деталях больше сходства, чем с документами Департамента полиции.

В отличие от полковника Еремина, который как профессионал вызывает своего рода уважение, Руссиянов не был человеком, скрупулезно соблюдавшим все необходимые формальности, его скорее отличала самонадеянность и импульсивность, к тому же есть документы, где ставится под сомнение его моральная чистоплотность. Взвесив все это, можно допустить, что именно Руссиянов изготовил фальшивку.

Графологическая экспертиза по моей просьбе была проведена крупным специалистом, юристом-графологом Диной Петровной Поташник, которой были представлены и подлинные документы с автографами Руссиянова. Экспертиза с большой степенью вероятности удостоверила, что подпись в подражание Еремину была выполнена именно Руссияновым. Полагаю, что «письмо» было изобретено в 1945—1947 гг. Возможно, у Руссиянова была своя корысть: революция в Китае заставила многих белоэмигрантов перебраться в Америку. Возможно, он захотел набить себе цену, и «документ» показался ему своеобразной визой для въезда в США.

Когда статья З. И. Перегудовой была уже заверстана в номер, «Известия» (2 октября 1997 г.) выступили с новой публикацией «Еще раз о Сталине, агенте охраны». Доктор исторических наук Юрий Фельштинский из Бостона (США), откликаясь на первую публикацию газеты и упрекнув проф. Юрия Хечина, «окрывшего» в Толстовском фонде давно известный «Ереминский документ», в свою очередь предлагает читателям «действительно новый документ, касающийся провокаторства Сталина, который нигде ранее не публиковался, — посланное из Франции в США В. Макарову письмо генерала Спиридовича». (Вадим Макаров — один из трех русских эмигрантов, доставивших «Ереминский документ» И. Дон Левину. Как сообщает Ю. Фельштинский, свое письмо жандармский генерал Спиридович написал в 1950 году).

Смысл обстоятельного письма Спиридовича — оценка «Ереминского документа». Генерал задается вопросом — «не является ли письмо Еремина подложным, поддельным?». И отвечает решительно: «Нет». Мы спросили у З. И. Перегудовой, читала ли она новый материал в «Известиях» и что она думает о письме Спиридовича?

— Конечно, прочла, — ответила Зинаида Ивановна, — мне и прежде доводилось читать Спиридовича, в частности — его «Записки жандарма», но с опубликованным в «Известиях» письмом прежде знакома не была, с тем большим интересом читала. Мне было любопытно узнать, что представление Спиридовича о своем сотруднике, которого он неплохо знал, во многом совпадает с моим, составленным мной при чтении ереминских бумаг. Что касается оценки генералом «письма Еремина», то она неубедительна и противоречива. Нельзя забывать, что Спиридович писал Макарову, когда ему было около восьмидесяти.

Его главный аргумент — самый слабый: «И своими недоговорками, и всей своей «конспирацией», — пишет Спиридович, — оно (письмо Еремина) пропитано тем специальным «розыскным» духом, который чувствуется в нем и заставляет ему верить». Но «Ереминский документ» скорее вызывает сомнение отсутствием в нем необходимого «духа конспирации»! Ведь именно Еремину принадлежит циркуляр для подчиненных, предписывающий ни в коем случае не представлять в деловой переписке данных «о действительных имени, отчестве, фамилии, звании секретных сотрудников, что становится известным всем служащим» и что, по убеждению Еремина, является «нарушением основного требования конспирации». И сам же это правило нарушает, называя поднадзорного Джугашвили по имени и отчеству, не забывая даже его псевдоним

«Сталин»?! И этот документ Спиридович хвалит за «конспиративность»!

Еще сомнительная деталь. Вряд ли пути Еремина и Сталина пересекались на Кавказе, как предполагает Спиридович на том основании, что с 12 января 1908 года Еремин был назначен начальником Тифлиссского Жандармского управления. Ведь Сталина в это время в Тифлисе уже не было и завербовать его в секретные агенты Еремин не мог. Сталин тогда жил в Баку, где был другой жандармский начальник, да и то больше находился под арестом и в ссылке — то в Вологде, то в Сольвычегодске. Кстати, столь частые пребывания секретного агента в тюрьме и ссылке нехарактерны для тогдашних порядков. Все остальное у Спиридовича тоже не более чем предположения.

Хочется еще раз напомнить о серьезной графологической экспертизе, которой были подвергнуты подписи Еремина и Руссиянова. Это с большим основанием подтверждает, что «Ереминский документ» все-таки фальшивка.

* * *

Итак, конец еще одной сенсации? Важнее сказать другое. Стремление публикаторов во что бы то ни стало доказать, что Иосиф Джугашвили таки был агентом-provокатором, вынуждает их верить бумагам, практически не устраивая им проверки на подлинность. Что же до самого вопроса, то он интересен, но малосущественен: не забудем, что у Сталина были гораздо большие грехи, чем сотрудничество с охранкой.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
Исаак Дон Левиц. ДОКУМЕНТ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СТАЛИНА К ЦАРСКОЙ ОХРАНКЕ	22
Александр Орлов. СЕНСАЦИОННАЯ ПОДОШЛЕКА ОСУЖДЕНИЯ СТАЛИНА	30
СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА, подтвержденные госпожой Марией Орловой, 28 сентября 1955 года ..	62
С. Э. Эстрин. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	148
«СТАЛИН ЗНАЛ, ЧТО ДЕЛАЛ». Невостребованное сообщение знаменитого разведчика	152
И. Дон Левиц. ВЕЛИЧАЙШИЙ СЕКРЕТ СТАЛИНА	275
ИЗ ПЕРЕПИСКИ Э. СМИТА И ДЖ. КЕННАНА	365
Ф. Д. Волков. «СТАЛИН — АГЕНТ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ»	384
Г. Арутюнов, Ф. Волков. ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ	388
А. Самсонов, академик. Комментарий к статье Г. Арутюнова и Ф. Волкова «Перед судом истории»	393
Б. Каптелов, З. Перегудова. БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?	394
З. Л. Серебрякова. БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ	410
ВЕРСИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ	414
З. Л. Серебрякова. ЕЩЕ РАЗ О ПРОВОКАТОРСТВЕ СТАЛИНА	418
З. Л. Серебрякова. СТАЛИН И ЦАРСКАЯ ОХРАНКА	424
Ф. Д. Волков. БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ? ..	427
З. Л. Серебрякова. СТАЛИН И ОХРАНКА	442
Валерий Ярославцев. ПАНТЕОН ГЕНЕРАЛИССИМУСА	446
З. Серебрякова. ИОСИФ И РОМАН	453
Александр Образцов. ВРАГ	460
Ю. Фельштинский. ЕЩЕ РАЗ О СТАЛИНЕ, АГЕНТЕ ОХРАНКИ ..	467
И. Дон Левиц. ПИСЬМО Б. И. НИКОЛАЕВСКОМУ	473
Б. И. Николаевский. ПИСЬМО И. ДОН ЛЕВИЦУ	473
З. И. Перегудова. БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?	474

БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?

Редактор *Ю. Фельштинский*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Т. Фатюхина*
Корректор *Т. Семочкина*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.
Подписано в печать 11.01.99 г.
Гарнитура Таймс. Формат 60×90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. л. 31,32. Заказ № 35.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ТАИНЫ

„Та сая көр историкалар жазып, бизди ан Сталиндин өңүрүнө (Израил) ? Биз ан сая жашыруу бизне кара жазыптырлар урматташтарыбыз? Анткени, биздин жаштар урматташтыр отурат ан зор сыяк, булар исе Пышангычык өңүрүн материалды - жаштар, саялы, жазыптыр - анжондуу жазыптыр анжон жазыптыр, биздин жаштар исе жазыптырлар Сталинди.

ИСТОРИЯ

ISBN 6-300-02417-1

9 786300 024170